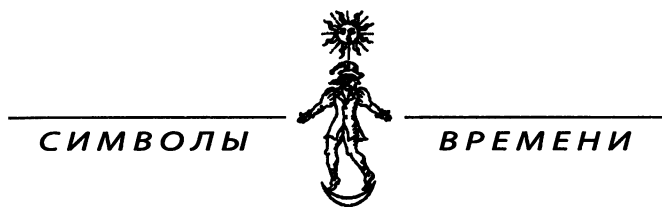

*Ерина Кнорринг. Париж, 1930-е годы.
Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

ИРИНА КНОРРИНГ

ПОВЕСТЬ ИЗ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дневник
продолжение

Москва
АГРАФ
2013

УДК 821.161.1-312.6Кнорринг И.Н.+821.161.1(093.3)(092)
Кнорринг И.Н.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Кнорринг И.Н.
К53

Оформление Людмилы Митич

Печатается по машинописным копиям, выполненным

Н.Н. Кноррингом

Подготовка текста *Н.М. Черновой*

Комментарии, аннотированный указатель имен *И.М. Невзоровой*

Научные консультанты – д.ф.н., проф. *Т.В. Саськова* и д.ф.н.,
проф. *В.П. Океанский*

Редактор французского текста – *А.А. Бессонова*

Кнорринг Ирина Николаевна.

К 53 Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2-х томах, том 2. Подгот. текста Н.Н. Кнорринга, Н.М. Черновой; коммент., аннот. указ. имен И.М. Невзоровой / Ирина Кнорринг. – М.: Аграф, 2013. – 592 с., илл. – (Серия «Символы времени»).

ISBN 978-5-7784-0434-2

Дневник поэтессы Ирины Николаевны Кнорринг (1906 – 1943), названный ею «Повесть из собственной жизни», публикуется впервые. Второй том Дневника охватывает период с 1926 по 1940 год и отражает события, происходившие с русскими эмигрантами во Франции. Читатель знакомится с буднями русских поэтов и писателей, добывающих средства к существованию в качестве мойщиков окон или упаковщиков парфюмерии; с бытом усадьбы Подгорного, где пустил свои корни Союз возвращения на Родину (и где отдыхает летом не ведающая об этом поэтесса с сыном); с работой Тургеневской библиотеки в Париже, детских лагерей Земгора, учреждений Красного Креста и других организаций, оказывающих помощь эмигрантам. Многие неизвестные факты общественной и культурной жизни наших соотечественников во Франции открываются читателям Дневника. Книга снабжена комментариями и аннотированным указателем имен, включающим около 1400 персоналий, – как выдающихся людей, так и вовсе безызвестных.

УДК 821.161.1-312.6Кнорринг И.Н.+
821.161.1(093.3)(092)Кнорринг И.Н.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Кнорринг И.Н.

ISBN 978-5-7784-0434-2

©И.Ю.Софиев и наследники, 2013

©Н.М. Чернова, архив. материалы, подгот. текста, 2013

©И.М. Невзорова, аннот. указ. имен, коммент., 2013

©П.Ю. Невзоров, коммент., 2013

©Издательство «Аграф», 2013

ДНЕВНИК

Том II

16 сентября 1926 — 24 сентября 1940

Предисловие

«...Они-то, может, и встретятся, если захотят», – писала, находясь в изгнание, Ирина Кнорринг, имея ввиду своих близких, *не покинувших Россию* в годы лихолетья. Однако, о них было известно крайне мало. После выхода в свет первого тома *Дневника* произошел мощный информационный прорыв *в былое* – в историю как семьи Кнорринов, так и всего заволжского села Елшанка, где находилось родовая усадьба. Все, что удалось узнать о близких поэтессы, боль за которых сохранили строки ее *Дневника*, вошло в содержание *Аннотированного указателя имен* и размещено в справках на персоналии.

За возможность проникновения в историю заволжского села и семьи Кноррингов нужно благодарить уроженцев Елшанки – организатора нашей краеведческой экспедиции Т.С.Жукову (Тольятти), директора Елшанской школы Г.Е.Маколину, сторожила села П.К.Вавиличеву, Т.С.Сахарову (Москва), супругов Винокуровых (педагоги коллежа в Самаре), Л.Н.Свистуну (учитель литературы, краевед). Они помогли нарисовать план села и усадьбы Кноррингов, расшифровать документы и идентифицировать фотографии, хранящиеся в архивах Н.М.Софиевой-Черновой (невестки И.Кнорринг) и Г.Д.Петровой (двоюродной племянницы И.Кнорринг), а также предоставили неизвестный доселе материал. Нам удалось также поговорить с жителями Елшанки, они оказывали всестороннюю помощь (даже вырывали из семейных альбомов фотографии, рассказывающие о прошлом села). Отрадно отметить, что в Елшанке до сих пор существуют добрые воспоминания о Кноррингах, рассказы и легенды, связанные с ними.

В дополнение к именам, указанным в первом томе *Дневников*, и в разделе *Библиографии* второго тома, хочется выразить глубокую благодарность сотрудникам архивов и фондов: Н.В.Новиковой (РГИА), Т.И.Свиридовой (Сергиевский историко-краеведческий музей), М.А.Котенко, Е.Г.Дорман и Н.П.Белевцевой (Дом русского зарубежья им. А.И.Солженицына), Л.И.Петрушевой, А.А.Федюхину и Е.Ю.Борисовой (ГАРФ), Е.К.Дейч и З.К.Водопьяновой (РГАЛИ), Т.Н.Жуковской, Д.А.Беляеву и Г.Н.Датновой (Дом-музей М.Цветаевой), И.Я.Горпенко-Мягковой (Булгаковский дом), С.А.Шестакову, С.В.Механикову и В.Ф.Санжаровцу (Керченский историко-краеведческий заповедник), Н.В.Рыжак (РГБ), сотрудникам Государственного архива Самарской области, д.ф.н. В.П.Океанскому (Шуя), д.и.н.

С.В.Волкову и Г.В.Шевченко (Москва), О.Н.Григорьевой (Омск), А.Н.Ивановой (Самара), Харольду фон Кноррингу (Швеция), Фрэнку фон Кноррингу (Финляндия), Е.В.Белениновой (Германия). Названные лица, как и неназванные, отзывчивые люди, способствовали сбору материала и выходу в свет данной книги. Низкий им поклон.

И.М.Невзорова

Тетрадь IX

16 сентября 1926 – 7 апреля 1927

Париж

16 сентября 1926. Четверг

Письма не было.

23 сентября 1926. Четверг

За эту неделю произошли события, кот<орые> мне хочется отметить. В воскресенье были у нас Софиев и Войцеховский, знакомые Папы-Коли по Монтаржи, когда он ездил читать лекцию. Оба они очень симпатичные и производят впечатление именно интеллигентных людей. Войцеховский – юрист (бывший, конечно); может быть, поступит в Институт. Софиев – филолог и поэт. Ему все-таки пришлось читать стихи, и, скажу без преувеличения, они меня ошеломили. Прекрасные стихи. Этот, конечно, в два счета забудет и Ладинского и Терапиано. И свежее что-то в них, и без «модернизации», и просто, и тонко так. Мне даже не хотелось читать после него.

Этот вечер оставил след. Мне захотелось ближе подойти к ним (они еще представляются мне одним целым). Все, что было последнее время – Костя (даже Костя), Институт, студенческая жизнь, – все отошло куда-то далеко; на первое место выдвинулась опять поэзия, в ее чистоте и красоте. Опять потянуло к чему-то старому, к разговорам и стихам, может быть, даже к Союзу поэтов; к тому, одним словом, с чем я почти порвала, и сделалось до боли досадно, что туда, в эту область, Костя со мной не пойдет.

Письма от него все нет, теперь уж ясно, что и не будет. Думаю о нем столько же, но уже без прежнего хорошего и радостного чувства. Что-то темное и почти болезненное в этих мыслях о нем. Не пишет. Не ответил на то мое письмо (как можно было не ответить?). Значит, не хочет знать? Совершенно вычеркивает меня из своей жизни? Разрыв, даже не прощаясь? Или просто выжидает, проверяет себя? Или меня? Или просто надоела ему назойливая девочка, когда особенно стала проявлять признаки истерии? Что бы то ни было, а его поведение жестоко. Но никогда больше я ему этого не скажу. Вот к чему привела откровенность!

Я вот так говорю, так вот и думаю и стараюсь убедить себя, что прежнего не будет, а когда Мария Андреевна крикнула мне из сада: «Ирочка, вам письмо», — как забилося сердце, перехватило дыхание, я помчалась к ящику, шлепая своими большими туфлями, как я сразу простила ему его молчание и готова была опять назвать себя счастливой. Значит, он еще не стал мне чужим, и не пропало желание видеть его совсем близким. Значит, это я только хорохорюсь, когда говорю: «Черт с ним!»

А письмо было от Лили. Сегодня мне предстоит тяжелый разговор с Мамочкой о нем. Она вчера, когда мы остались вдвоем, просила прочесть, «если есть что-нибудь новенькое». Я неопределенно ответила... «После, сейчас не хочется». «Не отстоялось?» «Да, не отстоялось». Сегодня мы опять остались вдвоем, и придется все прочесть и, следовательно, все, или почти все, сказать. Господи, с какой бы радостью я об этом говорила, если бы знала, что он меня любит. А теперь придется лгать, выгораживать его, недоговаривать. Ну, будь что будет! Только бы не плакать.

Была у Манухина. Оказывается — не долечилась. Надо продолжать. Один сеанс уже был во вторник, еще два, потом месяц перерыва, и еще — три. Опять ем кашу, лежу, ужасная была вчера слабость, и нервы шатаются.

Получила письмо от Лили. Предлагает вместе снять комнату в Латинском квартале за 240 фр<анков>. Сказала об этом письме Папе-Коле, он даже ничего не ответил. Вечером еще один разговор с Мамочкой. Если бы не лечение, я бы переехала не задумываясь. Хотя и не знаю. У меня такое чувство, что я не имею права уходить из дома, что я совершенно опустошаю жизнь своим. А переехать в Париж хочется и начать новую самостоятельную жизнь.

30 сентября 1926. Четверг

Хочется записать все, как оно было. А было вот что: в воскресенье был Карпов, мы с ним ходили в парк и говорили о Косте. Удивительный это человек, как с ним легко и просто быть откровенной. Я рассказала ему все и о последней встрече, и о моем письме, и о его молчании. У него совет один — надо рвать. «Зачем?» «Да потому, что после будет больше». Мне показалось, что у него есть какое-то предубеждение против Кости, спросила его об этом. «Нет, не знаю. Но когда вы мне тогда в беседке сказали: “Костя”, я почувствовал, что во мне шелохнулось что-то против него. Ревность, может быть. Предубеждения нет. Раз я Вас люблю (а полюбить Вас я могу!),

так что же я могу чувствовать к человеку, кот<орого> Вы любите?» Я рассказала ему о моем первом письме, о Люксембургском саде, на что последовало его восклицание: «Да он просто баба! А вы уверены, что он вас любит?» «Он сам в этом не уверен». «Как!? Он в этом не уверен?!» «Видите ли, может быть, он просто очень щепетилен в таком вопросе, очень осторожен. Я с самого начала просила его никогда мне не лгать и никогда не преувеличивать...» Он меня перебил: «Э, дорогая, Вы просто хотите его оправдать. Зачем? Надо кончить. Ведь Вы же не выйдете за него замуж, когда он не уверен, что любит Вас». «Нет, конечно». «Так неужели же Вы не встретите такого человека, кот<орый> Вас действительно полюбит?»

А во вторник — письмо от Кости. Я еще лежала в кровати после сеанса, когда Папа-Коля передал мне белый конверт. И два дня после этого я опять чувствовала себя счастливой. Письмо небольшое, но откровенное. Тогда оно показалось мне теплым и хорошим, теперь уже отношусь к нему более критически. Попробую проанализировать. Долго не писал, потому что считал неуместным после нашего последнего разговора писать «открытку с приветом». Справедливо. А сосредоточиться не было времени. Допускаю. Мое письмо его задело тем сильнее, что упреки мои были справедливы. Хорошо. Чувства его по отношению ко мне «еще не оформились в его сознании». Так. Знаю. Боюсь, что когда оформятся, так поздно будет. «Куда я могу такую тебя вести? Простая связь? Имею ли я право?» Вопрос уместный, дальше: «Брак? Мне надо проверить себя». Хорошо, но ведь не только же от него это зависит! Он этим словно ставит меня в какое-то глупое положение, как будто я стараюсь женить его на себе. Доля правды в этом есть, я бы не отказала ему сейчас, но, после всех этих обдумываний и проверок — я не знаю. Дальше пишет о том, как хорошо в Ницце, как жаль, что нет меня, а то бы, вероятно, все темные тени, кот<орые> легли на наши отношения, исчезли бы сами собой. Кончается как будто тепло и дружественно.

Так. Его письмо мне подняло настроение. Конечно, когда он придет ко мне, не будет той холодности, кот<орую> я ему готовила: конечно, брошусь на шею и расцелую. И так будет продолжаться долго. «Ира, подождем еще». Я помню эту фразу его письма. И будем ждать. Мне хотелось сразу же написать ему хорошее, веселое письмо; показать, что-то темное, что было в Люксембургском саду, забыто; мне хотелось, чтобы это письмо встретило его в Париже. Чтобы он сразу вспомнил обо мне и

почувствовал, что я его люблю, что я его жду... Да так и не написала.

Да. И так будет долго. Начнутся занятия в Институте, будем каждый вечер встречаться. Вероятно, в свободные дни будет приезжать ко мне. Буду ласкова и заботлива. Хочу, чтобы, в конце концов, он меня полюбил и почувствовал, что он потерял со мной. Я совершенно уверена, что он и сейчас любит меня (это, по крайней мере, то чувство, которое я называю любовью), что, порвав со мной, и он почувствует в жизни пустоту — чего-то хватать не будет.

А пока я его жду. Очень мне интересна эта встреча. Я, во всяком случае, набралась достаточно сил, чтобы быть готовой ко всему, Костя, милый!

2 октября 1926. Суббота

Вчера был Костя. Пришел с букетом гвоздик «из Ниццы». Может быть, и правда из Ниццы. Веселый и чуть-чуть странный, как будто человек из другого мира. По обыкновению пошли с ним пройтись по Врансас'у. За калиткой первым делом поцеловались. Все, как и прежде. Но что-то все-таки изменилось. Стало меньше «страстности», поцелуи уже не опьяняют, не дурманят, сердце не бьется сильнее. Слово это вошло в привычку и стало чем-то вполне естественным и обычным. Но появилось что-то дружеское, какая-то искренность, стало легче быть откровенной. Так, например, такой маленький факт. «Пойдем на вечер казачьего хора?» «Нет». «Почему?» «Денег нет». «Пожалуйста, об этом не думай». «Нет, не пойду». «Ну, отчего? А до нашей последней встречи пошла бы?» «Нет, это тут ни при чем». «Так что же, не хочешь одолжаться что ли? Мне кажется, что между нами этого быть не может». «Нет, Костя, не потому. Просто дома были по этому поводу крупные разговоры...» И он уже начал обсуждать целую систему заговора, да я его остановила. Вот мелочь, а раньше я бы ему этого не сказала. «Ира, ты меня прости за последнюю встречу. Я уж так себя ругал потом». «И я тоже». «Меня?» «Нет, себя». Посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Дома меня удивила Мамочка. Как она до сих пор не ревнует меня к Косте! Ведь не может же она примириться с тем, что я его люблю? И ведь не может же она этого не знать! Так почему же она такая? Не только не показывает виду Косте, но и со мной о нем не говорит. Как будто ничего нет и не было. А вчера было даже так, как будто Костя стал до некоторой степени «своим человеком». Такое поведение Мамочки меня очень радует, но

еще больше удивляет и поэтому — пугает. Буря должна разразиться.

А за это время и со мной что-то произошло. Я мало кого видела, жила одна, как-то отвыкла от всех, от прежней жизни. Когда вчера Костя позвал меня пойти сегодня в «наше» кафе, я ответила «нет», и так мне показалось странно опять собраться всей бандой в кафе, кокетничать, спорить о политике и т.д. Конечно, я к этому опять вернусь и не скажу, что с неохотой; наоборот, я с большим интересом жду начала занятий в Институте и всего, что с ним связано. Мне просто странно опять вернуться к этой жизни, такое впечатление, как будто все это было давно-давно.

А я взяла себя в руки, «держу себя в струне». Чувствую какой-то подъем, ничего не боюсь, ничто меня не пугает. Хочется, чтобы скорее началась зима, начать занятия и много работать. Я ничего больше не боюсь — ни драм дома, ни возможной связи с Костей. «Все, что будет, будет хорошо». Я сделалась спокойной — надолго ли? — и все приму, что будет. И еще одно, что меня радует: меня потянуло к поэзии. Я почти ничего не пишу, не вышла из круга любовных стихов, но меня тянет к себе поэзия. Стала пересматривать свои старые стихи и захотелось над ними поработать, отшлифовать, переделать в корне. Раньше со мной этого не было. Потянуло даже к Союзу поэтов, и с каждой почтой я теперь жду повестки.

Радует меня все: и хорошая погода, и голубой туман, и новое платье, и предшествующий концерт, и особенно то, что опять, после стольких месяцев, чувствую себя здоровой, сильной и спокойной.

15 октября 1926. Пятница

Давно я писала, а многое произошло. Времени не было ни минуты, еще важнее — не было такой минуты, когда никого не было дома. Вот — теперь.

События были плохие. Мамочке надо делать серьезную операцию. Мало шансов, что ее можно избежать (вот сегодня она еще пошла к врачу), но едва ли. Когда я об этом узнала, меня словно кто обухом по голове хватил. Старалась не показывать вида, а потом все-таки, «под каким-то предлогом», расплакалась. Теперь успокоилась совершенно. В современную технику я верю, несчастных случаев не боюсь. Конечно, тяжело все это, и хуже всего — нервы... Но я совсем спокойна. Может быть — пока только. Но тогда, в субботу, мне казалось, что больше и думать ни о чем нельзя. Скорее бы уж только все-таки.

В воскресенье – собрание в кафе Volée Союза поэтов. Пере- выборы правления. Терапиано сложил свои полномочия, мотивируя тем, что не хочет вносить в Союз идеологию «Нового Дома». Выбирали новое правление. Много крику было. Кандидатов на пост председателя было два: Ладинский и Монашев. Я не хотела ни того, ни другого и решила подать пустую записку, но в самый последний момент одумалась и, следуя пословице «из двух зол выбирай меньшее», подала голос за Ладинского. И одним лишь голосом он и был выбран! За дело принялся энергично. Новая метла чисто метет!

Провожал меня Монашев. Я не видела его 5 недель. И встреча оказалась репахющей. У нас завязался серьезный разговор, а поезд уходил через 10 минут. «Дима, я еду с последним поездом. Идем, поговорим». И мы пошли на вокзал; сели около какой-то закрытой кассы и говорили. Разговор передать трудно, даже невозможно. Конкретных фраз не было. Дима говорил о каком-то единстве душ, о родстве их, о том, что любит меня и будет любить что бы ни было. Мне, наконец, стало его жаль, и я решила раз навсегда все покончить. И когда он меня спросил: «Ну, говори, чем же ты жила это время?», я ответила: «Знаешь ли ты, что в мою жизнь вошел один...» Потом сказала и кто. «Что ж! Человек он неплохой. Дай Бог тебе счастья! Но помни, что я всегда останусь твоим другом». Мне было его очень жаль и чуточку – себя: ведь он, действительно, любил меня. Так же я оттолкнула Шемахина, кот<орый> также, может быть, меня любил.

Теперь о Косте. Он был два раза, т.е. заходил еще в прошлую пятницу днем, но не застал меня. Первый раз Папы-Коли не было дома, мы сидели втроем, о чем-то мило разговаривали и потом пошли с Мамочкой проводить его до мостика. Второй раз был в среду. Говорили о концертах, об операх, и я молчала. Мне хотелось пойти погулять, и я закинула удочку: «Костя, а на дворе сейчас холодно?» «Да, очень сыро и неприятно». Я сочла это за нежелание остаться со мной вдвоем, обиделась и упорно молчала. Так, что даже когда говорили о «Князе Игоре», Костя спросил: «А ты-то что все молчишь. Тебе понравилось?» На что получил лаконическое: «Да». Когда он уходил, я по обыкновению вышла «зажигать свет», проводила его до дверей. Казалось, в этот момент еще можно было что-то удержать, что-то поправить, что-то нужное сказать. «Так будешь в субботу на вечеринке?» «Да, вероятно. Хотя я еще и сама не знаю, пойду ли». «Да? Я тоже не уверен». И почему-то оба смеялись. «Ну,

иди, опоздаешь на поезд». Он поцеловал мне руку и встал. Мне нравилось его целовать, когда он уходил. Этот тихий поцелуй «на прощанье» оставлял какое-то хорошее и теплое воспоминание. Почему этого не было тут? А ведь в этот день было написано стихотворение «Не километры разделяют нас». Мне вспомнилась последняя строфа... и сделалось так грустно-грустно. А слез не было. Сколько раз за это время мне хотелось написать ему письмо. Я удерживала себя. Пусть он начинает... Я молчу и жду. Показать ему стихи? Специально читать, без его просьбы – нет. А если он будет на том вечере Союза, где я буду выступать – прочту.

Была на «Князе Игоре» в концертном исполнении с оркестром и хором. Здорово понравилось, особенно половецкие танцы, стихийное что-то.

А временами бывает так, что я необыкновенно остро, почти физически, чувствую, как я люблю его. Тогда кружится голова и перехватывает дыхание. И хочется крикнуть полным голосом: «Будь что будет! Ничего не боюсь! Ведь я его люблю!» И я кричу, пишу стихи, и хочется мне скорее прочесть его Мамочке, и сказать ей, и говорить с ней об этом спокойно, тоном взрослой (как хорошо сознавать себя взрослой!) и дать отпор всем ее упрекам и обвинениям. И это сейчас, когда почти неизбежен разрыв! Когда Костя все дальше уходит от меня.

2 ноября 1926. Вторник

Не так уже и давно не писала дневник, а кажется, вечность.

3 ноября 1926. Среда

Первый факт, который мне хотелось запечатлеть за это время – это разговор с Мамочкой. Это было уже давно. Я ей читала стихи. И, против ожидания, разговор этот был не только тихий и мирный, но даже приятный. А повторить его я не могу. Когда Костя вчера попросил передать, я не смогла. Смысл в том, что «ты, де, себя хорошо знаешь, это меня очень радует, ты не ошибешься и т.д.»

С тех пор я как-то стала спокойнее. От Мамочки нечего скрывать (т.е. почти нечего), это легче. С этой стороны все обстоит хорошо.

Была на докладе Бадьяна, но об этом не стоит уже писать. Была два раза подряд у Левы. Занятно живет эта коммуна: Лева, Карпов, Лиля, Белый. Занятно, пожалуй, хорошо, весело, богемно, но все хорошие товарищи. А все-таки я бы так

долго жить не смогла. Пожалуй, и хорошо, что я не поселилась с Лилей.

В какое-то из воскресений Карпов заехал за мной, и мы поехали на вечеринку РДО. Там был Войцеховский, а мне он нравится. Особенно хорошо было, когда мы вышли на улицу и пошли пешком до St.Lazare. Посмотрели краешком глаза ночной Пигалль, настроение было веселое, бодрое, дождь моросил, и Андрей Георгиевич был очень весел – все это вместе и создало такой особенный колорит. Шли вчетвером: я, Карпов, Обоймаков и Войцеховский. Заплутались, и А.Г. шел пешком в Медон. Это был момент, когда я сердилась на Костю, потому что мне особенно понравился А.Г.

Еще один эпизод, более давний. Было еще одно собрание поэтов, кот<орое> не состоялось, ибо, кроме трех членов правления и одного запасного, пришла одна я. Немного поговорили и разошлись. Ехать домой не хотелось, и я пошла с Ладинским гулять. Мне было интересно повторить этот номер теперь. Теперь мне стала понятна вся пошлость его отношений ко мне. Мы сидели на Pont des Arts*, читали стихи. Против ожидания, он очень одобрил мои, сделал 2 ценных замечания. А когда разговор пошел на другую тему, было смешно и немножко противно. «Пустите мою руку». «Я боюсь вас потерять». «Вы меня уже давно потеряли». «Серьезно? А, может быть, я вас сумею найти?» «Никогда». Дальше разговор шел в более резком тоне. «Несите мой портфель, чтобы руки у вас были заняты». «Идите домой, вам спать пора» и т.д. После этого я уже прямо говорю о нем: «большой пошляк».

Началась моя работа у Капрановых.

Пошла по объявлению и на другой же день начала работать. Тоже кукольная мастерская. Чувствовала я себя там с первого же дня, как у Моравских, не в своей тарелке. Во-первых, меня засадили за машину, а машинка еще моторная; потом там страшная безалаберщина, и нужна своя инициатива, чего у меня нет. Ездить туда очень далеко, за Pèrre Lachaise; одно хорошо – две француженки, я за несколько дней и то уже ощутила пользу. И была очень огорчена, когда в субботу мне сказали, что «пришлют письмо», надо ли мне еще приходить. Стало ясно. Письмо это сегодня я получила.

Получила письма от Лели и Нины. Лелино письмо по обыкновению хорошее и дружеское. От Нины – несколько другое дело. С ней у нас нет общего языка. Она мне пишет: «Пила ли

* Мост Искусств (фр.).

ты чай с сахарином?» Этот вопрос меня разозлил. Это сейчас характерное явление — они там сидят и думают, что только они что-то пережили за это время, а мы даже не можем равняться с ними, не смеем ставить себя на одну доску. Ссориться с ней не хочется, а все-таки я ей в том же тоне отвечаю.

Еще событие: мы переехали на другую квартиру, под Капрановыми, здесь у нас 2 комнаты, большие и «меблированные». Правда, моя комната опять проходная, и вся мебель в ней — один зеркальный шкаф, но все-таки своя комната и свой стол — из швейной машины. Близко от трамвая, от лавок; недалеко от Монпарнасского вокзала. Вообще, я довольна, хотя, конечно, это далеко не то, о чем я мечтала.

И самое хорошее, самое приятное — это вчерашняя встреча с Костей. Он был у нас в понедельник, и мы уговорились, что на другой день я поеду в Trocadéro покупать билеты на «Садко», и там мы встретимся. Билетов не было, зато мы 4 ¹/₂ часа просидели в кафе, словно какая-то стена разрушилась. Было так легко и приятно говорить, и было о чем говорить. Он много рассказывал о своей жизни, о семье; я — о гимназии, о своих. Говорили друг о друге; и смешно, что раскрывали, главным образом, темные стороны. Были откровенны. Я читала стихи. Так близки и так дружны мы еще никогда не были. Всего, о чем говорили, не передашь, и всего, что почувствовали, не назовешь словом. Только осталось такое хорошее-хорошее чувство. Думаю, что у него тоже. Как хорошо и просто, что недалеко от тебя есть такой хороший, близкий и любимый друг.

Одно меня угнетает, что нет работы.

6 ноября 1926. Суббота

События последних дней.

Во-первых, скандал на вечере памяти Винавера, учиненный «марковскими молодцами». Среди пойманных — Грибков и Володя Доманский. Володя и шел «ради спорта». И хуже всего то, что все они чувствуют себя героями. Мне почему-то очень жаль Володю. Уж лучше, если б Вася попался, а этого я помню еще таким мальчиком. Чем комсомол хуже нашего *нац*сомола?

Дальше — события вчерашнего дня.

С утра поехала по одному объявлению — работа на дом, и я от нее отказалась. Поехала к Гофман. Оказывается, они давно уж уехали. Пошла пешком к Манухину. Отмахала значительную часть Парижа, а с каждой улицей связаны свои воспоминания. Дорога от Гофман до St. Lazare, мимо кладбища Montmartre — прошлая зима, когда я часто бегала узнавать,

нет ли работы, и не было денег даже на метро. Rue Amsterdam – мастерская Моравских, зашла даже в то кафе, где всегда пила кофе с круассанами. St. Lazare еще не уснувшие воспоминания, и большой Bazar d'Amsterdam, куда я часто заходила и почти всегда покупала то карандаш, то cornière*, то еще что-нибудь – почти всегда, когда не было денег. Дорога от St. Lazare до Étoile, по бульвару Haussmann и avenue Flandrin. Обратный путь мы совершили в день после доклада Миллюкова, возвращаясь из Булонского леса, на одной из этих скамеек мне сделалось плохо; вот угловое бистро, где мы пили пиво. Тогда Костя собирался ехать в Ниццу – это была последняя встреча до моего письма... Étoile, Arc de triomphe** – в первую неделю по приезде я была тут и побоялась перейти площадь. Теперь перешла: туда – смело, оттуда – робко; видела могилу Неизвестного солдата и даже лазила наверх арки. Там охватили меня новые странные ощущения и мысли... Avenue Kléber, там я была только раз, в первую неделю по приезде, когда ходила к Дмитриеву за рекомендацией для поступления на Houbigant. Trocadéro, площадь, кафе, где мы сидели недавно. Rue Franklin, рядом rue Vineuse. Я знаю, там раньше был книжный магазин «Le Source»***, где мы с Папой-Колей были на третий день по приезде.

Наконец, Манухин. У Манухина все благополучно, т.е. не у Манухина, а у меня: никаких пятен не осталось. Кончила лечение!

Прихожу домой, а у нас Антонина Ивановна: «А я к вам приехала с вещами». Я сразу поняла, в чем дело, а большего до сих пор не знаю. Очевидно, обычная ссора с Женей из-за того, что пыль под диваном, и она уже не выдержала. Он бросил ей фразу: «Убирайся к своим большевикам!» Она собрала свои узелки и приехала к нам. Сегодня пошла на Houbigant и еще по нек<оторым> адресам.

На столе у меня письмо от Тоси. Такое тяжелое, что я до сих пор не могу отделаться от ужасного впечатления. Она несчастна, отчасти – это ее семейная жизнь, но основа всему – общее положение в Сов<етской> России. Она пишет такую фразу: «После первого знакомства и любви мы поссорились. До этих пор он мне мало нравился». Значит, можно отдаться человеку, кот<орый> даже и не нравится. В старой России и

* Угольник (фр.).

** Площадь Звезды, Триумфальная арка (фр.).

*** «Родник» (фр.).

в эмиграции таких понятий нет. Дальше: «...я не сделала аборта отчасти из боязни его, отчасти...» Неужели же аборт такая вещь, что нужно оправдываться, почему она этого не сделала. И дальше: «Ты девушка или полудева, как теперь все?» Дав яркую характеристику мужа, я бы сказала одним словом: хулиган, добавила бы – комиссар и неврастеник. Все это возможно, конечно, только в Сов<етской> России. Мне ее ужасно жаль. Подумать только: ей нет еще и 20-ти лет, а уже сошлась, не любя, вышла замуж, столько намучилась за 2 года замужества, потеряла сына,... и уже «ничего не хочется». Это ее фраза, как в Наташином письме.

Вечером была в Trocadéro на «Садко». Места были врозь. Я слушала, но как-то плохо, все думала о Тосе. Костя сидел неподалеку, но в антрактах ни разу не подошел. Не видел? Едва ли, ведь он билет-то брал. Немножко грустно, но не очень. Будет хуже, когда вот такой окрутит меня, как Тосю, а ведь она тоже не из «быстротающих» была.

И даже хуже.

Работы нет, денег нет.

Сегодня первый вечер у поэтов, а мне даже идти не хочется. Вчера начались занятия во Франко-русском институте. Жаль, что общее настроение как-то упало, и нет того подъема, как месяц тому назад.

7 ноября 1926. Воскресенье

Вчера была на вечере молодых поэтов. Что мне там понравилось – отремонтированное помещение и мое отношение к некоторым из поэтов. Так, напр<имер>, с Майер и Гансон мы перешли на имена, т.е. на «Лену» и «Валю». Не обошлось без скандала.

После перерыва вдруг появляется Андреев и заявляет, что будет говорить. Ладинский его останавливает, но он упорно, ровно продолжает говорить, что в «Новом Доме» помещена статья, ругающая молодых поэтов; что в журнале принимают участие нек<оторые> молодые поэты и что это «хамство». Кое-как инцидент стихает. Читают Луцкий, Монашев, остается Ладинский, – как появляется Сосинский и требует слова. Ладинский не дает. Он настаивает. «Мы должны закончить программу, тогда – пожалуйста». «Пять минут». «Три минуты». «Не могу». «Я требую!» Из задних рядов, где сгруппировалась группа Андреева, женский голос: «Требуем! Требуем! Требуем!» «Но публика требует». Ладинский остроумно замечает: «Я слышу только один

взволнованный голос...» «Но вы не слышите и протесты». Тут публика начала шумно выражать протест. Говорить ему не дали. Читал Ладинский, сильно волнуясь, потому и плохо. Потом объявил вечер закрытым. Тогда опять выскочил Сосинский и стал требовать слова. Берт заявил, что «вечер закончился, и теперь здесь я хозяин помещения и прошу публику расходиться». Сосинский влез на стул, тут трудно было разобрать — крики, взволнованные голоса, падающие стулья. После долгого шума ему все-таки дали говорить. Он говорит: «В “Новом Доме” помещена возмутительная статья, ругающая нашего великого писателя Ремизова и нашу великую поэтессу М.Цветаеву, называю эту статью хамской, гнусной, подлой, и пусть моя речь будет автору публичной литературной пощечиной».

Встретила там Бек-Софиева. Познакомила с Ладинским («Очень приятно», — и с важным, деловым видом — дальше), с Монашевым и Майер. Обрато пошла с Софиевым. Рассказывал про Институт. Не хотелось спрашивать, поступил Войцеховский или нет. Он опоздал на поезд и поехал проводить меня в Севр. С ним можно интересно поговорить о стихах, о процессе творчества, о Блоке. Но с А.Г. веселее.

9 ноября 1926. Вторник

Вчера была в Институте. Впечатление от этого первого дня очень различно. И хорошо и плохо. Вчера смеялась, а сегодня плачу. В Институте много нового, много и старого. Сидела на том же самом месте, что и весной. Только Шемахина не было, сидел рядом Белый. Софиев и Войцеховский также были. Читал Гессен два часа. Первый час я слушала с большим интересом, хотя немного раздражала его манера топтаться на одном месте; много записала, особенно первую половину, почти дословно. Во второй час он уже мне надоел, и я почти ничего не записала.

Во вторую половину Костю я посадила в середине, третьим. В перерыв он мне сказал: «Ира, спасибо тебе большое за открытку (я после того разговора послала ему вид Brancas), она мне доставила огромное удовольствие, больше, чем все твои письма», — и улыбается, такой славный. А во время лекции: «Твои знакомые здесь?» «Да». «Где?» — и оглядывается. Я их познакомила. По обыкновению собрались у ворот. Лиля и К° как-то отбились от нас, а мы, т.е. я, Костя, А.Г., Софиев и Карпов пошли в кафе. Пили вино. Было очень весело. Компания подошла. Курила. Просидели почти до 12 час<ов>. Уговаривали меня ехать в Медон, обещая угостить макаронами. Было такое

настроение, что и Костя, и политикины поехали бы. Я бы тоже поехала, если бы не Мамочка. Софиев и Войцеховский меня провожали. Мы рассчитывали, что опоздаем на последний трамвай, и были огорчены, когда узнали, что трамвай еще будет. И все равно пошли пешком. Что Войцеховский может быть таким, каким он был, — это я знала уже, а о Софиеве не думала. Пришла домой в 1 ¹/₂. Там беспокоились, но как-то не очень, м<ожет> б<ыть>, сдерживало присутствие Антонины Ивановны.

На другой день я говорю, что вы мол меня рано не ждите никогда, что может всегда выйти так, что я вернусь очень поздно, и даже сказала — «с первым трамваем». И Мамочка сразу взяла нехороший тон, что «мне это не нравится, чтобы ты прогуливала ночи где-то там» и т.д. Забыла что ли, как сама ночи напролет прогуливала? И ведь любит об этом рассказывать. И это меня взорвало так, что я решила раньше часу домой не возвращаться. И что-то резко бросила, вроде того, что «буду жить, как мне хочется, и попрошу не вмешиваться».

Сидела и переписывала лекции. Первую лекцию Гессена я записала очень хорошо, но чтобы ее расшифровать и переписать, надо часа три. Где же я возьму столько времени? Я даже чуть ли не впала в отчаяние. Главное, было досадно, почему Лева мог собрать все лекции, а я нет. Ведь мы с ним вместе начинали, друг у друга брали, а теперь — у него все, а у меня почти ничего. И ясно, что ничего и не будет, это простая арифметика. Но мне так показалось обидно, что я сидела хмурая, и надутая, и в меланхолии. Вечером Папа-Коля пришел ко мне и начал мне что-то очень много говорить о том, как в его время студенты занимались, что надо записывать только один какой-нибудь курс и т.д. А у меня нервы так уже были напряжены, что я расплакалась, и потом он еще начал меня поддразнивать и чуть не довел до истерики. Я огрызалась на него и на Мамочку, и даже так, как никогда еще, и кончилось это большой ссорой. Хорошо, что уже ложились спать. Неприятно очень, был момент, что я опять решила уехать и жить одна, да как-то глупо и уж очень драматично: Антонина Ивановна — к нам от Жени, а мне — от нас... к Жене, что ли?

Сегодня (я дописываю уже 10-го) с утра ни с кем не разговариваю, пошла к Кольнер — надо было поговорить по поводу работы. Погода хорошая, шла в Шавиль пешком — настроение поднялось. Обратно поехала поездом, хотелось изучить дорогу от вокзала. Дошла до дому — и опять на вокзал, м<ожет> б<ыть>, есть какая дорожка ближе. Дома сначала опять не

разговаривали, потом как-то обошлось. А вообще дома стало опять неприятно. Жаль, что завтра Мамочкины именины, я бы пошла на лекцию Гессена в РДО, а так выйдет какая-то демонстрация. А для выражения своего недовольства и в виде протеста решила купить себе пачку папирос.

11 ноября 1926. Четверг

Вчера опять вернулась из Института во втором часу. Дома уже спали, но все-таки для выражения неудовольствия время нашлось: «Каждую ночь!..» «Насколько тебя хватит!..», «Что за манера!» и т.д. «Пей молоко». «Не хочу». «Конечно, вино пила, так теперь молока не будет». Милые разговоры!

А задержалась я опять потому, что, во-первых, собралась компания (кроме тех же, был Шемахин, оба супруга Парен и их спутник, и Аврамов), как было не посидеть? А во-вторых, канун праздника, значит, завтра рано не вставать. Как было не соблазниться такой заманчивой перспективой. И почему надо себя сдерживать, отказывать себе в удовольствии весело провести время? Ведь это так скоро надоест, так скоро станет невозможным.

Папирос я себе купила, курила много. Пила вино. Было очень весело.

Вышли мы раньше, чем в прошлый раз, но от Porte de St.Cloud шли пешком. Мне нравятся мои новые знакомые. Подкрепление из Монтаржи довольно сильное. В субботу я уговорилась с ними идти на Montmartre на fête. Одна беда, что нет денег. Опять садимся на мель. Если бы я зарабатывала, я бы чувствовала себя хорошо и свободно. Когда я работала у Вахромеева, то так и рассчитывала, что буду платить каждый месяц 200 фр<анков>. А на 280 всегда сумела бы прожить. И открыток бы сама себе накупила. Сегодня получу работу самую противную – манто киевским швом.

13 ноября 1926. Суббота

Сегодня идем на Montmartre кататься на корове. Войцеховский зайдет за мной в 7, а Софиев и Лиля встретятся в городе.

А завтра общее собрание, выборы старостата. Вчера мы пытались подобрать кандидатов. – Костя, Обоймаков, а дальше – расхождение; я говорю – Муретов, Лиля – Шемахин. Беда только, что все будут отказываться. А с Шемахиным у нас что-то неладное. Черная кошка пробежала, и сидим-то мы теперь врозь.

Получила вчера письмо от Наташи, и какой-то неприятный осадок остался от него. Какое-то расхождение и расхождение. До последнего письма все-таки я чувствовала что-то родное. А теперь как-то слышится другое: отчужденность, небрежность, может быть, трудно с ней быть откровенной, как раньше.

15 ноября 1926. Понедельник

Во-первых, суббота. Войцеховский зашел за мной вовремя, а я его задержала, и в результате мы опоздали на 25 минут. Пришли в кафе – никого. Сидим, ждем – никого. Очень было неприятно, решили, что Лиля была и уехала. Настроение упало. Софиева тоже не было. В конце концов, решили идти на ярмарку. Там нас догнал Софиев, он опоздал на час – у него вышло недоразумение с поездом, сел на direct*, кот<орый> идет прямо на Versailles, это на него похоже. Пошли на fête. Сначала настроение было кислое, потом рассеялось. Играли на каких-то лотереях, какие-то кольца закидывали на движущихся птиц, выиграли с Войцеховским утку, катались в каких-то каретках, кот<орые> во все стороны вертятся и притом кругом с сумасшедшей быстротой. Одним словом, получили полное ярмарочное удовольствие, кот<орое> возможно только в Париже, промокли под дождем и пошли в кафе пить грог. В кафе интересные типы, американские матросы, проститутки, джаз-банд. С большим интересом наблюдала я жизнь ночного Парижа. Очень тяжелое впечатление произвела на меня одна проститутка, некрасивая, но богато одетая, она как-то держала себя иначе, чем другие; по-видимому, ей нездоровилось, а потом заплакала. Пьяное, некрасивое лицо, слезы, безобразно искривленный рот, и рядом целующий ее матрос, ничего не понимающий по-французски. В другом кафе наш разговор мало подходил к окружающей обстановке. Говорили только я и Софиев. Об искренности, о вере, о Христе и Мыслителе. Уже не первый раз Софиев захватывает меня своими разговорами, своими словами. Особенно помню один момент, когда мне хотелось сказать ему многое, очень многое, – он сказал: «Меня мучают два образа – Христос и Мыслитель с Notre-Dame. Сильные образы. Какого из них я больше люблю, – не знаю!» Затем, растирая рюмкой пепел на блюде, вдруг быстро добавил: «А может быть, и знаю, так, лгу только». Этот вечер оставил сильное впечатление: Montmartre и

* Поезд прямого сообщения (фр.).

наши разговоры, и слова, и голос Софиева, – и в кафе, и ночью, когда мы шли пешком домой. Он мне нравится и глубиной своей и искренностью.

Вчерашний день. Общее собрание – очень много крику, шуму, «это ложь!», «подлец!» и т.д. Костя был председателем, и я им прямо любовалась, замечательно вел собрание, так спокойно, не повышая тона. Доклад Кагана и отчаянная, порой даже безобразная и огульная критика. Сложил свои полномочия. Доклад Левы по поводу издания записок. Выборы нового старостата. Во время прений, когда м<ада>м Парен сказала, что «после такой критики никто не согласится быть старостой», я переменила тактику и согласилась выставить свою кандидатуру. Я прошла большинством голосов, Костя, кажется, получил на 2 меньше, потом Муретов. Запасными членами выбраны Обоймаков и Шемахин. Нам даны самые широкие функции, поручено в течение недели решить вопросы относительно записок и представить проект общему собранию.

21 ноября 1926. Воскресенье

События последних дней стоят в памяти каким-то густым туманом. Страшного в них не было ровно ничего, вообще не было ничего сильно волнующего. А я чувствую, что начинаю запутываться и сама себя не понимать.

Я сегодня много курила, и у меня голова болит, а потому весь сегодняшний день представляется сплошным туманом. Что-то странное и дикое было в Союзе поэтов. Рассказывали, как Терапиано поджидал Сосинского в подворотне и ударил его по лицу. Так что, значит, тот вместо литературной пощечины получил реальную. Сосинский извинился перед Союзом за тот инцидент; принят обратно в члены Андреев – все шло как-то само собой, а придя домой, я перестала все понимать. Союз приближается определенно к «Верстам», ведущим в Москву. Ссорится с «Звеном» и т.д. Глупо.

Работа в старостате. Беготня в YMCA, заседания после лекций, возвращение с последним поездом и т.д. И единственный конкретный, рельефный и ясный образ – Софиев. Вчера он был у меня. Мы читали друг другу стихи. И в довершение всего он попросил у меня тетрадку, и я, почти без колебания, дала. Ведь это самое большое, что я могла сделать – дать прочесть все стихи. Это значит – все сказать! Все! А разве мне этого не хочется? Разве я не хочу рассказать ему все, даже то, чего я еще сама не осознала!

А разве не было и так: когда с первого заседания Костя провожал меня на вокзал, и я боялась опоздать на последний поезд — зачем скрывать — ведь я не только не боялась, я этого хотела, безумно хотела остаться с Костей и — будь что будет! А потом отдавать все стихи, даже с посвящением «Косте» — Юрию. Мне только не хочется, чтобы об этом знали дома. А все, что стоит вне этого образа, представляется сплошным густым туманом. Где-то я бываю, что-то узнаю, передаю, записываю, волнуюсь и забываю.

Должно быть, накурилась я сегодня...

22 ноября 1926. Понедельник

Ехали поездом, я опять уговорила медонцев ехать поездом. Юрий мне говорит: «Я еще вам не вернул тетрадь. Мне очень многое надо высказать по поводу ее, но только с одним условием, с одной просьбой». «Ну?» «Я буду касаться самого интимного...» «Хорошо».

А ты прости мою жадность,
Бесстыдную жадность к твоей душе!

25 ноября 1926. Четверг

Сегодня мне выпал замечательный день. Капрановы просили меня съездить в Villepreux отвезти головки художнику. Я, конечно, с радостью. В Версале мне пришлось ждать поезда 3 1/2 часа, и я с чемоданчиком, коробкой и портфелем отправилась в парк. Там было замечательно. Почти — никого. Деревья уже совсем без листьев и туман, туман...

Как хорошо теперь в Версальском парке,
Когда в тумане прячется Версаль,
Когда пространства скудны и не ярки,
Когда каналы, серые, как сталь.
И над дворцом лениво выются галки.

Потом я села над оранжереей, над пропастью, села на барьер, смотрела долго и пристально в туман, кот<орый> сливался с прудом и в кот<ором> вырисовывались леса, леса. Смотрела и думала о Юрии. Может быть, все и было так хорошо потому, что я думала о Юрии. Потом поехала. Настоящая французская деревня и поля, поля, расхлябанные колеи дорог. Еле нашла его (художника — И.Н.). Отдала головы. Пошла на вокзал. Обратного поезда пришлось ждать 2 1/2 часа. Пошла гулять по дорогам, по полям. И такую почувствовала

радость жизни, что захотелось кричать. Привычка сдерживаться сдержала и тут. Я только остановилась, улыбнулась и закурила. На вокзал пришла минут за 40, когда уже почти стемнело. Села с ногами на скамейку в углу, в «зале» (керосиновая лампа висит – чем-то далеким, родным повеяло), озябла и курила папиросу за папиросой. Хотелось есть, а денег не было. Но все это было очень хорошо. И опять думала о Юрии, о том, быть может уже недалеко, моменте, когда я назову его Юрием. Думала о Косте. Пора сознаться (хотя я этого от себя и не скрывала никогда), что я пошла в старостат только ради Кости. Все, что я говорила о словах м<ада>м Парен, – вздор, я тогда еще старалась себя оправдать. Проще: еще до начала собрания, говоря с Костей и студентами, стало ясно, что он будет выбран. А если он будет, а я – нет, значит, он совсем уйдет от меня, а я этого больше всего боялась. Все, что угодно, только бы встречаться с ним, хотя бы на деловой платформе, только бы быть с ним вместе, хотя бы на наших заседаниях, только бы он не ушел совсем из поля моего зрения! И для этого я взяла лямку и тяну ее добросовестно, хотя и очень неумело и бестолково и часто чувствую себя не в своей тарелке. Костя сам не понимает, не сознает, что я для него, что ему не так легко будет потерять меня. Он это поймет, почувствует!

27 ноября 1926. Суббота

Идем вчера из Института. Затащили меня они ехать поездом. Шли не торопясь, заходили еще в Ротонду пить кофе. Пришли на вокзал за одну минуту до отхода, и это нас очень огорчило, т.е. то, что надо ехать. Т.к. просто повернуться и пойти на улицу было глупо, то мы «опоздали». Когда поезд прошел мимо нас, мы с облегченным сердцем пошли гулять. Следующий шел через $1\frac{1}{2}$ часа. Ходили по темным улицам и говорили. Т.е. говорил-то Юрий, иногда я, А.Г. молчал. Юрий мне сказал, что в последнее время у него появилась привычка на ночь читать мои стихи, а потом класть «этот маленький предмет» под подушку.

Сегодня они должны были оба прийти ко мне, да, наверное, теперь уже не придут. А завтра мы с Юрием едем в Версаль...

28 ноября 1926. Воскресенье

Могу ли я отдать себе отчет в сегодняшнем дне? Едва ли. Ездили с Юрием в Версаль. Сидели в пустом кафе, пили грог, потом неистово целовались. Разве я не знала, что так будет? Он

мне говорил: «Первый раз я видел тебя года полтора тому назад на вечере поэтов. Ты читала о загаре, об арабских кострах. Мне понравились и стихи, и автор. Я тогда еще не знал, что это — Ирина Кнорринг, с тех пор я стал упорно думать о тебе. Я не был влюблен, конечно, это другое. Потом, когда я начал встречать в “Посл<едних> Нов<остях>” твои стихи, я сразу понял, у меня не было сомнений, что это ты тогда читала. Потом приехал Ник<олай> Ник<олаевич>. Я у него спросил: “Кто это — Ирина Кнорринг?” “Да это моя дочь”, — говорит. Ну, мне неудобно было расспрашивать о тебе, я только спросил: “Она блондинка?” Сомнения у меня не оставалось. Потом я приехал в Париж и здесь я в первый раз видел тебя на годичном собрании РДО. Ты была с Карповым. Я тебя узнал. А потом, помнишь — у Манухина. Я увидел тебя в окне, когда ты шла, а у меня появилась страшная уверенность, что ты тоже идешь к Манухину. Ты сидела и читала, а я все никак не мог найти повода заговорить с тобой. Потом (так глупо, так неловко все) я спросил адрес Ник<олая> Ник<олаевича>. Иринка, этот адрес у меня был в той же книжке! Потом я в первый раз пришел к вам. Я с тобой мало говорил, но я был занят только тобой одной. Потом Институт, и дальше ты все знаешь. Это какая-то обреченность, Ирина». Может быть, побежденная такой колоссальной его уверенностью, я оказалась совершенно бессильной. Еще вчера можно было все оставить, предотвратить. Костя, любимый, неужели же ты не хотел!

Потом пошли в парк. Шел дождь. Мы промокли до костей, но нам все было нипочем. Шли, улыбались, целовались. Стемнело. Решетка была заперта, нам пришлось идти кружным путем. Озябли, продрогли и пошли опять пить грог. Потом домой. Вот и все.

А как много произошло за этот день! Люблю ли я его? Наверно, да. Но дело не в этом. Такого вопроса и ставить нельзя. Дело в «обреченности». Он меня нашел. Конечно, мне и в голову не придет сомневаться в искренности и правдивости его слов. И, конечно, у меня уже нет выбора. Разве я этого не хотела, разве не знала, что так будет?!

30 ноября 1926. Вторник

Вчера Мамочка лежала. Папы-Коли не было дома. Я готовила обед, собиралась остаться дома. Пришла Антонина Ивановна, уговорила ехать. Опоздала, приехала минут за 15 до конца первой лекции, — читал Марков политическую экономию.

Костя пришел к концу второй. Юрий с самого начала беспокойно смотрел на дверь, А.Г. не был вовсе. Вторым читал Гурвич. После лекций пошли (староста с Гурвичем, его женой и Юрием, как неизменным атрибутом) в кафе. Говорили об издании записок. Гурвич начал уверять, что это вовсе не так необходимо, что можно заниматься по книгам. Как я на него напустилась! Я сама себя не узнавала, откуда такая прыть, он даже смутился. Разошлись, очень довольные друг другом.

Ехали с Юрием поездом, одни в купе. В его отношении ко мне есть что-то чуть-чуть как к ребенку, как к маленькой сестренке. Это даже трогательно. От вокзала шли медленно и пытались быть откровенными. Я говорила: «Я не могу найти нужного слова, я еще чувствую к тебе... Я еще к тебе не привыкла». А когда появились такие нелюбимые красные огни на трамвайной линии (где починка) – грустно стало. Прошлись до этих огоньков, потом назад и так – около часа, а то и больше пробродили по темным улицам. «Ирина, я хочу, чтобы ты знала меня таким, как я есть, чтобы ты все знала». И он рассказывал мне о своем детстве, о своей любви, о трудных моментах жизни, и душевном изломе. Я обещала ему рассказать все, говорила о своих трудных моментах; и поняла, что с ним легко уже быть откровенной.

Счастлива ли я? Вероятно. Разве бы я могла быть иначе такой безудержно веселой, так говорить с Гурвичем, подраться в Институте с Левой?! А если бы я его не любила, разве я бы думала о нем так, все время, каждую секунду?

И – как всегда – дома иная картина. Бесконечные разговоры о том, что я подтачиваю свое здоровье, что это безумие так возвращаться и т.д. Сама не помню как, но я сказала, что чувствую дома какую-то недоброжелательность. Слово было неудачное. И, в конце концов, Папа-Коля заплакал. Ведь это же ужасно, когда он плачет, это не Мамочкины первые слезы. Я только осталась довольна собой и – ни одной слезы.

Как странно. И потом, самые счастливые минуты у меня были тогда, когда я уходила из дому. Есть ли тут какая-нибудь зависимость?

7 декабря 1926. Вторник

Надо записать три дня: субботу, воскресенье и понедельник. Буду краткой.

Суббота. Вечер у поэтов. Я читаю. Как только я в четверг прочла объявление, написала Косте, зная, что он будет в пят-

ницу: «Неужели же ты не будешь на вечере у поэтов?» В пятницу сказала Юрию, и он обещал быть. Психологически этот момент (письмо Косте) мне совершенно не понятен. Зачем я его зову? Ведь я знаю, что буду читать, и знаю, что ему это будет неприятно. М<ожет> б<ыть>, именно это? Не знаю. Не было ни того, ни другого, и это меня очень огорчило. Вообще не было никого из знакомых. Это было грустно. В первом отделении читал Зайцев. Во втором – Оцуп, потом я. Читала: «Еще дурманит», «Не километры», «Переполнено сердце мое». Стихи понравились, это было видно по всему. После конца подходит ко мне Зайцев, знакомит с женой и племянницей. Она, оказывается, теперешняя жена Е.А.Куфтина, знает меня по какой-то сфаятской фотографии. «Но вы были тогда совсем девочка». А Зайцев: «Да она еще в прошлом году девочкой была. Я помню, приходила ко мне...» Хвалил стихи, просил дать для «Перезвонов». Огорченная отсутствием Кости и Юрия, я пошла в Ротонду, пила с Леной Майер на брудершафт, много курила и смотрела на себя в зеркало: была довольна. С последним поездом поехала с Очерединым. И в вагоне почувствовала себя невыносимо скверно. Как доехала, как дошла до дому – не знаю.

В воскресенье днем вдруг с улицы: «Ирина Николаевна!» Юрий. «Идем гулять?» «Идем». Через полминуты вышли. «Идем ко мне». «Идем». Что дальше – писать трудно. Я могу писать очень подробно обо всем, что было до этого, а о самом хорошем не могу. Ограничусь мелкими фактами. Показывал мне, шутя, карточки Мариамны, ее записочки. Читал стихи Кутузова. Я рассказывала о своей любви к Косте. Помню: я распустила волосы, растрепались от поцелуев, сижу, локти на стол, руки на плечи, и держу его руки; он стоит сзади... Потом... ну, я не могу. Мне было очень хорошо с ним, и ничего больше не хотелось. Разве мало – чувствовать около себя такого хорошего, милого, любимого и близкого человека?! Вдруг робкий стук в дверь, Юрий высовывается. «Ты разве не был у Кноррингов?» «Был». Впускает Андрея. Мне очень весело, и все смеемся. Андрей, конечно, все понял и чувствовал себя очень сконфуженным, так что Юрий не только не злился на него, но, наоборот, почувствовал страшную нежность к нему, про меня уже и говорить нечего. Он нам сварил чай, сбегал за печеньем. Я обещала к ним приходиться. Провожать он тоже не пошел, и мы с Юрием были счастливы и веселы. Решили с понедельника быть открыто на «ты».

Понедельник. Лекции, конечно, прошли мимо ушей. Андрея не было. Костя сидел передо мной и, естественно, много думала о нем. Написала «Эпилог», передала Юрию. Потом написала еще несколько слов о нем. Почти с болью, во всяком случае, без удовольствия вспоминать какую-то почти детскую растерянность Кости, когда я в первый раз при нем назвала Юрия на ты. Меня что-то кольнуло... С Юрием были откровенны, появилась потребность делиться каждым своим наблюдением, каждым оттенком настроения. Я уже много знаю об его жизни, знаю и его. Он — меньше, но и жизнь-то моя меньше и проще. У нас с ним всегда есть о чем говорить, нет и не может быть тягостного молчания. Мы — близкие.

9 декабря 1926. Четверг

Вчера Юрий ушел после первой лекции, очень плохо себя чувствовал. «Я, — говорит, — пришел только затем, чтобы поблагодарить тебя за большую радость» (Я, сидя без работы во вторник, пошла гулять в Медон и оставила ему коротенькое письмо). После лекции Шацкого ушел. Я уговорила его не ходить в пятницу и обещала прийти к нему... Обратно иду с Костей. В дверях попадается Юлин, кто-то собирается идти в кафе, а я бегу, и Юлин куда-то пропадает, Костя волнуется и т.д. Я плюю на все приличия и тяну его вперед. Сознаю, что надо все сказать, но как сказать? Нужного слова нет или нет мужества произнести его. Молчанье прерывает Костя. «Ира, прости меня, пожалуйста, что я не был на вечере. Я туда приходил, но уже поздно». Я ответила что-то неопределенное: «Ах, так!» Идем дальше. Опять начинает он. «Ты на меня за что-нибудь сердишься?» «Нет, почему ты так думаешь?» «Так мне показалось. Ты как-то странно говоришь со мной». Я молчу. И чувствую, что я его обманываю, что нельзя оправдываться тем, что «он понимает», надо еще сказать. А с другой стороны, зачем говорить? Очевидно, это ему теперь совершенно неинтересно, разве я этого не понимаю? И в то же время нестерпимо жалко: ведь я его бросаю, я его обманываю, он может еще ничего не подозревать. Так идем и молчим. Наконец, сворачивая на St.Germain, я его спрашиваю: «Ты сейчас идешь в то кафе?» «Да». Такой веселый и беспечный, но чувствую, что деланный. Но у метро прощаюсь: «Очень жаль, Костя, что ты сейчас занят». «Я же звал тебя в кафе». «Нет, не то, потом», — и еще что-то бормочу я, сбегая с лестницы, не оборачиваясь. Он что-то говорит сверху, я кричу: «потом» и открываю дверь...

Сегодня Мамочка больна, лежит, высокая температура. Денег нет, ели сегодня одни макароны. Вечером заняла у Капрановых 20 франков. Холодно, ноги распухают, руки болят. И Мамочка больна. А в Медоне Юрий, тоже почти родной и, может быть, тоже больной. Если Мамочке завтра будет легче, пойду к нему.

11 декабря 1926. Суббота

Вчера и сегодня – какая разница!

Вчера я, в первый раз после гимназических лет, совершила сознательный обман: вместо Института пошла к Юрию. Шла, и сердце билось так радостно, радостно. В Медоне он встретил меня. Андрей немного прихварывал и был дома. Он был очень смущен и даже сказал: «Вы уж простите меня». Он все-таки очень симпатичный. Время провели весело. Я распустила волосы, залезла на кровать. Юрий топил печку, пили чай. Потом читали стихи: Юрий – Блока, я – Ахматову. Я чувствовала себя очень хорошо и все думала: почему я так люблю холостяцкие комнатухи, вот эту сутолоку, вообще всю эту жизнь, где не давит гнет «семейного уюта»? Ведь это же правда, что я больше люблю ходить в Медон, чем видеть их обоих у себя.

Провожал меня Юрий. Почти до самого дома, до угла, дальше ему сказала: «Не ходи!» Дома надо сказать, что его не было на лекциях. Юрий, милый, ведь это же правда, что он заполняет всю мою жизнь, что я скоро захлебнусь в этой радости!

Дома – страшное. Мамочке совсем плохо. Температура около 40. Был доктор. Мне даже стыдно стало за свое счастье. И в то же время раздирала какая-то тяжелая радость. Сегодня ей весь день было плохо, только к вечеру полегчало. Я работала только полдня, и потом все была с ней. Внешне я очень спокойна, хотя... Вчера, как пришла, так прямо в пальто, в шляпе и в перчатках села около нее, потом вдруг почувствовала себя плохо, встала, зашаталась, еле добрела до кровати и в чем была, так и повалилась. Может быть, на момент потеряла сознание. А сегодня в 4 часа собралась опять идти к Капрановым работать, дошла до своей комнаты, машинально легла на кровать и заснула. Это со мной бывает только в минуты большого нервного напряжения.

Вечером ей стало лучше. Но вечер был неприятный. Началось с того, что я закурила. А закурила-то я, главным образом, из-за Антонины Ивановны, у нас ведь совсем нет денег, а курить хочется. Я вспомнила, что у меня осталось еще две... Мамочка очень расстроилась, очень неосновательно. Начались

горькие и обидные фразы, на кот<орые> я уже привыкла не обижаться. Вроде: «Мне очень обидно за тебя, что ты так снизилась, потеряла уважение к себе, курят только мидинетки» и т.д. Я была очень спокойна, только раз голос задрожал, когда сказала: «Ты говоришь оскорбительное!» и т.д. Потом начались грустные разговоры о том, что нет денег, а их, действительно, нет, ни гроша; вчера я себе по пятакам собирала на дорогу (остатки на папиросы!). Папа-Коля бросил такую фразу: «Ну, что ж? Скоро будут в газете печатать: “Помогите семье русского беженца Кнорринга”. Дойдем и до Сены...» У Мамочки, конечно, опять поднялась температура и т.д. О, это невыразимое и т.д.! Боюсь, что не смогу завтра пойти к Юрию. Ведь это сейчас единственный человек, которому я могу сказать все, все свои сомнения, а их так много. И как много горя в жизни, рука об руку с такой радостью.

12 декабря 1926. Воскресенье

День был невыносимый. Мамочке плохо. Я к вечеру не выдержала и начала плакать. Плачу навзрыд. Все тут: и Мамочкина болезнь, и мое недомогание, и то, что Юрия не увижу, и то, что вообще все так скверно. Чувствую, что могу дойти до истерики. Наконец, не выдержала, оделась, взяла ключ и пошла. Бегом побежала в Медон. Ходьбы туда нормально, не тихо, минут 45–50. Я долетела в 30. Около дома встречаю Юрия, идет ко мне. Бросилась к нему и, конечно, говорю только: «Юрий». Сразу понимает, что что-то неладно. «Идем ко мне». Приходим к нему, я, не раздеваясь, бросилась на кровать и реву. Он стаскивает перчатки, снимает шляпу, пальто, гладит, целует. Впопыхах что-то ему говорю, очень бессвязно. Он вынимает подушку. «Ляг, отдохни!» Я ложусь и моментально засыпаю. Сколько спала — не знаю. Слышала только и чувствовала, что мы рядом. Потом успокоилась и даже развеселилась. Обратно он меня проводил.

14 декабря 1926. Вторник

Вчерашний вечер все-таки надо отметить. Когда-нибудь мы оба его вспомним.

На лекциях мы оба были спокойны. Ничего не слушали, писали стихи, но были спокойны. Потом заседание, на кот<ором> говорили чепуху. Едем с Юрием. Дорогой я чувствую, что уже совсем не спокойна. Сидим, он держит мою руку. Вагон пустой. «Юрий, говори, — у меня сейчас какой-то необъяснимый порыв нежности к тебе», — и, помолчав, — и, может

быть, не только нежности». На Michel-Ange пересадка. «Ирина, ответь, если сможешь, когда у тебя чувство было полнее, тогда или теперь?» «Теперь».

От Porte de St. Cloud шли пешком. Это было глупо. Оба мы чувствовали себя плохо, поздно. Но настаивать на трамвае я не могла, ведь мне так хотелось идти с ним пешком. Дорогой я почувствовала какой-то странный намек на страсть. Это в первый раз. Скрывать я не стала. Потом говорю: «Юрий, ты не испугаешься, если я завтра приду к тебе?» Не помню, по какому поводу кем-то было уронено слово: благоразумие. «А вот, — говорит, — когда ты не будешь владеть собой, тогда я буду благоразумен». «А ну тебя с таким благоразумием!» «Ну вот!» — смеется. Нервы напряжены до последней степени, хочется много и бестолково говорить. Предупреждаю: «Юрий, это может кончиться слезами». «Да я уж вижу, девчонка». Но кончилось не так. Около avenue de Bellevue вдруг решила идти его провожать и направилась туда. Он, конечно, запротестовал. Т.к. я была совершенно бессильна, он легко отвел меня в сторону. Это было поводом, чтобы все обратить в ссору. Дальше мы шли и ссорились. «Ты воспользовался тем, что ты сильнее». Потом не хотела закрыть шею, он тоже расстегнул воротник. Я распахнула пальто. Он, действительно, рассердился. В голосе его я почувствовала какие-то новые, но такие близкие и милые нотки. Мне стала понятна психология бабы: «Не бьет, значит, не любит». Мне захотелось, чтобы он по-настоящему стал сердиться, выругал бы меня! Должно быть, все это очень скверно, совершенно перестаю быть человеком. Но и неизбежно. Перебеситься уж только бы скорее, да приняться за занятия! А то и зачеты скоро, а у меня такое впечатление, что год еще не начался.

Конечно, помирились. Но, как никогда, тяжело было прощаться. Для меня сейчас ничего больше не существует, кроме моей любви. Вероятно, все это очень мерзко со стороны.

19 декабря 1926. Воскресенье

Вероятно, когда-нибудь мы оба вспомним вчерашний день. Что было — я по обыкновению передать не сумею. Была у Юрия, Андрей пришел в двенадцатом часу. С Юрием до чего-то договорились. До чего — трудно сказать. Он говорил о том, что он, Юрий, человек изломанный, подорванный и т.д. А я ему, что в жизни нет ничего (почти?) непоправимого, и что я его почию и сделаю счастливым. Потом пришел Андрей. А на обратном пути Юрий мне говорит: «Ирина, неужели же

ты победила?» «Конечно». «Откуда у тебя такая сила? Ведь ты для меня преобразила мир, ты меня поколебала в самых основах. Я не верю, что смогу быть таким счастливым». Очевидно, с ним происходило нечто вроде того, что со мной 13-го.

22 декабря 1926. Среда

Вчерашний день нельзя обойти. В понедельник я забыла в Институте перчатки. Обнаружила это только тогда, когда шла с Юрием от Porte de St.Cloud. А тут каникулы. Значит, надо завтра ехать. И конечно, уговорились встретиться смотреть иллюминацию на Place du Palais-Royal.

Встретились и пошли бродить по Парижу. Сначала на Cité, потом я его привела на Pont-Neuf, к статуе Генриха IV, на то место, где я оттолкнула Ладинского... настроение было другое. Пошли затем мимо Лувра, по Rivoli на Palais-Royal, к иллюминации. Конечно, опоздали, пошли на Concorde (все наши любимые места), подошли к обелиску и целовались. «Я хочу, девочка, чтобы тебе также хорошо было со мной, как мне с тобой». Оттуда пошли на Madeleine, там теперь елками пахнет, оттуда на Opéra, оттуда к Lafayette, там сели в метро, а на Porte de St.Cloud – в трамвай. Доехали до места и пошли пешком. Настроение было замечательное. Париж так красив. И оба были счастливы. Прощались у двери. И опять – страсть ударила в голову. Впрочем, состояние у нас обоих было одинаковое, и я даже сказала что-то насмешливое и злое по этому поводу. Прощаемся. Он целует мне губы, глаза, волосы, руки, пальто, ноги. Он обезумел. Я закрываю лицо руками, что-то лопочу: «Юрий, милый, уходи, уходи... я не выдержу», «Ну, как я могу уйти? Радость моя?!» Я обнимаю его шею и чувствую, что никакая сила не оторвет меня. Последним усилием воли открываю дверь, целую его и вхожу. Долго не поднималась по лестнице, вижу сквозь стекло его силуэт. Наконец, ухожу. Снимаю шляпу, зажигаю огонь, проходит минут пять, – и открываю окно на лестнице. Он все стоит под окном. Я знаками говорю ему: «Уйди!» Он долго стоит, потом уходит. А я, совершенно бессиленная, стою в окне...

Это было вчера. Сегодня я обещала к нему прийти. И не пришла. А так много надо было сказать по поводу вчерашнего и, главное, услышать, что он скажет. Ведь так больше нельзя, ведь это уже не радость, эта радость душит, давит, я не выдержу ее! Я сегодня опять проревела весь вечер. Юрий, Юрий! Юрий...Юрий.

24 декабря 1926. Пятница

Вчера была у Юрия. Ему что-то нездоровилось, хоть и не говорил, но видно было. Очень мне обрадовался. Просидели вечер вдвоем, и в первый раз было уронено неосторожное и жесткое слово «разлука». Кажется, это я сказала: «перед разлукой». И сразу оба стали тихими и серьезными, и страшно стало. И еще он мне говорит: «Ты в прошлый раз назвала меня эгоистом. Я прошлую ночь все думал об этом... Да, ты права. Вот в чем: я нездоров. Может быть, у меня и ничего нет, а, может быть, и есть что-то такое в легких. И эта близость для тебя страшна». Я засмеялась и начала теревить его волосы. «Ну, и позапрошлой ночью ты это придумал?» И потом он несколько раз говорил: «Ты вот смеешься, а ведь это очень страшно. Это самое больное место!»

Обещал сегодня вечером прийти. «Если не буду себя плохо чувствовать», и, прощаясь: «Я завтра, конечно, приду». И не пришел. Неужели – болен?

27 декабря 1926. Понедельник

Юрий у меня был 25-го, весь вечер просидел у меня на полу и читал стихи. А вот – вчерашний день. С утра у меня заседание. Ну, заседание глупое и пустое, писать о нем не стоит. Провожает меня Костя. На Porte de St. Cloud заходим в кафе. Я читаю ему стихи, писать об этом трудно. Я поняла, что была не права только в одном: не так просто. Может быть, только в тот момент он почувствовал, что я ему дорога, что терять меня не так просто. Я никогда не думала, что эта встреча будет такой тяжелой и для меня. Мне бы хотелось записать ее подробно: ведь это последняя встреча... Грустно? Да, было грустно. Грустно было отталкивать от себя человека, кот<орый> был так близок. Было жаль его. Прошлого жаль не было. Оно осталось навсегда красивым воспоминанием. Оно неповторимо, умерло. А он жив, он сидел рядом, он изменился в лице, у него стал другой совсем голос... Его-то не убьешь, не превратишь в воспоминание!.. Он-то будет жить, оставшись где-то вне жизни... Он перечел «Эпилог», попробовал улыбнуться: «Ведь это я могу тебе обратить эти упреки!» «За что?» «А в чем я виноват? Как можно было предотвратить? Устраивать сцены?» И я говорила ему о том тяжелом настроении, о том, как я его ждала, как хотела, чтобы он меня не отдал. Если бы я сказала об этом раньше – была бы еще горечь, а теперь – я говорила ровным голосом, как заученный урок, и чувствовала какую-то фальшь во всем этом. «Ну, что же, Ира? Мне только хочется сказать тебе

одно: ты мне писала в одном письме, что будто я смотрю на тебя только как на женщину или как на ребенка. Так вот, верь мне, что ты всегда была для меня, прежде всего, человеком. Я понял, что у тебя громадная и сложная душа... Я знал, что был недостаточно чуток. Теперь мне только остается пожелать тебе счастья». Искренно или нет? «Я плохой человек, Ира, но не настолько, чтобы желать тебе зла». Он проводил меня до Сены. Я молчала. Он изредка ронял фразы. «Сегодня, словно эвакуация какая-то». «А я буду хранить открытку, ту, которую ты мне прислала, Brancas, с такой простой и короткой надписью. Это лучшее, что у меня осталось». Просил написать ему эти стихи. «Сегодня я в первый раз жалею, что я не поэт. Я бы написал простые, человеческие стихи».

Я вот собираю и раскладываю его последние фразы, так бережно, так любовно, стараясь не потерять ни одного слова. Дороги они мне? Да, конечно, дороги, как мне дорого все, что было. Но ведь ни на один момент — это я говорю честно — у меня не было жалости к себе. Да разве может это быть!

Простились у моста. Я шла и оглядывалась. Он смотрел мне вслед. Но даже в том, что я шла и оглядывалась, была какая-то ложь... Мне хотелось написать еще одно стихотворение, простое и человеческое, и не смогла.

Пришла на 10 минут домой и пошла в Медон. Скоро к Юрию приехал отец. Славный старик, немножко не то что жалкий, а выбитый из жизни. Больше, конечно, это по рассказам Юрия создалось такое впечатление. Когда он ушел, я рассказала Юрию о Косте. «Бедная, тебе тяжело!» Он отнесся к этому просто и серьезно. Так, как мне и хотелось.

Скоро пришел Андрей. Вечер провели весело, готовили обед, работали, балаганили, читали стихи. Мне захотелось подразнить Юрия, вот появилось такое желание. И я дразнила — довольно жестоко. Читала отрывки из Ахматовой, кокетничала с Андреем и т.д. Видела, что Юрий начинает злиться, и это меня только подзадоривало. Прощаясь, говорю Андрею: «Ну, зарежет он меня дорогой!». Зарезать не зарезал, а поссорились. Сначала молчали, потом я пристала к нему: «Скажи, отчего ты такой?» Он начал ругать Андрея, что это неуважение ко мне, это какое-то амикошонство*, но что больше всего виноват он, он подал повод и т.д. Я три четверти дороги молчала, потом перебиваю его: «Оставь Андрея. Все, что ты говоришь об Андрее, ты хочешь сказать обо мне. У тебя просто не хватает решимости

* Фамильярность (русизм от «Amis comme cochons» — закадычные друзья).

сказать прямо!» «Честное слово, нет! Поверь, что у меня всегда хватило бы решимости» и т.д. Я уже плакала. Конечно, помирились. Несколько раз проходили мимо дома, не хотелось возвращаться с заплаканными глазами. Боялась, что дома третья драма будет. «Бедная моя девочка! Не везет тебе сегодня! И все это Porte de St. Cloud». Может быть, он и прав.

2 января 1927. Воскресенье

Давно я не писала и очень об этом жалею. Хотя «событий» никаких не произошло.

На Новый год Юрий был у меня. Новый год мы встретили вместе с Арендаревыми, у нас. Я задерживала Юрия. Этот вечер, эту ночь мы были как-то особенно близки. Помню, в той комнате что-то приготавливали; в моей – сидели мы с Юрием, Папа-Коля с Пав<лом> Ивановичем. Юрий сидел боком около стола; я стояла, облокотившись локтями на портфель. В этот момент было столько нежности и любви. Потом мы сидели вдвоем, я читала ему отрывки из этой тетради. Что же еще? Я никогда еще так хорошо и весело не встречала Нового года. Потому что никогда со мной рядом не было такого близкого человека.

Кто мне ближе, Юрий или Мамочка. Надо, наконец, решить – ответить прямо. Кого я больше люблю. На этот вопрос я ответить не могу, это совсем разное. А кто мне ближе? Да, конечно, Юрий. Потому что я никогда и ни с кем не была так откровенна, или, вернее, я не хотела быть такой откровенной, до последних глубин. Это странное явление, этого мне раньше никогда не хотелось. Я даже не представляла и не верила, что это возможно, а теперь вижу, что возможно.

Вчера мы с Андреем прошли Париж по диагонали от Porte de St. Cloud до Porte de la Villette*. Это наша давно задуманная прогулка. Настроение было замечательное, день – великолепный, Андрей такой славный. Коротенькая записочка Юрия («от вашего Отелло») еще больше обрадовала. Прошли бодро. Там, в угловом кафе, около Porte de la Villette выпили аперитив, и повез меня Андрей в «Медведь» обедать. Все это было очень весело. С Андреем у меня странные отношения. Он многое видит, об остальном догадывается. Я не скрываю. Я привыкла к нему, и мне пока что странно называть его – Андрей Георгиевич. Юрий говорит, что не любит его. Я этому не верю.

Вечером вечер в Союзе. Читал Осоргин. Хорошо читал. Почему-то был Муретов, Шемахин с м<ада>м Парен. Монашев:

* Порт Сен-Клу, Порт Ля Виллетт (станции парижского метро) (фр.).

«Можно тебя проводить?» «Да». А сама ждала Юрия, он обещал прийти к 11-ти. Был в подворотне. Пошли в Ротонду. Сидели с Гингером и Присмановой. Обрато ехали с Юрием. От Porte de St. Cloud шли пешком. Он мне рассказывал о своем последнем дне, у него потребность — все мне говорить. И был, м<ожет> б<ыть>, даже обижен, во всяком случае, неприятно было, что я не смогла рассказать ему своего дня. Но ведь это же не нежеланье, это просто неуменье.

Юрий повторил мои мысли. Полная любовь — это именно такое слияние, познание друг друга «до последних глубин», это радость давать друг другу все, что накопилось за день.

4 января 1927. Вторник

Была в воскресенье вечером у Юрия. Этот вечер мы были совсем близко, ближе некуда. Прорываются фразы: «мы будем», «у нас будет» и т.д. Мне казалось, что я по поводу этого вечера целые страницы напишу, а и две-то строчки только написать не могла. И не могу писать! Не могу!

Вчера он был у меня. Сегодня прийти постеснялся: «Слишком часто, Ируня». Завтра он у Демидова, в четверг втроем едем к их приятелю на елку. Господи! Костю я могла не видеть по неделям, а Юрия — не вижу день, и уж, кажется, сил нет больше.

5 января 1927. Среда

Самое замечательное из того вечера: Юрий мне рассказывал сказки. Я лежала на кровати, он сидел рядом и рассказывал сказки: «Красную Шапочку», «Мальчика с Пальчика», «Золушку». Когда он забывал, я ему подсказывала. Он очень хорошо рассказывает. Когда он говорит что-нибудь из своей жизни, он всегда волнуется и заражает меня своим волнением, а сказки рассказывает так ровно, так успокаивающе.

Сегодня была в Институте. По дороге мне вдруг сделалось очень грустно и тяжело на душе. Если бы я верила в предчувствия — вернулась бы.

С Костей отношения натянуты. Старается держаться дальше. Не смотрит в глаза. Ни слова о стихах, что я прислала, и о приписке. Заходила с ним и с Аврамовым в кафе. «С Новым годом и с новым счастьем, Ира!»

9 января 1927. Воскресенье

Сегодня, когда я проснулась, у меня было одно дикое желание: кричать. Реветь белугой, плакать! И весь день я не могла ни кричать, ни плакать. Потом захотелось курить и курю.

Отчего мне так хочется кричать: сама не совсем понимаю. И от радости, и от боли, и от тревоги и страха. Я Юрия люблю, но иногда он почти отталкивает меня. Он бывает страстным («Не путай страсть с похотью, Ирина!» — да я и не путаю). Иногда в его движениях появляется какая-то хищность. Хищная страстность. И когда я встречаю такой упорный взгляд слегка сощуренных глаз, мне становится страшно. «Я буду тебя беречь. Так бы вот взял тебя на руки и пронес мимо всего темного и гадкого». Да, это его фраза, и фраза от сердца. А между тем... когда он опрокидывает меня на кровать и смотрит пристально и упорно и потом начинает покрывать всю меня поцелуями, я чувствую, что он раздавит меня, что я перестану быть сама собой, превращаясь в куклу, в манекен. Его поцелуи иногда бывают мучительны, даже физически.

11 января 1927. Вторник

Вчера на лекциях не было ни Юрия, ни Андрея. Очень беспокоюсь. Думаю, что Юрий расхворался. Скучно было. Таль читал путано и слишком умно. А я отвыкла за каникулы и после дня работы не могла заставить себя сосредоточиться. С грустью и завистью вспоминала, что в прошлом году не только слушала, но и записывала и всегда понимала, о чем идет речь. Очевидно, любовь сильнее туберкулеза.

Шемахин рассказывал, как недавно в глухом уголке Billancourt дрался на дуэли. На шпагах. Ранил противника в голову, сам ранен в руку. Рассказывал, несколько рисуясь, и совершенно не нашел отклика во мне. Мне показалось все это глупым и нехорошим ребячеством.

Мамочка сегодня на работу не ходила. Работы нет, переживание из пустого в порожнее. Надежда Ив<ановна> меня злит: на редкость бестолковая. Николай Ананьевич пришел злой, очевидно, нет заказов. Потом бросил такую фразу Надежде: «В результате, ни больших, ни маленьких не пригодила. Если нет работы, так значит все ателье не работает! У нас не благотворительное заведение». Так я и не знаю: буду я завтра работать или нет. Жаль, что выспаться не успею. А идти туда очень неприятно.

Вечером совершенно неожиданно пришел Юрий, прямо с работы. Молодец! Страшно обрадовал. Читали Ходасевича, потом сказал: «Знаешь, чем я жил все эти три дня? Помнишь, в субботу у меня, я стал у комода рыться в книгах, ты подошла и положила мне на плечо руку, так вот этим прикосновением я и живу. Это меня очень тронуло». А меня очень трогает его

чуткость: все такие движения к нему он всегда заметит и всегда ответит.

Завтра я обещала прийти к нему. Вместо Института отправлюсь в Медон.

16 января 1927. Воскресенье

В среду была у Юрия. Славно провела вечер. Андрея не было. Болезнь совсем вынула из памяти тот вечер. Помню только, что я назвала его нежным хищником. Я в это время задумала стихотворение. Кончить я его не сумела. Так до сих пор и не кончила. Ехала я поездом. Взяла с Юрия слово, что он только проводит меня до вокзала и поезда ждать не будет, было уже поздно. На вокзале я ждала 20 минут и простудилась.

В четверг вечером совсем было плохо. Ночь промучилась. Утром написала Юрию письмо.

Температуры высокой не было. Зато вчера 35,6 и сегодня 35,7. Вечером пришел Юрий. Принес мне сладостей, совсем как ребенку. Я лежала в той комнате. Сидел рядом и тихо-тихо рассказывал сказку. Как я его любила в этот момент!

17 января 1927. Понедельник

Так я люблю Юрия, что больше любить уже некуда. И все у меня сейчас окрашивается и расцвечивается этой любовью. Я готова еще проболеть, только бы со мной сидел Юрий, как эти два последние дня. Дома сейчас, в сущности, очень тоскливо. Разговоры о том, что нет никакой работы, нет денег, живем на займы и т.д. Как все это было страшно в прошлом году и как это до нехорошего мало волнует теперь. «Что же такого, что нет денег, а вечером придет Юрий!»

Вчера был Павлик Щуров. Приходила Наташа, вместе с Юрием сидела на кровати. Поняла. Спрашивает только: «Да?» «Да, — говорю, — и больше, чем ты думаешь». «Я тебе завидую».

Юрий был вчера прямо-таки замечательный. Такой молодой, интересный, глаза так и светились.

Мне все время хочется писать о нем. Да и не только писать, говорить о нем хочется.

Уж так я его люблю, что просто изнемогаю от этой любви.

19 января 1927. Среда

Вчера, когда Юрий пришел, я спала. Мне не то, что нездоровилось, а просто весь день плакать хотелось. И плакала по всякому поводу: Юрий долго не шел — слезы. Пришел, смотрит на меня и говорит: «Через час 10 минут мне надо уходить», —

и я опять заплакала. Потом просто смотрю на него, вижу тревожный, взволнованный взгляд, — и опять плачу. Он тоже был какой-то усталый, м<ожет> б<ыть>, больной. Уйти через час, конечно, не смог. Легла я поздно и не спала. Состояние было нервное и тревожное. Хотелось встать, зажечь свет и писать письмо Юрию. Или завыть вдруг по-собачьи. Я ворочалась под одеялом, кусала себе руки и почти вслух повторяла: «Юрий, Юрий».

Почему-то мне казалось, что он ушел навсегда, или очень надолго, что предстоит какая-то жуткая разлука, кот<орой> я не перенесу. И еще, — мне иногда начинает казаться, что Юрий отходит от меня. Это меня больше всего и тревожит.

И вдруг совершенно нелепая мысль: он ушел. Даже мурашки по спине пробежали.

Нет, это невозможно.

20 января 1927. Четверг

Хочется мне быть совсем объективной, но едва ли удастся сегодня. Да и поздно, уже второй час. И Мамочка усиленно уговаривает ложиться спать. Правда, лучше напишу завтра.

21 января 1927. Пятница

Сидела вчера с Юрием в этой комнате. Он и спрашивает: «Что ты мне хотела сказать в прошлый раз?» Я сначала мялась, «да мне сейчас не хочется», «да у меня сегодня настроение другое» и т.д. Тогда он, видя, что меня лучше не трогать, заговорил сам. «Мне хочется с тобой поделиться своими впечатлениями... о той девочке. О Наташе. Она производит громадное впечатление. Не знаю, конечно, что из нее выйдет. Я бы сказал, что она будет сильная женщина. А сейчас еще возраст у нее такой интересный: эти длинные косы и, в то же время, пробудившаяся женщина. Это такое эстетическое впечатление, у меня ярко запечатлелась в памяти такая группа, мне даже хотелось ее зарисовать: ты лежала, волосы у тебя над виском так взбились; Наташа сидела рядом, наклонилась над тобой, косы так упали, и ты держала ее руку... Это была изумительная картина, так просто с эстетической стороны. И потом вот, знаешь, Ируня, я несколько часов как-то все думал о ней. И мне это стало даже как-то неприятно, даже какое-то раздражение появилось против нее. И, в то же время, почувствовал тебя такой близкой, близкой...»

И вдруг во время этого рассказа мне стало очень грустно. «Ну, а что же ты хотела сказать?» И я сказала: «Мне иногда

кажется, что ты отходишь от меня». «Глупая, какие же у тебя основания?» «Да вот, может быть, твой рассказ». «Что? Но ведь это ты раньше надумала?» «Да, но я не понимала раньше своего состояния, а вот теперь поняла». «Но, Ируня, ведь я бы тогда тебе так просто все не рассказал. Я просто хотел поделиться впечатлением. Ведь это же смешно, глупо». «Да, смешно, глупо и не будем об этом говорить. Хочешь, я тебе прочту кое-что из своего прошлогоднего дневника». И я читала.

Потом, после чая, около 12-ти опять заговорили о том же. «Вот мне сейчас очень не хочется уходить. Просто страшно оставлять тебя в таком состоянии». «А мне не хочется, чтобы ты уходил таким». Сидела и молчала, и понять себя до конца не могла. Не ревность же это. Не могу же я оскорбить Юрия ревностью. И к кому? К этой девочке! А все-таки было неприятно, что вот она произвела на него такое сильное впечатление, что он столько думал о ней, что она на несколько часов отняла меня у него.

Я раскрыла Блока и уткнулась в книгу. Юрий взял ее: «Оставь». «Не сердись, Юрий». «А зачем ты себя мучаешь? И так глупо, так нелепо». «Ну, это последствия гриппа, нервозность обостренная. Я ведь тоже мнительная». Потом, конечно, помирились. «Ну, не смешно ли, Иринка? Да я ее и видеть больше не хочу, Наташу. Ведь это же глупо, видишь, какая ты смешная». Ночью я долго не спала и почувствовала себя виноватой. В самом деле, смешно.

«Ну вот, это наша вторая ссора».

Ночь.

Сегодня в вагоне (мы возвращались поездом) Юрий целует меня долго и страстно. И вдруг я как-то стихла, съезжилась, смолкла. Юрий забеспокоился. «Что с тобой, Ирина?!» И я ответила: «Я боюсь, что ты убьешь во мне человека». Я обидела его глубоко и жестоко. Он сразу как-то откинулся, вытянулся, замолчал. Мне стало его безмерно жаль. Захотелось утешить, как ребенка, просить прощенья, обнять его крепко-крепко и поцеловать. Сказать ему, как я его люблю. И холодность моя проклятая не позволила, мешала. Я только взяла его руку и посмотрела на него пристально-пристально. Было больно и страшно. Долго молчали оба. Наконец, он заговорил: «Так, значит, я виноват. Я пачкаю тебя. Значит тебе не только не хорошо со мной, но, должно быть, наоборот, гадко?» «Юрий!» И когда спускались от вокзала: «Может быть, это и нехорошо, Ирина, но я так люблю тебя всю и столько у меня к тебе нежности и страсти, настоящей, подлинной страсти... Может быть,

так девушек и не целуют, но ты поймешь, я не чувствую в этом ничего гадкого. Ты меня сильно обидела, Ирина. Ведь я так люблю в тебе человека, именно все, все человеческое». «Так неужели же, Юрий, я могла тебя в этом упрекнуть?» Так мы ни до чего и не договорились. Мы помирились, конечно, и целовал он меня на *Cougnepes** по-прежнему, и говорил, что не может жить без меня. А все-таки остался какой-то горький осадок и чувство глубокой обиды у него, а у меня – сознание чего-то страшного и непоправимого.

Вот наша третья серьезная ссора.

Как часто, однако. Второй вечер сижу за этим столом, как в воду опущенная, и чувствую себя виноватой.

И все-таки после таких ссор сильнее чувствую свою любовь, и привязанность, и нежность.

Только боюсь, страшно боюсь, что эта ссора, самая серьезная и глубинная, так просто не пройдет. Боюсь, что она оставит след, положит первую трещину в наших отношениях. Как я этого боюсь.

26 января 1927. Среда

Ночь.

Сейчас у меня такое радостное, такое светлое настроение. После всех «ссор» и примирений, бешеных поцелуев и невыносимой тоски – в первый раз после сегодняшнего разговора в метро на *Javel*. Завтра – будет время, напишу больше.

27 января 1927. Четверг

Примирились мы скоро. В субботу он был у меня; и из коротких, случайных и тихих фраз стало ясно, что трещины не образовалось. Хотим серьезно поговорить в воскресенье.

В воскресенье я к нему пришла довольно рано. Но ни о чем говорить уже не было нужно. Все показалось смешным и глупым. Не раз, шутя, он мне говорил: «Ну, человек ты мой убитый!»

В понедельник встретились в Институте. Он пришел ко второй лекции. Обратно идем вместе. Долго сидели на *Invalides*, так долго, что он опаздывает на поезд и едет провожать меня до *Porte de St. Cloud*. Читал мне письмо Голенищева-Кутузова и стихи его. Дал мне его с собой, чтобы я сама прочла. «Миг» меня очень взволновал.

А я пришла домой, села на пол и заплакала. Точно определить своего состояния не могла. Что-то меня не удовлетворяло.

* Улица, обрамляющая парк Белльвилль в Париже.

А, вернее, просто была реакция. Но тоска была невыносимая. И весь следующий день так. Мы с Мамочкой ездили в город, и там я все время была такая. Она очень обеспокоилась. Вечером мы с ней сидели одни. Сначала как-то тяжело было, не о чем было говорить, самое тяжелое между людьми. Потом говорили о Юрии. Мамочка как будто видит дальше меня, нет, не то, она как будто готова примириться с тем, что я выйду замуж. Ей только очень грустно. А Юрия она любит. Мне Антонина Ивановна говорит ее слова: первый человек в эмиграции, кот<орый> мне понравился.

Разговор перешел на Костю. Мамочка назвала его: «Все-таки неглубоким человеком». Не согласиться с этим я не могла, и это мне было все-таки неприятно. Вообще, мне как-то раз представилось, что Юрий не приезжал в Париж, и меня охватил дикий ужас. Что бы было? В лучшем случае – разрыв с Костей, а в худшем – связь, в самом худшем – брак. А это было бы равносильно смерти.

Ну, а вот вчерашний день. Читаю в газете, что в 9 часов вечера в Volée открытое собрание Союза молодых поэтов, «чтение и обсуждение стихов». В Институте две лекции Гурвича. Решила после первой уйти и позвать, конечно, Юрия. Без него мне теперь никуда не хочется идти. И вдруг оказалось, что читает не Гурвич, а Милюков. Уйти после первой лекции и не хотелось, и неудобно было. Пришли к концу. Народу довольно много, но прения идут вяло. Читал Ладинский, потом Мамченко. Этот опять взволновал ритмом, а содержание – ничего не поняла. Что-то дельное говорил один литовец о «затхлости». Я читать отказалась, Юрий – тоже.

Оказывается, что собрание должно было быть в четверг, что «Посл<едние> Нов<ости>» перепутали, днем раньше поместили объявление. Так как многие не пришли, то решили перенести собрание на сегодня.

Юрию очень понравился Мамченко. Подошел, познакомился, разговорился, и уже тот пригласил его к себе. И меня за компанию.

Сегодня опять иду. Юрий тоже. Обоим придется читать, и я страшно волнуюсь. Знаю, что после сегодняшнего вечера от моих стихов ничего не останется. Огрызаться я не умею, защитить свои стихи не могу. Да и возможно ли это? Имеют ли они право на существование? Юрию я теперь не совсем верю: он не может быть беспристрастным. То, что много говорит ему и волнует его, может ровно ничего не сказать другому. Вот мое

последнее «Ты принес мне стихи о Версале», — ведь оно не представляет никакой художественной ценности, а ему нравится.

Пересматриваю свои стихи, и все мне показалось дрянью. Не знаю, что читать. И очень грустно. Вернусь опустошенная.

С Юрием много сидели на Javel. Он, наверное, опоздал на предпоследний поезд, а я приехала на Порт за 3 минуты до последнего трамвая.

Я говорила ему о своей тоске. Он тоже хандрил эти дни. Объясняет это реакцией. Почувствовалось и понялось, что вот это оно счастье, настоящее счастье, подлинное, и что оно в наших руках. Он мне много говорил, но писать об этом я не могу сейчас. Идти немного страшно. Хорошо, что будет Юрий. Еще я боюсь: сегодняшняя вечер на некоторое время отодвинет от меня Юрия, отнимет его у меня. Поэзия его взволнует, захватит и отнимет его у меня.

А от моих стихов ничего не останется, разобьют их вдребезги.

28 января 1927. Пятница

Так, конечно, оно и было.

Мне пришлось читать два стихотворения: «Стихи» и «Было света и солнца немало». Встретили их более чем холодно. Кое-кто сказал. Дряхлов: «Второе стихотворение мне понравилось больше первого. Вероятно даже, что это хорошее стихотворение. А в первом два раза встречается “ведь”, это значит, место занять нечем было». Иванов совсем убил: «Я слышу Кнорринг уже три года. И за все это время я не вижу изменений. Стихи Кнорринг, это точная копия Ахматовой. Это очень опасно для молодого поэта». Зато Юрий имел успех. Он читал: «Помню все» и «Тачанка катится». Говорили тоже не очень много, но одобрительно. На улице подходили к нему поэты, говорили, что такого члена никак нельзя отпускать из Союза. Тут же оказалось, что его прошение давным-давно лежит в правлении, и на нем стоит вопросительный знак. Ладинский ничего не понимает, а Майер мне объяснила, что все это интриги Монашева, который ни за что не хотел Софиева в Союз, говорил, что стихи его дрянь и т.д. Вот она, ревность-то! Я очень насмешила этим Юрия. Сама была кислая, расстроенная вдрызг. Юрий утешал меня, как малого ребенка. Приводил какие-то аргументы, малоубедительные, по-моему. Повторять я их не буду, так как это будет самоутешением.

Сейчас пойду к Юрию. Иду с каким-то тяжелым чувством. Во-первых, дома мы весь день ссорились, во-вторых, досадно

за вчерашнее. Искренно радуюсь его успеху, вероятно, даже больше, чем он сам, и с другой стороны, как-то тяжело быть рядом с ним развенчанной. М<ожет> б<ыть>, это не совсем точно сказано.

Ночь.

Вот я стала невестой. До глубины сознания это еще не дошло, словно не могу охватить, понять до конца — что это значит.

Я сидела на кровати, сдвинув плечи и крепко обняв вытянутые прямо руки. Юрий стоял надо мной, лица я его не видела. «Вот, Ирина, я хотел тебя спросить, хочешь ли ты — нет, смогла бы ты быть моей женой?» Мне стало не то тревожно, не то до дикости радостно и взволнованно. «Мне кажется, что да, Юрий», — прямо посмотрела в глаза. Лицо его было серьезно, даже чуть-чуть сердито. Он обнял мою голову, целовал, целовал без конца. «Значит, вместе теперь, радость моя. Моя Синяя Птица, все-таки я тебя нашел! Как я тебя нашел?» «Юрий, а помнишь какое сегодня число?» «Нет, а что такое?» «Два месяца тому назад мы были в Версале». «Да что ты говоришь! Вот совпадение!» Временами охватывала какая-то дикая, почти безумная радость и нежность. Временами лицо его становилось озабоченным и серьезным. В глазах мелькала тревога. «Что с тобой?» «Есть много вопросов, Ируня, кот<орые> меня тревожат и мучат и о кот<орых> я должен тебе сейчас сказать... Я боюсь, что я буду плохим мужем, т.е. плохим любовником. Я ведь, ты знаешь, человек изломанный. Что я тебе дам? Об этом сейчас говорить противно. И потом, я в свои 28 лет мог бы быть гораздо моложе. Ты говоришь, что я стану и моложе и светлей. Нет, Ируня, едва ли». Я обняла его: «Все равно ты для меня лучший и единственный».

«Вот что меня еще очень тревожит, Ируня. Ты вот будешь смеяться, а об этом нужно серьезно подумать. Могу ли я быть отцом? Я, если и не больной, так, совсем, так предрасположен к легочным заболеваниям и вообще такой болезненный... Могу ли я клеймить своих детей? Нет, я, кажется, совсем не то говорю. Т.е. может быть и то, что думаю, но не то, что чувствую. Я тебя не отдам. Вот и бери меня всего, со всем моим прошлым и делай со мной, что хочешь!» Читал мне некот<орые> письма тех женщин, с кот<орыми> сталкивался. Много трогательного и глубокого. «Я могу тебе все прочесть, чтобы ты всю мою жизнь знала».

Вот. Сказать Мамочке? Нет, потом, сначала еще с Юрием поговорим.

30 января 1927. Воскресенье

Совсем не то я писала в прошлый раз. Настроение совсем не парадное. Вчера – как-то даже странно, а м<ожет> б<ыть>, естественно – я вдруг почувствовала страшно близкой Мамочку. Как никогда. И захотелось мне ей все сказать. Я просто зубы стискивала, чтобы не говорить. Рано говорить.

А сегодня она вдруг подошла ко мне. На глазах слезы: «Что с тобой, Ирина? Чем ты так расстроена?» «Совсем не расстроена». «Что такое случилось? Мне так тяжело видеть тебя такой». «Ничего, ничего», – и поцеловала. Потом Папа-Коля куда-то вышел. «Мы с тобой потом поговорим, Мамочка». Мне не хочется при Папе-Коле. Она опять подошла ко мне: «Может быть, скажешь?» «Я – невеста», – и посмотрела на нее. «Так почему же ты плачешь?» «Мне тебя жалко», – я действительно чуть-чуть плакала. «Ну, вот», – и улыбается. Потом подходит, обнимает и на ухо: «А любишь?» «Да». «Знаешь кто?» «Знаю».

Сейчас пойду к Юрию. Дождь льет, как из ведра. Бегом, побегу...

31 января 1927. Понедельник

Была вчера у Юрия. Прихожу – сидит отец и еще один («Алеша кривой нос» – так мы его зовем. Каждое воскресенье приходит к Андрею и не застаёт дома). Час просидели вчетвером. Потом те ушли. Первым делом я написала Юрию последнее стихотворение. Оно ему очень понравилось.

Потом сидели на кровати. Он обнял меня и целовал. «Вот, Ирина, если б меня сейчас спросили, как я тебя люблю, – я бы ответил: самой чистой любовью. Вот я целую твои ноги, трогаю тебя всю, мучаю, а нет у меня сознания, что это нехорошо. А ведь если бы я любил тебя похотливо, это мне было бы стыдно. Гадко. А вот у меня этого нет, Ируня, милая».

Я сидела у него на коленях, трогала его волосы. Потом вдруг подошла к комоду, облокотилась на него локтями и закрыла лицо. Я вдруг как-то ослабела вся. Юрий затревожился, но я ничего не могла сказать ему.

Что-то произошло, и оба это чувствовали.

Юрий лежал на кровати, закрыл глаза. Вид был больной и усталый. Я подошла и встала на колени перед кроватью, гладила его волосы и чувствовала, что сейчас расплачусь.

Он встал подле меня, посадил на кровать. Сам начал нервно шагать по комнате и курить. Несколько минут я молчала,

потом подошла к нему, взяла за руку и схватила папиросу: «Брось!» «Оставь». Этого было достаточно, чтобы я окончательно расплакалась. «Ты что? Хочешь, чтобы и я разревелся?!» «Юрий, не сердись». Он уткнул мне лицо в колени, и я, глотая слезы, перебирала его волосы и что-то лепетала: «Юрий, не сердись. Это так, повышенная нервозность... а нервы-то скверные...»

А ласки после таких слез особенно нежны.

Провожал меня на поезд. Я как-то опять скисла. Не удовлетворяют меня такие встречи. Хочется уже большего. Хочется любить не в поцелуях, а в трудности какой-то, в горе, в борьбе, «быть полезной», если б это не звучало так утилитарно, быть поддержкой ему, а не только радостью. Казалось, что еще можно было что-то сказать, как-то поправить этот неудачный день. Я нервничала. Кончилось тем, что мы пропустили поезд и пошли гулять. Сквозь темноту (Юрий сказал: «Почти мартовская темнота») огни Парижа, Эйфель и черные силуэты деревьев. Юрий стал говорить о том, что он плохо себя чувствует (а тут еще Андрей вчера пришел и говорит: «А ты, брат, здорово похудел за эту неделю»). Невольно подумалось: «Если будем вместе, я тебя вылечу, буду о тебе как о малом ребенке заботиться». «Вот видишь, какой я? Что я тебе дам?» Если бы я спросила его: «Вывод?» Он бы сказал: «Не знаю, я тебя никому не отдам». Теперь его черед говорить: не знаю. Теперь я уже знаю. Я знаю, что делать.

На вокзале спрашиваю: «О чем думаешь?» «А вот о чем, девочка. Я боюсь, что этот путь, на кот<орый> я тебя зову, что ли, что это будет тернистый путь. Может быть, это твое предчувствие: “Я знаю, что буду несчастна”. Я боюсь, что не сделаю тебя счастливой. Если бы я был обыкновенным здоровым человеком, Ируня! И радость ты моя и мученье мое! Какая тебе радость будет со мной?...» Я терпеливо выслушивала его болтовню. Потом тихо сказала: «Ну? Разве что-нибудь можно перешить этими словами?» И вдруг, сегодня уже, мне стало совершенно ясно. Все ясно. Словно глаза раскрылись. Ни о чем его не буду спрашивать, а буду диктовать. Я знаю, что делать. Буду ли я счастлива или несчастлива, я сделаю его счастливым. Это не фраза и не рисовка. М<ожет> б<ыть>, я уже дошла до той высшей степени любви, когда становится возможной жертва. Может быть. Почти.

1 февраля 1927. Вторник

Вчера говорила с Мамочкой. Она подавлена моей подавленностью, думает, что здесь дело неладно. Ей кажется, что я не

уверена в подлинности своей любви. Она вообще не особенно понимает дело. Напр<имер>, говорит такую фразу: «Мне кажется, что это форсировано. Вы еще не созрели для любви, а только для дружбы». (?)

В Институт опоздала, пришла минут за 25 до конца первой лекции. Села на лестницу и стала писать Юрию письмо. Зная, что его нет. Написала что-то много и искренно. Что — не помню, так и не удалось перечесть. На улице передаю Андрею. «Ах, да, ведь вам тоже есть». Оттуда на заседание, много говорили и обсуждали, а я как будто с какой другой планеты вернулась на землю. Откуда-то взялась бодрость и энергия. Это я так успокоилась, пока писала письмо на ступеньках лестницы. Страшно хотелось мне прочесть письмо Юрия; а только, когда на Javel Андрей слез, я развернула синий блокнотный листок и прочитала его ласковые слова...

Сегодня без четверти восемь мы должны встретиться в метро Odéon. Идти к Мамченко.

2 февраля 1927. Среда

Юрий находит какую-то новую жизнь, она захватывает его: стихи, разговоры с Мамченко; вопросы философии, религии. А у меня нет ничего: ни философии, ни религии, ни — даже — поэзии. А он еще говорит: «Что я тебе дам?» А что я ему дам? Что я ему смогу дать, кроме самой себя и любви моей?

6 февраля 1927. Воскресенье

Несколько дней не писала. Что же было за эти дни? Любовь, нежность и большая нежность и любовь.

Выясняется дело с экзаменами. Придется сдавать *все*. Возможно только, что растянут их надолго. Но все равно, дело плохо. Еще одно дело срывается, не доведенное до конца.

Вчера все были на докладе Милюкова о евразийстве, Юрий меня провожал. Пришли домой во втором часу. Мамочка позвала его чай пить. Пока она приготавлила ужин, мы сидели и читали Есенина.

8 февраля 1927. Вторник

В воскресенье рассказала Юрию мой сон.

Сначала сказала ему такую вещь: последнюю неделю я мало видела его, больше видела Андрея. И Андрей мне был как бы некой компенсацией, я с ним напишу записку, я с ним поговорю о Юрии, и вообще мне с ним легко. Так вот, я видела такой сон. Будто я очень долго не вижу Юрия. Не то он уехал куда-то,

не то просто какая-то случайность — не знаю. Только я каждый день прихожу к нему. А живет он в каком-то каземате — бесконечный лабиринт коридоров, мрак. И каждый раз я вместо Юрия попадаю к Андрею. Живут они врозь. С Андреем я говорю о Юрии, читаю стихи, очень к нему привязалась и всю свою громадную нежность, накопленную месяцами, всю свою потребность любить я мало-помалу переношу на Андрея. Читаю ему стихотворение о каком-то последнем дне, должно быть, о конце мира, где есть такой момент: когда у Юрия восковая свеча сама собой загорится синеватым пламенем. Потом наступает день, когда я уже знаю, что увижу Юрия. Но опять, прежде чем попасть к нему, попадаю к Андрею. Хочется его поблагодарить, сказать ему что-то теплое. Уходя, одной рукой открываю дверь и вдруг обращаюсь к нему полусерьезно, полукокетливо: «А как вы думаете, кого я больше люблю? Юрия или вас?» И он совершенно серьезно отвечает: «Кажется, меня». И я как-то вдруг обессилела вся, руки опустились. Он берет меня за плечо и притягивает к себе. Потом — я у Юрия. Темная, низкая комната. Он лежит на кровати, я сижу на полу в углу. Он смотрит на меня в упор, взгляд такой строгий и злой. Я что-то ему говорю, пыталась рассказать, что вот я его нашла, что я его люблю, что я его так ждала, он молчит и смотрит. Я уже не могу переносить этого взгляда, опускаю глаза, отворачиваюсь, но его взгляд насквозь пронизывает меня. А из темноты, неизвестно на чем стоящая, вырисовывается тоненькая церковная свеча. Я с мольбой смотрю на нее — вот она должна загореться, и все станет хорошо, это уже будет не конец мира, а какое-то счастье. Свеча не загорается, Юрий смотрит зло и холодно. Я силюсь подняться и не могу, как-то совсем истерически вскрикиваю: «Юрий, да что же это?!» Он молчит...

Рассказала Юрию этот сон. Он смеялся. «Ах ты, моя неверная жена! Уже и о друге дома думаешь? Отсюда мораль: надо ходить на лекции, а то тебе уже Андрей сниться начал». Однако видела, что ему это все-таки было неприятно.

Вскоре пришел Андрей. Он переезжает в город. Юрий убежден, что он с ним разругается напоследок. Я уговаривала его воздержаться. Тут оба были как-то хороши и даже ласковы друг с другом. Что-то дурили и были веселы.

Провожал меня Юрий к раннему поезду. Опоздали. Стояли на мосту, смотрели на огни путей. Проходили два русских: один из них, вероятно поэт, взволнованным голосом читал стихи. Потом два русских старика все искали какой-то пансион.

Пошли посмотреть на парижские огни... Опять Юрий целовал мне ноги, стоял на коленях, и опять я ему говорила: «Милый, любимый, родной». Пропустили второй поезд, потом пошли на вокзал, на перрон; я села к нему на колени, обняла его шею, положила голову на плечо. Чуть-чуть дремала. И так нам было хорошо обоим.

В понедельник прихожу в Институт. Прихожу рано и начинаю писать Юрию письмо. Приходит Андрей и говорит, что он уже переехал в Париж. Стоим с ним в коридоре и разговариваем о Юрии. Андрей сознательно удерживает эту тему. «Я ему уже здорово опротивел, я знаю. А все-таки, как он будет обходиться без будильника? Да и щетку для бритья я возьму и ножницы... А ведь будет просыпаться, крокодил, он вообще человек небрежный. Вот, и Монтаржи...»

Во время лекции тычет меня под локоть: «Софиев пришел». Смотрю на дверь – Юрий, в пальто и шляпе. Но не входит и не раздевается. В перерыв не идет. Костя говорит что-то о кафедре, об общем собрании и вечеринке. Подходит Каган, извиняется, что не вернул Ахматову, кто-то мешает договорить... Выхожу в коридор – Юрий. «Ты сейчас уходишь?» «Да, я немного плохо себя чувствую. Я пришел только на тебя посмотреть». Был у отца, в кармане тикает большой будильник. Стоим на площадке лестницы, говорим тихо. «Мне бы надо Андрея видеть», – а уходить от меня не хочется. Когда уже Шацкий поднимался по лестнице, мы простились и мимоходом в коридоре я сказала Андрею: «Юрий вас хочет видеть». «Вот как? А я думал, как раз наоборот». Минут через 10–15 пришел в аудиторию. Был, как мне показалось, несколько взволнован... «Ну, думаю, расстались друзьями».

Выходим из Института. Андрей берет меня под руку, уводит меня вперед. «Кисонька, я хочу с вами серьезно поговорить». «Хорошо». «Хочу с вами откровенно поговорить. Только чтобы этот разговор остался между нами». «Хорошо». «Да вы не пугайтесь: ничего страшного. Я просто хочу Юрке помочь... Вы знаете, что он очень слабый, больной, и он страшно сдал за последнее время. Вы сравните, какой он был летом и какой стал теперь... Ему вредно ходить... Сделайте так, чтобы он реже к вам ходил. Он ведь страшно утомляется. Я вот здоровый человек, да и то от такой жизни изматываюсь. Я знаю, что ему очень тяжело вас не видеть, да и вам тяжело, но ведь надо... Совсем ведь пропадет мальчишка. Питаться ему хорошо надо, а сами знаете, какое питание при таком заработке. Хоть тут его побереечь надо. Пусть он к вам приходит, ну, один-два раза

в неделю, по четвергам и субботам, что ли. И пусть он только об этом не знает. Он будет говорить “Я к тебе завтра приду”. А вы как-нибудь: “Да я занята, да меня дома не будет...” Вы не сердитесь, кисонька? Я как его сегодня увидал, так даже испугался. Ужасно он выглядит, просто ужасно. А у самого благоразумия не хватает. Я уж подумал: не забрать ли мне свои вещи, да опять в Медон? Да, уж, поберегите его. Увидите, каким он станет через две недели. Вот на вечеринку тащите его, это ему полезно, развлечься, людей посмотреть. В Институт он, конечно, ходить не будет, мы уж будем за него расписываться, пусть считает себя студентом. А если вам скучно будет, зовите меня. Только не передавайте ему ничего и не сердитесь, что я так вмешиваюсь в вашу жизнь. Но мне просто жалко Юрка. Он хоть и крокодил большой, а все-таки я его люблю».

Он меня страшно тронул. И страшно взволновал. На заседании я ничего не слушала, не вставила ни одной реплики. Много курила и нервно растирала пепел по блюдечку.

В метро, прощаясь, успела сказать Андрею: «Спасибо за то, что вы мне сегодня сказали».

Ночью долго не спала и плакала. Эти дни не было следов обиды или бессилия, это было что-то другое. Впервые встало в такой ясной и отчетливой форме сознание своего долга перед Юрием. Да, уже долга. Любовь, любовь жены — это уже не только радость и страдание, это — долг. И как теперь все от меня далеко. Говорим об экзаменах, и меня это больше не волнует. Знаю, что в воскресенье во что бы то ни стало надо созвать общее собрание, а думать об этом не могу.

И знаю, что надо бы найти какое-то дело и уйти в него с головой. Какое-нибудь такое же дело найти и Юрию. Это единственный разумный выход. Он хочет переезжать в Севр, это абсурд, это ему еще дальше ездить. Но как это все урегулировать, как протянуть это время?

15 февраля 1927. Вторник

Целую неделю надо мне зафиксировать, такую тяжелую неделю. Во вторник всей семьей с Наташей были у художественников. Шел «Вишневым сад». Сама не ждала такого впечатления. Все третье действие и весь даже антракт проревела.

В среду прихожу в Институт. Является Юрий. После лекций проводили Андрея в Сорбонну на чествование Короленко. Юрий рассказал об их трогательном прощании в понедельник. Я не ошиблась. Остаток времени просидели в метро на Javel.

«Отчего ты такая грустная и тревожная?» «Меня беспокоит твой вид». «Это тебе Андрей что-нибудь сказал?»

В четверг уже одна пошла в театр. Ставили «На дне». Эта вещь произвела на меня еще более сильное впечатление.

Пятница. Институт. Ах, да, еще раньше Мамочка зовет Папу-Колку идти в Самаритен*. Я говорю: «Я с тобой пойду». «Разве тебе нечего делать? Нечего читать?» «Есть, не могу». Поехали, накупили, в 6 часов посадили ее на трамвай, пошла по набережной к St. Michel. Прохожу мимо Pont Neuf. «Черный Генрих на черном коне». Возникла строчка: «И под копытами его коня лежат огни Самаритена». Стала расширять эту тему...

Потом лекция Маркова, «собеседование». Он задавал вопросы, начиная с определения «Политической экономии». Возникли споры, разбирали. Я слушала с большим вниманием... потом вдруг вспомнила Генриха на коне, огни Самаритена, начатое стихотворение и... перестала слушать.

Потом написала на тетрадке и передала Андрею. «А мне-то что делать, если ритм стихов Маяковского меня волнует больше всех этих вопросов». (В портфеле у меня лежали стихи Маяковского.) Тот только руками развел: «Тогда бросайте все, кисонька, и занимайтесь вашим Маяковским».

На лекции Гурвича сделалось дурно. Вышла, легла на пол. Был сердечный припадок. Выскочили Лиля, Муретов. Потом все-таки пошли в кафе.

В субботу, в 1 час свидание в Ротонде с Андреем и Муретовым. Должна пойти в YMCA. День был великолепный. Дожидалась Муретова, погуляли. Потом сидели в Ротонде. Я посмотрела на себя в зеркало и испугалась: серая, мешки под глазами, глаза блестят. Мамочка права: вид у меня отвратительный. Вечером прения по докладу Милюкова о евразийстве. Очень интересные выступления, обструкции, вроде кидания яйцами. И Юрий.

Воскресенье. Великолепный день. Днем приходит Юрий, и идем в Медонский лес. Он сильно хандрит эти дни, рассказывает мне свои тревожные сны. Вышли в парк, сидели, хорошо было. А кончилось это тем, что нас заперли. Еле-еле нашли выход через сторожку. Зашла ненадолго к нему и поехала на собрание.

Собрание – балаган.

И вообще писать обо всем сейчас я не могу. Я получила в субботу письмо от Лели, и теперь мне хочется скорее ей все написать.

* «Самаритянка» (название магазина) (фр.).

17 февраля 1927. Четверг

Вчера вечером в кафе я искала карандаш и вынимала все содержимое портфеля. Потом каким-то образом оставила на столе Юрину тетрадку стихов. Спихватилась только в трамвае, но возвращаться было уже поздно. Понятно, что сегодня я соскочила чуть свет и к восьми часам была уже на Odéon. А дома — целая драма по этому поводу, т.е. по какому именно поводу — я не понимаю. И смешно, и гадко. Так гадко, что и писать об этом не буду.

Вообще дома, т.е. здесь, последнее время такая тяжелая атмосфера, что сил нет больше. Никого я не хочу винить, вероятно, я сама виновата больше всех, но все это очень тяжело. Может быть, и недолго осталось жить вместе, а ведь и не жалко мне бросать эту семью.

18 февраля 1927. Пятница

Была вчера у Юрия. Он получил письмо от матери. Я его читала. Очень хорошее письмо. Пишет, что страшно рада за Юрия, за его счастье: «Возьми свое счастье, люби. Да благословит вас Бог!» Спрашивает, когда его свадьба.

А Юрий мне вчера такую вещь сказал: «Это самый больной вопрос и самый противный вопрос. Я вот постоянно об этом думаю. Так бы хотелось, чтобы, кажется, все это было поскорее... Но для этого нужно найти хорошую работу. Я так вот присматривался: на 1000 фр<анков> вдвоем прожить можно...» «Прежде всего, Юрий, мне надо найти работу». «Ну, вот, действительно! Чтобы ты работала!» «Чудак!» «О, это проклятый вопрос! Как долго еще он будет нам препятствием».

21 февраля 1927. Понедельник

Суббота. Вечер поэтов. Юрия нет и нет. Прошу не ставить меня первой. Наконец, читаю. Читала: «Было света и солнца немало» и «Pont Neuf». Кажется, имела успех. Но все это было как-то «все равно» — не было Юрия. За мной читал Мамченко. В это время Юрий показался в дверях. После вечера бесконечные разговоры с Мамченко и Станюковичем. Пошли в Ротонду. Юрка с Мамченко просто в любви объяснялись друг другу. А мне все время было как-то не по себе. Чуть не опоздали на последний поезд и, наконец, остались одни. Я поняла, что безумно ревную Юрия к Союзу, к Мамченко, к поэзии. Это смешно, но это так. А Юрий только и говорит, что о Мамченко,

да о стихах. Было бы, конечно, смешно, если бы он говорил только о любви, и было бы это скучно; но вот такие разговоры, казалось бы, близкие нам обоим, волнующие нас обоих, — мне были как-то неприятны.

Воскресенье. В 4 часа — у Юрия. Промочила ноги, туфли сушились у печки, сидела с ногами на кровати. Юрий переписывал стихи, кот<орые> можно будет читать. Юрий написал всего несколько хороших стихов, а я — пропасть и плохих, и хороших. Его стихи имеют объективную ценность, они — для всех, а мои — для одного. Пожалуй, все преимущества за ним. Я даже высказала в Ротонде такую мысль: что мои стихи не могут называться стихами.

Приходил к Юрию отец. Юрий мне сказал, что читал ему мои стихи, что он, конечно, все знает, поэтому мне было с ним как-то неловко. Когда он ушел, Юрий опять превратился в «нежного хищника», опрокинул меня на кровать, и начались такие поцелуи... Кончилось как всегда тем, что нервы не выдержали и я расплакалась. И опять он уткнулся головой в колени и повторял: «Прости, прости...» Так всегда: или уткнется головой в колени, или ляжет на кровать и закроет лицо; а я, когда наклоняюсь над ним, успокаивая (ибо он сильно взволнован), перебираю его волосы... Все это разыгрывается, как по нотам. А вчера было нечто иное: я почувствовала такую нежность к нему и такую доверчивость. Хотелось сказать: «Вот — бери. Делай, что хочешь! Верю, что это хорошо, не гадко!» Я даже не могу сказать, что это «хищность», настолько я верю Юрию, что это не дурно. Значит, так надо. Значит, женщина еще не совсем пробудилась во мне.

Оттуда поехала на вечеринку Института. Сначала было скучно без Юрия, потом разошлись. Разве трудно себя завести, как игрушку, и быть веселой?! Андрей ухаживал за Лилей, что мне несколько не нравилось. А я всю свою потребность нежности и близости переносила на других: на Костю, на Шемахина, на Ладинского. Давала Пете бесчисленное число раз целовать руку и даже тихонько волосы — при Косте и даже, кажется, не только при одном Косте. К Ладинскому села на ручку кресла — это было очень трогательное «поэтическое содружество». Много была с девочками. Почувствовала, что жить на свете не так уж плохо, особенно, когда есть Юрий. Пришлось читать стихи. Читала: «Проходят школьники» и «Стихи». Искоса посматривала на Ладинского. Только его мнение, в сущности, мне было интересно. Он тоже читал. Что-то

говорила с Милюковым, с Кулишером, с Гурвичем, еще с кем-то из профессоров – о стихах.

Вечер.

Вчера Юрию исполнилось 28 лет.

Завтра он ко мне придет, и я его спрошу: «Что, Юрка! Будешь сдавать экзамены или нет?»

22 февраля 1927. Вторник

Вчера я ушла из дому рано: уж очень тяжелая сейчас у нас атмосфера дома. Сказала, что пойду искать работу. Пошла в Медон. Села в скверике на Place Rabelais, как когда-то давным-давно, и начала писать Юрию письмо. Писала о вечеринке. Дождь загнал в кафе, где за стаканом отвратительного кофе я писала ему нежные слова. Потом пошла к нему и подсунула под дверь. Оттуда поехала на электричке. Нравилось мне чувствовать себя так свободно; быть, и ходить, и ездить там, где я никогда не бываю. Что-то в этом есть ребяческое, и все-таки интересно.

В Париже поехала к Стариковой. Работы, конечно, никакой нет. Просидела у нее около часу, говорили о евразийцах, о Милюкове, о событиях в Китае. Оттуда – в Тургеневскую библиотеку – менять нечитанную книгу на какую-нибудь поменьше. Искала лекции Новгородцева, да так и не нашла. С досады взяла каталог истории литературы, выписала с десяток номеров и взяла лекции Томсона по лингвистике. В предчувствии смакования их развеселилась. В Институте меня разозлил Костя: я его спрашиваю, каков вчерашний сбор, а он отвечает: «Ты-то меня мало интересуешь, а вот с Муретовым я буду ругаться. Было 47 фр<анков> дефициту!» Из чего их покрыть, так и не решили.

Получила в Институте милое письмо от прежнего старосты – Попова. Спрашивает, что и как. Встречаю в канцелярии Гурвича: «Вас-то мне и надо. Я провел в совете два экзамена». «Вот спасибо!» А сама думаю: «Хоть и два, а все-таки не выдержу». Экзамена всего четыре: Гурвич, Гронский, Миркин-Гецевич и Шацкий. Причем Шацкий будет экзаменовать вместе с Кулишером, следовательно – ну их к черту! А Миркину, по условию, нельзя без Шацкого. Остаются Гурвич и Гронский. Как я дохожу до экзаменов, я начинаю нервничать, и все прахом идет. Надо: 1) скорее получить от профессоров программы и 2) поговорить с Юрием: вместе держим или нет. А семинар кончается 5-го марта.

Сегодня жду Юрия, и вдруг вместо него приходит письмо: простудился, не будет. Я было моментально хотела бежать к нему, да смутила приписка: «Все-таки, может быть, прибегу». Завтра обещает быть в Volée (собрание поэтов). Если собрание будет, приду после лекций. Не хочется идти, да Юрия видеть хочется. Милый Юрка, как я тебя люблю!

24 февраля 1927. Четверг

Господи, как рассказать свое состояние? И надо ли?

Нервы распатались так, что даже начинают меня пугать. Боюсь, что скоро дойду до истерии.

Юрий, один только Юрий во всей моей жизни, во всем и надо всем. Если что-нибудь я и могу делать, так постольку, поскольку это связано с Юрием.

Мысли у меня дикие. Хочется прийти к нему и сказать: «Возьми. Больше не могу».

Разве я могу сейчас что-либо писать о вчерашнем, о том, что было в Институте, что было в Volée? Я могу писать только о том, что так жить я больше не могу – без Юрия. Мне грустно, мучительно грустно, что он – не первый. Что эти же слова в Люксембургском саду я говорила Косте, а про себя – дневнику, и не только Косте. Разобраться в себе я тоже не могу. Я хочу только, чтобы скорее настал вечер – половина седьмого – и чтобы пойти к Юрию. Еще два часа!

А Мамочка волнуется, отчего я хUDEю и бледнею, отчего настроение у меня такое. Да от того, что нервы ни к черту не годятся! Очень просто.

26 февраля 1927. Суббота

Прихожу в среду после лекций в Volée. Разбирают Юрку. Замечания в большинстве глупые, но не одобрительные. Оцуп так совсем уничтожил: «Если, – говорит, – посмотреть на Софиева как на начинающего поэта, то, м<ожет> б<ыть>, он еще и не совсем погиб. И почему вдруг шестистопный ямб среди пятистопного, и цезура не на месте, а это непозволительная неряшливость» и т.д. Тогда это мне было неприятно, а на другой день даже какое-то нехорошее, злое удовлетворение. Юрий очень огорчен, даже чуть-чуть подавлен. Во всяком случае, так же, как и у меня, руки опустились. Нет-нет да и возвращается к этому: «А все-таки он зря говорил...» Или: «А вот, Ирина, я у Ходасевича тоже нашел шестистопный ямб без цезуры» и т.д. И теперь уж я его успокаиваю: «Ну, мало ли – кто что сказал.

Одному может нравиться, другому – не нравится. Он сам не понимает, на чем строит свою критику» и т.д.

Сама-то я не читала.

2 марта 1927. Среда

В понедельник Юрия не было в Институте. А должен был быть обязательно: последняя лекция, надо было переговорить с Шацким относительно письменных работ; одним словом, должен был быть. И не был. Я очень встревожилась. Потом узнала от Муретова, что вторник – *mardi gras*^{*}, некот<орые> заводы не работают. Вспыхнула надежда – придет.

Вторник – ждала его днем. Нет. Вечером он должен был идти к Мамченко. Я еще давно сказала, что, вероятно, не пойду, и все-таки думала, что он зайдет за мной со службы, тем более, что адрес он потерял, а так дорогу вряд ли помнит. Но в 7 его не было. Ждала еще вечером, м<ожет> б<ыть>, не пойдет к Мамченко, а придет ко мне. Но и вечером не пришел. Ждала хоть письма, и письма не было.

Старалась себя успокоить, что ничего не случилось, что просто спать хотел и потому не поехал в Институт, или не в метро сел и т.д. А все-таки волнуясь, и идти сегодня в Институт даже как-то страшно. А вдруг и сегодня не будет?

Дома настроение тяжелое. «А ты понимаешь, что осталось всего 250 ф<ранков>?» Да, конечно, понимаю. Понимаю и то, что никакой работы не найду. И то понимаю, что через три недели надо сдавать два экзамена, и что об этих курсах я не имею почти никакого представления. А беспокойство за Юрия. Я понимаю и то, что так долго не выдержу. У меня уже челюсти болят, и от височной кости боль тянется, и физически болит нерв в руке от кисти до плеча.

3 марта 1927. Четверг

Прихожу вчера в Институт. Юрия нет. Папиросу в рот и на площадку лестницы. Все нет и нет. Уже и жена Гурвича пришла, а его все нет. Начинаю страшно волноваться. Андрей замечает это и отводит меня в сторону. «Если, – говорю, – Юрка не придет после первой лекции, я еду с вами» (у него работа начинается в 10 ¹/₂). «Да вы, кисонька, не волнуйтесь. Ну, просто устал, погода плохая». «И в понедельник не был, и вчера, и сегодня...» «Потом, вы знаете, тут приехал из Америки его знакомый, Раевский, м<ожет> б<ыть>, с ним...» «Раевский через день же и уехал». «Ах, так? Ну, так просто

^{*} Последний день перед постом (фр.).

мог задержаться на работе...» «Нет, он должен был быть обязательно».

Лекцию просидела как на иголках. Потом, не сказав никому ни слова, помчалась с Андреем к метро. Дождь шел, погода такая мерзкая. Андрей меня подбадривает: «Поезжайте-ка вы домой, выпейте-ка валерьянки, и не брома, а горячего чая, и ложитесь спать». «Нет, нет». «Ах, чудная вы, право!» «Разве уж такая чудная?» Ничего не ответил. «Вот увидите, что он совершенно здоров». «Тогда выругаю его и все». «И от меня стукнете его по черепу».

В 10 часов на Javel. Бегу на вокзал, спускаюсь, жду поезда. На душе тревожно. Поздний час, незнакомая дорога, все такое необычное — только усиливает тревогу. Электричка, как мне казалось, тащилась необычайно медленно. По Медону бегу бегом. Дождь, грязь, ноги скользят, темно. Подхожу к дому, сердце сильно-сильно забилося. Зажигаю свой фонарик и поднимаюсь. В щель под дверью вижу, что у него горит свет. Стучу. «Qui est là?»* «Юрий?!» «А! Сейчас». «Юрий, ты мне только скажи...» и чувствую, что сама больше слова не скажу. «Входи». Вхожу. Он лежит в кровати. Рядом стул, на нем чашка с красным вином, будильник, книга. «Юринька, что с тобой?» «Я немножко болен, Ирина». Сажусь на кровать, бросаюсь к нему на грудь и... начинаю плакать. Все напряжение последних дней как-то должно было разрешиться. Он целует мои волосы, шею, гладит. А я чувствую, что все слабею и слабею, что вот потеряю сознание. Кое-как поддерживаю себя. Поднимаюсь. «Ну, отчего же ты не написал?» «Видишь ли, в понедельник я собирался в Институт. Вчера хотел идти к тебе, даже вышел уже, но очень плохо себя почувствовал. Сегодня тоже думал ехать в Институт». Садится на кровать, обнимает меня. «Девочка моя, ты так беспокоилась». «Страшно!» Кое-как оба успокаиваемся. «Вот — виденье какое-то. У меня даже всякая хворь прошла. Ирина, отвернись, я сейчас оденусь». «Я тебе оденусь!» Что-то второпях рассказываю ему про Институт, про экзамены, про Андрея. Он рассказывает такой случай: «Помнишь, я тебе рассказывал, что встретил в поезде барышню в зеленой шляпе, кот<орая> разговаривала с кем-то о кукольной мастерской, о том, что нужны работницы? Так вот, сегодня я их опять встретил. Она ехала с какой-то дамой. Я сел напротив и обратился к ней. “Простите, — говорю, — вы, кажется, работаете в кукольной мастерской?” “Да”. “А там,

* «Кто там?» (фр.).

не знаете, не нужны работницы?” “Кажется, нужны”. “Вот, у меня есть знакомая барышня и ее мать, они раньше делали кукол, а теперь вот ищут работу”. “Они в Париже живут?” “Нет, в Севре”. “Мама! Тоже в Севре!” “Что значит *тоже*?” “А у нас в Севре есть знакомые, тоже ищут работу. Может быть, вы назовете фамилию”. Я назвал. “Вот как! А мама сегодня должна писать Николаю Николаевичу. Вот совпадение!” Это Фаусек.

Юрий был такой славный и особенный, в этой серой фланелевой рубашке с открытым воротом, с засученными рукавами. «Вот видишь, какой я у тебя скверный».

Просидела у него ровно 25 минут и в одиннадцать ушла. «Спокойной ночи, Юрий!» «Да я теперь уж не засну. Спасибо тебе, радость моя!»

Сегодня пойду к нему к 7-ми. Принесу термометр, а то свой он разбил.

4 марта 1927. Пятница

Вчера у Юрия. Ему лучше, хотя температура вдруг скакнула на 37,2. Но все эти дни он работает. Сначала я очень расстроилась его температурой, потом успокоилась. Говорили о том, о сем, я читала ему рассказы Бальмонта из книги: «Где мой дом?» Все было хорошо. Хотела уйти в одиннадцать, но задержалась. Осталась до 11 ¹/₂ и условились, что он не пойдет меня провожать. Потом, прощаясь, обняла его и вдруг заплакала. Точно определить причину моих слез не смогу, приблизительно – можно... А если мне уже мало видеть его и целовать? Что, если он уже настолько пробудил во мне женщину, что я захотела его физически? Может быть, повторяю, может быть, не знаю. Но факт, что первой причиной было какое-то неудовлетворение. И, как никогда, было тяжело и трудно уходить от него. Юрий очень взволнован и испуган, одевается. Я почти кричу ему: «Не надо!» Чувствую, что могу дойти чуть ли не до истерики. Он проводил меня все-таки чуть не до самого вокзала. Я поцеловала его и быстро-быстро, не оглядываясь ни разу, пошла. Ждала поезда минут 40. Сидела в темноте на перроне и плакала. О чем плакала?

Пришла домой. Долго не ложилась. И легла, как заревела навзрыд. И ногами начала брыкаться, совсем как маленькая.

Сегодня Мамочка уже пошла к Фаусек. Мне надо будет еще сделать образец киевского пива и пойти по адресам... В какую-то кукольную мастерскую пойти; врать, что я умею делать кукол; а ведь, в сущности, я ничего не умею. Потом зайти показаться к Уриным... Пойти в «Совр<енные> Записки», взять

у Вишняка какие-то книги... Последний день занятий. Заседание, споры. На какой-то экзамен нужно записываться... Зачем? Ведь все равно нервы не выдержат.

7 марта 1927. Понедельник

В пятницу я ушла из дому рано и ушла в страшно подавленном состоянии. Ходила по двум адресам, везде обещали написать... Бродила по городу. Ушла, даже не завтракая, купила дорогого шоколада и грызла. В 5-м часу зашла к Андрею, не застала дома. Оставила записку и пошла бродить. Почувствовала себя страшно усталой – и физически, и нравственно.казалось, так еще вчера я могла плакать, биться, а вот сегодня уже не могу... А тут еще эта тюрьма Sainte (?) (не дописано – И.Н.). С детства я не могу спокойно проходить мимо тюрьмы. Тюрьма и кладбище... У Андрея была такая же: сидела в шезлонге, уткнулась головой в раму и молчала. Андрей уж и так, и эдак хотел меня расшевелить. Но расшевелилась я только в кафе после лекций. М<ожет> б<ыть>, искусственным путем – от пива и вина... В поезде встретила Очередина и так весело с ним поболтала, что сама на себя удивлялась.

В субботу вечером был у нас Юрий с отцом.

В воскресенье я была у него...

8 марта 1927. Вторник

Вчера была в библиотеке, ничего уже не было, оставила свое «языковедение» еще на две недели и пошла к Андрею. Туда же и Юрий должен был прийти. Когда я пришла, он уже был. Андрей меня прямо тронул своим заботливым отношением к Юрию. Кажется, и Юрий, наконец, это понял и поверил, что Андрей его любит. Я совсем больна и нервна. Началось с того, что села в шезлонг и уткнулась в раму. «Вот сейчас и заснет, как в прошлый раз», – говорит Андрей. «Нет, заплачет», – говорит Юрий. И действительно, через минуту я уже плакала. Не из-за Юркиной же шутки, конечно. Просто я стала отвратительная – и плачу, и смеюсь, истерика какая-то.

Юрий провожал нас до Института. «А я поеду домой: я очень устал сегодня». Прощаемся. Подойдя к двери, оглядываюсь, – он все стоит у калитки...

Собрание. Диктуют программы. Андрей скоро уходит. Организуются группы по конституционному праву. Я никуда не записываюсь. Что-то резкое отвечаю Косте. И еще кому-то. Какое-то раздражение против Юрия. «А он-то что? Будет держать экзамены или нет? Ничего для этого не предпринимает!

Ну, и пусть делает, что хочет!» И потом вдруг заплакала. Подходит Лиля. «Что с вами, Ира?» Ничего, так». «Что-нибудь случилось дома?» «Нет». «Ну, милая, успокойтесь!» Обнимает меня, целует. «Вы к нам придете заниматься, в нашу группу?» «Я не буду сдавать экзаменов». «Ирочка, успокойтесь. Приходите к нам, будем вместе заниматься».

Как меня раздражали эти вопросы: «Вы в какой группе?» «Вы что сдаете?» Я всем отвечала: «Ничего»; и на вопрос: «Почему так?» — «У меня есть свои личные причины».

Вдруг приходит Юрий. Что-то удивленно спрашиваю его и продолжаю разговаривать с Лилей. Он уходит. Потом складываю портфель и выхожу. Он стоит лицом к окну и курит. Если курит, значит, что-то плохо. Меня он не замечает. Одеваюсь, беру его за рукав: «Идем!» Выходим. Он молчит. У Пантеона я не выдерживаю: «Юрий, что ты?» «Я ничего, Ируня». Догоняет Муретов, что-то начинает говорить об экзаменах, потом опять идем одни. Молчим. И только у метро: «Ира, это не то... Я ...» Сворачиваем в какую-то маленькую улочку. Шагаем молча. «Юрий, не мучай меня, скажи, что с тобой?» «Не знаю. Теперь я не знаю». Молча целует мои руки. Выходим на набережную, к Notre Dame, я кладу портфель на парапет, облокачиваюсь и начинаю плакать. Больше сил уже нет. «Ируня, родная моя, не плачь!» «Да что с тобой, Юринька?» «Я так измучался за эти часы. Я так намного-намного постарел дома...» «Что же случилось?» «Меня беспокоят твои, вот, слезы, Ируня. Я так больше не могу». Я беру его руку, что-то лопочу. «Юрий, это болезнь, это истерия. Я буду лечиться... Это пройдет, Юрий». Слезы, поцелуй, ощущение какой-то последней близости, и эти слезы. «Я перед тобой виновата, Юрий. Это давно нужно было остановить, и можно было, надо было лечиться. Как-то такое легкое отношение к нервным заболеваниям». «И в этом я виноват». «Почему ты? Мы оба. А зачатки были давно. Я поправлюсь, Юрий, только не уходи...» «Как я перемучался за эти два часа... Вдруг показалось, что я могу тебя потерять...» «Где ты был?» «Везде был. И на St. Michel, и у Notre Dame... Заходил в какое-то бистро, что-то пил... Стыдно, я даже ревел сегодня...»

Я смотрела на огни в Сене, на бегающие на той стороне трамваи, на Notre Dame. «Знаешь, Ирина, я так думаю: нам нужно как можно скорее начать жить вместе. Нам надо быть вместе». «Да, Юрий». «Надо скорее преодолеть эти внешние препятствия... Странно, я даже своим родным еще ничего не говорил...»

Кое-как успокоившись на этой мысли, два неврастеника стали вдруг такими счастливыми и тихими.

Смахнуть бы как-нибудь экзамены и лечиться. Вместе лечиться.

17 марта 1927. Четверг

Вот все-таки урвала минутку для дневника. Время теперь бешеное. День проходит так: встаю около 9-ти, начинаю работать (соломенные цветы). В 12 часов кончаю и бегу в Медон. Там у меня книги, там я занимаюсь. Около 7-ми приходит Юрий, пичкает меня бутербродами, и я мчусь на поезд в Париж. Там занимаюсь в группе Левы. Возвращаюсь с последним поездом. Так – с понедельника и еще недели на две с половиной.

Устаю. Говорят, я сильно похудела. Вид, действительно, скверный. Но такая интенсивность, такая напряженность мне нравится. Приятно заниматься у Юрия. Тихо, спокойно, одна; и в то же время все, каждая вещь говорит о Юрии. Видимся недолго, но оба весь день живем этим моментом.

Дома? Я совсем потеряла дом. Мамочку совсем не вижу, она работает у Фаусек, а когда я возвращаюсь, она спит. Правда, просыпается, и тут происходят очень неприятные сцены. «Вот, все бегаешь к Юрию, не можешь заниматься дома... Я ему удивляюсь». Вчера это кончилось тем, что я попросила никогда со мной о Юрии не говорить. Все это очень противно.

Теперь уже моя жизнь больше чем на $\frac{2}{3}$ проходит вне этого дома. М<ожет> б<ыть>, это и нехорошо: я так жду прихода Юрия, мы так радостно встречаемся, я прихожу домой и даже не здороваюсь. Знаю все, что произошло с Юркой за день, и не представляю обстановки, в кот<орой> работает Мамочка.

Боюсь экзаменов? Даже – нет. Даже азарт какой-то появился: проскачу или нет? Ничего не знаю, но еще две недели... В общем, время бешеное. Скорее бы уж только.

20 марта 1927. Воскресенье

С каждым днем, с каждой встречей Юрий становится мне все ближе и ближе... Сегодня днем мы ходили гулять в парк St. Cloud, потом весь вечер одни провели у нас. Я читала ему отрывки из своего сфаятского дневника. Никогда и не думала, что буду кому-нибудь их читать...

«И уж ничто не разделяло нас!..»

Да, уж как-то совсем ничего не разделяет. Я теперь даже не знаю, может ли быть что-нибудь такое, что бы я не смогла Юрию сказать. Но какое это счастье – такая близость!

Вчера я держала экзамен больше и труднее тех, кот<орые> будут в апреле. И выдержала его очень плохо...

Прихожу вчера к Юрию в 4 часа заниматься; хватъ — а он дома. «Горло болит, не пошел на работу, был у доктора». Страшного ничего нет, воспаление зева, но надо лечить. Конечно, книги в сторону. День был очень теплый, почти жаркий, воздух пьянящий, а солнце — о, это проклятое мартовское солнце! Я шла пешком, солнце меня разморило, я устала. Хотелось спать. Нервы напряжены, как всегда перед экзаменами, и всегда — весной. А тут еще эта неожиданная встреча... И это солнце, кот<орое> совершенно превращает меня в звереныша... И в первый раз меня охватила страсть, настоящая, подлинная, безумная страсть, бороться с которой уже не было сил... Я легла как-то поперек кровати, Юрий рядом. Какое необузданное было у меня желание его! И он это видел, и он это знал. И, несомненно, испытывал то же. Сама себе я была противна. Я обвивала руками его шею, что-то бессвязное лопотала, он тихо гладил мои волосы, тихо приговаривая: «Бедная моя девочка, котик мой, Ируня». Я вцепилась в его плечо, вся прильнула к нему, беспомощно, путано спрашивала: «Юринька, что же мне делать, что же мне делать?» Потом он сказал: «Если бы я был не я, а ты не ты, я бы нашел лекарство для тебя». Это было мучительно, и страсть, и стыд, и настоящая любовь, и настоящий восторг.

Потом прошло. Но в город опять не поехала. Четвертый вечер не занимаюсь, четвертый вечер мы проводим вместе. Вечером мы занимались глупостями, дурили, изучали анатомию на живом теле, на моем. А грязи в этом не было. Почему? Почему мне не стыдно, когда он целует мне грудь? Почему я могу совсем спокойно говорить с ним о самых интимных вещах? Вероятно потому, что мы любим друг друга, что все грани, разделяющие людей, нами стерты, что мы стали уже совсем как муж и жена, только что не живем вместе. И теперь, я это уж знаю, мне не будет ни стыдно, ни страшно отдаться ему — перейти последнюю грань... Теперь я уже совсем не боюсь брака.

Кончился вечер совсем интимно. Поужинав, я закрыла глаза, а Юрий разделся и лег. Тогда я сделала ему на горло компресс. Было странно, что мне нужно еще куда-то уходить. Зачем? Разве мы не связаны крепко и на всю жизнь любовью? Разве у нас не одна жизнь, разве мы не составляем части — один другого? Как хорошо, что Юрий такой умный и чуткий. Хорошо и то,

что он старше меня, что у него уже нет этих недоуменных страшных вопросов, кот<орые> мучают меня, что он так просто, серьезно и хорошо может мне все сказать, объяснить...

А экзамены? Какие уже теперь экзамены, ясно, что не пойду. Неприятно, безвольно, слабость – да, верно. Но что же делать, если мартовское солнце мне не дает заниматься! Вот Юрий, если бы захотел, сдал бы экзамены. А, м<ожет> б<ыть>, и нет.

Неужели же все этот момент переживают так же полно и красиво, как мы? Не верю.

24 марта 1927. Четверг

Вчера чувствовала себя отвратительно. Все тело разламывало, болели ноги, невероятно хотелось спать. Должно быть, все это – последствия «страстей-мордастей», как говорит Юрий. Однако, это очень мучительно и противно. Заниматься совсем не могла, читала «Крейцерову сонату». Пришел Юрий, страшно беспокоился. Я ехала в город, во-первых, надо было отвести в группу Эсмена, а во-вторых, собрание в Volée. Юрий отговаривал, но бесполезно. Послал со мной два письма – Андрею и Мамченко. У Андрея просил денег.

Поехала. Чуть было не опоздала на поезд, бежала. Пошла к Леве, пока поднималась на 6-й этаж – думала, что умру...

28 марта 1927. Понедельник

Вчера был день – третий большой день в моей жизни. Одним днем ошиблась: 28-е сегодня, а это число у нас знаменательное.

Было так. Мы уговорились, что если будет хорошая погода – он придет ко мне, и мы пойдем гулять; если же дождь, я к 6-ти приду к нему. Я ждала его до 2 ¹/₂ и, вопреки уговору, пошла к нему. Была у меня такая тайная мысль – разойтись в дороге, чтобы он пришел к нам без меня, а то он все откладывает этот момент. А отношения надо выяснить, они становятся уже мучительными. В субботу, поздно вечером, мы сидели в маленьком кафе в Медоне и много говорили на эту тему. Я показывала Мамочкину записку, передавала разговоры с Папой-Колей. Отношения настолько запутались и усложнились, что становилось тяжело.

Прихожу к Юрию – конечно, дома нет. Взялась за книгу, но заниматься не могла. Дошла до Канта – так трудно показалось и так не соответствовало моменту, что бросила занятия. После

шести часов нервы так натянулись, что я уже ничего не могла делать. Ходила по комнате, убирала на комод, корчилась на кровати. Мучительно ловила шаги на лестнице. Потом начала вслух читать Блока, II том – это всегда действует успокоительно. Ловила шаги, и когда они приближались к двери, становилось мучительно страшно. Почему? Юрий пришел в 8, радостный, возбужденный. «Ирина, все сделано. Теперь ты моя!» Прыгает, как ребенок, как два месяца тому назад. Подробно передал мне все, что произошло дома. Все хорошо, все выяснено. Многие они там говорили, и плакали, и жаловались – одним словом, все, как полагается. Юрий страшно доволен, радуется, как младенец. М~~ожет~~ б~~ыть~~, его даже несколько обидело и удивило мое спокойствие. А я была, действительно, в это время уже совсем спокойна. Только тихо улыбалась на его восторги. Несомненно, этот день имеет больше значения для него, чем для меня. Он был действующим лицом, а не я, и для него больше разъяснилось. Я тоже страшно рада, только я не умею выражать свою радость. Мне просто становится хорошо, тихо и хорошо. Это при такой большой и значительной радости. А вот, если я сдам экзамены, т.е. радость будет по существу мельче – меньше, чем радость любви, – я, вероятно, смогу прыгать на кровати и опрокидывать стулья... А тут – тихо, ласково, нежно. Страсть превращается в нежность... Прихожу домой. Оба – счастливые и нежные. Мамочка начинает говорить о Юрке, о том, как он ей нравится, какой он славный, умный, тонкий и т.д. Папа-Коля что-то шутит, но вижу, что и он очень взволнован. А сама я – даже не ждала – осталась совершенно спокойной. Испытывала что-то вроде неловкости. Прижалась к Мамочке и только улыбалась. А она говорила о том, что она счастлива за меня. И правда, она была счастлива. Должно быть, все ее страхи и сомнения относительно моей любви – прошли.

Господи!

Сегодня получила письмо от Лели. Очень интересное. Хочется скорее показать его Юрию и скорее ответить. Но только до экзаменов не буду. А экзамены с 5 по 14 апреля. Я совсем не готова. На что-то рассчитываю, на что? По конституционному праву – надежда на Обоймакова, он мне расскажет всю программу. По философии права – думаю достать Левины записки, наверно, там меньше и проще.

А сейчас – приниматься за Канта? А если я, ну как есть, ничего не понимаю в его категорическом императиве? А если мне сейчас совсем не до этого.

И у меня и у Юрия одна мечта – скорее.

30 марта 1927. Среда

Мое настроение сейчас очень скверное. Мечусь между Мамочкой и Юрием. Ни то, ни се. Привыкла видеть Юрия каждый день и проводить с ним каждый вечер. Мамочка как-то обижается. Вчера вечером Папы-Коли не было, и я хотела рано прийти. Когда Юрий пришел, я ему сказала, что иду в 8. Потом мы начали нежничать, лежали, крепко обнявшись, без слов, тихо. Так прошло около часа. Наконец, когда нежность уже перешла в страсть, я вырвалась и села, а он откинулся лицом в одеяло. Оба молчали. Меня как-то даже обидело: мне через десять минут уходить, а ему как будто все равно, даже сказать нечего. Очень хотелось поласкать его, поцеловать, но удерживалась. А он в то же время обиделся на меня, что я не хочу даже сесть ближе; пудрюсь и никакого на него внимания. Оба сердились. Пошел меня провожать на поезд, молчали всю дорогу. Расстроились оба вдребезги. У меня была даже злая мысль – на завтра не приезжать. Наконец, на мосту, у вокзала: «Ирина, ведь так же нельзя! Пойдем пешком». «В такую-то погоду!» «Ну, что погода, дождя нет. Ведь нельзя же расходиться в таком состоянии!» «Идем». Дорогой, конечно, договорились и помирились. И в результате – вечер провели у нас.

Дорогой Юрий сказал: «Всегда в наших ссорах выходит так, что я сдаюсь, я отступаю от своих позиций». На это я ему ответила: «Мне труднее сделать первый шаг, потому что ты тогда начинаешь чувствовать силу и начинаешь играть в обиженного и оскорбленного. И мне тогда остается последнее средство – слезы». «Да нет же, Иринежка, это не так». «Может быть», это и бессознательно, но это так». Привела ему несколько примеров, согласился. Мамочке очень хочется «привыкнуть» к Юрию, хочется, чтобы он чаще у нас бывал. «Я не боюсь, Ирина, что ты от нас уйдешь. Наоборот, нас станет больше...» И это меня очень радует.

2 апреля 1927. Суббота

Удивляюсь своему спокойствию. Во вторник экзамены, а я куда спокойнее, чем месяц тому назад. А ведь совсем не готова. По конституционному праву меня Обоймаков немного натаскал, – не боюсь, хоть два слова да скажу по каждому пункту программы. Вероятно, сдам на 10. А, может быть, и на 12–13. Если повезет, так и на 15. С философией права хуже. Там я ни одного слова не скажу из целого билета. Начиная с Канта – даже и не читала. А вот как-то спокойна. Сегодня,

завтра – общие занятия. Поеду. А в понедельник пойду к Обоймакову. Только курс-то трудный. Ну, ничего, м<ожет> б<ыть>, и проскочу на 10. Одна надежда – экзамен вечером, от 8 до 10, а народу – человек, наверное, 15; след<ователь>но, на каждого меньше, чем по 10 минут. Это что-то невероятно, по моему. Но если так – трусить нечего. И я даже почти не занимаюсь (я плохо себя чувствую, малокровие у меня), и совсем спокойна, могу стирать, переделывать платье. Только челюсть болит, и по ночам бессонница.

Скорее бы!

4 апреля 1927. Понедельник

Вот делаю страшный, глупый, м<ожет> б<ыть>, не особенно хороший, но необходимый шаг: завтра иду на экзамен. По самой последней правде – половину билетов знаю плохо, а вторую половину совсем не знаю. Провалюсь. Но все-таки пойду, надо как-нибудь все это кончить, и скорее кончить. Я даже не так хочу выдержать, как-то, чтобы скорей эти дни прошли!

5 апреля 1927. Вторник

Меня не результаты пугают. Я знаю – 30% шансов за то, что провалюсь. Меня пугает другое – *как* это будет. Как, какими словами мне скажут, чтобы я убиралась к черту. Вот это меня пугает и волнует. Честное слово!

6 апреля 1927. Среда

Вчерашний день – это сплошной кошмар.

Дома я места себе не находила. Ушла в начале четвертого, пошла на Porte de St.Cloud пешком. Зашла в «наше» кафе (к Обоймакову идти было еще слишком рано), пила зачем-то шоколад, потом лимонад... Прихожу к Обоймакову. Его нет дома, мне записка: «Кажется, экзамена сегодня не будет, Гурвич болен. Ждите меня до 6 ¹/₂, если не приду, значит занимаемся по Гурвичу в кафе...» Надо сказать, что до сих пор не было ни одного объявления об экзаменах в газете, что меня страшно возмущало. Я в отчаянии. Вышла на улицу, не знаю, куда идти. Время меньше 6-ти. Сначала пошла к Институту, нет ли какого объявления. Нет! Идти к Леве – нет, только паникерствовать. Побродила и пошла к Андрею. Стучу, вхожу – он очень обрадовался: «А, дорогая!» Вид, должно быть, у меня был аховый. «Дорогой, экзамена не будет?» «Не будет». Я как стояла, опираясь локтями на комод, закрыла лицо и заплакала: «Ведь это же сил больше нет!» Он как-то нежно и заботливо

снял с меня шляпу, пальто, успокаивал. Села на кровать; он вытащил подушку, вытянул мои ноги, накрыл пальто. «Чувствуйте себя, как у Юрки!» Кончилось тем, что я заснула. Крепко спала. Потом слышу, он так нежно-нежно гладит мне волосы и щеку. «Кисонька, пора вставать, уже около восьми». Звал меня идти с ним обедать, но я торопилась в Институт – посмотреть, что там делается. Туда должен был прийти Юрий. Обещала подождать Андрея. Шла в Институт с очень неприятным чувством. Решила – если какой-нибудь экзамен будет – держу. У калитки стоял Обоймаков. Рассказывает, как все глупо вышло. К 7-ми часам приехали Милюков, Эйзенман (француз), Дюги, пришел Гурвич, а из студентов – один он. Странно только, на что же наши профессора рассчитывали, если нигде не было объявлений. Это частным образом узнали, что во вторник Гурвич, а насчет 7-ми часов никто не догадывался. Ну, и разошлись. На калитке объявление, что в среду в 7 часов Шацкий и Гурвич переносятся на субботу. К 8-ми набралось несколько студентов, все злые-презлые, а больше всех – я. Потом разошлись, а я осталась ждать Андрея. Он пришел поздно, пошли в метро и по дороге встретили Юрия. Так как Андрею рано было еще ехать на работу, пошли на набережную к Notre Dame, на те места, где мы с Юрием стояли в последний день занятий. Андрей нас скоро оставил, а немного погодя и мы пошли. В метро опять встретились. Ехали вместе. Я сидела. «Едем, как 7 месяцев тому назад». «Да, – говорит Андрей, – только немного в ином положении». Милый Андрей! Он был какой-то такой хороший вчера, и так как-то было мне с ним хорошо и легко. С Юрием мало говорили. Уговорились, что сегодня он приедет не в Институт, а сюда и будет меня ждать, а я постараюсь отвечать одной из первых.

Сегодня в «Посл<едних> Нов<остях>», наконец, расписание экзаменов. Гурвич переносится уже на понедельник, но зато он будет только один раз. Его сдает немного, человек 15–20, не больше; и разбивать на два раза – очень много (внимания – И.Н.) пришлось бы на каждого.

Сегодня я совсем спокойна. Вероятно, просто потому, что слишком перенервничала, издергалась вчера. Просмотрела программу и увидела, что силы свои я переоценила. К 5-ти еду к Обоймакову, повторим с ним – вывезет кривая!

Настроение – не вчерашнее, проваливаться не хочется. А погода хорошая. Париж сейчас так красив. Эта свежая, светлая зелень на бульварах, зеленая с прочернью, и воздух теплом

таким пахнет, а перед кафе столики уже наружу выставились — все это так хорошо; все говорит о весне и лете, а также и о счастье.

7 апреля 1927. Четверг

Так вот. Как прошел у меня вчерашний день: прихожу я к 5-ти часам к Обоймакову, начинаем заниматься. Опять он мне все рассказывает. Дошли до 20-го (последнего) билета, надоело нам, устали; и я решила, что «ну его к черту!» Потом все-таки Обоймаков мне его рассказал, но говорил он всего минуты две. «Тут нужно воды налить, уж как-нибудь, сами...» Вскоре пришли Лева и Гинсбург, оба «знающие»; смеялись, что их надо только под конец пустить в зал и т.д. Начались перекрестные вопросы. Я опять за свое: «Какая разница между референдумом и плебисцитом?» (как раз из 10-го билета). По этому вопросу существует много теорий, и никто мне толком не ответил... К 7-ми отправились в Институт. Шацкий сидит в канцелярии и проверяет письменные работы поступивших на 2–3 семестр. У калитки несколько студентов. На меня сразу накидывается один: «На сколько лет избирается в Америке верхняя палата?» «На три». «Это правда? А там спорят — на 6 или 3». «На 3, верьте». Настроение паническое. И чем больше собирается толпа, тем больше паники. «Вы держите?» «Я еще не подготовился». «Вы знаете 4-й билет?» «А с чего вы начинаете говорить о парламентаризме?» Приходит Милюков. Приезжает в такси Эйзенман (француз). В правом глазу огромный монокль в черепаховой оправе, борода. Наконец, просят всех наверх. Пришли, разделись, каждый по привычке занял свое место. Тут я начала волноваться, вышла на площадку. Подходит Андрей, успокаивает. Подходит Белый, что-то говорит: «А от чего вы так волнуетесь?» «А почему вы решили, что я волнуюсь?» «Да потому, что вы мне сейчас так резко ответили». Смеется. Наконец, вижу, поднимаются профессора. Загоняют всех в аудиторию. Пошли. Милюков сел за кафедру, поставили стульев. Гурвич тут же вертится. В аудитории гвалт, крик. Стараюсь настроить себя на трагический лад, делаю серьезную нервную мину — не выходит. Среди профессоров недоумение (как же примоститься!). Наконец, Кулишер предлагает освободить первые парты. Он сам садится на стул перед первой партой моего ряда, Шацкий — перед средним рядом. Милюков просит составить порядковый список. Мирей де Марон, сидящий передо мной, пишет себя, потом его атакуют со

всех сторон. Я сразу ему на ухо: «Меня, меня, меня!» Записал – успокоилась. Немного стихло, и Милюков говорит: «Один студент просил проэкзаменовать его первым, так как ему надо ехать на работу, на завод». Войцеховский Андрей вскакивает, идет, садится к Кулишеру. Мирей де Марон – к Шацкому. Белый обдумывает у Кулишера. Что делается у Шацкого не вижу, рядом с ним сидит Эйзенман. Милюков на кафедре, то в одну сторону наклоняется, то – в другую. Прислушивается. Догадываюсь, что Андрей отвечает 1-й билет. Позавидовала. Потом слышу, у них произошел какой-то конфликт. Голос Кулишера: «Если вы говорите, что читали Дайси, то как же вы это-то не знаете?» И вскоре голос Андрея, немного резкий: «У меня нет обыкновения говорить, что я читал, если я этого не читал». Кулишер вообще страшно нервничал, пенсне летало с носа, хватался за голову, откидывался на спинку стула, хохотал. Мутузили его довольно долго, больше 10-ти минут. Наконец, освободили, т.е. матрикул нам еще не дали, и балы ставили на листах бумаги. Андрею – 17. Счастливый, подходит ко мне, начинает что-то говорить, с другой стороны подсказывает Мирей де Марон. Я не знаю, когда будет моя очередь. Вижу, что Лева идет к Шацкому, показала ему кулак.

Потом вдруг голос Милюкова: «Кнорринг». Встаю, иду. Сажусь на свободное место рядом слевой. Шацкий в это время что-то говорит с Милюковым, уходит Эйзенман. Я сижу. Милюков мне говорит: «А билет-то, билет». Билеты на парте у Кулишера. Сначала цапнула раскрытый билет Андрея, схватила другой, смотрю... 10. Очевидно, здорово сгримасничала. Смотрю в билет Левы, что-то о парламенте. Предлагает: «меняемся?» Оглядываюсь: «Нет, говорю, неудобно, смотрят». Подходит Шацкий, начинает экзаменовать Леву. Я была довольно спокойна, хотя чувствовала себя не совсем ладно. Делаю серьезное лицо, «обдумываю», да что тут выдумаешь: «Формы непосредственного народоправства. Референдум. Народная инициатива». Одно придумала – упомянуть Руссо. Некрасов удачно назвал этот билет «лирическим билетом». Чувствую на себе пристальный взгляд – смотрит Гурвич, смотрит пристально, полунасмешливо, полусочувственно. Друг друга мы поняли. Лева кончает, получает – 18. Шацкий обращается ко мне, но прежде я обращаюсь к нему: «Я не смогу переменить билет?» «?» «Тут нечего говорить, нет фактов, на которых можно было бы базироваться...» «Ничего, поговорим». Вижу, что он сразу хочет идти мне на помощь и задавать

вопросы. Но я это опережаю и начинаю говорить сама. Сказала раз, повторила другими словами, упомянула Руссо. Что-то говорила о референдуме... Потом он спросил о Монтескье (кажется, Руссо без Монтескье не бывает), еще о чем-то. Ответила. На один только вопрос не ответила – что такое вето и билль. Даже названия не помню. Потом спросил об избирательной реформе 1832 года, и только я начала ее объяснять, он меня перебивает: «Ну, это вы знаете», и поднимается, идет к кафедре. Я некоторое время продолжаю сидеть, потом тоже поднимаюсь. Он говорит мне вслед – 15. Слава Богу, один экзамен свалила! Довольно скоро после меня идет отвечать Лиля, тоже к Шацкому, и тоже 10-й билет. Шацкий, вероятно, уже немного обалдел. «Разве мы с вами еще не кончили?» А Лиля: «Нет, я другая. Это Ира Кнорринг отвечала вам этот же билет». «Ах, так. А я все еще до сих пор вас путаю».

Я полчаса ждала, не будут ли выдавать матрикулы, потом махнула рукой и поехала. Дома у нас сидит Юрий. Радостная, начинаю что-то долго и подробно рассказывать.

После экзамена поехала к Обоймакову, пожала ему руку, сказала спасибо. «А завтра опять приду!» Сейчас, в 2 ¹/₂ – еду. Оттуда к Юрию. Он очень доволен за меня. А писать сейчас больше нет времени.

Тетрадь X

8 апреля 1927 – 12 сентября 1928
Париж

8 апреля 1927. Пятница

Вчера ездила к Обоймакову заниматься. А у него сегодня экзамен по Советскому государственному праву, на столе программа, вид озабоченный. Не хотелось быть нахальной и отнимать его время, просила чуть-чуть рассказать из тех билетов, которых нет в моих книгах, условились, что приду в субботу перед экзаменами. Поехала к Юрию. И чем ближе я к нему подходила, тем страннее было у меня чувство. «По-настоящему» я его очень давно не видела, м<ожет> б<ыть>, не так уж и давно, как кажется. Эта неделя была такая большая, эти волнения, экзамен такой – неожиданно благополучный. И эти дни Юрий был не со мной, его просто не было. Характерно, что его имя даже не упоминалось в дневнике эти дни. Это объяснимо и естественно: экзамен – редкая и большая вещь. А успех, конечно, сильно поднял настроение; м<ожет> б<ыть>, даже несколько вскружил голову. Во всяком случае, не удивительно, что я о нем столько пишу, говорю и думаю. Но я поймала себя и на другом: меня опять потянуло к Институту; и даже студенты, которые так раздражали меня последнее время, стали опять как-то близки. Мне даже захотелось как-нибудь на той неделе пойти на экзамен, посмотреть, как он происходит, как сдал такой-то и такой-то. На этом-то я себя и поймала, и мне стало очень неприятно. «Неужели же я пойду в Институт, когда могу провести время с Юрием?» Прихожу к нему. Он живет теперь на чердаке, комнатка славная, маленькая, в форме трехгранной призмы. И как-то сразу все пошло не так, как раньше. Он мне признался, отчего такой странный был в среду: «Я никак не думал, Ирина, что мне будут так неприятны эти экзамены». А я это знала, и я давно говорила ему об этом. Знала, что будет неприятно; и то, что не хватило силы воли; и то, что мы не идем в ногу, не волнуемся одним волнением и не живем одним желанием; и то, что есть область, где я одна; что есть область, куда

он за мной не пошел. А он только в среду это почувствовал. Я вернулась домой в ужасно паршивом состоянии. Вот в такие моменты я могу сжечь весь свой дневник и стихи... А я вместо того, чтобы его успокоить, сказать, что ведь это нас не отделит друг от друга, не помешает, начала говорить как раз обратное, что вот меня опять потянуло к Институту, что скоро начнутся занятия, будут заняты вечера, будем редко видеться и т.д. Оба расстроились. «Есть два выхода, Юрий». Первый – ему как-нибудь только сдать экзамен, догнать меня. Второй – мне бросить Институт. Юрий понял. «Нет, конечно, не бросай, не надо». А я бы могла.

Потом было что-то неумное и дикое. Писать об этом трудно. Я была усталая, кислая и раздражительная. Резко сказала ему: «Оставь!» – и еще что-то в этом роде. Видела, что ему больно. Потом оба молчали. Мы как-то немножко отвыкли друг от друга за эти дни, м<ожет> б<ыть>, это относится только ко мне. Словно отошли друг от друга. И вдруг совершенно глупая и жуткая мысль – вот так мы и совсем можем разойтись. Сказала Юрию, страшно его перепугала. Вообще было глупо. Высасываю трагедию из пальца, из мухи слона делаю. Сегодня день – всего и не передашь. Только поздно вечером, часов в 11, так хорошо успокоились.

Если я завтра выдержу экзамен, все перевернется в солнечную сторону, все будет хорошо. Если не выдержу – только хуже, пожалуй, выйдет еще оттяжка.

Господи, помоги!

9 апреля 1927. Суббота

Была не была! Иду на экзамен. Чувствую, что делаю что-то не совсем хорошее, во всяком случае, сильно рискую. Если Гурвич захочет – может пропустить. Заниматься уже больше не могу. Скоро пойду к Обоймакову. Темные, пустые места в программе еще кое-как осмыслю. В программу даже страшно заглянуть. Иду спокойно, внешне почти не волнуюсь, так как более чем уверена в результате. Только бы уж скорее! Господи, помоги!

10 апреля 1927. Воскресенье. Рано утром

Прежде всего, пошла к Обоймакову и не застала его дома. Немножко обиделась и помчалась к Андрею. «Вы держите экзамены?» «Нет». «Ну, все равно, расскажите мне о Канте». «Кисонька, я и сам ничего не знаю. Вот эти дни буду готовиться». Я чуть не плачу. «Ну, пойду». «Куда?» «Куда-нибудь. Заниматься».

Пришла к Обоймакову. Он сразу на меня накинулся, зачем я не подождала. Уже 6 часов. В 8 экзамен. Сажу на диване с ногами, реву и все повторяю: «Да скорее же, скорее говорите, не успею!» Начал второпях рассказывать мне половину программы и пошли в Институт. Собрались у калитки человек 20. Настроение какое-то необычайное, веселое и дикое. Наконец, начинается экзамен. Гурвич, Эйзенман, Гронский, Милюков. Сидят все вместе за столиком. Перед этим Костя взял да и написал на доске целый список студентов и меня первой. Гурвич смотрит на доску: «Кнорринг». «Нет, говорю, этот список недействительный». «Тогда я по-своему: Блинов». Блинов начинает отвечать. Молчит. «Я подумаю», – и все молчит. Гурвич терпеливо ждет. «Вы лучше придите в другой раз». «Да что такое в другой раз! Все равно больше знать не буду». Настроение в аудитории упало. Никто не хочет идти отвечать. Тут я решительно поднимаюсь и иду. Решила, что если провалюсь, так, по крайней мере, насолю Гурвичу: эффектно начал экзамен! Вытаскиваю билет 15. Тут я сделала глупость: спросила Гурвича, нельзя ли переменить билет. К счастью, он ответил отрицательно. Села. Рядом Лиля «обдумывает» Локка. Начала говорить, так нервничала, что все забыла, путалась в словах, бормотала какие-то бессвязные фразы. Сбивал Гронский своими вопросами, тогда Милюков с его особенной, Милюковской улыбкой – только хлопал его по колену, «Молчите, мол». Один раз даже Гурвич вступился: «Да вы не путайте, дайте договорить». А под конец, когда уже Гурвич сказал «довольно», то все-таки спросил меня, кого я знаю из представителей левеллеров? Это слово стоит в программе, в билете, так что я никак не могла его не знать, а тут забыла. Я говорю, знаю, сейчас, начинаю мучительно припоминать, время идет. «Да я же знаю». Кругом, со всех сторон, начинают подсказывать, это еще больше нервирует. Так и не вспомнила и сказала по подсказке. Вообще, своим ответом страшно недовольна. Можно было бы все это рассказать если не содержательнее, то, во всяком случае, толковее. Правда, многое из того, что я говорила, $\frac{1}{2}$ часа тому назад мне говорил Обоймаков. Иду на место. Подходит Обоймаков: «Ну и молодец же вы!» Выходя в коридор, прохожу мимо профессорского стола, смотрю: «Кнорринг – 14». Я так и ахнула! А настроение какое-то малорадостное. Не так представляла я себе этот момент. Приезжаю домой – Юрия нет. Я начала рассказывать и расплакалась, такое у меня впечатление, как будто я провалилась. В одиннадцатом часу пришел Юрий, оказывается – ездил в Институт.

Сегодня вот почему-то соскочила в такую рань. Кажется, спать лягу. Что-то все то же, да не то.

2 мая 1927. Понедельник

Вот давно не писала. Как давно было все то, что я писала в прошлый раз. Как далеко.

Я больна. У меня сахарная болезнь и, очевидно, уже давно, еще до экзаменов. Но я только в прошлый понедельник обратила на это как следует внимание и обратилась к мадам Дельбари. До этого я обращалась к Манухину, но с легкими все было благополучно. Теперь я сижу на строгом режиме. Только второй день встала, раньше спала целые дни. Каждый вечер приходит Юрий. Тоже переменялся, бедный, страшно нервничает.

Манухин говорит, что все это у меня на нервной почве.

Писать трудно, а так много хочется написать.

19 мая 1927. Четверг

Хорошо, что нас миновали
Неспокойные, трудные дни...

А если так, то стоит ли о них писать?

7-го <мая>, в субботу я легла в госпиталь и пробыла там 8 дней. L'hôpital de la Pitié – в Париже, далеко отсюда. Было мило там и, надо отдать справедливость, хорошо, хотя последние дни я много плакала. Первую ночь я не спала, нервы шалили. На другой день меня перевели из общей палаты в маленькую комнату, где я и пролежала до четверга. Там было совсем уж хорошо, тихо, спокойно. В палате были только больные. Особенно сразу же меня поразила одна, №5, больная только сидит на кровати; ложится, совсем желтая, сухая, и круглые сутки стонет: «O, la, la. O, la, la...» И когда совсем изнемогает от боли, в каком-то предельном отчаянии хлопает себя слабыми руками по ногам. Потом ей стало лучше, а вчера вечером она умерла. В №1 – красивая молодая дама. Стриженные волосы, красивая лента в них. Первые дни лежала неподвижно, потом ей стало легче. Днем ничего, а по ночам у нее бессонница, и – чуть вечер – она начинает громко разговаривать и плакать: «Maman, viens ici»* или «Je me sens mourir»**. А жалкая. «Madames avez pitié de moi. O, comme c'est»*** (нрзб одно слово – И.Н.). Вечерами трудно бывало.

* «Мама, иди сюда!» (фр.)

** «Я чувствую, что умираю» (фр.).

*** «Мадам, пожалейте меня. О, как это...» (фр.)

Пока я была в маленькой комнате, я их всех мало знала, а когда меня перевели в общую комнату, у меня открылось большое поле для наблюдений. В первый раз я так близко увидела страдания. Такие страдания, такие болезни, что просто жить страшно стало. А сестры, сиделки, доктора – все такие милые. Старшая нашей палаты m-lle Marcelle – так прямо очаровательное существо. Несколько раз приходили доктора со студентами, и однажды я выслушала целую лекцию о том, что такое диабет. Жаль только, что мало поняла. Вообще, вот тут-то и пришлось пожалеть, что не знаю языка. В этот же раз я что-то невпопад ответила профессору и, кажется, ввела в заблуждение всех студентов.

Первые дни все было хорошо, даже не было скучно. А потом, когда начала поправляться, наступили эти беспокойные, жуткие дни.

В четверг утром привезли одну тяжелобольную и положили ее в маленькой комнате, а меня перевели в общую палату, в уголок. В этот же день Marcelle сказала мне, что диабет почти никогда не излечивается совсем, что впрыскивания придется делать несколько лет, а то и всю жизнь, режим соблюдать тоже. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, я плохо поняла. Только я расстроилась и на приеме в первый раз плакала. Вечером привезли еще двух больных, и одна из них долго и неистово, полным голосом кричала. Приходили к ним доктора. Была какая-то суматоха. Спать я не могла. Потом все прошли к больной в маленькую комнатку и закрыли дверь. Часов в 11 моя соседка сказала мне: «Elle est morte»*. Я отнеслась к этому довольно спокойно, умерла, так умерла, ее и привезли уже в тяжелом состоянии. Но когда все ушли и потушили свет, мне стало как-то неприятно. Силится заснуть, повторила бесконечное число раз «Соловьиный сад» и «Куликово поле» и чуть задремала. Меня разбудил приближающийся скрип колес. Я сразу поняла – тележка за трупом. И зажмурилась. Слышала, как тележка проехала через всю палату и остановилась около маленькой комнаты. Потом видела – закрытыми глазами – как зажегся свет в ней. А моя кровать как раз около маленькой комнаты, только дверь в нее с другой стороны, но видно. Шаги, потом слышала, что что-то стукнуло: положили. И затем скрип мимо моей кровати к двери. Я невольно открыла глаза и видела белую спину санитаря. А потом долго слышала затихающий скрип колес... Этой ночи я до сих пор не могу спокойно вспоминать. Всю ночь я не спала.

* Она мертва (фр.).

Смотрела на завешанный огонек в дежурной комнате, недремлющую сиделку в ней и мучительно ждала каждого нового боя часов: ближе к утру, но до утра оставалось еще 6 часов. О, это были мучительные часы!

Напряженно думала о Юрии, перебирала в памяти его последний визит в среду. Думала о том, как мы будем жить вместе и как вот в такую трудную бессонную ночь я его разбужу и скажу, что мне страшно, и он обнимет меня и успокоит, и станет так хорошо и не страшно. Слышала, как било $\frac{3}{4}$ пятого, и с этой мыслью о Юрии заснула. В 6 проснулась и больше уже спать не могла. Следующий день был тоже тяжелый. Бессонная ночь совершенно измотала нервы. Казалось, что так больше нельзя, что надо как можно скорее выбраться отсюда. Еще казалось, что жизнь уже сломана, что того счастья, которое представлялось таким возможным, — никогда не будет, что Юрий стал другим, что между нами уже нет прежней близости и...и...и я плакала весь день. На беду — и доктор не приходил. Написала Юрию какое-то отчаянное письмо, но не успела отправить — вечером пришел доктор и сказал, что в воскресенье я могу выписаться. Должно быть, так всегда бывает в жизни: как дойдешь до какой-то последней черты, за которой, как кажется, ничего уже нет, — хватать, что-то такое и выручит.

И вот я в воскресенье приехала домой. Сплю спокойно, а нервы шалют. Каждое утро езжу в госпиталь на пикюр*. На той неделе будет консультация у доктора. Чувствую себя бодро. Сумасшедше прибавляю в весе (напр<имер>, 1 кг 300 гр в день!), строго соблюдаю режим. Все как будто шло хорошо. А вот сегодня мне в госпитале сделали анал<из>, и оказалось, что опять есть и сахар, и всякие гадости. У меня так руки и опустились. Господи, как хочется опять быть здоровым, нормальным человеком! Будет ли это?

Но, если у человека отнимают правую руку, он все-таки продолжает жить, как-то приспособливается обходиться левой. Я решила жить так, чтобы болезнь мне не мешала. Об Институте думать нечего. И лучше о нем совсем не думать, только расстраиваешься. Личная жизнь точно оборвалась. Плохо, что мы с Юрием совсем не бываем одни, поэтому наши встречи всегда как-то полуофициальны и несколько натянуты. И когда еще мы встретимся по-настоящему? Об этом тоже лучше, может быть, не думать. Но у меня — вот — стихи, и вот я решила снова

* La piqûre — укол (фр.).

стать поэтессой. М<ожет> б<ыть>, это самое верное мое дело. Сегодня Папа-Коля дал одно стихотворение в «Новости». И еще мне хочется дать штуки две в «Современные записки». Будут какие-то волнения, ожидания, хоть некоторое время будет, чем жить. Да и нельзя так, без боя, сдаваться. Потом буду читать, только бы в госпиталь опять не ложиться.

23 мая 1927. Понедельник

Вчера я в первый раз почувствовала себя совсем здоровой. Мы с Юрием ходили в лес. Попали под дождь и град, закутались оба в его плащ, стали под густой липой и смеялись. Потом расстелили этот плащ на более сухом месте, сидели, валялись. Было хорошо, как давно уже не было. Юрий стал опять прежним, и, вернее, не Юрий, а я; и поцелуи были какие-то прежние, и что-то новое было во всем этом. Почувствовала, что счастье будет, Юрий тут, Юрий близкий, Юрий любит. И еще почувствовала: здорова. Лес после дождя был такой красивый, и так хорошо пахло; и совсем я не устала, не смотрела неподвижно в одну точку, и не было трудно – лень как-то – говорить, произносить слова. И даже вдруг побежала, полным ходом, по поляне, вырываясь и увертываясь от Юрия. В голове вихрем: здорова!

Стало окончательно ясно, что все мои госпитальные мысли о Юрии, когда мне казалось, что он стал каким-то другим, что между нами нет и не будет прежней близости – все это не что иное, как кошмар диабетика. Вчерашний день меня в этом окончательно убедил. Боже, как все это было глупо! А ведь и Юрий нечто вроде этого испытывал, только более здраво смотрел на дело. Как-то вечером мы сидели в моей комнате у окна, где нас из той комнаты не видно, Юрий на сундуке, я на окне. Он тихонько гладил мне колено, потом вдруг отдернул руку и откинулся. В лесу он мне сказал: «Знаешь, Ирина, раньше, когда я тебя вот так трогал, ласкал, у меня никогда не было такого чувства, что это дурно, как будто я самого себя трогал. А тут вдруг мне показалось, что тебе это может быть неприятно. Даже как-то неловко стало». А вчера мы были самыми близкими, как во время экзаменов.

Однако я совсем не поправляюсь. В госпиталь езжу каждое утро, несколько волнуюсь. Прихожу сегодня – Marcelle в палате нет, стала делать себе анализ. Сначала на сахар. Хотя и плохо я в этих реакциях разбиралась, но во время кипяченья поняла, что сахар еще есть. Marcelle сказала, как и вчера. Мало.

Начала делать на «acétone»*, и такая бестолковая, до сих пор не запомню, из какого пузырька капать надо. Так и сейчас не знаю. Приходила сестра – показала. Как и вчера, этой гадости уже нет. Так что, с этой стороны ничего плохого нет. Пошла взвешиваться, похудела на 250 гр. Немного, при моих скачках, но все-таки. С нетерпением жду завтрашнего утра – поехать в госпиталь, сделать анализ, взвеситься. Вообще я теперь живу от утра до утра, и по-прежнему центром всего является мое здоровье. Боже мой, каким прекрасным мне вчера показался мир, когда я почувствовала, что здорова. Пусть это не верно, не точно, но ведь это значит, что я поправляюсь, ведь это в первый раз, за сколько месяцев, я себя так почувствовала.

Я помню, в госпитале лежала одна больная, лежала уже два месяца; у нее было страшно вздут живот, и на ноге – твердая шишка. И вот однажды пришел доктор, проткнул одну из шишек, вставил трубку с кишкой и из нее вытекло, не помню, 15 или 20 литров жидкости. И все. И через несколько дней она выписалась. Боже, как она радовалась! Смеется, хлопает в ладоши, а руки такие слабые, как плети, и всех целует, плачет... Так вот, и у меня настроение близкое к этому. Сегодня же немножко не то, но вчера! Как хорошо было вчера. Ведь сколько месяцев – считая с января, когда причина была неизвестна. Что-то будет завтра? А в среду консультация.

29 мая 1927. Воскресенье

Мне казалось, что позавчера я написала хорошее стихотворение. Я даже хотела послать его в «Современные записки». А Юрий отнесся к нему более чем равнодушно. Символики не понял, звуковых повторений не заметно. Когда месяцев 8 тому назад Костя спросил меня, к кому ревновать, я сказала: «Только не к Софиеву, ведь он – поэт». Потом мы с Юрием много смеялись над этой фразой, а теперь я опять возвращаюсь к ней. Было бы лучше, если бы он не был поэтом. Это, конечно, очень хорошо, что он так понимает поэзию и чувствует ее так же, как и я, это нас только сближает; но сам он мог бы и не писать. Зависть? Это чувство свойственно каждому поэту... Ревность к Мамченко – в прямом и в широком смысле? Мне трудно в этом разобраться. Только с тех пор, как в первый раз в Volée Мамченко пришел в восторг от его стихов, какое-то равновесие было нарушено. Вот вчера он был у Мамченко.

На этой неделе я пойду в Институт.

* Анализ на ацетоны (фр.).

Жизнь моя замкнута в точном кругу: Мамочка, Папа-Коля, Юрий, затем госпиталь. Марина, моя бывшая соседка:

- Ça va?
- Ça va bien.
- Ça fait bon temps.
- Ah, oui, il fait bon temps.
- Avez-vous du sucre aujourd'hui?
- Oui, j'ai en traces*.

Дома разговоры почти те же.

- Ну, как?
- Ничего.
- Вес?
- Минус семнадцать.
- Сахар есть?
- Traces**.

Потом молчим; еще разговор о том, отчего бы это мог убывать вес и появиться сахар. Приходит Мамочка — и опять все сначала. Иногда приходит Юрий.

- Ну, как у тебя дела? Сахар?

Потом длинное и тягостное молчание. Иногда ходим гулять. Тогда бываем нежны и ласковы.

Мне хочется разных людей, других разговоров. А вернее — не других людей, а этих же самых в другой обстановке. Ведь зимой, когда я жила полной жизнью, я видела Юрия каждый день и оставалась с ним вдвоем — мне было его достаточно, и часто я бросала других, чтобы быть только с ним. Впрочем, я пишу уже какую-то чепуху, как будто бы я сейчас променяла бы Юрия на каких-то других. А людей видеть мне хочется, каких-нибудь. С Пасхи каждый понедельник ждала Сергея Сергеевича, — намекал, что зайдет. Собираюсь сходить к Кольнер. Пошла бы и к Марии Андреевне, и к Кругликам... К кому-нибудь. Так вот хочется новых людей, поговорить бы! Все равно, о чем, хотя бы и о болезни.

Изо дня в день не только разговоры, даже мысли одни и те же: что покажет завтрашний анализ? Все. Что еще осталось

* — Как ты?

— Все хорошо.

— Уже поздно.

— Да, уже пора.

— У вас есть сегодня сахар?

— Да, у меня есть следы (фр.).

** — Следы (фр.).

сегодня? Изо дня в день. Почему я назвала себя счастливой? Почему вот теперь? Зимой я будто не была счастливой, а теперь так настойчиво заговорила о своем счастье. Ведь я сейчас во много раз несчастнее, чем была зимой. Верится, что буду счастливой. Вот эту-то веру я принимаю за счастье. Какое это жуткое слово — счастье. Я хочу Юрия, живого, любимого мною — и душой, и телом; а вовсе не какого-то там «счастья», «быть счастливой». Мне все равно — быть счастливой или быть несчастной, только быть с ним. Вот эта-то мысль и сделала меня счастливой. Сейчас? Как глупо.

Хочется жаловаться. Долго и тихо жаловаться — что Юрий сегодня не пришел, что у меня опять появился сахар, что я не уверена в том, верно ли я делаю анализ на *acétone*, что мне хочется круассанов, и бриошей, и просто хлеба с маслом, что испортилась погода, и идет дождь, что мне не хочется делать *fancier**, что мне вообще ничего не хочется сейчас. Хочется, вот, курить, — сколько времени не курила, — а папирос нет; хочется написать хорошее стихотворение, получить письмо — никто не пишет. И опять сначала: Юрий должен прийти и не пришел. А пришел бы, молчали бы и не знали, что делать, опять появился сахар... Изо дня в день.

А я настойчиво называю себя счастливой. Очевидно, надо что-то изменить, надо сделать жизнь какой-то другой — без болезни и без Юрия, т.е. насколько возможно забыть о том, что я больна, и не думать с такой настойчивостью об Юрии, о том, когда мы будем вместе. Постоянный страх — а не появится ли сахар? — только расстраивает здоровье. А такие мысли о Юрии приведут к тому, что я не выдержу, мы оба не выдержим, и я отдамся ему. Впрочем, я этого не боюсь. М<ожет> б<ыть>, даже я этого хочу. И у меня есть какое-то предчувствие, что так и будет. Я верю в то, что я буду его любовницей, и не верю, что буду женой. Верила, хочу верить, только этим и живу, и не верю.

Вот я сказала что-то страшное, то, что впервые почувствовала в госпитале и боялась оформить в слова, что после стараюсь опровергнуть, чего боюсь больше всего и не верю в то, что мы будем мужем и женой. Почему? Ну что нам помешает? А вот, может быть, болезнь помешает или еще что-нибудь. От этих мыслей у меня начинает болеть голова, и мне не хочется ни лечиться, ни заниматься. Ничего. И когда меня Мамочка спрашивает — Папа-Коля никогда не спрашивает — о том, когда мы

* Фартук (речь идет о работе в качестве вышивальщицы) (фр.).

думаем венчаться и где собираемся жить, я всегда испытываю какую-то неловкость и бормочу что-то неопределенное. А я называю себя счастливой. Потому что я почти официально невеста. И потому что мне этого хочется.

2 июня 1927. Четверг

Сегодня утро было хорошее, т.е. пропал сахар, прибыла в весе. Возвращалась веселая. Думала даже пойти к Наташе, да дождь не перестает. Погода мерзкая. А я стала какая-то совсем спокойная. Два последних дня были каким-то кризисом. М^{ожет} б^{ыть}, потому, что был сахар; отсюда такое состояние. А сегодня я уже спокойная. Только скучаю. Ну, до того скучаю. И читать уже не хочется. Вот пойти бы куда, поговорить.

Вчера были с Папой-Колей на выставке картин Анны Андреевны Волхонской (Anna Duchesne). В живописи я профан, поэтому говорить не буду, только ее портреты мне, действительно, понравились очень. Приходили художники, внимательно разглядывали, долго рассуждали о какой-нибудь мелкой детали и говорили о непонятном. Точь-в-точь, как поэты: прицепятся к какому-нибудь эпитету или цезуре, а главное-то и не замечают. Только одну разницу я заметила: художники и в глаза и за глаза называли Анну Андреевну талантливой, хвалили картины, а что б поэт про поэта хорошо сказал – не слышно. Один раз только я слышала – Мамченко о Юрии.

Из всего Сфаята (как мне кажется – из всего) только три человека начали как-то пробиваться в своей отрасли: Волхонская, Жук и я. Волхонская устроила свою первую выставку. О ней, я вчера слышала, говорят, как о большом таланте, и возлагают большие надежды. Мария Андреевна еще в консерватории, но уже выступает в салонах и концертах, где, по ее словам, имеет головокружительный успех. Я тоже время от времени даю о себе знать. Насчет успеха и «возлагания надежд» – промолчу. Кажется, кроме Демидова да меня самой, никто никаких надежд на меня не возлагает. А я все еще не могу угомониться. Все еще мечтаю когда-нибудь сборник издать. Для меня сборник то же, что для Анны Андреевны – выставка и для Марии Андреевны – ее первый концерт. Хотя, пожалуй, эти вещи – книжка, выставка и концерт не совсем равноценны. Книжки издаются несколько раз в жизни, выставки бывают приблизительно так же редко, а концерты и ангажементы случаются куда чаще. А успехов внешних, более осязаемых, выпадает всего больше именно здесь.

Впрочем, что это я пишу? Уж не завидую ли? А м<ожет> б<ыть>, и завидую. От Юрия вчера получила письмо. Нездоровится... раскис, не мог прийти... Я уже не огорчалась. Хуже было — я как-то не поверила. Всегда он раскисает и всегда ему кажется, что он болен. Ему не то что не хотелось прийти ко мне, а так, лень стало, дождь напугал. Да и не велика радость сидеть против меня и молчать, и перелистывать книгу, и чувствовать какую-то неловкость, и чувствовать, что все это не то, что было, что тут есть какая-то фальшь, что оба мы это видим, и обоим нам не по себе. Я его и не осуждаю. Только от письма его повеяло чуть-чуть холодком, неискренностью.

Он словно не понимает или не хочет понять, что такое положение не только тяжело, но и страшно, опасно для нас обоих.

Днем все хорошо. А к вечеру — такая тоска. Когда я перечитываю страницы дневника, посвященные Косте, мне становится всегда чуть-чуть неприятно. Начинает казаться, что я и Юрию пишу такими же словами, чуть ли не теми же фразами, может быть и правда, что

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной.

Ведь когда я писала о разрыве уже, о своей тревоге и боли, слова какие-то другие нашлись, их не спутаешь. А вот, например, о дне первого поцелуя совсем одни и те же слова: «Я не знаю, люблю ли я его, но мне страшно его потерять». Если кому-нибудь прочесть мой дневник, он, наверное, подумает: «Вот, дрянь девчонка! Крутила с одним — не вышло, принялась за другого. И ловко она врать умеет». И нет таких слов, чтобы передать правду.

7 июня 1927. Вторник

В воскресенье, на пикнике, поняла, что если бы не было семи последних месяцев, Мамченко мог и не пройти мимо моей жизни, мог бы сыграть в ней какую-то роль.

Мы пробирались в чаще глухой тропинки. Впереди всех я, потом меня догнал Мамченко. Что сказал мне — не помню. Только помню, что вдруг заговорила сама, заговорила о том, как хорошо вот идти, идти. А когда на поляне все смешались и потом опять пошли в лесу к озеру, — и я опять впереди всех, — вдруг поняла, что хочу, чтобы меня опять догнал Мамченко. А на обратном пути в Севр мы опять шли впереди вдвоем. Он говорил о том, что я очень замкнутая, что ко мне трудно подойти,

что мне самой тяжело, что я всегда в маске, и так как я прячусь сама от себя, от своих настроений и как никогда от ощущения какой-то огромной силы, которая зовет меня, мне хочется колотиться головой об стену. Майер спросила: «Кнорринг, отчего вы всегда молчите?» «Но ведь вы тоже молчите». «Да, и мне очень тяжело». «Мне тоже тяжело».

Юрий прав, что все они ко мне хорошо относятся. В сущности, за все два года мы в первый раз видели друг друга и разговаривали не как «поэты». А все-таки и в воскресенье я это еще раз почувствовала — я среди них чужая.

Вчера была у Юрия. В первый раз после Пасхальной ночи. Конечно, я знала, что эта встреча не будет похожа на все остальное. Я почему-то, вероятно, предчувствуя эту необычность, даже дома не сказала, что иду к нему, — «удрала». Мы встретились, словно в первый раз после Пасхи. И спустя после каких-нибудь полчаса нежных слов и взглядов о прощении — что-то дикое, сумасшедшее, безумное. Он бросился меня целовать, повалил меня, кусая мне губы, лежал на мне, трогал меня всю, всю, целовал... Я не стала женщиной, нет. Но я хотела этого. Только раз я видела его лицо, перекошенное страстью... Потом было стыдно, старалась скрыть лицо, не смотреть, а потом, крепко прижавшись к нему и обхватив руками его шею, заснула. Сон успокоил, могла прямо и просто посмотреть ему в глаза. Он спрашивал: «Любишь? И таким любишь? Я тебе не противен?» Теперь его лицо было бледным, измученным и чуть-чуть печальным. Я почувствовала, что я в этот момент сильная, что мне надо успокоить его. Улыбнувшись одними губами, сказала: «Шалый ты». Этого было достаточно, чтобы открыто и ясно смотреть друг на друга. Я встала, посмотрела в зеркало, на свои искусанные, распухшие и слегка кровоточащие губы, и улыбнулась уже не одними губами. Юрий так скоро не успокоился. Я сидела на кровати около него. Он спросил: «Ну, говори. Что-нибудь говори, только не молчи». А меня охватило состояние какой-то предельной усталости и было трудно говорить. Я гладила его руки, смотрела в лицо и не могла произнести даже одно слово «милый». А ведь ему было бы достаточно и одного этого слова. Потом, когда собирались уходить, развеселились оба. Домой шли через лес, много дурили, смеялись, и нам было хорошо. О происшедшем говорили просто и весело, и я сказала: «Шаг вперед». «Да, близко к цели». Пили чай вдвоем. Он вынул свою тетрадку стихов, я говорила ему о «Шуте». Он вдруг стал говорить о давно задуманной, но еще неясной поэме «Мыслитель». И все

вместе: новый синий пиджак, мундштук в губах, какое-то новое в нем спокойствие, ровность движений, уверенность и эти слова о задуманной поэме, все это сделало его каким-то новым. Я поняла – Юрий будущего. Так иногда бывает: смотришь на человека и вдруг ясно, до отчетливости, увидишь, каким он будет через несколько лет.

Потом читал мне «Шута». И опять, как семь месяцев назад, он сильно взволновал меня. И мы стали совсем близкими, так, как, может быть, еще никогда не были и какой-то новой и хорошей близостью. Вот почему, когда я вспоминаю вчерашний день, мне не только не стыдно или хоть неловко – мне радостно.

Возвращаясь из госпиталя (вес – плюс 200 грамм, анализ – о-го-го!), вдруг ощутила в себе необычайную растущую силу. Поняла (необыкновенно ясно), что я возвращаюсь к жизни, что немощь – физическая и моральная – изжита.

И еще поняла, что дойду
К настоящей, единственной цели.

Я не знаю, что со мной делалось. Хотелось громко петь, кричать, выкидывать чудовищные антрапа.

Как бодрящий напев Марсельезы,
Этот бешеный к жизни призыв.

Тут-то я и вспомнила до мельчайших подробностей вчерашний день. Тут-то и началось, может быть, впервые – осознание, что жизнь, действительно, прекрасна, что бояться нечего.

И за ночью последней тоски
Есть звериная радость рассвета.

Это хорошо: «звериная радость рассвета». И назвала это «Воля к жизни».

14 июня 1927. Вторник

Как давно, когда я писала прошлый раз. Почти неделя. Почему за это время я не записала сюда ни одной строчки?

Что же было? То был вторник. «Бодрость». «Воля к жизни».

Среда. Ждала Юрия, хотя в понедельник сама говорила ему, чтобы в среду приходил на «День русской культуры» в Сорбонну. Но надеялась, что все-таки догадается посмотреть газету. Не догадался. Не пришел.

Четверг. Были на «культуре». Юрий не был, не смотрел газеты, все напутал и приходил ко мне. В Сорбонне опять почувствовала, что я еще не настоящий человек. Последние дни

у меня было очень нервное состояние (есть сахар), и мне было трудно спокойно сидеть на месте: перекидывала ногу на ногу, ворчала, хотелось и хотелось спать, трудно было слушать. От всех 6-ти речей не осталось ничего. В концертном отделении вся нервозность и сонливость прошли. Когда пел Попов, а потом Липковская – меня охватило состояние, близкое к восторгу. Состояние редкое.

Пятница. Был Юрий.

Я пишу только о вечерах, потому что дни слишком похожи один на другой. Стараюсь как можно позже вернуться из госпиталя, чтобы сразу начать жарить себе бифштекс к 12-ти. Стараюсь дольше завтракать, читая. Потом изобретаю, чем бы заняться до $2\frac{1}{4}$, когда можно начинать варить капусту. Одним словом, стараюсь как-нибудь провести день к вечеру. Не потому ли, что скоро ночь и утро? Иногда бывают, накатывают припадки острой неврастении. Места себе не нахожу. Дрожу, как в лихорадке. Хочется бить стаканы, швырять все, что попадется. Валерьянка не помогает. Помогают орехи – грызть с каким-то остервенением, пока в горле не запершит, тогда успокаиваешься.

Так вот, в пятницу пришел Юрий. Ходили в лес. После нервного припадка долго была вялость и усталость. Нашли тихий уголок и валялись, в волосах – распущенных после головомойки – было много потом прошлогодних сухих листьев. Была пассивной. Понемногу охватила страсть. Почему Юрий не взял меня тогда? До этой последней грани осталось уже так немного. Тогда в лесу я мысленно упрекала Юрия – в чем только – не знаю: в нерешительности, в деликатности, в трусости, в бережливости? Может быть, он и прав, не надо.

Суббота. Его не было

Я пишу не только об одних вечерах, но вечерах, связанных с Юрием. Только с ним одним.

Он должен был быть или в РДО, или на вечере у поэтов. В РДО он не был уже 7 месяцев, но я знала, что пойдет к поэтам. Обо мне не было и речи, как-то обоим было ясно, что не пойду. Знала, что он будет выступать. Может быть, это-то меня больше всего и удерживало. Мелкая, литературная зависть. А ему, конечно, хотелось, чтобы при этом первом его выступлении была я. Тоже, может быть, мелкое литературное тщеславие: ведь он имеет большой успех.

Наконец, воскресенье. Из госпиталя поехала на Daru, Троица ведь. Да и не была я там никогда, только в ограде. Чувствовала себя сильной и легко простояла всю службу. Пели

уж очень хорошо. И настроение стало какое-то хорошее, светлое, праздничное. Около дома меня встречает Юрий, а дома сидят Мамченко и Майер.

Пошли в лес. Мамченко говорил долго и довольно путано, но горячо и много — об осени, о дожде, как о поре, когда отдаешь самому себе отчет о себе. Все это он вывел из моих слов, сказанных в прошлый раз. Я слушала с интересом, но сама не проронила ни слова. Должно быть, ему трудно было со мной. Недаром он на вечере спросил Юрия: «Вам, наверно, тяжело иногда бывает с Кнорринг, она такая замкнутая?» Валялись в траве. Юрий прав: они ко мне хорошо относятся. Появилась даже некоторая интимность и откровенность. Юрий в азарте рассказал, что «Ира начинает увлекаться Мамченко». На что я без всякой обиды и досады улыбнулась. Юрий после пожалел об этих словах, но жалеть было нечего.

Время было уже много, и надо было вечером торопиться на «День русской культуры» в Trocadéro. А Юрию, как назло, надо было разглаживать какие-то складки на брюках. Мы даже разругались, т.е. это я дала волю своему раздражению. В полчаса загнала его из Медона в Севр. Сама устала, но молчу. Пусть отвыкает от своей врожденной привычки всюду опаздывать. А когда наши уже ушли, а мы задержались, вдруг почувствовала какую-то новую близость к этому большому ребенку, этому «человеку без масштаба», как определил его Борис Александрович. Начался «День русской культуры» со скандала. Во вступительном слове было «20 расстрелянных». Из публики кто-то крикнул: «Надо встать», и весь театр поднялся. Только один субъект в одной ложе не встал. Раздались крики: «Это коммунист! Вон! Долой!» Кое-как удалось уговорить, а в антракте дело дошло до мордобоя. Разъяренная толпа, безумная в своей ярости, через головы и стулья лезла в ложу, била по физиономии под громкие аплодисменты. Коммунисту грозил самосуд. Дама, бывшая с ним, зажимала ему рот рукой. Момент был жуткий. Вызвали полицию. Очевидно, под впечатлением этого скандала весь концерт не произвел на меня ожидаемого впечатления.

16 июня 1927. Четверг

Такая тревога! Тревога за себя, за Юрия, за нас обоих. Разве можно с последней искренностью сказать, что ничего не произошло, что все осталось по-старому? И разве Юрий не живет теперь новой жизнью, разве он не видит новых людей, которые заставляют по-новому биться его сердце? Было время,

было, когда мы жили одной жизнью, одним ритмом. Может быть, это было и плохое время для нас. Мы жили любовью – и только любовью. А теперь Мамченко – Мамченко лично – и весь этот круг перевернули его (Ю.Софиева – И.Н). А я не двинулась. Юрий только теперь начинает понимать то, о чем я ему давно говорила. Я говорила, он тогда словно не понимал, что ему придется дотянуть меня до него. Я говорила об этом долго, он отвечал какие-то глупости о том, что никуда тянуть не надо. Я уже тогда понимала нашу неравноценность, он глупел от любви, не понимал. И теперь я боюсь, что у него не хватит на это сил. Тем более, что ревность происходит теперь уже не по нему, а по Виктору. Юрий начинает даже несколько терять самого себя. Доходит до смешного, он иногда даже в жестах копирует Виктора. Но не в этом дело. Очевидно, рядом с «ними» я проигрываю. Юрию это неприятно. Ему теперь надо, чтобы я была немножко как Майер, которая живет головой и может рассуждать о сущности бытия, или как Наташа Борисова, которая может говорить какие-то умные слова о поэзии. Да и я сама стала взрослая, уже не девочка, перед которой он становился на колени и говорил: «Так бы взял я тебя на руки и пронес мимо всего темного». Теперь хочется большего, и это у него прорывается. Все чаще он говорит мне о том, что я не над чем не работаю, ничего не читаю и т.д., что он был рад, когда Виктор на прошлой прогулке говорил со мной на философские темы, – и в то же время проскальзывает вполне откровенное беспокойство. И только когда я начинаю – с досады, что ли – плакать, он опять становится по-прежнему ласковым, нежным, от того, что я делаюсь прежним «чуть-чуть» ребенком». Дальше, больше. В прошлый раз он вдруг начал говорить о том, что нельзя строить счастье на одном только чувственном влечении. Это он говорит мне?! Когда меня больше всего пугало именно то, что у меня почти отсутствует чувство, тот момент в любви, момент страсти. Не самому ли себе бросил он это предостережение? Ведь если я и хочу иногда физического сближения, так больше всего потому, что за этой последней гранью и будет какая-то последняя близость, как мне кажется. Говоря грубо – хочу крепче привязать его к себе. Вероятно, так разлюбленная жена хочет ребенка.

25 июня 1927. Суббота

Господи, какое счастье – жить!

С тех пор, как я писала в последний раз, произошло много. Целая гамма чувств и настроений. Прежде всего, я показывала

Юрию прошлую запись. И так радостно и тепло стало на душе. И у него тоже. И все тяжелые мысли, которые приходили в голову нам обоим, сразу разлетались. Радостно стало. После этого, кажется, было воскресенье. Ссорились. Началось с того, что мы собирались идти в лес вдвоем, а к Юрию пришли Мамченко и Майер. Это бы еще ничего, но зачем-то нужно было заходить за Наташей Кедровой, а у той своя компания, увязались мамашаи...

Еще пока шли к Кедровым, мы с Юрием так поругались, что я хотела идти обратно. Настроение было испорчено на весь день. В лесу мы с Майер ушли в чащу, обоим было как-то тяжело на людях. С Юркой не разговаривала, старалась держаться дальше. Оттуда, из лесу, Кедровы пригласили всех к себе. Идти не хотелось, мы с Майер под каким-то предлогом увильнули, послали Юрку с Виктором, а сами пошли к Юрию, начали варить картошку. Потом пришли те, и вечер провели в мирных и бурных разговорах о поэзии. Я что-то сцепилась с Мамченко. С Юрием примирились.

Однако и на другой день настроение было скверное. Чувствовала, что была не права, что просто срывала на нем свое настроение. Пошла к нему, его еще не было, прибрала комнату, и на душе было даже мирно и хорошо. Он, конечно, страшно обрадовался. Я торопилась уходить – была работа дома, ведь и пришла я только для того, чтобы сгладить неприятное впечатление от воскресенья. Пошел меня провожать, шли лесом. Хорошо все это было. А то утром я уже такие грустные стихотворения писала:

Я не в силах сказать: «Если надо – уйди
Далеко. Навсегда. Без возврата!»

В самом деле, было такое чувство, что он уходит от меня или что это нужно сделать, для него же нужно. Однако, тогда же я почувствовала, что –

Все равно ты не можешь меня разлюбить,
Никогда не полюбишь другую.

Уже давно, с того самого дня, пожалуй, эти настроения стали смешными. В четверг – собрание в Volée. Тогда же в «Посл<едних> Нов<остях>» напечатали мое стихотворение «Пилигримы». Сильно меня удивило то, что Демидов забраковал мое «Векам на смену!». И знала, что поэты к этому перелому в моей жизни отнесутся сочувственно. Юрия в Volée не было. Мамченко пришел позже. Сидела рядом с Очерединым и играла с ним в

«крестики», вошли оба в азарт, как вдруг слышу голос Ладинского: «Ирина Николаевна, может быть, вы начнете?» Уставилась на кончик карандаша и начала:

Облокотясь на подоконник,
Сквозь сине-дымчатый туман...

Как и ждала, оно было встречено сочувственно. Фохт отметил этот период в творчестве и приветствовал его. Ладинский сказал, что «Ирина Кнорринг вышла из своей девичьей комнаты на большую дорогу». Какая-то дама заявила, что имена собственные, а особенно Линдберг с Чемберленом, не идут в поэзию. Адамович заступился, и на эту тему загорелся спор. Многие в тот вечер говорили сладкие слова о «Пилигримах»; все находили, что это «лучшее», и только Браславский заметил: «Нет. Хорошо, но другие лучше. Вы ведь знаете – тех ваших стихов многие, ну, прямо не переваривают. Я всегда за вас заступался. Я очень люблю ваши стихи. Вы подумайте, ведь вы единственный поэт, который пишет о себе. А это так ценно в поэзии». И он прав, тысячу раз прав... И пусть все, даже Юрий, будут приветствовать мой поворот от субъективной лирики к объективной, все равно – я знаю, что это не мой путь, что я тиранию сама себя, мне не надо покидать мою милую «девичью комнату», которую многие так ненавидят. Пусть меня ни один поэт не считает за настоящего поэта, пусть меня ненавидят, я буду писать о том, что мне близко и что меня волнует. А волнует меня не разум, не философия, а сердце.

Вчера была у Юрия. Оба мы долго ждали этот день, и, конечно, знали, чем он кончится. Но – тут я подошла к такой области, о которой писать не умею. Не умею. Слова тут ничего не скажут. Одно только я почувствовала, что после вчерашнего – мир стал шире и радостнее, а нас с Юрием уже почти ничто не разделяет. Стыдно? Нет, нисколько. Один момент было какое-то раздражение. Почему нет? Боится? Бережет меня? Только потом я оценила эту сверхчеловеческую силу любви, которая заставила Юрия в самый последний момент сказать: «нет», когда мы были охвачены одним безумием, одной страстью, когда я шепнула ему: «не бойся», и когда оставался один только момент до того, чтобы стать – по Розанову – Богом. Может быть, Розанов и не прав, но этот момент страсти был прекрасен.

26 июня 1927. Воскресенье

Сегодня мы с Юрием лежали в одной постели.

А дома полный разрыв дипломатических сношений.

29 июня 1927. Среда

Вчера я свалила с плеч большую тяжесть, хлопотала о том, чтобы мне не платить 215 фр<анков> в госпитале. Сделала все возможное, и опять мир стал чист и безоблачен. Ничто над душой не висит, легко так. Опять я могу остаться наедине с мыслями о Юрии. Боже, какое счастье! Вчера приходила Мария Андреевна, все говорила о своих успехах, и мне стало как-то неприятно. Я не настолько люблю ее, чтобы искренно радоваться ее успехам, и было досадно на себя, что я-то за этот год ровно ничего не сделала. Успокаиваю себя тем, что занята личными делами. В самом деле, для Юрия, для него-то, милого, обещаю, я могу бросить все. А поэзия уже давно отодвинута не только на второй, но и на третий план.

1 июля 1927. Пятница

Сегодня день проходит чуточку необычно. Встала несколько позже, но самое необычное-то началось в госпитале. Сегодня Марсели нет, обычно по пятницам я хожу в другую палату. Но вчера она меня предупредила, что той сестры тоже не будет, чтобы пришла сюда. А ее заместительницу я терпеть не могу. Прихожу. Кровать №1 у входа огорожена ширмой, лежит, закрытая простыней. Умерла. А лежала там девочка 16-ти лет. Сразу стало как-то очень грустно. Жаль ее. И вспомнилась одна ужасная ночь в госпитале. Теперь жутко не было. Было только жаль ее, такую молодую, и ту женщину, которая несколько дней тому назад стояла у ее кровати и плакала.

Опять страшно прибыла в весе (1 кг 200 г), и это меня напугало и огорчило. Стала замечать, что последние дни плохо себя чувствую. Почему-то вдруг мелькнуло – «туберкулез». И стало жаль уже не себя, а Юрку. Глупо, конечно, но вот и мысли-то сегодня какие-то необычные. Потом эта идиотская сестра на меня накричала, – зачем я вылила свой анализ и не показала ей. «Вы могли ошибиться. Ведь я же должна знать. Я не могу так работать». На что я «хозяйским», несколько резким тоном заметила ей, что я всегда так делаю и, если бы лучше говорила по-французски, сказала бы ей не особенно резко, что это ее, в сущности, совершенно не касается, что ей только нужно мне сделать пикюр. Я помню, что когда я еще лежала, мы с ней из-за чего-то повздорили. Не люблю я ее.

Вылезла на Porte de St. Cloud из метро. Сильный ветер и туман. Но и туман какой-то необычный, не парижский, не то туман, не то дым. Будет страшно, если я напишу «день тяжелых

предчувствий». Чего? – не знаю, и это только усиливает тревогу.

Вечером я должна пойти к Юрию. И стало страшно: «что-нибудь помешает». Я – человек суеверный. Если я не в тот вагон метро сяду, я уже жду, что будет что-то не так, как всегда. Что же такое должно произойти? Хорошее или плохое? – не знаю. И я сегодня накапливаю десятки мелких примет, и мне очень тревожно.

Мне стыдно признаваться в таком суеверии, но что поделаешь? Его можно только искусно замаскировать, но от самой себя не спрячешь.

2 июля 1927. Суббота

Вчера опять отдавалась. Не люблю я только этого слова. Совсем не то оно обозначает, что надо. Мы близки, как никогда, и обоим нам было хорошо и радостно. Юрий потом сказал: «В страсти ты бываешь прекрасна. Лицо у тебя такое одухотворенное». И правда: в нашей страсти не было ничего «животного», мы оба были человеки до конца. Потому-то и не было стыдно, а была нежность, радость. Обнимая его, я сказала: «Я хочу, чтобы мы были всегда такими хорошими, а сейчас мы хорошие». И правда, мы были хорошими и светлыми. Момент греха, греховности отсутствовал совершенно. И была человечность. Это было прекрасно.

Все грани стерты. И теперь нас ничто не разъединит. Был какой-то, м<ожет> б<ыть>, несколько наивный, но хороший подъем. Я бы сказала, «экстаз». «Давай будем всегда одним единым, будем идти совсем, совсем близко, и все у нас будет общее и радостное, и горе, и грехи общие». И, действительно, верилось, что это возможно, что это так и будет, что и быть иначе не может. Ну, разве такое состояние, такой восторг может быть греховным?

Мамочка, по-моему, о чем-то догадывается. Во всяком случае, на мои скачки в весе (1.200–1.500) она реагирует так: «А ты не видишь тут связи с нервными переживаниями? Закрутилась ты опять. Страшно ты переменилась в Париже – и к худшему!» Милая Мамочка! Разве я могу сказать ей правду? Разве она поверит? Да и я сама несколько месяцев назад не поверила бы в целомудренность и непорочность этого момента. Господи, как хорошо и интересно жить!

Сегодня в госпитале любовалась на Marcelle, смотрела на белую косынку, на ее невысокую грудь и спрашивала себя: почему мне она так нравится? Нет в ней типичной для сестер

«доброжелательности», ее даже нельзя назвать ласковой и мягкой. Elle n'est pas douce*, наоборот, она даже немножко резка, но вот эта-то резкость, как следствие последней простоты, именно в ней чарует. А улыбка! Сколько в ней приветливости, сколько веселости, и какая она вся быстрая, ловкая и такая – до конца простая. Я знаю, что я ее люблю, что полюбила я ее с того самого дня, когда я в первый раз – неловкая и чужая – вошла в Salle Potain**, и с тех пор, как она сказала мне: «Couchez-vous, petite»***. С тех пор я ее люблю и ловлю каждое ее движение и нарочно задерживаюсь в госпитале, чтобы задать ей какой-нибудь пустой вопрос, чтоб просто видеть ее и слышать.

Странная вещь: я, кажется, создаю какой-то культ Марсель. Но это не смешно. Это настоящая, м<ожет> б<ыть>, слегка надуманная, но больше прочувствованная любовь женщины к женщине. Такой женщины я не встречала, как медичка, фельдшерица (или кто она там?) – подвижница; после госпиталя я это знаю. И как просто, главное – просто – совершает она свой подвиг.

Сегодня у меня болел зуб. Сделала компресс. Сейчас – к ночи – немного полегчало. Днем я говорила: как жизнь хороша, если бы только зуб не болел! И вот сейчас я опять полно и остро чувствую свое счастье. Ведь это же счастье! О счастье трудно говорить, даже совсем невозможно. И как мне его передать? Юрий, Юринька – спасибо тебе.

Давно не был у Юрия Борис Александрович. Меня это волнует больше, чем его. Если завтра не придет, нужно будет поехать к нему.

4 июля 1927. Понедельник

Юрий все приставал: «Спроси да спроси свою Марсель, – ну, можно ли тебе выходить замуж?» Очень его беспокоит и мой вес, и вообще мое здоровье. Сегодня, наконец, спросила Марсель. Посмотрела на меня пристально и участливо. Наговорила много неясных и непонятных слов. «Надо спросить Ляббе. Надо сказать вашему жениху, что вы диабетичка». «Он знает». «Знает? Ну, если знает и ничего не имеет против, так, конечно, вы можете выходить замуж. Но только вы не должны иметь детей. Беременность для вас будет слишком тяжела. И потом, вообще вы не сможете все воспринимать, как нормальная женщина. Вам все будет тяжелее. Надо, чтобы он знал».

* Она не добрячка (фр.).

** Зал Потен (отделение госпиталя «Питье») (фр.).

*** Ложитесь, милочка (фр.).

«А на нем это плохо не отзовется?» «О, нет, только не надо детей. И вам это будет плохо, и ему будет больно. А все-таки надо спросить Ляббе. У вас есть мать? Так вот, пусть она пойдет к Ляббе и поговорит с ним. Конечно, очень тяжело, когда любишь», и опять так хорошо посмотрела. Пожалела — мне показалось. Я ушла расстроенная. В среду буду на консультации у Ляббе, но ничего не спрошу. Ведь, если скажет «нет», это значит — «никогда». А с этим ответом я не тороплюсь. Чувствую себя не совсем хорошо. При быстрой ходьбе тяжелеют ноги, иногда кружится голова, худею, часто появляется сахар. Уж не расплата ли это за недолгие часы нашего счастья?

5 июля 1927. Вторник

Сегодня ушла из госпиталя успокоенная и радостная. Встречает меня Марсель. «Я говорила с мад<муа>зелль такой-то о том, что вы мне сказали вчера. Она спрашивала Ляббе. Тот сказал, что если “Un jeune homme”^{*} знает, что вы “диабетик”, то можно. Но только вы не должны сейчас иметь детей». Милая Марсель. Я ведь так и знала, что наш разговор вчера не кончился, что она что-нибудь придумает или сделает дальше. И как я рада. Одно препятствие, и такое страшное, преодолено. А все-таки пока, пока так упорно держится сахар, лучше воздержаться. Написала вчера письмо Голенищеву-Кутузову, которого никогда не видела. Письмо написано все о Юрии, но проглянуло и нечто свое. Своя жалоба. Кое-что вышло так, что в письме к этому незнакомому человеку вылилось все больное, что было между нами (везде, где только встречается имя Виктора, проскальзывает, прежде всего, тоска одиночества хоть на миг оставленной женщины). Когда я перечла письмо, то поняла, что сильно утрирую. Получилось так, что мне надо просто кому-то пожаловаться, чтобы с кем-то поговорить о Юрии. Получилось так, что я посылаю ему не объективную информацию о его друге, как хотела, а почти самое интимное и сложное о самой себе.

Вечером иду к Юрию.

6 июля 1927. Среда

Прежде чем записать сегодняшний день, мне хочется записать вот что. Сейчас я раскрыла эту тетрадь, где написано: «Воля к жизни». Сейчас состояние у меня иное. И довольно мрачное. И вдруг — на миг — опять прорезали глаза эти слова:

^{*} Молодой человек (фр.).

«Воля к жизни». Вот этот-то миг — один только миг — мне и хотелось запечатлеть.

8 июля 1927. Пятница

Вчера была у Наташи. Как странно: мы не видимся почти по полгода, а при встречах всегда бываем так откровенны. Так откровенны, что я, м<ожет> б<ыть>, даже поняла это в тот же момент, м<ожет> б<ыть>, и Наташа тоже. Но это нас сблизило. Я уже вдруг почувствовала какую-то нежность к ней, назвала ее Наташенька. За чаем Ольга Антоновна меня спровоцировала, спрашивает: «Ну, Ирина, а когда же попразднуем на вашей свадьбе?» Я не поняла, откуда идут такие сведения, смекнула: Мамочка была недавно. Ответила дипломатически, совершенно серьезным тоном: «Не скоро». Потом спросила у Наташи: «А это тетя Лида откуда-то узнала?» И сказала. Все равно, глупо отнекиваться.

Долго играли в крокет. Наташа все словно стеснялась заговорить со мной о том, о чем ей хотелось. Только когда пришел Таутер, т.е. когда эта возможность пропала, и я собралась уже уходить, она мне шепнула: «Погоди. Поговорим. Надо вот Йоську сплавить». И «сплавили». Мы пошли к ней в комнату. Я полулежала на кровати, она сидела рядом. Тут и начался у нас наш бесконечный интимный разговор.

Я сказала ей очень многое, вплоть до того, что «перешла последнюю грань». Но она сказала мне еще больше. Мне вспомнилось: Сфаят, лунная ночь, гамак и тот наш первый разговор, вернее, исповедь о Данилове. Да, она исповедовалась всегда мне. И вот вчера, сначала смущаясь, с застенчивой полуулыбкой, потом серьезно и просто. Она мне рассказала все о себе. Рассказала, не прикрашивая и не оправдываясь. Эта девочка заходила далеко. Почти до последней грани. Но плохо не это, а то, что «их» было много, что она позволяла себя целовать чуть ли не каждому, а сама никого не любила. Надо заполнить жизнь, а люди, которых она видит, такие мелкие и неинтересные. «Начиталась романов. Там все это так красиво и интересно. Вот я и захотела испытать это приятное...» «Ну, испытала?» «Нет». Но она уже вошла во вкус и рассуждает так, что делается страшно... «...Он меня догнал и говорит: “Ну, если же уж я вас нашел, я вас и поцелую...” “Хорошо”, — говорю. И думаю: “Ну, я сейчас посмотрю, стоит ли...” А он еле-еле, несмело так прикоснулся губами к щеке. Ну, думаю, нет, таких мне не надо». Так и хочется дополнить многоточия («посмотрю, посмотрю, мол, стоит ли взять тебя в любовники»).

Рассказала мне все свои романы. Герои же — почти все наши кадеты. Совершенное ничтожество. За исключением одного — Димы Матвеева. Характерный для нее анекдот: они ехали в Туркуан, и в поезде Дима все время страстно целовал Наташу, а та сидела как каменная. «Наташа, неужели вас не волнует, что я вас целую?» «Нисколько». В этом ответе есть завидная сила, но я ей не завижидую. Иногда она остается еще по-детски наивной: «Знаешь, Ирина, я всегда боюсь, что *это* случится, а я и не замечу». Так вот в романах пишут: перестанешь сознавать действительность, перестанешь помнить, а потом, когда очнешься... А вот слова, которые мне очень понравились. Она говорила о своем последнем романе (хотя у нее их бывает несколько сразу) и просила «пока не записывать в дневнике» — поэтому имя и не напишу — полнейшее ничтожество, и сказала: «Мне хочется, чтобы он меня целовал, но мне больше нравится об этом думать и вспоминать. Вероятно, я его не люблю. И если на этом моя карьера кончилась, мне было бы очень стыдно и очень жалко себя».

Я решила во что бы то ни стало вырвать Наташу из этого омута, показать ей новых людей. «Главное — новых. Ведь это все старье, все одно и то же, а других я не вижу». Позову ее в воскресенье на прогулку. Будет Андрей, будет Виктор, Юрий, все это люди для нее совершенно новые.

Вечером приходит Юрий. «Ты здорова? Тогда вот что...» В среду был у Кедровых. Наташа ко мне сколько раз заходила, но неудачно, все не заставала дома. Они пригласили вчера на именины Оли. И меня, и Мамченко. Он съездил к Виктору, уговорил его, обещал за меня и приехал за мной. Я наотрез отказалась. Совсем я не знаю этих Кедровых. Наташу видела всего два раза, и вообще не люблю я никаких торжеств, да еще у незнакомых. Юрий очень расстроился. Вышло так: ему «страшно хочется пойти», но вот так получилось. «Когда же придешь?» Сегодня иду в Институт (внезапно решила), в субботу собрание РДО, где ему обязательно надо быть, в воскресенье, значит. Будет Андрей. «Позвать Мамченко?» «А я позову Наташу». «Как хочешь». Мне хотелось с ним поговорить о Наташе, но это «как хочешь», таким холодным, безразличным тоном, меня остановило. «Как хочешь?» «Да, конечно, хочу, а ты не хочешь? А ведь она тебе понравится. Ведь это твой жанр, научи ее любить поэзию, и она будет для тебя очень интересна. Ты бы смог даже увлечься ей, если бы не был должен любить свою невесту...» Вот слова, которые я ему когда-нибудь скажу:

или в минуту умильной искренности, как «томные мысли», или в минуту злости. Вечер у меня был неприятный. Мы с Мамочкой сидели вдвоем. Говорили о Юрии. Разговор был скользкий, уж сам по себе неприятный. И вдруг я почувствовала, и так неожиданно, и так больно, что она восстанавливает меня против него. Мне стало до слез обидно – зачем? Неужели же она хочет нас посорить? Для чего? Я и сейчас не могу без слез об этом подумать. А если бы я ее прямо спросила: «Зачем ты это делаешь?» – она бы совершенно искренно стала бы отрицать это. А мне это так больно, что вот зубы стискиваю. И, прежде всего, захотелось сказать об этом Юрию. А вот не знаю, скажу ли. Трудно говорить. Она, напр<имер>, говорит: «Я почему-то сержусь на Юрия Борисовича»: «За что?» «Не знаю за что». «Так же вот и я плачу все время и не знаю, почему». «Плакать без причины можно, а сердиться – это уже нельзя». «Мне кажется, что он к тебе недостаточно внимателен. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, это всем матерям кажется». Потом стала говорить о Кедровых, о Викторе и попала в самое болезненное.

А все-таки Юрию, должно быть, об этом я не скажу. А еще уверяла Наташу, что нет такого, чего я не могла бы ему сказать.

А все-таки надо как-то свою жизнь изменить. Надо где-то бывать, куда-то ходить. Мы с Юрием растеряли всех старых знакомых, он приобрел новых, что, конечно, очень хорошо, но это новое не стало общим. Мне это просто мало нужно. Я говорю о Кедровых. Но привязывать Юрия я тоже не хочу. Вот буду теперь ходить к Наташе. Пусть даже это будет ему немного неприятно. Я ей нужна, и она мне нужна. У нас обеих сейчас непреодолимое желание говорить, м<ожет> б<ыть>, даже и не слушая друг друга. Еще сейчас поймала себя на одной новой черте: у меня появилось не то что раздражение, а какая-то резкость в отношении Юрия. Пока в мыслях, но, вероятно, она скоро перейдет в слова, в действия. Как будто я получила право быть с ним резкой.

И сейчас я почувствовала, что это ложь. Ведь все мое желание – в среду (я давно наметила этот день) прийти к нему, чтобы снова испытать ту большую, хорошую и великую радость; тот момент, когда я сказала: «Будем всегда такими хорошими, как сейчас». Вот этого-то я и хочу, чтобы мы опять были такими хорошими. Это была последняя наивысшая точка моего счастья.

9 июля 1927. Суббота

Вчера вечером, т.е. в 5 часов, была в госпитале, чтобы не встречаться с той ведьмой. Оттуда пошла к Войцеховскому. Не застала дома, оставила записку и в раздумье встала на углу. Тут-то его и встретила. Он искренно обрадовался. Посидели, поболтали, так было хорошо, по-старому. Сообщил мне институтские дела, сказал, что в начале июля будут, вероятно, экзамены. И вдруг у меня стрельнула мысль сдать Советское право. 2 ¹/₂ недели, неужели не успеть? Здоровая-то?! Большая сдавала, неужели же теперь не сдам? Побываю потом в Институте, и захватила меня эта мысль с головой. Книгу Андрей обещал достать.

Просил меня Андрей повлиять на Юру, чтобы тот занимался. Сознался, что крепко ругал меня, меня во всем винил. Тут-то я и отвела душу, все про Виктора рассказала.

В Институте меня встретили очень тепло. На лекции я не осталась. Андрей, Муретов и Костя пошли провожать. В калитке встречаем Гурвича, сообщил последнюю новость, что экзамены будут, и когда – Советское государственное право: 27-го. Успею? С Костей встретились хорошо. Видно было, что он искренне рад мне, что ему приятно быть со мной. Немного отстали. Мне казалось, что ему хотелось мне что-то сказать. Вероятно, это мне только казалось, а, м<ожет> б<ыть>, он и сам не знал, что ему хотелось мне сказать. «Ты, Ира, не сочти это за невнимание, что я у тебя ни разу не был. Но ты, наверно, понимаешь – мне не хотелось к тебе идти. Вот в госпиталь я приходил, но как раз в этот день ты выписалась». Вообще, он очень мил и внимателен. Я этого не ждала.

Я вот о нем не вспомнила ни разу.

Впрочем, я думаю, что и он обо мне не вспоминал ни разу.

А экзамены сдать мне бы очень хотелось.

День сегодня скверный. Весь день плачу. Просто сил нет, как хочется плакать. И как только я докопалась до причины, мне стало еще хуже. Никогда еще я не плакала из-за бедности. И вчера свое последнее платьишко залила в госпитале глюкозой. А из рваного шерстяного платья никак не выходит юбка. Это меня расстроило. Казалось, не из-за этого я плакала, но это было началом.

Больше меня расстроила Мамочка. И жалко мне ее, и не могу побороть к ней какой-то неприязни после того вечера. Сидит, делает своих кукол, заговаривает то со мной, то с Папой-Колей;

мы оба еле отвечаем, уткнувшись в книги. Со слезами она говорит: «Я дома словно не нужна». «Все мы дома не нужны!» — с какой-то злостью говорю я, выходя из комнаты. Я что ли нужна больно?

Денег у нас нет. Совсем нет. И сегодня Мамочка долго по этому поводу вздыхала и говорила. Папы-Коли не было. Она меня довела до того, что мне хотелось швырнуть книгу на пол и закричать: да замолчи! Стискивала зубы и делала вид, что меня это нисколько не интересует.

Вечером получила письмо от Юрия. Появилась потребность заглянуть впечатление четверга. Милый.

12 июля 1927. Вторник

Эти дни.

Воскресенье. Была в украинской церкви. Служат на «мове». Занятно. А вообще не так уж смешно, как я думала. Потом ходили гулять — я, Юрий, Андрей и Лиля. Хорошо было и весело. Юрий сказал, что он ни с каким Мамченко так смеяться не может. А это ведь очень много — смеяться. Очень ему хотелось зайти за Кедровой — к моему счастью, не застал. В лесу встретили Виктора с Леной. Убеждали их остаться, но они торопились. Виктор не понравился Лиле и Андрею, а Виктору страшно не понравилась Лиля. Жалко меня, что я с ней дружу. Андрей был как-то странен со мной. М<ожет> б<ыть>, не совсем спокоен. А я не скрывала, что это мне нравится.

Сегодня приходила Наташа. Опять говорили по душам. Она должна испытывать чувство разочарования во мне. Еще со Сфаята, с монастыря она считала меня, прежде всего, старшей, и при том человеком какого-то здравого смысла, философом. И вдруг я оказалась самой обыкновенной женщиной. Наташу мне жаль. И нет у меня нужных слов. Вот Юрий бы на моем месте, он бы показал ей, в чем сущность жизни, в чем ее заблуждение. Должно быть, Юрий прав, что я «к добру и злу постыдно равнодушна». Поэтому-то я и не умею бороться за жизнь.

15 июля 1927. Пятница

Когда я вспоминаю эти дни — среду и четверг и ночь между ними, я задаю себе вопрос: правда ли это? было ли это? до того все необычайно и дико. В среду я пошла к Юрию и дорогой попала под проливной дождь, ливень. Такой, что через две минуты была мокрая до последней нитки. Возвращаться мне не хотелось. Его не было дома. Развесила свое платье и чулки,

выжимала сначала. Потом пришел он и потребовал (именно потребовал), чтобы я разделась совершенно, ибо все белье было мокрое. Разделась и легла. Он тоже. А когда мне надо было уходить, он меня не пустил. После долгих споров он взял мое мокрое пальто и пошел к нам говорить, что в таком виде идти нельзя, и что я останусь у него ночевать. Не скажу, чтобы мне этого очень хотелось, я уже сразу чувствовала драму дома. Однако, спали мы вместе и до некоторой степени на печальном положении. Это наша первая брачная ночь. Как странно, когда я раньше думала о браке, даже не так давно, и мне всегда было трудно представить себе эту первую ночь... Но жизнь вообще оказалась гораздо проще, чем я думала. М<ожет> б<ыть>, мы ее даже слишком упрощаем. Я долго оставалась совсем спокойной. Того бешеного состояния страсти, как бывало раньше, не было. Я спокойно отдавалась его ласкам и вспоминала Наташу. Он меня целует, а я думаю, какого цвета у него волосы. Даже сопротивлялась – физическая боль была сильнее. Потом, потом я в первый раз испытала физическое наслаждение. Ночью часто просыпалась. И странно мне было чувствовать и видеть около себя Юрия, мужа. Или – любовника, все равно. Странно все это было. И только странно, необычно и непривычно.

Утром вместе ездили в госпиталь, а оттуда к нам. Весело и хорошо нам было, а на сердце у меня кошки скребли. Так и есть. Мамочка сердится, не говорит ничего. Папа-Коля за шахматами, спросил про вес, анализ. А когда я сказала, что ела мясо, почувствовала на себе его пристальный взгляд, от которого мне сделалось как-то даже жутко, словно он хотел прочесть на моем лице самое страшное для него – женщина я или нет. Мне стало страшно, что я не сумею лгать. А лгать нужно. Потому, что я его люблю, и я буду ему лгать, возьму на душу этот величайший грех. И знаю, что перед судом совести буду оправдана. Юрий тоже видел этот взгляд, и мы об этом говорили. Мы должны были встретиться с Виктором и Леной в лесу. Погода временами хмурилась, и Мамочка вдруг запротестовала, чтобы я шла гулять, дождь пойдет. Это было уже слишком глупо и совсем не в дожде было дело. Просто она рассердилась – за прошлую ночь. И если бы у нее не было оснований беспокоиться и нервничать (разумно или неразумно – это другой вопрос), было бы лучше, было бы легче: я бы просто поссорилась с ней и все. А тут мое положение стало трудным. Враждебность и недоверие, хотя и скрытое, к Юрию, злость ко мне. Тяжело

это все. Если бы у меня было хоть отдаленное сознание греха, было бы легче. А я чувствую себя совершенно правой.

О нашей хорошей прогулке, о наших интересных разговорах с Виктором писать нет времени, надо заниматься. И о нашем разговоре с Юрием, когда он меня провожал на поезд. Мы говорили как раз о моих родных. Много говорили, и еще радостней стала моя близость к нему.

А сейчас вот Папа-Коля: «Ирина, а вы с Юрием Борисовичем думали когда-нибудь о будущем?» «Да». «Вы собираетесь все-таки венчаться?» «Да, конечно». «А ты еще не жена его?» «Нет». Стал говорить о своих сомнениях, связанных с моей болезнью. Я передала ему сущность разговора с Марсель. Как будто успокоился.

18 июля 1927. Понедельник

В пятницу вечером из госпиталя пошла к Андрею. Странно он стал относиться ко мне. Не спокойно, это ясно. Видно, что я его волную, м<ожет> б<ыть>, зашел даже слишком далеко, и он даже поцеловал меня в шею, когда я лежала. Я ничего не сказала, только поднялась с кровати. Вместе с ним пошли на студенческое собрание. Там ругань и скандал, надоело, пошли шататься по St. Michel, даже танцевали на rue Soufflot. Весело было. На завтра уговорились идти в лес. А завтра я себя очень плохо чувствовала. Как в начале болезни. Даже испугалась. Очень плохо мне было в лесу, и потом целый вечер пролежала. Вчера тоже лежала, но больше от скуки. В субботу был один разговор с Папой-Колей. Вижу, что расстроен. Жалко стало: «Что с тобой?» А он подошел ко мне, обнял и заплакал. Я тоже заплакала. «Кто тебя будет так любить, как я?» Потом все убеждал меня поговорить с Мамочкой. «Поговори с ней по душам. Она тебя лучше поймет», — как будто мне надо о чем-то поговорить. Потом спросил прямо: «Когда вы хотите венчаться? Почему вы до сих пор тянете?» Я сказала. «Но ведь это не основание. Разве для этого много денег нужно. Сами вы понимаете, что нужно скорее, что так нельзя. Вот после Успенья и повенчайтесь». Потом: «А нет ли между вами охлаждения?» и «Бедная ты, нелегко тебе дается жизнь». А когда я спросила его, почему же я бедная, он только рукой махнул, дескать, как будто сама не знаешь.

Вечером был Юрий. Тоже говорил о браке. Он предложил такую вещь: как можно скорее перевенчаться в мэрии, и потом, когда будут деньги, в церкви. Мне этого не хочется: при

нашем положении церковный брак теряет некоторый смысл и всю свою красоту. Он озадачился и задумался. Потом сказал: «Ну, ничего, окрутимся и с попами».

Для нас создалось очень тяжелое положение. Встречаться у меня — это тоска темная. Старшие шипят, дуются. Папа-Коля вдруг бросил Юрию такую фразу по поводу моего здоровья: «Плохо же вы бережете вашу невесту», — на что я, конечно, сразу же взъелась. И все время проходит в такой пикировке или молчании. На беду и погода плохая, гулять не уйдешь. А встречаться у него — из дипломатических соображений боюсь делать это часто.

Господи, как хочется скорее начать жить вместе!

22 июля 1927. Пятница

За это время произошли крупные драмы. Только я до сих пор ничего не понимаю, да и не могу больше думать об этом. Не хочу, а думаю! В понедельник вечером Папа-Коля пошел к Юрию. А Мамочка приступила ко мне: «Мне страшно неприятно, что ты тогда ночевала у Ю<рия> Б<орисовича>. Папа-Коля простить себе не может, что он не пошел за тобой. Знаешь, он убежден, что вы уже сошлись...» К счастью, скоро пришла Татьяна Андреевна и прекратила наш разговор.

Наутро Папа-Коля передает мне свой разговор с Юрием. С его слов я могла заключить, что все обошлось благополучно, говорили взволнованно, говорили резкости и все. Просил он его дать ему слово (я уже поняла, какое слово), но тот не дал и даже назвал его эгоистом. Много они спорили, но так как будто все хорошо.

Днем приходит Юрий страшно взволнованный и, не заходя к нам, уводит меня в лес. Передал вчерашний разговор в другом освещении. Папа-Коля, придя к нему, сразу же чуть ли не прямо сказал ему, что в ночь с 18 на 19 я ему отдалась. А в продолжение всего разговора он пытался разрешить этот мучительный для него вопрос: женщина я или девушка. Юрий передает, что тот наговорил ему много едкого и даже повторил, что не верит ему, назвал его декламатором, просил дать слово, что до свадьбы он меня не тронет, за что Юрий и назвал его эгоистом. Конечно, с оговоркой: эгоистом в своей колоссальной отцовской любви. Юрий видит во всем какое-то вмешательство в нашу жизнь, какой-то моральный гнет. Тут он не совсем прав, но и не совсем неправ — относительно морального гнета и воздействия. А Папа-Коля говорит: «Я не вмешиваюсь в ваши отношения, но

ведь не перестанешь же ты быть моей дочерью. И всегда я буду вмешиваться в то, что касается твоего здоровья. Да как же я могу не вмешиваться, когда я даже сегодня говорил с Дельбари о том, как вы должны будете жить с Ю<рием> Б<орисовичем>».

Вечером того же дня крупный семейный разговор со слезами. Когда я упрекала Папу-Колю в недоверии, а он и Мамочка категорически это опровергали. А Юрий категорически утверждает, что Папа-Коля несколько раз повторял: «Я вам не верю, Юрий Борисович». Мамочка уверяла, что он ходил к Юрию для того, чтобы разрядить эту сгущенную атмосферу, а Юрий – для того, чтобы выяснить роковой для него вопрос. Одно другому, правда, не противоречит. Вчера ходила к Юрию, просила, чтобы он держал себя так, как будто ничего не было. Сначала говорил, что это едва ли возможно, потом, вероятно, щадя меня, согласился.

Юрий уверяет, что я только вчера стала женщиной. Таковы его наблюдения. А по моим наблюдениям, в ту ночь. Но я уже не говорю: Юрий все-таки перетрусил после той ночи. Зато за вчерашнее мы совершенно спокойны: велики человеческие изобретения. То, что мне нельзя быть беременной, меня даже радует.

Срок свадьбы почти назначен: в начале сентября. Только едва ли что из этого выйдет. Ни у меня, ни у него нет еще Carte d'identité*. Я уже третий месяц жду, когда меня вызовут в комиссариат, а Юрий только на днях обменял свою карту на gécépissé**. Вот и жди теперь. А об этом надо бы уже давно подумать.

26 июля 1927. Вторник

Вдруг жизнь сделалась какой-то неприятно тревожной. Нет, даже не тревожной, наоборот, у меня какое-то непозволительное легкомыслие. Во-первых, у меня флюс, во-вторых, экзамены, в-третьих, м<ожет> б<ыть>, кое-что и похуже.

Зуб у меня болел невыносимо. Так, что позапрошлую ночь я кричала от боли. Вчера щеку раздуло и сегодня боли уже нет. Дальше – экзамен. Книгу у меня отобрали в субботу, а я только просмотреть успела. А сдать хочется. Эти дни хожу к Леве, опять учу с голоса. Свинство, конечно, но собираюсь все-таки завтра сдавать.

* Удостоверение личности (фр.).

** Расписка, квитанция (фр.).

В болезни моей произошел поворот с ухудшением. Так, по крайней мере, мне кажется. Последнее время мои дела шли очень хорошо. 91 (!) день не было сахару. Потом — *tracé*, и вот — вчера и сегодня. Креста не было у меня уже давно. Конечно, страшного тут ничего нет. Но уж очень мне хочется скорее поправиться. А вот теперь, последние дни, я уже как-то и не верю.

Из госпиталя шла к Лёве в очень тяжелом состоянии. А день сегодня какой-то жаркий, тяжелый. Я так люблю жару и солнце, а вот сегодня устала и искала тени. Такая моя подавленность меня больше всего и мучает. А вдруг я, в самом деле, беременна? Прошлый раз в лесу Юрий страшно испугался: «человеческое изобретение» оказалось непрочным. До сих пор я оставалась как-то легкомысленно спокойной. А сегодня вдруг испугалась. И еще одна вещь меня расстроила. Я никогда не допускала мысли, что мой дневник может быть читан. Меня об этом спросила Наташа. И я, для успокоения себя, решила проверить. И вот сегодня увидела, что мои тетради лежат не в том порядке, были отодвинуты. Я все-таки не могу этому верить. М<ожет> б<ыть>, я сама случайно сдвинула. А если так, то я не хочу об этом знать. Потому что после этой подлости я уйду из этого дома сейчас же и навсегда.

28 июля 1927. Четверг

Вчера я сдала экзамен по Советскому праву. Получила 16. Подробностей писать не стану, не до них мне сейчас.

Была сегодня в *Le jardin des plantes**. Какая масса цветов, какие краски! Запах сухой травы напоминает Сфаят. Вспомнилось, как в жаркий день, под вечер, я выбегала по шоссе к старому форту. Яркие краски и божественные сочетания, какой простор и для глаза и для мыслей, пожалуй, это было почти похоже на полноту жизни: ведь мысли о будущем были так реальны. И вот сегодня я почувствовала себя как-то вне жизни. Нет, это все не то, словами не передашь это ощущение там, в *Le jardin des plantes*. Я вдруг почувствовала всю безвыходность моего положения.

29 июля 1927. Пятница

Что это, в сущности, значит — безвыходное положение? Нет такого положения, из которого нельзя было бы выйти. Да и выход этот будет куплен слишком большой ценой.

* Ботанический сад (фр.).

Сейчас меня осенила надежда, а потому я на все смотрю оптимистически. В самом деле, что же такого, что не начались менструации? Нормально, и у меня тоже, они начинались через четыре недели, так было и после Дельбари, а потом уже я начала записывать, и они проходили через три недели. М<ожет> б<ыть>, это просто возврат к нормальности. Подождем до среды. А если даже и не так, разве при диабете не может быть ненормальностей? А то, что сахар у меня держится, все объясняют флюсом. У одной дамы такая же история, даже хуже, у нее три креста асétone.

Волновалась я вчера страшно. И похудела на кило. А сахар уже трасе.

Юрий вчера был у доктора. Тот сказал, что пока еще ничего нельзя установить, а в субботу ему надо будет меня посмотреть. И если я действительно беременна, сделать «легкую операцию». А Дельбари определенно сказала, что аборта делать нельзя. И я этого очень боюсь. Если действительно будет констатирована беременность — скажу Мамочке. Вот этого-то я еще больше боюсь. Что произойдет! Какие нарекания на Юрия! А вот этого-то я боюсь больше всего. И тогда, я думаю, *о том* придется все сказать, и встает мысль: а не лучше ли в Сену?

Я не думала, что жизнь хрупка,
Как фарфоровая безделушка.

Юрий страшно изменился за это время. Даже я спокойнее. «Это будет тяжелое испытание для нас обоих», — а я вот не знаю, выдержу ли я это испытание.

30 июля 1927. Суббота

Слава Богу. Все страхи напрасны. Скорее бы Юрию сообщить об этом. Жизнь снова прекрасна.

Сейчас поймала себя на мысли: я не люблю субботы потому, что Мамочка рано приходит. С Папой-Колей мы можем просидеть тихо и мирно весь день, а с ней как-то сразу же начинается ссора. Говорить нам не о чем. Говорить о многом нельзя, и обе мы это чувствуем. Вдвоем нам бывает тяжело.

31 июля 1927. Воскресенье

Вчера у нас с Юрием был такой хороший вечер. Встретились на студенческом собрании, но оттуда сбежали: невтерпеж стала эта игра в парламент. Сначала посидели в «нашем» кафе, потом отправились в Ротонду. В Ротонде Юрий встретил двух

приятелей, один из них художник Исаев, которого он не видел чуть ли не год. Вернулись с последним поездом. Но, главное, это сознание, ощущение миновавшей опасности. Бедный Юрий, что он перенес за эти дни. Но эти дни, эти тяжелые переживания нас еще больше сблизили.

Сегодня ходили в лес. Пошли налево, и пришли в Шавиль. А на обратном пути, идя мимо Кольнер, зашли к ним. Было много народу, играли в крокет.

С Юрием хорошо и нежно.

А дома опять назревали какие-то события. Со вчерашнего дня Мамочка дуется, не говорит. Вчера — готова поклясться — не верила мне, что я иду на собрание. А сейчас, когда Юрий собрался уходить, вдруг говорит: «Я с вами пойду, Юрий Борисович». И вот уже больше получаса, как они говорят. О чем? Атака совсем неожиданная и тем более неприятная, что Юрий, прощаясь, просил меня выйти с ним, что-то хотел сказать. И до вторника я не узнаю, о чем они говорили. Боюсь только, очень боюсь, что Юрий будет слишком откровенен. Ведь нельзя же, особенно теперь, когда опасность миновала. Господи! Слышу его голос, проходят мимо дома. О чем? Что-то еще будет?

4 августа 1927. Четверг

Записать надо многое и как следует, а время каких-нибудь полчаса, пока стручки варятся. Как-то и не хочется.

Разговор этот был очень хороший. Я очень рада. Слышала я его и от Мамочки, и от Юрия. Оба сумели быть объективными. Мамочка не допытывалась, как Папа-Коля, женщина я или нет. (Эту часть разговора мне подробно рассказал Юрий). Но интересно то, что она в этом не сомневается. Мне это даже нравится. Она больше всего боялась, что я буду доморощенным способом прекращать беременность. Ей даже казалось, что я какие-то порошки с молоком принимала. Юрий ее успокоил. Вот новый пункт этого разговора. Одно только мне было неприятно — некоторая чрезмерная откровенность, когда зашел разговор о том разговоре с Папой-Колей, и Юрий дал Мамочке письмо, написанное в ту же ночь. Случайно оно было не у меня, а у него. Случайно я застала Мамочку за чтением этого письма и расплакалась. Это было еще до нашего с ней разговора. Мы поздно вечером долго сидели на Grande Rue и (нрзб одно слово — *И.Н.*>). И еще один момент — мне было хорошо с ней. М<ожет> б<ыть>, потому, что она так хорошо говорила о Юрии и о нас обоих.

8 августа 1927. Понедельник

Мы снимаем квартиру пополам с Арендаревыми. Павел Иванович лишился работы, и если он не устроится до 15-го, они уезжают в провинцию. Вот еще новая беда, снимать квартиру! Завтра пойдем с Андреем по отелям. Только трудно втроем. А когда мы с Юрием повенчаемся, – Бог знает. Я не верю, что это будет в сентябре.

9 августа 1927. Вторник

Плохо дело с квартирой. Ходили сегодня с Андреем, обошли много отелей; самая дешевая комната, которую нашли, 60 фр<анков> в неделю. Комната славная, но вставить туда еще мою койку – совсем невозможно.

Фаусек обещали узнать относительно одной комнаты в Шавиле. Сегодня это должно выясниться. Не хочется забираться так далеко, но, пожалуй, лучше ничего и не придумаешь. Господи, как это будет тяжело – жить в одной комнате, да еще далеко от Медона.

10 августа 1927. Среда

Папа-Коля пошел к Круглику занимать денег. Если достанет франков 100, будем есть и поедем в Шавиль снимать комнату. Если нет – положение катастрофическое.

13 августа 1927. Суббота

Эти дни я злая, как никогда. Из-за квартиры. Уж очень все глупо. Были две комнаты в Шавиле, 5 минут от вокзала электрички. Одна большая, другая, наверху, поменьше. Около леса. Хорошо меблированы. Обе с электричеством – 280 фр<анков>. Считали, высчитывали, решили, что не будет дороже, чем сейчас. Ходили смотреть. Не сняли: «Надо подумать». Семь раз примерь, один раз отрежь. Решили снять. Поехали назавтра с Папой-Колей – маленькая комната уже сдана. Долго охали. Я говорю, что надо снять нижнюю – втроем мы туда поместимся. «Да нет, как же это, неудобно». Скандалили до вечера, наконец, решили, что надо снять. Поехали мы с Юрием – сдана. Семь раз примерь...

Я злобно торжествовала.

Сейчас у нас нет ничего, а выезжать надо самое позднее во вторник. Папа-Коля искал вчера в районе Les Halles и убедился, что нам не устроиться. Есть еще одна комната в Шавиле. С кухней, но вода во дворе, а, главное, очень далеко от вокзала,

минут 20. Зато совсем в лесу. Я говорю, что и с ней надо торопиться, а то и ее снимут. Сегодня, когда Мамочка придет, поедем все вместе. Я вижу, что без меня дело не обойдется. Мамочка обижается, когда я упрекаю их в нерешительности. «Что уж делать. Тяжелодумы!» Но ведь, правда, что все уже слишком по-интеллигентски.

18 августа 1927. Четверг. Париж

Неприветливо встретил меня Париж. Tracé ne légal*, это странное падение вчера, шла по улице и упала. Юрий не приходил. Одна комната, маленькая, тесная. Андрей куда-то уехал на несколько дней. Неудача. Никогда еще я не чувствовала себя в Париже так одиноко, как эти дни. Пошла вечером гулять по St. Michel. Место ведь у нас больно хорошее. И некуда было идти. К Леве почему-то не хотелось. Андрея нет. Мамченко? Подошла к самой двери и повернула назад. Зачем? Андрея бы мне сейчас хотелось. Пошла бы к нему, пожаловалась бы ему, поскулила. Юрий безнадежно далеко, пешком не дойдешь. И — как первую ночь в госпитале — такое ощущение, как будто счастье было и вот его уже никогда не будет. В первый вечер пошли с Мамочкой гулять. Повела я ее на свои любимые места: Pont des Arts, Pont Neuf, Notre Dame, на места, где мы с Юрием сидели. Мамочка сразу поняла, как я люблю город, опьянил он меня. А пришла домой и расстроилась. Юрку вспомнила. И никогда еще с такой страстью не думала о нем и никогда еще так безумно не любила его. Боже! Настроение мрачное. Не во что хорошее больше не верится. Все свои книги, дневник отнесла к Юрию. Здесь мне ничего не хочется. Жить, конечно, будет очень трудно в одной комнате. А Мамочка обижается, когда я это говорю. А Юрий далеко. Как будто не какой-нибудь десяток, а сотни километров разделяют нас.

29 августа 1927. Понедельник

Есть надежда, что в конце этой недели Юрий переедет в наш отель. Очень бы мне этого хотелось, хотя и в этом, конечно, есть отрицательные стороны. Будем ли мы чувствовать себя так легко, свободно, как в субботу в Медоне?

Настроение у меня теперь совсем иное. И сбил его — хандру мою такую — как я и ждала, не Юрий, а Андрей. Вечера провожу весело, довольна. А все-таки мне бы хотелось, чтобы Юрий сюда переехал. Одно только мне неприятно: близость Мамочки.

* Повышенный сахар (буквально: «следы сахара не в норме») (фр.).

31 августа 1927. Среда

Метро Denfert-Rochereau.

Две вещи меня сейчас больше всего волнуют: казнь Сакко и Ванцетти и послание Патриаршего Синода.

2 сентября 1927. Пятница

Сегодня весь день у меня было только одно маленькое желание – остаться одной, наедине сама с собой, и писать дневник. И весь день я этого желания удовлетворить не могла.

Сейчас вечер, около десяти. Сажу в Юриной комнате, он за моей спиной и читает С.Цвейга, – я сегодня прочла его и он произвел на меня громадное впечатление.

Близость Юрия меня странно волнует. Я не могу чувствовать себя так, как будто бы я была одна. Надо привыкать. Живем мы дверь в дверь! Жизнь близкая и хорошая. Все время, когда он дома, вместе, жизнь даже какая-то общая; м<ожет> б<ыть>, «общего» и не будет. Но есть в ней и фальшь. И эта фальшь меня мучает. Прежде всего, опять метанье между Мамочкой и Юрием. Я уже откровенно все вечера провожу с ним. Получается такое положение, как будто «дом» для меня – это их комната (есть две «их» и «Юрина», а где я – неизвестно). С другой стороны, странное положение и в этой комнате. Нельзя же нам с Юрием все время разговаривать или целоваться. Иногда, когда я прихожу к нему (я бросаюсь сюда, как только услышу, что ключ повернул) и испытываю такое смущение. Я знаю, что он рад мне, но нельзя же все время разговаривать... А с другой стороны, приходиться к нему для того, чтобы каждому уткнуться в книгу, обидно. Получается глупо и фальшиво.

Еще одна вещь меня мучает. Но об этом я Юрию даже не могу сказать. Это касается нашей половой жизни. Моя холодность. Все самые близкие мне люди – Мамочка, Папа-Коля и даже Юрий – считают меня крайне чувственной, просто с той или иной оговоркой – самкой. И вот в те моменты, когда Юрий безумствует, я остаюсь совершенно спокойной. И чем более он становится нечеловеком, тем человечнее становлюсь я. Я отдаюсь ему всегда, когда он этого хочет (он верно понял: «Ты меня никогда не хочешь!»), со страстью, доходящей до отчаяния, желанием испытать такое наслаждение, какое испытывает он. Ведь это же было; действительно, физическое наслаждение, в ту ночь мы спали вместе в первый раз. Когда Юрий в припадке страсти со сверкающими глазами, сжимая меня, говорит: «Хорошо тебе, Ирина?!», – я молчу или молча киваю головой. Да,

конечно, мне хорошо, но это наслаждение какое-то психологическое, а не физическое. Больше пьянит сознание происходящего, чем самый акт. Неужели же я – бесполоая? или неужели это есть высшая точка любви. Я чувствenna, это так. Вернее, я была чувственной. А м<ожет> б<ыть>, все мои «припадки страсти» как во время и потом при начале нашего сближения не что иное, как действительный интерес новизны? Неужели же я бесполоа? И вот сейчас, когда в любви человеческой нет сомнения, когда она достигла высокого (если не высшего, то высокого) предела, мне хочется обыкновенной, грубой, животной страсти, грубого физического наслаждения, которое доступно всем. Но ведь есть же такие женщины, такие уроды, которым оно недоступно. И я из их числа? Или просто я жду все еще чего-то грандиозного? Нет, только того, что было в первую ночь. Только бы знать, что я не урод. Только бы не этот ужас.

Юрий очень внимателен. Видит, что я хочу быть одна, пошел к ним. А я вот не могу быть с ним такой внимательной и заботливой, как бы мне хотелось. Ложный стыд, м<ожет> б<ыть>, боязнь показаться сентиментальной, нежной. Это тоже один из ложных моментов нашей теперешней жизни.

4 сентября 1927. Воскресенье. Метро St. Marcel

Вчера днем я сердилась на Юрия. Оказывается, когда он меня оставил одну с дневником, в той комнате он все рассказывал: и то, что я весь день хотела писать дневник, и то, что я и Мамочка собирались... О, эта откровенность, там, где не надо. Еще оказалось, что он рассказал и то, как я в Сфаяте кокаин нюхала; это, как дело прошлое, меня и не рассердило. Но все равно я обозлилась. Хотела ему бросить нечто вроде: «Если мне надо там что-нибудь сказать, я могу обойтись и без посредника». И потом решила, что это несправедливо, что без посредника я не всегда могу обойтись, и сколько раз сама, прямо или косвенно, поручала ему эту роль, и не будь его, я была бы совсем отрезанной от семьи, там бы обо мне ничего не знали.

И конечно, я ему рассказала все, что писала в прошлый раз. Разве я могу что-нибудь скрыть от него? И как я счастлива за свое бессилие перед его нащупывающими вопросами. Он дощупается до всего, до самого интимного. Как трудно об этом говорить, но как легко, когда скажешь. И на его просьбу: будь всегда со мной откровенна, говори обо всем, я отвечаю со всей искренностью и горячностью: «Да, Юрий, постараюсь». Ведь я же и хочу этого – последней откровенности – больше всего.

7 сентября 1927. Среда

Пишу у Юрия. Так я и мотаюсь теперь: то у него, то у них, а то и в метро. Где мой дом?

Почему я вчера заплакала, вечером, когда кончила читать вслух? Кое-что я могу объяснить, кое-что не хочу, а кое-что, м<ожет> б<ыть>, и совсем скрыть от моего понимания.

Первый момент и, м<ожет> б<ыть>, основной для вчерашнего вечера, напряженное желание его. Значит, я была не права, говоря, что у меня этого не бывает. То, что в Медоне было уже обычным, здесь стало почти недостижимым. И вот этого-то мне и хотелось. Хотелось хотя бы просто лечь с ним под одеяло, прижаться к нему, обнять... Тут еще не знаешь, какое начало преобладает, физиологическое или психологическое. И вот это стремление не было удовлетворено. Во-первых, потому что Юрий последние дни совсем один, плохо себя чувствует, устал и просто не мог, а, во-вторых (м<ожет> б<ыть>, этот момент преобладал), мы не были свободны, за стеной слышались возгласы Мамочки. И первое напряжение должно было как-то разрядиться. И разрядилось слезами.

А вслед за этим – и другое чувство, чувство обиды за то, что мы должны как-то скрываться, таиться. Это лживое положение меня мучает страшно. Ведь, если бы я была его женой, de jure*, этого бы не могло быть.

И во всем такая неловкость, м<ожет> б<ыть>, ложный стыд, м<ожет> б<ыть>, боязнь лишних разговоров в той комнате и не позволяет мне быть с ним так, как я хочу. Когда, напр<имер>, я иду к нему мыть посуду, я делаю это как-то потихоньку, чтобы Папа-Коля этого не видел и т.д. и т.д.

И как мне стало обидно от всего этого. Слезы закапали. Напугала только Юрия. О первом моменте не догадался. А о втором? Если нет, то меня это удивляет. Но только я ему об этом не скажу. Не смогу сказать. Также, м<ожет> б<ыть>, ложный стыд, ложное самолюбие. И получается вдвойне тяжело: какая-то ложь, какая-то ложь, даже в наших отношениях.

8 сентября 1927. Четверг. Метро Denfert-Rochereau

Торопиться некуда. Напротив. Стараюсь как можно позже вернуться домой. Сажу на пересадке. Пропускаю поезд за поездом к великому удивлению контролера. Он меня, должно быть, уже знает, «каждый день ведь почти». Торопиться некуда.

* Юридически (лат.).

И впервые мне сделалось странно,
Для чего я себя берегу?

Делать дома нечего, т.е. нет работы. Это мне очень неприятно. Не то неприятно, что работы нет, а то, что денег нет. Особенно это тяжело сейчас, когда положение катастрофическое, и еще потому, что опять начинаются разговоры, что надо изучать какое-нибудь ремесло, как хорошо поступить на курсы прикладного искусства, а это значит, прощай Институт. М<ожет> б<ыть>, я большая свинья, но вся моя натура протестует против такой учебы. Глупо, наверно, и гадко. Неужели Юрий тоже так же думает?

Глядя на него, думала: зачем я себя берегу? Дрянь я, должно быть, и совсем не стою того внимания, которое сама себе уделяю. А ведь себе я уделяю гораздо больше внимания, чем ему. Ходасевич сказал про какого-то молодого поэта: «Он обладает всеми мелкими пороками и ни одним большим». Так вот и я, должно быть. Это вовсе не есть какое-то покаянное настроение, переход от эгоизма к более хорошему чувству, нет, просто все стало каким-то пустым. И даже смеяться не хочется.

А я о самом главном – ни слова. М<ожет> б<ыть>, у Юрки напишу.

Продолжаю у Юрки, пока его нет.

А вчера вот что было. Вообще настроение у меня в последнее время нервное и скверное. Все то же. Маленький повод и – драма. Так и вчера. Написала я стихотворение «В гостинных строгих с душевными коврами». И мне оно понравилось. Больше, оно меня захватило. Не содержанием, конечно, а формой, – оно красиво. Вообще надо сознаться, что форма меня иной раз захватывает до того, что я совершенно забываю о содержании, т.е. пишу совсем не то, что хочу. Так отчасти было и тут, но только отчасти. Я просто не достаточно точно выразила свою мысль. А Юрий возмутился: «До какого низкого уровня ты сводишь женщину, становится обидно за человека» и т.д. И что меня обозлило, начал свои рассуждения о любви, как будто я этого наизусть не знаю, как будто сама не так думаю. Подошла к окну и заревела. И решила, в первый раз, уйти, не быть вечер вместе. На меня он в последние дни действует слишком разжигаяще, я все время о нем думаю, я его хочу, я сама не знаю, что со мной делается, не даром же я стала такие стихи писать. Но стихотворения моего он не понял. М<ожет> б<ыть>, оно плохо, и мысль не ясна, но вовсе не проститутку я вижу в каждой женщине. А хотела я сказать, что «мы» всю

жизнь ждем «тебя», женщина – мужчину, но совсем не для полового акта, а потому ждем, что жизнь женщины, пока в нее не войдет мужчина, пуста и бессодержательна. Любовь играет гораздо большую роль в жизни женщины, чем мужчины. Поэтому любовь и страсть мужчины часто бывает случайной, а у женщины – никогда. Женщина ждет его, он часто натывается на нее случайно. Взять хотя бы нас с Юрием: сколько было у него романов, и сколько у меня, а ведь не только в годах тут дело. Я с детства ждала: «загадочного друга», ошибалась, и искала, и нашла. Вот что я хотела написать в своем стихотворении.

Сдерживая слезы, оделась и пошла к Андрею. Там развлеклась, болтали, читала ему Гумилева. Он меня проводил. Юрий увидел нас из окна и сошел вниз. Поднимались вдвоем. Между двух дверей я остановилась и молча спрашиваю: «Куда идти?» Он молчал, и я пошла направо. Его упрямство меня больше разволновало. Не могла найти способа вызвать его, сделала это нехотя, очень неудачно. Между нами встала какая-то ложь, и я не могу поймать ее, я ничего не могу сказать, мне только больно.

Сегодня состояние отвратительное. Придя из госпиталя, пошла гулять. Пошла на восток вдоль Сены, до конца Парижа, оттуда наверх к Венсенскому лесу, оттуда к ближайшему метро. Ходьба успокаивает. Но очень устала. Я даже не подозревала, что такая еще слабая. Наверно, это отзовется на завтрашнем анализе. Ну и пусть. «Для чего я себя берегу?»

17 сентября 1927. Суббота

За эту неделю произошли кое-какие события. Начиная с субботы, когда ходила топить. Совершенно серьезно, т.е. не утонуть, а топить. Хоть и знала, что не смогу.

Воскресенье – кошмар. Столько ревела, что похудела на кило с лишком. Поссорилась с Мамочкой. Глупо все вышло. Будто она стала меня упрекать в том, что я не хочу работать. Целый день я не показывалась домой, не ела. От слез обессилела. Измучила всех. Вечером уже Мамочка первая пошла на примирение.

Вчера сделала «доброе дело» и все боялась, что буду раскаиваться: постирала Юрию рубашку и шарфик, и очень мне не хотелось, чтобы об этом знала Мамочка. А она словно догадалась. Как назло вошла к нам в комнату. «Когда это ты еще успела стирать? Или это ты ему?» С такой иронией нехорошей.

Не хотелось говорить об этом Юрию, я боялась, что он меня выдаст. Положение наше глупое, что и говорить.

Еще одна вещь заставила меня призадуматься — «материальная сторона». У нас сейчас «кризис», один из таких, каких не было давно, ибо занимать больше негде. Я сократила свои расходы вдвое, Юрий тоже. В этом есть даже какая-то радость. Но большая трагедия в том, что мы с ним никогда не обвенчаемся. У него такое же положение. Даже прожить мы как-нибудь и прожили бы, так же как и сейчас; ведь все-таки я кое-что могу заработать на моих куклах, а уж расходы я сведу до минимума. Ну, а на свадьбу все равно денег нет. И выхода из такого положения не предвидится, даже если я получу из Студенческого союза 100 фр<анков>. Во-первых, мало надежды, а во-вторых, разве я смогу их взять, когда у нас у всех сквозные дыры на подошвах, и когда есть нечего? Нет, выхода я не вижу. Хорошо еще Юрий близко. Почти «вместе», но ведь с самого Медона мы не были «вместе». И это мучительно. Мне временами хочется, чуть ли не до слез, его ласки. А положение безвыходное. Мы с ним никогда не говорим об этом, но всегда напряженно и мучительно думаем. Ну, что же? Подумаем.

20 сентября 1927. Вторник. Метро Denfert-Rochereau

Ясней и ясней синяки под глазами
И яркость некрашенных губ.
С тех пор, когда губы впервые сказали:
Зачем я себя берегу?

Он горек, мой жребий, в тоске подневольной
Жечь день за мучительным днем,
Чтоб вечером снова обидно и больно
Клеймить себя страшным клеймом.

На всех перекрестках упрямо и долго
Кричать о неистовом зле,
Что я не исполнила страшного долга.
Что страшно мне жить на земле.

Что больше нет силы, нет силы, нет силы.
Я стала покорно слаба.
И глупой гримасой улыбка застыла
На сжатых безмолвных губах.

И буду кричать я, и буду томиться,
Скую себя темной тоской.
А счастье, как милая Синяя Птица,
Так близко и так далеко.

26 сентября 1927. Понедельник

Временами малодушничая. Теряю бодрость. Хочется тогда колотиться о косяк кровати. Приближаюсь к отчаянию. Потом бывает стыдно.

Денег нет. Едим мало. Боюсь, что это потом скажется на моем здоровье. А над своим здоровьем я сейчас дрожу больше всего.

Денег нет. Никогда еще я так остро это не ощущала, как сейчас. Ведь скоро и пост рождественский. Как ни раскидывай, а не раньше Нового года, да и то не верю.

Мамочка этого не понимает. Говорит: «Ведь и так вы живете почти что вместе. Разве для вас так важна физическая близость?» А то, что неопределенность и двусмысленность моего положения меня так гнетет, никто, кажется, никто — даже Юрий, до конца не понимает. Нет, Юрий понимает. Я даже не могу его поцеловать, когда хочу. Кажется, кончится это тем, что мы переедем в первую освободившуюся комнату, без всякой свадьбы. Но ведь и этого нельзя делать, пока у меня не будет работы. Вот опять я подошла к такому моменту, когда хочется быть по-звериному.

17 октября 1927. Понедельник

Трудно так, когда столько времени не пишешь. Придется из длинной череды событий и переживаний выхватить настоящий момент и запечатлеть без всякой связи с предыдущим и последующим.

Самое страшное было вчера. Юрий уличил меня во лжи, в такой страшной лжи, в которой я сама себе никогда не признавалась. Началось с Института. Я говорила о том, что не буду ходить к поэтам, чтобы не пропускать лекций. И вдруг Юрий ясно и точно начал говорить о том, что в Институте меня интересует вовсе не наука, но что я хожу туда для того, чтобы «вынимать тетради и вкладывать их обратно в портфель», что вся моя деятельность в этой области сводится к нулю. А ведь как долго я сама себя обманывала этим Институтом. И ведь сколько было построено на этой лжи.

Потом перешли на поэзию. И тут уже я начала говорить, что и поэзия меня не интересует, потому я так и сторонюсь поэтов, потому, что ведь у меня нет в жизни ничего. На этой лжи строилась и держалась вся жизнь. Ведь я очень успешно всех обманывала, часто довольно успешно обманывала и себя, а вот Юрия

не смогла обмануть. Мы уже слишком близки с ним, боюсь, что – слишком. Как же теперь жить, как же продолжать делать и говорить то, что делала и говорила раньше, когда Юрий видел эту ложь?

И как стало страшно, даже в глазах потемнело: ничего не интересно, ни к чему не тянет. Все обман и самообман, сводящий все к нулю. Пока «жизнь таинственно упрощена», жить проще и легче. Поэтому-то я так настойчиво уже полтора года упрощаю жизнь. Я и человек поверхностный, не глубокий, а вот Юрий-то не такой. Но все равно – отказаться от Юрия я не могу.

Вчера я плакала так, как давно уже не плакала. И, конечно, буду продолжать старый обман.

25 октября 1927. Вторник

Вот еще одна маленькая страница в жизни кончилась и оторвалась. В четверг были в Volée. Не хотелось мне идти: как только представила себе все лица – говорю, «не поеду». Еле убедили. Пошла с Юрием. Все шло как обычно, не очень скучно. Я читала «Перед зарей охватывают сны». Встретили очень сочувственно. Юрия тоже встретили хорошо. Вскоре он ушел. Передал мне записку: «Попрощайся за меня с Виктором», Виктор сидел от меня через одного. Чтобы избежать разговоров (а после моего первого письма, где я назвала его «врагом» и все-таки тянулась к нему и звала его и Юрия – я с ним встречаться не хотела) я передала ему записку. «Ирина Николаевна, можно мне будет вас проводить?» «Хорошо». Полдороги молчали, чувствовалась неловкость. «Я слышала, что у вас есть стихи, посвященные мне?» «Да, есть». «Вы их мне дадите?» «Мне бы сейчас не хотелось этого делать». «Но ведь, если они посвящены мне, они должны быть у меня». «Да, верно». Долго стояли около двери. Виктор опять перешел на свою любимую тему:

– Ведь вы несчастливы. Вы глубоко несчастны и скрываете это от себя. И не можете вы быть счастливыми, потому что счастье – вечно, а на земле, в материи, вечного нет. Ведь Юрий вас не понимает. Он, напр<имер>, назвал ваше письмо глупым.

– Он его не знал.

– Тем более, не знал и назвал глупым. А ведь вы не можете написать глупость. Каждое слово в нем было четко и глубоко. И вы глубоко страдаете. Вы будете страдать и не будете счастливой.

– Это мы увидим.

Консьерж стал запирает дверь. Долгое рукопожатье. Глаза Виктора.

– Будем встречаться? Часто?

– Да.

И почувствовала – оба солгали.

В конце коридора остановилась. В обеих комнатах было темно. Юрий меня окликнул, и я вошла к нему. Видно было, что он меня ждал. Сказала ему, что после его ухода было скучно, что провожал меня Виктор, что старался убедить меня в том, что я несчастна и ты.

Легла, но спать не могла. Думала о Викторе и как-то жалела его. Зачем он так суживает жизнь? Делает ее такой односторонней? Если бы когда-нибудь он смог быть таким счастливым, как я, – бросил бы он к черту свой скептицизм.

И складывала стихи:

Я вспоминала темные ресницы

И чувственный, упрямо сжатый рот.

В пятницу вечером, как только Юрий пришел, вошла к нему в комнату, хотелось поговорить о вчерашнем, прочесть новые стихи. Юрий был какой-то странный, говорит – устал.

Начала со стихов.

– Прекрасные стихи. Дай тетрадку.

Долго молчал. Отложил в сторону тетрадку и молчал, стараясь на меня не смотреть.

– Юрий!

Молчание. Я наклонилась и поцеловала его. Как будто мертвого поцеловала, не шелохнулся.

– Мне надо за едой идти.

Закрыв глаза. Мне показалось, задремал. Я тихонько вышла. Следом за мной вышел и он. Я ждала его возвращения. Написала на клочке бумаги что-то вроде: «Если ты сердишься и даже говорить не хочешь, так и скажи, а пропадать, когда знаешь, что я о тебе беспокоюсь, нехорошо». Прошел час. Начала не на шутку беспокоиться. Опять пошла к нему в комнату. И вдруг заметила, что он взял мою тетрадку. И тут же все поняла.

Днем я написала Виктору письмо. Послала оба стихотворения, письмо о том, что счеты у нас с ним сложны, что, прощаясь, мы оба солгали и что встречаться нам с ним незачем. А Юрию даже не успела рассказать об этом письме. Поняла все, как Юрий понял мое стихотворение, почему он так переменился, почему не мог произнести ни слова. Первая мысль: он у Виктора. Пойти? Но что сказать? А вернее, бродит где-нибудь

на набережной Сены, перечитывает сотый раз стихи и повторяет: «Ира и Виктор». Мне стало не по себе. Вечер был мучительный. Сдерживала себя. Прочла целую книгу. Обязательно хотелось дожидаться его и спросить: «Что все это значит? Зачем ты меня мучаешь?»

В двенадцатом часу Мамочка что-то спросила меня о нем, и я расплакалась.

— Я страшно беспокоюсь. Ушел за покупками, и до сих пор нет. Мамочка стала меня успокаивать: встретил кого-нибудь, пошел к Войцеховскому и т.д. Я с трудом успокоилась. Вдруг слышу в коридоре шаги.

— Ну, вот видишь...

В первый момент я расстроилась, так всегда бывает, когда долго волнуешься, и быстро начала ложиться спать. Чувствовала, что пойти к нему не смогу — разревусь.

Утром посмотрела, нет ли ключа в двери. Если торчит, значит, записка. Ключа не было. Это меня сильно обидело и встревожило.

Из госпиталя поехала в мастерскую и только в первом часу вернулась домой. Решила все-таки зайти к нему в комнату, м<ожет> б<ыть>, есть записка. Записка за ключом — ключа нет... Стучу и, не дожидаясь ответа, вхожу. Юрий лежит на кровати, страшно бледный.

— Юрий!

Молчание и испуганный болезненный взгляд.

— Юрий, что с тобой?

Бросаюсь к нему, сажусь на кровать. Хватает мою руку и прижимает к губам.

— Юрий, да что ты?

Он кладет мне голову на колени и рыдает. Я стараюсь быть спокойной.

Быстро стаскиваю перчатки, шляпу, закрываю дверь. Обнимаю его голову, глажу волосы, целую.

— Что-нибудь случилось?

Качает головой.

— Так что же тогда? Ну, успокойся, милый, родной.

Лопочу какие-то наивные, нелепые слова.

— Юрий!

— Возьми там тетрадку, там письмо.

Беру тетрадку. С одной стороны мои лекции Вышеславцева, с другой несколько его стихов, дальше — письмо.

«Виктор Андреевич!

Хочу думать, что вы действовали с добрыми намерениями, а не как обольститель просто... Вы толкаете Иру на путь мелкой женской лжи... Вчера она в первый раз попыталась меня обмануть, хотела скрыть свою взволнованность... Вы победили... Вот ее стихи».

По мере того, как я читала, спазма сдавливала мне горло.

— Юрий, и ты мог...

— Прости.

Мы плакали оба. И в этот момент Юрий, должно быть, почувствовал, что ничего не произошло, что я не изменилась, что я никогда его не обманывала. Да и какие были данные предполагать все это?

— Ты мне веришь?

— Верю.

— Тебе хорошо сейчас?

— Очень хорошо, Ируся. Я как будто от тяжелого сна проснулся.

Вскоре он ушел на работу. Я вытерла глаза, немного подождала и пошла в ту комнату.

Написала и отослала Виктору письмо, сухое и резкое.

«Вы мне писали, что однажды (м<ожет> б<ыть>, никогда?) Юрий вас обманул, из-за меня. А вчера Юрий заподозрил меня во лжи из-за вас. Ему я это прощу, потому что люблю, а Вам — никогда.

И еще. Одна просьба: встречайтесь с Юрием где хотите и когда хотите, говорите с ним о каких угодно высоких вещах, о происхождении и сущности материи, об истине, о Боге и черте, но никогда не говорите с ним обо мне, о наших с ним отношениях, о том, счастливы мы или несчастливы, понимаем мы друг друга или не понимаем и т.п. Я не прошу даже, я требую, чтобы эти разговоры были прекращены. Надеюсь, я имею право на это требование...»

Решила положить этому предел. Надоело такое постоянное и настойчивое вмешательство в нашу жизнь. Эти постоянные разговоры о греховности темной жизни, о том, что мы несчастны. Майер говорила Юрию, что я мала для него, Виктор — мне, что Юрий не понимает меня и т.п. Юрий сейчас не может ему этого простить.

Вечером наших не было дома, а у нас были гости: Борис Александрович, Андрей, Малянтович. Под конец — и Лиля. Мы с Юрием сидели в одном кресле, нам было очень хорошо. Уже в первом часу забрались к нему на кровать и стали говорить. Он рассказал мне, как бродил над Сеной, затем — по Латинскому

квартиры, около Института, «по следам и по тем местам, где проходила наша жизнь, где началась любовь и где проходили наши тревожные минуты». В маленьком кафе, около Института, писал Виктору письмо, безумное письмо. Я рассказала ему все, как было. Казалось, что после длинной и тяжелой разлуки мы опять нашли друг друга, опять стали вместе. М<ожет> б<ыть>, мы еще никогда не были счастливы, как в эти дни.

Наутро, в воскресенье, после госпиталя, вхожу к Юрию. И, о ужас! Передо мной вырастает фигура Виктора. Я так и попятилась.

— Я пришла Юрия будить. Значит, не надо.

— Посидите с нами.

— Не могу. Мне надо посуду мыть. У меня вода греется.

— Да вы успеете... посуду...

В голосе его была какая-то мольба.

— Некогда.

Несколько раз выходила за покупками. Он открывал дверь и кричал:

— Ирина Николаевна!

А я ускоряла шаги.

Во втором часу он ушел. Я — к Юрию.

— Ну, что?

— Ничего. О тебе не говорили. Разговор был о литературе.

Я, помолчав:

— С Виктором кончено. Он уже никогда не будет для меня тем, чем был.

День был великолепный — безумный, веселый. Было радостно, была любовь, была страсть.

Заехали к нам Городниченко и Воробьевы. Приехали погостить из Туниса. Ляля выходит замуж за Леню, и я имела счастье наблюдать счастливую пару. Наблюдала и думала: «Разве могут они быть такими счастливыми, как мы? У Ляли жизнь проста и примитивна. Мамаши решили эту свадьбу. Мамаши будут нянчить внучат». Представила себе их брачную жизнь — и улыбнулась. И еще радостнее ощутила Юрия.

Когда уже в одиннадцатом часу мы с ним побежали в Ротонду, я, задыхаясь от переполняющего счастья, сказала:

— Юрий, я не знаю, что со мною сегодня. Я какая-то...

— Какая?

— Счастливая!

В понедельник под вечер сижу, вдруг стук в дверь, консьерж приносит письмо от Виктора. Письмо без марки, значит, сам занес.

«...Я понял... Ни с Вами, ни с Юрием Борисовичем встретиться я не буду... Тем хуже для Вас... Если и будем встречаться, то только в общественных местах... Если буду говорить, то только не о том, что исповедую...»

Мы сойдемся в решительной схватке,
Чтоб потом разойтись навсегда.

Вот эта схватка уже и произошла. Но почему-то нет радостного ощущения победы.

Мне жаль Виктора. Я представляю его: грустный, растерянный, пришибленный, как побитая собака. Юрий тоже в глубине души испытывает, должно быть, те же чувства, перечитывая его письмо: когда я вышла – взял конверт в руки.

Не хочется быть сентиментальной – разве я сама не добивалась этого. И в этот день я только сильнее и полнее ощутила всю мою любовь к Юрию и радость этой любви. Все отдать: и радость свою и горе, все мысли и чувства, воспоминания. Юрий говорит: «Тебя увлекла новизна», но разве что-нибудь может быть страшно в наших отношениях?

С Виктором – кончено.

26 октября 1927. Среда

Вчера получила письмо из «Современных записок» от Мих-
<аила> Цетлина. Отказ. Ну, что ж? Всякие неудачи бывают.

Сегодня была на консультации у Ляббе. Говорил, что все хорошо, нормально. Что-то объяснял студентам, я не поняла. Выхожу оттуда, за мной выскакивает одна дама, студентка, по-видимому.

– Mademoiselle!

Очевидно, будет следить за ходом моей болезни. Нужно ей записать мой вес, режим, возраст.

– Votre nom?*

– Knorring.

– Кнорринг? Русская?

Я очень обрадовалась. Спросила, что говорил Ляббе. Говорит: все хорошо.

Случайно узнала, что маленькая Жаннет лежит в госпитале. У нее очень плохи дела, было три креста, acétone. Лежит она в отдельной комнате. Совсем одна. Зашла к ней.

– Жаннет!

* Ваше имя? (фр.)

Бросилась ко мне, поцеловала, такая смешная и славная, в длинной, почти до пят, рубашонке. Так досадно, что не могла с ней поговорить. Все больше о болезни ее расспрашивала. Обязательно сделаю ей сегодня обезьянку и отнесу. Если бы не боялась показаться сентиментальной, отнесла бы ей цветы.

21 ноября 1927. Понедельник

Давно я не писала.

Самое страшное – та среда.

Нет, с Виктором еще не все было кончено.

Во-первых, в четверг мы с Юрием обещали приготовить Очередину стихи, отнести их должны были к Мамченко. Поздно вечером пошли, чтобы оставить в бюро. Подходим к двери. Записка Майер.

– Он там.

– Нет.

Слушаем. Тихо.

Я чувствую, что там никого нет. И стучим.

– Елена Евгеньевна!

И вдруг, о, ужас! – отворяет дверь Виктор. Делать нечего, вошли. Была и Наташа Борисова. Очень она меня не любит и сдерживать себя не может. Виктор был какой-то жалкий.

А вот вчера. Я кисла и легла спать. А Юрий тем временем исчез. Я потом бегала его искать к Notre Dame, но не в этом дело. Оказывается, он пошел к Борисовой относить книгу. Встретил там Виктора, и тот его проводил. Последняя схватка. Поговорили обо всем. Юрий раскрыл карты Виктора. Тот не отрицал. Даже – больше. Он сказал, что не бессознательно завлекал меня, а совершенно сознательно, последовательно, только – бескорыстно. Он фанатик идеи. Ему надо было во что бы то ни стало разбить наш союз, «спасти» Юрия. Цель у него оправдывает средства. До сих пор я не могла назвать его подлецом, теперь... И еще одной вещи я ему не прощу, что он меня одурачил. Мне то казалось, что я его завлекаю, а оказывается – наоборот. Я с ним играла, признаваясь в этой игре. Мне хотелось его поколебать. А он мог думать, что успешно проводит свой план.

Ну, да черт с ним!

Вчера же оба решили больше не встречаться. Виктор говорит, что это лучше для обоих, он убежден, что Юрий в скором времени сам вернется к нему. Слава Богу, с Виктором кончено.

Тронули меня вчера Лиля и Андрей. Особенно Лиля. Вчера вечером они с Юрием сидели одни в той комнате, и он ей рассказал всю историю с Виктором. Ужасно она возмущена.

– Негодяй! Урод! И вы тоже хороши, возились с ним.

Сидели втроем на кровати, т.е. вернее я лежала – расстроилась за целый день и ушла в темную комнату, потом пришел Юрий, потом Лиля. Сели рядом. Обняли меня оба. Лилия целует, гладит волосы. И столько она проявила заботливости ко мне, столько внимательности и нежности. И какой я была счастливой этот вечер.

Я так счастлива, что совсем не могу думать о том, страшном, что стоит надо мной – угроза беременности. Подождем еще дня три, а там...

22 ноября 1927. Вторник

Папы-Коли не было дома. Мамочка шила на машине. Я была у Юрия. Все прислушивалась к стуку машины. Состояние было безумное. Вдруг машина смолкла и через минуту стук в дверь. Мы еще были на постели. Минута смущенья. Неуверенный голос Юрия:

– Tout de suite*.

Я вскочила и приоткрыла дверь. Этого момента, когда мы столкнулись лицом к лицу, обе смущенные и обе понимающие, я до сих пор вспомнить не могу. Я – без туфель, растрепанные волосы, раскрасневшееся лицо...

– Я пришла узнать – ты сейчас будешь капусту варить?

– Да, сейчас... Да я... даже не хочу... Я – сейчас, я вот, видишь, без туфель, лежала... Я сейчас.

И беспомощный взгляд на Юрия. Он этого взгляда тогда еще не понял, не осознал. А я, как подкошенная, упала на кровать. Слышу, Мамочка ушла. И не возвращается. Я начинаю плакать, сначала тихо, закрывая лицо, потом все громче.

– Где она?! Где она?!

От рыданий задыхаюсь.

– Юрий, пойді же, я не могу!

Юрий, мрачный, негодующий и ласковый, наскоро одевается и уходит. А я бьюсь почти в истерику и колочусь ногами об стену.

Через минуту возвращается.

– Успокойся. Ходит около стола.

Мне и сейчас трудно вспоминать об этом вечере. Как я вернулась в эту комнату! Как мы встретились! Ужасно, ужасно и ужасно!

Мамочка меня встретила словами:

* Один момент! (фр.)

– Бедная моя девочка!

Это было еще хуже.

Ту ночь никто не спал. Это было – ужасно. Другого слова не придумаешь.

Потом бесчисленные атаки вроде:

– Юрий Борисович принимает меры, чтобы ты не забеременела?

– Да.

– Ну, хорошо, что он хоть в этом о тебе заботится. А тебе он так же врет?

Я отбиваю эти атаки решительно и резко. И это мне легко. Отношение к Юрию явно враждебное. Они не видятся. А мы как-то еще крепче сблизились!

Начали готовиться к свадьбе, никого в это не посвящая. Достали бумаги. Боюсь только, что это еще надолго затянется, потому что дорого, ибо надо составить *Acte notarié**. Сегодня Лиля обещала узнать. Скорее бы только, скорее. Жаль только, что из-за поста придется отставить церковный брак, но ждать уже больше нельзя.

3 января 1928. Вторник

Давно не писала. Так что, надо начинать все сначала?

С настоящего момента, без объяснения того, что было за эти месяцы. У меня на руке обручальное кольцо. На Новый год мы поехали в Версаль, в «наш» Версаль, и надели кольца. Версаль был под снегом. Картина изумительная. Сумерки. А сначала в большом канале потопили гипсовую черную кошку, которую Юрий «подстрелил» на St. Michel в ночь под Рождество, когда мы со всеми моими и с Андреем были в St. Sulpice. Потопили, чтобы она между нами не бегала, а то много ссориться стали...

Свадьба будет, наверно, четырнадцатого. Точно назначить день нельзя, потому что *Acte notarié* еще лежит в трибунале и будет готов, а *partir de février***. Публикация уже сделана в Париже, в Севре и в Медоне. Хлопот было много, и устала я за это время страшно. Слава Богу, все документы уже собраны, теперь остается только ждать.

Так как все это устраиваю я, то с каждым новым шагом я испытываю большое удовлетворение и большую радость. А иногда мне кажется, что Юрий как-то мало радуется, что он слишком равнодушен.

* Нотариальный акт (фр.).

** Начиная с февраля (фр.).

А иногда и мне самой бывает страшно: вот станем жить вместе, а на что жить? Ведь это выходит, что я со своим диабетом и своим малым и неверным заработком сажусь ему на шею. Когда я об этом подумаю, мне становится очень гадко на душе.

Перед Рождеством Юрий болел. Какое-то отравление. Пришлось звать доктора. Помню ночь: температура почти 40, все время меняю компресс на голове, мучается, такой слабый, такой беспомощный и такой близкий. Обнял меня за шею – так только ребенок обнимает мать.

Дома, конечно, примирение. Незадолго до болезни, не без помощи Бориса Александровича.

Новый год встречали все вместе.

Вот и все, что я могу записать об этом времени. Мелочей много, но как-то не до них. Да и работы пока нет. Иногда я чувствую себя плохо. Хочу спать. Сахару мало, но все время много ацетонов. Боюсь, как бы не пришлось лечь в госпиталь. Уж только бы после свадьбы, только бы скорее закончить все формальности. Они ничего не изменяют: комнаты у нас нет.

6 января 1928. Пятница

Казалось: остаться бы только одной, дорваться до дневника и писать, писать. А вот как-то не пишется. Отвыкла, должно быть. Дела мои плохи: gerhardt ++, légal +++. Так еще не было никогда.

9 января 1928. Понедельник

Уже окончательно выяснено и установлено, что свадьба будет в субботу в 10 утра. А у меня все еще как-то нет сознания, что это «по-настоящему», что я уже взрослая и выхожу замуж. А Папу-Колю это известие, т.е. назначенный день – прямо как-то ошеломило: «Я все еще не могу представить».

16 января 1928. Понедельник

Свадьба в субботу состоялась. В мэрии было довольно торжественно. Самое торжественное, правда, было рассаживание. Мы были первым номером, за нами еще пар десять. Сначала повели в один зал, рассадили, принесли огромного размера книги, в которых мы и расписались. Подписала на *Livre de famille*^{*}, где я уже должна была написать *Sophieff*. Затем повели в другой зал красного бархата с коврами и рассадили полукругом перед кафедрой. Потом мы должны были ждать

^{*} Книга регистрации актов гражданского состояния (фр.).

остальных. Настроение было веселое и никакого сознания значительности момента. Сама церемония продолжалась не более пяти минут. Прочли закон, спросили каждого – согласен или нет, и мэр объявил: «*Que vous êtes mariés*»*. После чего – сбор на бедных. Мэр вручил нам документы, протянул сразу обе руки, подержались, и служитель с цепью объявил, что «*cérémonie est terminée*»**. В коридоре поцеловались. Дома нас встретили шампанским.

А с вечера начали ссориться. Мы с Мамочкой ездили в магазин, а Юрий тем временем не мог не побывать у Виктора. С этого и началось. Потом его очень злило и раздражало, что у нас нет комнаты. Дошло до того, что это раздражение стало не в шутку раздражать меня. До вечера воскресенья я проплакала. Сейчас мне не хочется об этом вспоминать.

Утром в воскресенье в госпитале мне устроили овацию. Только я открыла дверь: «*Vive la mariée*»***. Поздравления, пожелания; при этом все подчеркивали: «*Bonjour, madame*»****, «*Au revoir, madame*»*****. На свадьбе пила шампанское, и сахар не появился.

Пришла, разбудила Юрия, и сразу он меня разозлил и расстроил и раздражением своим, и нетерпеливостью, и пренебрежением к церковному браку. Про себя я даже порадовалась, что нет комнаты: при всей своей чуткости и деликатности он бы все-таки поставил меня в неприятное положение.

Позвала Мамочку и Папу-Колю с утра в парк Butte Chaumont, и всю дорогу ревела. И было жалко, что Юрий остался, и сознавала, что остаться с ним значит ссориться.

Ссорились днем. Лиля, бедная, пришла поздравить и ровно ничего не понимала. Я избегала объяснений, потому что боялась наговорить много лишнего и грубого. К вечеру помирились.

19 января 1928. Четверг

Завтра вечером свадьба в церкви. Завтрашнюю ночь мы уже должны быть вместе.

Комнаты у нас нет. Переедем пока куда-нибудь на время, пока здесь освободится. Я обегала весь этот район, нашла три

* Что вы супруги (фр.).

** Церемония завершена (фр.).

*** Да здравствует новобрачная! (фр.)

**** Здравствуйтесь, мадам (фр.).

***** До свидания, мадам (фр.).

комнаты за 50 фр<анков>, но без отопления. Приходится взять одну из них. Ужасно мне не хочется уезжать из этого отеля. Ужасно не хочется. И даже чуть-чуть страшно. Постараюсь передать причину этого страха. Пытаюсь определить причину грусти. Думаю, что и грусть заключается в страхе. А страх — перед жизнью.

Работы у меня больше нет. Юрий получает мало. При всем желании и при всей экономии — мы не проживем. Материально мы связаны с нашими. Положение получается очень неприятное. И вообще, я не знаю, что делать. Дальше первой ночи и, м<ожет> б<ыть>, первого дня я думать боюсь.

Где же найдем комнату? Когда и как мы переедем? На Юрия я не надеюсь, он как-то ничего не делает без напоминания и понукания.

Мамочка шьет мне венчалное платье. Но белье, конечно, не шелковое. Хочет купить туфли. Готовит какое-то празднество. Самый обряд меня занимает. Об остальном не думаю. У меня нет никакого сознания, что завтра моя жизнь перевернется. Но мне, м<ожет> б<ыть>, даже немножко грустно уходить из семьи. Этот момент появился недавно.

Кажется, самое лучшее лечь в госпиталь.

23 января 1928. Понедельник

Вот и все. Вот уже действительно началась новая жизнь. И все вышло хорошо.

В пятницу Юрий работал до двенадцати. Потом отправился искать комнату. Снял, в конце концов, ту, на которой я остановилась, недалеко от наших, на rue des Canettes около в St. Sulpice. Комната на 6-м этаже, довольно большая, узкая и страшно низкая. Я свободно достаю до потолка. Дом несомненно помнит французскую революцию. Без отопления. Пятница прошла в сутолоке. Наконец оделись. Зашел Обоймаков, потом Лиля. Поехали, конечно, на метро. Перед отходом Мамочка и Папа-Коля благословили меня нашей сфаятской иконой «Радость странным». Около церкви встречаем Андрея. Скоро пришел Костя. Карпов чуть-чуть не опоздал, а я уже начинала волноваться. Пришел ровно в 7 часов, с огромным букетом белых цветов. Букет, действительно, великолепный. Не опоздал и Борис Александрович.

Венчал о. Спасский. В первый раз мы встретились после Сфаята. Мои ми шаферами были: Костя и Обоймаков, у Юрия — Карпов и Андрей. Очень было хорошо. О. Спасский сказал слово. Сплошной комплимент по моему адресу: «У Ирины, как мы ее

тогда звали, очень поэтическая душа. Но всегда очень грустна ее муза. От вас, Юрий Борисович, зависит, чтобы на ее лире зазвучали другие ноты».

Оттуда всей оравой в автобусе поехали домой. По дороге в этот же автобус влез Эльяшевич. Как раз в этот вечер его лекция. Вышло занятно.

У нас сидели до полуночи, — было весело. Сначала ушли гости, потом мы. Это был самый тяжелый момент — уходить из дому... Наконец, мы у себя. Никто не помешает. Некуда торопиться. Был один момент, когда я стала раздеваться, — вдруг стало не то страшно, не то безудержно радостно, но только почти физически больно, и я почувствовала, что теряю сознание. Это был только момент. Ночь, наша первая ночь, была безумна. Я всегда считала себя слишком холодной и бесстрастной, а теперь, если говорить цинично, вошла во вкус. Чем дальше, тем лучше. И третью ночь я ждала уже нетерпеливее, чем вторую. М<ожет> б<ыть>, и разгорюсь.

Дня два перетаскивались. Только самое необходимое. А все книги и орлов перенесли на чердак. Развесили кое-какие картинки, и стало даже уютно.

Играю в хозяйку, и это меня пока занимает. Делаю покупки, чищу кастрюли. Сейчас пойду покупать штопор и подставку для чайника. Материальное положение меня не волнует, не хуже прежнего. Нам помогает Б.А., он платит, не знаю которую часть, за комнату. Папа-Коля все время покупает мне сыр, масло. Сегодня я пришла за масленкой, а он мне сует масло. Я говорю: «У меня есть», а он: «Возьми, возьми».

24 января 1928. Вторник

Мне бы хотелось спокойно и подробно, день за днем, записывать мою маленькую женскую жизнь.

Я себя не узнаю. Должно быть, действительно «разгорелась», м<ожет> б<ыть>, перехлыну через край. К концу дня я уже мучительно и напряженно жду вечера. Когда мы ложимся в постель и обнимаем друг друга, я прежде всего испытываю нежность. И, как кажется, только нежность. Но когда вчера (мы были очень усталые оба) Юрий полусуется, полусерьезно: «Будем спать. Никаких ласк», — я вдруг почувствовала одновременно и раздражение и грусть. А когда его рука проскользнула по моему телу и когда тяжесть, именно тяжесть его тела я почувствовала на своем, вдруг загорелась. Сначала ровно, тихо, спокойно. Потом я сказала: «Сними рубашку». Сняла сама.

Между нами был только маленький образок и медный крестик, который я надела Юрию, когда он был болен. Обхватила обеими руками его тело, гладила, ласкала. Испытывала ли я «наслаждение»? Не знаю, м<ожет> б<ыть>, и да. А м<ожет> б<ыть>, так называется нечто иное. Но если бы Юрий вдруг прекратил, я бы испытала большую неудовлетворенность. Потом я обезумела. Должно быть, это была настоящая страсть. Я крупно задрожала и забилась. Я испытывала боль, приступ боли от быстрых ударов, и эта боль была сладкой. Мне хотелось грубости с его стороны, хотелось, чтобы он меня ударил. Не раз я говорила ему: «сильнее». Потом даже, в первый раз, испытала что-то похожее на неловкость. И то ненадолго. Надо сказать, что мы оба успокаиваемся довольно быстро и даже минут через пять можем шутить и смеяться. Однажды между ласками Юрий достал сыр и мы закусывали, другой раз – я читала «Соловьиный Сад».

26 января 1928. Четверг

Сегодня ходила в русский Красный Крест за помощью. Просила дать мне мой хлеб. Ушла с очень неприятным осадком на душе. Прежде всего меня облаяли, почему я пришла не вовремя, а я не знала, когда прием. Разговор с седой дамой был очень суров.

– Обратитесь в амбулаторию русского Красного Креста, пусть вас там освидетельствуют, и если вам, действительно, нужно лечиться, то, м<ожет> б<ыть>, мы как-нибудь сможем вам помочь, только не хлебом, конечно, которого у нас нет.

– А чем же еще? Слава Богу, французы лечат меня бесплатно.

– Извините!

Вышла я и расплакалась. Французы идут навстречу, а русские – никогда. А так противно выклянчивать эти подачки. М<ожет> б<ыть>, по существу в этом нет ничего унижительного, но все это сопровождается таким тоном, такими взглядами, что я предпочитаю голодать и ходить босиком, чем обращаться к русским организациям.

27 января 1928. Пятница

Вчера вечером мне вдруг стало грустно. У нас очень холодно, и Юрий в 9 часов лег в постель. Я тоже стала раздеваться. И вдруг мне стало грустно. Почему, я до сих пор точно определить не могу. Обидно было, что так рано кончается день, и что ведь он был, в сущности, только подготовлением к этой

минуте. Целый день я жду Юрия, а когда он приходит, оказывается, что нечего делать. Потом вспоминала Мамочку, представляла, как она сейчас думает обо мне, и стало грустно, что не видела ее. И как-то вдруг в первый раз почувствовала до конца, что это все не игра, а настоящая жизнь.

Легла и заплакала. Хотелось долго и сладко плакать. Напугала и взволновала Юрия. Хотелось ему объяснить, что я очень счастлива, что мне очень хорошо с ним, а слезы капали и капали.

Сегодня на St. Germain я видела: останавливается автомобиль и черная грудa под ним. Подробностей, слава Богу, не разглядела. И сейчас же образовалась толпа.

Сижу одна. Холодно. Перед окном белье развешено, пальцы состираы, болят. Составляла «бюджет» в сотый раз. Все или ничего. А вот сейчас взяла да и съела сыр, купленный к вечеру. И не столько от голода, как от скуки. И злюсь на себя. А как нужно еще завтрашний день просуществовать.

Сейчас пойду к нашим погреться и сушить чулки.

2 февраля 1928. Четверг

В субботу справляли «Татьяну» Фр<анко>-рус<ским> институтом в ресторане «Волга». Что там было, писать не буду. Конечно, речи, и очень интересные: все профессора, в порядке возрастного старшинства, рассказывали какой-нибудь период из своей студенческой жизни. Получилась картина студенчества на протяжении 50 лет. Последним говорил Гурвич. А за ним поднялся Юрий. Говорил хорошо и взволнованно: о нашем положении, о том, какие впечатления оставила у нас революция; что мы не верим в идеалы отцов, ищем новых; а у «отцов» учимся, эксплуатируя их и т.д. Слушали очень внимательно. На завтра Вишняк говорил Папе-Коле: «Хорошую речь сказал ваш зять. Я с ним во многом согласен». А вчера Милюков говорил, что очень хорошо.

На обратном пути всю дорогу говорили о социализме, об общественном идеале и т.д.

В пятницу были на лекции Эльяшевича. Я обе лекции проспала. А Юрий на обратном пути до станции и дома опять говорил о социализме, о рабочем вопросе. Это его волнует, этим он живет. И это его область, его жизнь. Он и по характеру и по настроению — политик, и должен быть политиком. И мог бы быть незаурядным деятелем, если бы вообще мог быть «деятелем». Не моя ли роль заставить его работать? Думаю, что — да.

Я уже приохотила его к Институту. Вдруг, совершенно неожиданно для самого себя, он нашел в нем интересный и волнующий его мир. Теперь ему хочется записаться на семинар Эль-яшевича, но если я его на это не толкну, он этого никогда не сделает. Надо, чтобы он ходил и в РДО. Был момент, когда мне казалось, что все это, как в свое время Мамченко, отнимает его у меня. Это не так. Тем более не так, что я его удовлетворить до конца не могу. Я выслушиваю его пламенные речи о прогрессе, читаю вслух «Об общественном идеале» Новгородцева, но ведь он великолепно понимает, что мне все это чуждо, что я этим не горю.

В моей любви к Юрию появился новый момент, полный какого-то почти преклонения, почти восторга перед большим человеком. Он самоуверен, м<ожет> б<ыть>, истеричен. Но что он – большой человек, в это я верю все больше и больше.

7 февраля 1928. Вторник

В пятницу был вечер поэтов. Читала Т.Л.Толстая о Толстом. Скучала, народу мало. Во втором отделении чтение стихов. Первая я. Читала: «Мне, как синице, моря не зажечь» и «Мы – неудачники». Читала хорошо и имела успех. Юрий читал последним. Волновался с самого перерыва. Читал плохо.

В воскресенье с утра поссорились. Он имеет обыкновение спать до 12–1. Меня это злит. Не дождалась его и ушла к нашим. Иногда мне кажется, что я бываю одинока. Страшная и опасная мысль для медового месяца!

Мне скучно. Юрий занимается политикой, историей, а меня это не трогает. Иногда бывает минута, когда «ничего не хочется». Хочется плакать. Дел у меня много: вымыть, вычистить посуду, постирать, погладить, поштопать. Все это весело. Потому что – и для Юрия. Особенно весело готовить ужин, когда изобретаешь, чем бы ему разнообразить мой диабетический режим. И как радуешься, когда это удастся. А когда он приходит, – я уже слишком устаю. И мне уже начинает казаться, что недостаточно внимания ко мне, что ему скучно, что ему мало, что, кроме капусты, я ничего не могу ему дать. М<ожет> б<ыть>, правда, я глупею и тупею с каждым днем, и, действительно, ничего не могу ему дать. Ему нужно поговорить, поделиться мыслями о прочитанном. И это все далеко мне, как Китай. Тогда я начинаю чувствовать себя одинокой. Сегодня я влюблена в свое вчерашнее стихотворение. Особенно – в строфу:

Где я буду в тот матовый вечер?
Кто мне скажет, что я умерла?
Кто затеплит высокие свечи
И завесит мои зеркала?

Мне кажется, что лучшего я никогда в жизни не напишу!

Вечер. 8<часов>20<минут>

Сижу одна. Юрия уговорили пойти в Институт на Милюкова. Пошел, главным образом, потому, что надо у Лили узнать один адрес. Иначе бы не раскачался. Я не пошла, потому что устала, скисла, а, главным образом, потому, что мне не хочется. Леню одеваться, идти в темноту далеко... И как-то не интересна лекция. И еще менее интересны те лица, которых я там увижу и с которыми мне уже не о чем говорить. Что бы я дала за свое бывшее увлечение Институтом, за ту бодрость и неутомимость, с которой я ездила каждый день из Севра! За тетрадки с записями лекций? За тот смех, которым я могла смеяться только в Институте.

Как будто бы я не удовлетворена? Это неправда.

Я люблю Юрия безумно. Именно до безумия, до какого-то восторга. Мне хочется целовать ему руки. Мне хочется отдать ему все настолько, чтобы забыть о себе. Если я иногда упрекаю его в недостаточности внимания ко мне – это неправда. Если даже он и разлюбит меня и отвергнет, как ненужную вещь, все равно моя любовь к нему не станет слабее. Если я и плачу и жалуюсь, так это потому, наверно, что нервы у меня совсем распустились. Я боюсь неожиданного стука в дверь, иногда боюсь своего голоса. Сегодня вечером, когда я варила капусту, мне показалось, что стучат в дверь, м<ожет> б<ыть>, к соседу. Но стук был настойчивый и равномерный. М<ожет> б<ыть>, сосед забивал гвоздь. И мне стало страшно, я не могла открыть дверь и посмотреть. Иногда просыпаюсь по ночам и также остро ощущаю страх. Иногда по утрам, когда Юрий уже уходит, мне начинает казаться, что он рядом, и я чуть ли не слышу его голос.

13 февраля 1928. Понедельник

Юрий горит идеей создания какой-то «Свободной трибуны» Франко-русского института, где бы можно было говорить, работать, вырабатывать свое политическое мирозерцание. Что же, в добрый час! Это его сфера. А у меня, должно быть, своей сферы никогда не будет. Юрий мне сказал прямо, что

заниматься я не буду в Институте, и где бы я ни училась, все равно заниматься я не буду, потому что я настоящий поэт. А настоящий поэт, выходит, должен быть самым безалаберным и никчемным человеком в жизни. «В этом твоя трагедия, но в этом и твое творчество».

Сижу одна. Холодно. За окном дождь. Примус в починке, так что капусту варить пойду к нашим. Холодно. И скучаю.

14 февраля 1928. Вторник

И особенно синяя
(С ранним боем часов)
Бесконечная линия
Бесконечных лесов.

Юрий, конечно, понял и сказал мне, почему, когда я читаю Георгия Иванова, он лжет, что не любит его: потому, что тогда грустно и безнадежно хочется повторять его стихи.

16 февраля 1928. Четверг

В сущности, я делаю преступление: упрямо, упорно и настойчиво разрушаю свой организм. Мой организм и так уж достаточно подломлен, а я хочу его доконать и добиваюсь этого систематическим недоеданием. Да, я голодна. Да, я всегда хочу есть. Потому-то у меня и слабость такая, что я буквально шатаюсь. Поем немножко – и лучше. Но не в этом беда. Не в этом – самое страшное. А в том, что получается какая-то двойственность, какая-то двойная жизнь, ложь. Ведь я делаю преступление. Совершенно сознательно. Вместо того, чтобы искать работу и стучаться в какие-то двери, выпрашивать пособия, – я лежу под теплым одеялом и сплю все дни. Лежу и сплю уже потому, что часов с двух у меня уже нет сил ничего делать. Поднимаюсь тогда, когда надо делать ужин, и только потому, что надо что-то приготовить к приходу Юрия.

А почему не говорить правду?! Да потому, что мне надо как-то оправдать свое существование, т.е. свое безделье. И я привожу себя в такое состояние, когда уже, действительно, не смогу работать. Без кавычек. А для чего? Да для того, чтоб скрыть свой стыд. А мне стыдно, прежде всего и больше всего перед Юрием, потому что я вишу у него на шее, потому что я ему ничего этого сказать не смогу, потому что он это все равно знает. И вообще тут такая путаница, такой страшный узел. А ведь, если я ему лгу, если я для него играю эту комедию, так значит, всей любви конец. Ведь все можно простить, кроме лжи.

19 февраля 1928. Воскресенье

Вечер. Один из немногих вечеров, когда мы оба дома. Юрий лежит на кровати и читает Вл<адимира> Соловьева. Я убрала со стола после чая и взяла дневник. Что я буду писать? Ведь у меня ничего нет. Юрий сейчас буквально горит идеей «Свободной трибуны». Она захватила его целиком. Я никогда еще не видела его таким возбужденным и взволнованным одной идеей. Волнуется, говорит без умолку, бегаёт к Обоймакову, летает к Карпову. На него весело смотреть.

А я его совсем как-то и не вижу. Все вечера он уходит: понедельник – к Ладинскому, вторник – на Милюкова, среда – дома, четверг – на семинар Эльяшевича, пятница – либо на Эльяшевича, либо к поэтам, суббота – «трибуна». Вижу я его короткое время за ужином, когда он приходит усталый с работы, немножко и распускается, и правда, устает и потом, поздно вечером, когда я уже совершенно устаю и сплю. А тут еще весна начинается, воздух весенний, опять – тревога, и взволнованность, и сны. Готова спать все сутки напролет.

Вчера Юрий пришел с собрания во втором часу. Лег.

– Ты спишь?

– Нет, не сплю. Ну, что было? – и глаза слипаются. Нет сил бороться. Начал что-то рассказывать. Хотел поласкать меня, понежничать. А мне почему-то досадно стало, и сон ломил неимоверно. Не пошевелилась. Мы с ним давно ни о чем не говорили, кроме правового социализма, и то говорил он, а не я. Только, когда мы ляжем рядышком под одеяло, Юрий до конца принадлежит мне, а не социализму, не «трибуне», не поэтам, не Институту, не своим книгам. Но тогда меня обвивает сон.

И опять, как в былые давние ночи, волнует и ласкает мысль о нем. Мысль о нем заменяет его, реального. Моя беда, мое горе, что я не горю тем же огнем, что и он. Половые отношения начинают надоедать и не удовлетворяют так, как в первые ночи. Разговоры только о социализме или об отцах и детях. Но разве его вина, что я потушила свой маленький огонек, если он был когда-нибудь: что мне нечем жить, только им, им одним, отдать целиком всю свою жизнь и всю себя – ему.

28 февраля 1928. Вторник

В субботу были в «Трибуне». Доклад делал Обоймаков о национальных меньшинствах. Оживленные и страстные прения. Интересно. Но Юрий уже ни о чем другом говорить не мог.

Появилась некоторая отчужденность. Когда он загорелся своими идеями, когда говорит о них – он становится безнадежно далек от меня. Тут уже ничего не поделаешь.

Воскресенье, как все праздники, прошло в напряженном и тревожном состоянии. С Юрием почти не видалась. Он каждый день куда-то гонял, с кем-то говорил, а вечером у нас были Обоймаков и Борщ. Кричали и спорили. А когда остались с Юрием вдвоем, я легла и почувствовала всю свою ненужность в данный момент. Притворялась, что очень хочу спать, и обидела его.

Вчера и у него было невозможное состояние. Пришел он, поужинал и лег. Вижу, что сильно не по себе. Подошла, приласкала. Успокоила. Юрий очень чуток, до болезненности.

1 марта 1928. Четверг

В одном месте Алданов говорит, что каждый человек известной эпохи любит «по какому-нибудь писателю», так Шталь любил по Карамзину, а мы, несомненно, любим по Кнуту Гамсуну.

Однажды, очень давно, Юрий сказал: «Какое счастье, что мы с тобой оба – поэты. Это было бы страшной трагедией, если бы один из нас горел этим, а другой – нет». Один из нас – социалист и горит этим, а другой – нет. Страшная трагедия?

Я думаю, что эта трагедия для нас обоих.

Вчера у нас была Наташа. Говорили обо мне.

– Тебе не бывает скучно?

– Нет.

– А я все думаю о тебе: кого ты видишь, где ты бываешь; и мне показалось, что твоя жизнь не то что пуста, а так... какая-то тоненькая ниточка. Все, что было до сих пор, все, что ты делала и говорила, все свелось к одной точке, как лучи, и от этой точки потянулась прямая ниточка. И ты так и будешь идти – все прямо, прямо, никуда не сворачивая, и будешь себя уверять, что тебе и не хочется.

– Да, конечно, мне и не хочется.

– Да, но это так не вяжется с тем, что ты была в Сфаяте, в монастыре, да и здесь.

Я не пойму, что у нас происходит с Юрием. Несомненно, игра в героев Гамсуна. Но и что-то другое. Когда вчера мы легли, потушили свет, я вдруг просто физически почувствовала, как что-то горячее и тяжелое, как расплавленный свинец, заливает мне грудь. Мне захотелось стонать. Юрий был страшно усталый, ему все не может, и он меня страшно беспокоил.

И все время напряженное ощущение своей ненужности. Иногда кажется, что я сейчас больше всего нужна Краузе, той

русской, которая лежит в госпитале. Я ей хоть книги меняю в библиотеке. И потом она очень одинока, к ней никто не приходит, и она бывает всегда рада мне.

— Вы мой добрый гений. Мне вас Бог послал.

А меня это трогает.

6 марта 1928. Вторник

Вчера на собрании «Дней» видела Керенского.

В это сердце вся кровь его быстро
Хлынула — к славе, схлынув со щек.
Вот оно бьется. Руки министра.
Рот и аорта сжаты в пучок.

Весь вечер смотрела на него.

С Юрием что-то неладно. Страшно меня беспокоит. Хоть обратиться к врачу по нервно-половым болезням. Я хочу, чтобы он пошел скорее, а денег нет. Это тем более мучительно, потому что в этом-то уж виновата я. Заработать негде, думаю, на чем бы еще сэкономить. Хожу в госпиталь пешком, но во сколько недель накоплю нужные 20 фр<анков>? А стихов «рыжий диабетик» не печатает. Господи, что же делать? Больше сократиться не в чем. Если б он знал, как это меня мучает!

Мне самой кажется, надо к врачу по женским болезням.

У Юрия грустное настроение и грустные стихи:

Я о непрочности земной,
О зыбкой и неверной почве...
Союз души с другой душой,
Как дом бревенчатый сколочен.
И вдруг, очнувшись некой ночью,
Мы видим — домик из картона.

Правда, он говорит, что это было написано до нашего последнего разговора и не к нам относится, а «теоретически», но строчки замечательные. А у меня такое впечатление, что я скоро не умру, не то просто исчезну из этой жизни. Что все это — временно, и при том на очень короткий срок, теперь о «непрочности», но только другого сорта.

7 марта 1928. Среда

Была на консультации у Ляббе. И остался очень неприятный осадок. Я за последнее время сильно похудела. Оно и неудивительно. Ляббе спрашивает: почему? Что я ему скажу?

— Вы мало едите?

- Да.
- Почему?
- У меня нет аппетита.
- А давно у вас нет аппетита?
- Недели две.
- Что же вы не едите из вашего режима?
- Меньше мяса.
- Сколько?
- 50 гр. (почему?).
- А еще?
- Остальное все ем.

Сделал какие-то отметки в листах.

– Если вы будете продолжать так худеть, вам придется на несколько дней лечь в госпиталь.

Под конец выяснилось, что я замужем.

- Давно?
- Около двух месяцев.

Он засмеялся. За ним все рассмеялись, и я тоже.

– *Ce n'est pas marquée dans vos feuilles**.

Все смеются.

– Потому-то вы и худеете.

И уже когда я собиралась уходить:

– *Ditez. Vous êtes bien réglée?*

– *Oui.*

– *Pas d'enfants?*

– *Non**.*

– И не надо.

– Да, я знаю.

Консультация закончилась как-то очень весело.

Дал мне какой-то рецепт «для возбуждения аппетита».

Спасибо. Я его оставила в бумагах.

А теперь неловко, что я с толку сбила старика. Надо было бы сказать ему правду. А вот как-то не смогла. Было бы еще с глазу на глаз, а то при такой аудитории. А теперь я не знаю, что делать. В госпиталь ложиться не хочется. А уж, конечно, там бы я потолстела.

* «В ваших бумагах об этом не сказано» (фр.).

** – Скажите, у вас регулярный менструальный цикл?

– Да.

– Детей нет?

– Нет (фр.).

15 марта 1928. Четверг

Я не знаю, что у нас происходит с Юрием. Не то что-то происходит. Все по мелочам. И хуже всего — праздники.

В воскресенье была очень хорошая погода. Мне, конечно, не сиделось на месте. С утра много возилась, суетилась, готовила кофе и т.д. Пришел Андрей, потом Борис Александрович. А до них такой разговор:

- Что будем сегодня делать?
- Я гулять хочу.
- Пойдем вместе.
- Хорошо. А куда?
- В Люксембурге посидим.
- А дальше тебя не вытянешь?
- Ну, на речку сходим.
- Нет, я дальше хочу.
- Ну, куда же дальше?

Потом, когда пришли те, начался у них серьезный разговор о «Трибуне» (у Юрия в субботу доклад), начал он читать им начало своего доклада и т.д. Я сварила в последний раз кофе, налила и сказала, что пойду гулять. Зашла на минутку к нашим и помчалась вдоль Сены. День был великолепный, хотя и холодный. Дошла до моста Александра III и свернула в Petit-Palais*. Хотя там и по праздникам дерут с иностранцев 2 фр<анка>, пошла. И получила громадное удовольствие, что редко бывает. Оттуда пошла в Invalides**, побродила там. Домой возвращаться как-то не хотелось, пришла к нашим. Оказывается, что Юрий там еще и не был, а по дороге куда-то свернул «на полчаса». Поняла: к Виктору. Сначала была очень оживлена и возбуждена, рассказывала про музеи, показывала открытки, а потом выдохлась и скисла. Пришла домой — фотографии и цветы от Кобякова, Юрия нет. Опять пошла к нашим. Юрий пришел поздно. Ни слова мы друг другу не сказали. А вечером Папа-Коля позвал меня на лекцию Нар<одного> Университета о Киеве. Я сначала отказывалась, очень устала, а потом решительно встала, и мы пошли. И лекция была довольно интересная, и туманные картины, прекрасен был концерт. Опять я получила громадное удовольствие. Пришла домой. Юрий еще не спал. Почти ни о чем не говорили и легли. Но спать уже не хотелось и понемногу разговорились.

* Малый Дворец (музей) (фр.).

** Дом Инвалидов (музей) (фр.).

Мне было очень грустно. Я чувствовала, что мне не о чем поделиться впечатлениями дня, а мне этого хотелось и именно тогда же. Потом Юрий начал меня спрашивать:

— Ну, что же было там? — И я почувствовала другое: что я не могу рассказать ему так, как я хотела, я передала одни факты и не смогла передать настроение и впечатление, потому что не время сейчас, он мне сейчас не близок.

Тогда начал говорить он. О том, что и он начал не любить праздники, что я от него бегаю, что мы идем врозь и т.д. И пока он говорил, это был не он, это был кто-то совсем чужой. Я плакала. Следующие дни он был опять близким и родным. И опять у меня были моменты какой-то восторженной любви. И, не знаю почему, я стала сдерживать и прятать в себе эти порывы. Я стала сдержаннее и суше. Не знаю — зачем?

И вот — сегодня. Он пришел в час. Пообедал. Мне надо было на минуту зайти к нашим, потом к Обоймакову, условиться, когда будет доклад.

— Ты уходишь?

— Да, мне надо. А ты будешь писать доклад?

— Не знаю. Лучше я сам пойду к Обоймакову.

— Хорошо.

— А ты долго будешь?

— Могу быть и недолго.

— Ты, наверно, гулять пойдешь?

— Не знаю.

— Я буду, м<ожет> б<ыть>, в Люксембурге.

— Нет, я туда не приду.

— Тогда приходи скорее. Как я дома, так ты уходишь.

— Хорошо, скоро приду.

На минутку я зашла к Папе-Коле, оттуда, тоже на минутку, на St. Michel посмотреть на карнавал, и домой. Юрия нет. Сходила за керосином. Его нет. Прошло два часа. Наконец, пришел с Обоймаковым. И тот час читал ему доклад.

17 марта 1928. Суббота

В сущности, я бы могла назвать себя сегодня счастливой. Но вот обнаружила, что мои «неизносимые» подошвы износились, и опять во всей остроте встал вопрос о безвыходности. И еще — Институт. Об этом лучше и не думать.

А так — все хорошо. Погода хорошая, солнце светит, не очень холодно, денег хватило, все постирано и поштопано, в комнате относительная чистота, даже я чувствую себя относительно сносно. Чего же еще?

И жизнь до ужаса простая,
Не выбитая из колеи.
Не назовешь ее ошибкой –
Все знает место, срок и цель.

Да, действительно, жизнь как-то выровнялась и потекла «тоненькой ниточкой». И, может быть, стала в десять раз нужнее и полезнее.

У Юрия вчера доклад. Не сомневаюсь в успехе и совершенно спокойна.

Сегодня Б.А. пойдет к Федорову просить для меня стипендию. Ничего не выйдет.

20 марта 1928. Вторник

Доклад Юрика прошел хорошо. Хотя, говорит, не всегда хорошо. Местами очень вяло, а местами воодушевлялся. Иногда даже зажигал.

В воскресенье были у Станюковичей. Мне понравилась его жена. Время провели довольно мило. Конечно, читали стихи. Большой успех имел Юрий. Больше, чем я.

Вчера были на собрании «Дней». Собрание интересное само по себе. Заключительное слово сказал Керенский. Первый раз я его слышала. Теперь понимаю, почему так прогремело его имя в начале революции. Он был прекрасен. Как он преобразается, когда говорит! И как он зажег аудиторию!

Руки министра.
Рот и аорта сжаты в пучок.

А в госпитале вот что: там сейчас работает молодой русский врач. Очевидно недавно окончивший университет. Я спросила: есть ли надежда поправиться.

– Я вам скажу откровенно: не знаю. Я не видел полного излечения диабета.

Расспросил историю болезни.

– Эта область, поджелудочная железа, совершенно не исследована. Тут все гадательно. Все – ощупью. Единственно, что я вам могу сказать: выполняйте точно ваш режим. Взвешивайте все. Обязательно.

Оказывается, не установлено и происхождение диабета.

– Дети были?

– Нет.

– Аборты были?

- Нет.
- Печень? Нет камней?
- Нет.
- Желтуха была?
- Была, лет пять тому назад.
- Может быть, это и есть последствия желтухи. Эта связь

возможна.

Ушла расстроенная.

22 марта 1928. Четверг

Самое плохое, что левая туфля протекает. Нога мокрая. А, главное, что же делать? И еще, ревматизм. При каждом движении так болит в основании правая нога, что хоть кричи. Утром больно ходить.

Выдерживаю теперь более или менее свой режим, так как почти не ем картошки и не пью молока. Поэтому и хочется есть.

А вообще, жизни совсем как-то нет. Госпиталь. Днем сплю, ужасная сонливость. Просыпаюсь, когда надо готовить ужин. Так дня и не вижу. Так как-то, и жизни никакой нет. С тех пор, как я вышла замуж, живет идея моя, но не я. Себя я не чувствую.

Это очень трудно передать мою мысль.

26 марта 1928. Понедельник

Вчера днем, в мое отсутствие, приходили сюда Виктор и Майер. Майер предлагает мне работу, пока в мастерской, потом, м<ожет> б<ыть>, на дом. Перспектива работы в мастерской меня не привлекает, просто боюсь, но что же делать? Было мне очень жаль себя вчера, и не из-за работы, а просто так как-то – света в окне не стало. Проплакала весь вечер, до того, что обессилела. Юринька страшно разволновался. Обоим страшно, что наши мысли угаданы.

– Я боюсь только, Ирина, чтобы ты не подумала, что я хочу, чтобы ты работала. Как раз я этого не хочу, и очень мне тебя жалко.

А я боюсь, чтобы он не подумал, что я не хочу работать. И оба мы это думаем и не без основания.

Сегодня я не пошла, потому что мне нужно было видеть Лилию. Она мне где-то выхлопотала не то стипендию, не то единовременное пособие в 100–150 фр<анков>, и мне нужно пойти к ней «расписаться» (или получить). Лили нигде не нашла, придется вечером пойти в Институт. Не знаю, получу ли я их. Деньги мне сейчас очень нужны. Еще неприятность – с Carte d'identité.

Я сама еще нигде не была, бегают Папа-Коля и говорит, что надо в префектуре достать новую, т.е. платить опять 20 фр<анков>, и 4 карточки. Скандал. А Юрке надо еще съездить в Медон, узнать, как с его картой. Он очень легкомыслен.

Весь день болит голова.

27 марта 1928. Вторник

Вчера, когда я вечером ходила в Институт, Юрий разбил одну из новых чашек и пудреницу. Про чашку утром сказал, а про пудреницу – ни слова. Я ужасно рассердилась, даже заплакала. И съела сегодня поэтому кусок хлеба с маслом. Очень вкусно. Потом одно печенье и несколько ложек овсянки. За хлеб себя не ругаю, а остальное уже напрасно.

Папа-Коля совершенно затуркан с Carte d'identité. Чуть об этом заходит речь, он становится, как наэлектризованный. Гоняет из Парижа в Севр, из Севра в Версаль, оттуда в «Посл<едние> Нов<ости>», оттуда к Сватикову. Кончилось тем, что решено было, что я сегодня пойду в префектуру и все узнаю. Была, но ничего не узнала, ибо месье Парен не соизволил сегодня утром явиться на службу и придет только после 3-х. А в 3 часа за мной должна зайти Лиля, чтобы идти за франками. А вдруг я еще не получу? И что вообще делать?

Юрий сегодня поедет в Медон. Приедет завтракать-то домой? Зайдет в «Новости» и отвезет «Стихи о Монтаржи». Жду, хотя, как вспомню, так сержусь. Очень жалко мне пудреницу, такая была красивая. И злит меня эта небрежность – все из рук выпадает. И куда он черепки девал, нигде не нашла.

4 ч<аса> 50 мин<ут>. День огорчений. Лиля не пришла, из-за этого я не пошла в префектуру. И денег нет. Сижу и злюсь. Перегорела лампочка, и Patrons sont partis*. Всегда, когда ненужно, так они partis. Придется свечку покупать.

Приходили сейчас мыть пол, все вверх ногами стоит.

А пудреницу, оказывается, Юрий не разбил, а отнес обратно, ибо она «недоделанная», и хозяин ее еще не видел. Принесет в конце недели. Главное, что не получила деньги. Пока я их не почувствую пальцами, я в них не верю. И еще обидно, что не сходила в префектуру. Папа-Коля очень волнуется.

Сказка про белого бычка. Ах, Лиля, Лиля. Подводит она меня.

Юрий пошел в Медон. Когда теперь придет! Мрачно.

10 ч<асов> 30 мин<ут>. А пудреница все-таки разбита.

* Начальники уехали (фр.).

28 марта 1928. Среда

У меня на завтра 1 фр<анк> 30 <сантимов> и две Carte d'identité, не считая долга Андрею. А последний срок для обмена – суббота.

Лиля поступает не по-товарищески. Вчера Юрий ходил в Институт, спросил ее:

– Почему же вы не пришли к Ирине?

– А!.. Я не могла.

Влюблена. Все на свете забыла. А меня это злит. Обещала зайти сегодня, «условились» и, конечно, не зашла. Придется вечером опять идти в Институт. А я так устала!

Утром в госпиталь, откуда в префектуру, на rue de Rivoli – сниматься (счет: 4.50, а готова через час), из фотографии – к нашим, там выпила кофе, звонила Мамочке по телефону, потом – в фотографию.

29 марта 1928. Четверг

2 ч<аса> 40 мин<ут>. Через час, м<ожет> б<ыть>, придет Лиля. Жду ее, как манны небесной. Все боюсь, что денег не получу. Вдруг это еще не сейчас получать, а сейчас только подать прошение. Страшно подумать. И страшно спросить Лилю, предпочитаю находиться в блаженном незнании.

Юрий с утра поехал на avenue Rapp для получения avis favorable*. Мамочке, может быть, еще не удастся получить его. Все вместе ругаем французские порядки.

Одно событие не отмечено у меня в дневнике: Жедринский. В.И.Жедринский это муж Мариамны, той самой, в которую Юрий был когда-то так романтически влюблен. Был у нас в субботу, будет завтра, а там уезжает. Художник. Интересен. Пожалуй, мой стиль. Разговор с Юрием все о Белграде, о старых знакомых. На меня ноль внимания.

Юрий сам начал говорить о Мариамне. Вчера собрал ей свои стихи в красивую папку-офорт. Один момент мне было неприятно. Глупо. Разве не естественен его порыв? И потом – он прав: это самореклама, хочет напомнить о себе Белграду.

5 ч<асов> 50 мин<ут>. Не повезло. Ходили с Лилей к той даме, у которой деньги, но не застали: ее вызвали на заседание в Сорбонну. Условились, что будем завтра в 11 ч<асов> 50 <минут>. Если опять эта дама уйдет, деньги она оставит.

А вдруг – нет? Ведь завтра – последний день.

* Положительное решение (заключение) (фр.).

Купила мяса и хлеба. Если будет — возьму у Юрия на молоко, а его пошлю сниматься.

4 апреля 1928. Среда

8 ч<асов> 15 мин<ут>.

Последовательные события. В пятницу получила деньги (100 фр<анков>). Как нельзя более кстати. После обеда пошла с Юрием в префектуру. Волнений было много. У меня стоит *écivain**, а никакого подтверждения тому нет. И спохватилась я только в очереди. Перенервничала страшно. Гоняли меня долго из одного места в другое, и, наконец, я получила *récépissé*. И заплатила 20 фр<анков>. Довольна была страшно. Гора с плеч. Ощущая в портфеле важный документ и еще некую сумму денег, купила Юрию галстук. Яркий.

Вечером был Жедринский. Опять сильно опоздал. Опять поправился. Как-то так вышло, что попросил меня что-нибудь прочесть, хотя, по-моему, сделал это для Юрия. Я немного поломалась и прочла: «Я пуглива, как тень на пороге». Сделал вид, что произвело впечатление, и просил записать в его записную книжку. В остальное время я опять для него не существовала. Хотя мне кажется, что я для него все-таки существовала, и много слов и поз было для меня.

Ночью были страшные боли от менструаций, такие, что я кричала. Лежала с горячей бутылкой, корежилась и кричала. Юрий испугался. Кончилось тем, что в 5 ч<асов> пошел за Мамочкой. С этого и начались мои недомогания. Утром в госпиталь не поехала. Была в 3 часа. Боли сильнее. Лежала. Вечером в «Трибуну» не пошла — опять схватки. Лежала и редела.

В воскресенье очень плохо. Ничего не ела. А вечером еще пошла на диспут Бердяева с Милюковым о религии. Выступало много ораторов, но «безбожник» был один — папаша. По-видимому, было чрезвычайно интересно, но мне было так плохо, что ни о чем другом и думать не могла. Как приплелась домой, как легла, как смогла уснуть — не знаю.

Назавтра — *légal* +++ . Слабость невероятная. Начала стирать — бросила. Даже посуду не мыла. Весь день лежала, ничего не могла есть. Боли. Юринька измучился. Все, что не касалось моего физического состояния, было зачеркнуто для меня.

Во вторник Мамочка побоялась пустить меня одну в госпиталь, поехала со мной. Анализ лучше — по одному кресту. День был хороший. Показалось, что стала чувствовать себя лучше,

* Писатель (фр.).

и помчалась к Hôtel de Ville* закупить пустяков – перьев, ножей, бумаги для наклеивания фотографий, тетрадку в переплете для Юрика, все в пределах 5 фр<анков>. Как доплелась домой – не знаю. И все остальное время лежала.

Написала два стихотворения. Первое неплохое, но жуткое. Независимо от того, к кому оно относится:

Я накопила приметы
Много тревожных примет.

Есть строфы страшные:

В новой, приниженной жизни,
В неумолимой борьбе,
Будут рассказы о ближних,
И никогда – о себе.

...

Неповторимые встречи
Не утаенная грусть.

...

Мир потускнеет от скуки
И небывалой тоски.

...

И неслышанный лепет:
«Счастье, безумье – прости!»

Почему-то тянет меня на такие вещи. Хочется писать о том, что страшно, и о том, что больно. Юрий, когда я ему прочла, страшно изменился. Потом сказал, что стоило больших усилий сдержаться и не зарыдать. Я тоже скисла. Поздно вечером до чего-то договорились. Юрий все-таки не понял меня, и мне пришлось утешать его, как ребенка. Он боится. Я не боюсь. Разве это предчувствия?

7 апреля 1928. Суббота. 9 ч<асов> 25 мин<ут>

На этом месте Юрий меня оборвал.

Получила вчера письмо от Лели – ужасное письмо. У нее был триппер. Бедная, что она пережила, как перемучалась с лечением. Сейчас поправляется. Пишет, что счастье, что она еще не женщина, после было бы хуже. А я и не знала, что можно заразиться триппером не через половые сношения. Как поправится – выходит замуж. Дай Бог ей больше счастья, она его заслужила.

У меня очень подавленное состояние. Во-первых, бывают моменты, когда угнетает материальная нужда. Это не всегда

* Отель де Виль (здание мерии) (фр.).

бывает. Я знаю, что надо, необходимо как можно скорее найти работу и зарабатывать. Я плохо себя чувствую, но это не оправдание. Или – в госпиталь, или – в мастерскую.

Вторая причина, которая меня угнетает, – Институт. Скоро начнутся экзамены. Завтра будет общее собрание, посвященное этому вопросу. А я! А мой медик в госпитале (он, оказывается, студент) спросил: «Так в этом году кончаете?» Ой, как все это больно.

Вот мне и кажется, что наступает то время, когда мне надо как-то уйти из жизни, т.е. приближается та грань, за которую я никогда не заглядывала. Казалось, что оба эти вопроса должны разрешиться сами собой моим исчезновением.

Нельзя же быть до бесконечности пассивной.

Вот эти-то две встречи меня и угнетают.

В четверг, ночью, после собрания я в уборной наткнулась на что-то. Страшно перепугалась. Юрий пошел со свечкой (а он там только что был) и видит: аббат. Сидит, спит, совершенно пьяный. С этим аббатом мы еще долго провозились, весь верхний этаж вылез. Потерял ключ от комнаты, не мог попасть. Упал с лестницы. А когда к нему подойдешь с помощью, он: «Non, non, monsieur, rien»*. Это так – нравы отеля.

Юрий ушел в киоск за газетой, и вот уже час, только пришел. Юрий пришел, бросил пиджак, лег поперек кровати и уткнулся в газету. А мне как будто еще грустнее стало. Только бы не расплакаться. Слезы уже лезут. Полезла за платком, возможно медленнее и спокойнее, – сморкаюсь. А Юрий поднял голову.

– Хнычешь?

– И не думаю.

– Хнычешь! Хнычешь!

За окном дождь. В комнате тикают часы, да скрипит по бумаге перо. Иногда шуршанье газеты. И все. Так ползут вечера. А жить нечем, нечем и нечем.

Переоценила я себя!

Не сумела я построить жизни.

11 апреля 1928. Среда

Вчера я выступала в «Очаге любителей русской культуры». Они устроили вечер молодых поэтов. Ничего особенного не было, собрались все наверху в маленькой гостиной, и было весело. Ладинский должен был сказать вступительное слово, но

* Нет, нет, месье, ничего (фр.).

тут объявил, что «ничего не скажет». На беду, в этот же день было собрание «Зеленой Лампы», и публика собиралась вяло. Наконец, нас пригласили в зал с извинениями, что «много публики не собрали». Ну, а когда еще мы все спустились, зал принял приличный вид.

Первая выступила Городецкая – слабый рассказчик.

Ладинский, как всегда, «называл» нас, ибо здесь в этом была большая нужда. Потом Андреев – очень хорошие стихи. Потом – я. Вышла и обалдела. На противоположной стене, в громадном зеркале, вижу себя в полный рост. Не знаю, куда глаза девать. И публики мало, поэтому и видишь каждого. Это тоже плохо. Читала: «Мысли тонут в матовом тумане», «Мы неудачники» и мое лучшее «Я пуглива, как тень на пороге». Читала спокойно, но Юрий говорит: «не очень хорошо».

– На себя не похоже.

Андреев тоже читал не совсем по-своему.

– Старался меньше выть.

А вышло хуже.

Мне аплодировали после каждого стихотворения.

После меня – М.Струве. Первое, «Кукла» – длинное, хорошее, чуть-чуть скучное. Второе, «Заутреня в Крыму» – слабо. А ему как раз оно очень нравилось. Объявили перерыв.

Затем читал очень интересный рассказ Газданов. Потом Берлин – воет. Никто ничего не понял. Гингер. Плохо читает, а стихи хорошие. И – Ладинский. Сразу чувствуется сильный талант.

После вечера устроители приглашают остаться на чай, очень благодарят и т.д. Но я, сославшись на нездоровье, ухожу.

Вот и все.

Сейчас я загорелась одной идеей – написать рассказ мемуарного типа: «Как я начала писать стихи». И – дать в «Новости». Авось.

Ведь печатают же Ладинского и Папу-Колю, а он беллетрист не лучше меня. А это вышло бы очень кстати.

12 апреля 1928. Четверг

Сегодня напечатано мое лучшее стихотворение. Казалось, я бы должна себя чувствовать именинницей. А я в первый раз недовольна, почему напечатали меня, а не Юрку, у него длиннее.

Настроение какое-то отчаянное, м<ожет> б<ыть>, погода так действует, м<ожет> б<ыть>, и другие обстоятельства, вроде экзаменов в Институте.

Вчера ходила справляться относительно работы по адресу, данному Арнольди, никого не застала. Пошла оттуда к Гофман. Немножко удручающе подействовал на меня этот визит. Какая разница в социальном положении! Живут же люди по-настоящему – квартира в три больших комнаты, будут делать ремонт, покупать мебель, сидеть и заниматься. И одеваться так, как одевается Зинаида Михайловна, при найме дома дала консьержке 1000 фр<анков>. Стали обе приставать, почему мы не переменили комнату, да почему я не точно выдерживаю мой режим, да почему...

Не завидно, а как бы неприятно. А Зинаида Михайловна очень милая. Теперь она пользуется большим влиянием в Институте и вытесняет Лилу. Андрей от нее в восторге, а о Лиле говорить не может. Юрий тоже.

– Ну, что ж, Лилька, глупенькая девчонка, очень глупенькая.

Эх, люди, люди! Лилька очень хорошая и не глупая, только – жалкая девчонка. И пропадет она ни за что!

Сегодня получила от Федорова отказ в стипендии. Так я и думала. Да и неловко мне сейчас просить стипендию. Какая уж я студентка!

Эх, горе, горе!

Все мне кажется, что что-то должно случиться.

17 апреля 1928. Вторник

В пятницу в «Днях» была напечатана Юрина статья «Кризис генеральской немилости» – по поводу письма Краснова. Послал он его, как «письмо в редакцию», рассчитывая, что его поместят в понедельник, в «откликах читателей», а Керенский поместил статью. Статья неплохая. Я была очень довольна. А вчера он получил за нее 60 фр<анков>, тоже неплохо.

В субботу – отвратительная погода. И соответственное настроение. Мамочка не работает, с утра у нее приготовления к празднику – красим яйца, сделала мне «диабетическую пасху», обе страшно устали. К вечеру я совсем измучилась, ругалась с Юрием, нервничала, раздражалась. Бедный Борис Александрович, ему было очень скверно у нас.

29 апреля 1928. Воскресенье

За это время очень большие были события, которые хочется отметить. Хронологический порядок их не помню – все это время идет как в чад.

В прошлую субботу малоудачный вечер поэтов, где я читала свои «Стихи об одном». Говорят, хорошо читала и стихи хорошие, я была очень интересная – так говорят. Мне аплодировали. Об этом вечере вообще нужно бы много написать, но лень как-то.

В воскресенье были в «Зеленой Лампе». Делал доклад о чем-то Мережковский. Никогда в жизни так не хотела спать. Ничего не слышала, сидела на каком-то высоком стуле между Юрием и Виктором. С любопытством только смотрела на Зинаиду.

В понедельник собрание «Дней». Доклад Бердяева. Весь проходила и перед прениями ушла домой. Юрий говорит – очень интересно.

Во вторник пришел Некрасов и часа два развивал свою теорию не то пацифизма, не то пораженчества. Я уснула.

В среду, после такой «культурной» жизни Юрий уже на работу не пошел. Прохворал три с половиной дня. Не то что хворал, а просто отдохнуть надо было.

И еще, в ту пятницу ходила к Каминской. Нашла у меня искривление матки и еще что-то. Не помню. Прописала спринцевание и на случай болей какие-то капли. Обрадовала, что не забеременела. Делала очень больно.

Еще раньше я стала брать работу у Култашевой. Работа совершенно незнакомая и каждый раз новая. Много плакала с ней. Но кое-что уже заработала. Довольно.

Чувствую себя скверно. Как-то раз смирив себе температуру – 35,2. Тогда Юрий сразу поправился и поехал отвозить работу.

Период безумья: ем хлеб, макароны, печенье. Анализ, конечно, скверный. Уже второй год пошел. Скоро опять возьму себя в руки.

Похоронили Врангеля. Грустно.

Вчера с моими ездили на пароходе. Сначала в одну сторону – до конца, до Maison Alfort, потом – до другого конца, до Surène. И обратно. Хорошо очень.

В четверг в «Посл<едних> Нов<остях>» Юрины стихи «Монтаржи». Пишет статью в «Дни». Сегодня поехал на собрание РДО, где будут выборы в правление. Говорила, что делает глупость. Соглашался, а потом все-таки решил попробовать. Выйдет то же, что и с секретарством в Союзе поэтов.

Вот и все. У меня одно неплохое стихотворение – и только. Переписываю в особую тетрадь стихи Юрия. В секрете от него. Хочется приготовить к его именинам, а теперь думаю, что

никогда не покажу. Пусть он занимается общественной и политической деятельностью, я буду хранить поэта.

30 апреля 1928. Понедельник

Юрий, слава Богу, был забаллотирован двумя голосами. Основание: «Еще его не знаем, он в РДО не бывает». Очень рада. И он тоже.

Андрей провалился на экзамене у Вишняка.

Вчера сидела с Мамочкой на «Евгении Онегине» в Trocadéro. До чего же хорошая вещь – музыка. Арии прекрасны. А вообще, голоса почти не долетали – уж очень далеко и высоко мы сидели. А потом почувствовала себя так плохо, что пришлось с середины уйти.

Ночью у земляков опять была баталия. Долго и полным голосом ругались отборными словами.

– Стерва ты!

– Сволочь!

– Не хочу я с тобой спать!

– Так и убирайся ты, стерва, к черту! Дрянь! Мерзавка!

А потом кто-то кого-то здорово колотил. Безмолвно.

Анализ сегодня: сахар 1, gerhardt +, légal +++ . Здорово! И погода мерзкая.

Кажется, наклеывается стихотворение.

2 мая 1928. Среда

Когда же я перестану есть хлеб?

И когда я вообще перестану делать глупости?

30 мая 1928. Среда

Боже, сколько времени не писала!

Дала Юрию слово – не есть хлеба.

Остригла волосы, а потом плакала.

Переехали на rue Monsieur le Prince.

Много работы.

Резкий переход от холода к жаре.

Нет письма.

Слова в «Красной Газете», что поэт «Посл<едних> Нов<остей>» И.Кнорринг поет панихиду по белогвардейщине, и цитата из «На шестом этаже».

Воскресенье вдвоем в Версале.

Понедельник – с компанией студентов в Кламаре.

Приехала Нина Кораблева.

Что с Лилей?

Перечитываю Юрины стихи.

Пересматриваю старые студенческие тетради. «Все это было, было, было». «Зеленая Лампа», «Союз Поэтов», «Дни», Институт — все где-то. Не преодолеваю и единственного желания «чувств, не подчиненных уму», и их проявлений. Ради Бога, хоть немножко безумия! И — ощущение недалекой трагедии.

12 июня 1928. Вторник

Когда Юрий безумствует, я могу оставаться совершенно спокойной. Даже зло берет. Думаю о том, что завтра надо будет поехать к Стариковой, потом — делать платочки, рассчитываю, как распределить время. А он говорит: «Мое безумие. Я с ума сойду!»

В воскресенье были в Trocadéro на «Дне русской культуры». Юрий скучал и тайком читал газету, это ему интереснее. А меня музыка захватила и даже взволновала, что не часто бывает.

И в первый раз мы как-то чуточку отошли друг от друга. И это было неприятно.

Очень плохо себя чувствую. Плохой анализ, ревматизм — боли в ноге и все время тошнит.

Вчера получила из Комитета помощи студентам еще 200 фр<анков>. Сегодня пойдем покупать Юрию туфли и пиджак.

Поехала отвозить работу и не застала Култашеву дома.

А в общем, когда нет работы, так очень скучно.

18 июня 1928. Понедельник

Грустные мысли о себе, о пустоте, о ненужности, об Институте. Вообще, о жизни. И грустные выводы.

Хожу в театр Odéon. Приехала Московская труппа Вахтангова. Два дня подряд смотрела «Принцессу Турандот», вчера — «Чудо св<ятого> Антония». Сегодня попыталась достать билеты на «Виринею». Очень хорошо.

Petite madame Guillet бросил муж. Сегодня встретила ее в госпитале — глаза заплаканы. И я ей ничего не могу сказать!

20 июня 1928. Среда

Видела «Виринею». Прекрасно играют. И некоторые сцены очень сильны. Хотя — агитка. И публика противная.

Решила (и успокоилась): подать прошение в правление Франко-русского института, чтобы мне разрешили держать экзамены с тем курсом; а предварительно — чтобы задобрить

профессоров – напечатать в «Посл<едних> Нов<остях>» последнее стихотворение.

...А на скамьях, милых и тяжелых,
Под сияньем свещенных огней,
В темном зданье коммунальной школы
В этот час не помнят обо мне.

И никто не видел, как смущенно
В опустевшей, тихой темноте,
Там, на лестнице неосвященной,
Притаилась плачущая тень.

21 июня 1928. Четверг

Юрий меня не понимает. Когда я говорю об Институте, о «несдержанных обещаниях», ему только смешно. Прочла ему последнее стихотворение:

...
И надо мной – клеймом стыда –
Несдержанные обещанья
И жалобное – никогда.

И он стал отшучиваться.

29 июня 1928. Пятница

Столько работы, что нет ни минуты, чтобы писать. А писать хочется. Хочется кому-то что-то рассказать. Но и рассказывать-то нечего, а писать я совсем разучилась.

Юрий приходит с работы, ложится, уткнется в книгу. Редко, когда в вечер мы обмолвимся двумя-тремя словами. Я не знаю, как надо, как должно быть. Юрий теперь не знает, чем я живу, и как будто и не интересуется этим. Стихов не читает. Я сама тоже не показываю.

Я думала, что буду писать очень и очень много, а ничего не могу писать. Мне очень грустно, м<ожет> б<ыть>, потому, что у меня сейчас работа очень трудная и невыгодная; а м<ожет> б<ыть>, потому, что я чувствую, как почва ускользает у меня из-под ног.

8 июля 1928. Воскресенье

Вчера уехал Виктор. Провожали. Все-таки – единственный человек, с которым я как-то разговаривала.

– Вы, конечно, рады, что я уезжаю?

– Представьте – нет. Теперь еще скучнее станет.

Он опустил лицо и бросил, не глядя:

– Да, конечно, скучно. И будет еще скучнее.
– Да совсем не в том смысле скучно, как вы думаете.
– Нет, я знаю. Я вас хорошо знаю и, м<ожет> б<ыть>, больше, чем вы сами.

– О, конечно, вы все знаете.

– Да. И потом, вы будете жить по-другому.

– По-вашему?

– Нет, по-своему, но по-другому.

Спросил о моем здоровье. Я ответила «плохо».

– В этом ваше счастье!

– ?

– Потому что вы такое безобразное явление, как болезнь, можете превращать в такие прекрасные стихи.

– Давно вам стали нравиться мои стихи?

– Давно. А разве вы не знали?

– Нет.

И потом, пристально глядя:

– Какое у вас изумительно красивое лицо, Ирина Николаевна.

– Вот еще открытие!

Я спросила, почему он уезжает.

– Трудно живет. Очень трудно.

И, помолчав:

– Нам когда-нибудь надо будет поговорить. Серьезно и откровенно. Надо будет все сказать. Очень многое. Настанет такой момент, когда молчать будет уже невозможно. Но – не теперь.

– Ну, ладно.

Провожали на поезд. И, как всегда, поезд, вокзал, вагоны – все это настроило на грустный лад.

Из Парижа мы никогда не уедем. Ни-ког-да. Так же, как никогда я не буду здоровой.

А Виктор и Майер через месяц все-таки вернутся. С Юрием после прочтения им моих последних стихов и соответствующей драмы по этому поводу были очень хорошие отношения. Мы тогда хорошо поговорили. И опять захотелось прежней, наивной веры в искренность и близость, в милые слова: «Знаешь, давай будем совсем до конца искренними». Захотелось сделать опять «чуть-чуть ребенками», как в Медоне, и плакать у него на коленях. И все это казалось простым и возможным. Два дня хорошего и тихого счастья. А вот сегодня, к вечеру, вдруг опять стало до боли ясно, что все это невозможно, что нам непонятны души детей.

И еще узнала, что Юрий собирается готовиться к какому-то экзамену, достал в РДО Сеньбоса. И мне стало очень грустно. Вот он будет готовиться и сдаст, а я уже со своей работой никак при всем желании сделать этого не могу.

А Юрия я скоро сделаю совсем несчастным. Я требую от него какого-то постоянного внимания, утешения, разрешения моих тяжелых и путаных настроений. Я недовольна, когда он читает, когда занимается, когда пишет, и отталкиваю его, когда он ласков и нежен.

«...Напрасная нежность, такая смешная».

Это-то и плохо, что такая наивная, детская нежность становится смешной.

Что же это такое?

Господи, помоги и укрепи!

13 июля 1928. Пятница

Жара.

В госпитале уже около двух недель лежала девочка 15-ти лет. Ей было очень плохо. Последние дни она была за ширмой. Каждый раз я входила туда с очень тяжелым чувством. Вчера ей было совсем плохо, я думала, что она умрет сейчас же после меня.

И когда взметнется солнце выше
И запахнет пылью и тоской,
Будет всех пугать предмет недвижимый,
Второпях закрытый простыней.

Умерла сегодня утром. А у меня такое чувство, как будто я кого-то близкого потеряла.

С Култашевой все кончено. Все было хорошо, пока я работала у себя дома и делала платочки. А когда она добилась того, что я стала целые дни сидеть у нее и пошла новая работа, начались трения. Стала очень придиричивой, всегда всем недовольна. Придирается даже к такой работе, которую я знаю на ять.

— Почему вы берете такую узкую пятку?

— Узел делается.

— А вы шейте аккуратнее, чтобы не было узлов, и берите длинную пятку, чтобы не делать закрепок посередине.

А я эти закрепки делаю так, что она смотрит и говорит:

— Вот видите, как хорошо, когда закрепки на углах.

И это постоянно.

— Как вы безумно долго это делаете.

И добавляет в виде комплимента:

– Ведь это-то вам совсем не выгодно!

И все в этом роде.

Вчера атмосфера была уж очень сгущенная. Все сказалось на сегодня.

– Будете мне помогать вышивать?

– А я совсем не умею.

– Ну, хорошо.

Сегодня прихожу. Вхожу. Сидит спиной и не оборачивается.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

И ни слова. Я сняла шляпу, положила портфель, стою. Молчание.

– Что же вы так и будете стоять?

– Я не знаю, что мне делать?

– Я тоже не знаю. Вышивать вы не хотите.

– Так я не умею.

– Надо учиться.

Я беру вышитые платки, рассматриваю их.

– Хорошо, – говорю я – буду учиться.

– И еще я вам хотела сказать, пожалуйста, после себя убирайте.

Вы всегда все оставляете разбросанное. У меня нет горничной, чтобы убирать за вами.

Я спокойно смотрю на нее.

– Но что же я вчера оставила? Я ведь только выматывала нитки, никаких шелков у меня не было.

Оказывается, оставила в кресле сантиметр.

– Вообще, вам совсем не свойственна аккуратность. Вот вы мне платочки положите в том же порядке, как они лежали.

А я не знала, что они лежали в каком-то порядке. Улыбаясь, стала раскладывать.

– И совсем не так. Они лежали по записке.

Чтоб скорее все это кончить, говорю:

– Ну хорошо, когда я выучусь вышивать, я к вам приду.

Живо вскидывает глаза.

– А у меня вы не хотите учиться?

– Нет, я сейчас не могу, я буду дома.

– Как хотите. Но как же вы будете без меня, без рисунков?

– Я думаю, что достаточно усвоить принцип этого шва, а уж тогда, я думаю, сумею скомбинировать ваши рисунки.

– Напрасно вы так думаете. Совсем этого не достаточно, и совсем вы не тому научитесь.

Я надеваю шляпу. Платит мне за вчерашнее. Чтобы не вступать с ней в разговор, подарила ей со сдачей 4 сантима. Не смотрит.

– Нет у вас терпенья, Ирина Николаевна. Так у вас никогда ничего не выйдет.

– А, может быть, что и выйдет. Ну, до свиданья.

Так же, не глядя:

– До свиданья.

Ну, и до свиданья.

Может быть, я до осени устроюсь в «Фавор» на часовую работу, если не на часовую, буду брать на дом. Пожалуй, выгоднее на часовую. А учиться вышивать все-таки надо. Надо приобрести какие-то положительные знания. Куклы, это ли не специальность?

С Юриком все хорошо. Только надоедает быть любовницей. Мне кажется, у любовников никогда не может быть тут разногласий, они за этим и сходятся. А в супружестве почти всегда – или часто – одна сторона является жертвой.

22 июля 1928. Воскресенье

Случайно путаным письмом Виктор ворвался в мою жизнь. Не ждала, что так легко поддается он провокации. «Передайте Мамченко, что мне очень скучно». А Юрий – был момент – как мне казалось не верил, что дело обстоит так. Очень было ему интересно, что я ответила Виктору, думал, что я ему жалуюсь. Он тогда и сказал: «Если хочешь, прочти», – поблагородничал.

Со среды работаю в «Фаворе». Думаю поступить в Народный Университет на курсы художественной вышивки, если освободят от платы. Хотя все равно, это будет стоить очень дорого. Ведь материал-то свой. Но нужны знания. Бедность делает меня не только расчетливой, но и скупой. А это уже грустно.

23 июля 1928. Понедельник

Одному я удивляюсь: как при моей работе и при моем питании я не только жива, но даже прибываю в весе. Когда-нибудь, должно быть очень скоро, все это прекратится самым естественным образом. Должно быть, Юрий упрекает меня в эгоизме, в черствости, в невнимательности. «Вот, мол, мне так нехорошо, у меня, может быть, чахотка, а ей хоть бы что, и в ус себе не дует! Только раздражается!» Наверно, уж думает так.

Иногда он меня, действительно, раздражает. Так, вчера. Целый день я испытывала раздражение, пока не прорвалось.

А прорвалось так. Я вздумала писать письмо Майер, полезла за блокнотом на полку и нашла там тетрадку, в «кратком содержании» писала. Обыкновенно она лежит в портфеле. Дикая мысль, и я лечу в ту комнату, где Борис Александрович и Юрий.

— Юрий, тебя очень интересовало, что я писала Виктору?

— Очень.

— Почему же ты тогда не прочел письмо?

— Как почему?

Я показываю ему тетрадку и ухожу. Он за мной. Происходит крупное объяснение, Юрий нервничает и сердится. Таким я его еще не видела. Выбегает, хлопнув дверь. Прекрасен в этот момент. А я сажусь на пол и плачу. Ничего для меня больше не существует. Он скоро вернулся, сам же начал меня успокаивать. Потом поехали в Медонский лес.

Сегодня я очень устала. Ведь с 8-ми ч<асов> утра (а сейчас 10 ч<асов> вечера) я вот только какие-нибудь полчаса сижу спокойно. Днем в мастерской. В 6 прихожу, и Юрий дома, ушел с работы, плохо чувствует. Не то усталость, не то похуже. После ужина пошел за чем-то к Войцеховскому, м<ожет> б<ыть>, от меня. А я стирала, мыла посуду. Вот и устала. Только бы удалось как-нибудь соорудить ему отпуск с субботы. Буду как можно больше работать.

3 августа 1928. Пятница

У Юрия сейчас вакаанс. Поэтому я его совсем не вижу. И не знаю, ни что с ним, ни как. Вечером тоже куда-то деваается.

Вчера были мои стихи «В вечер синий и благословенный». И две опечатки. 1) «зданья во мглу безлунную зарыты» — лишняя стопа в пятистопном хорее, одна строчка шестистопная — ужас! Словно гвоздем по стеклу. 2) глупость «...под звонкий пар бокалов» вместо «лязг». И хуже всего, что вина не редакции, а Папы-Коли. Ездил вчера к рыжему, обещал напечатать поправку, но сегодня ничего нет.

8 августа 1928. Среда

Мадам Гийе лежит в госпитале. Долгое время где-то пропадала. Осунулась и постарела. Теперь уже ей не дать 19-ти лет.

26 августа 1928. Воскресенье

Вот. Посуда вымыта, относительно нечего делать, пока Юрий в бане, и я одна. Недели две я ждала этого момента, чтобы писать. Было много, о чем писать. А сейчас все уже стерлось и

потеряло остроту. Устаю, как черт. Работаю много. А по вечерам тоже стирка, штопка. Желание – не преодолимое никак – спать. И каждую ночь вижу кого-нибудь из знакомых мертвым. За исключением Терапиано, которого видела живым и влюбленным. Весь день чувствовала к нему теплую благодарность, и к вечеру тайком перечитывала его стихи.

С Юрием резка и раздражительна. Редкий час без слез. Все от усталости. На днях плакала из-за того, что Юрий хочет держать прислугу, когда у нас будет квартира из 5-ти комнат, а я говорю, что чужой человек будет мешать. И – поперек кровати – плачу.

– Не хочу прислуги!

– Да ведь это когда у нас квартира будет!

– Не хочу квартиры!

И смешно, и плачется.

Очень скверной была эта неделя в смысле здоровья: небольшой грипп и всю неделю по два и по три креста ацетонов. И чувствовала себя плохо, но работала.

Мне никто не верит, что я больна.

– Такой цветущий вид, помилуйте.

И даже никто из семьи близких не знает, что у меня форма сильная, и что с такими анализами люди в лежку лежат. Я решила испытать свою силу до крайности. Когда-нибудь я же должна подорваться. А если хуже не будет, тогда мне ничего не остается, как самой перестать верить в свою болезнь и плюнуть на всякое лечение.

Одно только меня сейчас пугает, что я буду делать, когда кончится работа в «Фаворе». А жду я этого – по крайней мере, для себя – от субботы до субботы. За белье браться я боюсь, прямо-таки боюсь.

Пишу об Институте, о «несдержанных обещаниях» и пустоте, – пользую как литературный материал, и все это делается уже не таким горьким.

6 сентября 1928. Четверг

...Пока не грянула гроза...

А гроза-то грянула.

Сначала сдержанность и бодрость, потом – малодушие. Не эту, а прошлую ночь почти не спала и доходила до отчаяния. Утром Юрий, видя мое состояние, не поехал на работу. Я тоже почему-то не работаю. Все решили, что мне необходимо отдохнуть.

Конечно, поехала в госпиталь. Говорила с Марсель, она меня успокоила, говорит, что задержки менструаций у диабетиков бывают часто, и случается, что по 4–5 месяцев ничего нет. Со всем меня успокоила; и я, и Юрий – повеселели оба и пошли гулять в Jardin des Plantes. Но все-таки решила сходить к Каминской. Чем ближе к ней, тем больше я нервничала. В приемной так места себе не находила. Когда вошла к ней в кабинет, сердце упало. Рассказала.

– Еще этого вам не хватало!

Стала меня успокаивать, что все это еще может быть от диабета, – и я была совсем спокойной.

– Ничего не могу сейчас сказать. Есть у меня одно маленькое подозрение: у вас опухла матка. Но это бывает и при задержке. Придите в пятницу, когда я уже смогу поставить диагноз. Вас тошнило?

– Нет.

– Ну, это и не обязательно. Теперь я посмотрю вам груди. Нет, тут ничего не видно. Обыкновенно при беременности, если подавить, на соске выступает капля.

И я перетрусила ей сказать, что у меня грудь болит, а теперь считаю это самым солидным доказательством.

– Во всяком случае, если это и беременность, то мы вас от нее скоро освободим. В самом начале это будет совсем не страшно и безболезненно, даже при вашем диабете. Я постараюсь облегчить вам это в материальном отношении, – эта сторона вас, конечно, смущает. Только вы не беспокойтесь. А пока я вам пропишу, и, может быть, это вызовет кровь.

Когда я увидела на лестнице Юрия, я испугалась: он был так страшен.

– Ну, что?

Рассказала все подробно, зачем-то только умолчав про груди. День был такой великолепный, что никакие страхи в голову не шли. Я совершенно убеждена в беременности. Юринька стал сомневаться, а Мамочку и Папу-Колю мне удалось успокоить.

Юрий еще не сознает всей опасности аборта, вернее – его последствия. А я все-таки боюсь. Только бы уже скорее!

12 сентября 1928. Среда

То, что было в пятницу, было в первый раз в жизни. Утром, как обычно, из госпиталя – в мастерскую. В двенадцатом часу почувствовала реакцию. Выступил пот. Сначала крепилась, потом пошла за перегородку, села и положила голову на стол.

Захотелось лечь. Возле Мамочка, что-то говорила. О чем-то меня спрашивала. Скоро я сообразила, что начинаю бредить, говорю какие-то глупости. Мамочка уговаривает выйти в сад. Мне хочется вытянуть ноги. Наконец, встав, иду в первую комнату, слышу, как Мамочка говорит:

– Евдокия Ивановна, можно послать за Николаем Николаевичем?

Заплаталась и больше ничего не помню. Дальше был сон ужасный и неимоверно мучительный. Провалы. Потом приоткрываю глаза (говорят, они все время были открыты) – возвращается сознание. Вижу кресло, одеяло, и... опять провал. Потом – тошнота и желание остаться неподвижной. А это невозможно. Кричу: «Убирайтесь все! Оставьте меня!»

Вижу Юрия красный галстук и спину Наташи Вильде. Потом увидела косынки сестер и свои голые ноги с резинками от корсета. Чувствую укол в ногу и кричу. Мне впрыскивали камфору. На несколько минут сознание проясняется. Соображаю: «Самый тяжелый сон. Когда же конец? Но какой пошлый и скверный сон». Потом опять провал. Когда сознание возвращалось, соображала, что едем в такси, и только тогда, когда меня положили на железную тележку и привезли в комнату, и я увидела знакомые лица санитаров, я начала понимать, что это не сон. И сказала: «Как я рада». И потом: «Что случилось? Что такое случилось?»

А когда меня положили в постель, я дрожала крупной, крупной дрожью, но уже могла говорить.

Первым делом мне дали сахару и выругали за то, что я ничего не ела. Положили меня не в Potain, где все знакомые, милые лица, все заботливы. В седьмом часу пришел Юрий, и я была уже совсем человеком. А в девятом, когда потушили свет, пришла Мамочка. Узнав про все, зашла и m<ada>me Beau, придя на прививку.

Говорят, я совсем умирала. Руки и ноги были холодные, как у мертвой. Как-никак все это продолжалось с 11-ти до 3-х.

На другой день я, ко всеобщему удивлению, выписалась. Ночью в палате умерла одна старуха; я, к счастью, не слыхала ничего.

Сам Бог мне тогда послал Наташу Вильде и ее знакомого шофера. Меня тотчас отвезли в ближайший госпиталь, где впрыснули камфору, потом – в Pitié. Для меня этот день прошел бесследно, не оставил ничего, кроме ощущения физической дурноты, но близкие пережили ужасное. С Папой-Колей

даже дурно сделалось, когда он меня увидел. А для меня сейчас не больше, как забавный и довольно-таки интересный инцидент.

В понедельник была у Каминской. Она все еще не уверена в беременности. Прийти в следующий понедельник. На минуту опять явилась надежда. Операцию советуют делать в Pitié. Да, конечно, осталось моей вольной воли до понедельника.

На прививку езжу вечером, после работы. Могла бы написать еще много, но и поздно, и тетрадь кончилась, и на новую денег нет.

До свиданья, до субботы!

Тетрадь XI

17 сентября 1928 – 3 декабря 1932
Париж

17 сентября 1928. Понедельник

Через час иду к Каминской, чтобы услышать от нее последнее страшное слово. Я даже спокойна. Ночью долго и горько плакала, зато пережила много неповторимого и совершенно не передаваемые минуты с Юрием. Люблю я его еще больше.

Утром чувствовала себя настолько скверно и слабо, что даже не пошла на работу. Юрий тоже не ходил до обеда, легли одетыми и спали до одиннадцати. Бедный Юрий, ему еще тяжелее моего!

Мамочка и Папа-Коля удивительно спокойны. И не подозревают ничего. Здорово я их заговорила. Но что за ужас будет сегодня вечером! А еще ужас – завтра в госпитале. Боюсь, что они заартачатся и не захотят делать аборта. Что тогда? А вообще что будет дальше? Надо войти в какой-то водоворот, в какую-то струю попасть и там уже легче будет нести себя по течению.

Только бы скорее!

Юрий встретит меня в поликлинике, вернее я встречу его на улице после визита. Он тоже уже не сомневается.

Вчера бродили с Юрием в Версальском парке. Зашли далеко, в самый конец, где уже начинаются поля. Безлюдье. И меня охватила тихая сентиментальная грусть. Уже желтеющие листья, холодное солнце, парк, где с каждым уголком связано столько воспоминаний, – все это будто в последний раз, как прощание.

А ночью сжал страх.

Только бы на все время сохранить самообладание.

20 сентября 1928. Четверг

Во вторник говорила с Marcelle. Мамочка и Юрий поехали со мной, так как были уверены, что я там не останусь. А Marcelle говорит, что надо подождать Labbé, он придет первого, а пока надо принимать всякие меры. Пить хину.

От хины я совершенно обалдеваю. Хину пью по 2 грамма, а потом увеличу до 6–7. Ужасное самочувствие. Тошнит. Особенно по утрам. Вчера после обеда поехала в «Фавор». Кое-как досидела до конца, а потом такое мученье было в метро, что при одном воспоминании тошнит. Сосу лимон. О каком-либо другом состоянии – моральном – и говорить не приходится, оно без остатка поглощается состоянием физическим.

Уже около шести недель, как я беременна. Дома – полная поддержка. Так что, хоть это хорошо.

25 сентября 1928. Вторник

Юрий не уделяет никакого внимания тому, что со мной происходит. В день, что я пришла из госпиталя сильно расстроенная, он только рассердился. И дуется. А Marcelle мне сказала вот что: очень мало вероятно, что Labbé скажет, что мне необходим аборт. Очень возможно, что он скажет: «Gardez la»*. Но как-никак дело ваше, а не мое, я умываю руки и в незаконное дело лезть не стану. Аборты делаются в очень, очень редких случаях, под них я едва ли подойду. Что ж делать? Идти к Каминской? Делать в русской лечебнице? Но сколько же это будет стоить? Marcelle успокаивает, говорит, что операция сама по себе пустяшная, но только надо, чтобы проделали ее врачи, а не какие-нибудь «belle femme»**. Господи, какая еще волокита! А Юрий злится. Молчит, не смотрит в мою сторону.

4 октября 1928. Четверг

Положение безвыходное.

Вчера была у Labbé. Сказано: «Gardez la». Все, говорит, у вас хорошо, подождем до седьмого месяца, а там видно будет. Если будете себя плохо чувствовать – ляжете в госпиталь. А Marcelle говорит, что обычно на седьмом месяце у диабетиков бывает выкидыш. Послала к Каминской. Она возмущается и говорит, что может устроить меня в частную лечебницу, где мне сделают аборт; но, как-никак, это – контрабанда, и будет стоить 1200–1500 фр<анков>. И она торопит, так как на днях у меня будет 6 недель.

Labbé сказал: «Будем надеяться, что ребенок будет здоров». Но ведь надежды мало.

Сегодня говорила с Marcelle, что хочет еще Юрий поговорить с Labbé. Она отговорила: «Он страшно рассвирепеет. Лучше

* Сохраните ее (беременность) (фр.).

** Красотка (фр.).

напишите ему письмо». И еще сказала: «Хорошо, вы сделаете аборт, а если у вас потом появятся ацетоны, и вам придется лечь в госпиталь, что вы скажете Labbé? У вас может выйти очень неприятный инцидент. А ссориться с Labbé опаснее всяких родов. Это уж — прямо на кладбище».

Напишу письмо и буду ждать ответа. Но ужас, если он не разрешит аборта, и разве я достану такую сумму денег? Так, произойдет самое страшное, самое дикое, самое невероятное: у меня будет ребенок! Какая это злобная ирония.

6 октября 1928. Суббота. Утро

Вчера Мамочка была у Labbé. Говорила с ним через Елизавету Владимировну. Он был очень мил и любезен. Говорил, что аборта нельзя делать не по каким-либо этическим соображениям, а в интересах больной. Нормальные роды для нее не представляют опасений, а самая пустяшная операция может быть очень опасной. Тяжелая будет беременность. Он будет за мной следить, и на некоторое время мне даже придется лечь в госпиталь. И что ребенок может быть совсем не диабетиком. Я сильно опарашена и озабочена. Надо переделывать, переламывать, как-то по-новому устраивать жизнь.

7 октября 1928. Воскресенье

Меня удивляет, что Юрий ни разу, ни единым словом не обмолвился о нашем будущем, т.е. о ребенке. Как будто он считает это совершенно невероятным и уж, конечно, совершенно нежелательным. Ни одного слова! И я тоже молчу. Но он не только не говорит, но и не думает.

9 октября 1928: Вторник

Зачем на одного человека столько сразу несчастий? И ревматизм, и флюс, и теперь этот грипп, помимо всего прочего. Чувствую себя плохо. Все гриппозные недомогания на фоне почти непрерывной тошноты и нравственных переживаний. Если у меня будет дочь, назову ее Светланой. Пусть она будет Светлая, не в мать.

17 октября 1928. Среда

На той неделе Юрий был у Станюковича и вернулся в четвертом часу, и совершенно пьяный. Довезли на автомобиле. На другой день, конечно, не мог пойти на работу. Меня удивляет только, что он как будто даже слегка бравивирует этим. Уж

можно было бы забыть и молчать, а он вспоминает при каждом удобном и неудобном случае, а дурак Станюкович говорит:

— Вам потому было приятно у нас, потому что это были дворяне.

— Я бы, может быть, и сочувствовал вашим демократическим идеям, если бы не был дворянином.

Теперь еще такое дело с Союзом. Перевыборы правления. Выставляют кандидатуру Юрия в Председатели. Строго говоря, единственная подходящая кандидатура, по крайней мере, самый умный из кандидатов. Сначала ему не хотелось, говорит, что не будет работать, и в этом прав. Но дал себя уговорить. Загорелся (надолго ли?) идеей возрождения Союза и издания альманаха, — только об этом и говорит и возится уже не с Некрасовым, а со Станюковичем, которого выдвигает секретарем. Сборник — дело хорошее, но только для первого я стихов не дам.

И со мной говорит только о Союзе. Только однажды, ночью, когда обоим не спалось:

— И ни о чем-то ты сама не говоришь!

— А о чем я должна говорить?

— Уж будто и не о чем.

Вечер.

Поругались слегка из-за Союза. Не знаю, что им больше ружководит: честолюбие или слабоволие?

19 октября 1928. Пятница

Чувствую себя очень плохо. Постоянная тошнота, по несколько раз в день мучительная рвота. Пытка в метро и еще более невыносимая пытка в мастерской.

И еще — с Юрием. Как это ни странно, у меня все время бывает чувство какой-то виновности перед ним, виновата в своей беременности. А это мне очень обидно. Поэтому я и говорить с ним не могу, и он молчит.

И сегодня вечером говорит:

— Я сейчас вымою посуду и выстираю рубаху.

А когда я вышла к нашим, взял и ушел. Так, что я даже и не слыхала. А сейчас уже одиннадцатый час. Ни слова не сказал. Наверно, к Мамченко пошел говорить о выборах. Неужели его обижает, что я хожу к нашим? Но ведь он-то все время сидит, уткнувшись в книги.

Мне сейчас очень хочется написать письмо Леле. Но она так давно уж не писала, и я боюсь.

23 октября 1928. Вторник

О вчерашнем собрании вспоминаю с горечью и злостью. Еще с утра скулил:

— Ах, какая у меня тяжесть под сердцем. Ах, как я жалею, что заварил кашу.

Я его целый вечер высмеивала.

А получилось все как по писанному. Было 11 человек. «Кочевье», конечно, отсутствовало, паника у них была совершенно напрасна. Все отказывались и готовы были выбирать кого угодно, только бы скорее до следующего собрания забыть о существовании Союза. Все-таки я одна голосовала против Юрия. И теперь буду откровенно саботировать. Ладинский сказал в защиту Юрия:

— У него есть связи!

— Какие связи?

— В «Последних Новостях».

— А он там был хоть раз?

Я только улыбнулась, надо мной посмеялись, и все были довольны. А на Юрия я злюсь. Тряпка и больше ничего. Не разговариваю с ним и ночью порвала цепочку от креста.

30 октября 1928. Вторник

Сегодня Юрий сказал:

— Почему в той комнате ты и смеешься и всегда бываешь весела, а здесь все молчишь и даже не смотришь?

А как-то ночью, в припадке все более редкой откровенности, сказал, что обижается, когда я уйду в ту комнату.

31 октября 1928. Среда

Юрий рассказывал: вчера на заседании правления решался вопрос первостепенной важности: кто из членов правления будет выступать на первом вечере (!). Юрий отказался, а Станюкович и Мандельштам тянули на узелки. Вытянул Мандельштам. Факт любопытный и весьма характерный. Станюкович чрезвычайно доволен и не может скрыть своей радости, что он пропечатан в газете, в заметке о выборах нового правления. Этот день был даже не праздником. «Все ведь теперь прочтут». А Ладинский жалуется, что его давно не печатают в «Новостях». Подозревает, что там есть «тайный недоброжелатель». Я тоже подозреваю, что там Саша Черный за меня кислое словечко замолвил, не даром же он Станюковичу при первом же знакомстве в поезде говорил:

– И сколько же ей лет, что она все поет и поет?

Вот меня и перестали печатать.

Свиньи!

4 ноября 1928. Воскресенье

Слава Богу, наш «Favor» вчера закрылся. Глупо, я радуюсь неистово. Как мне было тяжело работать. Хорошо все-таки, хотя страшно. Сейчас меня интересует одно – сегодня.

В 4 часа приезжает Влад<имир> Влад<имирович> Каврайский. В командировку. Из России. С того света.

И еще одно: Терапиано говорил Мамченко о каком-то издании, каком-то журнале. Встретятся, должно быть, у Мамченко. А потом нужно будет сделать так, чтобы Терапиано пришел к нам.

Юрий жалуется на недомогание. Боится, что аппендицит. Жалуется на боль. Непременно должен пойти к доктору.

А теперь – литературная сплетня. Факт: на этой неделе было стихотворение М.Струве «Свадьба». А потом оказывается, что оно было дано Ховину в «Звонарь», и гонорар за него уже получен.

А мне что-то не по себе. Я скучаю.

Юрий пишет хорошие стихи, и я ему мучительно завидую!

29 ноября 1928. Четверг

В прошлую пятницу Мамочка была у Маршака, и от него немедленно была отвезена в госпиталь в Villejuif. В субботу операция (геморрой). Маршак говорит, что такого он еще не видел. Страшно нервничала, хотя и не боялась. Жалко ее было. Действительно, перемучилась она страшно. Теперь уже поправляется. Это главное. А еще ощущение мелких и почти непрерывных обид. И невниманья. Но все об этом. Довольно того, что я сегодня плакала, и сейчас весь вечер оба молчим. Работы масса. Опять сажу за полосой, опять ненавистный шов и Гофман, – все, как в 25 году.

24 декабря 1928. Понедельник. L'hôpital <Pitié>

Как странно. Лежу в госпитале пятый день, а напротив, за ширмами, – мертвая старуха, прокричавшая всю ночь, на дощечке в ногах – кресты, анализ сейчас делали – черно, но за окном светлый, пронизанный солнцем, туман, и даже нет по утрам острого чувства отчаяния.

Сегодня должны быть какие-то перемены. Будет Labbé, что-нибудь должен прибавить к еде, будут доктора, будет известен анализ крови. Наконец, будет Володя Берг говорить с интернами и выяснит мне по-русски мое положение.

Положение неожиданно для меня оказалось много серьезнее, чем я думала. Мне впрыскивают 4 сантиметра, держат на овощах, а ацетоны почти не уменьшаются. Порой, особенно вечером, хочется ногами брыкаться и кричать. Днем – ничего, даже чуточку интересно. Если бы не белая ширма.

Больше всего боялась бессонных ночей, а сплю хорошо, даже когда старуха хрипела. Юрия не было. Были: Мамочка, Папа-Коля, Войцеховский, Борис Александрович. Завтра – визиты, два часа.

А меня только злят эти праздники. Ничего мне сегодняшней день не принес нового. Ляббе не был, ничего в режиме не изменили, анализ крови не известен, никаких докторов не было. И завтра не будет. Это, правда, уже не зависит от праздников, ацетоны не пропадают. Хорошо бы иметь зего к приходу Ляббе, а может быть, и отпустили бы скорее. Хорошо еще, что книги есть, много «легкого чтения». А завтра – два часа визита. Как-нибудь доживу до завтра.

25 декабря 1928. Вторник. 8 ч<асов> 30 <минут>

Рано утром, в начале седьмого, уехала m-lle André Dubois. Трогательно прощалась со всей палатой, со всеми перецеловалась. Я подарила ей две гвоздики, и она была очень тронута, а гвоздики мне принес Юрин патрон – это трогательно с его стороны. М<адмуазель> Андре очень милая. Уже три месяца лежала здесь, ясно, что к ней все привязались. Утром она уехала в Бордо, где живут ее родные. Сейчас уже катит в поезде. Счастливая!

27 декабря 1928. Четверг. 7 ч<асов> 15 <минут>

Меня бесит, что с самой субботы я ни одной докторской рожки не видела. Впрочем, бояться особенно нечего, так как мои дела стоят на мертвой точке: сахара нет, а ацетоны не проходят. Пожалуй, к Новому году я не вернусь. С утра – ничего, легче даже чуточку. Интересно, что-то принесет новый день? А как увидишь, что и этот ничего не принес, – настроение и падает. На свидании реву и повторяю, как ребенок: «Ничего мне не надо, хочу домой». Вечера, в общем, проходят ничего себе – за книгой, и ночи хорошо сплю. Но это утреннее

настроение. Если буду писать после визита докторов – напишу другое.

Вчера Юрий принес мне Ходасевича и подарок Станюковича – стило. Ходасевич даже на некоторое время вернул меня к жизни холодной чеканностью своих стихов. Какой он все-таки холодный, ни одного теплого слова, мрамором увязаны. Но зато какая четкость и ясность. И ум, и сила. Вот у кого учиться, хотя и страшно поддаться под его влияние – и не освободишься потом. Однако, Ходасевич свернул мои мысли в другую сторону от докторов, анализов и безостановочной тоски о доме. А когда уехала м<адмуазель> Андре, в палате сделалось и тихо, и пусто.

Анализ крови до сих пор не известен. У меня, по крайней мере. Часто бывает Володя Берг. Юрий завтра хочет пойти с ним к Ляббе. Зачем только? Ведь и выяснять-то нечего. И на единственный пока интересующий вопрос – когда уеду? – все равно ответа не будет.

12 ч<асов> 30 м<инут>

Были доктора. До Ляббе включительно. Говорили: «Ça va bien, c'est stabilisé, nous pouvons la rendre chez elle»*. Когда это будет – не знаю. По-видимому, уже скоро.

А меня от волнения даже затошнило. Боюсь только, что завтра опять будет много ацетонов. И, может быть, они на это уже плюнули, решили, что все равно нет смысла держать меня дальше. Только надо будет два раза в день приходить на прививку. Да ладно, хоть двадцать два, только бы дома! Дай-то Бог!

28 декабря. 1928. Пятница. 8 ч<асов>

А я все-таки думаю, что скоро мне отсюда не выбраться, несмотря на все хорошие слова врачей и поздравления соседок, что в сегодняшнем анализе у меня будет много ацетонов и даже, может быть, немножко сахара, и что будут меня выдерживать до нуля. А уж очень бы хотелось Новый год встретить дома. Как я вчера Мамочку обрадовала, а теперь боюсь, что преждевременно. Сегодняшний день едва ли внесет какие-либо существенные изменения – докторов, наверное, не будет, только вот анализ интересен и может погубить все дело.

А я чувствую, что лежанье мне уж в прок нейдет: я теряю аппетит, худею мало-помалу, побледнела. Все-таки такой образ жизни совершенно ненормален, особенно в моем положении.

* Все хорошо, стабильно, мы сможем ее выписать (фр.).

3 января 1929. Четверг

Давно не писала, потому что хорошего ничего не было. В субботу увеличили впрыскивание до 5-ти, так на этом и держат. В понедельник чуть было не вылетела, уже и карту мою взяли подписывать, а этот черт собачий Безансен заупрямился и не пускает. Так вот и лежу до сих пор и сколько еще буду лежать – неизвестно.

Вечером под Новый Год написала стихотворение – очень паршивое, но чего же еще можно ждать от белой палаты и жалобных, больных, кричащих старушек. Вот оно.

С Новым годом, с новым счастьем.

Сон, полумрак и покой.

Ходит бесшумно сиделка.

Слиться спешит с часовой

Злая минутная стрелка.

Год задувает огни.

Неравноценные дни.

Неравномерные части.

– Новый, тревожный, верни

Мне мое старое счастье.

14 января 1929. Понедельник

Сегодня день моей свадьбы – «первой свадьбы», как я говорю – в мэрии. А все еще здесь.

Днем мне много лучше. Вчера опять уменьшили прививку уже на 3, а анализ такой же хороший. Сегодня был Ляббе, все те же хорошие слова, выразил надежду в скором времени видеть моего сына, а когда отпустят – тоже неизвестно. Если не будут больше уменьшать прививку, то, может быть, в четверг.

Просила принести мне сыру и масла, т.к. голодаю. Сегодня и попируем. Завтра просила принести парочку яиц. Делаю мои милые платочки и читаю «Войну и мир». Платочками занимаюсь с большим удовольствием. Читать не то что надоедо, а устаю.

18 января 1929. Пятница

Вот я и дома. Вчера вернулась. Думала, буду визжать и плакать от радости, а вместо этого – такое грустное состояние. То, что я нашла дома, оказалось так невесело, что меня сразу охватили самые печальные мысли. Оба – Мамочка и Папа-Коля без работы. Голодают в самом полном смысле этого слова. В лучшем случае едят в день по селедке, да пьют чай без сахара. Юрий

берет аванс, чтобы как-нибудь помочь им. Из моих 200 фр<анков>, которые я набрала месяц назад, столько работая и экономя, сегодня 84 фр<анка> заплатили в госпиталь, поделились немножко с нашими – они хоть сахару и картошки купили. Купила им чаю, из еды себе. И осталось совсем немного. Ту неделю, или хоть половину, но как-нибудь вытянем, а там, хоть опять в госпиталь ложись.

Да так, наверное, и придется. Анализ у меня сегодня плохой очень, и я в первый раз в жизни смошенничала: убавила, записывая его. И никогда я не думала, что, вернувшись домой, буду таким инвалидом. Я страшно ослабела, хожу так, что жалко на себя смотреть. Нет энергии даже читать, не то что вымыть посуду или немножко убрать в комнате. И ничего не хочется, ко всему потеряла всякий интерес. Вчера вечером к Юрию заходили Мамченко, Мандельштам, приходили по поводу переписки. И долго засиделся Яновский. Говорили, спорили. А мне было бесконечно все равно, что пишет Кнут или о чем говорит Терапиано. Так, будто все это осталось в том мире, из которого я давно ушла и куда у меня нет никакого желания возвращаться. В госпиталь надо ездить два раза в день, по крайней мере, теперь, пока я так слаба. Может быть, после, если не лягу, будут впрыскивать и один раз. Завтрашнего утра боюсь. Сегодня в другой палате я могла скрыть анализ, а завтра у себя – все увидят. Как страшно – это бесконечное (а на этот раз, действительно, уже бесконечное) лежанье. До родов осталось немного больше $3\frac{1}{2}$ месяцев, – неужели же все их пролежать? Хотя бы немножко побыть дома, пока деньги есть.

До отъезда в госпиталь осталось полтора часа – лягу спать.

24 января 1929. Четверг

Вот уже неделю дома. Немножко поправляюсь. Силы прибывают с каждым днем, это чувствуется. Появляется уже некоторая потребность жить, т.е. внешние события как-то начинают затягивать. Сначала хотелось только есть и спать, потом появилось желание вымыть посуду и убрать, вообще что-то делать. Сегодня даже немножко постирала и устала очень. Все-таки страшно слаба. И подумать не могу о том, чтобы идти, например, в Люксембургский сад или к Сене. Много сплю. Читать, и тем более заниматься чем-нибудь серьезным, нет никакой энергии.

Анализы плохие, хоть ацетонов много меньше. Почему-то держится сахар. Вообще, невесело. Хотя в госпитале все находят, что у меня отличный вид. По утрам, в 8 часов, приезжаю

совершенно бодрая, в 4 уже хуже, больше устаю, хотя и в метро еду теперь хорошо, больше не тошнит, как было. Часто уступают место — живот-то ведь вылезает.

Мамочка второй день как ездит на службу — нашла работу в кукольной мастерской. Далеко отсюда, на Montmartre, и работа с 9 до 7. Еще не известны точно условия. Мне очень без нее скучно. Сейчас она — самый близкий, самый необходимый для меня человек. Когда она не работала, мы вместе ездили в госпиталь, так что и она как-то уже вошла в ту жизнь. Теперь я ей рассказываю все госпитальные новости. Мне всегда с ней есть о чем поговорить, м<ожет> б<ыть>, просто по-женски. Она больше всех из всей семьи ждет и любит моего ребенка. Другие неприятно-безразличны.

С Юрием отношения чисто внешние. Внутренние как-то совсем отсутствуют. Когда он приходит, я бываю очень усталая, на все только огрызаюсь, а вскорости — засыпаю. Когда приходит Мамочка, я сейчас же ухожу в ту комнату. Наверно, это его обижает. Ни одного разговора, как будто и не о чем. Да и в самом деле интересы у нас сейчас так различны. Он очень много занят сейчас Союзом — устройством вечеров, изданием Сборника. Меня все это сейчас не затрагивает. А ни о чем больше мы и не говорим.

Сейчас приезжал Станюкович и привез «Возрождение», где есть небольшая заметка Гулливера о его книге. И доволен, и разочарован.

27 января 1929. Воскресенье

Вчера Юрий вернулся из Союза в 3 часа. Я проснулась. Спросила, с кем был? С Мамченко и Поплавским, у Notre Dame. И я подумала: бродил по ночному Парижу с интересными ему людьми после литературного вечера, провел время в интересных разговорах и спорах. И возвращается домой: жалкая комнатуха, больная и беременная жена, которая не хочет слушать никаких рассуждений об искусстве и только, только спит и на все огрызается, — что его не тянет домой. Он только лег и вдруг заговорил. Начал говорить то, чего я уже давно ждала.

— Мне так холодно, Ира, и так одиноко вот последнее время. Ты от меня куда-то отошла далеко-далеко. Я почувствовал, что у тебя есть семья, а вот у меня семьи нету. Я стал тебе каким-то ненужным и совсем чужим. Ты сейчас много чувствуешь и много переживаешь, а мы с тобой никогда не говорим об этом. Я знаю, ты говоришь с мамой... Во многом он прав, но что же делать? Что же делать?

31 января 1929. Четверг

Последние дни страшно волновалась. Все боялась, что Ляббе опять положит в госпиталь. Во вторник вечером просто места себе не находила, возвращаясь из госпиталя, и ревела. Мамочку так заразила своим страхом, что она тоже начала верить в неизбежность лежать. В среду вместе поехали на консультацию (она с субботы уже не работала). Анализ, конечно, паршивый. Я все валила на желудок. Может, и правда – желудок... Прописал Ляббе порошки, а вообще остался даже доволен. Не знает ведь, что я подвирала в записях. А меня от волнения тошнило с самого утра и даже рвало. Вздохнула облегченно, и опасность на время отодвинулась. Папа-Коля тоже места себе не находил, пока мы пришли. Спокойнее всех был Юрий, как будто это его совсем не волнует. Вернее, он просто над этим не задумывался. Конечно, я ему нужна, он любит ласкаться, любит целовать до того, что я иногда не выдерживаю и спрашиваю его: «Еще не кончил?» А вот я ему вчера сказала по какому-то поводу:

– Ты рассуждаешь, как Лиля, как Андрей и как все: для тебя я тоже только сердитая и злая.

– Да нет, я же понимаю, что ты больна.

– Ничего ты не понимаешь!

А мне стало очень грустно и больно от поученья этого.

1 февраля 1929. Пятница

Вчера вечером Юрий пошел в Ротонду на свидание с Адамовичем. Сказал: «Скоро вернусь». А вернулся в 2 часа. С часу я уже не спала. Пришел и смутился.

– Ну, сначала был в Ротонде, потом в «Кочевье», потом беседовали. Ведь ты знала, что сегодня – «Кочевье», что был Мамченко, я всегда мог задержаться. Я был уверен, что подумаешь...

Я-то подумала, а вот он плохо подумал. Год тому назад он бы так не сделал.

– О чем же ты беспокоилась, что думала?

Думала-то я все то же: что ему не хочется идти домой. А беспокойство – оно подозрительное и никакими мыслями не оправдано.

Потом самому было неприятно, и я старалась его успокоить.

3 февраля 1929. Воскресенье

Мне грустно, мне очень тяжело, что такой близкий, такой любимый и любящий, так от меня далек. Был момент сегодня, когда эта плотина могла прорваться. Он колебался: ехать ли

ему со мной в госпиталь или идти на годовое собрание РДО. Остановился на РДО. Конечно, ехать со мною он хотел совсем не потому, что я себя плохо чувствовала, а потому, что видел, в каком я была состоянии. И мне этого так хотелось. Хочется поговорить с ним, прочитать ему стихи, дневник, м<ожет> б<ыть>, еще ушло не все, и прежняя откровенность и потребность откровенности еще может быть восстановлена.

Анализ отвратительный. Отчасти я сама виновата: ем много сыру, переадаю картошки, а сегодня даже ела колбасу и пила молоко. Жить как-то страшно стало.

6 февраля 1929. Среда

Тоска. Тревога и...

7 февраля 1929. Четверг

Да – тоска, тревога и страх. И много ацетонов. И определенное и недвусмысленное ощущение голода. Отсюда, м<ожет> б<ыть>, и все: и ацетоны, и тревога, и страх, и как общее следствие – тоска.

Прежнего Юрия вновь нашла – близкого, нужного и родного. Но тоски всей не убавилось. А тревоги, так много тревоги этой. Держать себя впроголодь уже совсем не так весело, как в прошлом году. Я знаю, что нельзя этого делать, тысячу раз – нельзя, что это приведет к катастрофе, которой я себе никогда не прощу. Но что же делать? Ложиться в госпиталь? Неужели же это единственный выход? Если бы дело касалось только меня, моего здоровья, это было бы наплевать, но ведь я не одна. Я не могу, не имею права так рисковать. Господи, что же делать?

8 февраля 1929. Пятница

У меня при ходьбе, даже не очень быстрой, бывают какие-то боли, вернее давящая тяжесть внизу живота. Сказала Мамочке. Она говорит, что это бывает уже в самый последний период беременности, и что надо об этом сказать Каминской. А я уже сделала дальнейший вывод, что у меня будут преждевременные роды, т.е то, чего я с самого начала больше всего боялась. А на Каминскую сейчас нет ни времени, ни денег.

А все-таки хочется верить в то, что ребенок будет. Сейчас пойду в Самаритен, посмотрю, сколько стоит шерсть – одна диабетичка уже давно просит принести, чтобы связать кофточку моему маленькому. А вяжет она восхитительно. Да и мне уже хочется, хочется начать играть в куклы.

16 февраля 1929. Суббота

Вчера была у Каминской и вышла от нее новым человеком. Она меня совершенно успокоила, говорит, что все идет прекрасно, что моя болезнь не сказывается на ребенке, что положение его вполне нормальное, и величина нормальная, и сердце бьется хорошо (меня особенно поразило, что уже и сердце бьется!), а что мое недоедание отразится скорее на мне, а не на нем – он совершенно нормален. Мне даже показалось, что она даже не ждала этого от меня. У меня даже голова закружилась от радости и гордости. До сегодняшнего утра мне было необычайно радостно. До сегодняшнего утра – до анализа, такой паршивый, столько ацетонов. Что же мне делать, Господи?! Ведь я делаю все возможное, все от меня зависящее.

20 февраля 1929. Среда

На днях украла у себя 7 фр<анков> и купила белой шерсти. Сейчас та диабетичка уже вяжет. А я радуюсь и жду, когда она кончит. В этом вся моя радость. Сейчас иду к Ляббе. Волнуюсь! – да, но как-то не очень. Больше всего думаю, чтобы замотать сегодняшний анализ, а лучше всего – в суматохе совсем его не делать. Только бы Марсель не видела, да и никто из диабетиков.

7 ч<асов>. Говорю, что консультация прошла прекрасно, что Ляббе очень доволен, все находит нормальным и т.д. На самом деле, не совсем так. Ляббе остался очень недоволен ацетонами, спросил, кто мне делает анализ и показываю ли я его фельдшерице. Вообще, настроение было кислое. Только на мои слова, что я всегда хочу есть, он засмеялся и сказал: «C'est pas mal»^{*}.

И прибавил всего 20 гр<аммов> сыру! Но что же мне делать с моими ацетонами?! Уж я так тщательно буду держать мой режим, даже орехов есть не буду, м<ожет> б<ыть>, успокоюсь? Ведь как-никак, а я все-таки устаю, но зато франков 20–30 в неделю зарабатываю. И ем сыр.

22 февраля 1929. Пятница

Подожду еще две недели, вообще – до 9 марта, когда пойдет 8-й месяц. Если он не принесет никаких изменений для моих анализов – я ложусь в госпиталь. Так больше нельзя. Так плохо у меня еще никогда не было.

^{*} Это неплохо (фр.).

26 февраля 1929. Вторник

Ничего не поделаешь – в госпиталь лечь придется. Так плохо, особенно по утрам я еще никогда себя не чувствовала. Помимо анализов. Боже, какая тоска, какая страшная тоска! В довершение всего еще зубы болят, всю ночь не спала и днем мучаюсь. *Le malheur ne vient jamais seul**. Сейчас сижу одна дома и страшно расхандрилась. Хотя хорошо поговорила с Юрием, даже не знаю – о чем, о чем-то близком и интимном, о чем мы никогда не говорили. А он – неуловим. Или – не идет навстречу.

Боже, какая тоска!

5 марта 1929. Вторник. L'hôpital <Pitié>

Сегодня был Ляббе, нашел положение серьезным и сказал, что мне надо лежать до родов. Ну, и что же? Плакать и ногами дрыгать все равно бесполезно, а если так надо для маленького, надо терпеть. А может быть, тут вопрос не только в жизни ребенка, но – в моей. Ацетоны не проходят, несмотря на такую большую дозу инсулина. Интерн только руками разводит. Анализ делают перед каждым впрыскиванием, несколько раз будят ночью. Только второй день как чувствую себя сносно. А то лежала пластом, стенала от головной боли или спала. Даже не скучала. Мамочка приходит по вечерам, после работы и даже заходит в бюро, «говорит по-французски» для этого.

Когда я сегодня сказала Юрию и Папе-Коле о том, что буду лежать еще два месяца, они оба отнеслись очень легко и как бы совсем не поверили. Вот Мамочка поверит.

6 марта 1929. Среда

Когда я сказала Мамочке – она заплакала. Да и могло ли быть иначе. Так обе и плакали. И мне еще пришлось утешать ее, уверять, что я бодр и не плачу, что это, в конце концов, не так долго, как-нибудь перетерпим. А какой еще «недолго», когда осталось еще 9 недель! Буду работать для маленького. Буду шить распашонки, научусь вязать и свяжу одеяльце. Только бы он был, для него я готова все перетерпеть.

7 марта 1929. Четверг

Сейчас была в *Maternité***. Неприятно поразила какая-то особенная чистота-белизна, высокие кровати с лесенкой и

* «Беда не приходит одна» (фр.).

** Родильный дом, материнство (здесь: родильное отделение больницы) (фр.).

вздутые голые животы. Записали. Молоденькие девочки долго и сильно мяти мой живот. Вообще одиноко, тоскливо. И предстоит еще много тяжелого.

22 марта 1929. Пятница. 8 ч<асов>

Нет, пора начать вести хронику Salle Potain. Иначе с тоски помрешь. Пропущу все, что было за это время, – страшную зубную боль, мои крики и стоны по ночам, все мои страдания, и как этот зуб был, наконец, вырван – все к черту. Теперь страдает моя соседка H  l  ne Boulogne с горлом, с зубом, с ухом.

Начну со вчерашнего дня.

Начался он крупным скандалом. В начале девятого, когда мы с m<ada>me Beau делали анализ, вдруг является интерн, страшно свирепый, смотрит листы у диабетиков и около бабушки №6 разражается криком:

– Мадам, вы не держите режима, вы едите то, чего нельзя, тогда же нет надобности лежать в госпитале, вы можете вернуться домой.

Подписал ее карту. Затем пошел в маленькую комнату, где лежит m^adame Prat, и разражается еще большим криком.

– Мадам, вас видели, когда вы ели яблоко, вы станете отрицать!?

Страшно разгневанный ушел и утром больше не появлялся. А m^{<ademoise>}lle Françoise, проходя мимо меня, бросила быстрый взгляд на мой столик. А у меня как раз первый день нет сахара. О, а в коробке сыр, масло, и каждый вечер – кофе с молоком. Бабушку увезли вчера же, m^{<ada>}me Prat уезжает сегодня. Вчера же нашего полку еще прибыло: на №6 лежит m^{<ada>}me Durat – самая старая по времени диабетичка. Я ее люблю и рада ей.

На время визитов старушку (со страшным взглядом и страшными ранами на спине) отгородили ширмами. Приходила ее дочка, немножко поплакала, но больше болтала с соседками.

После ужина по обыкновению одела халатик и уже не ложилась. Сидела около m<ada>me Durat, вязала одеяльце и разговаривала с ней. Приходил интерн, как всегда веселый и слегка хулиганистый. По-видимому, инцидент исчерпан.

Мамочка вчера не приходила, я была почти уверена в этом. И после моего не совсем законного, но не очень видимого кофе принялась за печенье с сыром. Тут-то и приходит Интерн, а я даже сыр не спрятала. Потом смешно было.

Около 8-ми пошла умыться. Там m<ada>me Beau. Смотрю – с ней что-то неладное: взгляд дикий, и на ногах не твердо. Дальше – больше. Хочет выйти и вдруг падает. Поддерживаю ее и тихонько опускаю на пол. Глаза открыты, но взгляд невидящий. Открытый рот. Лежит так, что я не могу открыть дверь. Начинаю оттаскивать ее от двери, дрыгает ногами, пищит. Тяжело. Тащу за руки и за ноги, как мешок прислоняю к столу. Бегу и зову сиделку. Собирается народ. Та чуть приходит в себя. Ей дают молока с сахаром, т.к. это несомненная реакция. Тут уже начинается комедия.

– Я не могу столько: у меня будет сахар, я не хочу!

Зажимают нос, пробуют влить самой. Кое-как переводят в палату, вызывают сестер и доктора. Приходит не интерн, а другой и говорит, что сахар давали напрасно и надо впрыснуть инсулин. По его уходе поднимается смех. Приходит вскоре интерн, велит дать молоко, несколько встревожен. Умирает старуха, но все заняты историей с m<ada>me Beau. Свет горит до 9^{1/2}, разговоры продолжаются и в темноте.

С вечера спала хорошо. Окна были открыты с нашей стороны и прямо за мной. Поэтому куталась, и было жарко. Часов с 12-ти опять бессонница, к счастью, непродолжительная. После впрыскивания в 2 часа и молока с кофе за ним – засыпаю, кажется, относительно быстро.

24 марта 1929. Воскресенье

В пятницу, совершенно неожиданно, на прием пришла и Мамочка. Я даже испугалась, да и было чего: больна, астма, не ходила на работу, была у доктора, в четверг вечером был припадок. Юрий приходил на полчаса, хотел прийти вечером, да так и не смог. На приеме я была кислая и усталая. Утром был интерн и нашел, что «Celle-là va bien, cette dame» и сказал своему спутнику:

– C'est le troisième enfant de m<onsieu>r Labbé**.

По ночам развлекает старушка. Бормочет, кричит. Проплущую ночь разорвала простыню, стала ходить по палате и упала. Потом сиделка всю ночь сидела около нее.

Вчера был Ляббе, на минуту остановился, нашел, что все хорошо; рассчитывает, что самые серьезные месяцы прошли, и скоро я вступлю в лучший период. Сахару нет, ацетоны держатся.

* С этой дамой все в порядке (фр.).

** Это третий ребенок месье Ляббе (фр.).

Прививки убавили на $1\frac{1}{2}$ сантиметра. Две ночи не дают молока, а так как я пью вечером кофе, то молоко – боюсь и не прощу. Реакции не бывает. Зато – голод, и утром – головная боль. Сегодня оформила официально это убавление, и буду говорить с Франсей, если она придет.

Юрий вчера не приходил. Ждала вечером, но и вечером не был. Совсем я его не вижу. Ночью не спала, и думались очень грустные мысли. Что роды у меня не пройдут благополучно, что меня это сломит окончательно, ребенка не будет, а я буду лежать несколько месяцев, как №6. Как, в сущности, просто и легко ломается жизнь. Ведь могла же я быть счастливой, как другие.

25 марта 1929. Понедельник

Вчера был Юрий. Долго рассказывал о субботнем чествовании Милюкова во Франко-русском институте. Он (Ю. Софиев – И.Н.) выступал и имел большой успех. Да я и не сомневаюсь в этом – он все-таки намного и культурнее, и умнее всех франко-руссов. И, конечно, его речь была самой талантливой и содержательной – не только среди студенческой болтовни. О ней много говорили, и Гурвич приглашает его в пятницу к себе. Я рада, что он умеет интересно жить, и жизнь ему предстоит большая. И странно: чем больше он поднимается, тем больше я опускаюсь.

Вчера чувствовала себя много лучше. Даже сердце не очень беспокоило. Только после еды было обычное сердцебиение. Вышивала одеяльце. Получается такое хорошенькое, что радует меня, как младенца. Вот в этом все мои радости. Следить за тем, что делается где-то «там», я не могу. «Той» жизнью жить не могу. Оттуда долетают только какие-то слабые отголоски, и часто это меня не только не волнует, но и не интересно совсем. Даже странно и немножко обидно. Зато целиком живешь этой маленькой больничной жизнью. И – своими предчувствиями. Я, кажется, начинаю бояться...

26 марта 1929. Вторник. 9 ч<асов>

Вечером был бунт диабетиков. Во-первых, не дали хлеба (и накануне – в уменьшенном виде), не привезли. Во-вторых, сыр дали *Cantal*, довольно острый, и все начали ворчать, что на «языке щиплет», и демонстративно оставляли его. Одна я не поддержала всех, заявив, что мне нравится и что канталь куда лучше, чем камамбер. Они поскандалили, однако другого сыра

не получили, и, в результате, у меня оказалось три порции. К вечеру привезли и хлеб, и некоторым по ошибке дали два раза, в результате чего я получила два лишних куска. После обеда, когда у меня началось сердцебиение, соседки решили, что это реакция, и дали мне молока. А вечером, как обычно, кофе. А сахару нет.

Юрий вчера не приходил – у него много работы. Не знаю, увижу ли я его сегодня. Если и зайдет опять, то на какие-нибудь 20 минут. Зато Мамочка пришла вчера раньше, до 7-ми часов, а сегодня придет еще раньше, теперь будет уходить с работы в 6.

Что же еще? Еще на полсантиметра убавили прививку. Сегодня, наверное, будет Ляббе. Вчера никого не было, даже Франсей. Дни пролетают так, что я не успеваю с ней заговорить о еде.

27 марта 1929. Среда. 9 ч<асов> 15 <минут>

Вчера Юрий пришел на полчаса. Очень мало для меня – так его видеть. Спросила о Сборнике, сегодня сдает в печать, скоро обещал принести корректурные листы. Меня это даже заинтересовало. Прокорректируем. И посмотрим, что из этого получится.

Вчера утром увели m<ada>me Durat в хирургическую вскрывать нарыв, да так там и оставили. Сегодня утром должны привезти. M<ada>me Beau после долгих комедий с интерном все-таки получила его подпись и вчера ушла. Я думаю, что меня переведут теперь на №2, так всегда полагается, что переводят вперед последнюю диабетичку, а Франсей распорядилась сохранить это место для m<ada>me Durat. Теперь на №4 – дыра и боюсь, что меня туда перетащат. Мне это нисколько не улыбается, так как над №4 нет лампы и, значит, читать по вечерам почти невозможно. Да и Бог знает, кого положат на мое место, а там, на №2, хоть соседи хороши. И потом, в конце концов, все равно, с кем буду, так как из всех теперешних диабетиков мы с m<ada>me Deverneuilly дольше всех лежать будем. А перетаскиваться потихоньку с №5 на №2 мне не улыбается. Поэтому я обиделась и остаток дня провела в очень скверном настроении.

А вечером, перед приходом Мамочки, на №6 привезли совсем безнадежную старуху. Я думала, она и ночь не проживет. Прожила, но все равно скоро умрет. Это еще больше интерна портит мне настроение.

29 марта 1929. Пятница. 9 ч<асов>

Мадам Дюра привезли вечером с колоссальным количеством ацетонов (++++). Я такой реакции еще не видела. Глубокая рана – приходили делать перевязку.

На №4 положили хорошую соседку – молодая, только ноги больные. Ухаживаю за ней.

Что-то случилось со стилем – паршиво пишет, и это меня раздражает.

Юрий вчера был ненадолго. Хочет поговорить с хозяином, чтоб узаконить свои опаздывания. Тогда будет приходить чаще и подольше. Вчера было четыре недели, как я лежу в госпитале. Осталось еще 6. Иногда начинаю ужасно бояться родов.

31 марта 1929. Воскресенье. 9 ч<асов>

Дела как будто ничего. Вспрыскивание все уменьшают, кофе и молоко пью по вечерам и в полдень, а сахару нет. Вчера Франсей проходила. Посмотрела на мою доску:

– 4 сантиметра, и нет сахару! – и так как-то хорошо улыбнулась. А ацетоны мои беспокоят только одних мальчишек-студентов. Один из них вчера долго смотрел на доску, долго размышлял и, наконец, сурово спросил:

– Почему у вас ацетоны?

– Потому что я беременна.

А!.. И, не сказав ни слова, отошел.

Вчера в первый раз ходила гулять. Минут 40 ходила по солнечной стороне. Было почти жарко. Немножко устала. А мысли были хорошие.

Юрий вчера не приходил. Была днем Мамочка. В пятницу вечером она принесла маленького бархатного кролика из своей мастерской для маленькой дочки моей соседки Hélène. Та была в полном восторге. Хочу просить Мамочку и мне купить какую-нибудь зверушку – ужасно люблю игрушки.

Вчера получила открытку от Ляли – большое событие для меня. Уже вышла замуж. Была страшно занята. Вчера вечером писала ей большое письмо.

1 апреля 1929. Понедельник. 9 ч<асов> 30 <минут>

Вчера был Юрий. Как грустно, что он так редко приходит, и что мы никак не можем ни о чем поговорить.

Вчера пила много молока и ела орехи, а потом все время трусилась. Однако сахару нет. Никогда еще, кажется, я с такой регулярностью не отступала от своего режима, как теперь.

2 апреля 1929. Вторник. 9 ч <асов>

Нет, положительно у меня рука тяжелая: вчера обнаружила сахар у 85-летней бабушки, сегодня – у №15. Правда, у этой в таком незначительном количестве, что Марсель категорически говорит: «C'est rien»*, но все-таки весьма определенный намек на диабет, и толстухку мне жаль.

Вчера к Héléne приходила ее маленькая дочка, которую она не видела с Нового года. И после приема она все время плакала.

– Пока не видела, – говорит, – ничего, а теперь больше не могу.

Она уже 4 $\frac{1}{2}$ месяца лежит и выберется, наверное, не раньше меня. Меня тоже порой начинает охватывать скука, конечно, плачу. Работу получу только завтра, почти закончила одеяльце, нечего делать. Вчера Мамочка пыталась говорить со мной о будущем, но я сказала, что никогда об этом не думала и вообще стараюсь ни о чем не думать, жить совсем без мысли. Это почти удастся. Дела идут хорошо. Сегодня ночью опять убавили впрыскивание на $\frac{1}{2}$ сантиметра, сахару по-прежнему нет, и даже trace ne <нрзб>**.

5 апреля 1929. Пятница

Сегодня Юрий принес корректурные листы первых стихов, сданных в набор. И признаться, несколько вывел меня из моего госпитального оцепенения. Я оставила листы у себя и даже, по возможности, старалась их прокорректировать. С большим удовлетворением занялась бы этим вполне серьезно, если бы были при мне оригиналы стихов. Во всяком случае, новые, совсем не будничные чувства и настроения при виде этих листов с криво напечатанными стихами. Буду теперь ждать, когда придут мои стихи. Во всяком случае, сейчас я пока что довольна, что Юрий уговорил меня дать в Сборник стихи. Во вторник было три стихотворения в «Новостях», сегодня получила гонорар из «Перезвонов» и, как всегда, под влиянием напоминающих мелочей я потянулась к литературщине. Захотелось писать, а, главное, печатать. Куда бы еще послать стихи? В Харбин, что ли? Журналишка только уж больно паршивый и занимается предпочтительно перепечатками.

6 апреля 1929. Суббота

Время, вообще, идет скоро. Только и считаешь – четверг, суббота, четверг, воскресенье. А ровно через месяц – я думаю,

* Ничего страшного (фр.).

** Следов (сахара) не обнаружено (фр.).

не позже, и роды. Уже начинаю немножко подтрунивать. Я ведь не храбрая, я зуб вырывать боюсь.

Теперь – госпитальные новости.

Germaine Juillaume опять вернулась, уже несколько дней с нарывом в горле и, кажется, с ацетонами. Лежит рядом со мной на №4. Теперь дела поправляются, нарыв заживает, анализы довольно хорошие, м<ожет> б<ыть>, и не долго пролежит. А как она плакала, когда ложилась, бедная. Мадам Дюра завтра выписывается. Рана ее после нарыва заживает, через два дня снимут перевязки, и валяться ей здесь, в сущности, нечего. М<ада>ме René Daloplure решила ей помочь: я делаю анализы, она ведет «канцелярскую» работу. Так, она ей кресты последних дней переправила на traces, а я не кипятила ей анализ на сахар. А так как, кроме нас, с ней никто анализов не проверяет, мы вдвоем совещаемся; это все идет к общему удовольствию и благополучию.

Я ухитрилась простудиться, сильный насморк и, конечно, ацетоны. Наплевать. Только бы сахару не было.

Сегодня мне то ли по ошибке, то ли намеренно, дали четыре хлеба вместо трех. Подождем, посмотрим, что будет завтра. Хорошо, если бы это была не ошибка.

Одеяльце свое я кончила, осталась только подкладка, м<ожет> б<ыть>, сегодня Мамочка купит ее. Делать нечего. Работаю пока для Héléne. Эта безработица меня несколько удручает.

7 апреля 1929. Воскресенье.

Сегодня опять была в Maternité. На этот раз впечатление было благоприятнее и менее страшное. Осмотр был только внешний, чему я опять-таки была очень рада. И та, что осматривала, была очень симпатичная. Говорит, что все совершенно нормально. Прийти через неделю. Ладно. Уж немного приходить осталось. Дела диабетические тоже по-прежнему благополучны.

9 апреля 1929. Вторник. 1 ч<ас> 30 <минут>

На днях Юрий принес корректуру, в том числе и мои стихи. К сожалению, не мог мне их оставить. На приеме же я их и прокорректировала, даже не успела рассмотреть, как они выглядят в печати.

А Мамочка вчера принесла целое приданное для маленького – масса вязаных кофточек, распашонок, чулочки даже. Пока не успела даже рассмотреть хорошенько, – пришлось все отнести домой, т.к. здесь мне и положить негде.

Написала вчера Юрию, чтобы как-нибудь позаботился о комнате. И чтобы придумал имя для мальчишки. И почему-то мне вдруг стало казаться в последнее время, что он будет все-таки хорошим отцом. Несмотря ни на какую свою общественную жилку. Почему-то стала верить, что мы с ним оба и вместе всему научимся.

10 апреля 1929. Среда

Юрий не был. Вчера обещал мне, что напишет письмо, в котором ответит на все мои вопросы, но в итоге не сделал. И это-то уж мог бы, ведь прислал же он с Папой-Колей и масло, и сахарин. Неужели же он думает, что письмо от него для меня менее важно и необходимо? Ну, ничего с ним не поделаешь, — писать он ленив. И на словах едва ли мы с ним сможем договориться. Ведь осталось уже немного: четыре, а м<ожет> б<ыть>, и три недели. Четыре по самому полному счету. Сегодня у меня скверное настроение, потому что, в сущности, у меня был сахар, который я заметила. Правда, количество столь незначительное, а обнаружила я его настолько поздно, что Марсель поставила бы ноль. А я и не показала анализа Рене, сказав: «Comme d'habitude»*, но сама насторожилась. Если завтра что-либо обнаружится, придется открыться. А на ацетоны мои наплевать. Ляббе говорит, что это пустяки, и что они будут до конца.

Нашему полку прибыло. Hélène все перечисляет свои существующие и несуществующие болезни, а я над ней посмеиваюсь. А у другой соседки, m<ada>me Lacourt, обнаружилось, что одно легкое повреждено, и ей будут делать такие же вливания, как Рене и Жермэн. Два дня она плакала, сегодня немножко повеселела.

Работа есть. Одеальце кончила. Папа-Коля его отнес. Делаю опять платочки и отделываю этим же швом платье для дочки Элен. Сегодня сделала ей хорошенький платочек. А вообще боюсь, что скоро начну скучать, хоть Элен и успокаивает, что найдет для меня работу.

11 апреля 1929. Четверг

В углу на <№>17 лежит уже дня два новая соседка — менингит. Заговаривается, кричит: «Gaston, Gaston!», приглашает кого-то в автомобиль, разговаривает полным голосом и

* Как обычно (фр.).

совершенно спокойно насвистывает собак. А когда к ней подойдет сиделка и что-нибудь спросит, отвечает совершенно разумно. По-видимому, сознание ее не покидает. А то вдруг, среди всеобщей тишины: «Ку-ку!» По ночам даже немножко жутко. А сегодня привезли одну совсем ужасную. В другой угол на <№>10. Русская, молодая, с ней шикарно одетая дама. Совсем сумасшедшая, хорошенькая, а глаза безумные. Когда ее внесли, она кричала: «Je suis morte, je suis morte, je suis morte»*. Когда упала на кровать, страшно билась и сопротивлялась. Положили, и два санитары держали ее. Все время говорит, иногда возвышая голос до истерического крика — по-русски, по-французски и по-немецки. Говорила о каких-то мальчиках, потом — о девочках.

— Я боюсь докторов — они мертвые. Mon petit docteur**. Уходите все старые, все старые... Kinder, kinder***...

Собрались все доктора, около часу провозились с ней. Потом привезли каретку, с трудом уложили ее, привязали и куда-то увезли.

А во время приема вносят носилки скорой помощи. Лежит совсем молодая, почти девочка. Вид скверный. С ней несколько человек. Кладут на <№10>. Вызывают вскоре доктора. Потом делают промывание желудка через рот по каучуковой трубке (вызывают рвоту). Впрыскивают камфору. Отравление, уж не знаю, умышленное или несчастный случай.

А к <№>11 пришел пожилой господин, по-видимому, отец. Она стенала, а когда она страдает, лицо у нее такое, как будто улыбается, и очень жуткое. И вдруг смотрю, он подымает платок к глазам и быстро выходит из палаты.

Да, чего только тут не насмотришься! И смотреть на все можно совершенно спокойно.

Вчера в 7 ¹/₂ пришел Юрий. Очень я обрадовалась, хотя приходить ему в такое время уже неудобно. И он все дожидался темноты, чтобы проскочить фуксом, и боится заходить в бюро, однажды его там не пускали. А в это время все уже спать ложатся, и сиделки ходят, я сидела, как на иголках. А у него страшно много работы, и днем вырваться ему, по-видимому, еще труднее. А если проскочить мимо бюро... Сегодня у меня опять сахар — trace. Никто не обращает внимания, а мне уже не нравится.

* Я умерла (фр.).

** Мой маленький доктор (фр.).

*** Дети, дети (нем.).

12 апреля 1929. Пятница

<№> 11 вчера вечером увезли домой – умирать все-таки лучше дома. А ночью привезли одну – больную сердцем, и сахар есть, она уже как-то лежала здесь. Так она с самой ночи и часов до 4-х дня громко стонала. А утром к ней пришла дочка лет 8–9 и, бедняжка, почти до вечера просидела с ней. Плакала, беденькая, и как-то некому было ею заняться.

Та, что отравилась, совсем хорошо себя чувствует. Завтра, должно быть, выпишут. Утром, чуть свет, уже приходили справляться об ее здоровье.

Сегодня был Юрий, полчаса просидел и такой какой-то был хороший, такой близкий, и так мы это, несомненно, оба чувствовали, что у меня до сих пор хорошее и радостное настроение.

Сахару сегодня нет, это тоже, конечно, подействовало на самочувствие, время родов приближается, ем теперь хорошо, сплю прекрасно, чего же еще нужно для такой растительной жизни, которую я сейчас веду?

Юрий обещал в скором времени вторую корректуру сборника. Тогда уже должен будет принести мне мои листы, потому что все-таки хочу их прокорректировать.

Hélène хочет через неделю выбраться отсюда. Куда ей! Ведь она, помимо своей худобы и своего желудка, и зубы, и горла и проч., так слаба, что с трудом ходит взвешиваться. Но убеждена, что сама сумеет лечиться лучше. Говорит мне: «Так ты мне обязательно напиши, когда родишь, непременно приеду, как бы себя ни чувствовала». Пожалуй, не она ко мне приедет, а меня к ней привезут, в Salle Potain.

13 апреля 1929. Суббота

А к вечеру вчера по мелочам совершенно расстроилась и только расстроила Мамочку. Началось с того, что она не могла достать к кофе молока – это было первое огорчение. Потом сказала, что лампа над моей кроватью не *marche pas**. И переменят ее, конечно, очень не скоро – в умывальной вот уже, наверно, около двух недель как нет света. Правда, темнеет теперь поздно, но и свет-то тухат не раньше 9 ¹/₂, а читать так, как теперь, совершенно невозможно. Потом Мамочка опоздала, и я уже все глаза проглядела в окошко. И в заключение она хотела принести мне какую-то кофточку вышивать, а тут оказалось, что это дело расстраивается или откладывается.

* Не работает (*фр.*).

Так что делать мне совсем нечего. Это меня окончательно доконало, и я захныкала...

Плакать мне и сейчас хочется.

Сегодня Мамочка надела мне на палец кольцо свое с камнем. Цвета густой крови. И сказала на ухо: «Этот камень приносит счастье». А мне сейчас хочется плакать.

Темнеет, на дворе хмуро. Молока опять нет. Хочу мыть голову, надо нагреть воды, и нет второго кувшина, чтобы разогреть кофе. Темно, скучно и одиноко.

14 апреля 1929. Воскресенье

Кончился вчерашний день лучше, чем я думала. Прежде всего, достали молока, собрались несколько диабетичек на низенькой кровати и просудачили до самого кофе. Чувства одиночества уже не было. Мыла голову. В это время диабетичка 9 поправила лампочку, так как просто постучала по ней метлой. Загорелась, и стало весело. Вернулась из умывальной совсем веселая, даже дурила. Заснула скоро, но в 3 часа привезли больную, которая уже никому спать не дала – все время кричала. Положили ее на №16, рядом с моей соседкой, а уж кто там из них кричал – разобрать было трудно. У новой больной оказался диабет и – это я только сегодня узнала – гангрена. И взял меня ужас, что ее, как диабетичку, положат в наш ряд и, конечно, вдвинут с какой-нибудь стороны рядом со мной, или между мадам Лекок и мной, или на место Элен (ее перевели дальше на №6 – с радиатора). Эта возможность привела меня в такой ужас, что отняла последний сон. Больная так ужасно кричала, что чуть только я начинала засыпать, я просто вскакивала, а сердце стучало сильно-сильно. Решила сказать, что если ее положат рядом со мной, то у меня сделается выкидыш от страха. Тем более, что жить ей оставалось немного. Поздно и трудно проснулась, плохо спала и рано, в 5 1/2 проснулась. Смотрю, кровать №17 одетая. Говорят, в 3 часа умерла. А №16 – уже не кричит и не стонет. Подходили к ней доктора, и по их виду я поняла, что умрет она совсем скоро. И действительно, она умерла в начале приема. По видимому, эта смерть произвела тяжелое впечатление на Мамочку и никакого на меня.

Юрий принес мне ландыши от Дряхлова. Рассказывал про вчерашний, весьма неудачный вечер Союза и про вновь учрежденный кружок «Парнас», куда записалась и я, и где даже обо мне чуть ли не доклад собираются читать; разумеется, уже в моем присутствии. Инициатива Терапиано. Состав самый

разношерстный и ничем, кроме личных симпатий, объединен быть не может. Да и то с натяжкой. Как соединить Станюковича с Мандельштамом?

К концу приема пришел Андрей, принес левкоев. Левкой я оставила у себя, ландыши отослала Элен, мне теперь без нее скучно. По-прежнему убираю у нее на столике и после приема сажусь к ней с работой. Утром теперь мне помогает не Рене, а Жермэн. И это хуже. Уж очень она любит казаться знающей и понимающей и к тому же строгой и бесстрастной, и появился у нее в отношении других большой начальственный тон.

Прощаясь, Юрий спросил:

— Как ты назовешь девочку?

— Наташей.

— А я никак не могу сыну имя придумать. Не знаю, кем он будет.

— А я назову его Игорем, или Алексеем, Алешкой.

16 апреля 1929. Вторник

Вчера около четырех часов у меня была Каминская. Очень она милая. Прежде всего, нашла, что у меня прекрасный вид, что такой цветущей она меня никогда не видела. Потом сказала, что я переношу беременность гораздо лучше большинства здоровых женщин, и что это дает ей основание предполагать, что и роды у меня будут не тяжелые. Обещала тогда навестить. Обещала также достать что-нибудь для маленького. Хотела принести мне хоть цветов, но нигде не нашла. Говорила насчет искусственного питания, что это вещь очень простая, даже несколько не затруднительная. Очень милая она вообще.

Сегодня Ляббе не было, а вместо него приходил от всей свиты какой-то блондин, очень молодой, но с начальническим тоном и видом шефа. Ему все про меня рассказали. Он просмотрел режим и страшно удивился, что у меня нет мяса.

— Как? Обязательно нужно мясо. Белок необходим для формирования ребенка. Обязательно нужно давать мясо. Но для этого необходимо свести к нулю ее ацетоны. Увеличить прививку на $1\frac{1}{2}$ сантиметра.

Инсулина мне, конечно, не жалко, но все-таки я назвала его дураком. «Для формирования ребенка!» И когда же «свести к нулю»? Я думаю, что прежде нуля у меня будет ребенок. Ведь он может родиться и через 2 недели. А за это время они не успеют довести инсулин до такой дозы, чтобы уничтожить ацетоны. А принимать экстренно меры нет никакого смысла.

Ночь сегодня не спала. Не знаю почему. Потом даже голова разболелась. А одна старушка хрипела и перестала.

Сейчас привезли одну диабетичку – слепую и без движения, боюсь, что эту ночь никто спать не будет, если она не умрет, не приходя в сознание.

18 апреля 1929. Четверг

Вчера опять была в *Maternité*. На этот раз впечатление самое лучшее. Пошла рано, народу было очень мало, осматривала та же. Очень она милая, все говорила: «*Elle est à terme!*»^{*} И на вопрос: «Как дела?» – отвечала: «*Très bien. Parfait!*»^{**}. Сказала: прийти через 2 недели, если к этому времени я не приду туда совсем. Нашли немного белка. А сегодня утром я смотрела, и не было.

Утром прихожу к Элен за работой, и она мне говорит таким серьезным тоном, как она всегда:

– Да, я хотела тебе сказать, что, пожалуйста, поторопись, а то живот у тебя опускается и ты ничего не успеешь кончить, а я не сумею. Смотри, не уйдешь раньше меня.

Ужасно меня рассмешила своей серьезностью. Работы у нас, действительно, хватит на такое время. Папа-Коля принес чинить Мамочкины чулки, как я давно просила, а Мамочка сегодня обещала принести вышивать кофточку. А я, кроме того, хочу выучиться обязательно вязанью одному – у René, очень мне нравится. И вдруг меня охватила знакомая горячка – не успею!

Два дня стоит прекрасная погода, и мы ходили после приема гулять. Солнце размаривает, это громадное удовольствие и тоже сильно сокращает время. Сегодня 7 недель, как я здесь. До полных 9 месяцев осталось 3, и я теперь уже жду финала. Дай-то Бог.

26 апреля 1929. Пятница. Maternité

Ровно в полночь с прошлого четверга на пятницу начала терять воду (*perdre d'eau*^{***}, как по-русски говорят – не знаю). Страшно перепугалась, больше всего того, что ждала никак не раньше двух недель. «Ну, думаю, родится недоносок, ведь меньше 8 $\frac{1}{2}$ месяцев, все пропало!» Сказала сиделке. Та позвонила в *Maternité* и вызвала акушерку. Вода немного прекратилась,

^{*} Она на последнем сроке (скоро родит) (фр.).

^{**} Очень хорошо. Замечательно (фр.).

^{***} Отошли воды (фр.).

я лежала, не спала и тревожно думала. Акушерка посмотрела и сказала, что это еще: «Pas tout de suite»*, и пока я могу оставаться там. Вскоре опять пошла вода и шла всю ночь и все утро. Я только и делала, что переворачивала простыню, которую под меня подстелили. Наутро уже вся палата знала, все меня подбадривали и спрашивали, не начались ли боли. После 6 часов небольшая боль в пояснице, но быстро проходила. Я сидела и кончала Элен ее комбинезон. Приходила Франсей. Потом интерн, посмотрел, улыбнулся: «Dérêchez vous»**. Схватки учащались. И усиливались. Пришлось свернуть работу и раскачиваться, как китайский болванчик. Сначала хотела терпеть до приема, чтобы повидать наших. Но потом сама стала собираться. Наскоро поела кое-как, собрала самое необходимое, молоко и хлеб, масло, документы и прочее, и санитар отвел меня сюда. Опять осмотрела акушерка. Спрашиваю: «Скоро?» «Нет еще, — говорит, — но начинается».

Отвели меня в дортуар. Там — в маленький зал со столом посередине и сказали: «Marchez!»*** Начала ходить, но уже с остановками. Корежило.

В час пришел Юрий, а Папу-Колю не пустили и даже не дали помаяться. Подходил к окошку. Просила не волновать Мамочку, но все-таки он поехал к ней. А мы с Юриком ходили вокруг стола, и я уже перегибалась наполовину. Очень рада, что он был со мной в последний момент. Настроение было твердое, решила держаться как можно дольше и все убеждала себя, что это еще «ничего нет». Однако схватки становились уже все нестерпимее. В пятом часу приходит Франсей, спрашивает, что прислать к ужину.

— Rien!****

Куда уж там. Сиделка успокаивает: «Ничего, потерпите, ночью все кончится!»

Однако через полчаса я начала уже поскуливать. Ходила я до изнеможения, устала и невероятно хотела спать. Сяду, глаза уже закрыты, и вдруг опять эта страшная боль в пояснице и я уже стону громко и гнусь во все стороны. Около пяти меня позвали. А я чуть иду. Привели. Отвели в Salle du travail****. Спрашиваю: «Скоро?» «Скоро».

* Не сразу (фр.).

** Поторопитесь (фр.).

*** Ходите! (фр.).

**** Ничего (фр.).

***** Рабочий (родильный) зал (фр.).

Большой зал. Высокие кровати, в изголовье задернуты занавески. Тихо. Как я легла – на часах 5 $\frac{1}{2}$ – сразу начала кричать не громко, во время схваток, умеренно. Никто никакого внимания. Только одна из медсестер подошла и начала допрос: чем я в детстве болела, да когда начала ходить, да отчего умер мой брат. В промежутке между схватками, когда боль исчезала совершенно, я что-то отвечала. Очистили желудок. Потом говорят:

– Подождите кричать. Вам еще понадобятся силы.

– *Ma! Sa pousse**.

Посмотрели, столпились девочки, подложили судно – я сразу почувствовала себя твердо и уверенно – и говорят: «*Poussez!*»** Мне приходилось слышать, что роды происходят как-то сами собой. Наоборот, я принимала в них самое деятельное участие. Я напрягалась изо всех сил, и я чувствовала ребенка. В момент напряжения переставала даже кричать и вообще не успела раскричаться. Когда боль проходила, спрашивала:

– Ну что, хорошо?

– Хорошо.

– Скоро?

– Скоро. Еще две-три схватки и конец.

И чувствовала этот последний момент. Было такое сильное напряжение и физическое и нервное, что было уже не до крика, было какое-то и любопытство, и еще что-то, чего я не могу определить, но ощущение этого последнего момента непередаваемо.

Как только его подняли – серо-сине-желтый, как синяк, – я сразу вытянула шею. Но меня положили, вытянули, валяли и накрыли горячей простыней. А малютку унесли, тоже валяли, и завернули, и показали мне. Смешное, красное личико и, что меня особенно поразило, длинные, длинные волосы. Вот тебе и недоносок!

Минут через десять после рождения Игоря, у меня еще детское место не вышло, Мамочка и Папа-Коля справлялись в бюро обо мне. Было 6 $\frac{1}{2}$ часов. Вскоре мне принесли от них открытку. Я заснула. Приходила *me Vegau*, делала вспрыскивание и анализ на *légal*. Но было столько крови, что нельзя было хорошенько разглядеть. Дали сладкого молока. Пила жадно. Ничего не слышала, что кругом делалось. А рождались дети.

* *Мама! Рожая (фр.).*

** *Тужьтес! (фр.)*

Уже совсем вечером пришел доктор, посмотрел и вдруг что-то стал со мной делать, какие-то палки подняли в ногах кровати, ноги мои засунули в мешки и стали привязывать. Одна из молоденьких акушерок говорит:

– Не бойтесь. Вам сейчас будет немножко больно.

– Но что будут делать?

– Наложат швы.

Кажется, я тут же начала кричать. Больно было очень. У меня осталось впечатление, что чуть ли не сильнее родов. И потом долго скулила.

В 1 ч<асов> 40 м<инут> меня перевезли в комнату и положили в кровать. Подушки не дали, и я уже устала лежать на спине. В комнате 3 кровати. На одной из них та, что лежала рядом в *Salle du travail*. Тоже диабетичка. Только куда легче. Приятное ощущение теплоты и покоя. Натянуты нервы. Игорь далеко от меня, мне его не видно.

Да, вскоре после родов Юрий приходил в бюро справляться, и ему носили сына показывать.

Какое было у меня чувство к ребенку? Нет, тогда я еще не чувствовала, что он – мой, что он – часть меня.

И вот уже пришла сиделка.

28 апреля 1929. Воскресенье

Плохо (физически) я себя не чувствовала в первые дни. Правда, лежала очень спокойно, без движенья. И двигаться не могла до четверга, пока не сняли швы. До тех пор все саднило, и я была этой веревкой привязана к одному месту. Как ее обрезали, мне показалось, что я могу танцевать. А так все шло благополучно. Докторша каждый раз говорит: «*Très bien!*»*.

Режим я выдерживаю довольно точно. Все мне здесь дают по-старому, правда, с некоторой путаницей. Наделала я им хлопот. Моя соседка (их было трое в комнате, теперь – две) – тоже диабетичка, но ей приносят почти все из дому. Та, что ухаживает за матерями, – смешная и милая, другие – не совсем. В общем, паршиво.

Впрыскивают по-прежнему 4 см, приходят за анализом. Чуть не с первого дня. У меня пропали ацетоны, и время от времени – *tracé de sucre*. Впрочем, я знаю далеко не все результаты, связь с *Service 6* у меня слабая, переписывалась с

* Очень хорошо (фр.).

Hélène, а вчера она выписалась. Приходила Marcelle, еще две сиделки, Françoise. А теперь про меня совсем забыли там. И я в отчаянии: во вторник я уже могу идти домой, а что же мне теперь делать? Уехать без ведома Service 6 я не могу, и не могу два раза в день ездить на прививку, и не могу пока вернуться в Service <6> с маленьким. Сегодня никто даже за анализом не приходил. А завтра мне надо сказать Surveillante* – уйду ли я во вторник или могу еще остаться на день? После приема послала Юрия к Marcelle. А сама так ничего и не знаю.

С Игорем более-менее благополучно. Побелел, стал похож на человечка, длинные, мягкие, светлые волосенки, нос Юркин. Вообще, похож. Мученье было, когда я начала его кормить. Ни он не умеет, ни я, ничего не выходит, а он ревет, и я реву, а потом оба засыпаем. Ест же и до сих пор очень плохо, все спит, никак его не разбудишь, сосет мало, один раз взвешивали до и после еды, высосал 20 гр. Дают теперь добавку – 30 гр. молока. Пьет это молоко из стакана очень охотно и хорошо. Так что думаю вообще перевести его на искусственное питание, тем более, что мое молоко не совсем хорошее. Начал худеть, хотя опять сейчас поднимается. В четверг прививали оспу – не привилась. И самое страшное – делали анализ. Оказалось – ничего нет.

Комедия была, когда брали мочу его для анализа. Подставили пробирку и дали (ребенка – И.Н.) мне в кровать.

– Tenez comme ça!**

Пролежали мы с ним таким образом с 8 ми часов до 3 х. И – ничего. Вся клиника хохотала и щекотала его, ничего не помогало. И соседка держала его, и Мамочка, и сиделка. Наконец, она взяла его и положила в кроватку развернутого. Через минуту шепот:

– Une goutte...***

И еще через минуту:

– Ça y est****.

На свободе он сделал все, что от него добивались 7 часов! Здесь этого случая долго не забудут.

Спит спокойно, кричит мало, и мне даже иногда кажется, не заболел ли он.

* Дежурный администратор (фр.).

** Держите вот так! (фр.)

*** Капля (фр.).

**** Готово (фр.).

Вот и понедельник. Считаюсь «sortante»*, хотя совсем не уверена, что завтра буду дома. Во всяком случае, говорю, что уйду, ибо оставаться здесь мне нет никакой надобности. Как-нибудь должно же это выясниться сегодня.

Здесь все-таки плохо. Насколько хорошо в Service 6, настолько плохо здесь. Ну, это еще понятно и можно перетерпеть. Главное, небрежное отношение. Не говорю уже о том, что не добьешься зачастую стакана воды, забывают давать кормить, как было вчера. Уже принесли мне добавочное молоко, а ребенка не дали.

— Ох!

Иногда забывают переодевать. Надо напоминать. Молоко приносят то слишком горячим, то слишком холодным, а порой так поздно, когда он уже безнадежно спит. Тогда поить его мучаюсь. Приходится трясти и толкать, пока не заревет. Я уже не говорю об отношении к себе, это не так существенно.

Вечер.

Итак, завтра домой. Наверняка. Уже моя карта подписана, одежда принесена, я осмотрена, Игорь тоже. Игоревы манатки тоже принесены, все, кроме одеяльца, в которое его нужно запеленать, и моих туфель. Принесут утром. Боюсь, не вышло бы еще скандала на прощанье из-за одеяльца. Тут всего можно ждать.

У Игоря манаток мало, не знаю, как его и завернуть. Рубашечка с коротенькими рукавами, вязаная кофточка сзади расходится, одеяльце — еще не знаю, какое будет. Надежда Ивановна Капранова прислала косынку (нет, т.е. что-то вроде, можно свернуть). Чепчика нет, придется обмотать голову платочком, даже тряпочкой кисейной просто; вязаный чепчик тоненький и некрасивый, заверну как-нибудь в американское одеяло. И все это рядом с шелками и лентами моей соседки. Зависть? Да, конечно, зависть и при том очень эгоистическая. Ведь маленькому всей этой простыни не нужно, было бы тепло. А неприятно это мне, и, может быть, даже чуточку неловко сиделок, с какими улыбочками они будут завертывать в это одеяло моего Игоря.

Еще один вопрос мне неприятен: чаевые. Во-первых, нет у меня ничего, только две бумажки, так что всем, кому надо, дать не смогу; во-вторых, просто не знаю, как это делается.

* Выписывающаяся (фр.).

В Service 6 дело обстоит так: вчера Юрий говорил с Françoise*, та призналась, что обо мне немножко забыли. Все «ça va bien»*, вот и забыли, что надо и режим изменить, и прививку сбавить, и уходить мне отсюда надо. Говорит, что, конечно, с маленьким мне лежать нельзя. Так что, уж если уходить, так уходить домой. Какая-то нерешительность и неопределенность. Завтра, после всех формальностей выхода, пойду туда. Договориваться. Но только в такси вздохну облегченно. Два месяца!

От волнения у меня вчера даже поднялась температура 37,9. Я, не будь дура, стряхнула до 37,5. Это уже нормально. Нет, дудки, все равно — завтра ухажу.

Одно только мне во мне не нравится, на что никто не обратил внимания: у меня до сих пор, когда я в уборной, болит то место, где были швы.

7 мая 1929. Вторник

Дома.

Вот уже неделю — дома. И — что же?

С Юрием живем, как кошка с собакой. Ругаемся непрерывно. Первое, что меня неприятно поразило дома, — это глупая вражда его с Мамочкой. Они никогда ни в чем не могут согласиться и всегда противоречат. Сначала я заступалась за Юрия, потом махнула на него рукой и ругалась с ним из-за Мамочки. Он оказался пренесносным отцом. То, что трогало и радовало меня в госпитале, — здесь перешло всякие границы. Он никому не доверяет, все говорит, что все не так делается, что Игорь болен, что о нем мало заботятся. Если и не этими словами, так вроде. И кашляет он, и чихает, и пятнышко на нем, и почему его не перепеленали, когда он обмочился, и что надо позвать детского врача, и что мы с Мамочкой ничего не знаем, но делаем только промахи, мы его простудили и т.д. Сначала я пробовала отделяваться шуткой, потом начала истерически орать на него. Хороша идиллия! Ночами, когда Игорь кричит, он не спит, стоит над колыбелью, щупает его мокрый лоб, пьет валерьянку. Меня назвал не то бесчувственной, не то бессердечной, но только как-то здорово сказал. Обо мне вообще думает мало, только успел прочесть лекцию о том, что для матери должна вся жизнь быть в ребенке, и что хорошая мать ни о чем другом и думать не может, что нужно быть матерью, а не интеллигентничать (насчет Мамочки). Я с ним совсем и не говорю теперь, только реву непрерывно, когда остаюсь одна.

* Все хорошо (фр.).

Игоря с каждым днем люблю все больше и больше. Могла бы часами смотреть на него. Когда кормлю, то он, с жадностью трясая во все стороны головенкой, хватается грудью и начинает чавкать — я чувствую себя самым счастливым человеком. Уже сколько дней он хворает желудком, плохо ходит, кричит так отчаянно, как только дети могут кричать, разъело заднююжку, мучается, бедный. И я чувствую себя такой беспомощной, особенно, когда нет Мамочки и есть Юрий, который только подбавляет масла в огонь.

Иногда мне бывает его мучительно жалко. Но — и только. Все, что я думала в госпитале, все мои трогательные письма, в которых было много вложено и которые оставались без ответа, — все это напрасно, напрасно и тысячу раз напрасно!

14 мая 1929. Вторник

Юрия опять нашла — близкого, необходимого, родного. Живем дружно. Игорь кричит по ночам. Так жалко, что силы нет. Возьмешь на руки — вцепится губами в руку и сосет, и уже не кричит в это время, а лежит такой тихий, покорный и жалобный. Это уже совсем невыносимо, тогда я чувствую, что начинаю реветь сама. Сегодня была у д<окто>ра Власенко. Она нашла, что все хорошо, что пупочек нормальный, бояться нечего, а срыгивание у него нервное. Сказала, что надо его купать, гулять с ним и даже держать окно открытым. Расписала, как его кормить, между прочим, давать фруктовый суп. Будем воспитывать его по последнему слову науки.

Получает массу подарков. Всего ему не только не переносить, но, вероятно, и не переодеть. Хорошо прибывает в весе. Налаживается желудок. Эту ночь хорошо спал, а сейчас не спит и молчит. Глазенки раскрыты, руками размахивает, такой хорошенький! Скоро привезут коляску, будем ходить в Люксембург. Как я люблю моего Капельку! Даже когда он ночью так мучительно кричит, а взглянешь на него и подумаешь: «И откуда тебе такое счастье?»

Вышел сборник Союза. Издан плохо и много опечаток, только мои стихи, слава Богу, чистые. Все-таки довольно приятно. Получила сегодня письмо от Наташи Пашковской.

23 мая 1929. Четверг

С Игрушкой что-то неладное: за два дня, со вторника, сбавил 200 гр. Желудок работает прекрасно, сам такой чистенький, красноты больше нигде нет, так хорошо прибывал все

время – и вдруг! Боюсь, что он голоден. У меня совсем мало стало молока. Сегодня в 7 <часов> я уж не знаю, сколько капель он мог высосать, и до 10-ти кричал. Мамочка даже на службу не пошла, ждала меня. Все страшно нервничали – Папа-Коля, открывая бутылку *Sau de Vals**, поранил себе руку. Мамочка все торопила меня с кормежкой, словно попрекала, что я не дала ему есть.

– Ты напрасно думаешь, что ему не вредно так кричать.

Кончилось тем, что я совсем разревелась. После часу понесли взвешивать, и какой сюрприз. Сейчас он спит и, должно быть, опять кричать будет.

А тут еще столько забот. В отеле будет проводиться во все комнаты вода и после этого, конечно, страшно вздуют цены. Попов говорит, что за нашу комнату (где прежде жили наши) возьмут 800 фр<анков>. Ясно, что это невозможно, и надо что-то искать. А с ребенком это очень и очень трудно. И почему-то я должна об этом думать.

С деньгами совсем плохо. Прошлую субботу Юрий уже ничего не получил, на этой неделе тоже, наверно, аванс превзошел жалованье. Вчера же не на что было купить соли. Прячу деньги на Капельку – на воду и молоко (копила на Власенко, а сегодня пришлось разменять). Сама тоже, конечно, не пила его. Вот молоко и пропадает. Получила от Нины Павловны Прокофьевой коляску и теперь два часа сижу в Люксембурге на самом солнцепеке. Уже сильно загорела. Дни стоят жаркие, 26 гр<адусов> в тени. Мальчишку закрываю от солнца, и он все время спит. Только, по-моему, он ужасно похудел. А раздевать все-таки боюсь. Хотя в комнате, где он лежит без вязанки и завернутый в пеленку, всего 23 гр<адуса>. Но он менее всего принадлежит мне, я не могу с ним делать, что хочу, что считаю нужным. Опекунов у меня много!

4 июня 1929. Вторник

Не эта, а прошлая ночь была отчасти трагической, отчасти комической. Я давно ждала этого. Когда-нибудь надо же было начать, ведь для мужчины такое долгое воздержание, несомненно, вредно. Я этот вопрос всегда обходила, а Юрий говорил шутками, но за шутками этими было много горечи. Казалось, надо было начинать второй раз брачную жизнь – так я от всего этого отвыкла, и на этот раз я волновалась гораздо

* Название детского питания (фр.).

больше, у меня был страх, как у девушки. Сначала я вылезла из кровати, залезла на кресло и разрыдалась. Мне все казалось ужасным. И твердила себе: «Не могу», и была даже какая-то обида на Юрия, и жалко его страшно. Потом, после долгих слез и долгих разговоров победила жалость. Вот и все. А подробности – ну их! Хотя было много интересных слов. А мне хотелось безумно, до боли, до отчаяния только одного – спать.

Игорь с пятницы не прибавил ни одного грамма. Смесь я варю, должно быть, очень плохо, масло плавает на поверхности, когда, по-моему, оно должно настолько перекипачиваться, что жир пропадает. Надо кипятить его 5 минут, а я больше 4-х никогда не могу, – оно начинает подгорать. А с этого, должно быть, у него и болит живот. Иногда очень много срыгивает, ходит очень твердым, кричит. И главное – это вес! Написать что ли Власенко или уже подождать до пятницы?

Время нет совершенно. С тех пор, как он лежит незапеленутым, пеленки надо менять, по крайней мере, каждые полчаса. Сушить негде. Встаю в 5 ч<асов> 45 м<инут>, ложусь никак не раньше 11 ч<асов> 30 м<инут>. Ужасно хочу спать.

13 июня 1929. Четверг

Была у Власенко. У Игоря грыжа пупочная, необходимо делать операцию. Должно быть, наши беды никогда не кончатся. А так Власенко нашла его хорошим и здоровым.

Очень хочется его скорее крестить. А Юрий чего-то тянет, от разговоров уклоняется. Я пригласила Наташу, крестным, наверно, будет Андрей. Хотя мы так и не договорились на этот счет. Хотелось крестить в это воскресенье, да теперь уже, конечно, не выйдет. Юрий, кажется, хочет устраивать какие-то пиршества, а, по-моему, все это напрасно, особенно при нашем теперешнем финансовом положении. А крестины откладывать из-за этого тоже нечего.

А финансовое положение таково, что вчера уже взята вся получка за эту неделю.

Сегодня вечером должна прийти Наташа. Очень хочу ее видеть. Сегодня, после ругательной статьи Ходасевича в «Возрождении», появилась первая статья о Сборнике в «Новостях» – Мочульского; всех похвалил: я и на этот раз вылезла довольно благополучно, хотя ярлык Ахматовой закреплен уже окончательно. И с легкой руки Адамовича эпитет: «мечтательная». Это я-то мечтательная! Юрию на этот раз не повезло: «стихи» малохарактерны, так что и говорить о них не стоит.

Станюковичу посчастливилось, хоть одна строчка о нем, да есть. Хоть и не очень значительная. «Станюкович грамотно излагает свои мысли в корректных стихах».

Папа-Коля вчера видел Цетлина, и тот просил меня прислать стихи для «Современных записок». Обычно я посылаю ему их в конце декабря, в виде новогоднего подарка, и до сих пор он их отвергал. А теперь хочу задрать нос: «Меня просят дать стихи в «Совр<еменные> Зап<иски>». И надо это сделать обязательно. Уж не поместить их теперь ему будет неловко.

В отеле проводят воду. Рано утром приходят рабочие, я посылаю их к черту, но потом приходится самой идти с маленьким в бюро и терпеть, как они ломают спицы и паяют трубы. Совсем выбилась из колеи.

Прибавили мне инсулин до 2 ¹/₂, чтобы я могла продолжать кормить. Дела мои пошатнулись.

17 июня 1929. Понедельник. Jardin du Luxembourg

Вчера Юрий, прочтя мои последние стихи, назвал меня покорно пассивной. И утверждал, что я была такой всегда, даже в Севре, что если бы не его упорство в достижении своей цели, то мы бы никогда не соединились. Мне было очень больно от его слов. Это — я-то «пассивная», это я-то могла «просто расстаться», когда для достижения этой самой цели, или, вернее, ради одной любви и доверия к нему я чуть было совсем не порвала со своей семьей и поставила себя в такое положение, о котором я до сих пор не могу спокойно вспоминать. Он этого никогда не понимал и до сих пор не понимает. Я ему сказала только, что меня удивляют его слова, но ничего возражать ему не хотела. Мне не хотелось показать ему, что я расстроена, и пошла в эту комнату, несмотря на поздний час. Спросила, нет ли чая, и когда пошли за ним, сказала, что не хочу. Старалась говорить глупости и смеяться. Ушла и тоже стараюсь думать о постороннем. Мне очень не хотелось, чтобы он увидел мои слезы. Жизнь мне казалась капитально проигранной.

Вчера была в церкви, говорила с о. Спасским. В следующее воскресенье он уезжает, так что уговорились крестить через две недели. Юрий не принимает в этом никакого участия. Странно, у нас даже не выбран крестный.

Юрий вообще становится как-то чужим и очень мне его жалко. Вечером вчера сидели мы втроем, я, Мамочка и Папа-Коля около Игрушки, хорошо так о нем разговаривали. Приходит Юрий, и вдруг все замолчали. Как будто он совсем и не отец даже.

1 июля 1929. Понедельник

Были у Маршака. Он нашел, что сейчас делать операцию не стоит, «уж очень они сейчас хрупкие, я боюсь вам его испортить». Оперировать будут в 6–7 месяцев, «когда уж нет никакого риска», а пока прописал каучуковый бандаж. Страшно он мне понравился, интереснее мужчины я не видела. Спокойное и молодое лицо... Бандаж надели. Держит хорошо, хотя страшно стянут живот. Но Власенко говорит, что так и надо. Вообще она нашла его хорошим и здоровым и на его отчаянное срыгивание не обращает внимание, говорит: «Важно, чтобы не худел, а это пройдет».

Вчера в 5 часов крестили. На Daru. Все было, по-моему, хорошо и мило. Я была совсем на втором плане, и трепанная и неинтересная, да на меня и внимания-то мало обращали. Зато прелестна была Наташа. И хорошенькая, и веселая. Крестным был Андрей и Станюковичи, хотя он только рубашку держал и даже записан не был. Потом отвез нас на автомобиле. Игорь был очарователен, нарядный, хорошенький, и не кричал, и весь вечер был такой прелестный. Крестил о. Спасский, между свадьбами. И так торопился, что проглатывал слова, путался. Сам и дунул, и плюнул (наверно, для скорости), и в промежутках говорил по сторонам: «Приехал жених?» «Приехал». «Как?» «Можно его впустить?» «Да, впускайте... Во имя Отца и Сына...»

Еще бы не торопиться! Ведь граф Каменский венчался...

С Юрием живем все-таки не особенно хорошо. Был момент, когда после внезапно вспыхнувшей ссоры я уходила вон и возвращалась к кормлению. Были моменты полного равнодушия и безучастия друг к другу. А этой ночью такая острая и бешеная ненависть, соответствующая его страсти. Нельзя его обвинять, конечно, и стыдно самой, но я его задушить могла. А в результате, я, может быть, опять беременная. Хоть Юрий и говорит, что нет, но я ему не верю.

Бедный, бедный Юрий! Я знаю, что и он одинок, что ему, может быть, тяжелее меня. И как все это произошло незаметно, мы и не доглядели.

Словно безрассудное пари

Счастье мы жестоко проиграли.

19 июля 1929. (Пятница – И.Н.). 6 ч <асов> 30 <минут>

Вчера Юрий ушел на вечер стихов к Голенищевым-Кутузовым и до сих пор не вернулся.

8 ч <асов>.

Вернулся в 7 $\frac{1}{2}$. И как будто ничего, очень веселый.

— Ах, ты уже встала?

Ушел за молоком, а я села в кресло и как-то, по-бабьи, завывала.

Кутузов приехал из Сербии в четверг. Пробудет пока месяц, а потом, может быть, и год. Юрий голову потерял от радости. Каждый вечер пропадает и возвращается в 2 часа. Со всем я его не вижу, да как-то даже и не могу видеть. А может быть, это я сейчас со злости пишу. Вчера был вечер стихов, частный, помимо Союза. Пригласили меня. Но, во-первых, я не хочу, чтобы меня притягивали на веревках, а во-вторых, мне не в чем было выступать. Вообще теперь выходит как-то совсем естественно, что я никогда никуда не хожу. Никогда даже не принимаюсь в расчет.

Игорек растет, стал очень хорошенький мальчишка, улыбается совсем сознательно. Большая мне радость. Здоровенький, чистенький, хорошо прибывает в весе.

Мне даже за последние дни как будто немножко лучше: пропадает сахар (после полутора месяцев!), зато есть légal, и похудела в эту неделю на 700 гр. Чувствую себя скверно. Очень сильна бывает реакция, так что даже ем сахар. Боюсь, что я опять беременна. Больше всего боюсь за Мамочку и Папу-Колю: они не перенесут второй раз этого страха. Они оба состарились за мою беременность. Я даже не знала, что положение мое было так серьезно. А Юрий, кажется, совсем не волновался.

27 июля 1929. Суббота

...И чуть томит в уставшем теле кровь:

Моя последняя игра в любовь.

31 июля 1929. Среда

Как определить то странное, хотя и новое чувство, которое я испытываю? Я назвала — «игра в любовь». Пожалуй, это довольно точно. По Юриным рассказам я представляла его (И. Голенищева-Кутузова — И. Н.) совсем не таким. И что меня больше всего поразило в нем сразу и понравилось, что он совсем мальчишка. Да и, правда, ему всего 25 лет. Молодой. Ученый! Волчонок. А у него уже 3-летний сын. В ноябре он приезжает сюда с семьей на год. Сдает докторат. И уезжает в воскресенье.

Накрапывает мелкий дождь. Чувствую себя скверно: страшный вдруг упадок сил. Сегодня в госпитале все мне говорили, что очень похудела, что у меня усталый и нездоровый вид. А мне сейчас страшно и думать, что нужно еще идти домой. Вероятно – простая усталость.

Юрий начал мыть стекла. Устает, но хочет не бросать. Одно плохо, что вставать приходится в 6 часов. Зато будет рано кончать. Сейчас он после обеда работает еще, а это совсем уже непереносимо.

Игорь растет, смеется вслух. Меня знает и улыбается мне. А из-за этой улыбки стоит жить.

Я хочу спать. Господи, как я хочу спать!

1 августа 1929. Четверг

Каждый раз теперь, когда я вижу маленьких девочек, мне становится их жалко. Потому что теперь я знаю, с каким недоброжелательством, особенно отцами, встречается рождение девочек. Раньше я этого просто не замечала, не останавливалась на этом, а теперь знаю это по Maternité и по словам многих знакомых. В этом я вижу недостаток человеческого отношения и уважения к женщинам. Небось, сами липнут к женщинам почем зря, а как воспитывать, так нет, давай «человека». Женщинам это всегда должно быть обидно, и я рада, что не столкнулась с этим до Игоря.

14 августа 1929. Среда

Юрий пародировал:

Посылала в «Волю» и в «Записки»,
Слишком долго билась и ждала,
Плюнула и робкому мальчишке
Все стихи и прозу отдала.

Удачно!

А я додумалась до того, что была влюблена в Кутузова полтора дня. «Слишком долго билась и ждала!» дождалась его?

С Юрием почти не разговариваю. Не потому, что в ссоре, а так, сказать нечего. На днях договорились. Он сказал, что терпеть не может пустой болтовни: «Как вот вы с Марьей Владимировной: вы можете часами болтать ни о чем», а ему, вишь ты, умные разговоры нужны, все о высоком, да планетарном, а не «как Марья Петровна хвост пришила». Вот и молчим. Мне после этого разговора стало вообще неприятно с ним говорить,

теперь уже ни за что не расскажу ему, что видела в Люксембурге, или в госпитале, что было дорогой. А ведь с этой мелочью, с этой «пустой болтовней» утрачивается и близость. А говорить об умном – скучно. И слушать его лекции – тоже скучно. Особенно, когда начнет проповедовать мораль. Ему бы нужна была такая жена, как Зин<аида> Мих<айловна> Гофман. Встретиться бы ему с ней до меня. Вот бы сколько умных вещей повыдумали! И как женщина она оказалась бы темпераментнее меня. А ведь я давно, еще в Севре в одну из наших незабываемых ночей говорила, что я ему не по плечу. Не хотел слушать. А теперь начинает понимать, только гонит от себя эту мысль. Иногда я думаю, что б было, если бы не было Игоря? А может быть, все это так и должно быть, и никогда в браке не бывает настоящей близости и слияния.

29 августа 1929. Четверг

На той неделе Юрий лежал в госпитале. На работе упал с лестницы. Думали, что сломана нога, не мог ходить. Ничего страшного не оказалось. Отлежался, отдохнул и опять дома. На работу еще не ходит, поэтому сидим без гроша.

Были союзные деньги (присылали на сборник), и все растратили. Из-за этого ссоримся.

Пока Юрий был в госпитале – очень скучала, ночи не спала. А приехал – ругаемся. Так, должно быть, всегда бывает.

Игорь растет. Улыбается, смеется, обхватывает ручонками шею. Как возьмешь его, чувствуешь, что больше ничего и не надо. Сейчас спит.

Юрий обижается, когда я говорю, что его тянет за дверь. А разве не так? Вот поставил капусту, пошел в уборную и вот так – полтора часа, как его нет. Только и смотрит, как бы удрать. Предпочитает остаться голодным, только бы не дома!

Часто приходят поэты – Мандельштам, Терапиано. Начинается чтение стихов. Кто-нибудь из вежливости предложит другому прочесть, и польются стихи обильным потоком! Юрий не может не читать своих новых стихов. Он готов читать их хоть Игорю. Слушатели совершенно необходимы. Да так и все.

Он стал писать хорошие стихи.

...И третий сон: опять прозрачный вечер,
Голубизны небесной белый снег,
Сползающий в долину синий глетчер,
И восходящий к звездам человек.

Мне только не нравится «голубизны небесной белый снег» — я не люблю такой расстановки слов. Но две последние строчки лучше всего стихотворения! Да, пишет он хорошо, это правда. А я все хуже и хуже. Но не все его стихи мне нравятся. Храмы и каменщики надоели, я презрительно называю их «плотниками».

А у меня один мотив — усталость.
Но если б только отдохнуть,
Хотя бы на больничной койке.

5 сентября 1929. Четверг

Этот листок я нашла вчера на столе, вернувшись из Люксембурга. Ответ на мое вчерашнее: «Награда». Стоило больших усилий, чтобы сохранить самообладание и ничем не выдать боли. Но все-таки Юрий это понимает. И это доставляет ему удовольствие.

К чему была вся эта комедия со вставанием?

— Я плохо спал, я уснул в 4 часа, я не могу работать. У меня расшатаны нервы, мне надо принимать электрические души и т.д.

К чему эти постоянные напоминания о расшатанных нервах, бессонных ночах и т.д.?

Сегодня я полушутя-полусерьезно сказала:

— Жены нет. Одна нянька!

Он ответил грустной улыбкой. Меня колют его постоянные упреки в том, что «жены нет».

А уж если он таким стилем начал писать, чем все это кончится? К чему это приведет? Что же делать, наконец, что же делать?!

24 сентября 1929. Вторник

Давно я не трогала эту тетрадь. Много хотелось написать и о себе, и о дитенке, и об Юрии. Но каждый раз чье-то присутствие меня останавливает. Когда мы жили дружно, то мне хотелось писать об Игоре, записывать каждую мелочь, как он ночью сам нашел и засунул себе в рот соску, или ловит свои ноги, как «разговаривает», как капризничает. Но когда мы начинаем ссориться — мне хочется писать только об этом. Последний раз мы поссорились так, что, мне кажется, дальнейшая возможность ссор исключена совершенно — мы просто стали чужими. Иногда мы можем жить довольно мирно.

25 сентября 1929. Среда

Вчера меня Юрий перебил, а сегодня уже нет настроения. Дело в том, что хозяин очень много прибавил на комнату, и зимой мы будем платить большие деньги. Но что же делать? Ведь выехать некуда, а значит, выхода нет, а если хозяин еще на что-нибудь прибавит – и это проглотим. Конечно, надо квартиру, но не на зиму глядя ее искать.

И еще литературные неприятности. В «Новостях» уже сто лет лежат стихи. Я уже и смотреть перестала. И не жду больше. С «Совр<еменными> Зап<исками>» тоже беда. Когда Кутузов был в Париже, я была у Бунакова и дала ему стихи. А теперь получено письмо от Цетлина с просьбой дать одно из них для октябрьской книжки, а другое – для следующей. В этой книжке будут, по слухам, Ладинский и Поплавский, если еще пойдет Кутузов, мне, кажется, места не будет. И это очень обидно. Остается чикагский «Рассвет», там все напечатают, но что за радость – Америка! И уж теперь Кутузов нос задерет!

А пока, кажется, все-таки надо послать в «Рассвет», пока деньги есть.

28 сентября 1929. Суббота

Из отеля нас систематически выживают. Сначала прибавили 10 фр<анков> на воду, потом 10 <франков> – на отопление. Теперь – «нельзя стирать». А, может быть, на стирку еще прибавят. Одним словом – тупик.

С Юрием как будто ничего. Так-таки молчим. Да, может быть, оно так и лучше. Когда он как-то вечером прочел мне последние стихи:

– Я могу примириться с тоской,
С недалеким бесславным концом,
Даже с этим унылым лицом,
Даже с умным и чуждым тобой...

– я думала, что произошло что-то непоправимое. Лег спать молча.

– Почему же ты мне не сказал, что у тебя 3 новых стихотворения?

Попробовал отшутиться:

– Не следовало бы их читать на ночь!

– Все равно, когда-нибудь же надо.

До утра мы не произнесли ни слова.

Весь день у меня было ужасное состояние. Вечером встретились миролюбиво, без дутья и драматических поз, и были

друг к другу особенно внимательны и бережливы. Тщательно избегали таких слов, как «вчера» или «стихи». Как-то вышло, что я пошла с ним в типографию. Говорили о постороннем, и мало-помалу неловкое чувство рассеялось. Так и до сих пор совсем не ссоримся, стараемся быть внимательными и нежными, и иногда это удается. Слово «стихи» мы уже произносили много раз, но «твои стихи» – ни разу. Я не знаю, насколько это хорошо, такая «тактика замалчивания», но это легче, проще и менее болезненно.

29 сентября 1929. Воскресенье

Ссориться начали ночью. Началось из-за дитенка. Что-то такое было неладно. Опять обидные до слез шпильки, вроде того, что «все очень мило говорят – пальчиками подавился! Когда он болен», – опять этот преувеличенный спокойный тон, который делает меня бешеной.

Сейчас уже половина второго, а он все еще спит. Интересно, сколько он будет спать. А я уверена, что и время он знает, и спать ему не хочется, и просто хочет меня позлить. В таком случае, план выбран превосходно!

1 октября 1929. Вторник

Из всех слов, сказанных Юрием этой ужасной ночью, есть две правды: 1) что он не верит больше мне и моей случайной нежности; 2) если нас растащить в разные стороны, то все равно сбежимся. Не спали до 3-х. Утром глаза болят от слез, и анализ на légal ++.

3 октября 1929. Четверг

Достаточно мне было раскрыть сегодня газету (нарочно не торопилась), чтобы расстроиться на весь день. Первое, что мне бросилось в глаза, – подпись: Илья Голенищев-Кутузов. Первый раз прислал и совсем ведь недавно, а мои – сотрудника с 24-го года – лежат. Потом объявление «Современных Записок»: стихи Адамовича, Поплавского, Терапиано и Кутузова. Я пришла в эту комнату и заплакала. А Кутузов нажил себе врага. Воображаю Юрино торжество: «Видала? Кутузов-то! Вот молодец, Илья, пробился-таки!»

А у меня чувство, будто я оплеуху получила.

8 октября 1929. Вторник

Вчера мы читали друг другу записи из дневников – от 5 сентября. Юрий много не хочет понять и настойчиво упрекает

меня в грубом непонимании. Он пишет: «Половая жизнь с Ирой – моей собственной женой – этически невозможна». Я поправила – «физически».

Он упрекает меня в том, что я не могу жить половой жизнью, оговариваясь, что «никого в этом нельзя винить», но, все-таки настаивая на том, что я жестока, что я не понимаю, как это для него мучительно и вредно, что ему и доктор сказал и т.д. Он прочел мою запись от 5.IX и ничего не понял, начал мне объяснять, что значит «эта комедия со вставанием» и «бессонные ночи». Да, я это уже тысячу раз от него слышу. Я отлично знаю, что я всему виной, разве я не знаю, как это ему мучительно! Это – мой физический недостаток, и тем более жутко мне об этом говорить. Меня Мамочка давно к доктору посылает, и она права. Юрий отнесся с нехорошей иронией:

– Я не знаю, нужно ли было m<ada>m Голубковой идти к доктору или нет, знаю только, что они на этой почве разошлись...

А я вижу, как на моих глазах заколебалась даже Станюкович... На эту тему можно было бы очень много писать, что Юрий и делает, а я не могу. А вообще я не знаю, повлияла ли как-нибудь в хорошую сторону наша вчерашняя попытка быть опять откровенными? Пожалуй, все-таки – нет.

12 октября 1929. Суббота

Вчера опять вечером что-то долго и нехорошо ссорились. Из-за семьи, ответственности и т.д. Он говорил, что у нас, у Кноррингов, не было никакой семьи; и вся беда в том, что ни я, ни Мамочка не любили хозяйство (интеллигентщина, дескать). На это я ответила, что такая семья, как у нас, Софиевых, это – нет ничего хуже. Даже стихотворение начала писать на эту тему. А вечером, когда легли, он мне сказал, что ему очень стыдно и тяжело, что он стал страшно раздражительным, зачем-то меня злил и т.д. Тогда я его поцеловала, а стихотворение бросила, хотя все-таки и заплакала от прошлой обиды.

7 ноября 1929. Четверг

Прихожу вчера в госпиталь. Подхожу к m<ada>me Prat – она совсем плоха. Лежит неподвижно, глаза огромные и удивленные, застывший взгляд. Берет меня за руку. Говорит медленным, сдавленным голосом.

– Посмотрите на меня. Может быть, завтра вы меня уже не увидите. – И этот страшный, как будто пронизывающий

взгляд. Что-то бормочу, замолкаю, смотрю молча. Держит мою руку. Не пускает. Чувствую, что нельзя так вот, просто отойти от нее. Надо что-то сделать, что сказать – не знаю.

– Comme le bébé? Пара, тамап...*

И смотрит пристально и серьезно-серьезно. Удивительно смотрит. Начинаю что-то бормотать:

– Не нужно так говорить, надо надеяться.

Чувствую, что говорю ерунду, прощаясь, говорю коротко: «Au revoir»**.

Иду по улице, нарочно пешком. Поправляю правой рукой волосы и вдруг, словно сердце упало: на руке остался запах ее одеколона, того самого, что я ей не так давно покупала. И опять стало смутно и тяжело.

Шла и знала, была совершенно уверена, что у нас – Терапиано. И захотелось ему обо всем этом рассказать. Действительно, он был у нас. Только я ничего не рассказала.

Сегодня мне тяжело идти в госпиталь. Нарочно не пошла утром и поймала себя на нехорошей мысли, что не хочу ее больше видеть. Не подойти к ней нельзя, а подойти и говорить – это же мучительно.

В понедельник умерла m<ada>me Lacoure, не моя бывшая соседка – Margueritte Lacourt, а та диабетичка, что ждала ребенка. В воскресенье у нее были роды, что-то раньше 8-ми месяцев, она была без сознания и, не приходя в себя, через сутки умерла. Мальчик жив. Это большая трагедия. Такая молодая, такая красивая, и умерла только потому, что ей хотелось иметь ребенка.

Игорь был долго болен. Сильный бронхит. Теперь поправляется. Вчера уже много купали, а сегодня полчаса сидела с ним в Люксембурге. Страшно растет. Кричит «ма..ма..ма» совершенно отчетливо и «мя...мя». А когда очень уж грустно: «ня-ня!» Страшно ласковый. Наклонишься к нему, протянет к тебе руки и начинает по лицу гладить. И так улыбается хорошо.

20 ноября 1929. Среда

Если бы я аккуратно вела весь дневник, мне бы пришлось записывать одни наши ссоры и неприятности. Неприятности и болезни. Опять у Игоренка грипп. Вчера была у Власенко. Успокоила. Вообще нашла его очень хорошим, сказала бандаж больше не носить и надеется, что он скоро поправится. Температура у него большая – 38, а самочувствие, по-видимому,

* Как ребенок? Папа, мама... (фр.)

** До свидания (фр.).

хорошее – смеется, прыгает. На этой неделе вылез из кровати: я пошла в молочную, подхожу к дому – слышу рев. Бегу, рев смолкает, открываю дверь – и похолодела: висит мой Игорь на руках – зацепился за прутья, а ноги на полу. Испугалась, что опять что-нибудь поломал или вывихнул. Вытащила – смеется, прыгает.

Я сама больна. Вот уже несколько дней, как у меня часа в четыре разбаливается зуб, вернее не зуб, а вся левая часть головы. Вечерами начинает знобить, немножко поднимается температура, скверное состояние, слабость. Ночью, часа в 3, бывает 38, потом падает. Утром я встаю совершенно здоровой. Пила аспирин, сегодня приняла хину.

Вчера, перед тем, как ехать к Власенко, Юрий страшно поругался с Мамочкой, наговорил ей таких вещей, за которые можно по физиономии бить, вроде того, что «мне совершенно наплевать на то, что вы думаете». Мамочка ушла к себе в комнату и страшно расстроилась, хотя старалась даже мне этого не показывать. Я как-то растерялась и не нашла сразу, что ответить, а потом вовсе старалась с ним не говорить, – он был мне просто противен.

Еще раньше мы с ним поругались из-за того, что я повезла мальчишку причащать.

– Это безумие. Это наверняка простудить. Из-за какой-то вашей прихоти, без моего ведома! – и был со мной груб, как никогда еще. Мне приятно, что мою сторону взял Б.А. Но ругань продолжалась еще всю неделю, как только об этом заходила речь.

Раньше меня огорчало и обижало, когда он по вечерам уходил. Теперь – я даже бываю рада. Больше всего его люблю по ночам, когда он спит, тогда еще поднимаются со дна какие-то хорошие, теплые, прежние чувства.

28 ноября 1929. Четверг

Написала число, и вскипели воспоминания.

«Тогда» – три года назад, было воскресенье. Погода была такая же. Тогда с этого самого дня начался самый счастливый период моей жизни. Теперь приходится многое вспомнить, многое передумать. Одно скажу: я знала настоящее счастье и была действительно счастлива. Юрий, конечно, не вспоминает этот день, а напоминать ему теперь неуместно, да и к чему. Ведь это все-таки чуть-чуть сентиментально, а никаких «сантиментов» теперь быть не может.

На коленях у меня Игорешка – мешает писать.

30 ноября 1929. Суббота

Мамочка взяла Игорешку к себе, я отдыхала. Потом стала варить смесь у нас. Неожиданно открывается дверь и входит Юрий. Я не ждала его раньше 6-ти и даже не успела спрятать письмо Власенки. Первые его слова были: «Опять мальчишка там, а дверь не закрыта!» Я сразу обозлилась. А он садится на корзину и сразу отыскивает письмо. «А это что такое?» Молчу.

— Ну, вот видишь. Я говорю, что надо давать пить. И потом — «серьезно болен», и опять таскаешь его в ту комнату, какая прихоть!

— Не прихоть, а помощь мне.

— Ну, этого я еще не знаю, какая помощь...

— Свинья ты!

Началась перепалка.

— Чего ты злишься, ведь я же не о тебе говорю.

— Это все равно.

— Нет, Ира, это совсем не все равно.

— Нет, это все равно!

— Если бы было все равно, я бы столько не терпел...

— Ты терпишь! Ведешь себя по-свински, да еще «терпишь».

Потом он выпалил, что «очень доволен созданным положением», и тогда я его оборвала:

— Только имей в виду, что положение это углубляется. Как бы тебе не пришлось пожалеть об этом!

После мы не произнесли ни одного слова. Он вскоре ушел к Станюковичам, я думала, до собрания уже не вернется. Вернулся, принес еду. Я была в той комнате, пока он не ушел.

Никого даже не жалко, ни его, ни себя. Одно только ужасно — всеподавляющее чувство какого-то последнего одиночества. То, что я боялась больше всего на свете.

1 декабря 1929. Воскресенье

Юрий вернулся в 6 утра. Т.е. вернулся-то раньше: вставая ночью часа в 2 к Игорю, я увидела на стуле два портфеля, один с делами Союза, другой, как мне показалось, Кутузова. Я поняла, что Юрий цел и невредим и, может быть, даже не один, и заснула. Он пришел в 6, когда я кормила Игорешку. Оба не произнесли ни слова.

С утра перетащила коляску в ту комнату, и целый день Игорь был там. Я тоже. С утра состояние бодрое, по крайней мере, наружно. Потом со всей четкостью и остротой встал вопрос:

«Что же дальше?» Днем было некуда себя девать. Юрий встал поздно, не разговаривали. Но моментами было его нестерпимо жаль. Особенно раз: приходила Наташа, мы с ней ходили гулять, потом я возвратилась, а она еще поднимается по лестнице.

– А где Наташа?

– Идет.

И стал поспешно надевать пиджак. А Наташа прошла прямо в ту комнату, и я ее не повела к себе. Там закусывали и пили чай. Зачем-то пришла сюда – Юрий сидит и читает. Мне стало мучительно не по себе.

Вот и сейчас – реву уже из-за одной только жалости к нему. Нарочно пью крепкий кофе, чтобы разогнать сон. Знаю, что он вернется поздно, может быть, опять под утро, и знаю, что не лягу до ночи. А вот – зачем – не знаю. Едва ли возможны теперь какие-нибудь разговоры.

9 декабря 1929. Понедельник

Единственное место, где я еще могу встретить Терапиано, – La Volée, но меня туда не тянет. Значит, и эта последняя возможность отпадает. Виноват больше всего Виктор. Озорство, месть – не знаю. Юрия тоже не оправдываю. Юрий передавал такой диалог:

Юрий: Виктор, ты знаешь, как это называется?

Виктор: На востоке это называется фанатическая преданность идее, а на западе, может быть, подлость.

Очень некрасивая шутка, и совсем не понимаю, зачем нужно было всю эту кашу заваривать. Конечно, с моральной стороны они правы, и Ю.К. сам попал в глупое и смешное положение, но все-таки это вышло нехорошо. Жаль, что я не была на том собрании, – лишний голос за Смоленского в казначей, Терапиано не отказался бы от председательства, и все было бы хорошо. На дела Союза мне, в конце концов, наплевать, мне важно сохранить хорошие отношения между двумя Юриями. А теперь они нарушены.

17 декабря 1929. Вторник

А с Юрием мы, должно быть, все-таки разойдемся. Вот написала и совсем не страшно и даже как-то смешно. А несколько часов назад эта мысль вспыхнула со всей очевидностью. Наши последние такие хорошие дни внезапно кончались оранием и чуть ли не топанием ног и т.д. Из-за чего все произошло, даже писать не стоит: глупость. Кажется, из-за того, что я носила Игоря в ту комнату.

– Нашли игрушку! Я имею на него больше прав и требую! Студите ребенка! – и все в этом духе, и на мой ответ:

– Это я узнаю, это мне очень знакомо!

Портим мы друг другу крови много. А все-таки терпим. Я все это ужасное положение переношу, потому что я его люблю. А порой кажется, что не нужно терпеть, все равно ничего хорошего не будет, и прежних отношений не может быть. Да и какая может быть нежность к человеку, который на меня кричит или на которого я кричу – это все равно.

Юрий хвастается, что у него философский склад ума, склонный к обобщениям, и что он из всего делает выводы. А вот из создавшегося положения он вывод сделать боится. Я верю, что и он меня любит, но не верю, что мы можем удержать наше пошатнувшееся здание.

Я сегодня была спокойна, даже не плакала, даже не возвышала голоса. Я спокойна и сейчас. Уже все мне кажется смешной глупостью. Я опять накануне пассивной идеи: «перемелется – мука будет». Я сумею быть активной, когда это нужно будет. А пока – ни одного жеста, ни одного слова. Мне просто тяжело это.

19 декабря 1929. Четверг

Ничего – помирились.

28 декабря 1929. Суббота

Послала вчера в «Посл<едние> Нов<ости>»: «Не нужно слов, один лишь голос», и Юрий сделался мне как-то ближе.

29 декабря 1929. Воскресенье

Стихи уже напечатаны. Прямо обалдела – от такой скорости. Юрий и Илья сочинили экспромт:

Никакой ты итальянец,
И романтика к чему?
Просто ты ведь Тер-Апынец
И невежда по уму.

Юрий очень любит выставлять его (Терапиано – И.К.) в смешном виде. А Кутузов говорит:

– Ведь этот его доклад о сборнике на том вечере – три четверти от тебя, Юрий, и четверть – от меня.

Мне хотелось напомнить, что и его доклад тоже на $\frac{3}{4}$ от Юрия и $\frac{1}{4}$ от Терапиано.

О, люди!

30 декабря 1929. Понедельник

Вчера днем Юрий работал. Я одна. Стук в дверь – Ю.К.

– Юрия Борисовича нет?

– Нет, но он должен скоро прийти.

Разделся, стал ждать. Нужна была ему печать, чтобы сдать объявление в газеты о сегодняшнем вечере Раевского. Печать я ему достала, а его задерживала. Говорили о том, о сем. Перешли на стихи. Заговорили о моих стихах.

– А вы сегодня читали?

– Я не видел сегодня газеты. А у вас есть?

– Сейчас принесу.

Прочел. Внимательно прочел.

– Вам которое больше нравится, Ирина Николаевна?

– Мне? Второе.

– А мне первое. – И сейчас же прочел его вслух.

Ладно!

Вечером зажигали елку. Пришла Наташа, приехал Андрей. Мне было не по себе – это был момент, когда семейная распря выявилась особенно резко. Зажгли елку. Юрий наливает вино и вдруг тихонько говорит мне:

– Надо позвать наших.

Я молчу.

– Ируня, пойді позови.

– Позови ты.

И он пошел. А через несколько минут все трое пришли сюда. Слава Богу!

4 января 1930. Суббота. 6 утра

...Юрий бы поверил, в конце концов, что у меня не бывает никакого полового возбуждения, но зачем это ему говорить? Я ничего не ответила.

28 января 1930. Среда

На днях просматривала свои старые тетрадки, не заплесневели они в корзине – и стало жалко, что не пишу теперь. Все-таки – интересно. Ведь для автора и жизнь восстанавливается во всех деталях, и главное – сам автор.

Времени у меня нет. Когда Игорешка научился вставать, он ни минуты не полежит и не посидит спокойно – сейчас же вскакивает. А вывалиться он может очень просто. Я делаю так: сажаю его в коляску и привязываю или подвигаю его кроватку вплотную боком к нашей, а с другого бока придвигаю коляску. Беда еще, что мало спит. Днем совсем почти не спит, а вечером

засыпает около 12-ти. А вчера так сидела с ним почти до часу. Устала и изнервничалась. Еще Юрий разозлил: пошел «на минутку» к Кутузову, а вернулся в половине первого. Потом вечные жалобы на недосыпание.

Была на днях у Кутузовых. Они теперь живут на *sagefour*^{*}, на 6-м этаже. Позавидовала чистоте и порядку. Комнатушка крохотная, а лишних вещей нет, и все на своем месте, и даже уютно. Меня угнетает наш свинушник, но нет ни энергии, ни силы, ни времени, чтобы его преобразовать в жилое помещение. Главное – книги, мои враги. Мне физически больно за них, я уж стараюсь и не думать, и не трогать. Я хочу только спать, я никак не могу выспаться.

29 января 1930. Среда

Вечер.

Осталась одна, совсем одна – и вдруг охватило отчаяние. Как-то все нехорошо.

Была на консультации, не у Ляббе, он теперь не принимает почему-то, а у того, что меня принимал в декабре, не то *Carret*, не то что-то в этом роде. Внимательный и симпатичный. Сказал: – *Voilà une diabète grave*^{**}.

Увеличил прививку до $7\frac{1}{2}$. Меня это огорчило больше всего из-за материальных соображений: когда я прошлый раз пришла за месячной порцией инсулина, *surveillante* спросила, не буду ли я платить? Сказала: «На этот раз я вам дам, а там скажу, что дальше делать». Вот теперь еще и объясняй ей, что мне надо не 15 ампул, а больше! Только это меня и беспокоит. Такие слова, как *grave*^{***} меня больше не беспокоят. Слова! – ну, а слабость? а боль в коленях? и в пояснице? бессонница? И это последнее, предельное «нет сил?!» Нет сил нагнуться и вылить Игорев тазик! А Юрий ругается.

С досады и огорчения выпила полбутылки пива.

«Посл<едние> Нов<ости>» стихов не печатают, а деньги нужны. Нужны для того, чтобы купить пояс-упряжку, а то он (Игорь – *И.Н.*) вываливается из кровати и из коляски. Я его веревкой привязываю. И туфли у него все прохудились, пальцы наружу. Вот, если бы завтра напечатали оба, может быть, и хватило бы. Кроме того, это и литературно неприятно. А уж, конечно, ни от каких Цетлиных не только приглашений, но и «признания» не жду, да и не только от тузов, но и от господ

^{*} Перекресток (*фр.*).

^{**} Вот серьезная диабетичка (*фр.*).

^{***} Важный, серьезный (*фр.*).

молодых поэтов. Меня каждый раз немножко обижает, когда Кутузов говорит, чтобы Юрий послал стихи туда-то и туда-то, что ему надо напомнить о себе, что ему надо пойти к кому-то познакомиться с тем-то, что через Ремизова можно попасть туда-то и т.д. А я! А мне?

Об Ирине Кнорринг говорят очень сдержанно, скорее хорошо, чем плохо, но очень, очень мало, как-то почтительно замалчивают. Ну, да что ж! Хотя бы печатали!

Иногда во сне вижу Терапиано. Сны эти бывают обычно очень тяжелые, очень неприятные.

Недавно выступала в Союзе, в первый раз в жизни волновалась: провалилась или выиграла. Успех был большой, м<ожет> б<ыть>, наибольший. Жаль, что не было Кутузова.

Стихи о скуке (так себе, пустяк!)

О ветре, о разлуке, об утрате...

Папа-Коля уволен из Тургеневки – «лишняя должность». Не надо только смотреть (не дописано – И.Н.).

Каждый раз, как гуляю с Игорем по <avenue> Observatoire, прохожу мимо Maternité. Узнаю это здание, вспоминаю счастливейший день моей жизни и говорю: «Это дом счастья». Сегодня у ворот толпа, стоит большой автомобиль, и в нем высокий, завернутый в белое – гроб. Вспоминаю m<ada>me Lacoure.

8 февраля 1930. Суббота

В конце концов, издаю сборник стихов. Вчера Юрий сделал из толстой коробки копилку и запечатал сургучем. И бросили в него – три франка. К 1 ноября нужно набрать 900 <франков>.

11 февраля 1930. Вторник

Две недели тому назад (а может быть – три) ко мне прибегает Лиля и рассказывает, как она поссорилась с матерью, ночью ушла из дому и не возвратится. А в заключение:

– Иринка, нет ли у вас 5-ти франков?

Я сказала, что нет. У меня была отложена пятерка в фонд Игорева фотографии.

– Ах, какая досада! Я бы вам сегодня же вернула. Я в обед возьму у знакомого, я с ним встречу в ресторане, так бы я села в ресторан – ждала его, он бы заплатил, я совсем без денег и боюсь – вдруг с ним что-нибудь случится, и он не придет?.. Вы бы не могли где-нибудь достать? Только до вечера...

Мне стало обидно. Я вышла из комнаты и принесла ей мою пятерку, сказав, что заняла у соседки.

– Вот спасибо. Я сегодня же верну.

Лиля осталась Лилей, только хуже.

У Игоря прививается оспа. Поэтому он совсем хворый – даже с высокой температурой.

12 февраля 1930. Среда

Вчера я страшно переволновалась. Да и было с чего. Юрий должен был вернуться не позже 1 ч<аса>, а его все нет и нет. Ездить по Парижу на велосипеде, с лестницей на спине, а еще – с испорченным тормозом – не так безопасно. Я просто места себе не находила. Папа-Коля даже в Тургеневку не пошел. К 5-ти часам я уже выла и в половине 6-го пошла звонить по телефону, так поздно он никогда не возвращался. Сказали, что он недавно ушел, на обратном пути я его встретила.

Недавно, в субботу, был вечер Союза. Опять читала и опять имела большой успех. Кажется, это задело Кутузова. Он читал отрывки из своего – им хваленого – «Марко Королевича» и успеха не имел, чем очень обижен. Читал он с длинным предисловием о том, что такое – «представленное» им «действие», что это опера, должна где-то идти в переводе на польский язык, что написана она короткими сценами: «как Борис Годунов» и т.д. Все это только располагало к неудаче.

Кутузов начинает меня не на шутку раздражать. Мы уговорились, что он за мной зайдет (Юрий – в РДО) и мы пойдем к 9-ти <часам>. Без 10-ти 8 я плюнула и пошла одна. Через полчаса является он.

– А я вас ждала, Илья Николаевич!

И – ничего. А потом я узнала, что он совсем не заходил. Но больше всего меня злит, что он даже не чувствует неловкости. Не зашел, ну, и что же такое! А его отношение к делам Союза! Выбран товарищем председателя и? Когда Юрий просил его открыть в Volée собрание, опоздал на полтора часа, забыл дать в газету объявление, просто не пришел на собрание. Сейчас говорит, что «едва ли придет» на требование ревизионной комиссии. И главное – ну так что же?! – забыл и забыл, не пришел и не пришел! Это характеризует человека.

19 марта 1930. Среда

Странно так писать дневник, как будто стала совсем чужой сама себе. А писать нет ни времени, ни места.

Самое интересное – Игорь. Сегодня ему 11 месяцев. Не он один, а нечто большее занимает мою жизнь. Но писать о нем как-то не хочется. Но и хочется – писать, дышать, чувствовать его, а писать трудно. Говорить о нем могу без конца, а писать почему-то не могу. Странно. Должно быть, потому, что вообще мало пишу. А все-таки это странно. А писать хочется о Союзе, о том, что в субботу меня, может быть, выберут в секретари, и что этого хочу для того, чтобы ругаться с Кутузовым; о том, что я теперь открыто и резко выступаю против политики Терапиано. А сейчас написала Демидову письмо с просьбой напечатать «Творчество», написанное с посвящением Юрию Софиеву и Юрию Терапиано. И ведь письмо-то – исключительно из-за посвящения, он опять мне делается ближе.

Физически я просто устала, невыносимо устала. А нравственно, я чувствую, что мне нужна защита.

21 мая 1930. Среда

Ничего-то я не записала, даже приезд Нины. Ведь месяца полтора назад приезжали Нина с мужем. Сейчас они в Дании и скоро возвращаются в Иркутск. У Гуннара трехмесячный отпуск. И вот Нинка приехала... 10 дней пробыли они, осматривали Париж, – Нинка вялая, скучная, ничем-то ее не удивишь, ничем не изумишь. Как будто все заранее знает и от всего устала. Гуннар, напротив, радуется всему как ребенок: «Нина, Нина, впечатляйся!» Говорит по-русски хорошо, хотя с сильным акцентом и неправильно. Ни о чем-то и не поговорили; все больше Нина рассказывала, а уехала, как будто последняя связь с Россией порвалась. Еще пока она в Дании, все хочется что-то написать, что-то передать «туда», а всего-то только одно коротенькое письмо и написала. Нина пишет больше. Письма хорошие, видно по ним, что и сама-то она хорошая. Больная только. Астма одолела ее вконец. Может быть, астма и есть причина ее усталости? Ведь и следа в ней не осталось от прежней маленькой, живой Нюси.

Игорь растет, становится капризным. Разучился «проситься» и доводит меня иной раз до того, что я начинаю истерически кричать на него, ничего хорошего, конечно, не получается. До сих пор не ходит. За коляской ходит хоть по всему Люксембургу один; а так, чтобы не держаться – нет, боится, садится или ползет на четвереньках. А вот опять лужа.

Работа в Союзе не удовлетворяет, да и не может удовлетворить. Ни разу не поругались с Кутузовым, не проявила ни разу

инициативы... Делаю маленькую черную работу и все-таки делаю больше других. Недавно вышел сборник – 8 опечаток, из них 7 по моей вине, так как, кроме меня, никто в корректуру не заглядывал, как я ни просила. Свинство. Стихов почти совсем не пишу. Нигде не выступаю (в роли «критика»), хотя часто бывает что сказать. Да все как-то не решаюсь, боюсь, что покажется слишком наивно и пустовато.

Терапиано травят со всех сторон и, м<ожет> б<ыть>, справедливо, а мне его очень жаль. В нем больше недостатков, чем достоинств, вернее – я могу перечислить десятки недостатков, да каких: честолюбие, властолюбие, великолюбие, эгоизм, актерство и пр<очее>, и ни одного достоинства, но «что-то» просто...

– И чем темней, тем трогательней ты...

А наши трогательны, в своем озлоблении, в своей тине, хотя бы. Одно только: видеть мне его (Терапиано– И.Н.) хочется нестерпимо иной раз, хотя бы и во сне.

А Лиля говорит, что она беременна и уже не скрывает это, а еще говорят (откуда уж это-то могли узнать?!), что у нее триппер. Мне ее страшно жаль – не за беременность или даже триппер, а за то, что те самые, которые к ней как будто бы хорошо относились – в РДО, в публичном месте – с таким смаком говорят о ней. А причина – оскорбленное самолюбие: «Почему тот, а не я?!»

28 мая 1930. Среда

Купили аппарат и теперь «обанкрочиваемся». Все время снимаем, проявляем, печатаем. У меня выходит почему-то плохо, у Юрия хорошо. Снимала Игоря, послала несколько карточек Нине, чтобы она переслала кому-нибудь в Россию.

Игорь начал ходить. Случилось это так: в понедельник, после обеда, повезли его в Люксембург снимать. Отвязала его от стула, посадила – он сел. Так я его и сняла. Перевела пленку, смотрю, а он идет. Идет себе по-настоящему, ноги высоко поднимает, руками размахивает! Я тут его опять сняла, только плохо вышло. В первый же день расквасил себе нос, да как! Кровь шла, потом нос распух, во всю пуговку синяк и громадная ссадина.

Я сейчас больше всего хочу спать.

11 июня 1930. Среда

Не то усталость, не то просто грустно.

Юрия приглашают в «Числа». «Сосредоточенно-серьезного Софиева» протезирует Адамович. Юрия правдами и неправдами сманивают на «Перекресток» (а меня уж — из чувства неловкости), Юрия называют «самым талантливым из молодых» и т.д. Казалось, могла бы гордиться своим замечательным Софиевым, а мне вот оно портит настроение. Меня не только загоняют на задний план, — я сама себя замалчиваю, ухожу из строя. Юрий этого не замечает. Юрий сейчас слишком занят собой, слишком «польщен». Кнорринг вышла из моды, Кнорринг заменяется даже Червинской, при всей моей относительной скромности не могу не сгримасничать. В стихах Червинской я не нахожу ничего.

В Volée обстановка создается поганая. Атмосфера «дружеской критики». Раньше, когда Volée посещали т<ак> наз<ываемые> «мэтры» и ругали всех, трудно было услышать хоть одно сочувственное слово, уж всегда находили какой-нибудь недостаток и копались в нем. И руготня была ожесточенная, грызлись как собаки. Теперь — другая крайность. Собирается одна «молодежь», друг друга знающая очень близко; и какая-либо отрицательная критика считается чем-то неприличным. Зато слова: «прекрасно», «великолепно», «я восхищен», «я не умею выразить свой восторг» — так и сыпятся. Сколько раз мне хотелось выступить наперекор всем, да как-то все решимости не хватает. А жаль! Уж если бы и наговорила глупостей, так не больше, чем все остальные. Сама я там никогда не читаю. Я считаю, что я все-таки достигла какого-то «положения», которое избавляет меня от обязательного чтения в La Volée. Известный снобизм, конечно.

А теперь спать, как не досадно на это тратить время. Молоть кофе и спать.

14 июня 1930. Суббота

Объявили войну «Перекрестку». Сборник их вышел, и мало того, что просто обокрали Союз, взяли лучшие силы и теперь откровенно создают организацию, конкурирующую с Союзом. В четверг Юрий приносит «Возрождение» страшно возмущенный.

— Смотри!

Читаю в хронике: «Перекресток». «В субботу, в 14 ч<асов> на 79, rue Denfert-Rochereau вечер, доклад Маковского о молодых поэтах, во 2-м отделении чтение стихов». А на эту субботу помещение принадлежит Союзу. Мы только решили не

устраивать литературного вечера, так как в этот день в Сорбонне «День русской культуры». Но от помещения, к счастью, не отказывались, и официально ничего не было известно, а Кутузов был невидим всю неделю. Это уже было подло. Юрий вечером смотался к Виктору и пришел с готовым решением – сорвать вечер!

Наутро я посылаю рпеу в редакцию, датированные, на всякий случай, четвергом: «В субботу на 79, rue Denfert-Rochereau состоится чрезвычайное совещание...» Я сочиняю протокол заседания правления в среду – о необходимости использовать помещение для совещания по поводу издания юбилейного Сборника, о взаимоотношении с «Перекрестком». После работы Юрий едет на велосипеде в типографию узнавать условия, на каких можно издать сборник, оттуда к Кутузову, встречается его на улице, ругательски ругает; обещает устроить скандал и «морду бить» Мамченко, если вечер не будет отменен; оттуда к Мамченко, пережидает там дождь, вырабатывает план нападения на завтрашнее собрание. Оттуда к Берту – выяснять вопрос с помещением; оттуда к Станюковичу, чтобы он обязательно был на собрании.

Сегодня в «Посл<едних> Нов<остях>» после объявления Союза, что вечер отменяется – «Перекресток». А в «Возрождении» рядом с Союзом – «вечер состоится», и точная программа, кто читает. (Причем, последним номером, вместо «Т.Штильман» стоит «Т. "Перекресток"». Это меня привело в веселое настроение). Значит, какой-то скандал сегодня будет, страшно жалко, что я не могла быть на собрании – все на «культуре». Боюсь даже, не вышло бы из этого скандала.

Днем, когда я спала, Елена Александровна Кутузова принесла два письма. Первое «Председателю Союза Молодых Поэтов», второе «Юрию Бек-Софиеву». Конечно, заявление о выходе (И.Н.Голенищева-Кутузова – И.Н.) – но не только из правления, но и из Союза. Такое же заявление лежит в бюро от Терапиано. И почему-то (глупая сентиментальность!), пока я несла по лестнице этот конверт, у меня сердце сжималось. И то, что он был здесь (сам принес, не по почте), и то, что он здесь уже никогда не будет...

20 июня 1930. Пятница

Все вместе: «Числа», «Перекресток», квартира, Игорь, Мамочка... «Числа», я считаю, все-таки – свиньи! Приглашают не только Юрия, но и Кельберина, и Червинскую; и совсем

забыли о моем существовании. Конечно, меня это страшно обидело. И не хочу, чтобы кто-нибудь об этом подумал, но мне это очень и очень неприятно. Я все-таки думаю, что это не совсем справедливо.

«Перекресток» устраивает вечер сегодня. Жаль, что мы решили не устраивать сегодня в «La Volée». Ну, да черт с ними! Вчера была в «Посл<едних> Нов<остях>» до неприличия восторженная статья Берберовой. Мне не завидно, конечно, но злит. Со многими положениями я все-таки не согласна. Они тоже свиньи, что не прислали критику – «не покупать же!»

Квартира. Освобождается квартира в РДО: две комнаты (одна темная) и кухня – 200 фр<анков>. Но без отопления. Скверная «Саламандра», говорят, много берет угля, чуть ли не на 200 фр<анков> в месяц. И тоже холодно. Это – злоеще! Другое – нет воды, но воду можно провести; говорят, обойдется франков в 100. Это бы еще понятно. Еще – я там буду совсем одна. Но теперь меня это не пугает. Правда, у меня бывают часто теперь такие реакции, когда я теряю сознание, ну, да как-нибудь обойдусь. Скучать буду – это так. Но и это меня не пугает, мне даже хочется куда-нибудь спрятаться. Вот только холодно. Что же делать? На холоде же оставаться – ужас, в одной комнате! Нельзя! Вот я и мучаюсь.

Игорь сильно кашляет. За 15 дней похудел на 400 гр<амм>. Что с ним делать – не знаю. Кутать его в такую жару глупо, а приходится. Ругаюсь из-за этого все время.

С Мамочкой отношения натянуты. У нас сейчас катастрофа, вот и ругаемся много. Все-то ей у меня не нравится, а мне ее вмешательство не нравится. А вчера страшно обиделась, до слез: Юрий позвал в синема, прошу Мамочку остаться с Игорем.

– Ты знаешь, что я всегда с удовольствием остаюсь с ним, но я не пойму тебя, после вчерашней реакции идти не следует, я бы не пошла.

– Ну, конечно, ты бы не пошла тогда, когда денег нет! – и я ушла.

Юрий купил билеты, пришел за мной около 9-ти, я готовлю картошку, одеваю Игоря, а Мамочка поворачивается и уходит. Я страшно обиделась, отослала Юрия, сижу с Игорем и реву. Мамочка приносит валерьянку, спрашивает: «В чем дело?», как будто ничего не понимает. Потом она сказала: «Иди, пожалуйста, иди, если ты считаешь это благоразумным» и т.д.

В перерыв пришел Юрий, я ушла в спальню. Скоро он ушел. Игорь заснул, рядом Папа-Коля. Тогда приходит Мамочка, сидит здесь, хотя в этом нет никакой надобности. Молча встает и уходит. Я говорю: спасибо. И мы до сих пор почти не разговариваем.

21 июня 1930. Суббота

Утром у Власенко. Предполагает, что может быть коклюш. Нет хрипов, легкие чистые, нет температуры, распухли железки... Правда, кашель еще не коклюшный – довольно мягкий, так что есть надежда, что это пройдет и так. Дала микстуру, делаю горчичник.

Приезжал Станюкович, приглашал ехать завтра на автомобиле за город, а заодно – мы втроем, правление Союза – поругались, накинулись на Юрия за то, что он вчера был на вечере «Перекрестка». Я рада, что Станюкович меня поддержал так, Юрий всячески отбивался. Меня поражает его беспринципность. Я не сомневаюсь, что скоро и он побежит на «Перекресток». Под свои необдуманные и не совсем удачные поступки он теперь старается подвести какой-то логически обоснованный фундамент, но все-таки твердо себя не чувствует. Теперь он не только не намерен продолжать борьбу с «Перекрестком», но даже становится на их же точку зрения и говорит, что, в сущности, мы не должны им мешать, мы не имеем права, и быть вчера на вечере он даже был должен, так как кем-то был пущен слух, что Союз придет «морду бить» и что он должен был подчеркнуть свою лояльность. На эту подлую провокацию попались многие. Союз пришел на вечер почти в полном составе, во всяком случае, полнее, чем на свои вечера. Успех вечера – материальный и моральный – был создан руками Союза! Интерес был проявлен необычайный. Литературная жизнь стала виться не вокруг Союза, а на «Перекрестке». «Что и требовалось доказать».

Завтра, где-нибудь в лесу, у нас будет оригинальное (протокольное) заседание правления. И если не будут приняты некоторые резолюции, предложенные мной, как, например, признание организаций подобных групп нежелательными, я подаю заявление о выходе из правления.

13 июля 1930. Воскресенье

В чем была для меня любовь в самый сильный, самый яркий свой период? Прежде всего, в абсолютном и безграничном доверии, т.е. в том, чего сейчас нет...

У Игоря коклюш. Страшный кашель, маленькое тельце наливается кровью, рвота, бессонные ночи... Мы оба страшно измучены. И по-прежнему ни минуты времени, и как-то все件 нужно и бестолково. Юрий с раннего утра уехал на велосипеде куда-то за город. Меня это немножко кольнуло. Ну, да, конечно, ему удобнее ехать одному. Я уже совсем отвыкла от совместных прогулок, от наших разговоров, вообще от слова «вместе». Все, что мы делаем, все, что мы думаем, все врозь.

16 июля 1930. Среда

А я и не хотела танцевать,
И не смотрела фейерверк на Сене.
С утра мечтала лечь пораньше спать
И даже просидела воскресенье.

Весь праздничный, смеющийся Париж,
Все уличное, пестрое веселье
Я променяла с радостью на тишь
И одиночество в пустом отеле.

Мне хорошо без слов и без огня
В безрадостном и неживом покое.
Не жалею, не плачу, не кляня,
Так — постепенно выхожу из строя.

24 июля 1930. Четверг

«Посл<едние> Нов<ости>» свиньи! Мало того, что там с начала года лежат штук 6 моих стихов, я послала и недавно. И Ладинский говорил Папе-Коле, что сам видел, что они уже сданы в печать, а вот второй четверг их нету. Я даже заплакала от злости, как раскрыла газету. Действительно, «выхожу из строя» во всех отношениях.

Георгий Адамович пишет в «Иллюстрированной России» по поводу «Перекрестка»: «Стихи недурны, но большей частью это не столько поэзия, сколько красивые вещицы, безделушки из “Галери Лафайет”». Что он этим хотел сказать? И интересно, что он понимает под «настоящей поэзией»? Со-знаю, что он умный человек и хороший поэт, но восторгаться каждым его словом, как Червинская, или повторять его мысли и ссылаться на его авторитет, как Юрий, — это уже слишком. Ах, Боже мой, как он к нему прислушивается! «Адамович сказал!» «Адамович тоже так думает!»

Юрий — в «Числах». Мандельштам «приглашен» в «Современные Записки» (и, вероятно, удачнее меня). Только я — за строем.

2 августа 1930. Суббота

Борис Александрович принес Игорю мячик – размалевана рожица, и если подавить за щеки – высовывает длинный красный язык. Страшно сначала испугался. И интересно, и тянет руки, и в ужасе отдергивает и ежится. Потом освоился и стал с восторгом его бросать, хотя языка все еще боится.

Цветы от Наташи из Канн.

20 ноября 1930. Четверг

В прошлый четверг в Villejuif делали Мамочке операцию. Алексинский ее успокаивал, что фиброма у нее «очень хорошая», операция будет минут 40, одним словом, все хорошо. В среду она уехала. В четверг с утра нервничала. В 12 ч<асов> Папа-Коля звонил по телефону. «Еще не начинали. Следующая очередь». Звонил в 2 <часа>. «Делают». Это было самое ужасное. Звонил в 3 ч<аса> «Кончили. Еще спит». В 6 <часов> приходит Е.Е.Майер, она присутствовала на операции. Рассказывала. Оказалось все много сложнее, чем Алексинский говорил: вырезали не только фиброму, но матку и яичник – такие были на них какие-то узлы. Операция продолжалась полтора часа. Елена Евгеньевна как-то успокоила меня, и я перестала волноваться. Папа-Коля был на следующий день, я смогла поехать только в воскресенье. Увидала и заплакала. Вид ужасный: глаза «трагические», просто смотреть страшно. Очень слабая, чуть говорит – устает. Все дремлет. Видела потом ее во вторник и поразились: глаза хорошие, говорит, смеется, ест. По-видимому, она еще не все знает, что ей вырезали. Папа-Коля очень ее жалеет, а, по-моему, жалеть нечего – слава Богу, что вырезали, только бы теперь поправлялась скорее.

За неделю до Мамочки уехала в Ниццу Нина. Приехала до лета лечиться. Говорят, что в России сейчас ужасно. Неделю прожила в Париже. Сначала смешило и трогало ее желание все купить.

– Все есть! Вот ты только подумай, все можно найти и купить! Давай купим вот это. Ну, хоть что-нибудь. Давай вот щетку купим.

Потом это «желание купить» перешло в такое необузданное транжирство, что стало скучно. Беспашабы она человек. Еще неделю раньше уехал на юг Борис Александрович. Арендовал со знакомым ферму около Канн, в горах. Пишет, что работы пропасть, но очень доволен.

Так что теперь у нас совсем пусто стало.

С Игорешкой мы вчера закончили сеансы *rayons ultraviolets**, у него после коклюша были увеличены железки. Но вообще он мне нравится.

Стихов не пишу уже 3-й месяц. Единственно, что пишу, это статейки в «Рассвет» о стихах. Пока что была напечатана только одна, о «Перекрестке». Но надеюсь, что напечатают и о Мандельштаме, и о Кельберине. А сегодня отослала о 4-м Сборнике. Сборник, кстати сказать, отвратительный – и по содержанию, и по внешнему виду.

Лиля отдала своего ребенка в деревню. Теперь мне с ней неприятно встречаться.

24 ноября 1930. Понедельник

Мамочке лучше. В пятницу я, ни слова никому не говоря, взяла Игоря и поехала к ней. Очень она удивилась и обрадовалась. Пробыла, конечно, недолго, минут 10. Поездка сошла благополучно, т.е. Игорь нисколько не простудился, да и не мог простудиться. Однако Юрию я до сих пор ничего не сказала, и это мне неприятно.

В субботу получили результат исследования – все благополучно: фиброма, а никакой не рак. Мамочка повеселела.

Вышел 4-й сборник, и опять неприятность: у Виктора первая строчка второго стихотворения попала в конец первого, кроме того, кое-где осталось типографское обозначение «з». Подскабливаю. Вообще издано неряшливо, криво срезано, хотя не так уж плохо, как говорят, и вполне соответствует содержанию. Сборник плохой. Стихов не пишу, и это меня огорчает. Еще – усталость.

3 декабря 1930. Среда

С Юрием поссорились, очень нехорошо и, по-видимому, серьезно. Дело в том, что я вчера вечером пошла в ту комнату – Мамочка была одна, а вернулась она только накануне. Очень слабая, страшно было даже оставлять ее одну, да и соскучилась, конечно. Папа-Коля должен был прийти в 11.

– Ты уходишь?

– Да, ненадолго.

– Возвращайся скорее.

– Да, в 11.

* Ультрафиолетовые лучи (фр.).

В 11 Папа-Коля не пришел, и я вернулась в 11.30. Юрий лежит, будто спит, свет потушен. Тихонько вошла и, видя, что он спит, села писать пневматик в редакцию.

— Ты что делаешь?

— Пишу пневматички.

— Ты можешь их написать завтра.

— Завтра я не успею.

Через минуту.

— Какая ты все-таки дрянь! Эгоистка!

— А, по-моему, ты эгоист.

— Тебе все равно, что я устаю, что я мало сплю, единственный день, когда я мог рано лечь, и ты, ты мне мешаешь!

— Мешаю?

— Мешаешь! Ты знаешь, что я не могу лечь спать, когда тебя нет.

— Глупости! Отлично спишь.

— Дрянь ты!

— Если ты так будешь говорить, я уйду.

— Уходи, куда хочешь. Тебе только нужно, чтобы я работал, а что я устаю, как вол, это тебе все равно! Эгоистка!

Я сама удивляюсь, как я могла оставаться совершенно спокойной. Я больше не сказала ни слова и села писать адреса на книгах. Он лежит и накаливается, охает, хватается за сердце. Половина первого, я кончаю работу и ложусь. Он вдруг вскакивает, закуривает папиросу и начинает ходить по комнате. Я лежу и собираюсь самым настоящим образом уснуть. Он продолжает комедианничать, садится около окна, бурчит. Потом ложится и он.

Я была уверена, что утром он не встанет. Встал, умылся, бросил:

— Если я вечером не вернусь, значит я пошел прямо в РДО.

Последнее время у него часто прорывалось, что я эгоистка, что мне его не жаль, что я только заставляю его работать. Мне это всегда больно бывало. А теперь я совсем спокойна. Будь что будет, что быть должно! Меня даже пугает это спокойствие: неужели мне действительно все равно, вернется он или нет.

17 декабря 1930. Среда

На днях подала свое заявление в Союз. Завтра должно быть наше письмо в редакцию. Вот и вышло так, что я ушла из Союза. Даже и не жалко. Не знаю даже, какое впечатление произведет наш уход. Одно знаю, что я и Станюкович уходим в

«ничто», в мираж. Те еще будут где-то шататься, в «Числах», напр<имер>, а мне уже негде, а Станюку и подавно. Но это-то мне и нравится – остаться самой по себе, без всяких партий и группировок. Ну, да ладно. Плохо, что стихов не пишу.

Игорешка сегодня первый раз в жизни сел на горшок, сделал свои дела. Так что мечта моей жизни исполнилась.

Во вторник Юрий был у Кельберина. Рассказывал, как живут молодожены. Квартира, как витрина модного мебельного магазина, и столы, и кресла – модерн; и ковры, и ванна, и слоны на этажерке, и разглаженные салфетки, и котлеты с картошкой! А у меня вдруг совершенно пропала охота идти к ним.

Сейчас прочла из середины: Кнорринг заменяют даже Червинской. Уже об этом я теперь и не думаю, и думать не смею. Кнорринг замещают даже Заковичем.

18 декабря 1930. Четверг

(Приклеена вырезка из газеты «Последние Новости». См. Комментарий – И.Н.).

20 декабря 1930. Суббота

Вот и все. С Союзом кончено. Не скажу, чтобы мне не было кого-то жалко! Все-таки из всех вышедших я была самым принципиальным и самым искренним членом.

Вчера получила письмо от Е.Е.Майер. Подлинник пойдет в другом месте, но письмо само по себе настолько интересно как «человеческий документ», что я привожу его целиком, сохранив знаки препинания:

«Ирина Николаевна, вчера я прочла объявление в “Посл<едних> Нов<остях>”. Боже, как же это все отвратительно. Так и Вы туда же, Вашу первую ложь я приписала настойчивости Софиева, если мне Вы говорили в частном порядке об посещении редакции только Станюковичем, то в Люксембурге это было сказано в защиту супруга, когда разговор шел о Союзе. Вы это хорошо знаете, да неужто это правда, что никогда женщина не может быть самостоятельной, и я если бы Вы знали, мне, аж, до физической боли обидно Ваше поведение. А еще недавно Вы сказали Монашеву, “если не останется ни одного человека Союза, то я все-таки останусь”. А теперь, и все из-за чего? из-за глупенького мальчишки или хуже, от того, что мужа по головке не погладили, а Вам он устроил достойную для Вас сцену. Оттого, что Софиеву антипатичен Смоленский, а он-то ведь был два года председателем. Какое же он

имел право им быть, ведь Союз объединяет поэтов, т.е. стремление к истинному. Неужто Вы все оглохли, ослепли или Вы никогда ничего и раньше не знали, как Вам не стыдно, неужто Вам было приятно, если бы Вас нарядили, а Вы были простой, одетой плохо куклой. Ведь обиднее такого сожаление – трудно найти, а как же иначе я могу понять Вас и Софиева, об остальных я не говорю, для меня они пустые цветы и ничего больше, овцы, идущие за бараном. Если бы мне это сказали еще недавно, я бы обозвала такого человека подлецом, а теперь мне приходится убедиться, что Вы только женщина, не в хорошем, а только в плохом, а Софиев – политический деятель и что и после этого письма он, конечно, скажет, что прав. И неужели же так всегда, и никогда не будет человека, хотя бы только человека, а не духовного купца.

М<adame> Louts-Mayer».

Приписка сверху

«P.S. может быть и не стоило этого писать, но Юр<ий> Бор<исович> говорил часто о моем хорошем отношении к людям, наверно это и заставляет меня писать, ведь то, что я пишу, вряд ли кого так мучает и заставляет краснеть, всю ночь я не спала и стоило ли, не бьюсь ли я головой о стенку к уже давно умершему».

Вот. Начало письма, где говорится о моей лжи, требует комментариев. Дело было так: на Общем Собрании 4-ХІІ. В.Мамченко ругательски ругал Софиева за бездеятельность, ссылаясь на мои слова, сказанные однажды в Люксембурге. Когда мне это Юрий рассказал, на другой день я написала Виктору письмо, вот его полный текст:

«Виктор, я не знаю, в чем Вас упрекать, – в глупости или в клевете. Выбирайте сами, что Вам приятнее».

А на понедельничное общее собрание послала заявление, которое там было прочитано. К сожалению, текст у меня не сохранился, восстановлю по памяти. В I пункте я делаю одно замечание по поводу протокола ревизионной комиссии относительно хранения документов, которые я от Мандельштама не получала, и вот дальше приблизительно так:

«II. На общем собрании 6 XII В.Мамченко, пользуясь моим отсутствием, позволил себе сослаться на якобы мои слова о бездеятельности Софиева. Прошу довести до сведения Общего Собрания, что это ложь. Правда, в одно из воскресений, встретившись в Люксембургском саду, я минут 15–20 говорила

Мамченко о бездеятельности Союза. Но, во-первых, я говорила не «Софиев», а «мы», т.е. правление, а во-вторых, речь была приблизительно такова, что мы, конечно, лентяи и шалопаи, работать нам лень, на Союз нам наплевать, наша деятельность, конечно, ниже всякой критики, куда уж нам, мы люди маленькие и глупые, а вот мы выберем в правление Мамченко, и он проявит необычайную энергию, будет устраивать изумительные вечера, издавать восхитительные Сборники, только он наша надежда и упоение и т.д. Весь разговор (с моей стороны) велся в таком ироническом тоне, и надо быть Мамченко, чтобы этого не понять и еще строить на этом свои обвинения».

Вот об этом-то, должно быть, и писала Е.Е.<Майер>.

Мне только не нравится, как Юрий говорит обо всей этой истории:

– Я знал, я сделал, я говорил... Как будто бы, действительно, все сделал он, а мы только «овцы за бараном». Не нравится мне вообще, как Юрий себя держит.

29 декабря 1930. Понедельник

Продолжение этого дела таково: я ответила Майер:

«Елена Евгеньевна. По-видимому, правда, что женщина иногда не может быть самостоятельной, ибо в каждой Вашей строке явно звучал иной, мужской голос. О причинах, побудивших меня уйти из Союза, и которых Вы совсем не понимаете, я доложила правлению (если Вас и Мамченко это интересует, Вы всегда можете навести справки). Вам же скажу только одно, что считаю честней уйти, чем поступать так, как поступают господа Андреев, Майер, Ладинский и мно<огие> др<угие>, которые фактически давно не состоят в Союзе, но продолжают почему-то числиться в списках и иногда даже передают свой голос тому, кто его попросит. В Вашем письме есть много такого, на что следовало бы обидеться, но думаю, что делать этого не стоит».

И получаю ответ:

«Я еще была маленькой и как-то поймала мышку, она все время старалась меня укусить. Мне стало жаль, и я ее выпустила.

Привет Марии Владимировне и Николаю Николаевичу,
M<adame> Louts-Mayer.

P.S. Досадная ошибка. Е.Майер более полутора лет не состоит членом Союза. Надл<ежащее> заявление было перед<ано> предс<едателю> Союза Ю.Софиеву».

В четверг зажигали елку. Елочка маленькая, меньше Игора, но пышная и нарядная. Повешено все, что можно было повесить, вплоть до Юрьевых запонок, украшают шар и блестящие нити. А сверху украшено не малюсенькой звездой, а полумесяцем. Моя идея и моя работа, а никто особенно не одобряет. Юрий услад нас в ту комнату и сам стал устраивать. Поставил елку на пол, зажег и кругом полукругом расставил все его игрушки. Впереди его старый «шут» на лошади, потом — другие лошади, за ними — утка, Ванька, Пека, тачка и т.д. — все по росту. Потушил свет. Игорь вошел и остолбенел. Глазки сияют, смеется, прыгает, дрожит весь и с елки глаз не сводит. Перецеловал все игрушки и каждого подносил к елке. Потом перецеловал всех нас. Прыгал вокруг елки с Ирочкой Нелидовой, радовался так, что больше некуда.

А в субботу были на елке у Елены Ивановны Унбегаун. Тоже восторг. Замечательно хорошо играл со своим ровесником — котом. Объялся там сладкого, вчера даже температура поднялась до 38,3. Лег вчера в 7, встал сегодня в 11, температура нормальная.

В ночь перед Игорешкиной болезнью страшно ссорились с Юрием. Он пришел в третьем часу, и стали ужинать. Конечно, мальчишку разбудили. И потом он же на него орал.

— Спи, спи, тебе говорят! Не лазай! Не мешай спать!

А я на него злилась. Потом села рядом с кроваткой, Игорь засыпал, а Юрий ходит по комнате и злится.

— Ну, зачем сидишь? Ты просто упрямисься. Вот, избаловала мальчишку, теперь отойти от него не можешь. Балуют его очень на твою голову с полной безответственностью. Знаю — это сопливая слюнявость все и т.д.

Я довольно добродушно молчала, только изредка огрызалась. А когда вчера при Станюковиче и его кузене начал этот разговор, сначала в шутливом тоне, а потом опять «сопливое слюнтяйство», я страшно обозлилась и вышла. Гадко, что все это вышло при гостях, но ведь нужно же знать меру!

Вчера Юрий со Станюковичем был у Заковских (Краевича), говорит: «Какая квартира, обстановка в стиле “ампир”, золоченое кресло, ковры, и сервиз, а вазы, а библиотека! А вино! А дочка его Нина, 16-ти лет, какая хорошенькая! Одним словом...» Мне нравится ее муж, Рудольф Ильич, не то немец, не то поляк, не то латыш. Очень болтливый, веселый. Она сама уж очень ломается, да иначе и весь стиль их пропадает.

12 января 1931. Понедельник

Несколько дней Игорь болен. Заразили мы его гриппом. Пришлось звать Власенко и для этого вскрыть копилку. Температура доходила до 39,2. Бредит. Страшный кашель. Боялись воспаления легких. Ежедневно банки и горчичник.

24 января 1931. Суббота

Я все-таки, должно быть, сексуально ненормальна: при полном равнодушии к половой жизни, такие настойчивые и мучительные мысли, доходящие до извращенности.

28 января 1931. Среда

Юрий редко пишет дневник и всегда для того, чтобы я его прочла. Не напрасно же он оставил его вчера на столе. И написал это в старой общей тетради, где половина листов вырвана, и кое-где нацарапаны строки. И весь день сегодня не могу отделаться от гнетущего чувства. Я и эгоистка, и глупенькая «типично-женщина», и ограничена, и не вижу и не хочу видеть дальше своего носа. Во многом он прав, я не отрицаю и не оправдываюсь. Только зачем, как может он требовать от меня того, что я все равно не могу ему дать, — страсти?

Что же касается моего «глупенького» чувства к Терапиано, то, конечно, оно глупенькое, т.к. обращено к призраку, но оно мне дополняет то, чего у меня в жизни больше нет.

Сегодня четыре года с того дня, когда я обещала Юрию быть его женой. Разве я знала, что так будет? А если бы и знала, разве бы я поступила иначе?

9 февраля 1931. Понедельник

Вчера в Люксембурге Игорь получил все удовольствия: катался на козе, на карусели и на качели. На козе в тележке сидел бодро, только очень беспокоился, все ли идут за ним. Все время оглядывался, в глазенках испуг. На карусели — то же самое. Но сам полез. Сидел тоже в тележке привязанный. Ревел немножко. Взглянет на своего соседа, а у того уже губы дергаются, и в рев. А сходить не хотел.

А дома прищемили пальцы шкафом, когда Юрий закрывал дверцу. Я как увидела, даже закричать не могла, только схватилась за голову — застонала. А он прямо захлебнулся криком, дыхание перевести не может. Но ничего, не так страшно оказалось. Прошло. А сегодня, пока я делала впрыскивание, — полетел со стула, стоймя, стукнулся лбом об пол и набил себе шишку.

...Стихов не пишу, и опять у меня отталкивание от литературы, м<ожет> б<ыть>, потому, что нигде не печатают.

16 февраля 1931. Понедельник

Два моих стихотворения сданы в набор: одно то, которое Папа-Коля отнес в пятницу, а другое, в пару ему, Поляков «нашел». И вот теперь у меня волосы дыбом становятся: вдруг он нашел «Творчество», посланное чуть ли не год тому назад с посвящением Юрию Софиеву и Юрию Терапиано? Да ведь тогда только умереть остается! А может быть уже завтра будет в печати. Господи, какую угодно дрянь, только не это.

23 февраля 1931. Понедельник

Со стихами вышло глупо, было напечатано последнее – «И вовсе не высокая печаль...» – напечатанное в сентябре. Тем более глупо, что, кажется, я одна из всех парижских поэтов всегда и везде говорю, что нельзя по два раза печатать одни и те же стихи. А если еще прибавить, что в свое время они были перепечатаны в Нью-Йорке – то получится рекорд!

В пятницу, в день Юриного рождения, Игорь так разбил себе нос, что я серьезно испугалась, как бы он себя не изуродовал. Нос так распух, глаза затекли, на себя не похож, по щекам какая-то парша пошла, а ему горя мало, все поет себе: «Тяп-тяп-тяп, тяп-тяп, тяп». Он удивительно схватывает ритм, отлично «споет» – «Ах, попалась, птичка, стой!», «Как в избушке вдвоем» и «Чижика». А ничего не говорит, только «мама» и «пока». А если что-нибудь достать нужно: «будя, будя, будя».

В субботу в Volée (меня не было) Терапиано съездив на мой счет, говоря о зарубежной критике, о шаблоне и провинциализме «очередной статейки в каком-нибудь “Новом Русском слове”», где он (или она)...» Не сказал «Рассвет», должно быть, только потому, что сам не знает, в какой «американской газетке»...

Ну, что же! Ладно!

26 февраля 1931. Четверг

Если бы Терапиано когда-нибудь прочел мою статью о втором «Перекрестке», он бы понял, что я не немножко съездила на его счет, говоря о «мастерстве», о «хорошо сделанном» стихотворении, и рядом стихотворение начинается со слов: «Кто понял, что стихи не мастерство», – тот, мол, и есть настоящий

поэт. Но в скобках: «если не считать, что два синонима “вдруг” и “внезапно” не могут стоять рядом»!

То стихотворение, о котором я писала, мне очень нравится по своей конструкции, по музыкальности, его хорошо читать вслух, но рассказать его «своими словами» я не могу... А может быть, это совсем и не важно?

7 марта 1931. Суббота

Ночь с субботы на воскресенье. 12 ч<асов>

Издаю сборник. Дело на мази. Поторапливаю всех – сама ничего не делаю. Начал разузнавать Юрий через Кельберина. Расшевелился и Папа-Коля. Был в типографии, хочет издать непременно $3\frac{1}{2}$ – 4 листа, обещает достать денег, по крайней мере, на первый взнос. Остальное в рассрочку. Окончательно еще вопрос не решен. В понедельник, должно быть, пойдет еще в одну типографию, а также узнает, можно ли самому достать бумагу, будет дешевле (через Карбасникова). Карбасников еще предлагает дать фирму, это солидно, хотя он сейчас и разорился, ничего не издает. Обложку предлагает сделать гладкой – тоже хорошо. Вообще, эстетическая сторона ставится на первое место. Книжка должна иметь вид, а содержание все равно никому не нужно! Для этого-то «вида» многое придется выбрасывать из того, что я отобрала. Кое-что жалко до боли. Многие стихотворения, которые мне дороги и близки, не входят туда, и есть зато много ерунды, воспоминания – ради друзей. Ничего не поделаешь – здесь цензура.

Безучастнее всех относится к этому делу Мамочка. Не только безучастно, но даже как-то враждебно. Если мы при ней говорим об этом, она упорно молчит или вдруг начинает говорить совсем о другом. Мне это странно и обижает.

9 марта 1931. Понедельник

Были сегодня с Игорем в Красном Кресте – получили продукты. Там группа безработных. Ворчат: «Дайте нам обед и ночлег». Ужасно жалкое впечатление. Секретарь говорит:

– Только имейте в виду, господа, что это в последний раз. Больше не могу. Ведь мне труднее отказать, чем дать, но...

– Да ведь и нам трудно просить, но...

И мне стало стыдно, что вот я Сборник издаю, такие деньги на ветер пускаю, а люди голодают.

А на улице все прошло.

Сего числа я отнесла стихи в «Москву», и они уже отправлены в типографию!

Началось!

Издает «Москва», хотя изд<атель> Николай Ник<олаевич> Карбасников, может быть, предлагает (еще не знаю) очень выгодные условия – 1000 фр<анков>, – 4 листа, на хорошей бумаге, причем я вношу 800 фр<анков>, остальные – из проданных со сборников, долгосрочный кредит. 300 экземпляров, из них 50 – lux, по 25 фр<анков>. Кому их всучить – не знаю. Бумага, хоть и не такая, как у Ладинского, но хорошая. Формат – Станюковича. Пока что довольна.

Ладинский прислал-таки мне свою книжку.

24 марта 1931. Вторник

Видела во сне совершенно отчетливо, что у меня родился сын и назвала я его Олегом. И произошло это в Pitié 16 марта. Помню, что там даже сказала: «Как жаль, что это только во сне!» И вот, я получила первые 15 экземпляров своей книги! Издана очень хорошо.

29 апреля 1931. Среда

Юрий вступает в масонскую ложу. Видимо, 7-го числа будет его посвящение в 1-й градус. Это меня радует, больше всего потому, что это есть первый шаг к Терапиано Ю.К. Или, вернее, к Кутузову, который вел себя относительно Юрия очень благородно и забыл всю вражду и ехидство (со стороны Юрия), дал о нем в ложе великолепную аттестацию. Юрий как будто даже чуточку этим сконфузился. Раньше он говорил:

– Я бы вступил в ложу, если бы не Терапиано. Ну, какой он мне брат?

Тот, по-видимому, думает иначе.

Кутузов, если можно ему верить, просто очарован моей книгой. Только не верится мне, хотя он и не только мне говорит это. Уверяет, что из поэтесс со мной может соперничать разве только одна Марина Цветаева (подразумевая, что из поэтов до Голенищева-Кутузова мне еще очень далеко).

Почти восторженный отзыв в письме дала Таубер.

1 мая 1931. Пятница

В четверг рецензия Адамовича, в хвосте других. В конце концов, я даже довольна, хотя мог бы и меньше язвить. Рецензия в «Новой газете» тоже, в конце концов, удовлетворительная («в конце концов»).

2 мая 1931. Суббота

Только двое не ответили мне на присылку сборника: Терапиано и Костя.

19 мая 1931. Вторник

Что бы я ни делала, о чем бы ни думала, — в сущности, я думаю только об одном ... «Я не давал ей повода для такой интимности...», — так ответил Терапиано на вопрос: не он ли второй «Юрий». Значит, с ним кончено, так глупо, грубо и нехорошо. Конечно, если бы я знала, что так будет, я бы это посвящение «Двум Юриям» не поставила бы. Но все-таки не могу считать себя виноватой и не назвать его дураком. Конечно, встречаться с ним у меня больше нет никакого желания, так же, как и с теми, при ком эти слова были сказаны (в «Числах»). Так что мое добровольное заточение становится в какой-то степени вынужденным. Ну, ничего. Я только вдруг потеряла всякий интерес к своей книге.

21 мая 1931. Четверг

Я все-таки никогда не думала, что мне будет так трудно вычеркнуть Терапиано. Оказалась какая-то пустота, пустое место и пустые мысли, которые нечем заполнить. Оказалось, что больше не о чем думать, так фантазировать полусушутя, полусерьезно. Когда устанешь от всяких настоящих дел и дум и хочется немножко «помечтать» (я только этого слова не люблю). Он занимал в моих мыслях определенное, только одному ему принадлежащее место. Но о нем думать больше не хочу, т.е. думаю непрерывно, отчаянно. Это меня мучает и не дает покоя. С этим надо кончить — во что бы то ни стало!

Этой «потерей» даже утешаться нельзя: если можно было (и было приятно) намекать в стихах на мое увлечение им, то раскрывать кому-либо мое теперешнее состояние я совсем не хочу. Наоборот, мне приятно казаться совершенно равнодушной и спокойной, но каждый раз при его имени я испытываю боль, словно от удара по мозгу.

Но видеть его лично, я и так уже больше года не видела, если бы только суметь послать его к черту и никогда не возвращаться к нему мысленно...

Сегодня Юрий посвящается в «Орден вольных каменщиков». Сегодня Юрий должен встретиться с ним (с Терапиано — И.Н.). Неужели же он, хотя из приличия, не спросит обо мне, даже поклона не пошлет?

22 мая 1931. Пятница

Когда Юрий вчера вернулся, у меня даже на душе полегчало, так что весь остаток ночи я не спала, в восторге от речи Терапиано. Вместе ехали домой, тот его провожал до дому, выяснилось недоразумение с книгой (так выразился Юрий), будто тот говорил только со слов Кутузова; мы отсюда уехали, а адреса он не знал, поэтому он сразу мне не ответил, а потом уж так; меня еще за это ругает, он очень меня благодарит и т.д. Врет, конечно, с адресом, но не в том дело: важно, что он не хочет заваривать каши и ссориться.

Видимо у Юрия с Терапиано начало новой дружбы. Когда-нибудь я на эту тему позлословлю.

3 июня 1931. Среда

М^ада Дюра умерла. В ночь с пятницы на субботу будет две недели. Сегодня, будучи в госпитале, об этом узнала.

26 июля 1931. Воскресенье

Как давно я не принадлежала самой себе. Не контролировала себя. Столько пробелов в дневнике (и в жизни), что записать их нет возможности. Отмечу вкратце главные события этого времени.

Приезжала Таубер. Пробыла дней 10, очень мне понравилась. Только есть в ней что-то «Кутузовское», карберное, что ли. Везде-то ей нужно было побывать – и у Мережковских, и у Ремизова, и в Volée. Мне кажется, я ее разочаровала: мой образ жизни и мое отношение к литературным кругам ей совершенно чужды и непонятны и должны просто раздражать. Но все-таки еще в чем-то я с ней согласна, хотя и спорили много, и на днях я получила от нее милое письмо из Югославии. Показывала ей Париж, и она от всего в восторге.

Проездом из Польши Юрий товарищ по батарее Сергей Владимирович Киселев. Юрий всегда отзывался о нем в очень восторженных тонах, и он, действительно, оказался премилым. Лучший из всех Юриных товарищей. Человек, которого нельзя заподозрить ни в чем дурном. Какой-то удивительно «порядочный» и честный. И чувствуешь себя с ним, будто всю жизнь знакомы. Мы ходили с ним на выставку – один раз вечером (когда огни тушили) с Юрием, другой раз вдвоем, ходили гуртом на Монпарнасс 14-го июля, ездили с Пипко в Версаль, ходили вечером к Trocadéro смотреть Эйфелеву башню (с Андреем и Ниной), потом – у Войцеховского – он нас угощал борщом,

вдвоем ходили в Carnavalet, наконец, в пятницу, в день отъезда встретились в сквере у Pont Neuf. Вот и все наши встречи, а кажется, что уехал кто-то очень близкий.

Приехала из Ниццы Нина. Ждет визы в Россию. Приехала не одна, но скоро проводила своего хахалю обратно. На сердце у нее нехорошо.

Встретилась с Терапиано. Первый раз при Таубер, в Bolée. Очень мне не хотелось идти туда, из-за него, понятно; но не хотелось обижать Таубер. Пришла на минутку, как раз, когда она читала, и ушла с Андреем. Он (Терапиано – И.Н.) подошел, сначала не узнал, поздоровался. Потом уже ночью мы пошли искать Юрия в Courple. Он туда пришел с Кутузовым и был там с ним. Посидела минут 10, разговаривала с Кутузовым – все.

В другой раз – с Киселевым в Courple. Он (Терапиано – И.Н.) туда пришел с Кутузовым и позвал к ним. Потом мы собрались уходить, и неожиданно пошел с нами. Разбились на пары: далеко впереди разъяренный Андрей с недовольной Ниной («что за история!»), мы с Ю.К., и далеко позади Юрий с С<ергеем> В<ладимировичем>. Говорили о какой-то ерунде, о ките, еще о чем-то. Я даже и не слушала.

2 августа 1931. Воскресенье

– Ох, как я устал! Вот прошелся немножко, и устал, и даже руки вспухли.

– Ох, правый бок у меня болит. Ну, совсем, совсем такая же боль, как в левом. Так вот и сдохнешь от туберкулеза. Так вот и сдохнешь когда-нибудь.

И с какой-то предельной, холодной несправедливой постепенностью хочется крикнуть: «Ну, и сдыхай!» А я так не могу больше!

2 октября 1931. Пятница

Во вторник Нина уехала. Страшно плакала. Впрочем, даже и я плакала – так уже действует вокзальная обстановка. Жалко Нину. На душе у нее нехорошо. Видимо, в Ницце произошло у нее увлечение, и возвращаться к Гуннару ей не хочется. Все говорит, что весной вернется. Может быть, это будет внутренне честнее, а может быть, в Сибири она – остынет.

Ну, а у меня что? Все то же, все то же, все то же!

18 октября 1931. Воскресенье

Юрий ушел к Кельбериным – завтра Л<идия> Д<авыдовна> уезжает на некоторое время в Константинополь! Ко мне:

«Ну, а от тебя что передать?» И все. Как будто я тоже не могла бы пойти. Ну, да это мелочь.

Хуже, что вообще бывают моменты, когда из-за пустого повода (статья Делевского, напр<имер>, о науке и морали) мы начинаем ожесточенно и нехорошо спорить, спорить, ради самого процесса спора, даже не спора, а ради одной возможности наговорить друг другу гадостей...

Юрий опять выбран председателем Союза. Не хотел, но, видимо, уговорили. А мне теперь это совсем все равно, пусть делает, что хочет. Кельберин как-то сказал:

– Я вообще не представляю себе, как можно ссориться с Юрием> Борис<овичем>?

А я, откровенно говоря, не представляю, как можно с ним не ссориться. У него совершенно невозможный тон в разговорах. Для него собеседник – всегда болван, к которому даже и относиться серьезно не стоит, или – авторитет, который что ни скажет, все очень умно, потому что «и я так же думаю». Его классическая фраза: «Я с вами не совсем согласен» означает: «Вы – совершенный идиот», и надо быть, действительно, идиотом, чтобы этого не видеть. Теперь он обворожительный гостинный кавалер, «Charmant»*, творец крылатых и острых mots**, которые всегда вызывают восторженный смех и порхают по Монпарнассу. Он очень умен – в этом его основной недостаток и несчастье. Он на голову выше всех, кого я знаю. Это делает его одиноким. У него много почитателей и покровителей, но нет друзей. «Друзей» в том смысле, как я это слово понимаю, а не в том, какое значение он ему придает. А друзей-то у него пропасть, внешне он никогда не остается один. Но внутренне он очень одинок, и временами это его сильно мучает. Я ему не помощь и не могу быть его другом. У меня во всю мою жизнь не было ни одного друга, даже внешнего. Юрий весь в общении. Ему нужны люди, общество, разговоры, споры, социальные проблемы. В нем слишком много скепсиса, чтобы обратиться к частному. Я не знаю, может ли у него быть с кем-нибудь такой разговор «по душам», который бывает, может быть, только раз в жизни (а в моей жизни ни разу, должно быть)? Не знаю. Он не сможет так подойти к человеку, он любит людей, а не человека. В обществе он незаменим, в семье часто бывает невыносим. До сих пор не может сказать хозяину, что у нас стул сломан. А почему? А потому,

* Прелестный (фр.).

** Слова, фразы (фр.).

что это разговор неприятный, тут и поругаться надо, и вообще можно испортить отношения. Это очень характерно. Недаром же у него со всеми наилучшие отношения, и с ним даже невозможно ссориться. Дурного мнения о нем он как-то не замечает или не хочет замечать.

1 февраля 1932. Понедельник

Всю ночь под Новый год видела во сне Терапиано. Вообще, он довольно часто снится мне и с какой-то особенной остротой и болью заставляет о себе думать. Заставляет помимо своего желания, конечно. И зачем? Что, в конце концов, я могу ждать от человека, который скорее меня не любит, чем равнодушен. А я думаю, что он меня даже очень не любит. Это заставляет меня в отношении его быть особенно осторожной. Его фразы (сказанной им на заседании) об «интимности» я ему никогда не прощу. В сущности, и лучше, что я его не вижу. Возможных встреч я старательно избегаю (так ли?), а «неожиданные» бывают. Недавно возвращалась с Игорем от Кутузова, нарочно дождалась того времени, когда он возвращается с работы домой на той же станции метро. И осталось его «неожиданно» встретить, и очень этого боялась. А все-таки на пересадке пропустила несколько поездов.

На моих глазах произошла большая драма – Кутузовы разошлись. Всю эту историю я хорошо знаю и очень близко принимаю к сердцу. Елену Александровну жаль страшно – какой бы он ни был негодяй, все-таки около 7 лет вычеркнуто. Можно ли?

Игорь болен, лежит и просит меня посидеть с ним.

12 февраля 1932. Пятница

Когда я смотрю на Игоря, когда я слышу его смех, или как он поет свою песенку:

На котлетке в восемь пар
Лифи танцевали,
Увидали пулюка,
В омилик упали, –

когда я вижу, как хорошо он играет, я только тихо улыбаюсь и целую его всего. И только с ужасным и последним ужасом вспоминаю ночи со 2-го на 3-е, когда я себе сказала: «Если он умрет – я тоже не буду жить». Это покорное, горячее тельце (а пульс – 150!) уже без всякого сопротивления, думали – кричать будет, когда оборачивали холодной простыней – страшное

средство, — а он и не пошевелинулся. Ждали и вот, должен выпотеть, тогда и температура упадет, спасен! А он горячий, горячий — и совершенно сухой. И этот ужасный, слышный в конце коридора крик при каждом вздохе! Ужасный крик! А когда Н.И.Нелидова дала мне образок Св. Николая Чудотворца и сказала:

— Возьмите, подложите под подушку, помолитесь! то меня охватил такой страх, что даже сказать ничего не могла. В эту ужасную ночь я сидела около загроможденного стола, стоящего почему-то посередине комнаты, и еле держа перо, до того ослабела, писала пневматички в газеты о каком-то вечере в Союзе... Только бы что-нибудь делать, только бы не сойти с ума! Дифтерит? Круп? В лучшем случае воспаление легких? Очень много помогла а, может быть, и спасла все Н.И.Нелидова, к которой у меня осталось самое хорошее, благодарное чувство, не испорченное даже последующим разрывом. В те дни она по несколько раз в ночь заходила, не то что днем. Сердце у него потом очень ослабело, и несколько раз впрыскивали камфору... Дельбари определила ложный круп — я не совсем понимаю, что это такое. Во всяком случае, кончилось все это сильным бронхитом, от которого он, слава Богу, избавляется.

В эту ночь я была верующей. Образок взяла.

21 февраля 1932. Воскресенье

Вчера, в т<ак> н<азываемом> «Боле», после чуть ли не двухлетнего перерыва, читала стихи и неожиданно имела успех. Особенно понравилось первое:

Когда, скользя, обхватит шею
Худая, детская рука.

Хвалили даже те, от коих я этого никак не ждала. Даже Аттис, даже Рейзин. Говорили, что это одно из лучших стихотворений и лучшее из того, что сегодня читались. Единственно расхолаживающую струю внес Адамович — по теперешней своей моде он говорил о том, что вообще не понимает, «зачем все это писать?» Что все это очень хорошо сделано, очень умело и тонко, но с первой же строчки знаешь, чем все кончится. Но когда Рейзин, возражая, сказал, будто бы он упрекает меня в пустоте, он энергично запротестовал. А после вечера говорил мне, что он собственно не о моих стихах говорил, а скорее вообще, что мои стихи, «как всегда, хороши» и т.д. Может быть, я придаю слишком большое значение моему

успеху, объясняю это тем, что давно не была «в свете» и давно нигде не выступала.

Больше всего неистовствовал Аничков. Вообще, немножко шут. И вскакивал, и руками размахивал, и орал, и «гром победы раздавайся», и даже прослезился. Говорил, что сын у меня великолепный, и муж хороший, на что Мамченко ему возразил, что «Я знаю Кнорринг тоже давно, и знаю, что ей наплевать и на сына, и на мужа, а живет она в другом...»

А Аня Земит (известная скандалистка), уходя, бросила мне: — Хоть вы и жена Софиева, а все-таки хорошие стихи пишете!

Все начинали словами: «Я Кнорринг давно знаю» и на основании этого говорили о творчестве, о биографии, также переплетая и то и другое.

1 мая 1932. Пасха. Воскресенье

Два раза была с Юрием у Ходасевича. Мне там нравится, хотя за последний визит я не проронила ни одного слова. Ходасевич представляется мне очень большой величиной. Встречаю там Терапиано. Не скажу, что это мне было так уж приятно.

Сегодня Пасха. Тоска поэтому полная. Делать нечего. Никого нет — напрасно черное платье надела.

Денег нет. И с квартирой! А через месяц Борис Александрович должен приехать. Положение таково, что выхода я не вижу. Поэтому и спокойна. Пусть все делается помимо меня, а я посмотрю, что выйдет. Самой принимать участие в чем-либо — у меня нет никакого желания.

22 июня 1932. Среда

С тех пор, как я в Медонском лесу пила с Виктором Мамченко на брудершafft, Терапиано исчез бесследно из моих мыслей. А у меня какое-то светлое и радостное настроение.

Оглядываюсь на прошлое. 5 лет назад я этого человека ненавидела зверской ненавистью, а теперь я называю его другом и братом. И, может быть, потому, что я так его полюбила и столько говорила о нем плохого, мне теперь все время хочется говорить о нем хорошо. И мне радостно, когда я вижу его, когда говорю с ним, и хоть часто мне хочется с ним спорить, но уже без раздражения и злобы, а с какой-то нежностью даже. И от него хочется чего-то особенного, даже страшно было встречаться первое время, а теперь вижу, что не ошибаюсь. Вчера он сказал мне:

– Я тебя ведь очень люблю. Совсем по-особенному к тебе отношусь.

И я это знаю. У меня самой такое же отношение к нему. Что бы там ни было, каков бы он ни был, неумен и, может быть, до тупости фанатично заумен, труден и, может быть, социально опасен («Горгулов»), а все-таки он человек с большой буквы. Он не пошляк. Он не предаст и не скажет про тебя гадость. Он по-настоящему добр и не задумается отдать все, даже жизнь, если это будет нужно. Он всегда искренен и всегда правдив, это-то и делает его трудным.

И я, несмотря на все перепетии наших отношений, все-таки очень его люблю.

5 октября 1932. Среда

Конечно, из Bougelé все казалось иначе: и Юрий, и квартира, и вся наша жизнь будущая. Особенно после Юриного приезда в деревню. За эти два дня казалось, что вернулось очень далекое время, что «счастье» у нас в руках, и что мы нужны друг другу. Недаром же я была так счастлива эти 2 1/2 месяца в деревне. Я теперь вижу, что была не права.

А вот и Париж. Правда, устраиваем нашу маленькую квартиру, что нас занимает и радует. С утра я с радостью принимаюсь за уборку, натираю полы, навожу лоск. Юра придет и все испортит. Ну, да не в этом дело. Начинает становиться уютно. Коплю гроши, чтобы купить то занавески, то скатерть, то еще что-нибудь для квартиры. Наслаждаюсь тем, что все налаживается – одиночеством. Юрий как придет и до утра, пока не уйдет, все жалуется, то на горло, то на железы, то на легкие. Должно быть, без меня он был здоровее. Да, правда, мы оба одинаково невнимательны друг к другу. Но теперь я думаю об этом спокойно. Вероятно, мы также безразличны друг другу.

Завтра уезжает Е.А.Кутузова. С ней связана у меня целая эпоха – Bougelé. За это время я очень привязалась к ней и очень ее полюбила. Только Ларика терпеть не могу, а Е<лену> А<лександровну> люблю. Эти месяцы мы были с ней совсем одни, жизнь была общая, и даже горе ее было общее. Плакала-то из-за него, во всяком случае, больше, чем она. И вот она уезжает к мужу. Без всяких иллюзий (да ведь я тоже теперь живу без всяких иллюзий!). И мне ее бесконечно жалко.

15 октября 1932. Суббота

Эпизод с Игорем.

Оделся он в штаны, очевидно в темноте не нашел трико, да еще говорит, что дождик тут намочил и вытирает тряпкой. Я страшно рассердилась, раскричалась. Он: «Мама».

— И не называй меня больше мамой! Я тебе больше не мама! Мне стыдно, что у меня такой сын, не зови меня мамой!.. — и много еще жалостных слов.

Уложила его спать и, не поцеловав, вышла. Потом, немножко погодя, под каким-то предлогом вошла посмотреть, как он лежит. И вдруг слышу тоненький голосок из груди одеял:

— Ирина Николаевна!

Я как зареву...

30 октября 1932. Воскресенье

Вчера Юрий ходил в ложу «Гамаюн» повидать, как говорилось, Бобринского по поводу Б.А. и санатории. На самом деле ему нужно было повидать не Бобринского, а Матвеева, с которым они налаживают издательство. Я легла около часу, просматривала старые, давних пор, парижские романы — Ладинский, Костя, Юрий. Печка потухла. Только легла, проснулся Игорь, начал подскуливать. Я взяла его к себе — он весь дрожал не то от холода, не то его знобило. Часа полтора его так трясло, ничем согреть его не могла. Очень намучалась, правда, и сама дрожала. Когда по нашим часам было 3.15 открыла дверь, слышу, шаги и голоса. Окликаю Юрия.

— Ирина, знаешь, кто это? Виктор.

Виктор совершенно пьяный, очень смущен. Лег в маленькой комнате, моментально уснул. Хотя успел все-таки сообщить, что Кнут сегодня бросил жену и ушел, захватив второпях пиджак, к Берберовой.

Юрий, хоть и менее пьян, но чрезвычайно возбужден...

— Нет, ты подумай! У нас с Матвеевым уже все решено, мы будем издавать журнал типа «Звена», два раза в месяц, в количестве 3000 экземпляров. Продавать будем по франку! Редактировать буду я и т.д.

Мимоходом рассказал не без удовольствия, что у него опять вышла стычка с Терапиано, что он его опередил насчет издательства, что тот был с ним сух в Coupole (вчера было великое пьянство на Монпарнассе) и еще один мелкий эпизод, говорящий скорее в пользу Терапиано, чем Юрия: когда там с пьяных глаз запели «Святый Боже», да всякие «Ох, вы Сашки канашки мои», Юрий вставил дурацкий припев:

Святый Боже по речке проплывает,
Аллилуйя приговаривает...

Ю.К. демонстративно вышел, сухо попрощавшись со всеми. А Юрий пил брудершафт с Поплавским (действительно, со всякой сволочью), орал на весь Монпарнас с Мандельштамом и Кельбериным. Оказалось, что Виктор живет в Медоне, пропустил все поезда, и Лазарь привез их к нам (он и шофер).

Утром Виктор встал очень смущенный. Очень звал нас с Игорем ехать к ним, но Игорь как назло начал кашлять (только при нем и кашлял), и я испугалась.

Завтра к нам приедут Кельберины. Это меня не так уж радует! Скорее это меня пугает: опять «литературный разговор», литературные сплетни, вся эта литературщина монпарнасская, от которой меня тошнит.

3 декабря 1932. Суббота

А все-таки от вчерашнего собрания осталась какая-то горечь. Лучше было бы не ходить. Не знаю даже, что меня так особенно раздражало. Вся эта огульная критика правления, эта «благодарность по традиции» (так ведь и сказано у Яновского) и эта «особая благодарность» Софиеву... А он-то, действительно, чувствует себя героем и мучеником, а меня это злит. В сущности, ничего обидного не было, а все-таки что-то обидно.

Никогда у меня не было такого ощущения скуки и пустоты. Как-то вдруг — никакой радости. Даже думать и писать радости нет. А опять тяжело до отчаяния. Не знаю, что думает Юрий, да и мало это меня интересует. Во вторник возвращается из госпиталя Б.А. Хоть Нат<алья> Ив<ановна> говорит, что он сейчас не заразен, а я его очень боюсь. И потом — эта жизнь почти в одной комнате! Ведь свет есть только в столовой. В отеле, в конце концов, было куда свободнее и самостоятельнее. А потом, я просто не представляю, на что мы будем жить. Юрий трезвонит, что он очень хорошо зарабатывает (что это: наивность или ложный стыд?). А ведь, в сущности, концов с концами не сводим. Боюсь, себе отказывать я уже не смогу. Уже стало совершенно естественным ходить в рваных туфлях, в рваном корсете, из которого во все стороны палки торчат, иметь один лифчик (8 фр<анков>), ходить в летнем пальто, завтракать одним молоком и т.д. А вот Юрий до этого уж не дойдет. Правда, он может ходить в рваных подштанниках, но уж ... Да не надо об этом писать, сама себе противна становлюсь, мелочная, сварливая. Должно быть, такая и есть. Мне бы только елку как-нибудь сделать. А Юрий пусть живет, как хочет. Он ведь зарабатывает.

Первый год после замужества нам тоже приходилось туго. Но никогда мне в голову не приходило жаловаться, в чем-нибудь упрекать Юрия. Может быть, Юрий был заботливее и внимательнее ко мне, а может быть, теперь я стала его меньше любить.

Тетрадь XII

19 марта 1933 – 5 мая 1937
Париж

19 марта 1933. Воскресенье

Почему-то опять потянуло к дневнику. Потому ли, что вчера нашла свою 10-ю тетрадь, которую считала безнадежно потерянной, потому ли, что видела вчера Терапиано и опять всколыхнулись старые муки, то ли просто от скуки и одиночества, только вдруг потянуло писать и потянуло с такой силой, что пошла сегодня и купила тетрадь и перья. Купила и, как всегда, немного стыдно стало потратить 6 фр<анков> 50 с<антимов>, когда надо платить за газ и за эту чертову машину (стиральную) и еще до 1-го нужно где-то дособрать 50 фр<анков> на квартиру, и вообще...

Но неужели же я не могу когда-нибудь потратить на себя 6 фр<анков> 50 с<антимов>?

Но о чем же я вдруг так захотела писать? Не знаю. Жизнь бледна и неинтересна, и сама я ее такой делаю. То, что сначала было провокацией, стало привычкой, то, что было «стилем», – стало реальностью. Никого обвинять нельзя.

То, что ушла от жизни – полусознательно, полувынужденно – правда, а вот вернуться уже очень и очень трудно. Да и незачем.

Я уже давно перестала быть литератором, сначала – добровольно, а теперь уже и вынужденно. Как бы было нелепо показаться мне сейчас на Монпарнассе или в Volée со своими стихами! Помимо «воскресения из мертвых», это было бы просто смешно, я давно стала архаизмом. Все куда-то сдвинулись за эти 5 лет, плохо ли, хорошо ли, но сдвинулись. Все что-то делают, и только я одна застыла какой-то каменной бабой. Пока это еще, в какой-то мере, интересно. Что ж наотрез отказываться дать стихи в «Числа», напр<имер>, и вообще выступать публично. Нет-нет, а кто-нибудь и спросит: «Почему не печатаетесь?» И ведь скоро обо мне совсем забудут, совсем. И тогда уже никакими силами о себе не заявишь! А вот к этому-то концу я и иду с какой-то злобной радостью. Конечно, типичная психология всякого неудачника, уязвленное самолюбие и т.д. Все это

верно, не спору. Но бороться опять за свои права сейчас, пока еще не поздно, – нет, не хочется.

Два человека виноваты в моем уходе из литературы – Мамочка и Терапиано.

Чем же я заменила эту сторону жизни, которую когда-то думала положить в основу всего? Громко говоря, это – сыном. А на самом деле – натертыми полами, чистой скатертью, начищенными кастрюлями, начищенными медяшками... Тем, что физически заполняет день. Игоря люблю очень, м<ожет> б<ыть>, моя единственная привязанность, но целиком мою жизнь он не заполняет. Конечно, я плохая мать. Уже потому плохая, что целую страницу посвятила каким-то своим литературным неудачам, а об Игоре – ни слова.

22 мая 1933. Понедельник

Поразительное равнодушие!

Покончил с собой Иван Болдырев, автор «Мальчиков и девочек». Вчера у Мамченко сидели: Мандельштам, Дряхлов, Мамченко, Софиев – литературоведы. Говорили о чем угодно, пили вино. И только короткий диалог:

Софиев: Вы знаете, покончил с собой Болдырев?

Дряхлов: Да, было в газетах.

Софиев: Почему бы это?

Дряхлов: Говорят, болен был, глух и должен был скоро оглохнуть. А, вернее, конечно, тяжелое материальное положение.

И – все. А ведь все его знали, ведь был он свой брат писатель, монпарнасец. И – все. Как будто так надо.

23 мая 1933. Вторник

Я не знала, что это Юрино стихотворение, напечатанное в последнем номере «Современных Записок» –

В столовой нашей желтые обои –
Осенний неподвижный листопад.
И нашу лампу зажигать не стоит –
В окне еще не догорел закат.
Дни «роковые», сны... а что осталось?
– Одна непримиренная усталость...
Что ж, побеседуем за чашкой чая,
(Давно беседы мирны и тихи)
И если ты захочешь, почитаю
Усталые и грустные стихи.

– что это стихотворение еще отмечено «нашей», «нашу», «беседы мирны и тихи» (значит, были и другие) и посвящено Лидии

Червинской. Конечно, это сделано по недомыслию, но Tout pis pour lui*. А под этим стихотворением скоро нужно было бы поставить мою подпись — больше подошло бы.

24 июня 1933. Суббота. Herouville

Вот уже полторы недели, как в деревне. Довольна? И да, и нет. Конечно, в хорошую погоду хорошо, солнышко пригревает, воздух чистый, поля кругом, цветы. Но не то, что в Bougelé. Такого лета, видно, уже никогда не будет. Тогда и настроение было другое, и Елена Александровна была, и были мы «у себя дома», и жили мы, как хотели. И жили мы хорошо.

Здесь же я не чувствую себя дома. Я — в гостях и подчиняюсь твердо установившемуся порядку. И я все еще не могу привыкнуть и до конца принять этих людей, у которых я «в гостях». Бор<ис> Аф<анасьевич> Подгорный? — бывший человек, конечно. Целиком в прошлом. В прошлом — интересная, увлекательная карьера. Интересный рассказчик. Барин, хотя копается в огороде, кухарит и моет посуду. А все-таки, в повадке, в манере — бывший барин. Ко мне относится покровительственно и насмешливо.

— Ну, тетя сегодня много работала — малины набрала...

И еще: у меня есть два сорта знакомых: один, который в ужасе бросается на меня, если я съем хлебную крошку, а другой, который старается меня убедить, что я совсем не больна, что мне надо на всех докторов плюнуть, все есть и вообще ни о какой болезни не думать. К этому, второму, типу принадлежит и Подгорный. Первые дни я не ела хлеба и старалась, насколько возможно, не есть ничего из того, что мне нельзя. Подгорный говорил об этом очень насмешливо.

— А вы съешьте хлебца с вареньем — вам легче станет.

Теперь я ем не только гороховый суп, но и хлеб. А что же мне есть, когда вечером на стол подадут чай, хлеб, масло, сыр и соль? Иногда отворачиваюсь. Юрий даже не предупредил его о моей диете, и теперь я попала в глупое положение. Он, т.е. Подгорный, попал в положение еще более трудное; так что я отворачиваюсь и говорю, что «ничего». Да он, впрочем, и не сомневается, что «ничего». Я стала есть хлеб, а он стал говорить об этом еще насмешливее:

— Сегодня тетя хлебца скушала и, наверное, у нее ноги заболят.

* Тем хуже для него (фр.).

Я сегодня уже рассердилась и ничего не стала отвечать на подобные остроты.

Но это одна сторона деревни. Другая – Игорь. Он заметно поправился за эти 10 дней, загорел, даже потолстел, по-моему. Толстеть ему, правда, не с чего, дома он ел больше и сытнее, но воздух, видимо, делает свое дело.

Я начала толстеть и чувствую себя совсем неважно. Опять пошаливают глаза, как было зимой после гриппа, не могу прочесть название улицы, все шатается, нет ни одной четкой линии.

29 июня 1933. Четверг

Сегодня с утра писала стихи, поэтому была злая и орала на ребят. Очень мешали, лезли то в дверь, то в окна. Особенно Кирилл – ему не хватает дисциплины. Написала 4 штуки, из которых 2, а то и 3, мне нравятся. 4-е совсем дрянь (не по порядку 4-е, конечно).

Все после обеда сидели на солнце и чистили смородину на варенье. Я заметила, что когда долго сижу на месте, у меня заболевает сначала левый бок, а потом и вся поясница. Настолько, что перед чаем я даже легла. Перед отъездом я была у Каминской, она прописала мне упорное лечение и наговорила мне много приятных вещей относительно моей перевернутой матки. Отсюда, должно быть, все эти боли и происходят. М<ожет> б<ыть>, стало хуже оттого, что я не ношу корсет. А носить корсет в деревне, с чулками – покорно благодарю.

Игорь загорел, а сегодня даже сжег себе шею, мазала арахисом.

1 июля 1933. Суббота

На воскресенье съезжаются гости. Еще вчера приехала жена Подгорного, сегодня – его старший сын Никита, похож на Егора. Елену Максимилиановну здесь, видимо, не очень любят, здесь царит Бор<ис> Аф<анасьевич>. Она с ним на «вы» и по имени-отчеству. Я тоже встретила ее недружелюбно – уже просто по нелюбви к новым людям. Но из-за того, как она смотрела на Игоря и как она с ним и о нем говорила – я сразу переменила к ней отношение. Я очень жалею, что здесь нет женщины.

День был хороший. Игорь бегал в одном купальном костюме, я тоже разделась как могла. Помогала чистить ягоды и варить варенье. Потом в саду лежала с книгой на солнце. Длинное письмо от Мамочки. Скучно в Париже. Когда я жила в Bougélé – Париж мне казался очень заманчивым, чуть ли не

новую жизнь я собиралась начать там. Эта «новая жизнь» выразилась в двух моментах: в чистой скатерти, в хорошо (относительно!) сервированном столе... Последние дни – полторы недели перед отъездом – я впервые почувствовала Париж таким, каким он должен быть: я бывала в концертах, в опере. Я слышала «Пиковую даму» и два раза «Бориса Годунова» с Шаляпиным. Я в первый раз слышала Шаляпина. Пусть говорят, что он уже совсем не тот, что и голос-то он потерял – для меня он был великолепен. А игра, игра-то чего стоит! Хотя мне все нравилось. Недаром же я весь вечер проплакала, когда мы с Папой-Колей не попали на «Князя Игоря»! Ехать в деревню в самом разгаре сезона, когда была надежда еще попасть в Théâtre du Châtelet, мне совсем не хотелось. Накануне отъезда мы с Мамочкой слушали «Годунова» – Папа-Коля нам достал билеты (через директора Кашука), а сам не пошел. Так с ним даже не попрощались. А с Мамочкой простилась в метро, и я плакала – так уезжать не хотелось. А теперь парижские впечатления начинают сглаживаться. Вернусь без особой горечи, но и не жду ничего хорошего в будущем. А пока...

5 июля 1933. Среда

В понедельник чувствовала себя очень плохо, весь день, а позже вечером кончилось это сильнейшим сердцебиением, я даже не на шутку испугалась. И чувствовала себя совсем заброшенной, а чтобы позвать, хотя бы Бор<иса> Аф<анасьевича>, нужно дойти хотя бы до кухни и оттуда кричать. А на это у меня не было силы. Было очень страшно.

Вчера нежданно-негаданно приехал Юрий. Привез мне хлеб, а еще всякую мелочишку. Очень ему обрадовалась. Приехал какой-то свежий, веселый, бодрый, несмотря на усталость, через несколько часов уехал, но настроение его передалось и мне. Как-то радостно было. Встала сегодня в таком же настроении, погода хорошая, ходила с Игорем гулять километра на три, после обеда валялись на солнце в огороде. И тут мне опять сделалось скучно. Опять – по-знакомому – стало беспощадно ясно, что дни пусты и не заполнены, что с утра я уже жду вечера, что все это – воздух, дали, солнце, яркое солнце и безоблачная синева неба, которую я так любила, – не только не являются прекрасными и нужными сами по себе, но даже наоборот, тяготят. Когда я расстилала в огороде одеяло и распластывалась на нем, я делала это по привычке, по каким-то давным-давно установленным правилам, что «я так люблю», а на самом деле мне хочется не париться на солнцепеке, не

поливаться холодной водой, не загорать, а лежать на кушетке в полутемной, прохладной комнате и спать. Я борюсь с этим настроением, мне все еще стыдно этого ужасного слова — «скучно» (а от него уже не увернешься, если быть честной), потому-то я и взвинчиваю себя искусственно солнцем, прогулками, холодной водой. Пока же все это довольно характерно, не дошло бы дело до чего-нибудь посерьезнее.

Что я сделала за последний прожитой год? Что я могу вспомнить о нем? Всеобщий грипп, госпиталь, тяжелая жизнь с Борисом Александровичем, Игорева операция, да еще опера и несколько концертов. Да еще несколько поездок в Медон. Они были хороши уже тем, что надо было рано вставать, торопиться, толкаться, потом ехать назад, поздно укладывать Игоря, смертельно устать, перевернуть весь день, день был заполнен и к тому же взбудоражен солнцем.

И это все, что я помню за год? За год жизни? Много ли у меня осталось еще лет?

Казалось бы, я легко отдам свою жизнь. А вот умирать мне не хочется. Все еще жду чего-то. Но тут надо быть справедливой — я бываю не эгоистична. Когда тут мне было плохо — я больше всего испугалась мысли, что вот Игорь проснется, а я — мертвая. Я собрала всю свою волю и сказала себе: «Нет! Не может быть так!» А Мамочка и Папа-Коля? Разве бы они пережили меня?

Вот, значит, и надо жить. Значит — я еще кому-то нужна.

9 июля 1933. Воскресенье

Никто из нас, кто видел меня сегодня, не мог бы подумать, что я могу писать такие мрачные вещи, как прошлый раз. Я более чем весела сегодня. Еще вчера поздно вечером приехал Юрий. С утра, значит, вместе. А мы уже отдохнули друг от друга, и быть вместе нам теперь приятно. Потом пришли Тверетиновы, мы с Сарой ходили в купальных костюмах, я только красную юбчонку сшила и нацепила. За обедом пила водку, пила с Сарой на брудершафт, взвинтила себя, вообще было весело. А если весело, значит, уже неплохо.

День был великолепный. Такая осень, такие четкие и рельефные дома, совсем билибинские тона.

10 июля 1933. Понедельник

Когда Игоря обижают или бывают к нему несправедливы, я, кажется, готова бываю плакать (а иногда и плачу). За обедом

Бор<ис> Аф<анасьевич> несколько раз делал ему замечания, видимо, из желания помочь мне (однажды он спросил меня, не имею ли я что-то против. Я ответила: нет, хотя и не совсем искренно), и несколько раз был к нему несправедлив.

– Ешь скорее, бесстыдник, а то в кухне будешь обедать, – говорит он «сердитым» голосом, а Игорь честно ест, у него полон рот фасоли, он никак не может с ней справиться. А когда у него уже задрожала губа, покраснели глаза, опять:

– Ты что? За столом нельзя плакать.

А когда кончили есть, Игорь встал за мою спину, а «спасибо» не сказал, спрятался за моей спиной, потом как-то боком отвернулся, не показывая лица, и выскочил во двор.

А днем – опять драма: построили ребята во дворе какой-то вигвам и втроем (пришел какой-то Юра, Егоров товарищ) стали кружиться на велосипедах вокруг, и Бор<ис> Аф<анасьевич> даже меня позвал из комнаты посмотреть на это зрелище. Игорь на маленьком трехколеснике, Кирилл на маленьком, но побольше его, и на большом Юра. Надо было видеть, как Игорь сиял! А Юра все еще подзадоривал:

– Какой молодец! Впереди меня идешь!

Вдруг Кирилл, войдя в азарт, закричал:

– Игорь, уезжай в сторонку, ты здесь мешаешь.

Игорь сначала запротестовал.

– Да нет же, я говорю, мешаешь.

Игорь подъехал ко мне:

– Я хочу спать, – а слезы так и льются. Взяла я его на руки, отнесла в комнату и сама заплакала. Обидели моего мальчонку!

Потом Бор<ис> Аф<анасьевич> сказал мне: «Он так обиделся?» И добавил полушутя, полусерьезно: «Весь в маму!»

12 июля 1933. Среда

День прошел, как всегда, скучно и вяло. А погода была хмурая, ветреная и холодная, и чувствовала я себя на редкость скверно, хотя чуть ли не в первый раз не было сахара (я опять стала делать прививку и но ночам).

Сейчас жду Егора, который придет учить меня играть в беллотт, все-таки хоть какое-нибудь занятие.

Получила письмо от С.Прегель – она покинула «гостеприимную Германию» и сейчас во Франции.

Написала письмо Таубер и послала 4 стихотворения Виктору.

14 июля 1933. Пятница

День провела шумно. Народу понаехало много, кроме обычных, какой-то Голубков с дочерью, с ними мы утром ходили в лес. В обед пила водку, а после обеда с Егором, Никитой и Володи́ей до самого вечера играли в белотт. Играла я, кажется, плохо, зевала, делала глупые ходы, но игра мне нравится. А бедный Игорешка очень скучал (Кирилл уходил куда-то), а потом смотрю — спит. Мне как-то даже неловко стало перед ним.

18 июля 1933. Вторник

В субботу поздно вечером приехал Юрий. Приехал в тот самый момент, когда мы играли в белотт. Тут же были и Тверетиновы, м<ожет> б<ыть>, я встретила Юрия недостаточно приветливо, только он скоро ушел, сказав, что хочет спать. Однако, закончив партию, я его в комнате не нашла. Пришел расстроенный и мрачный.

— Ты что?

— Ничего.

— А что невеселый?

— Лампочка у меня на велосипеде не горит...

Легли, вижу, что Юрий смертельно обижен.

— Ну, да скажи же ты!

— Я странный человек, Ирка, но у меня всегда портится настроение, когда я вижу карты.

Не слова даже важны, а тот трагический тон, которым они были сказаны. Мне очень хотелось ответить, что мне всю нашу совместную жизнь страшно портило настроение — бутылка вина на нашем столе («приветствовать гостя») и окурки в блюдах. Но с этим он так и не хотел считаться! А мне он ответил, что у них в семье никогда не играли в карты. Зато у них пили! Да что уж тут говорить. В эту ночь он был мне в первый раз физически противен.

На другой день старались быть нежными, но плохо удавалось. Так расстались каждый с каким-то нехорошим чувством и недоговоренностью.

А вчера мне пришла в голову мысль «съездить в Париж». В воскресенье хотели приехать Тверетиновы на машине. Я тогда примажусь к ним в «долю», а в среду вернусь. На дорогу у меня денег будет (на обратную), я ничего не буду покупать на ту неделю, а вот на наше с Игорем прожитье в Париже надо иметь хоть 10 фр<анков>. Если завтра получу от Юрия 85 фр<анков>, а не 40 — еду (если приедет машина). Вот Мамочка-то обрадуется!

Подарила Подгорному свою книжку, и она его очень разочаровала, т.е. он находит, что «стиль прекрасный», «мастерски написано», но что всего этого нельзя печатать, т.е., другими словами, что это не литература, а дневник. Упрек, который мне уже приходилось слышать. А мне все-таки хочется утверждать, что это не дневник, а литература и отстаивать свое право на существование.

19 июля 1933. Среда

Плохо мое дело: получила только 80 фр<анков>, так что ехать в Париж не смогу. Очень было грустно, я совсем расстроилась. Потом все-таки решила ехать! Туда подвезут Тверетиновы; в крайнем случае, возьму в долг на обратный путь. Юрий должен мне послать 85 фр<анков>, 10 из них – на дорогу (метрo не считаю, неужто не наберется!). У наших возьму две почтовых марки; так что расходов на той неделе у меня не будет. Juste!* А на два дня в Париже у меня есть 7 фр<анков> 75 с<антимов>. Немного, правда. Постараюсь перехватить у Сары 5 фр<анков>, а с 12-ю франками я для Юрия уже не обуза! Разве не правильный расчет?

Еду! Только бы Тверетиновы приехали на машине!

Сейчас я только об этом и думаю.

Дала Бор<ису> Аф<анасьевичу> читать Кнута, про «Сатира», он сказал: «Порнография». А «Парижские ночи» понравились. Стал меня расспрашивать о Кнуте. А как узнал, что тот натурализовался, – страшно огорчился, совсем по-серьезному расстроился.

– И Кнут, и Кнорринг совершенно безответственно произносят такие большие слова, как «Россия».

20 июля 1933. Четверг

Почти до трех часов не могла вчера заснуть. А все из-за Бор<иса> Аф<анасьевича>. Уж очень он меня задел тем, что я не имею права говорить о России.

– В вашей книге не чувствуется, что Россия вам нужна.

А если бы он был несколько внимательнее, если бы он подумал о том, что заставило меня писать все эти стихи о «пустоте и скуке», он бы понял, что красной нитью через всю книжку проходит «память о страшной утрате». Что стихи эти, конечно, эмигрантские, что в России они не могли бы быть напечатаны. Что, когда я заканчиваю стихотворение словами:

* Точно! (фр.)

Глупый друг, ты упустил одно,
Что не будет главного – России.

– я могу это говорить; ибо без России нет не только «малинового варенья», но и вообще нет ничего. Другой родины у меня нет, а первая потеряна. У меня в жизни была только одна «страшная утрата», одна – поистине роковая ошибка, которая навсегда выбила меня из колеи и раздавила мне жизнь. Жизнь моя какая-то ненастоящая. Конечно, я не могу говорить о России, потому что я ее не знаю – ни старую, ни, тем более, новую; я ее не чувствую, но я очень чувствую ее отсутствие, ее потерю; эту «утрату» я сильно чувствую – в этом смысле я могу – я имею право – говорить о России. И когда я думаю об Игоре, мне становится почти предельно больно, что его жизнь, как и моя, пройдет вне России. Это почти равносильно смерти. Вернуться – это значит: бросить мужа, отца и мать, все воспоминания о прежней жизни, уничтожить все стихи, все дневники, все письма, ни с кем, конечно, из эмигрантов не переписываться, и сделать Игора комсомольцем. Ведь думала же я об этом совершенно серьезно. И когда я поняла, честно, сама перед собой, что сделать этого я не могу, – я поняла, что Россия для меня потеряна навсегда и безвозвратно. Написала ночью стихотворение, посвященное Подгорному, кончается так:

Зачем меня девочкой глупой
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?!

21 июля 1933. Пятница. 10 ч<асов> утра

Бор<ис> Аф<анасьевич> – о второй книжке Кнута:
– Прекрасно! Прекрасно! И будь он трижды проклят!

22 июля 1933. Суббота

Нет, видимо, ничего из моей поездки в Париж не выйдет. И Тверетиновы, может, завтра не приедут, а если приедут, очень может быть, что с ними приедет и Мамочка. Я, конечно, буду очень рада, если она приедет, но больше я бы хотела сама поехать к ней. Ну, посмотрим.

Нашего полку прибыло: некто Валериан Николаевич (фамилии не знаю), малоинтеллигентное существо, бывший офицер, его жена, типичная московская купчиха, только что не купчиха; а ее дочка Татьяна, смазливейшее и довольно противное

существо 21-го года. Татьяна уезжает завтра, а те, кажется, остаются еще. Прибыли сюда по рекомендации Никиты. Сейчас завели в сарае граммофон и молодежь танцует. Мне до сих пор еще страшно чувствовать себя взрослой дамой. В Париже я встречалась с людьми или старше меня, или, в крайнем случае, с ровесниками. А тут все партнеры по белотт – мальчики в сравнении со мной. Да, конечно, я уж не так и молода.

25 июля 1933. Вторник

Все мои планы рухнули, все!

8 августа 1933. Вторник

В воскресенье вечером стало невероятно грустно. В позапрошлую пятницу приезжала Мамочка. Хотя я была очень рада ее приезду, но лучше бы она не приезжала. Все ей здесь не понравилось, а особенно какое-то мое настроение и то, что я ем и т.д. Да вот ее отчаянное письмо, над которым я и злилась и плакала.

Вчера Мамочка уехала (с Тверетиновыми на авто), а в этот же самый момент приехал Юрий. Игореша даже не успел расплакаться.

Юрий приехал до конца недели и, хотя он еще охотился на воробьев, все-таки было не так одиноко. А вот теперь опять начались будни. Вопрос о моем отъезде еще не решен. Собирались было ехать в следующий вторник, да в такую жару не очень-то тянет в Париж. Может быть, останусь еще на неделю.

Причин для моего отъезда несколько: 1) 15-го сюда приезжают одна вдова из Ниццы, Тверетинова и Никита. Где-то нужно всем разместиться. А у меня вообще создалось впечатление, что я слишком зажилась здесь, и нужно мне убираться пододбру-поздорову. 2) Я все-таки считаю, что Игорь мало ест. Один раз в день есть – мало. Да и не так все питательно, и надо не *gaçoût*^{*}, а побольше мяса, масла и молока. А то не сытно. А вечером один чай, да еще теперь немного холодной картошки, что остается от обеда. Для меня это тоже плохо, особенно теперь, когда кончился хлеб, и приходится есть хлеб настоящий. Я-то совсем его не ем, и вообще, конечно, режим относительный. Я считаю это достаточным основанием, чтобы уехать отсюда, и меня страшно злит, когда Яценко убеждает меня остаться до октября! В Париж меня тоже совсем не тянет больше: я его боюсь. Опять возвращается Борис Алекс<андрович>,

^{*} Рагу (фр.).

опять начнется этот кошмар. Ведь это же ужасно, это преступно! Я без ужаса подумать об этом не могу. И опять эта нищета!.. Зимы я боюсь. Мне кажется, что если эта зима будет такая же, как прошлый январь (а она будет такая!), то я ее не переживу. Еще одна бедность – куда ни шло, а прибавьте к этому туберкулезного больного – прямо руки опускаются. C'est la vie*.

9 августа 1933. Среда

Случилось так, что без всяких конфликтов, без всяких видимых причин мы с Бор<исом> Аф<анасьевичем> перестали разговаривать. Так вот совсем и не разговариваем. День, другой, наконец, это уже становится невыносимым. Встречаемся только за столом, да и то молча. Ни шуток, ни острот – вообще ничего.

– Угодно вам еще супу?

– Нет, спасибо.

– Можно мне сейчас вскипятить молоко на плите?

– Пожалуйста.

И только. Деловые разговоры о простынях, напр<имер>, как-то нарочно избегаются; так грязные простыни и лежат у меня на корзине. Мне кажется, я ему порядочно надоела, да и другие пансионеры скоро нагрянут. А про меня он, вероятно, думает, что я сплю и вижу Париж.

Сегодня мне надо было платить ему деньги вперед за неделю, а мне было страшно неприятно, и я все тянула. Наконец, решилась, взяла письмо Мамочки и пошла в кухню. Он сидит спиной.

– Вам ничего не нужно в лавке? Я иду.

– Нет, – чуть заметно говорит голова.

Я молча кладу на стол деньги и не спеша выхожу.

– Merci.

Что же дальше делать? Эдак ведь совсем уж неприятно. Хорошо, если Юрий привезет в субботу денег; а ведь он их не привезет, денег у него нет, и я тогда еще застреваю здесь. Да и как ехать в Париж в такую жару, на что я обрекаю Игоря!

Да и Игорь еще захворал – вот не было беды! Второй день расстройство желудка, а вчера поздно вечером сильнейшая рвота. Егор ему постель перестилал, пока я его мыла, потом успокоился, но охал долго. Сегодня киснет, полеживает. Что

* Такова жизнь (фр.).

с ним делать? Ведь такое положение для меня незнакомо. Бор<иса> Аф<анасьевича> бы спросить, да теперь – ни за что!

Да еще вчера вечером я проиграла в белотт 5 фр<анков>, так что весь мой долг карточный дорос до 14 фр<анков>. Так серьезно расстроилась, что долго не могла заснуть. Ну, 7 у меня сейчас есть, а где же достать еще 7, да тем более, если мне скоро уезжать придется! Как глупо! И сама же себя урезониваю: неужели же это так ужасно, что я за все лето потратила на удовольствие 14 фр<анков>? Но даже не только за все лето, но – за весь год! Все это так, но уж момент-то очень неподходящий. А когда он бывает подходящий?

10 августа 1933. Четверг

Положение не проясняется. Определенно Бор<ис> Аф<анасьевич> на меня дуется, а за что – не понимаю. Ужасно все это противно.

Вчера вечером Егор говорит:

– А вы бы, Ирина Николаевна, это самое, сварили бы опять сливы, а то чай пить, поверьте, того самое.

– Хорошо, – смеюсь, – завтра сварю.

– А еще – то же самое, арико бы нарвали.

– Зачем вам арико?

– Да не мне, а за обедом чтобы...

– А если Бор<ис> Аф<анасьевич> ничего не говорит, чего же я буду рвать.

Смеется.

– Да это Бор<ис> Аф<анасьевич> и сказал.

– А, так тогда другое дело.

Ну, думаю, дело налаживается. Опять, значит, «шуточки» пошли через Егора.

Утром нарочито веселым голосом спрашиваю:

– Что же, Бор<ис> Аф<анасьевич>, кажется, надо арико собрать?

Слегка удивленно:

– Если вы хотите.

Черт! Это уже становится скучно. Очень хотелось ответить, что я «ничего не хочу», но удержалась, набрала корзину, чистила в столовой, он сидел в кухне, и так, должно быть, около часу просидели молча. Ничего не понимаю.

Кирилл за чаем говорит, что в субботу на 3 дня наезжает масса народу. По моим подсчетам будет 21 человек! Вот ужасно, где ж разместятся? Воображаю, как Бор<ис> Аф<анасьевич>

меня проклинает! Кирилл сказал, что Валериан Николаевич привезет Татьяну, бабушек и дедушек на такси, а сам уедет обратно. И у меня мелькнула мысль, не поехать ли мне с ними? Ведь насколько удобнее бы ехать автомобилем, не поездом. Ради этого стоит уехать на несколько дней раньше. Но 1) У меня нет денег. Следовательно, только в том случае, если Твe-ретиновы приедут раньше, и я у него смогу занять денег до вторника. 2) Если он возьмет с меня не больше 40 фр<анков>. 3) Очень уж жаль уезжать, когда такая жара. Первый раз в жизни я не рада хорошей погоде. Но что же мне делать?

После обеда.

Пока я сижу здесь в огороде, у меня пропадает всякая охота ехать. Да, больно хорошо под сеточкой, хочется еще на недельку оттянуть. А когда я встречаюсь с Бор<исом> Аф<анасьеви-чем>, это желание у меня возникает с удвоенной силой и даже не как желание, а как неизбежная необходимость.

12 августа 1933. Суббота

Теперь уж совсем не знаю, что делать.

Вчера вечером Бор<ис> Аф<анасьеви-ч> вдруг заговорил. Сначала о том, почему я не стала есть хлеб, да как это на мне отзывается (иронически), а потом вдруг сказал:

— Конечно, вы меня назовете профаном и выругаете, но если бы я был вашим мужем, я бы оставил вас здесь на всю зиму.

— Почему?

— Да потому, что вам здесь очень полезно. Во-первых, вам полезен деревенский воздух, как вы сами говорите, во-вторых, вы бы стали работать, напр<имер>, возить тачки и повозки или рубить дрова, перестали бы делать ваши «самоанализы» и были бы совершенно здоровы.

Тут, конечно, возражать бесполезно. Я сделала только один вывод: можно будет остаться еще на неделю!

А вот теперь я совсем уже не знаю, как быть. Погода сера, того и гляди пойдет дождь, не очень тепло. М<ожет> б<ыть>, вернуться и все? Нет! Если он приедет? Папа-Коля хотел вчера выслать гонорар за стихи. Но зато я вчера вдребезги проигралась в белотт. В общей сложности я должна Егору 20 фр<анков>. Эта цифра уже никак не входила в мои расчеты. Рассчитаться с ним своими средствами я, конечно, не могу, когда бы я ни уехала. М<ожет> б<ыть>, даже если уеду сегодня, это будет легче, чем через 10 дней. Все-таки это мне очень и очень неприятно.

10 октября 1934. Среда

Конечно, подводить итог целому году — очень трудно. А пропустить его мне не хочется: год был «большой», трудный и тяжелый. В общих чертах вот что:

Игорь с прошлой осени начал ходить сразу в две школы: во французский детский сад и в русскую воскресную четверговую школу на <бульвар> Montparnasse, 10. Сначала, конечно, ревел и там, и там, а потом привык, даже гораздо скорее, чем я предполагала. А французскую — так очень полюбил, все просил оставить его «до ночи», т.е. до 6 вечера. Что я зимой и делала, так как топить приходилось только по вечерам.

Той же осенью попал к нам маленький, шальной котенок. Игорь назвал его Бубуль. Вырос он прекрасным, красивым котом, общим любимцем. Характера необычайного — что-то в нем было от собак и от обезьяны. Никогда я не видела у кошек такой привязанности к людям. Особенно любил Юрия, встречал его, бросался на грудь и лизал. Спал, конечно, у меня под боком. А вообще был злой, на чужих рычал по-собачьи и кусался. Милый Бубуль — вот тебе маленький некролог. Он околел около месяца назад. Вероятно, от чумы: мясом обкормили.

Я эту зиму много болела. На почве моих женских болезней — а также, конечно, и диабета — у меня развилась сильнейшая экзема между ног и спустилась почти до колен. Это было что-то невероятное. Безрезультатно и дорого лечилась в Красном Кресте. Три недели не только не могла ходить, но и передвигаться на кровати было для меня пыткой. Наконец, решилась лечь в госпиталь, и три недели пролежала там с большим удовольствием в отдельной комнате, около Salle Boulain*, с девочкой 14-ти лет. Мне даже не хотелось уходить. Была какая-то апатия ко всему. Дома за время моей болезни было грязно и неудобно, оказалось. Но делать было нечего, я даже не радовалась выздоровлению.

Потом опять — дом, работа, жизнь вошла в колею; экзема вскоре появилась опять и, в сущности, до сих пор не проходит, не в такой степени, конечно. В одном отношении я даже рада ей — к большому огорчению Юрия.

В начале нового года первый раз испытала чувство отчаяния — тупого отчаяния, когда можно биться головой об стену.

Под Новый год Игорь заболел: грипп или бронхит, неприятно, но ничего страшного. Давали ему невкусную микстуру,

* Зал Булен (отделение госпиталя «Кошин»).

которую он принимал еще с детства. И вот однажды вечером – Юрий пошел за углем – я укладываю его, дала ему столовую ложку микстуры, он проглатывает, я кладу ложку на камин и вдруг вижу, что я дала ему не микстуру, а l'eau exagérée*. Первый раз в жизни я обезумела. По моему виду Игорь понял, что что-то произошло.

– Мама, что случилось?

И я ему сказала. Стоит на кровати, в длинной рубашонке, лицо испуганное.

– Мама, я теперь умру?

– Не знаю.

До какого нужно было дойти состояния, чтобы так ответить ребенку. Бросилась вниз к Липеровскому – нет дома. У нас в доме жили Примаки. «В чем дело?» – я сказала и побежала наверх к моему перепуганному мальчику. Реву, конечно. «Игорь, молись Богу!» Через минуту вбегает Владимир Степанович Примак.

– Говорил по телефону с Липеровским... Ничего страшного. Дайте ему теплого чая, очень сладкого, чашки четыре...

Пришла Нина Ивановна, грела и студила чай. Игорь пил покорно чашку за чашкой. После третьей чашки его вырвало. Так, все кончилось благополучно, только он после этого целые сутки непрерывно, не останавливаясь, кашлял – должно быть было сильно обожжено горло. После этого, когда я даю ему какое-нибудь лекарство, до сих пор спрашивает:

– А это не l'eau exagérée?

И еще добавляет:

– А ты бы l'eau exagérée на полочку поставила.

Следующая трагедия: 25 апреля умер Борис Александрович. Очень памятные для меня эти дни. Перед этим Юрий две недели не работал, сам был болен. К Б.А. ходила я. Он все просил принести ему пить, я ходила одно время каждый день. Перед этим долго его не видела, и вид его меня поразил. А когда я однажды увидела, как он ел – руки дрожат и не слушаются, подносит чашку к самому рту, проливает молоко, – я поняла, что он умирает. Вот так лежат у нас в госпитале несчастные старухи. И в первый раз, за время своей болезни, он стал страшным эгоистом... Мне стало еще страшнее. После этого дня он прожил еще 10 дней. Каждый день – все хуже и

* Лосьон для укрепления волос (или лак для волос; буквально: «укрепляющая вода») (фр.).

хуже. Последние дни Юрий ходил к нему по вечерам, и я спрашивала его недоговоренным вопросом: «Ну?..»

Во вторник 24-го (апреля – И.Н.) заболел Игорь – прихожу в школу, он лежит в шезлонге и дрожит. Пошли домой (не может идти) – «ножка болит». Взяла на руки – как закричит! Принесла домой. Вижу, что дело не в ножке, а внизу живота. Не дает трогать. Боль при малейшем движении. Температура поднимается – 39,5. Решаю: аппендицит. Липеровского нет дома. Денег – ни гроша, доктора позвать не могу. Вечером Юрий уходит к Б.А. Приходит Липеровский.

– Нет, не аппендицит, а, всего вероятнее, ущемленная грыжа. Завтра увидим.

Я уже ничего не думаю и не чувствую. А Юрия все нет и нет. Приезжает Пипко и едет в госпиталь узнавать, в чем дело. Около 10 часов приходит Юрий с Папой-Колей. Я рассказываю, в чем дело. Папа-Коля идет в столовую, ему делается дурно. Кеша приводит Мамочку. У Игоря жар, стонет. Я к Юрию: «Ну?..»

– Долго сидел, ждал, что при мне умрет. И зачем человек так мучается? Завтра утром пойду опять.

Завтра утром приносят пневматик. Потом – возня с похоронами. Денег ни копейки. В первый же день после панихиды зашла к Тверетиновым занимать 50 фр<анков>. Занимала, где только можно, похороны стоили около тысячи; главным образом, помог Кеша. Хоронили в субботу.

У Игоря на другой же день обнаружился в паху огромный синяк, вероятно в школе кто-нибудь зашиб, потому что он с особой горячностью это отрицал. В субботу повела его в школу, а после с Кешей (остальные – раньше) – в госпиталь.

Сидели около морга и все ждали, когда приедет автомобиль с гробом. Вдруг Юрий выходит из амфитеатра и говорит:

– Да уж в гробу.

С жутким (сознаюсь) чувством вошла, а, как увидела, успокоилась. Страшно изменился, рот открыт и немного на сторону. Крышка гроба надвинута по щеку. Лежит глубоко. Наши положили сирень. Поцеловала в лоб, вернее, в венчик, холода не ощутила, а потом спокойно уже стояла и смотрела. Перед закрытым гробом священник молча читал панихиду (служить в морге не разрешалось). Были Федотовы, Унбегауны, Деникины и несколько Юриных сослуживцев по армии. Хоронили в Тье, очень далеко. Ужасно. Могилы вырыты сотнями, одна около другой, между рядами проложены мостки. Подъезжают автомобили, быстро выносят на плечах гроб, быстро опускают

в могилу, провожающие проходят перед могилой, бросают по цветку, присыпают гроб землей и... следующий. Пока было отпевание, рядом похоронили двух. На другой день мы с Юрием приехали на кладбище, и могила так и не была засыпана. Жутко.

Юрий очень страдал. Тут только я поняла, что я его люблю и что я ему нужна.

На другой день после похорон переехали в эту квартиру. Липеровский уехал совсем, а Примаки в нашу. Здесь на одну комнату больше, есть уборная и электричество. Наши переехали через день. Началась новая эра. Вскоре приобрели 6 стульев, потом и буфетик, люстру, занавески, потом – летом – обклеили спальню, сделали занавески на вешалку, покрывки на кровать. Появился какой-то уют.

Правда, Юрий еще не может отделаться от некоторых привычек, напр<имер>, пить чай одному в кабинете, но, напр<имер>, читать во время еды – уже отучился. Напоминает самое настоящее, столько раз высмеянное, мещанское счастье. Я в это дело ушла с головой, красила, чистила, натирала, лакировала. Мне нравится, когда чисто и хорошо. До самого последнего времени никуда из дому не выходила. До самого последнего...

Летом Игоря отправила в колонию Земгора в Эленкур. Очень скучала, хотя не беспокоилась нисколько. Характер у меня в этом отношении удивительный, думаю, что это легкомыслие. Игорь заранее был предупрежден о колонии и очень радовался. Чем ближе к отъезду, тем меньше разговоров о колонии. А в утро отъезда – рев.

– Не хочу в колонию, хочу остаться с мамой...

Бабушка утешает.

– Да ты только подумай, Игорек, ведь там тебе будет сплошное удовольствие...

– Не хочу сплошного удовольствия. Вот, если бы не сплошное, я бы привык, а к сплошному все равно не привыкну...

Уехал молодцом, ни одной слезинки, только некоторая растерянность.

Через месяц я к нему ездила. Он меня обрадовал и видом, и настроением. Сразу же начал показывать, где он спит, где едят, где гуляют; словом, чувствовал себя дома. При прощании вел себя необычайно мужественно (он это умеет) – сунул мне в руки подарок:

– Отвези в Париж, – губы дрожат, на глазах две слезы, обнимает, быстро-быстро уходит в дверь.

Милый Игоречек! Пока не было его — скучала, а приехала — плачу.

Вот я уже подошла к настоящему времени, но — до другого раза. Тут уже не факты, а «психология».

13 октября 1934. Суббота

Правда, я же сама все время провоцирую Юрия, а потом сама же и обижаюсь.

Идет интересная картина в синема. Папа-Коля зайдет вечером, а я не люблю оставлять Игоря с Мамочкой, да еще, когда она одна. В синема идти отказываюсь. Но убеждаю Юрия идти одного, раз вдвоем нельзя. Он очень скоро соглашается, очень долго одевается и уходит. И ведь в голову не пришло сказать: «Ты пойдешь, а я останусь с Игорем». А мне, конечно, обидно. Хотя к таким обидам пора привыкнуть. Ведь это уже 6 лет, как все время повторяется то же самое. Я только обижаюсь и молчу, а вот как-то недавно за все шесть лет выговорила. Юрий был искренно поражен, недоумевал и сердился.

— Так это из-за меня ты так стала жить, никуда не ходишь?! Вот так здорово!

После этой сцены дня три не разговаривали. Повод к этому был такой. К нашим иногда приходит один доктор из Африки с женой-болгаркой, с дочкой 3-х лет. Сидят долго и на девочку, конечно, смотреть жалко. И вот Юрий страшно возмущался матерью: какая же она мать, которая так поступает с ребенком, что она не может ради ребенка отказать себе в удовольствии и т.д. На это я возразила, что не могу так ее обвинять: молодая женщина столько лет прожила где-то в Африканской глуши, где и белых-то не было, ясно, что, приехав в Париж, ей хочется людей повидать; и если уж обвинять, то в равной степени и отца. Он обязан устроить жене жизнь так, чтобы она имела возможность отдыхать от работы и принадлежать самой себе, а если это невозможно, должен сам оставаться с ребенком, давать возможность жене уходить. Тут Юрий вскочил на своего конька, начал с того, что материнство — это отказ от себя, в этом радость матери и есть и т.д. А мне эти лекции уже достаточно осточертели, и я, конечно, высказала все за 6 лет.

14 октября 1934. Воскресенье

Ужасно жалко, что вчера доклад И.Эренбурга о писателях (Советского — И.Н.) Союза был отложен по случаю национального

траура (убийство в Марселе короля Александра). И Эренбург бы посмотрела, и в Советском Союзе побывала бы, и, наверно, Слонима встретила бы.

Познакомилась я с ним (с М.Л.Слонимом – *И.Н.*) не так давно в Наполи. Вытащила меня туда Елена Ивановна. Сначала сидело очень много народу, под конец, уже в первом часу, остались мы с Юрием, Елена Ивановна, Мандельштам (ухаживал за ней) и Слоним. В «Оазисе» пили водку и потом пошли к Ел<ене> Ив<ановне> пить ром. Домой вернулись в 4 <часа>. Страшно мне тогда понравился Слоним, я его представляла себе толстым и ужасно важным, а оказался очень молодой на вид (ему за сорок), очень скромный, даже краснеющий от комплиментов. Пока я видела его на диспуте о писательском съезде, где он выступал с большим подъемом. Ему кричали всякие гадости (вроде того, что «и поезжайте к Сталину!»), но я аплодировала. Потом пошли пешком до Монпарнасса, была, конечно, и Ел<ена> Ив<ановна>. Если бы я была побойчее, я бы Слонима так просто от себя не отпустила. А 6 лет моего затворничества дали себя знать, я и говорить-то совсем разучилась. Зато Ел<ена> Ив<ановна> молодец, она уже взяла его в оборот.

15 октября 1934. Понедельник

С Юрием мерзко и отвратительно. Сегодня повод к ругани был такой: оказывается, когда он остается с Игорем, то поет ему колыбельные песни и думает, что это очень хорошо. Теперь Игорь уже требует:

– Папа, спой мне!

Я возмутилась: такого оболтуса еще баюкать надо! Юрий тоже возмутился, но с другой стороны.

– Почему не надо? Напротив, это очень хорошо, это оставит в нем такие воспоминания, разовьет в нем поэтические чувства.

– Пожалуйста, развивай в нем всякие чувства, но только до того, как он лег спать. А то скоро ты его укачивать станешь.

– Ну, и вырастет такой сухарь, как ты.

– А то вырастет такой болван, как ты.

На этом обмен любезностями, к сожалению, не остановился, а продолжался разговор в том же духе еще с полчаса. То орет на него («это дисциплина»), и тут же такая сентиментальность – под песенку засыпать. Не знаю, какие воспоминания сохранит Игорь об этом – солдатскую муштру или эти песенки.

Юрий считает идеалом свою мать. А я этого не вижу. Сентиментальности в нем, как это ни странно, много, а любви, настоящей любви к людям нет. Когда-то он любил меня, но и это чувство прошло, осталась некоторая теплота и привычка. Нет, любит и сейчас, вероятно, по-своему, но не так, как бы мне этого хотелось.

Иногда я задаю себе вопрос, могла бы я изменить Юрию? С некоторых пор я уже стала отвечать на него утвердительно. Теоретически, конечно. Практически этот вопрос не ставился. А на вопрос: могла бы я порвать с Юрием и связать свою жизнь навсегда с другим, я до сих пор отвечаю: нет!

Это не логично, конечно, но разобраться в этом, додумать эту мысль до конца мне не удается.

18 октября 1934. Четверг

Сегодня поссорилась с Мамочкой и так, что чувствую — на-долго. Началось все с какой-то ерунды, из-за того, что я молоко не пила. Все, мол, мы о тебе заботимся, а ты только сердишься. Я, наконец, взорвалась. Заговорила о том, что вообще просила никого обо мне не беспокоиться, что я сама знаю, что делаю, что я привыкла отказывать себе в очень многом, и это никого не касается, и что никто об этом не знает, как, например, никто не знает, что у меня одна пара чулок, и никто мне по этому поводу сочувствия не выражает, а вот из-за чашки молока целая история: заботимся. Говорила, может быть, резко, но лишнего, будто, ничего не говорила. Мамочка со слезами ушла в ту комнату, и я слышу оттуда целую истерику. Папа-Коля ее урезонивает, а она кричит: «Разве ты не видишь, что ей наплевать на нас. У нее никаких чувств к нам нет, никаких. Ей только нужно, чтобы мы ей чулки купили» и т.д.

Тут уже и я заревела. Меня Игорешка утешал.

— Мама, не плачь, ну, мамочка, развеселись!

Этих слов о чулках я ей никогда не прощу. Сейчас же записала в ажанду*, в счет, все, что она последнее время покупала мне и Игорю: сеточку, материю на пижамку и пальто, которое было куплено против моей воли («ты заплатила 15 фр<анков>, а мы — 30, это будет наш подарок»), нет никаких подарков! Я и так почти все записываю, не забываясь о том, известно это им или нет. Лишь бы мне было известно.

Очень все это мерзко и отвратительно.

* Le agenda — записная книжка, еженедельник (фр.).

Сегодня поэтому не пошла с Юрием к Ел<ене> Ив<ановне>. Мне всегда было неприятно просить Мамочку остаться с Игорем, она всегда сидела в столовой, не ложилась спать, а мне говорила, что ей это только приятно. Я всегда, возвращаясь домой, встречаю немое осуждение (я возвращаюсь, действительно, поздно). Ну, а теперь, конечно, никаких одолжений.

Юрий, если не врет, говорит, что обиделся на Мандельштама за то, что тот не пригласил меня выступить на каком-то большом вечере Объединения, где выступают «почти все». А мне как-то наплевать. Я давно перестала обижаться на такие вещи, да и не имею на это права: я сама ушла из литературы.

22 октября 1934. Понедельник

Вернувшись в четверг от Унбегаун, Юрий принес мне поклон от М.Слонима.

26 октября 1934. Пятница

Вот еще одна запись, которую перед смертью надо будет уничтожить. Я, кажется, влюбилась в Слонима. Именно влюбилась, как девочка, как дура.

30 октября 1934. Вторник

Вчера была на докладе Эренбурга. Какая сволочь! Начал и кончил с нападок на эмиграцию. «Наши враги, еще пока говорящие на русском языке...» Сколько у них злобы против нас, какой-то мелочной, провинциальной злости. Разве у кого-нибудь из нас была хоть сотая часть такой злобы, хотя б по отношению того же самого Эренбурга, подлеца из подлецов? Крыл, чуть ли не последними словами Адамовича (а тот был на докладе) и Кускову, и очумело – всех. О самом съезде – ровно ничего не сказал, кроме того, что нам известно из газет – даже из эмигрантских. «Мы! Мы! Мы! Мы – все, конечно, не совершенны, для Запада мы были бы достаточно хороши, но писатели в нашем Союзе должны быть выше!..» и т.д. Трескотня и пошлятина. И сколько злобы.

Публика интересная. Нигде больше такой не встречала: в первом ряду – сплошной жид (даже я решаюсь здесь употребить это слово); во втором – ни одной интеллигентной физиономии. Затем много кепок и красных. Но, конечно, были и «белогвардейцы». Это Эренбург и почувствовал, заявив:

– Конечно, здесь я не могу говорить так, как я говорил бы в Москве, там я был окружен друзьями, а здесь...

Потом были вопросы. На половину он не отвечал, заявив, что они «нецензурные», и выбирал самые глупые, вроде того, что «как вам после Москвы нравятся бледные исхудалые парижанки?» А вопросы, и не глупые, передергивал так, что они выходили «неудачной иронией». Вообще, страшный демагог. А когда приток записок прекратился, а кончать ему не хотелось, начал ругать аудиторию:

– Должен сказать, что у нас ни в каком Краснококшайске (дался ему этот Царевококшайск и статья Адамовича!) таких глупых вопросов не задают, и публика так много выше и культурнее, чем в «Пассях».

Обобщая все – и по его романам – я думала, что он гораздо умнее и интереснее. Такой подлец?!

Была Ел<изавета> Вл<адимировна>, Тверетиновы (им теперь, как возвращенцам, полагается бывать на подобных собраниях, а ругаться нельзя). Из литераторов, кроме Яновского и бедного Адамовича, никого. Слонима не было, хотя он должен был быть. Жаль.

1 ноября 1934. Четверг

Все вспоминала, отчего у меня к Слониму было такое предубеждение, такое злобное чувство. И только сегодня вспомнила. Ведь он – моя первая неудача. Литературная неудача. На нем-то я и споткнулась. Ведь в «Волю России» он меня так и не пустил. Ну, в первый раз, может быть, подгадил и Ладинский, правда, я все-таки думаю, что не без влияния М<арка> Л<ьвовича>, а второй-то раз ни кто другой, как сам редактор.

2 ноября 1934. Пятница

Сегодня у Ел<ейны> Ив<ановны> все выяснилось относительно завтрашнего вечера стихов. Она была «возмущена», что в списке читающих не было меня. Написала Мандельштаму соответствующее письмо. Каково же было мое удивление и негодование, когда в четверг я прочла свое имя (Мандельштам потом уверял Ел<ену> Ив<ановну, что он сам вспомнил). Теперь мое положение получилось очень глупое: читать (даже, вероятно, читать и встречаться со всеми) у меня нет ни малейшей охоты, а не идти – выходит какое-то ломанье, да и так глупо получилось, что я обиделась на то, что меня пропустили и т.д. А тут еще Ел<ена> Ив<ановна> со своим выступлением! Теперь придется идти и читать, предварительно обругав Мандельштама – ведь он знал, что теперь я никогда

не выступаю. Будут читать 25 человек. Какой ужас! Конечно, иду на провал, на полную неудачу, а потом еще предстоит, вероятно, сиденье в Наполи со всеми... Спрячусь за Ел<ену> Ив<ановну>. Хорошо, если будет Слоним, тогда все окупится. Боюсь, какая я глупая! Какая дура!

5 ноября 1934. Понедельник

Вот что было на вечере. Даже без особых неприятностей встретила «со всеми». Кроме того, встретила кое-кого из очень старых знакомых. Читала хорошо и имела большой успех. Я и Ладинский, он больше. Это – первая часть – приятная. Дальше пойдет часть совсем неприятная, с отвратительнейшим эпилогом. Пошли на Монпарнасс. Сидели в Ротонде, пили пиво, было очень скучно. Слонима не было, и мне хотелось только спать и больше ничего. Юрий сразу же куда-то исчез. В конце концов, все перешли в Наполи, а мы с Ел<еной> Ив<ановной> ходили, заглядывая во все кафе, – искать Юрия: ведь у него ключи. Наконец, нашли их всех в Ротонде около рулетки, где они пили коньяк. (Да, когда еще мы сидели в Ротонде, я послала Виктора, чтобы он взял у Юрия ключи, проводил бы меня и вернулся.) Он пошел и пропал. Мандельштам сейчас же завладел Ел<еной> Ив<ановной>. Я потребовала, было, коньяк, но оказалась такая гадость, что пить я не стала. Потом Виктор позвал меня в Доминик пить водку, и я, совершенно забыв про à demi* уже выпитого, – пошла. Остальное можно рассказывать либо в трагическом тоне, либо в комическом. Сначала я была склонна к трагедии, теперь потянуло на комедию. Попробую, как выйдет.

Вобщем, мы выпили по 4 рюмки, а они громадные... Ну, пиво и сказалось. Виктор был вдребезги, говорил всякую ерунду.

– Ты думаешь, что я тебя люблю, как брат сестру? Глупая ты, глупая! Я тебя по-настоящему люблю, понимаешь?

Или уверял, что у меня в жизни была одна роковая ошибка: я не за того вышла замуж.

– Так это ты? Надо было за тебя?

– За меня.

И дальше, что если уж падать, то с таким человеком, как он и т.д. Наконец, на самом патетическом месте пришел Юрий. Тот предложил ему стреляться из-за меня «на одну ночь» (стреляться на одну ночь). Юрий выпил рюмку и пошел искать

* Наполовину (фр.).

Ел<ену> Ив<ановну>, та просила избавить ее от Монпарнасса и проводить домой. Я вытащила Виктора из Доминик и, хоть Юрий и передал нам (многозначительно улыбаясь) ключи, я без него не хотела идти домой, и мы пошли в Наполи. Что дальше было, я плохо помню. Был народ. Уходил, прощаясь, Адамович. Еще кто-то. Мне было очень плохо, я сказала Виктору, что пойду на воздух. Он что-то промычал, вроде: «Ну, иди, иди!» Вскочил Фельзен.

— Куда вы?

— Я пойду, до свиданья!

Он удержал мою руку.

— Да куда же вы? Оставайтесь с нами. Как же вы? — видит, что в таком состоянии я никуда не дойду.

— Мне плохо, — и я вышла.

Села за первый же столик около двери. На меня льет дождь. Руки и ноги у меня мокрые. Одна. Никто не подойдет, кроме какого-то типа, которому я вежливо сказала:

— *Allez-vous en, monsieur**.

Из последних сил борюсь со сном. Состояние отвратительное. Ужас что! Наконец, собрала последние силы, вошла в кафе. Юрия нет. Но являются Виктор с Терапиано.

— А, вот и ты! Да какая же ты мокрая! (щупает рукав) Ужас! Юрий, потрогай, какая она мокрая (этот тоже пощупал, верно, он был под градусом)... Что-то говорили оба — я уже ничего не понимала. Внезапно почувствовала страшный приступ тошноты, выбежала на улицу и меня вырвало. Через несколько минут вернулась в кафе — Виктора нет. Стоит Терапиано. Хотелось его позвать на помощь, да стыдно было. Облокотилась на столб и стою. Тут меня нашел Юрий. Никогда в жизни я так ему не радовалась! Подобрал он еще где-то Виктора, погрузил нас в такси и привез домой. Раздел сначала меня, потом Виктора. Вот, в сущности, и все, вся драма.

Последствия ее таковы: вчера Мамочка поругалась с Юрием, заявляя, что это он во всем виноват, а сегодня мы все за обедом ругались. За Юрия я всячески заступалась, а себя виню не в том, что пила водку, а что забыла про пиво. Это непростительно! Теперь я утратила свою репутацию твердой, крепкой пьяницы (я уже окончательно перешла на юмористику).

Сегодня приходил Виктор. Я ему сказала, что никогда не прощу ему моего сиденья на дожде. Я сержусь на него по-настоящему. Мамочка сердится на всех, говорит о падении

* Идите, месье (фр.).

нравов. Я сержусь на себя, что забыла про пиво, а вообще не знаю, как теперь мне показываться на Монпарнассе. Особенно мне не хочется встречаться с Фельзенем и Терапиано. Остальные, м<ожет> б<ыть>, еще ничего не заметили, а уж эти-то два заметили, боюсь, больше, чем надо.

А Слонима я, должно быть, так и не увижу больше. Человек, для которого я уже готова на все.

8 ноября 1934. Четверг

Во вторник были с Игорем у Прегель. Шикарный особняк, бобрик, диваны, комнаты такие, что рояль даже не заметен, завтрак из 7-ми блюд, курица, подает лакей, тарелки меняются поминутно и т.д. И тут же разговор о том, что самое правильное – ехать в Россию (с лакеями?). Что мы бы сумели перестроиться, что там жизнь все-таки тяжела, а м<ожет> б<ыть>, и лучше и т.д. Теперь в моде подобное большевизанство, благо и неопасно.

11 ноября 1934. Воскресенье

Сегодня была с Игорем у Ел<ены> Ив<ановны>. Там был Ладинский с женой (с дамой, с которой они живут в одной квартире). У той дамы – «преlestная армянка» – дочка 3-х лет. Ну, понятно, детский крик. Настроение еще со вчерашнего дня, а м<ожет> б<ыть> и раньше, какое-то кислое, а тут стало еще хуже. Пришла я, когда никого еще не было, и мы с Ел<еной> Ив<ановной> немножко поговорили. Рассказывала она про четверговой доклад Адамовича, говорит, скучно было; но выступал Слоним, публику расшевелил. У самой-то Ел<ены> Ив<ановны> увлечение, видимо, прошло, потому что тут же она назвала его «демагогом», сказала, что выступает он всегда, в конце концов, для самого себя, «чтобы сорвать аплодисменты». В общем, я поняла, что я его никогда больше не встречу.

А мне, как это ни кажется глупо и смешно, с этой мыслью очень больно примириться.

И еще была она как-то в редакции, видела там Ладинского, и тот стал ее расспрашивать о том, что было на Монпарнассе после того вечера (сам он был с женой и потому после кофе-крема сейчас же ушел), и радостно спросил:

– Говорят, Ирина Николаевна напилась? –

И тут же Ел<ена> Ив<ановна> добавила:

– Но больше ничего не сказал!

Значит, уже «все говорят». Как же на это реагировать? Конечно, мне это очень неприятно, тем более, что есть основания для злословия. А этот уже обрадовался! Старый сплетник! Вот и говори потом о каком-то «благородстве». Теперь все пойдут языки чесать, нашли к чему прицепиться. Плюнуть? Пойти опять на Монпарнасс? Как ни в чем не бывало? Или опять исчезнуть с литературного горизонта на несколько лет? Тем более, что отклика там мне все равно не найти, а того, что мне интересно, я все равно не встречу!

А Ладинский стал старой, противной брюзгой, на все ворчит, брюзжит. Раньше, когда он был помоложе, он смотрел на все и вся с высоты своего олимпийского величия, что еще куда ни шло, еще какая-то страстность была, а теперь просто по-старчески брюзжит и сердится; и стар-то он, и печень у него болит, и все неладно. Хочется ему быть а la Ходасевич, только вот злости той, остроты у него не хватает, и получается так что-то...

30 ноября 1934. Пятница

Вот вчерашний доклад Слонима, после которого я легла около 4 х. В конце концов, этот единственный в эмиграции энтузиаст оказался пессимистом (в отношении эмиграции, конечно), что даже страшно стало.

— Да, в конце концов, я пессимист, — сказал он мне на мои замечания.

А в общем, грустно.

3 декабря 1934. Понедельник

Ну, о докладе я уже писать не могу. Очень было интересно. Много ругался с Адамовичем и Ходасевичем, причем ругань была уже чисто «парламентарская», в очень резких формах. Все, конечно, ругали Слонима, причем довольно подло. Напр<имер>, Адамович бросил ему упрек в том, что он заискивает перед советской литературой и даже — не только перед литературой. Слоним же, в свою очередь, упрекнул (и очень горячо) Адамовича в безответственности, в том, что он, имея возможность выступать в печати, пишет не то, что думает, противоречит самому себе и т.д. Между прочим, Слоним сказал такую фразу:

— Советскую литературу я чувствую, как свою литературу; так же, как и Россию всегда продолжаю чувствовать своей родиной.

Ему кто-то (кажется, Адамович) возразил, что «об этом вообще не принято говорить» и что «все мы так же чувствуем».

Тут у меня явилась мысль даже выступить в прениях. Меня эти слова необычайно взволновали, и даже как-то больно сделалось. Надо самой себе сказать честно, что я Россию своей родиной не чувствую, у меня нет никакой родины, а привычной родиной мне стал быт эмигрантщины. А советская литература для меня такая же чужая, как перевод с латинского. И это самое трагичное, что я не одна, что вся молодая эмиграция, моложе меня, чувствует так же. Молодой эмиграции вообще нет. Эмиграция кончается на мне, на моем возрасте. Настоящая молодежь – французская, притом с сильным уклоном влево. Она-то, конечно, еще меньше меня чувствует Россию. Вот об этом-то, о многом еще другом, мне хотелось сказать Слониму, а Ел<ене> Ив<ановне> – насчет писателей, она накануне доклад читала в РДО.

Ну, мы его и караулили у выхода, а его подцепила Ася Берлин со своей женой (или мужем – не знаю уж, как и сказать), и они пошли на Монпарнасс. Мы с Ел<еной> Ив<ановной> тоже пошли в Наполи, Мандельштам нас оставил со всяческими извинениями и ушел, мы сидели вдвоем. Пришел туда и Слоним со своими дамами, сели недалеко от нас, там же был Газданов (который, кстати сказать, со мной не поздоровался, видимо, не узнал; говорят, что я очень изменилась). Тут он подошел к нам. Ел<ена> Ив<ановна> сразу же обрушилась на него со своими писателями, и я уж (все равно) молчала. Просидели мы с Ел<еной> Ив<ановной> до половины второго, хорошо поговорили, но втайне каждая злилась на себя, что пропустили Слонима. Только когда вышли на улицу – сказали об этом. А еще досадовали на Слонима, что он занят этой стервой Берлин, омерзительной женщиной.

А что, если когда-нибудь, оставшись с ним с глазу на глаз (например, если он и я будем у Ел<ены> Ив<ановны>, и Юрия не будет, и он пойдет, конечно, меня провожать – больше возможности такой я не вижу), я скажу ему: «Я вас люблю»? А там – все равно.

5 декабря 1934. Среда

Пришла к заключению, что даже «воображаемый роман» может иметь совершенно реальные последствия. Кажется, ничего нет, кроме глупой влюбленности (да и то – в миф), а результаты налицо. Все время мысль вертится около вымысла,

который становится как бы второй жизнью. Все время я живу в воображаемых событиях и в зависимости от этого бываю весела, зла или грустна, бывает, что и плачу. И иногда мне начинает казаться, что все это уже не вымысел, а действительность, цель! Днем я занята собой и своим «воображаемым собеседником». И неспроста я ухожу спать в кабинет. Не только в открытом окне здесь дело, а в том, чтобы лежать совсем одной, а м<ожет> б<ыть>, с тем же «воображаемым собеседником». Хуже: я даже Игоря забросила, мало его вижу, совсем им не занимаюсь, ходит грязный, ободранный. А я хожу по улицам, сама с собой разговариваю, или лежу на диване и все плету свой «воображаемый роман». А до чего доплелась, один Бог знает. Писать об этом я уже не буду.

Комната не убрана, сын заброшен, муж обманут и предан (ибо «воображаемый роман» есть уже измена), сама же я все время нахожусь в каком-то истерически-болезненном состоянии, мне кажется, что и мои удушья того же нервного происхождения. А из-за чего? Из-за того, что никогда не было и не будет.

«Воображаемый роман» и «воображаемый собеседник»! А я еще не считала себя фантазеркой!

8 декабря 1934. Суббота

Игорь выявляет характер: завтракаем мы вдвоем. Я заедаю свое лекарство (стрихнин с мышьяком) половиной апельсина, другую после еды съедает Игорь. Я уже кончила есть, он все еще ковыряет свою капусту. Я уже начинаю раздражаться и совершенно машинально принимаюсь за апельсин.

— Ты что же ешь мой апельсин, мне ничего не останется.

— Ах, тебе жалко? На! — и кладу около него.

Вдруг он как отшвырнет его в мою сторону.

— Не надо!

Мне это даже понравилось.

14 декабря 1934. Пятница

В общем, я нисколько не жалею, что была вчера у Унбегаун, хотя там никого, кроме меня, и не было. Надежды мои не оправдались. Но было весело и как-то уютно. Ведь это единственная семья, которая мне действительно близка.

Уговорились с Ел<еной> Ив<ановой> встретиться завтра в 11 ч<асов> вечера в Наполи, заранее предвкушая тот злобный эффект, который производит мой уход на Юрия: «эгоистка,

она». О нравственности говорит. Мне теперь доставляет большое удовольствие его злить! Нехорошо, должно быть, но жизнь у нас уже и так пошла вразлад – врозь. Не без участия «воображаемого собеседника». Ах, если бы его завтра встретить.

27 декабря 1934. Четверг

Вчера Юрий прочел мое последнее стихотворение «Измена», посвященное «Воображаемому собеседнику», и, конечно, расстроился, ходит страшнее тучи, долго не мог заснуть. Он еще больше меня способен драматизировать события, даже «воображаемые». Говорил о неудавшейся жизни, об одиночестве, о том, что кончилась любовь и т. д. Во многом прав, но не во всем. Он однок. Мои несчастья, по его убеждению, происходят от половой неудовлетворенности. У него, может быть, но не у меня. У меня есть «воображаемый собеседник», ему не обязательно быть любовником, в реальной жизни я даже этого боюсь: узнать то, что я не знала с Юрием (следовательно, потерять его совсем). Мне нужен просто добрый и бескорыстный близкий человек, который мог бы меня просто по-человечески пожалеть, по головке погладить, даже в самом буквальном смысле; которому я могла бы довериться, всю себя рассказать – с болью и кровью – и услышать в ответ какое-то настоящее слово, от которого на душе стало бы тепло – и один только такой разговор – и мне больше ничего и не надо. Он должен быть, прежде всего, джентльменом (в том высоком смысле, как это я понимаю) сильным и внимательным ко мне. Один такой разговор с таким человеком, которому бы я безгранично верила, – и все. А дальше я бы могла пойти на все. Таков мой «воображаемый собеседник», раньше, в ранней юности, я звала его «загаданным, неведомым другом». По существу, это ода и только. По существу, я так же о нем мечтаю, так же его ищу, как и 10 лет назад. Он воплощается в моем реальном лице – от Васи до Слонима – и все не то. Слонима я не знаю, это последний миф. И я, наконец, от этих поисков устала, и уже готова признать, что такого «собеседника» и «друга» на свете нет (да конечно же нет!). И к моему последнему я подхожу уже иначе, я уже почти (почти!) не жду от него задушевности и теплоты. А чего жду? И сама не знаю. Если бы даже он и оказался грубым животным (вернее всего, он ничем не окажется, куда за ним с моей робостью), я бы была ему благодарна за то, что он исцелит меня от моей честной детской фантазии, а м<ожет> б<ыть>, он навсегда останется

только «воображаемым собеседником», чистым и хорошим, пока не придет кто-то другой. А «кто-то» должен прийти, в этом Юрий прав.

28 декабря 1934. Пятница

Великий спор с Мамочкой из-за Игоря.

— Игорь! Не смей никогда ходить в мою комнату, ты хулиганишь, и я не хочу, чтобы ты ко мне ходил.

Игорь на эти слова никак не реагирует. Знает, что через 5 минут он пойдет туда и будет встречен как ни в чем не бывало.

Зачем же говорить такие слова? Или:

— Игорь, если ты сейчас не уберешь свои игрушки, я их выброшу.

Игорь — никакого внимания. Вмешиваюсь я.

— Игорь, ты слышал, что бабушка сказала?

— Нет, бабушка не выбросит, — и уходит в школу.

Я возвращаюсь и вижу, что все его игрушки свалены в столовой.

— Мамочка, что же это такое?

— А куда же я это все дену?

— Если ты сказала, что выбросишь, так и выброси.

— Я сказала, что выброшу из своей комнаты.

Ну, это уже, конечно, слишком глупо, — ведь не быть сказанному сгоряча. Выбрасывать жалко, так зачем же так говорить? Или:

— Игорь, ты совсем разучился играть один, ты должен уметь заниматься один.

А кто его приучил, что ни на минуту не останется один, вечно с ним бабушка с дедушкой возятся? И что они все время твердят, что Игорь у меня заброшен, что ребенка нельзя оставлять одного и т.д. И вот результат: за 8 месяцев, что мы живем вместе, Игорь научился скучать и спрашивать: «Что мне делать?»

Бедный мальчишка! В этом году он заболел еще раньше Рождества — в день своего школьного праздника. Он должен был там участвовать в спектакле и быть тигром, в «Sur le pont d'Avignon» и «Chef d'orchestre»*. И заболел. Потом пропустил Тургеневскую елку, сцену у Тани. Каждый год. Не везет мальчишке! А вчера — пришла ночью от Ел<ены> Ив<ановны> — и у него голова забинтована — так болит.

* «На мосту Авиньона» и «Дирижер» (названия инсценировок) (фр.).

С чего начать? Чуть было только успокоилась, только было все наладилось, достигли какого-то мира, только что завели опять очень трогательные и умильные разговоры о любви, дружбе, и даже мой «воображаемый собеседник» отошел куда-то в сторону, даже хорошо стало быть друг с другом; и вдруг (Юрий — *И.Н.*) рассердился на мальчонку за обедом, отколотил его; я, конечно, вспыхнула, обозвала его идиотом, он меня душой, и пошло. Ничего страшного, конечно, не произошло, хотя после такого обмена любезностями мы не сказали друг другу ни одного слова, и сейчас он ушел, видимо, до утра. А назавтра начнется все самое привычное, самое знакомое с видом затаенной враждебности, а, по существу, с полным равнодушием и иногда только с желанием уколоть. Все, как было. А подобное счастье и близость, возникшее с таким трудом после Нового года (не долго же оно продолжалось!), рухнуло. «Воображаемый собеседник» опять появился со своими утешениями.

Кстати, о «...собеседнике». В четверг была у Унбегаун. Узнала, он (М.Л.Слоним — *И.Н.*) обещал прийти и, следовательно, предчувствие меня не обмануло. Но — не пришел. Должно быть, сама судьба меня бережет!

Вот и все. Были еще какие-то мелочи: безумно веселая елка у нас, где взрослые были детьми, два четверга у Унбегаун (на третий уже неудобно будет идти, а он (М.Л.Слоним — *И.Н.*) тут-то и придет!), ссоры и споры дома, а вообще — одиночество. В самом полном смысле слова, некуда пойти, не с кем поговорить. Характер у меня нелюдимый и тяжелый, со всеми я ссорюсь. Нет у меня ни одного близкого человека.

Опять появляется на сцену «воображаемый собеседник». Одиночество. Юрий говорит: «Все мы одиноки». Это неправда. Он хоть внешне не одинок. Пошел себе на Монпарнасс, где будет на людях языком трепать. А у меня даже такого Монпарнасса нет. Один «воображаемый собеседник». Еще о Юрии. Вывела одно заключение (как это раньше не догадалась?) относительно половых отношений (было и это за четырехдневную дружбу) — что меня в Юрии раздражает: слабость. Слабость, нерешительность, «мягкотелость», м<ожет> б<ыть>, будь он сильнее, грубее даже (не обязательно же быть зверем), он меня бы и зажег. Не знаю. А так — делаю ему одолжение, когда уж очень бывает его жалко; хорошо, что в темноте и он не видит моей физиономии. А когда он спрашивает, «неужели ты не

испытываешь никакого сладострастия?», я только пожимаю плечами. (Хорошо, что в темноте. Все равно не поверит!)

И вот опять является на помощь «воображаемый собеседник».

6 января 1935. Воскресенье. Рождество

Вчера вечером от Наташи, где мы были все пятером, поехали на Петель. Там была поздняя всенощная, а в 12 часов — литургия. Мамочки-то не было, хотела поехать со мной, но я очень резко ответила, что в таком случае я не поеду. Тон был резкий и нехороший, и мы ссорились до сегодняшнего вечера. Но в церковь я люблю ходить только одна. В церкви я сделала две необычные вещи. 1. Купила просфору, честь честью, в «Здравие» вписала также имя Марка, что с точки зрения православного догмата, должно быть, совершенно недопустимо и почитается большим грехом. А мне это очень радостно, что я могу (как могу!) молиться в любимой церкви за любимого человека, хотя он и еврей. 2. Исповедовалась и причащалась. Это я сделала с большим колебанием. Несколько раз приближалась и опять отходила вглубь церкви, даже совсем уходила на улицу. Наконец, когда священник ушел в алтарь, я нерешительно выступила вперед, и он вернулся. Старый священник, с крестом на георгиевской ленте. Но нужных слов у него не нашлось.

— Давно вы были у исповеди?

— Десять лет.

Он запнулся. Начал говорить о том, какой это огромный грех, что о других грехах даже и говорить нечего теперь, одним словом, прочел мне самую шаблонную нотацию. А в заключение сказал, что теперь я должна исповедоваться, по крайней мере, два раза в год. Очень об этом напоминал и не почувствовал, что бы надо было посоветовать человеку, который, после 10 лет, возвращается добровольно и сознательно к христианству, а наложил епитимью. Но подлее всего было то, что я поддакивала ему смиренно. Было бы лучше, если бы я прямо сказала ему, что все таинство для меня только обряд, и я не могу относиться только формально к тому, что для другого свято, и он бы в ответ на такое антихристианское суждение не допустил бы меня к причастию. Было бы лучше. Но к причастию я все-таки пошла. Шла, как и на исповедь, если не с верой, то, во всяком случае, с желанием верить. И поняла, что это — в последний раз.

Для меня нужнее исповедь, чем причастие (какой нехристианский взгляд!). Но исповедоваться хочу у человека безжалостно-строгого и внимательно-справедливого (опять «воображаемый собеседник»), а не у такого попа, который самым большим грехом считает то, что я более 10 лет к нему не подходила. Да у меня есть грехи гораздо большие, а потом — разве неверие лечат земными поклонами?

А вообще, я очень довольна, что была в церкви, несмотря на то, что пропустила последнее метро и вернулась домой в половине второго пешком.

31 января 1935. Четверг

Когда так долго не пишешь, трудно бывает начинать. Начну с Игоря. Сейчас он, бедняжка, болен ветряной оспой. Болезнь не опасная и проходит у него легко, только один вечер была температура и то небольшая. Но сильно распухли железы за ушами. Для меня вообще это малопонятная вещь — «железки», и я их боюсь. А тут Николай Иванович совсем меня напугал, говорит, что на лето его необходимо отправить в санаторий и что мальчонка погибает и т.д. Теперь мне это кажется сильно преувеличенным, а в тот день я много плакала.

Незадолго до болезни Игорь начал брать уроки музыки на скрипке, у Е.А.Блиновой, она сама захотела с ним заниматься. Я очень довольна. Это — об Игоре. Ссоримся мы — невероятно — все из-за него. Мапочка о нем спокойно говорить не может, сразу же истерический тон. Так что с ней мы несколько дней совершенно не говорили. Атмосфера дома малоприятная, зато с Юрием тепло и уютно.

Теперь — о себе.

Усталость, апатия, неубранные комнаты.

Я ненавижу свое тело (кроме рук), болезненное, болящее. Ненавижу мои ноги — ночью, чтобы перевернуться на другой бок, я долго-долго сначала собираюсь, мне хочется взять их руками — переложить, они болят от основания до пяток. А мои растрескавшиеся пятки, которые больно задеть, а по утрам кажется, нет возможности наступить. Ненавижу до отвращения мою непроходящую экзему, из-за которой я дошла чуть ли не до онанизма. Всю, всю свою нижнюю половину тела и все, что с ней связано! Господи, за что?

9 февраля 1935. Суббота

Судьба — хранит?

25 февраля 1935. Понедельник

Не пугает даже будущее – будь, что будет! (мое спасительное легкомыслие) – только очень жаль бедного Юрия – еще неделя максимум и он кончает работу. Не подходит под процентную норму. Будет хлопотать о помаже*, будет иметь частную клиентуру, – вообще не знаю, что будет дальше. Отдохнет, по крайней мере, я и тому рада.

7 марта 1935. Четверг

Ужасно жалко Юрия: нашел работу: с 6-ти часов до 11-ти с половиной, каждый день, без отдыха. Завтра начинает. Еще неизвестно, какая работа – знаю, что там есть работа. На 7-ом этаже, подниматься надо по узловой веревке и работать, сидя на доске. Заработок около 200 фр<анков> в неделю. Значит, после обеда надо прирабатывать своими клиентами, т.е. работать весь день, притом еще за меньшую плату. А, главное, без отдыха. Никогда не выспаться. Но выхода нет. У «Игната», а он еще пока работает, еще неизвестно, на какое время, но больше, чем 20-го. А там надо начинать завтра. Раздумывать некогда, да и бесполезно. Там ему хоть обещают выдать все бумаги для рабочей карты. А это по теперешнему нашему положению уже много. Жаль только его очень, я боюсь, что не выдержит он такой работы. Значит, каждый день вставать в 4 ¹/₂ часа!

9 марта 1935. Суббота

Дудки! Не пойду!

21 марта 1935. Четверг

На свете весна. Весна, самая настоящая, с прозрачной синевой, с солнцем и сухим, бодрящим и расслабляющим воздухом. Даже я как будто проснулась от зимней спячки, будто вышла из состояния оцепенения. Даже энергия поднялась – мытье кастрюль, натирка полов, стирка, мечты о летних пуловерах для Игоря и пр<очее>. Но ненадолго. Посмотрела на себя в зеркало, в самое обыкновенное, подержанное зеркало, оглядела себя со всех сторон и поняла, что уже никого (и тем более себя) больше не обманешь: молодость и вправду прошла. Все тело болит, «от зубов до пяток», экзема не проходит, ничего не помогает и, видимо, – безнадежно. Уже радуешься,

* Le chômage – безработица (фр.).

что не хуже. А как это противно и как больно! Ведь я совсем измучена! Я завидую каждой встречной женщине – у нее все в порядке, ей не больно ходить, а мне каждый шаг – боль. Посмотрела хорошенько и на свою физиономию. Морщины, кожа скверная, уже дряблая, вид потрясающий. Даже глаза, единственное, что было во мне интересного, стали какие-то маленькие, отекающие, даже ресницы повылезли будто. И вдруг, в первый раз в жизни, мне стало жаль себя как женщину.

В молодости казалось: успеем. А что «успеем» – черт его знает! А вот прошло десять лет, у меня муж, сын, которого я очень люблю, и, несмотря ни на что, мне вдруг захотелось чуть ли не пошленького романчика, вдруг стало страшно, что никогда и никого я больше как женщина не заинтересую. Должно быть, тут-то и начинаются самые отвратительные авантюры.

2 апреля 1935. Вторник

От всего этого осталось впечатление чего-то хорошего, серьезного и настоящего. Как и сам Борис Генрихович, м<ожет> б<ыть>, действительно, единственный настоящий человек из всех, кого я знаю. Из всего, что читал Б.Г., из всего, что возмущали ему седовласые олимпийцы, я не расслышала ни слова, хотя и недалеко сидела. Зато видела все: и олимпийцев за полукруглым столом, и спину Б.Г., и публику. Елена Ивановна так трогательно волновалась, что даже было как-то приятно на них смотреть. А когда после совещания проф<ессор> Эйзенман, произнося какие-то поздравления, произнес: «Très honorable»*, я испытала истинное наслаждение.

Странно: я стала нравиться Б.Г. – но почему? Ведь я не умна как человек, и не так уж интересна, просто как мешчанка. Но его отношения ко мне и волнуют, и пугают.

4 апреля 1935. Четверг

- Мама, как ты меня любишь?
- Как весь мир (такова его формула).
- А я тебя люблю, как тысяча Россий, две Америки и три Франции. Это больше, чем весь мир?

Была днем у Унбегаун. Выпили с Б.Г. бутылку шампанского (Ел<ена> Ив<ановна> – только полстакана и скоро ушла с Та-ней). Б.Г. усиленно «умаживал» и руку целовал больше, чем следует, держал ее и гладил и пр<очее> и даже из библиотеки под каким-то предлогом прибежал, когда я на машине шила

* Достоин похвалы (фр.).

одна, опять здоровались и прощались и т.д. Это мне и льстит (от такого человека), и смешит немножко, и тревожит.

15 апреля 1935. Понедельник

Была вчера с Б.Г. в синема, шли «Господа Головлевы». И фильм прекрасный, и флирт, в конце концов, занимательный. Всерьез принимать его я, конечно, не могу – уже потому, что сама этим человеком не увлечена, но меня теперешняя роль сильно забавляет. Слава Богу, я уже не в том возрасте, чтобы случайный поцелуй руки или нежный, слишком нежный взгляд, заставил бы меня думать о какой-то «любви» и прочем. Но не скажу, чтобы было неприятно рука об руку сидеть в синема, или идти вдоль Люксембургского сада, или пить в Ротонде «Porto». А что будет дальше – посмотрим. Я покорно-пассивна, действовать сама не могу, да и не знаю как, а с любопытством наблюдаю, во что все это выльется.

Мой «воображаемый собеседник», простите! Не моя вина, что это не Вы.

4 мая 1935. Суббота

Несмотря на то, что я так люблю жизнь, 29 лет тому назад мне лучше было бы не родиться!

Болезни, болезни, болезни...

5 мая 1935. Воскресенье

К Пасхе я сделала Юрию подарок – переписала все стихи, посвященные ему. Оказалось, больше ста. Переписывала с большим волнением и была без преувеличения прямо потрясена результатами: ведь тут вся гамма наших отношений, вернее – моих отношений к нему – от наивной и восторженной влюбленности – через почти ненависть – к спокойной уверенности, что

И чтоб в жизни со мной ни случилось,
Никогда ты не станешь чужим.

Юрий остался доволен, сказал что-то вроде того, что я очень хорошо сделала, и «тетради хорошие», а читать и не подумал. А между тем их интересно прочесть, именно всю тетрадь. Не читал. А единственным результатом моего предприятия было то, что он купил такую же тетрадь и стал переписывать туда все свои стихи, приговаривая при этом, что занят «большим и серьезным делом».

По-прежнему живем как-то совсем врозь.

Одиночество, бедность и болезни. Вот тема для стихотворения.

У Унбегаун давно не была и не пойду: нужно выдержать характер.

Нас всех перезаразила Томи своими лишаями. Возили ее два раза в диспансер к ветеринару, а Игоря – в Красный Крест к Гуфнагелю. У меня только на груди этих лишаев было больше 30-ти, да на руках, да на шее, и на спине, где не вижу. Теперь лучше – и Гуфнагельская мазь помогает, остались следы, но уже не так безобразно, а то, действительно, мне только тут парши не хватало.

А к Томке очень привязалась. Она почти поправилась, только на ушах шерсть облезла. На той неделе опять потащу Томи к ветеринару, Игоря – к Гуфнагелю.

(Томи – смешной котенок 3-х месяцев. Наконец-то я опять достала кошку, и с такими осложнениями. Ее все боятся взять на руки, Андрей даже ходить к нам перестал из-за нее, а она такая ласковая, все время сидит у меня на плече.)

9 мая 1935. Четверг

Получив подобный пневматик, я, ясное дело, пошла. Как и думала, был Евгений Замятин с женой. Очень веселый. Вообще я хохотала вчера так, как разве только в ранней молодости смеялась. Пришел Юрий, а он в таком обществе смущается. Пили много вина и, конечно, были несколько «под градусом». Вышли все вместе, и Унбегаун выскочили нас проводить. Замятины спустились в метро Edgar Quinet, а Б.Г. берет меня под руку, Юрий – Елену Ивановну, и, в конце концов, мы пошли в разные стороны: мы – на rue du Château, они – на rue Michelet. Чем это все кончилось, можно представить. Борис, конечно, «шляпа» и интеллигент в этом отношении, он был очень нерешителен и смешон, а я, как всегда, неподвижно-наблюдательна; долго топтались у двери, бродили до угла; и только, когда я уже вошла в коридор, прощаясь, Борис решил меня поцеловать. Я подставила щеку (Юрий потом страшно хохотал над моим рассказом). У Юрия и Ел<ены> Ив<ановны> дело обстояло весело. Они всю дорогу целовались враскоряку. Юрий даже повеселел.

– Ну и баба! Как целует!

Вообще, было очень весело.

Сегодня, отведя Игоря на Монпарнасс, пойду к Унбегаун посмотреть на них обоих после выпивки при дневном свете.

13 мая 1935. Понедельник

Вчера вечером был у меня Борис. Ему повезло: Юрий только что уехал отвозить Папе-Коле пальто на банкет РДО и вернется около 11 часов. Я сама себя не понимала и не узнавала, взяла какой-то, совершенно несвойственный мне тон, несколько развязный и циничный, все время подзадоривала Бориса, «Ну, решительно, ну, проявите же настойчивость» и т.д. Дразнить было весело. Волновалась немного. Голова не кружилась. Даже забавляло свое полнейшее спокойствие. Ам<ожет> б<ыть>, это подло? Конечно, немножко обидно, что я направляюсь ему только как женщина. Игра ясна. Можно предвидеть все, что будет дальше. Вчера мне казалось, что я могла бы отдаться ему так же спокойно и равнодушно, из простого любопытства. Ну, а дальше что? Вся беда в том, что я его совсем не люблю. Даже больше: еще не так давно я никогда бы не могла поставить между нами знака равенства — ни в культурном, ни в общечеловеческом смысле, а теперь чувствую себя в некотором отношении выше его. Должно быть, и у него в отношении меня есть некоторая доля презрения. Поживем, увидим, чем все это кончится. Если еще недавно, в субботу, у меня было все время желание его увидеть, и я даже бегала в Институт (и увидела закрытые ставни), то теперь у меня нет никакого желания этой встречи искать. Инициатива в его руках. Посмотрим. Если увижу, что Юрию все это неприятно, поставлю точку.

23 мая 1935. Четверг

То ли в школе, то ли от Томки, но только Игорь заразился какой-то неприятной болезнью, что по-французски называется «La teigne»*, а по-русски — парша или лишай. На голове у него образовались плеши. Говорят, очень заразительна для детей. Гуфнагель послал меня в госпиталь St. Louis, где после долгих перегонов из одной лаборатории в другую мне категорически сказали, что Игорь должен остаться в госпитале на 6 (!!) недель, чтобы пройти курс лечения (rayons ultraviolets). Я заплакала. Игорь тоже. Оказалось, что раньше первого его принять не могут, а там, видимо, неизбежно. Отделение это специально детское и специально этой teigne, даже и называется L'école**, но мальчонку невыносимо жалко. Сейчас он как-то

* Лишай (фр.).

** Школа (фр.).

спокоен, я его убедила, что это будет «французская колония», но как только я сама подумаю об этом, конечно, плачу...

Умерла Олимпиада Васильевна Блинова, ей около 90 лет. Была мне близка, потому что последнее время я часто сидела с ней, когда Ел<изавета> Ал<ександровна> уходила. Ко мне она привязалась. Пишет ее внучка.

26 мая 1935. Воскресенье

Юрий признался мне, что и у него уже, конечно, не может быть к Борису прежнего отношения. Так что мой роман кончился, в конце концов, очень грустно. Потерян человек, а м<ожет> б<ыть>, и вся единственно близкая мне семья. Если бы не Игорешкина болезнь, пошла бы к Елене Ивановне и про Игоря бы ей рассказала, поплакала бы, а то поговорили бы с ней по-хорошему. А уж обманывать-то ее у меня нет никакого желания. Интересно, рассказал ли ей все Борис? Если да, это бы меня с ним несколько примирило.

7 июня 1935. Пятница

Завтра будет неделя, как я отвела Игорешку в St.-Louis. А кажется – вечность. Дома я просто сидеть не могу. Конечно, каждый день езжу к нему. Грустный, тихий, немножко растерянный. До вчерашнего дня при мне не плакал, а теперь при прощании – слезы. В синем халатике, на голове – платочек. Детей в их группе больше 20-ти, одного приблизительно возраста. Дети славные. Со всеми разговаривают, видимо, дружны. А вообще, все они на меня производят впечатление затравленных зверьков. Не могу об этом писать – как вспомню это личико под белой тряпочкой, эти глазки, полные слез, и на мои слова: «если будешь плакать, я не буду приходить» – почти истерический крик: «Я не буду плакать!» – я сама начинаю плакать.

Если я сегодня пойду на Edgar Quinet, где меня будет ждать Борис, это будет первая в моей жизни подлость. Встретившись с ним в понедельник (именины Ел<ены> Ив<ановны>), я поняла, что роман мой вовсе не кончен, что меня к этому человеку тянет. После разговора с Юрием вести эту игру уже нельзя, начнется ложь, оправдания, которых у меня нет.

8 июня 1935. Суббота

Вчера Юрий повел меня в синема. Он что-то подозревал насчет «пятницы» и решил предупредить. Таким образом, «подлости» не произошло, но сегодня я звонила ему по телефону.

– Очень рад, что вы не могли прийти, а я думал, что вы не хотели.

– Нет, я не могла.

18 июня 1935. Вторник

Вчера с Юрием так хорошо ездили в Медон, так хорошо говорили. Казалось, ни одной тучи на горизонте не осталось, были близки, искренни и нежны. Опять нашли друг друга. А сегодня совсем случайно вспомнилось, что Юрий послал Борису письмо. Он сам понял, что сделал глупость, даже прощения у меня просил. А я так расстроилась, что весь день реву. Он не подумал даже, что он сделал со мной. Уверяет, что письмо было вполне корректное, «как мужчина к мужчине», и что если Борис умно себя поведет, то и отношения могут не измениться и т.д. Но ведь Борис не поверит, что письмо написано без моего согласия, и увидит с моей стороны трусливое предательство. Ведь мне-то его упрекнуть не в чем, он мне никогда не лгал и никакими высокими словами не прикрывался, я даже думаю, что он и не мог бы солгать (хотя обманывал Юрия и, м<ожет> б<ыть>, Ел<ену> Ив<ановну>), следовательно, все Юрины упреки падают не на него, а на меня. И получится, что я очень ловко вела двойную игру, навирая и тому и другому, сама на все шла, все позволяла, назначала свидания, а потом струсила и спряталась с видом жертвы за спину мужа. Будто я сама не могла ему всего сказать. Теперь я не увижу Бориса уже никогда, да еще оставлю о себе такую нехорошую память.

26 июня 1935. Среда

С Юрием хорошо, глубоко и прочно примирились. В прошлый четверг я читала стихи из тетради, которую переписывала для него, весь этап нашей жизни – от наивной влюбленности до последней серьезной дружбы и любви. Было хорошо, как, может быть, никогда еще не было. Юрий дошел до какого-то восторга, даже плакал от радости. Торопится с работы домой, вечера проводим вместе, и нам хорошо вдвоем.

Начала работать в библиотеке Народного университета, на полтора или два месяца. Работа мне нравится.

29 июня 1935. Суббота

В четверг получила рпеи от Ел<ены> Ив<ановны>. Ответила пневматик, что у меня «кошкина болезнь», прийти не могу, и что она может меня увидеть в библиотеке в такие-то часы.

Возможно, что придет не Ел<ена> Ив<ановна>, а Борис, но я и этого не боюсь, хотя с ним мне разговаривать будет труднее.

4 июля 1935. Четверг

Даже Виктор вчера почувствовал, что это у меня сегодня такое настроение, будто праздник!

– Я понял, ведь вы помирились, черти! А мне завидно.

– А разве мы ссорились?

– Да нет, это глубже...

А вот из литературных – не анекдотов, а фактов!

Сидим: Мамченко, Юрий и я. Говорит Виктор.

– Как это удивительно, что Мандельштам знает все народные песни. Подумайте, ну он знает такую песню, как «Сижу за решеткой в темнице сырой». Ведь это только где-нибудь в Сибири поется.

Вступает Юрий.:

– Но ведь это все-таки стихотворение Лермонтова.

– Ну, что вы! Какой там Лермонтов! Это народная песня.

– Да нет же, Виктор, ведь это известное стихотворение Лермонтова.

Тут уже выступаю я:

– Все-таки не Лермонтова, а Пушкина.

– Милая, да какой же это Пушкин. Это типичнейший Лермонтов.

– Нет, Пушкин.

– Да нет же, нет. Это и не Лермонтов, и не Пушкин, это, может быть, Майков или какой-нибудь еще неизвестный поэт.

– Это характернейшее по духу стихотворение Лермонтова. Типичное Лермонтовское.

Виктор стал колебаться.

– А может быть... Откуда бы иначе Мандельштам его знал? Да нет, это не Пушкин и не Лермонтов.

Поспорили.

(Это напоминает анекдот: приходит в одно общество еврей, недавно вернувшийся из Палестины. Его встречают возгласами: «Скажи мне, ветка Палестины...» Он приятно осклабился: «И у вас, значит, читают Бялика?» Одна дама с возмущением обращается к мужу: «Фу! Пушкин бы в гробу перевернулся!»)

Днем показываю Юрию Пушкина, читает. Смотрит на обложку. Действительно – Пушкин. Изумлен.

– Все-таки, никак не могу поверить.

*Ирина Кнорринг у камина. Париж. 1930-е годы.
Архив Софиевых-Кноррингов*

*Студенты Франко-русского института социальных и общественных наук.
Ю.Софиев и И.Кнорринг (на первом плане), Лиля Герст (3-я справа).
Париж. 1927. Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*Профессор П.П.Гронский и И.Кнорринг в Медонском лесу.
1927. Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*И.Кнорринг и Ю.Софиев на пути в Версаль. 1927.
Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*Велопрогулка. Слева направо: Е.Майер, И.Кнорринг, Д.Кобяков, Ю.Софиев.
1928. Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*Елена Майер (Люи). Париж. 1930-е годы.
Архив Софиевых-Кноррингов*

*Наташа Габар. Париж. 1920-е годы.
Архив Софиевых-Кноррингов.
Публикуется впервые*

*Члены Союза молодых поэтов и писателей в Париже.
Слева направо: Е. Майер, А. Берлин, Д. Монашев, Ю. Софиев,
С. Луцкий, В. Мамченко, А. Бибилов, Юниус, А. Ладинский (пред. Союза),
В. Гансон, Е. Сосинский, А. Гингер, Г. Газданов.
Фото сделано во дворе помещения Союза (79, rue Danfer-Roche).
1927. Архив Софиевых-Кноррингов*

Сотрудники и авторы журнала «Числа».

Стоят (слева направо): М.Ларионов, Б.Поплавский, В.Мамченко, В.Яновский, А.Руманов, Ю.Фельзен, Ю.Мандельштам, Н.Оцуп, Г.Раевский, В.Смоленский, С.Стасин, Ю.Терапиано, А.Гингер, В.Варшавский.

Сидят (верхний ряд): С.Шариун, Д.Кнут, С.Прегель, Е.Бакунина, Л.Червинская, И.Одоевцева, Д.Мережковский, Г.Адамович, З.Гиппиус, Г.Иванов. Сидят (нижний ряд): П.Ставров, А.Алфёров, Ю.Софиев, Б.Дикой, А.Буров, В.Злобин, Л.Кельберин. Париж, 1934.

Опубликовано в книге:

А.Корляков. «Русская эмиграция в фотографиях. Франция. 1917–1947»

Организаторы и участники елки Тургеневской библиотеки.

Сидят (слева направо):

Н.Н.Кнорринг, И.И.Иозефзон, Л.В.Шейнис, М.А.Осоргин;

*стоят: М.П.Котляревская (4-я слева), М.А.Осоргина (2-я справа),
ее мать Э.Н.Бакунина (3-я справа), супруги Трушины (4-й и 5-я справа).*

Конец 1930-х годов. Архив Софиевых-Кноррингов

70-летний юбилей П.Н.Милюкова.

*Слева направо (стоят): К.И.Зайцев, Б.С.Миркин-Гецевич, М.А.Алданов,
А.М.Михельсон, М.В.Вишняк, С.М.Соловейчик;*

сидят: В.М.Зензинов, Б.К.Зайцев, П.Н.Милюков, А.А.Яблоновский, В.Ф.Зеелер.

Париж. 27 января 1929. Опубликовано в книге:

А.Корляков. «Русская эмиграция в фотографиях. Франция. 1917–1947»

*Ю.Софиев с сыном Игорем. Париж. 1931.
Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*Б.А.Бек-Софиев, И.Кнорринг и Игорь в «столовой». Париж. 1933.
Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*И.Кнорринг в гостях: у сына в летней колонии Земгора.
Эленкур-сен-Маргарит. 1935. Архив Софиевых-Кноррингов.
Публикуется впервые*

*Николай Николаевич,
Нина и Ирина Кнорринги. 1931.
Медонский лес.
Архив Софиевых-Кноррингов.
Публикуется впервые*

*Ю.Софиев с Е.Н. и Г.П. Федотовыми
в тире. 1930-е годы.
Архив Софиевых-Кноррингов*

*После концерта в Русском доме (слева направо): В.К.Мещерская,
Т.Ф.Мантейфель, Н.Н.Кнорринг, Игорь Софиев, Г.И.Шевич (скрипка),
И.А.Энери, Б.В.Кологривов. С.-Женевьев-де-Буа. 1 июля 1938.
Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

*Дом, в котором жили Кнорринги и Софиевы (123, rue du Château, Paris 14).
Фото 1970-х годов. Архив Софиевых-Кноррингов*

*Членский билет студентки Франко-русского института Г.Кнорринг.
Выдан 1 апреля 1928. Архив Софиевых-Кноррингов. Публикуется впервые*

1

1

*Могила Ирины Кнорринг
на кладбище Иври (под Парижем).
Архив Софиевых-Кноррингов*

Ирина Кнорринг (последняя фотография). Париж. 1942

Опять анекдот. Приходит армянка в зоологический сад, смотрит на жирафа, долго смотрит, потом решительно произносит: «Не может быть».

6 июля 1935. Суббота

Конечно, «экзамена» я вчера не выдержала: сидим в Ротонде — мы и Синицын; вдруг что-то знакомое мелькнуло в толпе — проходят мимо Ел<ена> Ив<ановна>, Борис и еще какой-то старик. От неожиданности и растерянности я трусливо опустила глаза. Юрий говорит, что смотрел на них и даже собрался поклониться, но Борис тоже отвел глаза в сторону, а Ел<ена> Ив<ановна> заговорила со своим старичком. Через некоторое время Борис опять несколько раз прошел мимо нас, не глядя в нашу сторону, но явно наблюдая за нами. Потом долго топтался посередине улицы, словно поджидал, когда мы встанем. Мне и хотелось этой встречи, и я боялась ее. Что он хотел сказать нам? Что? Но когда мы вышли, их уже нигде не было.

Конечно, от Юрия не может укрыться впечатление, произведенное на меня этой встречей, да и не хочу я этого скрывать. Но объяснить себе этого я не могу. Мне бы хотелось, чтобы Борис подошел к нам и в моем присутствии сказал бы Юрию... Но что он может ему сказать? Что? Что он — подлец. Если бы он это сказал (хотя в отношении меня он не был подлецом), если бы он смог проявить также мужество, я была бы удовлетворена, а он ведет себя, как трус. На письмо-то ведь он не ответил. Правда, что же ответить? Играть в рыцаря и пытаться обелить меня? Нет, он не рыцарь. Но что же, все-таки, он хотел сказать вчера? Зачем он ходил мимо и долго стоял на углу, глядя в нашу сторону? Ведь не на меня же смотреть пришел? Едва ли ему теперь хочется на меня смотреть.

7 июля 1935. Воскресенье

У Юрия есть желание, подсознательное, конечно, как бы унижить меня. Должно быть, это совершенно естественно для мужчины, для мужа. Своего рода — месть. Последнее время мы пережили с ним минуты большого и настоящего счастья. Но только все время жить экстазом нельзя. А потому постоянные разговоры о своих страданиях, о том, что бы было, если бы он не вмешался, постоянная фраза: «Теперь ты, кажется, этого не сделаешь. Да?» — все это меня унижает. И как это он, проявивший столько чуткости и внимательности в отношении меня, — этого не понимает! А если понимает, тем хуже.

Вчера я говорила ему о том, что почему-то не испытываю смущения в отношении Ел<ены> Ив<ановны> (хотя умом отлично сознаю свою вину перед ней) – на это Юрий не без горечи заметил, что, по-видимому, у меня нет никакого смущения. Я едва сдержалась и потом проплакала весь вечер. Он очень расстроился, долго не мог заснуть, все просил меня что-то ему объяснить, я сказала, что сейчас не могу, объясню завтра, а ночью написала записку и положила ему на столе под хлеб.

«Милый Юрий, не старайся быть слишком добродетельным. Добродетель и доброта часто раздражает, а иногда и унижает. Не подчеркивай своего великодушия. И никогда больше со мной об этом не говори. Вот и все».

Не знаю, как он это поймет. Последний разговор у Унбегауна был о том, может ли раздражать человек и можно ли ненавидеть его за то, что ему обязан.

12 июля 1935. Пятница

Во вторник я встретила Бориса, вернее, он меня встретил, когда я возвращалась от Игоря, на rue de la Gaité. Сначала как ни в чем не бывало все нащупывал, знаю ли я про письмо или нет. Наконец, в кафе, был у нас долгий, очень взволнованный разговор. Я было подготовилась к этой встрече, а потому, даже неожиданно для себя, была внешне очень спокойна, а Борис страшно волновался. Разговора передать не могу: трудно. Больше говорила я. О том, что в результате я его потеряла, правда, взамен нашла Юрия.

– Значит, я все-таки на что-то пригодился?

– Так вы теперь счастливы? Это главное.

– Ну, а я-то чем же вас заменяю?

– Разве это трудно?

– Мамченко, я думаю, никогда не играл большой роли в вашей жизни? Вообще мало для вас значил.

– Вы серьезно так думаете?

– Да.

– Когда-нибудь вы убедитесь, что это не так.

О Юрии.

– Конечно, Ю<рий> Б<орисович> поступил вполне правильно. Он вас хорошо знает. Вы – беззащитны, вас нужно защищать. Вот у нас с Ел<еной> Ив<ановной> каждый сам себя защищает.

В этих словах мне послышалось много горечи.

– А как бы вы поступили на месте Юрия?

– Я поступил бы хуже, надо сознаться. Но тут еще все бы зависело от того, были бы это вы или Ел<ена> Ив<ановна>.

Еще я сказала ему, что ведь я-то потеряла не только его, но и Ел<ену> Ив<ановну>, а ведь она была у меня единственной подругой. Он вдруг оживился.

– Если вы, правда, не хотите терять Ел<ену> Ив<ановну>, придите к нам. Так вот прямо и придите, когда меня не будет дома. Я ей представил наши отношения в ином виде, и она по-прежнему хорошо относится к вам.

Говорил что-то долго, просто и грустно. Не слова Бориса, а его взволнованность тронула меня. И еще из тех немногих фраз, где он упоминал имя Ел<ены> Ив<ановны>, из того тона, которым они были сказаны, я вдруг отчетливо поняла, что он страшно одинок. Мне вдруг даже стало стыдно за свой эгоизм, ведь я никогда не пыталась узнать его как человека. И сейчас, чем больше я о нем думаю, тем больше у меня к нему жалости и какой-то тихой теплоты...

Прощаясь (он оставался в кафе), крепко сжала его руку.

– Ну, что же вы мне еще скажете? Я только не хочу оставлять о себе плохую память.

– Я вас по-прежнему люблю.

– Не лгите.

– Я не лгу.

Так и расстались. Он обещал, что встречаться больше не будем. Рассказала обо всем Юрию, было радостно, но какая-то немая грусть осталась и, должно быть, никогда не рассеется.

В понедельник, возвращаясь из библиотеки, на бульваре Pasteur меня встречает Борис. Странно, у меня было совершенно ясное предчувствие, что именно так все и произойдет, что он ко мне придет, и именно с такой целью, поэтому я нисколько не удивилась.

– Простите, что я не сдержал своего слова – это в последний раз, – но мне хотелось сказать вам несколько слов относительно Ел<ены> Ив<ановны>. Дело в том, что она настолько искренно верит в вашу «кошкину болезнь», что вы лучше пока к ней не ходите, она может встретить вас не совсем дружелюбно, может, напр<имер>, вам руки не подать, это все может быть вам неприятно, вы можете истолковать все это иначе, тем более, что она скоро уезжает, приходите к нам уже после лета. Потом, если вы решили отказаться от прошлого, почему вам не поставить все на свое место? Мне очень неприятно, что из-за меня все это произошло.

– Почему из-за вас? Из-за нас!

– Нет, из-за меня. И еще я хотел вас спросить: где бы я мог встретить Юр<ия> Бор<исовича>? Специально писать ему об этом мне бы не хотелось, но я хотел бы с ним переговорить.

В это время на rue de Chartres показывается Юрий.

– Да вот и он!

– Ну, вот так лучше. Вы нас оставьте.

С благодарностью взглянула на Бориса, с тревогой – на Юрия, оставила их вдвоем.

Через час Юрий вернулся домой взволнованный, хотя уверял, что был совершенно спокоен. Ну, что же? Внешние отношения Софиева – Унбегаун не изменились, они даже будут в будущем году время от времени встречаться на улице. Но Юрий никогда не перестанет ревновать меня к Борису. И, надо сознаться, имеет для этого все основания. Роман вступает в новую стадию. Борис больше никогда в жизни не поцелует, а я, должно быть, никогда не отделаюсь от ощущения жалости и грусти. И больше, чем когда-либо, мне хочется его видеть.

13 июля 1935. Суббота

Был сегодня с Игорем «политический» разговор.

– Мама, а ты знаешь, что завтра французский праздник?

– Знаю, милый.

– А ты знаешь, что завтра будет Bataille*. Да! Да! Будет Bataille. Да, мама! В одной газете написано, что Bataille откладывается. Так что, может быть, что ничего и не будет. Мама, завтра французская Троица?

– Нет, милый, взятие Бастилии.

– А что такое «взятие Бастилии»?

– Начало революции было.

– А-а, да, да, да!

– Теперь ты понял?

– Да, теперь понял. «Начало» – я знаю, что такое «Революция». Все ясно!

Говорит он сейчас на невозможном франко-русском диалекте. Вот напр<имер>, его фразы:

– Платок я забыл в lit**.

– Это я положу в roshe***.

* Здесь: парад (фр.).

** Кровать (фр.).

*** Карман (фр.).

– Сначала пошли в таком direction*, потом повернули à gauche**.

– Я думал, ты мне каждый день будешь по laine*** приносить.

– Это мой copin****, который défait***** свою chaînette*****.

Бедный, ему осталось побыть там еще 2–3 недели. Головка его совсем-совсем лысая. Понятия о времени у него нет.

– О, deux semaines*****, это ничего.

16 июля 1935. Вторник

В воскресенье у меня был праздник. Днем пришла Ел<ена> Ив<ановна>, в квартиру из-за Томки не входила, но целый час проболтали с ней на лестнице. Принесла Игорю конфет и немного денег, которые собрала для него в РДО. Милая и добрая, как всегда. Условились вечером встретиться в Ротонде. Юрию ничего почему-то не сказала (знаю ведь, что будет неприятно), и встретились в «Доме». Сидели. Говорили всякую чепуху, была еще Лиля и Синицын. А мне было весело. Я поняла, что могу встречаться с Борисом, как ни в чем не бывало. Но Юрий почувствовал это иначе. В тот же вечер он сказал, что ему «даже сделалось грустно» от одного моего взгляда на Бориса. «Грустно», да и только. А на другой день – вижу, замрачнел. Надо было скорее «вскрывать нарыв», все равно, только хуже. Пошел со мной в библиотеку и тут я «нарыв вскрыла».

Уже не в первый раз возникал у меня вопрос, может ли Юрий читать мой дневник? Уж больно он хорошо меня знает, видит, прямо ведь моими словами говорит. Но, как бы там ни было, я знать этого не хочу.

Юрий неправ, пожалуй, в одном: не вмешайся он тогда в наш роман – мы бы самым естественным путем надоели друг другу. Было бы больше боли и горечи, но все кончилось бы скорее. А теперь он сам ясно понимает, что, в сущности, ничего не кончилось, а м<ожет> б<ыть>, только теперь и начинается. И сейчас – относись он ко всему проще и легче, не проявляй он так своей ревности (не в поверхностном смысле, а глубже) – мы бы оставались просто «хорошими знакомыми», и тоже бы, в конце концов, остыли бы. А теперь он толкнул

* Направление движения (фр.).

** Налево (фр.).

*** Шерстяная одежда (фр.).

**** Приятель (фр.).

***** Разрушить, ломать (фр.).

Цепочка (фр.).

Две недели (фр.).

меня на то, что сегодня ночью я написала Борису письмо. Начала с того, что это письмо – моя последняя ложь Юрию. Письмо о том, что «вещи на свои места не встали», что мне тяжело с ним встречаться, потому что я его люблю (да, так и написала и вполне искренно), что я обращаюсь к нему как к другу, как к старшему брату с просьбой помочь мне, что я боюсь сама с собой не совладать, что я прошу его навсегда уйти из моей жизни. Письмо отправлю только завтра, когда Ел<ена> Ив<ановна> уже уедет.

Когда Юра уходил из библиотеки, я плакала. Ему стало не по себе. А я потому, что все, что он говорил, было верно и справедливо и на его вопрос: «Ну, что же ты мне скажешь?» – я не могла ответить ни одним словом, ни одним движением. Да, я понимала и знала, что пока где-то рядом действует Борис, настоящего, цельного счастья у нас не будет.

Прихожу домой – Юрий смущен и расстроен.

– Ну, дай мне в морду и перестань сердиться.

Я ничего не поняла, зачем же ему в морду давать? Ведь, если кого и надо бить, так только меня.

17 июля 1935. Среда

Выяснилось (как это такие вещи всегда «выясняются»), что Юрий много, очень много и очень сильно в жизни ревновал. Даже к Андрею и к Слониму. Слонима он верно понял, верно угадал моего «воображаемого собеседника», правда, несколько преувеличивая его решительное значение. Ему уж и Ел<ена> Ив<ановна> что-то намекала, что у «Ирины что-то начинается с одним эсером», и он действительно испугался. Насчет Терапиано я не возражала, за Андрея обозвала его дураком, а Слонима всячески отрицала, что даже убедила его. Нет, «воображаемого собеседника» я не отдам ни за что на свете! Потом уже, когда ложились, я, наконец, задала Юрию мучивший меня вопрос о дневнике. Он страшно разволновался, видно было, что совершенно потрясен. Встал в столовой у окна. Я, наконец, не выдержала, подошла к нему.

– Юрий, идем. Да иди же!

– Сейчас.

Я добавила:

– А сколько ночей я простояла перед этим окном! – и пошла к себе.

Через минуту приходит Юрий.

– Милая, забудь о них, забудь об этих ночах! Забудь эти все восемь лет, которые я тебя мучил! Ведь я не понял тебя, я твоей

любви не понимал, я не замечал ее. Прости меня. Ты передо мной чиста, а ведь я так виноват! Я только сейчас вдруг это понял.

Мне даже страшно стало. Я его только что обидела, высказав ему такое страшное недоверие, а он у меня прощенья просит! У меня в сумке лежит еще не отосланное письмо Борису, а он говорит, что я перед ним чиста, а он никогда не замечал моей любви!

Господи, или я схожу с ума, или...

19 июля 1935. Пятница.

От Бога спасенья не жди!
За боль огневую в груди,
За то, что у воли подрезаны крылья,
За сладкое и неживое бессилье,
За то, что теперь не поймешь,
Где правда, где ложь.
За все неживые, пустые года.
За испепеляющее «никогда».
За трудное страшное слово: «уйди».
За все, что тебя стережет впереди, —
Спасенья, — прощенья — не жди!

Юрий принял все эти слова на свой счет, понял их по-своему и пережил настоящее, большое горе. Днем мы были на итальянской выставке, он был даже не мрачный, а тихий и даже ушел к себе в кабинет и рыдал, как ребенок.

— Милая, у меня большое горе. Я понял все. Случилось то, чего я больше всего боялся. Ты ни в чем не виновата. Ведь ты его любишь. И теперь всему, всему конец...

Когда же, наконец, я поняла, в чем дело, и объяснила, что слова «никогда» и «уйду» относятся не к нему, он сразу мне поверил, понял и понемножку пришел в себя.

Бедный, бедный Юрий!

22 июля 1935. Понедельник

Каждый раз, когда время подходит к 8-ми, в библиотеке я начинаю волноваться. Но, выйдя за ворота, с невероятной четкостью становится ясно, что Борис не придет.

Неужели же он так ничего не найдет мне ответить на то письмо? О погоде — грусть. В пятницу вечером — обычный «Tour de quartier»*, и зашли на Монпарнасс. Юрий говорит:

— Я понял, что разлюбил Париж.

* Прогулка по кварталу (фр.).

И на обратном пути:

– Я разлюбил Монпарнасс, потому что там я всегда насто-
рожен.

Кончилась эта прогулка слезами. Я плакала, а у Юрия не
нашлось слов меня успокоить.

Юрия мне мучительно жаль. Но я опять стала раздражать-
ся на него, пафосом жить нельзя, идиллия вечно продолжаться
не может.

Юрий как-то спросил:

– Тебе очень невмоготу?

Не то, что «невмоготу», но очень грустно. И вот эту-то
грусть Юрий мне никогда не может простить.

25 июля 1935. Четверг

Вчера сделала с Юрием чудесную прогулку на велосипедах.
Дала велосипед Ел<ена> Евг<еньевна>. И лесными и поле-
выми дорогами – в Версаль.

Здесь было вклеено письмо Бориса. Из-за моей последней
любви к Борису я это письмо сожгла, чтобы никогда и никто
не нашел компрометирующего его документа. Не в моих прин-
ципах делать такие вещи – я люблю обнаженную правду – но
из-за моей любви к этому человеку (от нее отречься я уже не
могу) – я это сделала.

2 августа 1935. Пятница

Вчера Игорь уехал в колонию. С большими трудностями, с
большими скандалами дома, удалось это сделать. Подвез нас
Зеелер – уехал и не оставил никакого распоряжения, мы ос-
тались совсем без денег, начали разговоры о «нашей инертно-
сти», о том, что «если бы не мы, ничего б никогда не сделали»
и т.д. А вот – взяли, да и сделали! Правда, отношения у нас
совсем испорчены, с сегодняшнего дня мы даже разделились
и по хозяйству, «чтобы улучшить отношения».

Игорешку, неожиданно для меня, отпустили в прошлую
пятницу. Прихожу к нему – дети встречают меня криком: «Il
est guéri»*. Действительно, утром он был у доктора и несколь-
ко дней был признан здоровым. Игорь так разволновался, что
даже плакал и не мог, конечно, объяснить, почему. Я ему при-
несла коржики – так он даже есть их не мог, отдал товари-
щам. Как было не взять его в тот же день!

– Игорь, но ведь я шапку не принесла. Как же ты пойдешь?

* Он здоров (фр.).

– Ничего, мама, можно в платочке, тут дают.
– А главное, у меня нет денег на метро.
– Ничего, мама, мы пойдем пешком, – а у самого уже губы дрожат. Оставить его до завтра, этот последний день был бы для него тяжелее всех двух месяцев. Взяла. Так и пошел в платочке.

Первым делом пошли в редакцию «Посл<едних> Нов<остей>», благо не очень далеко, заняла у Шарапова 1 фр<анк> на метро. Вот радости-то было! Пятница у меня вообще счастливый день! Бедный мальчонка! Эти два месяца были для него большим испытанием. А вот уехал опять на полтора месяца. Юрий хочет мне раздобыть велосипед, и тогда мы к нему съездим. Последние дни было очень много работы – надо было ему шить, штопать, бегать к Кровопускову, и вот ощущение пустоты и свободы.

Во вторник, подходя к библиотеке, встретила Бориса:

– Вот вам письмо...

Так как я торопилась, рассказала ему об Игоре и простилась.

Письмо меня сначала огорчило, но, чем больше я его читала, тем больше примирялась с ним. Правда ли, что я люблю Бориса? Правда! И даже ревную его, хотя и признаю, что ревновать – это незаконно. Дней через 10 он уезжает на юг. Я не выдержала. Проводив Игора, вчера поехала к нему. Но его не было дома, или он еще спал. Пришпилила на двери свою фотографическую карточку и ждала его вечером около библиотеки. Не пришел. Буду ждать сегодня. Мне просто с ним поговорить хочется, голос его услышать.

Конечно, обо всем этом я расскажу Юрию, надо только закончить эту главу романа.

3 августа 1935. Суббота

Вчера вечером на бульваре Pasteur встретила Бориса. Мы оба очень боялись встречи с Юрием и пошли по параллельной улице. Я торопилась, и разговор был короткий.

– Зачем вы ко мне приходили?

– Хотела вас видеть.

– Что же мне делать согласно вашему письму?

– Я не знаю. Что найдете нужным.

– Да, «вещи не хотят ставиться на свои места» – ни у вас, ни у меня.

– К сожалению, – а сама ну никак не могла удержаться от улыбки. Прощались. Молча целовал мне руку.

– Когда вы уезжаете?

– Во всяком случае, не раньше 15-го. Ну, вас я еще непременно увижу.

– Как хотите, – а сама опять смеюсь.

А сегодня опять поддалась искушению и пошла к нему в час. Конечно, не застала. Оставила записку: «Когда же вы бываете дома?» А сейчас послала ему свою книжку (он когда-то просил, чтобы «ему иметь») с короткой надписью: «Автору моего романа (который, вероятно, написан под мою диктовку). Ир<ина>». И внизу: «на память обо всем, что было и чего не было». Думаю, что придет в понедельник. В последний раз (я говорю честно: в последний раз) мне хочется его видеть, только не на улице, а так, чтобы подольше, чтобы договориться с ним не торопясь, по-хорошему, и проститься. С тех пор, как я почувствовала, что он слишком глубоко вошел в мою жизнь, что я его люблю – я опять перестала себя понимать. Зачем я опять начала эту «игру с огнем»? Я не знаю. Я знаю только, что скоро он уедет и вернется для меня уже другим. Интересно, что мы с Борисом всячески избегаем как-либо называть друг друга: по имени-отчеству уж очень официально, а просто по имени – не решаемся. А Юрий не называет его даже по фамилии, а просто: «этот господин».

Написала сейчас стихотворение, и прямо уже не знаю, где его записать. Мне просто Юрия жалко.

Зачем я прихожу в ваш темный дом?
Зачем стою у вашей страшной двери?
Не для того ль, чтобы опять вдвоем
Считать непоправимые потери?

Опять смотреть внимательно в глаза,
Искать слова, не находить ответа?
Чтоб снова было нечего сказать
О главном, о запутанном, об этом.

Вы скоро уезжаете на юг.
Вернетесь для меня чужим и новым.
Зачем я вас люблю, мой тайный друг,
Мой слабый друг, зачем пришла я снова?

Простим ли мы друг другу это зло?
Простим ли то, что ускользнуло мимо?
Чтобы сказать спокойно: «Все прошло,
Так навсегда и так неповторимо».

5 августа 1935. Понедельник

А вот, что написала сегодня:

Я вас люблю запретно и безвольно.
Полгода проползли, как смутный бред.
За боль, за ложь, за этот гнет невольный
Ни вам, ни мне уже прощенья нет.

Я не кляню и не тревожу память,
Но видеть вас я больше не хочу.
За этот смех, за эту встречу с вами
Какой тоской я Богу заплачу?

За трепет риска и за радость тайны
Я не предаю ушедшие года.
Такой любви — запретной и случайной —
Доверчивого сердца не отдам!

Пусть тяжело. Пусть мой покой надломлен.
Я вас люблю (ведь оба мы в бреду!)
Но в этот дом, где все мне так знакомо,
Мой тайный друг, — я больше не приду.

Нет, могу прийти — в последний раз.

Юрий безошибочно чуток ко мне. Сегодня он мне сказал, что я опять не та, что что-то опять не то. Пошел искать для меня велосипед (между прочим, к Вале Поплавскому), и вот уже 12, а его нет. Бедный! Мне его очень жалко. Вот уедет Борис, как это ни будет трудно, расскажу ему последнюю главу романа. А эпилог будет уже осенью, когда мы все втроем уже успокоимся.

8 августа 1935. Четверг

Не есть ли это мое первое настоящее разочарование? Попробую быть спокойной и писать все по порядку.

Ночь с понедельника на вторник — самая ужасная ночь в моей жизни. Юрий не вернулся. Всю ночь я просидела у окна (я увидела, что он забыл ключи). Да и никто ночью не спал. Но когда он не пришел и утром, в то время, когда должен быть уже на работе, я совсем растерялась.

Папа-Коля два раза бегал в комиссариат; ему сказали: «Приходите в 3».

В 7 ¹/₂ я поехала к Шоку, где Юрий работал. Вижу *femme de ménage** моет пол. Я ее позвала:

— Madame, est-ce que nettoyeur les carreaux est venu ce matin?

— Oui, madame.

* Приходящая домработница (фр.).

– Le même nettoyeur que toujours? M. George? Blond. Vous êtes sure?

– Mais, oui, madame, il travaillait.

– Merci*.

Шла и плакала – уже от злости. А дома рпел от Юрия из Медона, 8.20 вечера. Очень сухое: «Вернусь вечером, не беспокойся». Начала понимать, в чем дело: вчерашнее настроение...

Вернулся он без меня, я была на базаре. Прихожу – сидит на диване.

– Здравствуй!

– Здравствуй.

Мне надо было взять деньги из сумки, смотрю – раскрыта, рядом лежит начатое мною стихотворение: «Я вас люблю запретно и безвольно». Так! Первая мысль: уйти до вечера к Борису. Да, конечно, к Борису, ведь он же писал мне, что всегда остается моим другом. Сделала пикюр и вышла в кабинет за сумкой.

– Ира, хочешь – поговорим?

Я молча села на диван.

Сильно волнуясь, но, сдерживаясь, совсем чужой и далекий, ледяным и сухим голосом он заговорил. Мысль: вот так он говорил с Борисом.

Начал он с того, что вышло неприятное недоразумение, что он отправил его (пневматик – И.Н.) в 6 часов, но ему на почте в Медоне сказали, что оно придет через два часа. Потом перешел к главному.

– Вчера, проводив тебя в библиотеку, я встретил этого негодя (ты прости, что я о нем так говорю), и я безошибочно понял, Ира, что ты с ним встречалась, что ты мне лгала. Я столкнулся с ним лицом к лицу, и он, этот подлец и трус, побледнел, как полотно, и свернул в сторону. Он выдал и тебя, и себя. Вернуться после этого домой я не мог. Сейчас мне нужно было достать деньги в твоей сумке – я нашел это стихотворение. Я, конечно, знал, что ты его любишь. Но я все-таки не думал, что после всего, что у нас было, ты можешь меня обманывать.

Он говорил, медленно роняя слова. В голове вспыхивали отрывочные мысли: «Развод? Конец? К Борису? Нет! Самоубийство?» Да, в первый раз в жизни подумала о самоубийстве.

* – Мадам, мойщик окон приходил сегодня утром?

– Да, мадам.

– Тот же уборщик, что и всегда? Месье Жорж? Блондин? Вы уверены?

– Да, мадам. Он работал.

– Спасибо (фр.).

Я сидела, не двигаясь, с совершенно сухими глазами и, должно быть, сухим взглядом. Юрий не выдержал и прервал этот лед. Юрий меня спас. М<ожет> б<ыть>, даже от самоубийства, в тот момент я была способна на это. Юрий вернул меня к жизни. Он вывел меня из оцепенения, заставил меня долго и мучительно плакать, но плакать уже у него на плече, крепко обняв его за шею. Тут же я написала Борису письмо. Я помню его слово в слово:

«Вы всегда были в отношении меня обнаженно-эгоистичны. Но упрекать вас в этом я не могу. Вы никогда меня не обманывали и никакими красивыми словами не прикрывались. Вы не оправдали моего доверия. Я просила Вас помочь мне, поддержать меня — у вас не хватило для этого ни мужества, ни решимости. Но и тут, в конце концов, я не могу бросить вам упрека: ведь Вы были только не сильнее меня. Но зачем Вы оказались еще и трусом?»

Поняла, что можно все простить мужчине, даже подлость, но только не трусость.

Потом Юрий пошел провожать меня в библиотеку, по дороге мы обнимались около зеркала (потом он пошел искать мне велосипед, а вечером зашел за мной).

...Свернули на Пастэр.

— Смотри.

На другой стороне площади маячит фигура в сером. А наутро я получаю тот странный пневматик. Если вычеркнуть в нем все, кроме трех подчеркнутых слов, смысл станет ясен. Надо сознаться, что я этого не поняла, расшифровал это Юрий. Рассказала ему о нашей встрече, о том, как я ходила к нему. Сожгла его письмо и только тогда успокоилась, ведь и началась-то моя ложь из-за письма: как я ни старалась оправдать Бориса, я все-таки не могла не чувствовать, что такое письмо для него — гибель, я не могла показать его Юрию. Потому-то мне так и хотелось его видеть, услышать от него хоть одно живое слово, ведь я же не была для него пустым местом, ведь целая страница в его жизни наполнена мной, неужели же у него не было для меня настоящих слов?

И чем больше я вдумывалась в события последних дней, тем яснее мне становилось, что он сам вычеркнул себя из моей жизни. А м<ожет> б<ыть>, он к этому и стремился.

Днем ездили в Медон, вернувшись, нашли на столе пневматик. Да, Юрий мне рассказал свое письмо, написанное вслед за моим. Письмо хорошее, справедливое, я его одобрила. Сказал мне, что писал его потому, что испугался за Бориса.

– Я представил себя на его месте: после твоего письма я мог бы застрелиться.

Нет, люди, подобные Борису, не стреляются.

Так вот – письмо. При всем доброжелательстве его нельзя не назвать подлым. Да, подлым. Письмо обычное, ничего не значащее уже с того, что «на *И.Н.* не падает ни малейшей тени» и т.д. на 2-х стр<аницах>, он не только «бросает на меня тень», но прямо сваливает вину на меня «в целях объективного восстановления истины», объясняя свое появление около библиотеки, отводя от себя обвинение о «вторжении в нашу жизнь». А дальше не без язвительности фраза: «надеюсь, что теперь я буду уже избавлен от получения третьего вашего письма», т.е. от моей настойчивости и навязчивости, другими словами? Он позвал Юрия из Союза в библиотеку письмом для какого-то еще объяснения.

Эту ночь я опять не спала, хотя – лежала с совершенно сухими глазами. Юрий успокаивал меня.

– Неужели я, дожив почти до 30-ти лет, осталась еще настолько наивной, что жизнь и людей представляла себе и лучше, и чище?

9 августа 1935. Пятница

Вчера я написала много горького о Борисе. Сегодня мне хочется несколько исправить это.

От Бориса Юрий пришел ко мне в библиотеку страшно взволнованный. Подробно передал мне весь разговор. Сначала Борис пытался оправдываться, говоря, что был очень удивлен и озадачен, найдя на двери мою записку и т.д., но потом Юрий заставил его признаться во всем. В трусости и в малодушии и в том, что он сам пошел на мои встречи... И вот за эти-то признания, которые были для него страшно мучительны, но на которые у него хватило мужества, я ему прощаю все. Он поднял меня в моих глазах.

Этот разговор принес удовлетворение всем троим. Не осталось ничего недоговоренного. Юрий говорит, что Борис был совершенно искренен. Между прочим, он сказал, что написал раньше другое письмо, в котором убеждал меня хорошенько подумать, что мне предстоит сделать выбор между ними двумя, что все преимущества и достоинства на стороне Юрия и т.д. Но послать это письмо не смог «из-за самолюбия».

Юрию он сказал:

– Конечно, мы с вами противники. Но я считаю для себя за честь иметь своим противником такого человека, как вы.

Юрий тоже ему сказал:

– Все это должно было случиться, и, в конце концов, я очень рад, что это были вы, а не какой-нибудь негодяй.

На прощанье он подал ему руку. Борис очень благодарил его за то, что он пришел, и от всей души – Юрий говорит – искренно пожелал ему и мне счастья.

Это лучший эпилог, который можно было бы придумать для такого романа.

10 августа 1935. Суббота

Вчера только к вечеру я до конца осознала то чувство, которое мучило меня весь день, – эту своеобразную ревность. Меня грызет то, что у Бориса осталось лучшее чувство к Юрию, чем ко мне. Против Юрия зла у него нет. Наоборот, он его сейчас очень уважает, и при этом совершенно искренно. Они договорились до конца, и не даром же он говорил Юрию об его такте и т.д. А меня он сейчас – я думаю – ненавидит. А – за что?

14 августа 1935. Среда

После всех последних месяцев, когда я так много порвала, особенно после последних дней наступила вполне естественная реакция. Нахожусь в состоянии полнейшей прострации. Ничего не делаю, даже причесываюсь кое-как. Ничего не хочется. Даже спать не хочется – вот если бы можно было на время умереть!

Юрий мне купил велосипед. Пока он приводил его в порядок, пока налаживал на нем свет, да пока мы совершали нашу первую поездку в Медон – опять был подъем, а уже после вчерашней поездки – некоторое разочарование – я очень устала. А когда сижу дома, да еще одна, просто места себе не нахожу.

Недавно я говорила Юрию, что я сильный человек. Вот теперь мне и предстоит экзамен на «сильного человека».

Самое грустное не то, что Борис ушел из моей жизни, а то, что он так гнусно хотел себя выгородить. И то, что я в свое время не до конца почувствовала, что он тяготится мной. Я даже не думала, чтобы это было так, но именно так я хотела представить все дело Юрию. Зла против него у меня нет. Но мне грустно, что мы так плохо расстались и что уже никогда мы не исправим этого тяжелого воспоминания друг о друге.

Я боюсь этой зимы – холод, безденежье, раннее вставание (с 8 часов занятия в школе!), уборка комнат, кухня, печку топить, полное отсутствие всякой личной цели, всякого личного

смысла. Вся жизнь будет в Игоре, а для себя – для себя! – ничего. Не к кому будет даже ходить по четвергам. Негде будет встречать людей. Ведь к нам-то никто ходить не будет. А тут еще совершенно расшатанное здоровье. Я боюсь наступающей зимы. Мне еще не хочется умирать.

24 августа 1935. Суббота

За что? За то, что слишком мало
Там было блеска и борьбы?
За то, что я не понимала
Своей беспомощной судьбы?

За полудетское незнание
Простых вещей – добра и зла?
(Ведь даже в пошленьком романе
Я точку светлую нашла).

За проблеск подлинного чувства?
За ласковое слово «друг»
Или за то, что неискусно
Вела я сложную игру?

За что? За что так зло и черство,
Все предавая, все кляня,
С таким бессмысленным упорством
Вы отрекались от меня?

Когда я вчера прочла Юрию это стихотворение, он опять загорелся, даже в лице переменился и жестко сказал:

– Как тебе еще не надоело вспоминать об этой истории?
Я поняла, что сделала большую ошибку.

Милый Юрий, я никогда, никогда не буду с тобой вспоминать об «этой истории», но сегодня ночью я опять, черт знает до которого часу, не спала – я почувствовала себя такой бесконечно одинокой.

17 ноября 1935. Воскресенье

Итак, все уже устроено, в среду утром Игорь уезжает. Конечно, не «на три месяца», как это говорилось, меня уже предупредили в мэрии, но на 3 месяца ехать нет смысла, если он и поправится за это время, то в Париже он все скоро спустит. Надо, чтобы он пробыл в превенториуме* по крайней мере полгода. Полгода, а то и больше! Конечно, ему будет хорошо – юг, море, Пиренеи (Андай на границе Испании), там он поправится, но,

* Préventorium – профилакторий (фр.).

давая ему здоровье, я лишаю его семьи. А потом – хорошо-то хорошо, а по лицу его лупить все-таки будут – такова уже система французского воспитания. Но и не только в этом дело. Полгода! Ведь за это время он разучится по-русски, ведь за это время у нас с ним не будет никакой духовной связи, мои письма он читать не станет, и лень, и трудно просто, и с каждым письмом все труднее и труднее, а мне он писать будет (если будет!), наверно, по-французски. Вот с ним у меня уже не будет общего языка в буквальном смысле. Я этого ждала, но разве думала я, что это будет так скоро! Так рано!

Из колонии он вернулся весь в нарывах. Нарывы не проходят. Привила ему оспе, и оспа не заживала целый месяц. Нарывы полезли на лицо. В школе отправили его к доктору. Тот определил *La gourgne** от худосочия. Стал ходить весь забинтованный, даже на лице повязка («подмордник»). Каждая перевязка – пытка: все не заживает, приходится отдирать, сидит этак худышка с лысой головой, весь в язвах. Я звала его «Ганди». Наконец, опять повела его в школу к доктору, и тот нашел необходимым отправить его *à la campagne***. Делали радио-снимок – ничего в легких нет, но худоба невероятная, малокровие и прочее. Отправили в *Centre d'hygiène écolière**** в мэрию, и там доктор определил его в *Hendaye*****, в превенториум *Nid Marin******, на берегу океана. Сказал – на 3 месяца, наши до сих пор убеждены, что на 2 месяца, а у меня нет решимости сказать им. Да так, м<ожет> б<ыть>, и лучше, меньше трагичности и оханья. Пусть уже после его отъезда плачут!

Начались хлопоты с *assurance sociale******. Оказалось, что Юрий за второй триместр совсем не платил, а в третьем – ваканс, и не хватает до минимума. К счастью, к концу октября внесли деньги сполна. Я волновалась и злилась. Нужно мне *gécépissé* получила только 4-го (5-го уехала группа, не попал!) Принес Юрий эту бумажку во время обеда, я положила ее около себя, да на масляное пятно, и как раз на печать, так всю печать и выело, только контуры остались. «Ну, думаю, еще и тут неприятности: и фамилии у нас с Юрием по-разному пишутся, и в его триместре не хватает, а тут еще скажут, что и печать

* Сыпь (фр.).

** В деревню, за город (фр.).

*** Школьный гигиенический центр (фр.).

**** Андай (фр.).

***** «Морское гнездо» – название виллы, в которой располагался туберкулезный санаторий Красного креста (фр.).

***** Социальное страхование (фр.).

поддельная...» Поехала с Игорем в assurance* на контроль, пробыла там более часу, но все сделали: приняли его. Правда, почему-то написали, что срок в 3 месяца не может быть продлен. В мэрии мне сказали, что это еще, м<ожет> б<ыть>, только формальность, а можно будет устроить, чтобы продолжили еще на 3, а если нет, придется как-нибудь платить 9 фр<анков> в день и 10 фр<анков> в месяц школе (каждые 3 месяца inscription** – 25 фр<анков>) и дорога. Правда, сколько-нибудь поможет мэрия. Сейчас кое-как собрала денег (на дорогу, inscription и 1 фр<анк> 80 с<антимов> в день). Правда, ни Зелеру, ни хозяину не уплачено, но главное есть: он едет.

А я как же? У меня в первый раз такое чувство, что я сиротела. Когда он был в госпитале или в колонии, я все равно чувствовала себя с ним одним целым, а сейчас я впервые почувствовала в нем отдельного, самостоятельного, со своей обособленной и даже чужой и недоступной мне жизнью. Я с ужасом чувствую, что в жизни образовывается страшная пустота, заполнить которую я ничем не смогу. Как-то за столом я сказала об этом, что мне бы хоть работу себе найти. На это Мамочка очень жестко ответила:

– А разве ты сейчас так уже много им занята?

Я страшно обиделась и никогда теперь об этом не говорю. М<ожет> б<ыть>, я очень плохая мать, но я все-таки мать, и у меня отнимают моего ребенка, разве я могу это пережить легко – даже при своем легкомыслии?

Ну, а Игорь? Он, конечно, не отдает себе отчета в том, что его ждет. Он доволен, что целую ночь будет ехать в поезде («Так долго я еще никогда не ездил»), его занимает, что здесь холодно и дождь, а там тепло («Как? И на Рождество там будет тепло?»). Правда, там рядом какая-то загадочная «Испания». Вообще колония его интересует; тем более, что языком он овладел уже вполне («В школе никто не знает, что я русский, даже директор не знает»). Вообще, он даже пытается скрывать свое происхождение, а я в таких случаях никогда не знаю, как мне быть: поощрять его отречение – малодушно, а растить его парием – сколько мучений это ему доставит! Ну, об этом после. Это очень сложный вопрос.

Чем же стал сам Игорь?

В прошлом году мне писала из колонии его воспитательница: «Это необычайно кроткий ребенок...» Он был ее любимцем.

* Страховая компания (фр.).

** Регистрация (фр.).

Теперь этот «кроткий ребенок» учится в 7-м классе Коммунальной школы 16-ым учеником из 42-х, но поведение у него 7. И, кажется, в школе не обходится ни одной драки без его участия. Возвращается домой в синяках, с подбитым глазом («Это так, два мальчика дрались», ну а третьему попало?). Директор делает ему примочки, учительница потом дает конфету, а он, видимо, чувствует себя героем. Школу он любит. Как-то он будет чувствовать себя в колонии?

Занимался на скрипке у Е.А.Блиновой и занимался почему-то хорошо, т.е. делал заметные успехи, хотя дома, по правде сказать, занимался очень мало. Теперь опять все пойдет на смарку.

Из его mots:

– Мама, я тебя люблю, как пять комнат книг!

– Так ты, что же, любовь на книги измеряешь?

Посмотрел на меня чуть-чуть с презрением:

– А ты, что же, на граммы?

Много чего-то занятного говорит, да теперь не вспомню.

Ходит в школу на Монпарнасс. Но даже, если бы он и не уезжал, я бы его оттуда взяла. Еще когда был поменьше, ничего, а теперь там так «Святой Русью» несет, что сил нет. Сколько уж я говорила с учительницей, чтобы он писал по новой орфографии, – обещала, а все учит по старой. И что дико – Игорь изо всех сил ее защищает:

– И совсем это даже не трудно писать «ять», и так все в России писали, пока там не было большевиков, и все так и будут писать, когда большевиков не станет.

Такие рассуждения шестилетнего мальчишки меня уже совсем разозлили. С этих лет забивать голову подобной ерундой! Это еще ничего, орфография, но ведь, чего доброго, и насчет «царя-батюшки» подобная же информация. Юрий прав, говоря, что если бы в Париже была какая-нибудь пионерская школа, он отдал бы туда Игоря. К сожалению, вся эта воскресно-четверговая школа иного типа. Так же, как и учебники. «После ужина в нашей избе темно. Дедушка ложится спать на печь или плетет лапти, сестра прядет, а мать...» Уж не помню там, что... И тут же «Славься, славься» и пр<очее> и пр<очее>.

Много говорится у нас, в эмиграции, о денационализации, о смене и т.д., и никто не догадался составить хорошо букварь, понятный эмигрантским детям, растущим в Париже, но без «ять».

22 ноября 1935. Пятница

Вчера уехал Игорешка.

В среду я его нарочно на весь день увела из дому. Сначала поехали платить за электричество, оттуда зашли в «Монопри»*, пили оранжад** – Игорь был очень доволен. Оттуда поехали на трамвае в Булонь к Наташе, от нее – к Вере Дмитриевне, сколько удовольствия! А вечером растопили в кабинете камин (почему мы еще не топили), я его перед камином вымыла и уложила спать – в последний раз. Сидели с Юрием в столовой.

– Папа, спой про московский пожар.

Потом «Бородино», потом про «Ермака», под конец спели мы ему с Юрием «Колыбельную». Очень трогательно и грустно:

Я седельце боевое
Шелком разошью!

(а мама в то же время вышивала ему на шапке красной нитью: «Sophieff»).

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать.
Стану целый день молиться,
По ночам гадать.
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю.
Спи, пока забот не знаешь!
Баюшки-баю!

Разве это не подходит к моменту? Когда я теперь вспоминаю, как это мы пели, – мне хочется плакать.

Вчера мы нервничали весь день. Это сказывалось у него в необычайном буйстве и шумливости. У меня – в тошноте.

Только один раз меня спросил:

– Мама, а ты ко мне приедешь?

– Нет, милый, это очень дорого, я не смогу приехать, – я решила сразу сказать правду.

– Мама, я не хочу ехать.

Потом – отвлекся.

На вокзал приехали, конечно, в 8.40. Ровно в 9 пришла ба-рышня, которая с ними ехала. Обступили дети, родители. Толпятся, состояние нервное. Потом пришли еще две дамы, стали собирать всякие бумажки, сертификаты, надели ребятам (8 человек) на шею ярлыки с фамилиями, построили в пары и

* Monoprix – серия магазинов (фр.).

** L'orangeade – апельсиновый напиток (фр.).

повели... Родители гурьбой, сбоку, позади... Посадили в вагон – 2 купе *reservées** – усадили по 4 человека в каждое. Нужно было еще взять подушку и одеяло – об этом мы не подумали, хорошо, что у Папы-Коли были деньги. А одному мальчику, видимо, не хватило денег на одеяло, мать стояла у окна и плакала, и уверяла, что тепло одет... Потом попросили всех из вагона выйти, мы столпились у окна. Я старалась казаться как можно веселее; думаю, что мне это удалось, смеялась, корчила рожу, посылала воздушные поцелуи. Игорь жалко улыбался, махал рукой, иногда отворачивался и смахивал слезу, потом опять искал глазами меня, улыбался, махал рукой. Но не плакал. Экзамен на «сильного человека» мы выдержали оба, и экзамен этот продолжался 20 минут! 20 минут мы стояли у окошка вагона. Наконец, поезд двинулся. Последний растерянный взгляд – «где мама?», последний раз уже через соседние окна промелькнуло дорогое личико – и уже можно было плакать! Дома споткнулась об его игрушки и кубики. Неубранная с утра кровать. И ощущение пустоты и свободы. Уже знакомое мне.

29 ноября 1935. Пятница

Вчера получила от Игоря письмо и весь день над ним ревели. Пишет, конечно, по-французски, не под диктовку даже, а списывал откуда-то. Половину я просто не поняла. Разобрала фразы: «*J'ai fait très bien voyage, j'ai m'amusée beaucoup avec mes petits camarades. Les infirmières sont très gentilles. Je vous embrasse très fort. Igor*»**. Как грустно мне сейчас от этих фраз! Из колонии он мне писал: «Мама, мы сегодня гуляли на (нрзб одно слово – *И.Н.*)» или «Мой зуб упал», – так все-таки это было что-то. А тут «*les infirmières sont très gentilles*». И как это ни стыдно заставлять детей писать такие вещи! А ведь правду я все равно никогда не узнаю.

2 декабря 1935. Понедельник

Я очень люблю Юрия. Я люблю его, как никогда еще не любила. Но в моей жизни есть два момента, когда я чувствую себя безнадежно одинокой. Первое – это одиночество матери. Каждой матери. Ибо никакая мать не может говорить о своем ребенке столько, сколько она о нем думает и сколько она его чувствует. И в этом смысле всякая мать одинока.

* Забронированные (*фр.*).

** Я прекрасно доехал, я хорошо повеселился с маленькими друзьями. Медицинские сестры очень милые. Я вас крепко обнимаю. Игорь (*фр.*).

Я заметила, что я никогда не говорю с Юрием об Игоре. Я могу говорить о нем со знакомыми, но это так, о внешнем, поверхностно, а о глубоком — никогда. Можно подумать, что я вообще привыкла к его отсутствию и успокоилась. А между тем, по ночам я слышу его дыхание. Я не могу убирать спальню, меня раздражает его аккуратно постеленная кровать. Не могу разобрать угол с его игрушками. Я всячески стараюсь не думать о нем, потому что тогда меня охватывает тоска, доходящая почти до физической боли. Вероятно, больше всего меня угнетает такой долгий срок и то, что он вернется французом. Что он станет мне в какой-то мере чужим. И то, что я о нем ничего не знаю и не буду знать.

И вот об этом я никогда больше не говорю. Поговорила — и будет. Большого сочувствия я уже не найду, даже у Юрия. Он меня хорошо понимает, но все-таки не так, как я сама себя понимаю. Конечно, я «привыкла», привыкнуть не трудно. Но вдруг я действительно не успокоюсь? Прекратятся ли галлюцинации, и пройдет ли моя бессвязная тоска? Об этом надо молчать.

Второй момент моего одиночества — это Борис. Я никогда не переставала о нем думать и, должно быть, никогда не переставала его любить.

Я простила ему его предательство и его малодушие и даже то, что, м<ожет> б<ыть>, и теперь он не перестает отплевываться от меня (я почти уверена, что он хотел меня поссорить с Ел<еной> Ив<ановной>). Больше того, успокоившись и оглядываясь назад теперь, я начинаю понимать, что не он, а я перед ним виновата, что не он, а я у него должна просить прощение. Ведь это я запутала и усложнила все дело и своими письмами (нужна была ему такая искренность?), и своими желаниями что-то выяснить, до чего-то договориться. Что еще было выяснять? Конечно, он был бесконечно прав, недоумевая по поводу моих визитов к нему. Разве эти визиты не были провокацией? Ну, да все равно, делу не поможешь. От третьего письма я воздержусь.

А что хуже всего (и должно быть очень стыдно), у меня не только нет сожаления о прошлом, а даже наоборот, какое-то чувство, похожее на благодарность к нему за то, что было. Все это доказывает только, какая я обыкновенная и пустая бабенка. Пока я жила им, я жила необычайно полной и взволнованно-напряженной жизнью. А потом — пустота. Игорь — где-то очень глубоко, куда я и сама боюсь опускаться, а в следующем пласте — пустота. И ничто еще там не могло заполнить этой моей

жизни, как этот откровенно пошленький романчик. Для меня он перестал быть пошленьким, как только я почувствовала, что люблю Бориса. Тогда-то и надо было остановиться. Ну, да ничего уже не поправишь!

Бориса я люблю, конечно, больше физически, чем платонически. Видеть я его не могу (вернее – боюсь), и теперь он отошел в ту область призраков, где был «воображаемый собеседник» и многие другие, которые не существовали. А ведь он все-таки существовал!

Каждый вечер я думаю о нем и иногда с таким напряжением, что почти физически ощущаю его лицо, руки, губы... Даже страшно становится. А как вдумаешься, так и противно (комментарии излишни: уж больно мерзко писать такие вещи). Думает ли он обо мне? Я хочу, чтобы думал и без злобы. Елену Ивановну я видела три раза – в школе на Монпарнассе – она приводит туда Таню. Встретились мы очень искренно.

– Я так рада вас видеть... Ведь я-то тут ни при чем... Ведь с вами-то мы не ссорились...

Рассказала мне, что Борис ей «все сказал», что он вообще ужасно легкомысленный человек, что романов у него было немало, что теперь он дал ей слово все кончить... Видно было, что она была совершенно искренна и очень мне рада.

– Борис взял с меня слово, что я не пойду к вам и не напишу вам, что это теперь совершенно невозможно. Ну, слово-то дала я, а все-таки решила к вам прийти или написать...

И, прощаясь: «Ну, а пока-то можно к вам как-нибудь прийти?» Я ждала ее всю неделю.

Следующий четверг встретились очень сухо. Она жаловалась на нездоровье и даже ушла, не дождав меня («я спешу»). Ясно, что дома ей даны были соответствующие инструкции с такими иллюстрациями, что у нее отбило охоту меня видеть. Неужели же Борис не понимает, что я не стану теперь делать никаких поправок к его версии (ибо ясно, что рассказал он ей не совсем все).

Третий раз Ел<ена> Ив<ановна> пришла поздно, очень приветливо поздоровалась со мной, потом выбежала Таня, ей нужно было идти, она поднялась наверх, и тут уже я не стала ее дожидаться и ушла. Больше я ее не видела. Последний раз, когда Игорь пошел в школу, у меня был грипп и за ним ходил Папа-Коля, и Игорь принес мне «сердечный поцелуй».

Вот и все. Больше мы никогда не встречались, и встречаться нам нельзя. Если у нее, действительно, есть ко мне какое-то дружеское чувство, она придет. Я уже ничего сделать не могу.

Елену Ивановну я люблю саму по себе. А особенно, м<ожет> б<ыть>, потому, что она – жена Бориса.

О Борисе я никогда не говорю. Несколько раз заговаривал Юрий. Он настроен очень миролюбиво. Говорит, что готов искренно все забыть, что очень бы хотел как-нибудь встретить Бориса и в «Китайском ресторане» с ним пообедать и прочее. Я благодарно молчу.

Недавно я простила Кобякову целый вечер нестерпимой болтовни о «девочках» – за несколько хороших слов о Борисе.

Я бы хотела встречаться с Ел<еной> Ив<ановной>, я бы очень хотела, чтобы с ним помирился Юрий, но сама видеть его я не хочу: для меня он уже сделался призраком.

6 декабря 1935. Пятница

Как-то на днях лежала на диване, ждала Юрия. Никого не было дома. Холодно. Печка не топится. Голодно. Денег нет. Финансовые неприятности. Работы нет – шерсти не хватило. Стирать – мыла нет. Убирать – энергии нет. Лежала с Томкой на диване, закутавшись в пальто. Темновато, за окном – дождь. И поймала себя на страшной мысли. Я, оказывается, думала: «Под входной дверью – большая щель, надо заложить простыней. На (газовом – И.Н.) кране открыть и просто сорвать трубу – шире струя пойдет, и скоро. На этом вот диване и заснуть. Причины? Никаких. Игорь? Ну, что же? Растут дети и без матери, м<ожет> б<ыть>, ему даже и лучше будет...» Перехватив эту мысль, я даже испугалась. Рассказала об этом Юрию, потом Виктору. Юрий рассердился. Виктор отнесся серьезнее. Прошло несколько дней, и мысль о самоубийстве (с чего бы?) превратилась у меня в какую-то *idée fixe**. Часто останавливалась на всякого рода деталях, вроде того, как же мне быть с кофтой, которую я не довязала, мысленно привожу в порядок свои земные дела. Решила, что дневник уничтожать не буду: если уж я смогу вообще сделать такое свинство своим близким, то уже ничего не стоит прибавить Юрию еще немного горечи (ибо эта тетрадь ему удовольствия не доставит). Пусть, по крайней мере, он узнает до конца, что я за дрянь, м<ожет> б<ыть>, ему и легче станет. Ведь вся беда в том, что он меня слишком любит. Игорь еще маленький и далеко он, лучше уж скорее. А с такой пустой душой (и пустыми незанятыми руками) жить нельзя.

* Навязчивая идея (фр.).

Конечно, самоубийство — это всегда малодушие, это слишком легкий выход из всякого положения, дешевая плата за жизнь. Но ведь я себя и не оправдываю.

С Юрием опять, после нескольких месяцев большой любви и душевной близости, — второй день недружелюбности и скрытой злобы. Все, конечно, опять из-за физических отношений. От того, что он приставал, а я хотела спать. В конце концов, я, м<ожет> б<ыть>, и виновата: что мне стоит, наконец? А он, действительно, так распалил себя, что всю ночь до самого утра не спал. Лежал рядом и бесился и мне спать не давал. И был мне, впервые за всю нашу жизнь, очень противен: лежит самец, накаливает себя и просто бесится, на человека не похож. А я думала: «Две у меня заботы, совершенно одинакового свойства: Юрий и Томи. Но что хуже всего, это испортились наши, как будто окрепнувшие уже, отношения. И ведь так каждый раз».

Мы второй день почти не разговариваем, стараемся не смотреть друг на друга. Мы опять как-то внутренне враждебны. И мне сейчас начинает казаться опять, что все у нас осталось по-старому, что Борис не изменил нашу жизнь, что я по-прежнему одна, одна... Любит ли меня Юрий в такие минуты? К несчастью, любит. Потому и мучается. Не нужно ли все сразу оборвать?

Одиночество. Холод. Усталость.

12 декабря 1935. Четверг

Получила письмо от Игоря — чуточку индивидуальнее первого. По крайней мере: «Je mange bien»* (хоть и не от себя, конечно, но о нем). «La maison est très jolie et bien grande»** (вроде ответа на вопрос). А там, конечно: «Je suis très heureux»***. Для меня вчера Наташа написала ему письмо по-французски, завтра отошлю. У Наташи я была несколько раз. Если бы не так далеко (на метро — час, пешком — час с половиной), бегала бы чаще. Она очень тоскует — совсем ведь одна. Девчонка у нее прелестная, уже около 2 1/2 месяцев.

С Юрием в воскресенье вечером, уже лежа в кровати, помирились. Не сразу, а после долгих и довольно резких разговоров. Ну, да ладно. Все это уже прошло.

Юрий упрекал меня недавним прошлым (имя Бориса мы не называли), говорил, что не может быть, чтобы я целовалась

* Я ем хорошо (фр.).

** Здание красивое и огромное (фр.).

*** Я счастлив (фр.).

тогда «без всякого удовольствия» и чтобы меня к этому человеку не тянуло. А что, если нет любви такой, то нет и другой, словом, выходит, что Бориса я любила, а его не люблю. Мне было очень обидно, и я плакала.

30 декабря 1935. Понедельник

В четверг не было от Игоря письма. Ну, думаю, праздник. В пятницу – нет, в субботу – нет. Послала телеграмму. В воскресенье – никакого ответа. Наконец, только сегодня – ответ не то от директрисы, не то от какой-то инфермьерки* – удивляется, почему Игорешкино письмо не дошло, он писал, *comme d'habitude***, и что *il va bien****, и последние дни он проводил на пляже. Воображаю моего мальчишку на пляже на берегу океана.

Юрий встречал Рождество у Бакста, где была вся литературная богема. Вернулся домой в седьмом часу, в ужасном виде – костюм в блевотине, на руках почему-то около локтя грязные полосы, рубашка поверх штанов, морда отвратительная. Таким я его никогда еще не видела. Говорит, что с половины двенадцатого уже ничего не помнит. Пришел и завалился спать. На работу он, конечно, не пошел, куда там! А я, как он пришел, сейчас же встала и, как только рассвело, пошла в Медон. Не столько от него ушла, сколько от всяких разговоров с нашими. А на Юрия не сердилась даже, а просто было очень за него обидно, что и он оказался не лучше этих монпарнаских мерзавцев.

Я? Вяжу. Только было начала вязать себе – Е.А.Блинова хотела достать мне опять работу. Что ж, дело хорошее. Вяжу с азартом, с ожесточением.

Сейчас поругались с Мамочкой из-за встречи Нового года. Денег 3 фр<анка>, настроение самое мерзкое. Да и вообще – не люблю праздников. У меня праздники свои, традиции свои, только – свои.

12 января 1936. Воскресенье

Вчера в метро встретила человека, похожего на Бориса. Только пониже ростом, помоложе и пофрантоватее. Тот же тонкий прямой нос, те же бесцветные и очень холодные глаза.

Почему я все не перестаю о нем думать?

* L'infirmière – медицинская сестра (фр.).

** Как обычно (фр.).

*** У него все в порядке (фр.).

13 января 1936. Понедельник

Вчера Юрий пошел на бал писателей и журналистов в Лютеции. Вернулся около пяти. Но что меня сразу умилило – совершенно трезвый. Возбужденный, злой и усталый. Его там сразу же запрягли в распорядители, и он все время проторчал в буфете около вина, – чтобы гарсоны не сперли – ворчал, что только один бутерброд кто-то ему дал да стакан оранжаду. Голодный. Я тоже почти всю ночь не спала, а тут Юрий меня совсем развеселил. На работу поехал, как всегда. Пришел в 11, а я еще в кровати. Теперь я встала, а он спит.

В сочельник я опять, как в прошлом году, пошла на Петель. Но умиления не было никакого, только злилась. Пришла в седьмом часу, о. Афанасий читает что-то вроде проповеди, это продолжалось 2 часа. Рассказывал какие-то наивные легенды, вообще ерунду всякую. У него лицо аскета-фанатика, таков он и есть на самом деле, а такие люди очень опасны. Я страшно устала за день, нашла стул, села и как-то задремала. Слушала я плохо, только иногда вдруг словно от удара просыпалась. Так, напр<имер>, говорил он о евреях, о том, что евреи были избранным народом и вдруг такие слова:

– Многие из вас евреев не любят. И хорошо делаете, потому что евреи Христа распяли.

Я так прямо и подскочила от возмущения. О католиках тоже говорил в недопустимом тоне. Я только и делала, что возмущалась. Это в церкви-то такие слова! Давно там не была – должно быть, не скоро теперь и пойду. Что может быть вообще хуже ненависти, нетерпимости, такого человеконенавистничества?

14 января 1936. Вторник

В воскресенье в первый раз были у нас Доманские. Вася остался такой же, а жена у него очаровательная. Хорошенькая, изящная, тоненькая, стройная, с таким вкусом одета. Мне до нее, конечно, как от земли до неба!

Вчера была у Тверетиновых. Не была я у них уже больше полугода, последний раз мы встретились в Эрувиле этим летом, когда мы с Юрием совершали наше знаменитое путешествие на велосипедах. И как будто ничего и не переменялось. Даже книжки там же, под окном навалены.

Вообще они (Тверетиновы – И.Н.) милые люди. Но когда к нам кто-нибудь приходит, я чувствую себя во вражеском стане. А вчера были Эйсер, Ружин и Эфрон. Все они по очереди

уходили в другую комнату на какие-то совещания, при мне были очень осторожны в разговорах, очень насторожены – боялись сказать лишнее слово. Я тоже, конечно, была насторожена, про ревейон у Бакста я бы, например, там не рассказала (а Юрий Эйснеру рассказал, и теперь, видимо, это будет темой злословия, м<ожет> б<ыть>, даже в печати!)

Будь я немного болтливее, мне было бы очень трудно там (у Тверетиновых – И.Н.) сидеть. Но я все-таки промолчала до 10 часов и потом спокойно ушла, чему все очень обрадовались. Хотя хозяева были несколько смущены, все передавали поклоны и обещали непременно прийти в следующий вторник. Что же? Ходить мне к ним или не надо? Больно, что это знакомство их несколько компрометирует.

21 января 1936. Вторник

Кажется, я начинаю по-настоящему тосковать об Игорешке. Вечером, засыпая, незаметно для себя, я начинаю думать уже не о Борисе и прочей ерунде, а об Игоре. Когда-то я его, миленького, увижу?

22 января 1936. Среда

Узнала, что Унбегауны меняют квартиру, и почему-то мне стало грустно. Как будто не только сами люди куда-то ушли, но даже и дом разрушен, где у меня было столько хороших часов. Хорошие по-настоящему, без всякой пошлости. Я искренно любила эту семью, любила там бывать. А теперь даже представить себе их жизнь не могу, даже где живут, не знаю. Совсем ушли. Ну, что же? – это, должно быть, и лучше. А еще бы лучше было, если бы они совсем из Парижа уехали.

9 февраля 1936. Воскресенье

Искренне рада за Бориса: хоть в этом он оказался на должной высоте. Все-таки это показывает, что хоть в науке он человек способный и незаурядный.

Вчера с Юрием на вечере Сирина и Ходасевича видели Ел<ену> Ив<ановну>. Встреча очень холодная. Юрий даже расстроился – видно, как обидно было ему за меня. Хуже всего, что все это, значит, муженек... Я это знала уже давно, отнеслась спокойнее, мне было обиднее за Ел<ену> Ив<ановну>, что она так легко дала себя убедить. Теперь и она для меня так же потеряна, как и Борис. Ну, и что же? Бесхарактерный, слабый, малодушный и трусливый человек. А все-таки я его люблю.

21 февраля 1936. Пятница

Как хорошо это сказано в Евангелии: «Если же согрешит против тебя твой брат, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата своего» (от Матфея, 18:15).

25 февраля 1936. Вторник

В воскресенье, на докладе Деникина, Юрий встретил Елену Ивановну. Она подошла к нему:

– Юрий Борисович! Милый! Мне так хочется с вами поговорить, так много нужно вам сказать. Ведь вы знаете, как я всегда хорошо к вам относилась, а теперь из-за этой глупой истории я с вами даже видаться не могу. Ведь с вами мы не ссорились. А ну их к черту, и вашу Ирину, и этого идиота и т.д.

Слова «ваша Ирина» она произнесла с некоторым презрением и большим недоброжелательством. Это мне даже нравится. «À la guerre, comme à la guerre*». Но при чем тут «этот идиот», я не совсем понимаю. Ведь в ее представлении он даже как бы перестает быть идиотом. Жаль, если Юрий не встретится с ней. Интересно все-таки, как продолжает вести себя Борис. Как ни грустно, а придется признать, что Борис – подлец, а Елена Ивановна – дура.

6 марта 1936. Пятница

Завтра еду в Андай. Получу или не получу льготный билет, все равно – еду. На льготу не рассчитываю, эта чертовка, директриса Centre d'hygiène écolière чинит мне всякие препятствия. Ну, да черт с ней! Билет aller retour** стоит 263 фр<анка>, денег я набрала, завтра еще возьму у Юрия – у меня останется фр<анков> 150–160. Мне помогли, конечно: Папа-Коля – 100, Лиля – 20, Вера Дмитриевна – 10, Наташа – 25, спасибо им. Сейчас приходила Е.А.Блинова, принесла еще 40 фр<анков> – от себя и Georgetta. Право, как это трогательно...

Итак, еду.

Странно, дожила до 30-ти лет, а ведь в первый раз куда-то еду одна. Даже не совсем уверенно себя чувствую.

Послезавтра увижу моего Игорешку, каким-то я его найду? Не может быть, чтобы он почувствовал какое-то отчуждение, нет, не верю! Больше всего я боюсь найти затравленного зверенка.

* На войне как на войне (фр.).

** Туда и обратно (фр.).

И какого дьявола я торчу в этом проклятом Андае?! Чтобы платить 20 фр<анков> в день, мерзнуть до костей, сидеть у моря, в полном смысле ждать погоды, смотреть снизу вверх на Nid Marin и ругаться? Ведь если будет такая погода – я больше не увижу моего мальчонку. Ведь к Nid Marin меня и близко не подпускают, только до первого поворота, а то, не дай Бог, директриса увидит. А тогда она Игоря не будет совсем на прогулки пускать.

Игорь мне говорит:

– Ты знаешь, как зовут нашу директрису? Mademoiselle такая-то.

– А что, она старая или молодая?

– Ну, старая.

– А что она делает? Приходит к вам?

– Нет, она в бюро сидит.

Так себе и представляю: «высохшая» старая дева, педгитка, которую молоденькие инфермьерки боятся пуще огня – с одной стороны, а с другой – всячески проводят ее за нос. Как, напр<имер>, со мной. Они Игоря от школы освободили и договариваются со мной, где я его буду встречать, очень в этом отношении предупредительны, а в тоже время просят, чтобы, когда они идут по улицам, я бы не шла с Игорем за руку и вообще по возможности делала бы вид, что я тут ни при чем. А дома хотели, чтобы я весь превенториум осмотрела, где спит, где едят. «Не может быть, чтобы тебя не провели, если попросишь. Ну, да ты добейся всего!» А я даже своего Игорушку могу видеть только контрабандой!

О нашей встрече, о первом впечатлении – потом, как устроилась, я написала Юрию письмо на $2\frac{1}{2}$ листах и повторять не буду. Буду писать о том, что мне нравится и что мне не нравится.

Вообще же я не в восторге:

1. Страшнейший ветер. То, что в Париже мы называем словом «ветер», здесь можно назвать «ветерком». А «Ни Марен» стоит на горе, на самом открытом месте и ничем от ветра не защищен. В такую погоду, как сегодня, там, по-моему, ни один ребенок устоять не может.

2. Едят они, м<ожет> б<ыть>, и хорошо, но молока не пьют. А какая же это еда для ребенка без молока?!

3. Днем не спят. А какой же это санаторный режим? И, по-видимому, очень много ходят пешком.

4. Умываются только по утрам. «На весь день и на всю ночь», — как говорит Игорь.

5. Все дети с насморком, небольшим, правда; но шмыгают. Уже дома, наверное, была бы паника и уже, наверно, я бы пускала Игорю капли в нос. Ходят без пальто и днем, и вечером, хотя, как солнце спрячется, я запахиваюсь в мое пальто и только что нет перчаток.

6. Игорь не поздоровел, хотя слегка порозовел, и нет сиянков.

7. И, наконец, что меня больше всего поразило: на пляже, когда все дети играют, один мальчик лет 3—4 во все время прогулки стоит на одном месте, раскачивается, глаза стеклянные и, совершенно даже нисколько не скрываясь, занимается онализмом. Не видеть этого нельзя, а между тем никто из инфермыеров не обращает на него ни малейшего внимания. Когда я спросила у одной из них насчет Игоря, она мне ответила, что он, правда, очень нервен, но ничего такого она за ним не замечала. Правда, где уж ей заметить, если она и того мальчишку не замечает!

А теперь — вот что мне нравится.

В смысле моральном все мои страхи оказались напрасны. Я не только не нашла «затравленного звереныша», но сам Игорь без всяких моих вопросов несколько раз повторил мне, что «ему очень хорошо». Все дети очень веселы и на пляже вертятся, как бесята. На пляже им позволяют делать все, что им угодно, нет таких окриков, как в (госпитале — И.Н.) St. Louis; только, когда они уж очень разбредутся, их свистом сзывают обратно.

Никакого гнета, они, видимо, не чувствуют. Я несколько раз видела, как дети подходили к инфермыерке и ласкались. Сами подходили, так что нельзя заподозрить, что это делалось напоказ.

Спят с открытым окном. Прибавить к этому еще, конечно, великолепный морской воздух, и плюсы, м<ожет> б<ыть>, перетянут все минусы.

А прибавить, что Игорь все-таки от меня отвык, — тогда уж не знаю.

Сегодня я его так и не видела. Ждала все утро, после обеда, 4 часа ждала над морем, думала, что хоть после goûter* выйдут. Закоченела, от моря меня уже стало подташнивать, я пошла на хозяйскую кухню греться у плиты. Кухарка-испанка

* Полдник (фр.).

дала мне кофе. Как бы я весь мой Андай на кухне с кухаркой не просудачила?!

11 марта 1936. Среда

11 ч<асов> 30 <минут>

Чудное утро, чудное море, чудный Игорь! Нет, я очень довольна его *état morale**. Очень весел, снимала его у моря на парапете, плетущим свою *chaînette*. Потом сняла «Ни Марен» снизу, с фасада. Жалко, если из этих снимков ничего не получится: фотограф-то я неважный. Особенно этим аппаратом.

Игорь видел меня еще с горы, когда я сидела у моря и как я потом встала и пошла им навстречу. Был очень мил и ласков. Рассказывал, как однажды они пошли гулять очень далеко и их застала гроза. Они спрятались в каком-то полуразрушенном сарае, и потом всем им надо было менять чулки, так как у всех ноги были промочены, чулок не хватило даже, и на Игоря надели совсем новые. Он мне с гордостью их показывал.

— Так это было недавно?

— Нет, давно уже.

— Так чулки тебе с тех пор не меняли, что ли?

— Нет, не меняли. Они у меня еще целые. Как порвутся, тогда и переменят.

Ну и ну!

Потом очень подробно расспрашивал меня о моем финансовом положении, сколько я плачу за комнату, где и что я ем, сколько плачу, сколько стоит билет; и есть у меня еще 100 фр<анков>. И все это совершенно бескорыстно, он ничего у меня не просил.

Совсем не разучился писать по-русски, только иногда буквы путает. Написал папе письмо. Я его заставила всем написать.

Молодчина!

Вчера после обеда они спали. Видимо, так полагается в плохую погоду. А потом я, сидя у моря, видела в окне второго этажа розовый передничек — и Игорь подтвердил, что это и есть *salle des jeux***.

Вечер.

Я говорю — все дети веселы. Нет, кроме одного. Этот мальчик здесь не больше недели. У него прелестные, очень нежные глаза. А под носом до губы какая-то странная припухлость и сильный насморк. Мальчик тихий, немного плакса и хлюпик.

* Душевное состояние (фр.).

** Игровой зал (фр.).

Поэтому на него всех собак вешают. Ребята его дразнят и колотят. Он только хнычет (платок потерял еще утром, сказать, видимо, боится). Отойдет в сторону, вытрет краем передника нос, потом глаза и пойдет один. Один раз мальчишка (monsieur Leskoff, ни слова не говорящий по-русски) швырнул камнем в одного малыша и слегка разбил ему голову. И тут же нагло свалил вину на новичка. Дети постарше направились к нему с явным намерением расправиться с ним судом Линча (до инфермыерки эти дела не доходят!). Я за него заступилась. Дети не посмели не поверить моему слову и отошли, хотя явно с неудовольствием (как все-таки дети жестоки!). А этот мальчуган с тех пор не отходит от меня. Очень тихий и какой-то особенно вежливый.

Я сказала Игорю:

– Пожалей этого мальчика, его все обижают, поиграй с ним.

Игорь искренно пожалел его, но играть с ним не стал (все-таки с сомнением). Играл с Claude Duran, он интереснее.

Потом новичок подошел к другому мальчику, который потише, остался с ним, и я потеряла его из виду, а под конец прогулки – он опять плачет: ребята засыпали ему за шиворот камней.

Сегодня, после обеда, они гуляли не на пляже, а около вокзальчика «Андай-пляж». Все-таки смотрят за ними плохо. А у одного мальчика на подошвах зияют голые пятки.

Я еще никогда не видела такой переменчивой погоды. В Париже ворчат: ужасно неровный климат. Сегодня тепло, а завтра холодно. А здесь такая смена погоды происходит по несколько раз в день. Черт знает что! Боюсь, как бы завтра не было плохой погоды. Ведь это же совсем невыносимо. Ведь прошла уже половина моего пребывания здесь. Я уже с грустью (почти до слез) думаю о той минуте, когда я должна буду поцеловать Игоря, сказать ему несколько утешительных слов и оставить на пляже эту маленькую фигурку.

Обратная дорога, сама по себе, меня мало интересует – ехать придется почти все время ночью. Выезжать около 6 вечера и в Париже в 8 утра. Скучно. И грустно будет очень.

На пляже сегодня Игорь сел на парашют. Камень все-таки холодный, предложила ему сесть на мое пальто.

– Да нет, мамочка, не холодно, ведь здесь юг.

Против такой аргументации я даже не нашла, что возразить. А на юг здесь, как это ни парадоксально, мало похоже. Только вот – море. Растительность вроде хвойной, и сосны.

Ни агав, ни кактусов, несколько очень жалких пальм. Честное слово, когда у нас в Люксембурге выносят из оранжереи пальмы в кадучках, так это больше похоже на юг. Обошла другую часть Андая, там есть красивые дачи, но все закрыто, и ни одной живой души. Есть даже какие-то шикарные магазины, но и они сейчас закрыты. Не сезон!

Любуюсь, как Игорешка говорит по-французски. И такое странное чувство в то же время: мой сын, а я вот много не понимаю из того, что он говорит. Вот в чем-то у него есть явное превосходство передо мной!

Очень тоскливые вечера. Дверь завязали веревкой, чтобы через нее не лезть. Тишина. Где-то слева хрюкает свинья. Ночью поют петухи. А мне одиноко и всегда немножко грустно.

12 марта 1936. Четверг

Утро.

Еще ночью проснулась, слышу дождь. Встала поздно. Погода совершенно безотрадная. Даже ветра нет. И дождик не очень сильный, вот именно, «парижский». Господи! Какая бессильная злость меня раздражает!

Вечер.

После обеда, до двух часов, просидела на своем месте у моря под «Ни Марен», дети, конечно, не вышли. Было невыносимо грустно. Потом пошла по дороге налево. Игорь говорил, что там очень красиво. Дорога идет на St. Jean de Luz, 10 ¹/₂ километров. Я и пошла. Это было что-то замечательное. Дорога идет почти все время над морем, в горах. Места совершенно дикие – отвесные скалы, нагроможденные камни, горы, каменные слоистые глыбы, вереск, ползучие, колючие растения. Напоминает очень Бизерту, только, пожалуй, грандиознее. На небе тучи, накрапывает дождь, а одно время даже довольно сильно. На протяжении почти всей дороги – ни одного человеческого жилья, ни одного человека. Редкие автомобили. И было такое странное чувство – какого-то последнего одиночества и потерянности. Было даже как-то страшно оглядываться назад: не могу точно понять, почему. Когда скрылся мыс, за которым расположен Андай, у меня было такое чувство, будто я навсегда (именно навсегда) ушла оттуда, что возврата нет, а ведь там – Игорь... Глупо, конечно. И странно – ведь все это расстояние всего-навсего площадь одного Парижа, следовательно, за несколько километров. В ту, и другую, и третью сторону были населенные местности, а ведь мне казалось, что на десятки километров вокруг нет ни одной

живой души, что я совсем одна среди этого хаоса, этих камней, этих гор...

Шла я всего 2 часа. Пришла в St. Jean de Luz за 20 минут до отхода поезда, успела только выпить чашку кофе и к 5-ти часам была уже дома. День вообще нельзя назвать потерянным, так как этой прогулкой я чрезвычайно довольна.

А вечером, перед ужином, около часу ходила по дачной части Андая, где тоже нет ни одной живой души, над морем и над заливом, откуда виден Hendaye-ville, и где —

Смешались в примитивном танце
Огни Испании и Франции.

Если завтра будет такая же погода (а ничто не предвещает лучшей), пойду к директрисе. Надо же как-то прорываться. А уж там инфермыерки пусть, как хотят, выкручиваются.

13 марта 1936. Пятница

10 1/2 утра.

Погода, в общем, вчерашняя, если не хуже. Ветер переменялся и дует с испанского полуострова. А оттуда, из-за гор, такая мразь лезет, что и смотреть страшно.

Час сидела у моря, продрогла до костей. В одиннадцатом поднялась к «Ни Марен». Смотрю — объявление «Directrice reçoit mardi et vendredi de 14–16 <heures>»*. Прекрасно. После обеда к ней и пойду самым наизаконнейшим образом. Иго-решку все равно не увижу, хотя бы поговорю об его здоровье.

Миленский Игорушка. Последний раз, когда мы были на прогулке, у вокзала, он мне дал на хранение «до завтра» свой лук, который мы с ним общими усилиями смастерили. Кажется, я его так и увезу в Париж.

Как он переживает то, что мама близко где-то, а видеть ее нельзя? Дай Бог, чтобы не так, как я.

Вечер.

Директриса оказалась вовсе не такой, как я ее себе представляла, вовсе не высохшая старая дева, а очень даже пухленькая и симпатичная.

— Je voudrai savoir, madame, comment la santé de mon fils.

— Mais vous l'avez vu. Igor Sophieff?*

— Да, — обрадовалась я, что она все знает, — но мне интересно мнение доктора.

* Директриса принимает во вторник и пятницу с 14 до 16 часов (фр.).

** — Я хотела бы знать, как здоровье моего сына?

— Но вы его видели? Игоря Софиева? (фр.)

Она была очень любезна со мной, достала Игорешкино до-
сье, показывала, что записано доктором: выслушивание – ни-
чего, радио – очень легкое *traces* – это совсем не страшно, это
бывает почти у всех детей, железы все еще увеличены, «у нас
90% всех детей именно с железками. Этот воздух для них
очень полезен». Говорила, что доктора больше всего порази-
ла его бледность. Потом наговорила мне страшных вещей, буд-
то в St. Louis изобрели способ лечить <La> *teigne* очень быст-
ро, какими-то лекарствами, помимо остального; что Игорю,
вероятно, тоже их давали, а они, с одной стороны, помогают
быстрому лечению лишаяев, а с другой, очень ослабляют орга-
низм, что, в свою очередь, требует довольно долгого отдыха.
Только, по-моему, все это вздор.

Я спросила ее, сколько времени еще, она думает, надо Иго-
решке побыть здесь. Она сказала:

– Сейчас этого нельзя сказать. Пока доктор оставил его еще
на 3 месяца, а там будет видно. Вообще доктор редко оставляет
детей подольше, он предпочитает, чтобы через год или два они
бы вернулись опять на некоторое время, если уж надо. Но, ко-
нечно, бывают случаи, когда нужно оставить ребенка и на год...

Сказала, что они зовут Игоря «Prince Igor».

Поговорили еще что-то о моих глазах, о том, что *les russes
sont les plus raffinés des slaves**, еще что-то о евреях, об угрозе
войны, обо мне, о диабете, о положении русских.

В заключение я спросила ее, могу ли я еще увидеть Игоря.

– Да, конечно. Они еще сегодня выйдут гулять...

Что-то промямлила насчет воскресенья и «Ни Марен», од-
ним словом, я поняла, что инфермерки – дуры.

Погода разгулялась, ласточки взвились высоко, я сбегала
за аппаратом, раза два сняла море (вопреки инструкциям) и
села на своем месте. Много времени прошло, вдруг вижу –
спускаются. Сердце так и запрыгало. Я чуть не закричала от
радости. Сегодня сделали довольно большую прогулку, не ос-
танавливаясь. Я шла с Игорем в последней паре и даже не бо-
ялась, что директриса увидит. Снимала его в пелеринке, но
очень наспех. Боюсь, что ничего не вышло.

Игорь говорит, что видел меня сегодня утром, когда я под-
нималась в «Ни Марен» и обратно.

Всю ночь мне мешали спать проклятые коты над моей голо-
вой. Что они, подлые, вытворяли!

* Русские являются самыми утонченными из славян (фр.).

14 марта 1936. Суббота

Чудная погода, жарко даже, чудное море и, конечно, чудный Игорь. Гуляли сегодня на Pointe*, между морем и заливом. Около самой Испании. Жаль, если плохо выйдут фотографии.

Инфермерка сняла меня с Игорем. Осталась еще одна бобина — ее-то хоть бы уж не испортить!

Вечер.

Днем были на пляже. Игорь передал мне письмо для Юрия. Был, как никогда, очарователен. Играл с ребятами, вертелся, кричал, болтал без умолку. Опять снимала несколько раз его с детьми, снимала все однообразно и, наверно, плохо. Игорь, повторяю, был чудесен. После goûter ходили к вокзалу. Игорь уже стал нервничать. Как сел мне на колени, так и не слезал.

— Ма-а-а-мочка!

Я уже несколько раз посылала его играть с детьми — не идет. Он мне сказал, что в воскресенье утром они гулять не ходят.

— Так что, ты, значит, придешь после обеда?

Я бы могла, конечно, попытаться пойти в Nid Marin, но если Игорь так сказал, тем лучше: меньше нервничает. Убью все утро на сборы.

Проводила ребят и пошла вокруг Андая через Pointe. Океан темный, холодный и неуютный. В испанском городке звонят в церкви, горят огни. В Андае тишина и пустота. Крупные звезды. И — грустно. Другое дело, когда Игорь уезжал — его уверяли, моя роль была пассивной, а тут ведь я его оставляю... И еще какое-то глупое чувство: пока я его не видела, я, со свойственным мне легкомыслием, была спокойна. А вот теперь я увидела его, увидела и знаю, что ему хорошо, что он весел и не забыт, что он не скучает, а вот теперь-то я знаю, что буду о нем страшно, страшно тосковать. Скорее бы уж миновал этот момент расставания! Хоть бы Игорь перенес его легче!

15 марта 1936. Воскресенье

Утро провела хорошо. С 8-ми часов уже была на Pointe, сняла два раза Испанию. Подходила совсем близко, но Игорь прав — там все-таки есть речка. Сначала речка, потом ручеек, а потом — канава. Теперь осталось самое тяжелое — последнее свидание и расставание...

* Коса, мыс (фр.).

Целый вечер я сижу одна. Юрий до завтрашнего вечера уехал на велосипеде в Provins, и я даже плакала с досады, что осталась. С Игорешкиным приездом мои путешествия окончились.

Мамочка, Папа-Коля и Нина (она уже две недели гостит у нас) ушли куда-то в концерт. Завтра приезжает Гуннар. Игорь спит, а Томка орет истошным голосом. Я бы и ничего, но мне соседей неловко — жду, что сейчас стучать начнут. Она орет уже, кажется, пятый раз, с интервалами в 2, а то и в одну неделю. Сейчас дело идет к концу — завтра прекратит на время.

Игорь приехал в понедельник. После первых моментов радости и умиления наступила какая-то реакция. Он совсем не поправился, только цвет лица стал лучше и синяков нет. Правда, в середине апреля он переболел корью. С одной стороны, хорошо, что переболел там, а с другой, обидно, что весь Андай пошел насмарку: за болезнь он похудел больше, чем на 2 кило.

На второй же день расстроился желудок. Капризов пока еще мало, но уже высовывает ноготки. Уже мерила температуру и пустила в нос капли. По ночам даже стонет. Пальцы, кажется, не сосет. До сих пор все еще очень ласков со мной.

Во вторник повелу его в школу, к чему он относится совсем без восторга, хотя страшно томится от безделья.

(Только и ору целый вечер самым нежным голосом: Томи, Томочка! Пойди ко мне, кошечка! Не кричи! А кошечка орет, затем такие колена откалывает!)

Возвращение из Андая у меня было трагическим. Через сутки после отъезда у меня начались боли в правом боку, которые все усиливались и достигли такой силы, что я еле сдерживалась, чтобы не кричать. Как потом оказалось, у меня был камень в почках, и в это время стал «проходить» по каналу. Меня и тошнило, и рвало, и душно, и тесно и — никакой помощи! Хоть бы грелку какую на бок. Против окна какой-то испанец, из «простых», так он прямо святым человеком оказался. Он и подушку мне свою дал, и уложил меня как-то, я лежать не могла, положил мою голову (с подушкой) себе на колени, и чуть я разогнусь — держит мою голову руками, а сам ведь всю ночь со мной провозился, так что я доехала в Париж в буквальном смысле слова в объятиях испанца. Но как, в общем, доехала, как вылезла, где вылезла — ничего не помню. Счастье, что остались деньги на такси. Прокорежилась целый день дома, доктор француз был, какой-то сироп

пила, ночью начала кричать. Рано утром меня увезли в госпиталь, где я пробыла 5 недель. Была большая температура, лежала со льдом, неделю не могла вставать, давали только молоко, да и от него подташнивало. Через неделю из меня извлекли камешек уже из мочегонного пузыря, операция мало-мучительная, даже довольно занятная. Потом мне стали делать радио, причем une topographie* (это мне делали дважды), было очень мучительно. Тут только я поняла, где находятся почки и как они болят. Всего сделали мне 11 снимков. Потом для чего-то перевели меня в barreau** в Chirurgie urinaire***, где мне все эти мучения проделывали и показывали всяким докторам, нагнали на меня страху и через три дня вернули на старое место. Я обрадовалась, как будто к себе домой попала. К госпиталю я уже настолько привыкла, что меня даже и не особенно тянуло домой. Умирали только много. Одна рядом со мной. И последняя смерть вечером, накануне моего ухода – смерть в 2–3 минуты, захлебнулась кровью, прямо хлестала кровь из горла, пока m'ada-me Anile бегала за шприцем – она уже умерла. Это было ужасно. И тоже – через кровать от меня. Ну, об этом писать можно очень много.

Что же сейчас?

С той недели Игорь пойдет в школу. Я тоже, должно быть, с той недели – в библиотеке Нар<одного> Университета. Нина с Гуннаром уедет в Ниццу. Жизнь должна войти в колею. Томку, м<ожет> б<ыть>, удастся выдать замуж, у меня уже есть адрес одного сиамского кота.

Единственное для меня развлечение, это, кажется – велосипед. Да и на это удовольствие остается не больше полдня в неделю. А так – никого не вижу, да и видеть не хочу, ничего не хочется и никуда не хочется. Сил физических не много. Денег тоже не много, потому-то я распатала свое здоровье.

Даже писать разучилась, черт знает, какой почерк стал. Писать пока нечего и некому.

30 сентября 1936. Среда. Париж

Вот я опять дома, у себя в кабинете, за письменным столом. Кругом даже относительный порядок – Юрий немного прибрал. Доносится Игорешкин голосок, опять он дома и послезавтра идет в школу. Около комнаты стоит ящик, в нем Томка со

* Топография (фр.).

** Место для защиты (здесь: отделение при ординатуре) (фр.).

*** Урологическая хирургия (фр.).

своими котятками. Юрий на работе. Холодно, впору хоть печку ставь, а в 5 часов нужно уже зажигать свет (который, кстати, на днях должны будут закрыть). Словом, все, как всегда, жизнь входит в колею.

И только карты, эти волнующие карты по стенам. Карты, на которых красной шерстяной нитью так красиво проведены волнистые дороги – наши велосипедные пути этого года. Кроме небольших относительно поездок – в Провен, к Наташе, к Подгорному, к Игорю в Монморанси, в Versailles, в Port-Royal – длинная красная нитка на север, за картой на стене конец нитки намотан на гвоздик (карты еще нет) – Amiens: в памяти изумительнейший собор, самый огромный и самый красивый, какой я только видела.

А эта длинная нить на запад – $7\frac{1}{2}$ километров от Alençon, в двух местах идущая по самому берегу моря! Тот путь, который мы проделали в 13 дней (считая 2 дня отдыха), которым я еще долго буду жить, глядя на карту и просматривая 183 фотографии. Ведь это целая эпоха, как она жива в памяти. И как бы живее была она, если бы не стерли ее 5 последних дней, проведенных в Эрувиле.

В Алансон мы приехали поездом. Дальше следуют: Mayenne, Fougères, Dinan, St. Malo, Le Mont St. Michel, Avranches, Suisse, Normande*, опять берег моря, Honfleur, Rouen**. Сколько интересного, сколько впечатлений. Я даже сама себя не узнаю по количеству восклицательных знаков. Дорогой я вела наш «велосипедный журнал» (очень краткий из-за плохой бумаги и стило, а отчасти недостатка времени и усталости), он мне поможет в будущем. Но насколько было бы лучше, если бы мы не заезжали в Эрувиль! Юрий сам это понимает, хотя я ему никогда об этом не говорила. Юрия выдал его голос также, как когда-то мой голос выдал меня...

3 октября 1936. Суббота

Начинается.

Вернулся Игорь из школы. Мордочка сияет: дали ему книжки истории и географии. Он перешел в 6-й класс и очень горд.

Спрашиваю:

– Какие же devoirs***?

– А вот, мама.

* Города Майен, Фужер, Динан и Сен-Мало; остров Сен-Мишель, города Авранш и Сьюс, провинция Нормандия (фр.).

** Города Онфлёр, Руан (фр.).

*** Задание (фр.).

В тетради на первой странице написано «*récitation*»* и четверостишие. Первая строка мне понятна, а дальше следуют слова уже совсем непонятные.

— Игорь, да что же это такое?

— Я не знаю, мамочка. Так мадам на доске написала.

— Да ты сам-то можешь понять, что здесь написано?

— Нет.

— Так как же ты будешь это учить?

— Не знаю.

Дальше: Арифметика. *écrire les nombres de 1 à 9***. Написал. Дальше следует: *écrire les nombres de 2 jusque 9****.

— Что же это значит, Игорь?

— Не знаю. Так написано!..

Ну, что же мне с ним делать, когда я и сама ничего не понимаю.

Вчера вечером поругалась с Юрием из-за Игоря, из-за какой-то ерунды, конечно, но наговорили друг другу много милого. Он довел меня до белого каленья, я могла броситься на него с кулаками, швырнуть в него чем попало. В такие минуты я его ненавижу. Безобразная сцена. И страшное, непоправимое одиночество...

4 октября 1936. Воскресенье

Кирилл Петрович мне нагадал в Эрувиле — все очень верно. Между прочим, что у меня в ближайшем будущем будут всякие хлопоты и неприятности, что на душе у меня тревожно, и сама я не знаю — отчего, но что скоро все утрясется, жизнь войдет в колею и я успокоюсь. Вот и правда. Вся моя тревога и скука, и Эрувильские слезы — неизвестно, в конце концов, почему — не из-за Нины Федоровны же, в самом деле? — вот «жизнь опять входит в колею», «все успокаивается». Юрий ушел на какой-то митинг Народного Фронта, оттуда в Медон, вернулся, конечно, часов в 12 (совершенно не считаясь с тем, что я должна буду его ждать, ведь оба ключа он потерял!), завтра я еду лечить зуб, в среду в госпиталь, опять очень устаю, опять побаливают почки, словом, «жизнь входит в колею» и я, в самом деле, успокаиваюсь, чувствую какое-то душевное равновесие. Все, как всегда, привычно, спокойно. И то, что денег нет, — привычно, и то, что Игорь комедии устраивает, —

* Чтение наизусть (фр.).

** Написать номера с 1 по 9 (фр.).

*** Написать номера со 2 до 9 (фр.).

привычно. Все это и есть моя настоящая жизнь. Да я другой и не хочу. Чувствую, что за эту зиму ни одного вечера не проведу вне дома. Друзей у меня нет, знакомых всех растеряла, а заводить новых просто не хочется. Очень часто вспоминаю об Елене Ивановне. В сущности, она была моей единственной подругой. Юрий ее, кажется, не особенно любил (да кого же он любит?), а я ее очень любила – и не глупая она, и добрая, и как-то можно было к ней прийти и с радостью, и с болью. И вот теперь, когда мне хочется с кем-нибудь просто поговорить, рассказать о лете, о наших поездках, об Игоре, тихонько пожаловаться на свое житье-бытье, – передо мной встает одно только слово: никогда.

Я примирилась с этой жизнью и с этим одиночеством. Я никому не жалеюсь, потому что нахожу, что ничего другого не могу, потому что все равно ничего другого быть не может. Я только не люблю, когда мне напоминают о моем прошлом (о моем литературном прошлом). Я не люблю, когда Юрий говорит о стихах, о том, что надо торопиться послать их туда-то и туда-то, об Адамовиче и К°, а все это мне напоминает слишком остро о моем поражении. Ведь я сама, по своей совершенно ясной воле от всего этого отказалась. Хорошо ли, плохо ли – не знаю. Знаю только, что Ирины Кнорринг уже никогда не будет.

Но я не люблю, когда мне о ней напоминают.

16 октября 1936. Пятница

Мы не ссорились, ни из-за чего не ругались. Мы просто совсем спокойно и равнодушно ушли каждый в себя и только слегка раскланиваемся, встречаясь за чайным столом (обедаем мы также почти всегда врозь). Юрий занят своими «социальными проблемами» (почему не задачами, не вопросами, а проблемами?). После того, как я ему доказывала, что все его разговоры об Испании – пустая болтовня, он даже и об этом говорить перестал. А все разговоры об Испании сводились к тому, что там, мол, происходит общее дело, что им надо помочь, и что, если бы не семья, он, конечно, давно бы поехал туда. И говорит он об этом каждому встречному и поперечному. Если он это говорит серьезно, т.е. выставляет себя несчастной жертвой («вот, если бы не семья, а теперь связал...»), то это мне очень обидно, и я сказала ему, что его не задерживаю. Но я скорее склонна думать, что все это пустые слова, вроде разговоров с Прегель о том, что нужно ехать в Россию, – ведь знает же он, что все равно никуда не поедет, что рисковать ему нечем, почему же не поговорить о «социальном долге» –

это ни к чему не обязывает, совершенно безопасно, а его может изобразить в выгодном свете.

Игоря он совсем не замечает, т.е. как приходит, начинает сразу же на него орать. Ладить с Игорем очень трудно, не спорю, но ораньем тут не поможешь, и последнее время мне все-таки удается держать ровный тон и обламывать его. Иногда, конечно, срываюсь и я, но у меня срывы, а у Юрия система. И вся забота об Игоре у него свелась к тому, чтобы он не шумел и беспрекословно слушался. Весь интерес к его делам сводится к вопросу: «Ну, сделал деуар*?» А какой деуар, ему нет дела. Он знает, что Игорь берет уроки музыки, но когда и что он учит, ему совершенно безразлично. Мне это обидно, и я тоже ничего ему не говорю о мальчишке. Вчера мы были в театре на «Красной Шапочке». Я сказала только (Юрию – *И.Н.*), что у мальчишки есть основание быть возбужденным и взнервленным, а на вопрос «отчего?» резко ответила: «Это тебя не касается!»

После этого мы не говорили. Сегодня утром мне вдруг стало его очень жалко, если бы он был тут, просто бы подошла, обняла, поцеловала, без слов. «Никаких» объяснений, «выяснений» не надо. А к вечеру опять накопится раздражение и усталость. С Юрием мы можем жить дружно, только пока нет Игоря с нами. С Игоря начинаются все раздоры. М<ожет> б<ыть>, Юрий меня действительно любит, но я твердо знаю одно: я ему мешаю.

Тут дело не в Испании, конечно. И если бы он захотел от меня уйти, я бы его не задерживала.

19 октября 1936. Понедельник

Еще новое испытание: все котята запаршивели. Носила одного в диспансер – *la teigne*. Конечно, страшная паника. Заперли их всех в кабинете, вонь тут невыносимая (хотя Томка их все-таки приучает к опилкам – они гадят в одном углу), вхожу сюда не иначе как в халате, а Игорю вообще и видеть котят запрещено. Ну, а что же делать? Котята прелестны. Мажу их эфиром, во что очень мало верю. В субботу понесу их всех четверых. По правде сказать, он говорил что-то еще делать с ними, да я не поняла. В субботу постараюсь понять.

Вчера Юрий ездил к Нине Федоровне предлагать ей котенка, которого в Эрувиле она хотела взять. Она сначала было отказалась, но, кажется, все-таки Юрий ее уговорил.

* Le devoir – урок (*фр.*).

Я все-таки думаю, что Юрия к этой женщине тянет. И думаю также, и надеюсь, что тянет только физически. Да и я ведь, в конце концов, ничего не возражаю, даже если эта связь будет продолжаться и в Париже.

В Эрувиле мне было даже не грустно, а уж очень одиноко. В первый вечер, когда он ушел гулять вдвоем, я даже не знала, что они вдвоем, да и вообще по своей наивности ничего не подозревала. Я была больна, лежала, спать не могла, у меня болела нога, зубы, першило в горле. Я ждала Юрия, чтобы попросить принести мне сахару. Он вернулся после 12-ти. Нина Федоровна прошла к себе, а Юрий остался в столовой. Пил водку. Потом пришел ко мне, сразу заговорил до смешного ласковым голосом: «Отчего ты такая грустная?» (Да я была просто больная). «Ведь не можешь же ты ревновать меня к этой женщине» (А мне это и в голову не приходило). Потом стал говорить, что он «по правде сказать» очень устал от этой прогулки и т.п.

Потом начались ежедневные прогулки, или где уж он пропадавал целыми днями – не знаю. Когда мне становилось уже немоготу одиноко, я также уходила в поля одна. Однажды Юрий пришел ко мне в комнату, сел в кресло. Вид у него был очень подавленный и сконфуженный.

– Ира, хочешь пойти со мной в butik?

– Зачем?

– Да купить на последние 2 франка папирос, погуляем. Мне так грустно стало сегодня, когда я увидел, как ты пошла гулять одна.

Он смотрел на меня такими глазами, что мне стало его жаль. Пошли. Как будто стало опять хорошо. А на обратном пути около дома встречаем компанию: Петрова, Нина Федоровна, Ванда.

– Идемте с нами, мы идем к Егору.

И вдруг мой Юрий сразу помолодел: «Конечно, идем!» Такая перемена: Юрий в кресле полчаса назад и Юрий на дороге при встрече с компанией – меня даже не столько огорчило, сколько поразило. Только подумала: «Ах, так! Значит, выбор сделан». Пошла к себе и в первый раз заревела.

В первый же вечер в Париже, лежа в кровати, Юрий мне кое-что рассказал. Отрывками.

– Когда-нибудь расскажу тебе все подробности.

Очень любопытно, но не расспрашиваю, чтобы не доставить Юрию удовольствие. А говорить об этом он любит и чувствует

себя важным героем: «Вот, мол, как меня женщины любят». А дома с Кюбьяковым, который знаком с Н<иной> Ф<едоровной>, в таком тоне говорил о ней, что я потом назвала его подлецом и негодяем. Он не отрицал. Мне еще хотелось его спросить: чем он, в сущности, лучше Бориса? И ему ли выступать в роли защитника морали, семейных уз, проповедовать уважение к женщине, которую он как таковую заранее и вообще глубоко презирает. Сам он сказал: «На свете осталось очень мало таких романтических дур, как ты, которых можно уважать. А современные женщины, это...»

17 ноября 1936. Вторник

Мне хочется уюта, самого пошлого мещанского уюта, хотя бы самого минимального. Поэтому мне хочется скорее привести в порядок кабинет, там после Томкиной смерти еще царит хаос невообразимый и пахнет жавелем*. А мне хочется скорее там все убрать, и лампу устроить, и покрывало какую-нибудь на маленький стол купить, и занавеску, и полы натереть, и диван обить... Летом все мысли далеко, волнения, дороги, города новые, а зимой хочется поставить печку и «уют» полного, франков в 100. Как, в сущности, мало! А вчера приходила хозяйка, ругалась, что до сих пор не заплачено за квартиру. Я давно уже так не расстраивалась. Весь вечер проплакала.

Томка умерла 2 недели назад. То же, что у Бубуля. Понесла всех трех (2-х маленьких пришлось ликвидировать недель раньше из-за парши) в диспансер, дали какие-то порошки, котята были еще в очень хорошем состоянии, даже от la teigne поправились, ветеринар сказал: «еще несколько дней», но ночью Тоमुшка бросила их и забила под диван (и как она могла туда пролезть?), утром нашли ее там мертвой. Котята были еще живы, но уже еле дышали. Юрий их всех пристрелил и повез в Медонский лес всех трех. Больше никогда никаких животных у меня не будет. О Томке я до сих пор вспоминать не могу. Даже Мамочка плакала, а уж на что она кошек не любит. Пишу сейчас за маленьким игровым столиком – я купила, теперь хоть у него есть свой угол. Купила ему очень хорошую скрипку при содействии Ел<изаветы> Ал<ександровны>, и теперь он уже начинает играть. Не то, чтобы очень охотно, но когда начинает играть, то ему нравится. Ел<изавета> Ал<ександровна> им очень довольна.

* Жавелевая вода (названа по имени французского изобретателя) (фр.).

В школе пока учится, в общем, неплохо. Очень плохо только читает. В октябре был 15-ым учеником из 47. Вчера у него произошла какая-то пертурбация: 6 лучших учеников перевели в 5-й класс: к ним из 7-го — другая учительница. Это я понимаю, но вот зачем у него отобрали все книжки, и стали они опять писать карандашами — я это понять не могу. Не может же это быть «понижением»? Впрочем, черт их разберет, эту французскую школу, может и лучше, что они немного повернули назад.

Начала печатать фотографии. Напечатала 57 и то не по порядку, так что и наклеивать нельзя. А больше бумаги нет. Жду теперь, когда Митяша натаскает, да продаст нам «по цене Uniprix*», да и в рассрочку.

28 ноября 1936. Суббота

Я все-таки не думала, что Борис мог быть таким подлецом. Опять за старое? Да, за старое, которое никогда не забудется, ибо, должно быть, этот человек никогда не будет для меня безразличным. И всегда, когда я буду думать о нем, мне будет очень больно и очень стыдно за него и за себя.

Писать Елене Ивановне такие письма, что она не знает, что со мной делать, это простая игра, шутка вдруг приняла такой оборот, что я в него влюбилась и чуть ли не собиралась женить его на себе, и, в тоже время, ловить меня на бульваре Pasteur и писать мне рнеу, из которых следует, что он будет меня ждать в такой-то день и в такой-то час! И неправда! Он искал встречи со мной, хоть боялся меня, и он бы ни перед чем не устоял, если бы я его тогда застала дома. Во многом он, конечно, прав. Виновата я. Виновата в том, что у меня, действительно, появилось к нему какое-то чувство, я не побоялась это сказать, и даже в письменной форме. (Насколько он был осторожнее меня! Он эти слова только говорил, но не писал.) Я не побоялась даже написать ему такое письмо, рассчитывая на самую минимальную порядочность, а он этим письмом воспользовался для того, чтобы меня скомпрометировать. Я его письмо уничтожила потому, что считала, что оно его компрометирует, а он поступил как раз наоборот. Елена Ивановна говорила Юрию, что очень сожалеет обо всем этом, что вот две семьи, которые были так дружны, так разошлись, что она меня очень любит («и сейчас»), но что, конечно, я во всем виновата, приняв игру всерьез. Конечно, я виновата, но разве

* Магазины стандартных цен (система недорогих магазинов во Франции) (фр.).

у Бориса не было весьма «серьезных» намерений относительно меня? Или все это тоже «шуточки»?

Эти дни я лежала. Мне было очень плохо, я накаливалась и накаливалась... А сейчас опять наступила реакция, опять все стало «все равно», и уже нет сил ни возмущаться, ни плакать.

Я как-то писала, что мы с Борисом квиты. Нет, не квиты. Я доставила ему много неприятностей, но я не сделала ни одной подлости. Я его не предавала. У меня даже нет к нему зла (еще вчера – было). Есть много презрения, я этого человека не могу уважать, и много горькой обиды. Именно – обиды. За что?

Зачем я рассказала об этом Наташе и Лиле? Должно быть, по необъяснимой необходимости говорить о том, «что болит». Потому-то мне и хотелось так эти дни заговорить об этом с Юрием. Кто же, как не он, мог бы меня, наконец, успокоить! Но с ним об этом сама никогда не решусь заговорить. Какое это страшное слово – никогда. А я стала совершенно больной истеричкой. Со мной ни о чем говорить нельзя – я сразу же начинаю кричать и плакать. Тут все: и холод, и голод, и ацетоны, и хозяйка, и газовщики, и электричество, и Борис...

Сегодня Игорь принес из школы свои notes*. В этом месяце он 6-й ученик из 33-х. Не плохо. А в субботу принес *témoignage de satisfaction***, очень доволен, мордочка сияет. А сейчас я сижу и ругаюсь с ним: лежит и требует, чтобы я сидела в столовой или, по крайней мере, там горел свет. Я принципиально сижу в кабинете. Так как он чувствует за собой поддержку бабушки, то позволяет себе закатывать настоящие истерики. Я – тоже. Ничего себе получается. После долгих препирательств пришлось дать ему валерьянки, а сама сижу и реву. Нервы у меня совсем распались.

5 декабря 1936. Суббота

Когда мы завесили красным лампу и потушили белый свет, я сказала:

– У меня есть только одно определенное желание: умереть. Я дошла до такой точки, когда уже ничего не хочется и почти ничего не жаль.

Юрий спросил:

– А Игоря тоже не жаль?

– Нет.

– Все это неврастения.

* Отметка (фр.).

** Свидетельство об успеваемости (фр.).

А я все больше и больше чувствую, что я отстала от Юрия, как я вообще отстала от жизни. Пришел он как-то из собрания «Круга», такой оживленный, возбужденный, сгоряча начал что-то рассказывать, и оба мы почувствовали, что живем мы совсем в разных мирах, почти в разных столетиях.

Лег, обнял, прижался. И подумалось: «Вот – его жена. После интересных дебатов хорошо вот так прийти и лечь. Говорить не надо. Тепло, хорошо... И ведь в этом вся моя роль. Разве не лучше будет, если я умру?»

Союз выпускает его книжку. Будет очень благожелательная, если не восторженная, статья Адамовича. Ругать некому. Полный триумф. И окончательное мое поражение.

На той неделе будет вечер стихов. Глупо, что поместили меня: ясно ведь каждому, что не пойду.

11 декабря 1936. Пятница

Я покину мой печальный город,
Мой холодный, неуютный дом.
От бесцельных дел и разговоров
Скоро мы с тобою отдохнем.

Я тебя не трону, не встревожу,
Дни пойдут привычной чередой.
Знаю я, как я с тобой несхожа,
Как тебе не радостно со мной.

Станет дома тихо и прилично,
– Ни тоски, ни крика, ни ворчли,
Станут скоро горестно-привычны
Без меня кружащиеся дни.

И, стараясь не грустить о старом,
Рассчитав все дни в календаре,
Ты один поедешь на Луару
В призрачно-прозрачном сентябре.

И вдали от горестной могилы,
Где-то там, в пути, на склоне дня,
Вдруг почувствуешь с внезапной силой,
Как легко и вольно без меня.

Я хочу, чтоб меня позабыли,
Не жалея и не кляня.
Даже те, что когда-то любили
(Ведь любили когда-то меня).

Я хочу умереть одиноко,
Как последние годы жила.
Самым близким и самым далеким
Я всегда только лишней была.

Я хочу без упрямства и злобы –
(Ведь ни друга нет, ни врага),
Чтоб за белым, некрашеным гробом
В день унылый никто не шагал.

Я хочу, чтоб меня позабыли
(Ведь при жизни не помнил никто)
И чтоб к тихой моей могиле
Никогда не приблизился тот...

Полнее и точнее выразить не могу

Ночь с 24 на 25 декабря 1936. Четверг-пятница

Как холодно всем одиночество
В дни праздников или торжеств.
Е. Таубер

Именно холодно. Должно быть, потому я и не люблю праздников. Очень холодно и очень одиноко. Юрий спит, озяб сегодня на работе, и, конечно, все уже заболело. М<ожет> б<ыть>, конечно, и вправду заболело, и ром, и аспирин, и клизма – все это вызывает некоторое раздражение. В Notre-Dame, конечно, не пошли. Да и если бы он здоров был, все равно бы не пошли: к этому предложению он отнесся более чем холодно и ни разу потом не говорил об этом, а я тем более. Разве я могу о чем-нибудь просить его, когда вижу, что он не хочет?

Наши тоже спят. А наверху, у Примаков, что-то весело... Я не люблю праздников. Но я с большим азартом готовилась к елке, клеила картонки, ходила с Игорем покупать елку, с большой радостью украшала ее. Меня трогает и волнует Игорешкино оживление, он прямо горит весь. Какая-то неизвестная дама принесла и оставила у консьержа для Игоря маленькую елочку. Я долго не знала, что с ней делать, а сегодня, когда он уснул, убрала ее остатками игрушек, наивным образом, цепями (от ликвидации Тургеневской елки) и серебряными нитями; и поставила в спальне на его стол. А вокруг наложила подарки. То-то будет восторг, когда проснется!

Сижу в кабинете, пью ром, и спать мне не хочется.

В этом месяце Игорь был 2-м учеником и получил *tableau d'honneur**. Я горда и счастлива не меньше его!

31 декабря 1936. Четверг

Опять о старом:

* Почетная грамота (фр.).

Все пережить: холодный голос,
Мысль о бессмысленном конце...
И сквозь предательство и подлость
Пройти, не изменяясь в лице.

От глупой и нестрашной раны,
От замечаний и стыда,
Должно быть, никогда не встану,
И не оправлюсь никогда.

Уже совсем без слез и злобы
Могу спокойно говорить. (неправда!)
Уж не сумею и за гробом
Ни оправдать, ни позабыть. (и это не совсем правда)

Я эту боль приму навеки,
Не жалуясь и не кляня,
Боль о ничтожном человеке,
Который не любил меня.

Когда я писала это стихотворение, мне почему-то стало стыдно и перед Юрием (что я опять взялась за эту тему), и перед Борисом (он-то все-таки подлец, но с большой натяжкой, да и вообще вся эта история сильно раздута Юрием). Утешаюсь тем, что моими стихами Юрий мало интересуется, если я, конечно, их не читаю. А до Бориса они и после смерти не дойдут.

Борис – моя боль. Я не могу перестать о нем думать, хоть я и сержусь на себя за это. В ночь с понедельника на вторник, когда Юрий вернулся в 4 часа утра, я не спала почти до рассвета. Начались, конечно, бесконечные диалоги, где в роли «воображаемого собеседника» был Борис... Но когда я представила, какова могла бы быть наша встреча (где-нибудь, не у меня, конечно), – я заплакала, села на кровать и заколотила кулаками по одеялу. Я чувствовала себя совсем опустошенной, обманутой (собой же самой!). Мне было и противно, и стыдно, и почти физически больно. Борис – моя боль. Если бы я с ним встрети-лась в действительности, увидела бы его еще раз в действительности, а не в воображении, таким, каков он есть, – это наваждение бы как рукой сняло. Но ничего я так не боюсь, как встретить его на улице, например. Я бы оказалась еще трусливее его, я бы на другую сторону перебежала...

6 января 1937. Среда

С тех пор, как я запустила в Юрия ножницами, у нас установились опять самые прекрасные отношения.

23 января 1937. Суббота

Вчера, под вечер, на работе, он упал с лестницы (лестница заскользила по парапету) с высоты трех метров, да еще на какой-то выступ. Лестница – на куски, это его и спасло, иначе он переломал бы ноги. Сейчас я не думаю, что у него сломана рука, хотя левое плечо распухло, и поднять руку он не может. Вообще, руками он двигать не может – ни той, ни другой. Сильно разбиты ноги, еле ходит. Аптекарь, который вчера делал ему перевязки, не мог определить, есть ли где-нибудь переломы или нет.

Я вчера весь день пролежала. У меня очень сильный кашель. Вообще, чувствую себя совсем больной. Сегодня еле встала.

Неделю назад ездили в Эрувиль, где провели больше 4-х дней. Уныло. За окнами дождь, слякоть, сумасшедший ветер, в комнатах горящая печурка, полумрак, кислые щи, старый Буц и старик – одинокий и глубоко несчастный. Мы честно промолчали все 4 дня. Старик сидит около печки, ровно ничего не делает, живет как автомат: механически покормит кур, механически поставит разогревать щи, механически острит и курит, курит непрерывно. Несомненно, также и пьет. Только при мне не выпил ни одной рюмки.

– Пить при вас, нет, это невозможно.

Рано смеркалось, рано вставали, еще совсем в темноте. Я даже полюбила эти ранние сумерки, слабый огонек печки (света мы не зажигали), кофе в стаканах из-под горчицы, и безмолвная фигура. Полюбила эти утра, как любила их в госпитале, хотя утро – всего-навсего печаль бесконечного и пустого дня. Сравнение с госпиталем напрашивалось само собой, и я даже сказала об этом старику.

По вечерам мы устраивали литературные чтения. Бор<ис> Аф<анасьевич> читал мне Гоголя, «Скупого Рыцаря», «Горе от ума», а я ему – Гумилева, Блока, Ахматову, Ходасевича и Ладинского. Каждый настаивал на своем.

Что-то мой Юрий?

26 января 1937. Вторник

Сегодня мне утром Игорь сказал, что у него в этом месяце за dictée* – 2 (вместо 10) и écriture** вместо 6 – 4. Я расстроилась до слез. Стоит ли? Конечно, нет. И сколько у меня будет еще таких огорчений! Больше всего мне обидно, что у него нет никакого

* Диктант (фр.).

** Письмо (фр.).

самолюбия. Будет вместо 2-го ученика каким-нибудь 12-м или 22-м, и ему все равно!

С Юрием, слава Богу, все благополучно. Конечно, работать еще не может, но отделался только громадными синяками. Сегодня даже много ходит, что, конечно, просто глупо. Сейчас опять пошел к Баранову относить ему материал для работы (тот где-то там должен работать за него), звал меня. Вечер чудесный, но, во-первых, был Кобяков, значит, пошел бы с нами, в лучшем случае, полдороги, а его брехня мне надоела; во-вторых, представила себе нашу прогулку с Юрием: «А почему ты в этом пальто пошла?», «подбери волосы» и т.д. Он любит со мной ходить, когда я в «авантаже»*, и подмазана, и завита, и одета более или менее прилично. А наводить красоту сейчас у меня нет никакой охоты.

3 февраля 1937. Среда

Встала поздно, в первом часу дня, и сразу почувствовала: нечего делать. Не то что действительно нечего делать (дел даже много! но на домашнюю работу нет сил, сердце щемит), а вообще в жизни мне нечего делать. Хотелось вопить во весь голос: «Я не могу больше жить! Я не могу жить!» Стараюсь быть до конца чистой и спрашиваю себя: «А смогу ли умереть?»

Минутами сознаюсь, что – да. Потом охватывает лень (максимум страх). Все становится безразличным. Реву непрерывно по малейшему поводу, а чаще без всякого повода. Плачу и твержу, что не могу жить. Что это, неврастения? Или просто большое количество сахара?

16 февраля 1937. Вторник

Времени как будто много прошло, а настроение то же. Почему-то вдруг вспомнилось детство. Очень далекое: Елпанка, мокрая от росы трава, туман над озером. Ожерелье из водяных лилий. Шелест серебристых магнолий на берегу... Почудилось почти физически, самый воздух того времени: бревенчатый забор – все, все. И так ясно, так четко. Тогда я еще ничего не слышала ни о Париже, ни об инсулине... А с чего это вдруг? Никогда я не вспоминаю о России...

А потом вдруг неудержимо потянуло в Севр, на старые места. Если бы было, с кем оставить Игоря, поехала бы побродить по Quai du Point du Jour**, по Couronnes, по тем самым местам,

* L'avantage – выглядеть превосходно (фр.).

** Набережная Рассвета (фр.).

где была молодость. Где «вся жизнь была впереди», та жизнь, в которой сейчас безнадежно запуталась.

17 февраля 1937. Среда

Сегодня в диспансере доктор мне сказал, что Игоря надо отправить в деревню, причем не меньше, чем на год. Я отказалась.

– Réfléchissez-vous. Il n'a rien de mal, mais regardez, quelle mauvaise mine de cet enfant*.

Я все-таки отказалась. Mauvaise mine** – это от Парижа. А уехать в провинцию мы все равно не можем: и Юрий уже не получит работы, и я останусь без инсулина. Жить и умереть я должна в Париже. А отправить Игоря опять куда-то в превенториум – я больше не смогу. На лето отправлю его в Швейцарию. На 2 месяца. Доктор сказал: «Ce n'est pas difficile***. А я в эти два месяца очень верю.

Вчера приходил Закович. Юрия не было дома. Нес какую-то чепуху о каком-то новом обществе: вроде масонского, к которому можно относиться «и серьезно, и комически», а сам он, видимо, не знает, как на это смотреть, «серьезно или комически», потом совсем запутался и сказал, что он вообще все это бросит, что ему не до того, что его дочка 2 1/2 лет больна туберкулезом и лежит в госпитале. Вид у него был расстроенный и жалкий. Никогда этот человек не был мне симпатичен, а тут я почувствовала к нему большую симпатию и жалость. Должно быть потому, что тревоги-то у нас одинаковые.

<Март 1937>

Девочка Заковича умерла от скоротечной чахотки 6 марта.

22 марта 1937. Понедельник

Опять так давно-давно не писала. Были какие-то события, какие-то разговоры, какие-то настроения, но все мимо, мимо...

Кровавые события в Клиши и забастовка в метро и автобусах, вдоль тротуаров – невыносимые ордюры****. Митинг на зимнем велодроме. Битком набитые поезда метро и пение Интернационала. Немножко жуткое, чуть-чуть приподнятое

* Подумайте. В этом нет ничего плохого, но смотрите, как бы не причинить зла ребенку (фр.).

** Плохой вид (фр.).

*** Это не трудно (фр.).

**** L'ordure – отбросы, мусор (фр.).

настроение: начало революции? Потом – успокоение. Все, как всегда. Надолго ли?

Как всегда, да не совсем. Бастуют табачники, и сегодня в Париже уже с трудом достать «Gauloise» bleu*. Бастуют портные и служащие «Maison Choque»**, так что Юрий уже который день там не работает, а это значит, каждый день 17 фр<анков> из кармана. Революции со всеми ее последствиями, в сущности, не хочется. Особенно жалко Игоря. По себе знаю. А с Юрием неделю назад произошел такой случай. Возвращался он от Фондаминского в 1 1/2 ч ночи по Convention***. Ни души. У тротуара стоит маленький samion**** с потушенными огнями, и пять фигур: четыре мужчины и баба. Двое подходят к Юрию и спрашивают, как проехать на Halles****. Юрий начинает объяснять дорогу. В это время двое других подходят сзади. Тогда один из них говорит:

– Хорошо, месье, на это вы нам дадите денег, чтобы платить за Halles, – и направляет на него большой нож.

Юрий не растерялся. Первые его слова были:

– Attention au nettement!***** – и дальше. – Vous êtes mal conté*****. У меня есть только 70 с<антимов>, на метро, так как я опоздаю, если пойду пешком.

– Да у вас есть еще бумажник.

Юрий достает бумажник.

– Да, в нем очень дорогая вещь: Carte d'identité. Больше ничего.

Негодяи пощупали сверху кармана, стоят в нерешительности. Один начинает заводить мотор. Юрий опять:

– Если вы правда едете на Halle, так вы поедете мимо моего дома и подвезете меня. Alors?

– Rues brave. Alors.

– Je pense beau, je suis ancien combattant.

– Ça se voit. Et bien. Monte!*****

* «Голуаз» – марка французских сигарет, «bleu» («голубые») – разновидность (фр.).

** «Контора Шока» (фр.).

*** Улица Конвансьон (фр.).

**** Грузовой автомобиль (фр.).

***** Рынок (или же одноименное название площади в центре Парижа) (фр.).

***** Внимательность и точность! (фр.)

***** Вы плохо осведомлены (фр.).

***** – Ну, так что?

– Это смело. Ладно.

– Я надеюсь на лучшее, я бывший фронтовик.

– Это видно. И хорошо. Выправка! (фр.)

Доехали до rue du Château.

— Assez. Je descends. Au revoir et merci.

— Au revoir, copin*.

Драма кончилась фарсом. А ведь не всякий раз так бывает.

28 марта 1937. Воскресенье

О смерти.

Две смерти меня очень поразили и потрясли. Первая: в январе в Эрувиле, сидя за столом, я заметила в грудe бумаг и писем лист с траурной каймой. Бориса Афанасьевича не было и я, подстрекаемая каким-то любопытством, этот лист извлекла... «Наташа Голубкова». Та самая тоненькая, хрупкая Наташа, которая приезжала с отцом в тот год, когда я жила в Эрувиле, которая играла в халатике с Володей Подгорным, и с которой мы ходили в лес. Наташа Голубкова. Я всунула лист обратно и долго, пожалуй, и до сих пор не могу отделаться от ощущения какой-то подавленности, раздвоенности.

Вторая смерть — Евгений Замятин. Ведь я провела с ним всего один вечер у Унбегаун, и, кажется, ничего не читала из его произведений; но, м<ожет> б<ыть>, именно потому, что я встретилаcь с ним у Унбегауна, и потому, что именно в этот вечер и начались для меня новые и волнующие дни, и потому что я, думаю о Унбегауне и о тех, кого я бы могла там встретить, я неожиданно представляла себе Слонима и Замятина, м<ожет> б<ыть>, именно поэтому эта смерть меня так потрясла и раздавила. Как обо всем, что касается семьи Унбегауна, я никогда не говорю о Замятине. Со смертью этого, совершенно мне чужого человека, для меня ушло из жизни что-то близкое и любимое.

А вот о жизни. Вернее о незаметно ушедшей жизни. Как-то ночью Игорь заворочался в кровати, заерзал, перевернулся на другой бок и вдруг сильным заплетающимся голосом крикнул:

— Мы молодые хозяева земли...

И вдруг я совершенно четко поняла: да это они, дети, и есть настоящие хозяева земли. Они, а не мы. Нам уже поздно. Мы уже только играем в детей:

И тот, кто с песней по жизни шагает,

Тот никогда и нигде не пропадет.

* — Достаточно. Я выхожу. До свидания и спасибо.

— До свидания, приятель (фр.)

Это Игорю петь, а не нам. Мы уже прошагали свою жизнь — и пропали, м<ожет> б<ыть>, потому, что так и не выучились петь веселые песни.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое....

И еще. Была я в среду в госпитале. Встретила Жаннет. Она уже невеста. За эти годы я ее все-таки видела и меня не поражает уже, что она взрослая. Но вот вошла барышня, молоденькая, слегка подмазанная, стройная, чуть-чуть ломучка. Жаннет подошла к ней (та села около меня) и назвала ее Коллет. Я опешила. Как? Неужели это Коллет. Потом ее назвали мадмуазель Женевьев Коллет. Та самая маленькая Коллет, с которой мы встречались в Pitié, где Marcelle нам делала пикюры? Которой я подарила свою коллекцию марок? Стала вся завитая — да, можно уловить какие-то общие черты. Но то была маленькая девочка, но ведь прошло 10 лет! Тогда ведь и я была молоденькой барышней, без морщинок у глаз, и тогда многие смотрели на меня, потому что им нравилась моя молодость, потому что у меня «вся жизнь была еще впереди, потому что, несмотря на болезнь, я была еще сильна, бодра и самоуверенна... Теперь Коллет 19 лет — ее время. Коллет, Жаннет — вот они теперешние, «молодые хозяева земли». Ведь для них я кажусь едва ли не старой, и я еще подмазываю губы, крашу ресницы, стараюсь казаться молодой и интересной, думаю еще о всяких глупостях, — не смешно ли?

9 апреля 1937. Пятница

Господи, за что же это! Вот уже около месяца, как я совсем больна. И больна гораздо больше, чем хочу себя в этом убедить. Ведь в таком состоянии я не только не могу ехать на Луару, но и до Медона в поезде не доеду. У меня совсем нет сил. Я ничего не вижу, в глазах все расплывается и ничего делать не могу, и, главное, ничего не хочу, только спать, спать, спать. Самое паршивое это состояние, когда ничего не хочется. Значит — больна. Конечно — все диабет. Ведь сахара у меня сейчас колоссальное количество. В госпиталь уже не хочу. Поздно: весна. Но я и вообще ничего не хочу. Спать, спать... Я совсем больна.

10 апреля 1937. Суббота

Мой дом — это напряженный и враждебный лагерь. Я не люблю мой грязный, неудобный, неприветливый дом. Поневолу здесь одичаешь.

16 апреля 1937. Пятница

Вчера была на пушкинском концерте. Потом долго не могла заснуть. Юрий иронизировал: «Подумаешь, какая сентиментальная». А мне очень грустно, что он не любит музыки!

19 апреля 1937. Понедельник

Атмосфера в этом сумасшедшем доме сгущается настолько, что я теперь уже не представляю, во что все это выльется. Утром Мамочка встала в очень нервном состоянии и сразу же стала вызывать меня на ссору. Еще из кухни:

– Вот я пришла как раз, когда кофе начал закипать. А Ирина говорит, что у нас всегда кофе уходит.

Я из столовой огрызаюсь:

– Я не говорю, что всегда, а иногда.

– Нет, неправда, у нас никогда кофе не уходит и т.д.

Потом – в столовой. Я вяжу Игорю безрукавку из остатков шерсти от пуловера. Мамочка тоже начала ему вязать что-то из разных шерстей, всех по маленькому моточку. Я дала ей большой моток своих. А когда стала вязать второй, вижу, что мне так не хватит, послала Игоря обменять мамочкин моточек на большой. Игорь возвращается с обеими. Бабушка говорит: «Не подходит». Это было, кажется, третьего дня. Так как мы перед тем только что поругались («Ты только и ждешь, чтобы Игорь схватил воспаление легких, чтобы сплавить его в госпиталь»), я не стала узнавать, в чем дело, и продолжала вязать. Так вот и сказала:

– Зачем ты начала вязать этот пуловер?

– Потому что у меня осталось много шерсти.

– Ну, конечно! И у меня взяла шерсть, только для того, чтобы я не вязала, только чтобы я ничего не делала для Игоря! Вот теперь Игорь и остался без вязанки.

– Без вязанки он не останется уже потому, что я ему вяжу.

– Ну, конечно, чтобы я не делала...

Я обиделась. И глупо, и противно.

– Ты совершенно больной человек, – говорить с тобой невозможно.

– Если бы ты, действительно, считала меня больной, ты бы со мной так не говорила.

– Да ведь я и не говорю! Ведь это ты все время вызываешь меня на такие разговоры!

...Я опять как-то огрызнулась, кончилось тем, что она взяла свою чашку, ушла в ту комнату, и там началась истерика.

Какие там жалкие слова произносились, я не слушала, как вдруг до меня долетела такая фраза:

– Все это от того, что мы бедные, что мы им денег не даем...

И последний голос Папы-Коли:

– К сожалению, это правда. Только говорить об этом не надо.

Я не выдержала.

– Это подлость! Это гнусность!

Папа-Коля принес в буфет посуду. Я дрожала.

– Это гадко, это гадко!

И опять, совершенно спокойный, но в состоянии аффекта ответ:

– Нет, это так и есть. Это правда!

Руки у меня дрожали так, что я не могла больше работать. Я проплакала весь день. На Мамочкины слова обижаться, конечно, нельзя, она сама не знает, что говорит. Но когда мне Папа-Коля говорит такие слова, я даже не знаю, как мне на них реагировать. С чужими людьми после этого перестают кланяться. Но мне как же быть? Мне? Юрий пришел только в шестом часу. Он так возмущен и озадачен. Сегодня он ушел, но завтра ему придется об этом заявить.

Сегодня Игоревро рождение – 8 лет! Подарили ему пальто, новый пуловер, конверт с американскими марками. И пообещала альбом для марок. Он сам себе купил на свои деньги – крепость и солдат. На goûter устроила маленькое торжество, накрыла стол скатертью, поставила чашки, достала пирог, купленный в Uniprix еще в субботу (сегодня магазины закрыты) и зажгла на нем 8 разноцветных свечей, припасенных еще с елки. Так мы с ним и сидели вдвоем, пили молочко, да смотрели на странное мерцание свечей при дневном свете. И было очень грустно. Мне, по крайней мере. Игорь старался меня развеселить. Когда я, за завтраком, не выдержала и пошла в спальню, легла на кровать и ревела, – он пришел ко мне и вдруг слышу – он тоже плачет.

– Игорушка, ты чего?

– Нет... я... ничего...

Бедный мальчик!

Никогда, должно быть, я не забуду этого юниприйского* пирога со свечками.

24 апреля 1937. Суббота

В четверг утром Игорь довел меня до самой настоящей истерики. Я дошла до того, что держалась обеими руками за голову,

* От Uniprix (см. выше).

выла, орала, «а-а-а» и не могла остановиться. Игорь страшно перепугался. На урок музыки я отправила его одного – в первый раз. Он говорил:

– Мамочка, я не могу идти!.. – и хватался за горло. Видимо, схватывали спазмы. Я все-таки его отправила, думала – на воздухе пройдет, успокоится. Сама, однако, не успокоилась и, слегка прибрав комнату, пошла к Potain, а оттуда к Елизавете Александровне.

У нее урок, дети сидят за столом.

– А что же Игорь не пришел?

– Как не пришел? – Я так сразу и ослабела вся!

Домой почти бежала. Да, конечно, дома. Сначала начал было врать, что опоздал, потом сказал, что дошел до калитки и пошел назад. Почему, объяснить не мог. Просто разнервничался. Потом, между уроками, прибегает Ел<изавета> Ал<ександровна>, она также очень перепугалась.

Весь день после этого я была сама не своя. Мамочки весь день не было дома. Папа-Коля застал только эпилог, не знаю, понял ли что-нибудь. А Юрию я как-то так и не выбрала момента рассказать об этом. Да и нужно ли?

Вчера был вечер Ладинского. Хоть он меня усиленно приглашал (через Юрия), я все-таки дотянула до того, что не пошла, и не ошиблась. Унбегауны были оба. Это, конечно, довольно унижительное положение, но я привыкла всегда всем уступать дорогу.

5 мая 1937. Среда

Начну все по порядку.

В канун Пасхи отправились Юрий с Игорем в Эрувиль. Вернулись вечером в воскресенье, усталые, загоревшие (погода стояла чудесная), с громадными венками сирени. Новости привезли грустные. Бор<ис> Аф<анасьевич> совсем постарел, никто к нему не приезжает, с женой он окончательно разводится, та выходит замуж, а поместье продает (оно же ее). Куда старик денется – неизвестно. Настроение у него мрачное. Огород не вспахан (да ведь и силы-то нет), дом местами рушится, одна курица села на яйца, так он ее зарезал (к чему только?). В довершение всего исчез Буц. Старик остался уже совсем один. Назначил себе срок – 1 октября, – после которого жить уже не стоит... Егор живет в Париже, стал совсем городским парнем, жалеет только о том, что столько лет он пропустил зря, живя в деревне. Старик совсем один. Жаль его до боли. Я не даром как-то

назвала Эрувиль своим «предпоследним пристанищем»: с ним связано что-то – и очень грустное, и какое-то родное.

К Заутрени не пошла. А «разговориться» вместе с нашими пошли к Примакам. Пили очень много водки (что, видимо, поправилось Владимиру Степановичу), но зато ни глотка вина. И все-таки встали довольно рано с совершенно свежей головой. Встали и пошли к Ел<изавете> Ал<ександровне>. Принесли ей букет гвоздик.

– Ну, зачем же вы...

– Да ведь сегодня Пасха...

– Как Пасха? – она совсем об этом забыла, живет ведь среди французов, где же тут знать. Даже расстроилась:

– Никогда, пока жива была мама, не забывала...

И вдруг заговорила о том, как она одинока, что сестра и племянница для нее совсем чужие, что к ней даже никто не приходит, что нет у нее близкого человека, заплакала и сказала, что придет ко мне в понедельник. Меня она искренно любит, и я знаю, что вечер, проведенный у меня, доставит ей большое удовольствие. Вот еще одна трагедия старости и одиночества.

В воскресенье вечером вернулись мои. Я приготовила для Игоря Пасху, купила маленький куличик, накрасила яиц. И до его приезда не трогала. А он, малышка, приехал такой усталый и возбужденный, что даже не выразил никакого восторга.

А в понедельник начались будни.

В понедельник Юрий приезжает с работы, хромает на обе ноги, на лбу громадная шишка: на place de la Concorde, около самого обелиска, налетел на такси. Велосипед вдребезги. Юрий ободрал все ноги и руки, а к вечеру так разболелась правая нога, что не мог ею двинуть. Наутро стало немного лучше. Не работает, конечно. А все-таки я говорю: слава Богу, что так легко отделался.

Во вторник было мое рождение – 31 год. Пока я утром ходила к Володе – относила работу, ко мне приходили с поздравлениями от газет. И от электрического общества, один принес листок с надписью «Dernier notice»*, а газ просто закрыли. (Я-то ждала, что закроют еще на Игореево рождение.)

Нина Ивановна, узнав об этом, сейчас же принесла свою кексину. Она коптит, воняет и так медленно варит, что я почти все покупала готовое, что выходит, конечно, очень дорого.

* Последнее предупреждение (фр.).

А я вот уже третий день чувствую себя совсем плохо. И весна на дворе, и тепло, и солнце, а у меня нет еще сил по утрам подняться, а потом я с большим трудом, большими усилиями воли заставляю себя работать (вырезать по коже части для пеналов): работать мне очень тяжело, болит спина, а потом сильно и заметно кружится голова. Сегодня утром не могла (просто не могла) отнести работу – пошла после обеда. Опять, как зимой, хочется только спать, спать, спать. Я ждала, что с весной мне станет лучше. А теперь мне начинает казаться, что этого лета я не переживу.

В следующий раз я уже буду писать в новой тетрадке.

Тетрадь XIII

7 мая 1937 – 24 сентября 1940
Париж

7 мая 1937. Пятница

Сегодня у меня вроде как юбилейный день: 10 лет назад мне сделан первый пикюр инсулина.

10 июня 1937. Четверг

В понедельник хоронили Бориса Афанасьевича. Много народу, страшная жара. Елена Максимилиановна в глубоком трауре, просторное деревянное кладбище и – опустевший дом. Сидели с Яценко на скамейках перед домом, где всегда сидел Бор<ис> Аф<анасьевич>, и говорили о том, что Эрувиль кончился, что это была для нас всех целая эпоха, что здесь мы всегда были молодыми, какими мы уже никогда больше быть не можем... Было очень грустно. Яценко разошлись. Для нее трагически кончился Эрувильский период... А у меня разве мало связано с Эрувилем?

Перед отъездом – скандал: Володя ругался с Ел<еной> Макс<имилиановной> из-за каких-то писем, орал на весь Эрувиль. Был пьян, гадок и подл. И очень грустно. Егор плакал... Уходя из дома, почему-то захотелось перекреститься. Навсегда. Радует только, что Бор<ис> Аф<анасьевич> умер примиренный. Умер на руках жены. Примирился с ее будущим (вернее – настоящим) мужем. На похоронах она плакала, потом говорила, что ни за что теперь не продаст Эрувиль. И ее очень жалко. Дом стоит закрытый. А чтобы ласточки могли прилетать в гнезда – в столовой выбили окно. Ночью была сильная буря и гроза. А меня мучила жуткая мысль: как ему должно быть сейчас одиноко и страшно.

28 июня 1937. Понедельник

Если бы я собирала все вырезки – весь год состоял бы у меня из одних траурных объявлений. Толя Зимборский остался у меня в памяти ребенком. И мне его очень жаль, очень, этого необычайно живого и правдивого мальчика.

Потом вести о Ляле Воробьевой. У нее оказался туберкулез костей, один позвоночник совсем сгнил, ей вырезали кусок кости из ноги и вставили в позвоночник. Уже полгода она лежит на животе. Перед этим у нее был роман со своим родным дядей. Леня ее и бил, и душил, потом «простил». Бедная Ляля. И теперь старуха Городниченко говорит: «И поделом ей!» — Бедная Ляля.

Миня Городниченко стал карманным воров. Отец положил перед ним револьвер и сказал: «Либо стреляйся, либо в Иностранный легион». Миня уехал в Иностранный легион, с тех пор о нем ничего не известно. Жорж Спасский совсем спился и опустился. Таковы вести о наших бизертинцах. А Толя умер. Все это грустно особенно — Толя и Ляля. Хотя я Лялю и не любила, но жалко ее до боли, особенно за слова: «Так ей и надо».

Но последние известия, о которых я вчера узнала вечером, меня совсем сразили: Борис Генрихович получил кафедру в Страсбурге. Значит — конец. Не равняется ли это тому, если бы я увидела его имя в траурной рамке?

Я эгоистка. Надо бы радоваться за него (да и за себя, наконец!), а я плакала. Резала и плакала. Стояла у окна и плакала.

29 июня 1937. Вторник

Кругом столько горя — и настоящего, большого. Столько несчастия. А я все ношусь со своим маленьким горем. И в чем заключается это «горе»? В том, что человек, который меня очень не любит, который откровенно не хочет со мной считаться и подчеркивает это, который смотрит на меня, как на назойливую муху, что этот человек навсегда уезжает из Парижа и, уезжая, даже не подумал обо мне, даже не попытался меня увидеть. Да и зачем?

Пока он жил в Париже — можно было и злиться и ругать его, но где-то, в глубине, всегда оставалась надежда, что все еще можно как-то поправить, договориться, ведь многое основано на каких-то недоразумениях, которые можно устранить. Разве я не жила два последних года этой надеждой, не всегда признаваясь в этом самой себе? Я когда-то сказала Борису: «Я только боюсь оставить по себе плохую память». А вот это-то и случилось.

А потом, если Эрувиль был для меня «эпохой», то ведь еще большей и значительной «эпохой» была для меня rue Michelet. Даже — до романа. Единственно близкая семья. Единственный дом, куда я приходила. Ведь больше у меня друзей нет. «Надо быть сильной», — повторял мне как-то Борис мои же собственные слова. Надо быть сильной? Надо сделать так, чтобы и не

догадывались о том, что творится у меня в душе. Даже единственный близкий мне человек – Юрий – не должен об этом догадываться. Это единственная область, где я всегда одна.

27 июля 1937. Вторник

В пятницу (Игорь – И.Н.) уехал, и до сих пор нет письма. Даже толком не знаю, где он. Даже не думала, что мне будет так его не хватать. Как назло – работы нет. И библиотека на днях кончается.

Уехал молодцом. Да и вообще он молодец. На distribution des prix* получил prix d'exellence**, 2-й ученик. Три книги. Читать-то он их, конечно, не будет, но гордости много.

А у меня лето еще не началось. Даже ни разу на велосипеде не ездил. А ведь это единственное время, когда мы с Юрием живем, действительно, общей жизнью. Да когда мы потом фотографии печатаем. Боюсь, что в этом году лета у меня так и не будет.

4 августа 1937. Среда

Теперь слово «Страсбург» мне везде лезет в глаза. Я его ненавижу. Открываю газету: «Бунт в сумасшедшем доме близ Страсбурга». Обрывок французской газеты: «Драма под Страсбургом». Обрывок карты: «Страсбург». Беру Игореву школьную тетрадку – две строчки: «Страсбург». Покупаю печенье, на пакете – собор: «Страсбург».

А я уже спокойна. Пережила, переплакала.

От Игоря получила второе письмо сегодня. Очень милое и довольно толковое. Он живет в пансионе, встает в 7 часов. Работает в поле. «Сейчас мы убираем хлеб и картошку». По всем мелочам видно, что очень доволен.

В воскресенье мы с Юрием сделали в первый раз велосипедную прогулку, в Charonne***.

В понедельник я сдала библиотеку и получила остаток в 22 фр<анка>.

25–26 августа 1937. Ночь

Кажется, то, что для меня является таким важным и замечательным, для Юрия имеет очень мало значения. Немножко удовольствия. Вот и все. И напрасно я так расплакалась из-за этой истории сегодня.

* Раздача наград (фр.).

** Награду за успехи (фр.).

*** Восточное предместье Парижа (фр.).

Еще, м<ожет> б<ыть>, и правда, что мы все-таки поедem 1-го, а он не будет там кого-то заменять на работе (это будет только благодаря мне, конечно), ведь даже не в этом дело. Ведь оскорбительно то, что он вообще забыл, что мы собирались ехать в следующую среду. Для него это только *vacances payées*^{*}, а для меня это то единственное время в году, когда мы бываем вместе. Конечно, не надо было плакать. Пусть делает, что хочет и как хочет.

В этом году даже весь маршрут разработала я одна. Он как-то вообще все «забыл».

Сейчас третий час ночи. Он опять ушел к Гальским на Монпарнасс, а вставать ему теперь надо в 5 часов. Опять будет манкировать работой (сейчас это, видимо, можно)... Возвращается...

31 августа 1937. Вторник

Воскресенье, как снег на голову, письмо от Игоря: «Я живу очень хорошо, и я рад, что скоро уезжаю». Что значит, «скоро»? Вчера побежала к Зерновой. Действительно, возвращается он в пятницу, 3-го. В той местности, где он живет, появилась эпидемия детского паралича, и хотя опасность не велика, но они боятся ответственности. Что делать? Или мне оставаться в Париже, или мальчишку куда-то девать? Нельзя, во всяком случае, оставлять его здесь. Мне пришла в голову единственно правильная, по-моему мнению, мысль – отправить его к Лиле. Боже, какая поднялась буря! «К Лиле! К этой сумасшедшей! Это просто преступление! Она и своего-то ребенка испортила!...» Я уже молчу и предоставляю все Юрию. «*À la guerre, comme à la guerre*»^{**}. С нашими не разговариваю. Сегодня жду от Лили телеграмму. Если она согласится, то приедет за ним в воскресенье.

Очень грустно, конечно, что мальчонка приедет без меня. Но было бы еще грустнее уехать на другой день после его приезда. Это было бы совсем невозможно.

Вчера, идя к Зерновой, встретила на улице Елену Ивановну. Очень обрадовались друг другу. Расцеловались, разговорились. Она позвала меня зайти к ней. Я с минуту поколебалась. Потом решила, что если придется встретиться – что же? – приму бой. К счастью, Б.Г. не было дома. Ел<ена> Ив<ановна> говорила мне о том, как она жалеет обо всем происшедшем, как она рада нашей встрече, и что теперь всему конец.

^{*} Очередной отпуск (фр.).

^{**} «На войне как на войне» (фр.).

– Теперь вы придете к нам после вашей поездки, когда я вас позову?

Я ответила уклончиво:

– Ну, это мы посмотрим еще.

– Нет, нет. Ça у est. С'est fini*.

Быть может, тогда я готова была принять это предложение и только подумала о Юрии, как он к этому отнесется.

– Мы будем часто приезжать в Париж, мы будем видеться, а потом вы как-нибудь приедете к нам в Страсбург...

А сегодня утром вдруг вспомнила, как Борис писал Ел<е-не> Ив<ановне>, что не знает, как со мной быть, как от меня отделаться, и в то же время бегал на бульвар Пастер... И поняла: нет, не могу! А встрече с Ел<еной> Ив<ановной> я искренно рада. И хочу видеть ее еще.

1 сентября 1937. Среда

Сегодня мы, правда, никуда не уехали, но завтра все-таки поедем. Уж я злилась, и ругалась, и редела все утро.

16 октября 1937. Суббота

Ну, вот... Через полтора месяца опять принялась писать. Правда, эти полтора месяца не были пустыми. Все-таки мы ездили и ездили очень неплохо. Дорогой я вела путевой дневник, без «лирики», конечно. Погода была хорошая, кроме самых последних дней, и дороги хорошие, и вообще как-то было хорошо. Но, не знаю почему, вспоминаю я этот год как-то без особенной радости. Как-то не было той непосредственной детской радости, как когда мы ездили на Château Gaillard**, или в прошлом году в (Le Mont – И.Н.) St. Michel. Мы были серьезны, спокойны, м<ожет> б<ыть>, отделились друг от друга. А м<ожет> б<ыть>, меня так сильно расстроило то, что я не доехала 75 км до Шартра – пришлось сесть в поезд. «Программа», таким образом, не была выполнена, и Юрию есть чем передо мной хвастаться. Об этом я очень жалею.

Игорь в Шартре встретил меня совершенно необычайно. Я никак не ждала такой встречи. И выглядел он очень хорошо, хотя не потолстел.

За день до нашего возвращения Мамочка уехала к Нине в Копенгаген. Я думаю, что вернется на днях. Конечно, дома без нее тише, но и скучнее. И уж очень скучает Папа-Коля.

* Ну, решено. На этом и покончим (фр.).

** Замок Гайяр (находится в Нормандии) (фр.).

Потом я была сильно больна. У меня был сильнейший приступ ревматизма в левом колене. Боли были такие, что я кричала (третий раз в жизни я кричала от боли). Несколько дней я не могла двинуться. Был доктор, принимала солицылку. Недели через две боли кое-как прошли. Но не совсем, конечно. Ходить и сейчас трудно – страшная усталость в ногах. Но на это уже не приходится обращать внимания. Лечиться по-настоящему все равно нельзя: надо лежать, а разве это возможно? Нужно тепло, а мы еще ни разу не подумали о печке. Какое же тут «лечение»? Слава Богу, что хоть такой острой боли нет, что хоть ходить могу. Хожу, правда, плохо; ноги заплетаются и подворачиваются, как при очень большой усталости... Думала было лечь в госпиталь, да потом решила, что не стоит, да и не могу я, особенно, когда Мамочки нет. На поверку выходит, что я очень и очень всем нужна – как кухарка, как нянька, как любовница, но никому – как друг.

Игорь перешел через класс, что меня не особенно обрадовало. Первым учеником он уже не будет, хотя начал год с большим старанием. Учится много. По музыке – тоже. Надо бы учить его английскому языку, да времени не хватает и на русский. Если он будет так работать, при этом так есть, – его надолго не хватит.

Елена Ивановна, конечно, так и не дала о себе знать перед отъездом. Да я в этом и не сомневалась.

Теперь каждую субботу хожу в библиотеку. Получать буду гроши – 25 фр<анков> в месяц. Но, во-первых, это деньги, а во-вторых, работа уж очень приятная.

Эту зиму к нам, наверное, никто приходить не будет, да я и не хочу никого видеть. Все мне стали как-то глубоко безразличны. Это доказывает только то, что сама я перестала быть «человеком».

Что же я буду делать эту зиму? Не знаю. Знаю только, что я стала уже старше Юрия, даже внешне.

19 октября 1937. Вторник

Вчера вечером у меня так разболелась нога, что я опять не могла ходить. Решила завтра пойти в госпиталь и, если возможно, то и остаться там.

29 октября 1937. Пятница. L'hôpital «Cochin»

Вот 10-й день, как я здесь. И что всего удивительнее – чувствую себя, кажется, вполне счастливой. Во всяком случае, у меня нет никаких неосуществимых желаний. Ко мне каждый

день приходит Папа-Коля, говорит, что от Мамочки писем нет, но что он ждет ее к концу недели. Я выражаю удовольствие. Рассказывает газетные новости, что-нибудь вроде похищения цыганки Кати — я смеюсь. В заключение скажет, что пришел счет за электричество — я молчу. Этого знать я совсем не хочу. Подобные удовольствия нападут на меня, когда я вернусь... После этого оставшиеся минут 40 визита мы молчим. Так проходит время.

Игорь приходит два раза в неделю. Милый Игорь, мне с ним никогда не бывает скучно. Но вчера он пришел с такими грязными ногами, что я чуть не заплакала. И потом, конечно, все мои опасения оправдались: дежуры он делает небрежно, уроки забывает. С ним ведь надо сидеть, когда он занимается, — «негласный надзор»; его надо учить учиться. А без меня это делать некому. Папа-Коля очень смущенный, пытался объяснить, что да, действительно, вчера он был занят, но ведь не первый же раз за мое отсутствие Игорь получил плохую отметку! И мальчишка в этом не так уже виноват — нельзя в таком возрасте предоставлять его самому себе. Нужно учить его заниматься. Мы с ним серьезно и грустно поговорили. Обещал мне, что будет учиться хорошо.

Вяжу Игорю пуловер. И мне работа, и мальчишка обносился до лохмотьев, а чинить некому. Воображаю, какие у него чулки! Хоть он и неряха, а без меня он совсем беспризорный...

Много читаю.

В первый же день написала всем т<ак> н<азываемым> друзьям, которые еще не знали о том, что я в госпитале. До сих пор не откликнулся никто. Даже — письменно.

Без всякой жалости думаю о себе — в прошлом и настоящем. Даже слово «Страсбург» не кажется мне таким ужасным больше. Наоборот, очень приятное слово. И мне, действительно, приятно, что в 4 1/2 часах езды от Парижа — кажется, на берегу Рейна — стоит этот полунемецкий город, а в нем университет, а в университете полунемецкий, полурусский профессор. Имя его отошло куда-то в прошлую жизнь, и я могу никогда не произносить его вслух. Да благословит, да поможет ему Бог! Это я говорю совсем искренно.

Юрий тоже отошел куда-то в прошлую жизнь. Он был у меня один раз, он много работает, это верно; но мне кажется, что он думает обо мне не больше, чем я о нем. А если — больше, так только тогда, когда сидит дома — и просто не натывается на меня физически.

Я спросила Игоря: «Что папа делает?»

– Чай пьет.

Вчера Игорь принес от него записку. В ней очень резко говорилось об Игоревых девуарах и вскользь, в несколько строк, о статье Адамовича, где по какому-то случаю упоминалось мое имя.

2 ноября 1937. Вторник

Сегодня должен был прийти Юрий. Но он так копался, что Мамочка, Игорь и Лиля решили «пока что» до его прихода прийти, т.к. знали, что он опоздает. Он так и не пришел. И странно, я испытала какое-то злобное удовлетворение.

У меня все без перемен. Третий день – *traces*. Пью солицылку. Ноги по ночам иногда болят. Сильно мучалась зубами. На той неделе пару вырвали, стало будто легче. Но теперь есть не на чем. Неприлично потолстела. Завтра будет две недели, как я здесь. Никто не умер и будто не собирается умирать, но свободных коек нет. Ем и хочу есть – обычное госпитальное состояние. И по-прежнему ничего не хочется – ни здесь оставаться, ни домой возвращаться, ни жить, ни умирать.

Вчера приехала Мамочка. Ждали ее с большим интересом и волнением.

Доктор даже и не останавливается около меня.

Было письмо от Виктора. Сказать ему было нечего, но теплота просквозила. Ответила и Лилия.

3 ноября 1937. Среда

Сегодня передо мной встала дилемма: или возвести себя на пьедестал «мученицы науки», либо сбежать. Доктор Булен убеждал меня остаться здесь еще на один месяц в роли откровенного лабораторного кролика – ему интересно, как у меня произойдет следующая менструация (остальные диабетички – старухи, жалко упускать такой случай), и вообще за это время произвести надо мной ряд опытов. Если бы я согласилась, я бы стала сама себя больше уважать, я все-таки чувствую нравственное обязательство перед госпиталем: 10 лет меня совершенно даром лечили, за это надо платить. Да и домой-то мне не так уж хочется. Долго колебалась, плакала, нервничала и отказалась. Отказ мотивировала тем, что дома без меня трудно обойтись. А правда ли это хоть сколько-нибудь? Не обходятся ли дома без меня лучше, чем со мной?

Сюрвейянтка* явно не сочувствовала этому проекту (свободной койки ни одной!), и вместо того, чтобы уговаривать

* *Surveillante* – дежурный администратор (фр.).

меня остаться, как об этом сказал Булен, спросила меня, когда я хочу уходить. Я сказала, что в пятницу, пятница у меня счастливый день.

Но домой меня тоже не тянет. Такое впечатление, что я только что хорошо вымылась в хорошей ванне, а сейчас опять должна буду окунуться в грязь. Я говорю, конечно, о диабете.

Смерть была в мою последнюю ночь в госпитале. Днем привезли больную: диабет, кома, воспаление яичника, температура 40.4; и 63 года. Положили рядом со мной на №4. Вечером страшно хрипела. Я, конечно, нервничала, но все-таки уснула. Проснулась неизвестно когда – тишина, поняла. Зажгла свет, возня, затопали, загрохотали подставки для занавесок. А этот ужасный звук! Потом скоро все стихло. Я боялась увидеть занавески и весь остаток ночи пролежала на правом боку и, конечно, без сна. А уж когда утром зажгли свет, и поднялся шум, поднялась и смотрю – кровать пустая, даже уж без тюфяка. Значит, я проснулась, когда еще увозили, а когда она умерла, – я ничего не слыхала. Вот сон!

26 ноября 1937. Пятница. Rue du Château

Самое ужасное, конечно, это материальная зависимость, материальная беспомощность. Если бы у меня был хоть какой-нибудь заработок – сегодня же я бы переехала с Игорем в отель. А теперь я просто не знаю, что делать. Положение мое безвыходное и очень унижительное. Если бы не Игорь, я бы кончила все счета с жизнью. Это был бы лучший способ «уйти». М<ожет> б<ыть>, еще я так и сделаю. Одно только ясно: после вчерашней сцены прежняя жизнь невозможна. Если он сегодня вернется с работы, как ни в чем не бывало, это будет оскорбительно. Для нас обоих. Продолжать жить так, это значит потерять всякое уважение друг к другу, а без этого никакая совместная жизнь невозможна. Так или иначе в ближайшие дни этот кризис должен разрешиться.

Началось все из-за таких пустяков, что не хочется и писать об этом. Но Юрий при Игоре наговорил мне таких вещей, которые забыть – просто нельзя. Правда, я тоже обозвала его идиотом и увела Игоря. После этого он влетел в спальню, где я укладывала Игоря, и разразился такой истерикой и такими ругательствами по моему адресу, что я ему сказала, что завтра я с Игорем отсюда уйду. На это он мне ответил: «Ты можешь убраться, куда тебе угодно, но Игоря ты оставишь здесь».

После этого он еще что-то долго кричал: «Я ей запрещаю, запрещаю...», стал вдруг предъявлять какие-то права на Игоря,

поругался с Мамочкой, называл ее «дрянью» и, в конце концов, хоть и не сразу, уехал на велосипеде.

Вернулся ночью. Долго шарил на камине и в моей коробке, искал папиросы. Мне было его очень жаль в этот момент и очень хотелось как-нибудь незаметно подсунуть ему те две несчастные папиросы, которые я от него спрятала. Утром мы не виделись, он спал одетый в кабинете. Неужели он сегодня вернется? Я бы не вернулась.

15 января 1938. Суббота

Tout passe, tout lasse, tout casse*. За эти два последние месяца мы опять столько раз ссорились и мирились... Вчера было 10 лет, как я переменяла имя... Юрий, конечно, забыл. Да и все на этот раз забыли. А раньше помнили. Интересно, вспомнит ли Юрий 20-летие нашей «настоящей» свадьбы? Я приготовила подарок — ему и себе: ложки и вилки. На деньги, полученные в Нар<одном> Университете, когда я там работала 4 дня в начале января. Если Юрий забудет — я не достану их в этот день, а выложу в пятницу или в субботу.

А вообще — как же идет жизнь? Физически — очень плохо. Ко всему прибавились еще невралгические боли — ногою, ну прямо двигать не могу, и грудь болит, и нога, и поясница... Вот Юрия так никакие годы не берут: бодр и силен, как 10 лет назад. Глядя на него, мне даже бывает обидно: обидно за себя, что уж очень я свою жизнь продешевила.

Теперь уже я обратилась окончательно в толстую, безобразную бабу, которая уже никому не может нравиться. Я искренно удивляюсь Юрию, как еще он может любить меня физически? Как нужно любить, чтобы не замечать моего уродства! Я, когда раздеваюсь, стараюсь не смотреть в зеркало.

12 февраля 1938. Суббота

Наклейки говорят сами за себя. Корректировать нет охоты. К Бунакову вчера, конечно, не пошла. Книжку решила не издавать. Не кто иной, как Юрий, меня в этом окончательно убедил. Говорит, очень уж жалостливо. А жалость возбуждать я не хочу.

19 февраля 1938. Суббота

В прошлую субботу я была в Oréga-Comique, слушала «Кармен». Во вторник я сидела у Примаков, знакомилась с Карапш-кой. В понедельник я была с Юрием, Софой (Кнут) и ее сестрой

* «Ничто не вечно под луной» (фр.).

в синема, смотрели сов<етский> фильм «Подруги», к сожалению, во французской версии. Во вторник я была дома. Был, как всегда, генерал. В среду ходила с Ниной Ивановной в Théâtre Montparnasse на «Мадам Капет». Замечательно! В четверг ходила с Лилей в синема, смотрели «Les grandes illusions». Тоже очень неплохо. Когда он дойдет до нашего синема, пойду еще.

В четверг же в 2 часа ночи ходили с Юрием на Монпарнасс искать Карашку, чтоб передать ей, дуре, ключ от дома (Юрий подбросил ее Бунину и ушел). А нас дома караулила Лиля. В пятницу сидели дома – я, Лиля и Нина Ивановна. Много смеялись, а потом так разболелась спина, что при малейшем движении вскрикивала. Всю ночь и полдня обжигалась «Thermogène»*. Помогло.

Сегодня Юрий читает в Assemblée, потянул с собой Карашку и Лилю. Нина Ивановна в последний момент не пошла – финансы! Я, конечно, и не собиралась идти, но с Юрием, тем не менее, успели на эту тему разругаться, почти до слез. Я вообще теперь плачу очень легко.

Я совсем больна. У меня все болит. Такой богатой недели у меня, конечно, никогда еще не было.

Сегодня поссорилась с Игорем – лодырь, да и упрям как осел. Я отобрала у него «billes»**. Притащил солдат, тычет мне в физиономию – лицо перекошенное.

– На, ешь! еще! Возьми и это! Ешь!

Отлупила его. Уходя, сказал, что из школы домой не вернется. Вернулся, действительно, поздно. А я стояла у окна и наблюдала за его отражением на стеклах быстро: долго ходил взад и вперед перед домом. Потом пропал. Пришла Лиля и отправилась его искать. Притащила. Долго искал тон. К вечеру все-таки пересилил себя – на урок к Нине Ивановне без особенного скандала пошел, ел за обедом хорошо и даже на скрипке поиграл (с этого-то все и началось). Когда ложился спать – помирились. Жалко мне его. Да и себя жалко.

2 марта 1938. Среда

Из-за глупого Нинкиного письма, в котором она пишет, что ее «тронула моя некоторая откровенность», и хоть Юрий ухитрился истолковать по-своему (ей-Богу, не помню, что я ей писала), и произошел у нас вчера в постели тот мучительный

* Грелка (фр.).

** Шарики (фр.) (французские дети любят играть в стеклянные шарики).

разговор, который опять вернул меня в далекое прошлое. Может быть, Юрий и прав, что мое чувство оказалось много глубже и серьезнее, чем я сама это предполагала. Во всяком случае, никакого «холодного презрения и гадливости» у меня к нему нет.

— Я не знаю, что ты думаешь, но думаешь ты об этом человеке часто. Он для тебя не умер, он для тебя все еще существует. Об этом говорят твои стихи. Это все понятно. Я тебя ни в чем не смогу упрекнуть. Не думай, что я ревную, совсем нет, но мне просто бывает это очень грустно. Если я ошибаюсь, прости меня.

Ему очень хочется, чтобы я уверила его, что он ошибается. А я молчала. Не буду же я его обманывать! Не так уже много из того, что он говорил, я могла бы опровергнуть. Так мы и лежали молча, одинокие, отчужденные, и если не очень, то все-таки несчастные.

Неужели же навсегда эта тень (теперь уже только тень, ни в чем больше не виноватая) легла между нами? Навсегда над нашим счастьем и любовью будет стоять он — живой или мертвый?

30 марта 1938. Среда

Уже около месяца прошло со дня «анексии» Австрии, с того дня, когда впервые газета напугала меня до одури. С тех пор пошло: чтение газет от корки до корки, чтение всяких афиш и листовок, разговоры исключительно о политике (все остальное неинтересно) и напряженное ожидание чего-то. Да не «чего-то», а войны. Мировой катастрофы. Казалось, что война должна начаться вот-вот. Слава Богу, что еще не началась, напряженность пропала, а радость жизни еще не вернулась. Наоборот, после дней интенсивного чтения газет наступила реакция. И я опять дошла до какой-то черты, перейти которую у меня нет ни воли, ни силы.

Лично в моей жизни никаких радостей. Очень огорчает Игорь. Опять недавно делали радиоскопию легких, хоть доктор и успокаивает, что ничего серьезного. Определенно, вернее всего так: из всех детей, отправляемых в Швейцарию, — из худших случаев — Игорь один из лучших. Утешение не особенное. Легкие слабые, малокровные — таков диагноз В.М.Зернова. Плох он и в другом отношении: плохо учится, потерял всякий интерес к учению, интересуют его только «billes». Лодырь, да еще и врать стал. И жалко его очень, и не знаю, что с ним и делать. М<ожет> б<ыть>, во всем этом я сама и виновата. И

когда это он из милого bébé* превратился в большого болвана? Но что сын у меня «не удался» — в этом, кажется, придется признаться.

5 апреля 1938. Вторник

Одна из важнейших мудростей жизни — уметь вовремя замолчать, вовремя уйти.

Я слишком болтлива. В каждом моем новом стихотворении Юрий умудряется найти какой-то повод, чтобы расстроиться или замрачить. Чтобы этого больше не было, нужно перестать писать стихи. Это я знаю. Не знаю только, хватит ли у меня на это воли. Вовремя уходить я тоже не умею. Этим я себя и погубила в памяти Бориса. От Юрия уйти нельзя — надо только уметь ступевываться. Кстати, я это все-таки умею. Кажется, я достаточно нетребовательна, и ни в чем ему не мешаю. Но сейчас я поняла одну вещь, в которой до сих пор несколько сомневалась. Поняла, что он гораздо лучше ездит на велосипеде один. Конечно, я его торможу. 15 марта мы ездили в Версаль. Было, как будто, хорошо. Но никогда я не слышала таких восторженных слов и не видела таких сияющих глаз, как после его одиночных прогулок.

Что следует делать — ясно.

16 июля 1938. Суббота

Странно: завтра будет неделя, как Юрий уехал, а я как будто даже совсем и не скучаю. Не больше, чем при нем, пожалуй, с той только разницей, что обычно я его по несколько раз в день жду, а тут вовсе и не жду.

«Лета не было в этом году».

С большим правом я бы должна была сказать это теперь. Для меня лета в этом году не будет. Во-первых, Юрию дали ваканс сейчас (и он не мог, или не хотел, перенести на сентябрь), а я сейчас занята в библиотеке, и Игорь еще не уехал. Во-вторых, у него болела нога, м<ожет> б<ыть>, последствия прошлогодних accident и падений; а в колене образовалась вода, распухла, лечил каким-то электричеством и т.д. О велосипеде нечего было и думать. Только перед самым отъездом на юг накачал шины и поехал на Gare de Lyon. Где он сейчас — понятия не имею.

Игорь уедет, надеюсь, на той неделе. Этот год, с осени начавшийся моим ревматизмом и переводом Игоря через класс,

* Ребенок (фр.).

плачевно и кончился. Есть такая дурацкая поговорка: началось плохо, кончилось нехорошо. Игорь остался на второй год, а Елизавета Александровна говорит о нем чуть не со слезами: скрипка еще куда ни шло, а теория, сольфеджио – никак. Никакого прогресса. Просто весь год ничего не делал (правда, в этом отчасти виноват дедушка: он вообще считает, что теория совершенно ни к чему). Читать его не заставишь, да и читает-то он – даже по-французски – хуже, чем плохо, а уж по-русски и говорить нечего.

А я целую зиму мучалась невралгией. Больше даже, чем ревматизмом. Но таких болей в спине, как в последние месяца полтора, у меня еще никогда не было. Дыхание захватывает. Бывало, несколько дней улучшения, потом опять. Сегодня было лучше. Но сколько ночей я уже не сплю по-настоящему. От этого ли или от чего другого, но я даже зимой не чувствовала себя так плохо, как теперь. Я, кажется, еще никогда так не уставала. Утром я, как прихожу с базара, – борюсь с искушением сесть на первую же скамейку и сидеть, сидеть...

Я больна, больна, больна...

14 октября 1938. Пятница

После всего.

После приезда и исчезновения Бийу, после Юриного vacations, после не особенно удачного пребывания Игоря в Швейцарии, после госпиталя и после «ремонта» квартиры (как ужасно было возвращение из госпиталя!) и особенно после небывшей войны, после этого страшного напряжения, когда привозили песок, когда по вечерам улицы еле освещались притемненными фонарями, когда каждое издание вечерней «Paris Soir»* вырывалось из рук, когда война была неизбежной, когда наводились справки об эвакуации школьников, после речей Гитлера (в соседнем дворе – радио), после того, когда надо было уходить из дому, чтобы сохранять спокойствие, и, наконец, после позорного «Мюнхенского мира» – какая реакция и пустота.

Жизнь «вошла в колею». В прежнюю, давно установившуюся колею. Газеты стали скучнее. Интересно только то, что касается Эльзаса. Да «отклики печати». Но ведь не совсем же я объективно беспокоюсь о судьбе Эльзаса. Одним словом, все по-старому.

* «Вечерний Париж» (ежедневная газета).

Кажется, у меня появились признаки душевного оздоровления. Так выразилась Лиля, когда я ей сказала, что мне наплевать на все взлеты и перелеты и что мне хочется самого обыкновенного мещанского уюта. С квартирой я сделала все, что могла, и ежедневно по несколько часов натираю полы, полки, книги и т.д. Выдвинула лозунг: себя не щадить. Стараюсь вдолбить себе в голову, что я только для того и существую, чтобы чистить, скоблить, ходить на базар, вовремя всех накормить, да еще репетировать Игоря. Дел немало, и я с радостью ограничиваю мою жизнь этим кругом. И когда Юрий сегодня ни с того ни с сего первый раз за столько лет вдруг спросил: «А не хочешь ли ты ходить со мной по понедельникам в “Круг?”» — так это мне показалось очень уж нелепым. Нет, Юрочка, я уже слишком одичала и отупела, чтобы куда-нибудь показываться. Да ведь и платья-то у меня ни одного нет. Да и не только платья. Да и не надо мне ничего этого, вот сама перед собой честно говорю: не надо! И людей мне не надо, даже Юрия.

Ну, в общем, и тут все по-старому. И все мое «душевное выздоровление» выражается в том, что я живу в чистоте, а не в хлеве.

20 ноября 1938. Воскресенье

На днях написала стихотворение. Лежала на кровати и просматривала тетрадку, которую давно уже не трогала. Лежала и читала. Читала и плакала.

5 декабря 1938. Понедельник

Я говорю, что Игоря надо натурализовать во Франции и сделать это немедленно же. Юрий говорит, что надо ему добыть советское гражданство. По существу, ни я не возражаю против этого предложения, ни он — против моего. Каждый только доказывает преимущество своего плана. Оба мы сходимся на том, что Игорь должен быть полноправным гражданином своей страны, а не апатридом. Весь вопрос в слове «своей». Я доказываю невозможность сделать из Игоря русского человека — для этого нужно отвезти его в Россию. А для этого, прежде всего — самое тесное сближение с советской колонией — Тверетиновыми, Эйсером и пр<очими>, со всеми последствиями, которые отсюда вытекают — вплоть до шпионажа, доносов и т.д. Чтобы иметь доступ в Россию — нужно выслужиться. Для себя я это нахожу совершенно неприемлемым. Да и

Россия для меня с каждым годом становится все дальше и дальше. Я не хочу России, немножко ее боюсь и никогда не поеду. Юрий после каждого советского фильма приходит совершенно обсоветченный. Все хорошо, и колхозы, и ребятишки, и авиация, и утки на болоте, и музыкальные школы, и парады... Правда, «великий Сталин» ему все еще противен («великий», а не «Сталин»). Я лениво с ним спору, а, в конце концов, говорю только, что ни к России, ни к ее авиации и уткам у меня особенной нежности нет; что там, правда, происходит интересный социальный опыт, но для меня все это совершенно чуждо и неинтересно.

Я не буду возражать против сближения Юрия с советами. Я даже не буду возражать против сборов в Россию, если он до этого дойдет (хотя я этому не верю). Сама я в Россию не поеду, но Игоря отдам отцу. М<ожет> б<ыть>, там ему будет лучше действительно. Но в тот же день, когда он уедет, я кончу самоубийством.

12 декабря 1938. Понедельник

Сейчас встретила Елену Ивановну около сената, возвращаясь из префектуры. Скорее удивились, чем обрадовались друг другу, хотя разговаривали в очень дружеском, чуть-чуть ироническом тоне. Хорошо одета, интересная, молодая; во всяком случае, много моложе меня. Не преминула мне рассказать, что она страшно устает, когда приезжает в Париж, что времени так мало, а все приглашают, что вчера она до 3-х часов «кутила с артистами» и т.д. Уже птица не нашего полета одним словом.

Б.Г. в январе уезжает на 4 месяца в Америку. Не спросила, м<ожет> б<ыть>, они вообще собираются в Америку? А в общем, я как-то жалею об этой встрече.

31 декабря 1938. Суббота

За несколько часов до «Нового года».

Итоги?

Довольно плачевные в общем. Игорь стал мне ближе и нужнее. Зато совсем потерял Юрий. Я с трудом могу представить себе такой момент, когда я смогу обратиться к нему за помощью. Разве уж самого последнего отчаяния. А уж он ко мне никогда не обратится.

Как-то совсем случайно искала лист бумаги, чтобы написать Лиле письмо; рылась в листах, из которых все были исписаны

его стихами, и вдруг нашла две страницы, на которых были не стихи. Несколько слов бросились мне в глаза – и ударили. Я не могла удержаться, чтобы не прочесть все. Какой период? – наверное, после 36-го года. Пишет он обо мне, о себе и о Борисе. Себя он считает глубоко несчастным «с первой брачной ночи»... Но ведь это ложь! И какую «брачную ночь» он считает за «первую»? Едва ли он сознательно врал, когда писал. Значит, он сам в это верит. Обо мне он пишет все, что и нужно было ждать, но вот «брачной ночи» – я от него никак не ждала. Да и вообще все, что там было написано. Как страшно заглянуть в чужую душу и узнать чужую правду. Конечно, всякий дневник – настроение минуты... Ясно, что Юрий меня не любит, – когда он пишет такие вещи, он меня не любит. И я теперь уже никогда не смогу отделаться от впечатления, которое оставили на мне эти два листа, вырванные из тетради. Никогда, даже в минуты самой большой нежности (хотя, едва ли возможны такие минуты).

Юрий вообще уходит от меня. А я из какой-то глупой гордости не делаю попыток его удержать.

Игорь порадовал: из 30-го ученика стал 6-м. Никто не верит, да и он сам чувствует себя смущенным. На радостях выбил в спальне окно. В самые холода. Подарила ему часы за 130 фр<анков> – очень счастлив. Особенно, когда узнал цену. Страшный материалист.

Холода стоят ужасные, 10°. Больше недели лежит снег и на стенах узоры. Я сидела около печки в двух пуловерах и велосипедной куртке, голову повязывала платком и не могла согреться. О кухне страшно было подумать. Вдобавок газ горел еле-еле, потом – не то замерзла, не то лопнула где-то водосточная труба – нельзя было лить воду в раковину, потом и воду закрыли. Так было все праздники.

Видела во сне Бориса – в военной офицерской форме, у нас. – Это что же за маскарад? – спрашиваю.

– У нас война.

Вот и все. А итоги – черт с ними!

Пожелание на Новый год? – денег!

1 января 1939. Воскресенье

В общем, довольно печально и гнусно. Было много водки и много вина. Одну бутылку удалось спрятать. Но и то перепились. У Владимира Степановича язык совсем заплетался. Я внешне была, конечно, лучше, но самочувствие поганое,

жарко еще было, душно, накурено. Курить я уже не могла. В 1 1/2 Примаки ушли, а я стала пить холодную воду с лимоном, стакан за стаканом, и так всю ночь. Очень помогло. Спала я прекрасно – встала со свежей головой. Юрий ночью ушел к Федотовым. Предварительно успела с ним разругаться. Но только – как и из-за чего? Кажется, он ругался, что я с ним не пошла. Помню только, что я ему говорила:

– Да уходи ты скорее и ради Бога не возвращайся!

– Конечно, не вернусь, а с первым метро поеду на работу. А когда приеду, лягу спать.

– Уж ты бы и спать шел к Федотовым...

И т.д.

28 января 1939. Суббота

Юрий прочитал это имя (Б.Г. Унбегаун. – *И.Н.*) и замрачился. Потом, видно, стыдно стало, стал вдруг таким нежным и необычайно внимательным.

Это Игорю вместо *bon point** за хорошо выученный урок по музыке.

Вообще (только бы не сглазить), с ним происходит какой-то перелом. И учиться стал хорошо. Прошлый месяц был 6-м, а этот 2-м! И баллы хорошие. Только домашние уроки (*leçons** et devoirs*) слабо – 4 и 5. Зато диктовка – 8, а по *calcul**** только у него и у Darlot – 8, и у него одного из всего класса две 10 – *conduite**** et récitation*. Это дает ему кураж!

6 февраля 1939. Понедельник

В субботу Юрий вернулся с работы в 4 часа утра. Я, хоть и очень спокойная, но считаю, что у меня были основания беспокоиться: не всегда же его велосипедные и рабочие *accident****** будут кончаться так благополучно, как до сих пор. А главное, хоть бы что.

– Ну, что ж такого?! Не в первый же раз!

– Нет, – говорю, – такой сволочью ты был в первый раз.

– Не понимаю, чего ты злишься. Ну, задержался. Вылез на Монпарнассе, ну встретил...

Когда родился Игорь. когда у нас были очень натянутые отношения, когда Юрий ни один вечер не сидел дома, он все-таки

* Зачет (*фр.*).

** Урок (*фр.*).

*** Вычисление (*фр.*).

**** Поведение (*фр.*).

***** Здесь: происшествие (*фр.*).

после ссоры, уходя на работу, говорил или оставлял записку, что, м<ожет> б<ыть>, пройдет прямо в РДО. А теперь уже этого, очевидно, не надо. Ведь я же никогда не спрашиваю его, куда он идет, зачем, когда вернется и т.д. Ведь, кажется, я его свободы ни в чем не стесняю. Очевидно, он решает, что судьба – жизнь – ни в какой мере меня интересоваться не может. Еще и удивляется.

– Ну, и что же такого?

23 февраля 1939. Четверг

– Хочешь, пойдем в Медон?

– Хочу.

Достаточно Юрию только позвать меня, как я готова бежать за ним последней собачонкой. Достаточно одного ласкового слова, одного ласкового движения – и я сразу оттаиваю. И ведь знаю, что когда останусь одна – будет очень обидно и жалко себя.

Страшнее всякой цензуры – цензура домашняя. А я никогда не закончу стихотворение:

... О том, кого я не забыла,
О том, кто меня не любил.

28 марта 1939. Вторник

То, что происходит сейчас, – хуже Мюнхена. Франция идет на самоубийство. Войны не будет, а отдадут завтра Джибути, послезавтра – Тунис, а через неделю Корсику и Савойю. Конечно, Франция – это не только Даладье и Бонне, есть и Керелис, но боюсь, что народ в массе из страха войны предпочтет рабство свободе и независимости.

Положение становится интересным и очень критическим. Впервые Италия выступает как активный партнер «оси». И имеет против себя государство, которое еще недавно именовалось «Великой Державой». Теперь настала очередь Франции. Уж не какая-то там Чехословакия или Румыния, а Франция. И Франция – агрессивует.

Мамочка говорит:

– Ну и пусть, мешчанская страна, так ей и надо!

Странно, и почти те же слова сказал и Юрий. А у меня – нет. Когда человек уважаем и любим, во всяком случае – относится хорошо и вдруг делает подлость – становится почти физически больно. У меня вот такое же чувство сейчас к Франции. Франция – страна, где я живу, и единственная страна,

где я могу жить, я ее люблю; я лично обязана ей очень многим – напр<имер>, 12-ти годам жизни, я уже с ней связана органически, не по крови и не по паспорту, а как-то всей своей жизнью. У меня нет родины, с Россией меня уже ничего не связывает. И я люблю Францию. Хорошо Гальскому, Эйснеру, даже Юрию: они думают о России. Я же должна признаться честно, что далекая и чужая Россия меня занимает гораздо менее Франции. И это не шкурное чувство. Если будет война (а это единственная возможность спасти престиж и честь нации), то ведь я-то сама теряю все. Из всей нашей семьи (5-х) есть надежда спасти только Игоря. Он будет эвакуирован со школой и, м<ожет> б<ыть>, как-то переживет эту катастрофу (подумать об этом, конечно, страшно). Юрий – на фронт, а ведь современная война – на уничтожение. Я – если меня куда и увезут из Парижа – я погибну без инсулина. Останусь – погибну без маски (иностранцам ведь масок не выдают – первая острая обида!). Старики – едва ли они переживут войну. Очень уж все это страшно. А все-таки опять, как и Мюнхен в сентябре, – трагедию Франции я переношу как свою личную трагедию.

Теперь мне остается еще попасть в крестословицу – предел эмигрантской славы!

27 апреля 1939. Четверг

Что же делать? Будет война или не будет? Что «он» ответит Рузвельту? И будет ли вообще завтрашний день исторической датой?

Едва ли. Ничего он толком не скажет, никакой войны пока не будет, а весь мир так и останется в этом безумном и усталом напряжении, в котором живет с сентября.

А пока остается ждать и готовиться. Кто как может. Пока что я сделала не так много: записалась в Народный университет на курсы, где, помимо общих знаний «домашней медицины», будут преподаваться (с практическими занятиями) всякие штуки по пассивной обороне, борьбе с газами, перевязки и т.д. Очень интересно. Мое желание – во время войны остаться в Париже и работать по пассивной обороне, как инфермерка.

Смотрю на все трезво и как будто спокойно. Хотя подозрительная сыпь на руках и выдает как будто иное состояние моих нервов.

В конце концов, если уж быть до конца честной, – надо признаться самой себе, что где-то в глубине души я жду войны.

Сознавая всю катастрофу и все безумие войны, я втайне надеюсь, что лично для меня это будет какой-то выход из тупика. Я найду себе настоящее дело (во время войны все и вся пригодится, даже я), и все мои личные чувства и переживания отойдут куда-то не только на второй, но и на самый последний план. И, конечно, я верю в то, что во время войны в людях проснутся не центробежные, а «центростремительные» силы, и я верю в какое-то «братство» войны, где я не буду больше одинока. И, м<ожет> б<ыть>, как уверяет Станюкович, в один прекрасный вечер мы можем спать, да так больше и не проснемся, даже сирены не услышим.

Это тоже, конечно, выход.

2 мая 1939. Вторник

Только что ушел генерал. Юрий – к Федотовым. Игорь – лег. Я вымыла голову и жду, когда высохнет, чтобы тоже лечь. Спать очень хочу, но не усну, конечно, – я ведь и во сне и наяву живу в своем особом персональном мире...

В пятницу Бек будет отвечать Гитлеру. Изменит ли это что-нибудь? Или еще до какого-нибудь нового ультиматума останется это напряженное состояние ожидания катастрофы? Но к этому состоянию все привыкли. В возможность войны никто не верит именно потому, что все привыкли к ней. Что же, м<ожет> б<ыть>, в скором времени мы привыкнем и к войне?

Жизнь идет своим чередом, с небольшой только поправкой, если не будет войны или – более иронической: «если Гитлер позволит».

Записала Игоря в Швейцарию с середины июля. Если, конечно...

Заезжал Станюкович. Прямо из типографии, привез свою вторую книжку стихов. Стихи, конечно, слабые, но обещала ему дать «благоприятный» отзыв о ней в каком-то младоросском журнале. Под псевдонимом, конечно. Тут уж и война ни при чем. Придется кривить душой из дружеской солидарности.

А еще что? Юрий? – Бог с ним!

Очень мне хотелось позвать его сегодня хоть в Булонский лес или St. Cloud (ни на что дальше денег не хватило бы), но так и не позвала. Пусть делает, что хочет. Мешать я ему не буду.

Игорь? Он меня очень любит – ему всегда неловко менять меня на товарищей. В воскресенье я отправила его домой: «Ты ведь Сотникова ждешь? Ну так вместе и пойдете гулять». Часа

полтора сидела на скамейке в маленьком скверике около Invalides почти неподвижно. Я никогда не испытывала такого одиночества. Даже Игорь...

А ведь с каждым годом это будет все больше и острее. И Гитлер тут тоже ни при чем.

23 мая 1939. Вторник

Вчера вечером Юрий мне сказал, что, вероятно, на Pentecôte* у него будет 2 1/2 дня отдыха. Случай исключительный. Такого не было с тех пор, как мы ездили в Амьен. И что на все эти 2 1/2 дня он уедет на велосипеде куда-то очень далеко, за 175 км. Больше «для спортивного рекорда». И хвастливо спрашивал при этом:

– Как ты думаешь, смогу ли я в 2 дня сделать почти 400 километров.

В ответ я весь вечер проплакала, и это вышло очень глупо. С тех пор, как я получила на свое рождение от мамы plaque** – я несколько раз ездила в Медонский лес. Куда же еще? Куда-нибудь дальше, да мне просто страшно ехать одной по пустым дорогам, а тут еще пристал ко мне один мальчишка, так что я еле от него отвязалась, уже кричать начала. Не говоря уже о том, как это невыносимо скучно – ездить одной. Это еще хуже, чем сидеть дома.

А сегодня написала Лиле письмо – зову ее поехать на Pentecôte с Игорем хотя бы в Chantilly***, на весь день. Хотя некоторая компенсация.

Моя мечта теперь – если буду работать в библиотеке (а похоже на то, что не буду), как кончу и получу деньги – поехать в Реймс. Воображаю, как я там буду плакать. Одна.

30 июня 1939. Пятница

Мне очень неприятно, что каждый раз, как я начинаю думать о том, что через неделю Юрий уезжает ездить по Бретани, – я реву. Тем больше неприятно, что Юрий это понимает и злится. А я не могу. Да, конечно, это больше всего зависть. И обида. Обиднее всего то, что вопрос, в конце концов, вовсе не в деньгах. Сам же Юрий говорит:

– Жаль, что отпуск у меня не в сентябре – тогда у меня было бы больше денег, и я поехал бы на Корсику.

* Пятидесятница (Троица) (фр.).

** Здесь: защитная пластина для велосипеда (фр.).

*** Шантийи, замок недалеко от Парижа (фр.).

В прошлом году Юрий успокаивал себя тем, что я была занята в библиотеке. В этом году я свободна. Теперь – «на двоих денег не хватит».

Ну, да ладно. Сама же я себя поставила в такое положение, некого винить. Правда, как-то раз он предложил: «поехать очень скромно, остановиться в Auberge de la jeunesse* на берегу моря», – прекрасно зная, что пляж меня мало привлекает, и никогда я не стану его связывать. Да он и не настаивал.

В Бретань мы ездили вместе. Останавливались в «Auberge de la jeunesse». Очень хорошо. Если будет терпение, я закончу когда-нибудь мои записки в зеленой тетради.

5 сентября 1939. Вторник. Chartres

Вот. Между всем, что здесь написано, и тем, что будет написано, между всем тем, что было и тем, что есть и будет, – нужно провести большую, очень большую черту.

Война.

Ровно неделя, как я здесь. Игоря мне вернули из Швейцарии в понедельник, во вторник днем Генрих привез его сюда. Я же выехала рано утром на велосипеде Елены Евгеньевны (мой взял Яновский, да так и не привез обратно). Юрий меня проводил до Рамбуйе**. Ехала неопределенно: не то ваканс, не то эвакуация. Не знала, брать ли с собой архивы или трусики. Поехала в трусиках и тащила некоторые тетради. Пока ехала, особенно с Юрием, был ваканс. И погода чудная, и дорога хорошая. Поели в лесу и разъехались. Потом думала: не навсегда ли? Нет, не навсегда еще, вчера Юрий был здесь... А потом – пошли события. До последнего момента в войну никто не верил.

La Roseraie*** – тихое предместье Шартра, cité-jardin****, населенное почти сплошь семьями авиаторов. Сейчас – бабье царство. У многих радио – в часы информации все ходят друг к другу. В пятницу утром, когда уже было известно о присоединении Данцига, Генрих пришел и сказал: «La guerre est commencée!»*****

Никогда не забуду, как завопил Алик: «Non, non, pas vrai! Méchant, méchant!»***** и замахнулся на отца...

* Туристическая база для молодежи (фр.).

** Город к юго-западу от Парижа (департамент Yvelines) (фр.).

*** Розере, предместье Шартра (департамент Yvelines) (фр.).

**** Город-сад (фр.).

***** Война началась (фр.).

***** Нет, нет, неправда! Злюка, злюка! (фр.)

Игорь проснулся и молчал.

В тот же день – всеобщая мобилизация.

В воскресенье Англия, а за ней Франция объявляют войну. Дальше – томительная неизвестность. Парижские газеты не доходят. По радио передают одни патриотические речи. В Розере с самой пятницы ждут воздушных налетов. А этой ночью, действительно, была тревога, но сирены почти никто не слышал, и только одна семья вышла в поле. Слухи...

В Париже ночью была действительно тревога, сирены ревели с 2-х до 7-ми. Но атаки не было. Почему и как – ничего не известно. Говорят, что горит Meulan* и бомбардируется Меаух**. По радио – речь короля Георга.

Юрий приехал в воскресенье поздно вечером. Я уже спала. Приехал – усталый, веселый, уверенный – и сразу стало спокойно и весело. Он даже ухитрился меня уверить, что Париж так хорошо защищен, что воздушные атаки невозможны. А Шартр не только с неба, но и с земли-то увидеть трудно.

Привез корректуру моей книжки. Вот уж! Не своевременно, но занятно, пусть выходит «последыш». Последняя довоенная литература.

Учу Игоря ездить на велосипеде. Едет уже через все Розере. Счастлив страшно. Мордочка сияет. Солнце печет, небо чистое, ребята кругом. И нет сил вообразить, что – война. И что совсем близко, м<ожет> б<ыть>, над головой, в буквальном смысле.

С Юрием еще ничего неизвестно. На той неделе он зарегистрируется и будет ждать вызова. Приедет ли он опять в воскресенье? И что вообще делается там, в Париже?

6 сентября 1939. Среда

В 11 часов завывли сирены. Довольно тихо в Шартре, и довольно гнусно где-то слева. Генрих с детьми как раз перед тем ушел в город, а я прилегла уснуть. Многие ушли в поле. Я спустила вниз мешок, куртки, самое драгоценное (инсулин, тетрадки, документы), и мы с Лилей стали ждать. Наши скоро вернулись. Но в поле все-таки никуда не пошли. Через некоторое время – опять сирена – на одной ноте – конец. В сигналах еще плохо разбираемся: «C'est la fin ou non?»*** Привыкли к этому.

* Моло, пригород Парижа (департамент Val-d'Oise) (фр.).

** Мо, городок в 40 км от Парижа (департамент Val-d'Oise) (фр.).

*** Это конец или нет? (фр.)

Тревога дается автоматически, когда авион* только приближается к границе! У нас-то тревога кончилась, а в Париже? И что я слышу – разрыв ли это, или вовсе нет, или просто – мое воображение?

16 сентября 1939. Суббота

За это время было вот что.

В прошлый четверг приехала Мамочка с Папой-Колей. Пробыли до воскресенья. Оба в ужасном состоянии. Первая алерта** (которую мы здесь проспали!) была пыткой. Вообще состояние обоих много хуже, чем надо. Здесь сначала как будто отдохнули, а под конец еще хуже стали.

В понедельник в 4 часа утра – алерта. Воют сирены. Все сразу проснулись. У нас с Игорем вещи сложены в «боевом порядке». Оделись очень быстро и пошли в поле, захватив мешок с инсулином, тетрадями – самое ценное. В полях холодно и сыро. Туман. Вышли на проселочную дорогу, а там, как на бульваре... Пропатались битый час, замерзли все, и, заслышав вторую сирену, – бегом домой – в кровать. Так вдруг весело-весело. Даже теплее стало. А восток – светлеет.

Потом ходили с Лилей в комиссариат регистрироваться, как иностранцы. Но чиновник, видимо, еще не получил никаких инструкций и погнал нас вон. А мне сказал, что я вообще живу на нелегальном положении, т.к. не выписана в Париже... Пошли в префектуру. Там мне сказали, что я живу здесь вполне легально, что регистрироваться должна в Париже. Так я и поехала в Париж, в среду утром. Взяла с собой пустой чемодан, а привезла битком набитый, да еще Юрий мешок, с которым он ездил в этом году на ваканс. Вывезла чуть ли не все альбомы, карточки, кое-что из книг, лампу на стол, полочку над столом, Игоревы ролики и т.д. То, что самое главное, его пальто даже не смогла захватить и даже свою кофточку бросила – Юрий привезет, если приедет.

Вчера с Игорем убрали нашу комнату, развесили фотографии, убрали стол, и сразу стало чисто как-то, по-домашнему, уютно.

В Париже с удовольствием пробыла два дня. Париж мало изменился с тех пор, как я его покинула. Только на < rue de> Rennes и <boulevard du> Montparnasse стало еще темнее вечером, только витрины заклеены (иногда художественно)

* L'avion – самолет (фр.).

** L'alerte – тревога (фр.).

полосами бумаги, да многие магазины закрыты – записка о мобилизации. Но что больше всего изменило облик Парижа, это то, что все ходят с масками в серых цилиндрических коробках. Даже проститутки на углу.

А уезжала я оттуда с очень тяжелым багажом и очень тяжелым чувством. В квартире было грязно и неубрано. Разгром. Я еще больше погромила. Юрий уедет. Наши тоже, в конце концов, куда-нибудь уедут. И такое чувство, что мы уже больше там не соберемся. Нашей долгой парижской жизни, пусть не всегда хорошей, – конец. Конец.

Сегодня с Лилей записала Игоря в лицей. В 6-й класс. Еще не могу схватить – хорошо это или плохо. Лицей очень далеко. Хорошо, если сможет ездить на велосипеде. А уж завтракать он должен будет где-нибудь в городе. Хотя Лиля и уверяет, что такие прогулки очень полезны, но я иного мнения. Учение – бесплатно. Книжки – покупать. Это уже большой минус. Вероятно, какие-нибудь старые у старших есть. Посмотрим. Хорошо, конечно, что так просто приняли, без всяких конкурсов, которые были пугалом в Париже. Боюсь только, что, увидев его диктовку, его поместят в 9-й. Ну, увидим!

17 сентября 1939. Воскресенье

Русские войска вошли в Польшу. Россия с Германией. Когда еще был заключен пресловутый «пакт о ненападении», я сказала: «война проиграна», хотя ни о какой войне еще не было и речи. Что же будет теперь?

И что же будет теперь с нами, эмигрантами? Лагерь? Или еще посчитают как апатридов?

А моральный вопрос? Пораженчество или оборончество? Для меня этот вопрос решен: пораженчество. С Россией у меня давно порвались все связи. Да и современная война стоит выше всяких национальных интересов. Ненависть к Гитлеризму у меня, во всяком случае, много меньше моего прежнего, весьма сомнительного, патриотизма. Я за пораженчество, я – за Францию и с Францией.

Сейчас я могла бы со спокойной совестью, принципиально, переменить подданство. И очень, очень жалею, что оставила Игоря в том неопределенном и пренеприятном положении.

Еще одну малоприятную новость привез вчера Генрих из Парижа. Юрию сократили часы работы, и он теперь будет получать 250 фр<анков> в неделю.

Мне с Лилей надо устроиться как-то по-другому. Если мы разделим хозяйство, я смогу (и в Шартре!) прожить меньше

чем на 100 фр<анков> в неделю. А ведь так я ей отдаю все (я знаю, что это – мало!) и остаюсь без копейки. А Игоревы учебники? А одеть его надо?

20 сентября 1939. Среда

В понедельник вечером приехал Юрий. Поездом. Как всегда веселый, бодрый, жизнерадостный, неунывающий. Рассказал, какие в Париже недавно были алерты: ночью слышит, воют сирены. Он вскочил. Наши стали одеваться. Бросились к окнам. Из соседних домов тоже все смотрят, выскочили. А посередине улицы сидит наш Гаврош, а против – другой кот и воют, как сирены. Честное слово – факт.

Сейчас приходил сюда комиссар и еще один чиновник, проверяли у нас документы. Сказали, что надо на наших Carte d'identité наклеить карточки детей. Еще расход в 15 фр<анков>. Я боюсь только одного – что меня с Игорем опять пошлют в Париж... Я бы и не прочь съездить в Париж, но это расход еще в 100 фр<анков>.

А оба Раковских страшно взволнованы этим визитом. Лилька – потому, что «хам» и даже отказался сесть, и еще не знаю почему. А Генрих теперь ждет обязательного обыска – какие-то свои коммунистические издания прячут в погреб.

Комиссар усомнился в моей профессии.

– Journaliste?* Journalière?**

– Mais non, journaliste***.

– Vous écrivez dans les journales?****

Очевидно, вид у меня недостаточно серьезный.

27 сентября 1939. Среда

Ветер. Очень сильный и очень холодный. В моей комнате нет солнца и холодно. Скучно. Все трое взрослых томятся. Мы с Лилей играем в «66», а Генрих решает крестословицы. Только Игорь целыми днями где-то гоняет с ребятами, его и не видно. Скоро, бедняжка, будет занят больше всех. Страшно мне даже подумать о его лице.

Юрий эту неделю не приезжал. Вчера получила деньги; пишет, что хлопоты на разрешение на выезд будут продолжаться еще некоторое время. «Подробности письмом». Но оно, наверное, еще не написано.

* Журналистка (фр.).

** Поденщица, батрачка (фр.).

*** О, нет, журналистка (фр.).

**** Вы пишете для газет? (фр.)

Боже, какая тоска, какая тоска!

С тоски иногда начинаем цапаться с Генрихом. То из-за Игоря, что привередничает с едой или Альке по носу дал, то из-за политики, из-за белого движения, как это мог Юрий такого дурака свалить — примкнуть к этим «сволочам и дуракам». Я в споры ввязываться не люблю — «язык мой — враг мой!» — но нет-нет да отвечу — дерзко, конечно.

Вообще, многое мне тут не нравится. Алька растет подлым эгоистом, да и отец подает ему достойный пример. Я никогда нарочно не налью Генриху кофе и не отрежу хлеба — «все на столе, пожалуйста!» Он смеется, но я знаю, что злится. Он потерял место и ждет только, когда его призовут. А то ему в Шартре и делать больше нечего. Я полусерьезно предлагаю всем ехать в Париж.

Вчера были в комиссариате. Чиновник говорит, что карточку надо только на карту Chef de famille*, так что в Париж мне ехать не придется. Лилька вступила в спор, что когда Генрих уедет, она будет «chef de famille». Он уступил, наконец, и ей. А потом взял да наклеил и мне, но печати не поставил. Так я и опять осталась в дураках. И не знаю, что мне делать. Что мне вообще делать?

Что мне делать, как мне быть,
Чтобы денег раздобыть?

3 октября 1939. Вторник

Никакой бумаги я, конечно, от мэра не получила. Да и вообще никто ничего не понимает, а я меньше всех. Какую бумагу? Что мэр ничего не имеет против приезда его (Юрия — И.Н.) сюда? «Но как же г<осподин> мэр может это сделать, когда он этого человека не знает? А вдруг он преступник?» Логично, и ничего не возразишь.

Боюсь, что Юрий сюда так и не приедет больше. Тогда уже я начну хлопотать для себя, м<ожет> б<ыть>, мне это скорее удастся. Алька идет в школу в пятницу. Игорь, вероятно, в понедельник. Хотя насчет лица еще ничего не известно. Дома, в Париже, полная раппе**. Так что, где я достану денег на учебники?

Неужели я больше так и не увижу Юрия? Особенно по вечерам, когда раскладываю пасьянс, когда Генрих и даже Лиля уйдут спать, а ветер воет, и когда я лягу, я спать не могу.

* Глава семьи (фр.).

** Нищета (фр.).

Непривычная темнота в комнате. Лежать неудобно. Под боком вместо привычного Юрия – Игорь. Невыносимо тоскливо! И неужели же это надолго. Навсегда?

7 октября 1939. Суббота

Кажется, я сделала большую глупость, приехав сюда с Игорем. Если бы я не испугалась в последний момент и отправила бы его в Париж с другими детьми – м<ожет> б<ыть>, ему было бы и хуже, и тоскливее, но с голоду он бы не умер. Вероятно, и сейчас не умрет, конечно, но будет ему очень тяжело. В понедельник, вероятно, все узнаем насчет кантины в лицее. У Алика это стоит 150 фр<анков> в месяц. Много, конечно, а ведь это, в конце концов, их главная еда, а м<ожет> б<ыть>, скоро будет и единственная. Прожить (с газом, электричеством, особенно – углем) на то, что я сейчас имею, – невозможно. Даже если я буду питаться одним кофе.

И вторую глупость я сделала – послушалась Раковских и не выписалась в Париже.

9 октября 1939. Понедельник

Со скуки и отчаяния – я опять занялась медицинскими экспериментами. Со вчерашнего дня не делаю себе пикюров, т.е. вчера на ночь я все-таки сделала себе 20 unités*, а то боялась, что подохну от жажды. Сегодня – ни одного. Конечно, очень чувствую. Уже вчера, гуляя с ребятами, сильно устала. Ночь спала хорошо. Шум в ушах – не в счет. Это уже давно у меня, и действует удручающе. Как-то ночью я чуть было не разбудила Раковских – мне явственно слышатся сирены. Так что это к опыту не относится. А вот сегодняшнее самочувствие, а главное, что я начинаю задыхаться, – это уже явно от этого. Интересно, сколько я смогу выдержать. А если, паче чаяния, не успею принять вовремя меры, то тем лучше. Все примут за естественную смерть. Игоря бросить, конечно, жалко, но уж очень мало от меня толку. Если бы не Игорь, я бы решилась на самоубийство. Сейчас же я начинаю чувствовать в полной мере всю свою ничтожность, беспомощность и незащитность.

18 октября 1939. Среда

Игорь третий день в лицее. Уже – очень доволен. Но первый раз пришел разочарованный.

– Мама, там все мальчишки 8-9 лет, я самый старший.

* Единица (фр.).

Потом говорит, что и читает он лучше всех, и *opérations** они делают очень простые, и дробей не учат, а глаголы только *présent***. Я к Лиле: «Сходи, поговори с метром***». Лилька пошла. Метр ей сказал, что по возрасту он подходит к этому классу, по классу коммунальному – тоже *correspond*****; а вообще, он посмотрит, *м<ожет> б<ыть>*, можно будет перевести в 5-й. Я надеюсь, что так это и будет, в конце концов. И я бы этого хотела. А Игорь уже – нет. Он успел привыкнуть к классу, и ему не хочется менять *сорип'ов*. Так он все-таки отстаёт на 1 год. Как это произошло – не пойму. Никак не понимаю. И никто мне этого объяснить не может.

Книжки не нужны в лицее. Старые пять за 72 фр<анка>, без переплета; две метр обещал ему достать, тоже старые. Нужны еще какие-то тетрадки, линейки, карандаши и т.д. В общем, деньги идут. А цветные карандаши попросим дедушку прислать из Парижа, здесь к ним не приступишься.

В субботу был Юрий. Получил, наконец, *sauf-conduit******. Будет теперь приезжать 2 раза в месяц. Больше не позволяет бюджет. Уехал в воскресенье вечером. Страшно кашляет. На велосипеде сейчас ехать, конечно, нельзя. Боюсь теперь за Игоря – погода такая, что простудиться не трудно. Пойду сейчас отнесу ему плащ, а то дождь льет, а идти ему около получаса.

22 октября 1939. Воскресенье

Вышло так, что после обеда Игорь в школу не ходил. Ноги у него промокли, а дождь лил, как из ведра. Мне было очень неприятно, т.к. Алька и все другие ребята из Розере пошли. Теперь же я очень рада, что он не ходил, простудился бы непременно. Но драма была страшная.

В четверг пришлось купить ему ботинки. Купила хорошие, высокие, на шнурках, таких он никогда в жизни не носил, подошвы простые, тяжелющие. Он в восторге. А после обеда приходит домой в старых туфлях с оторванной подошвой. Вот уж современная покупка! Зато и цена 79 фр<анков>. С деньгами я все-таки совсем запуталась. Метр книг Игорю не достал, а одна география стоит 24 фр<анка>. Но что же делать? Раз «надо, так надо». И еще: у них в классе – организация, какой-то «кооператив», будет синема и даже какие-то экскурсии. А плата

* Операция (фр.).

** Настоящее время (название глагольной формы).

*** Le maître – наставник (фр.).

**** Соответствовать (фр.).

***** Пропуск, охранное свидетельство (фр.).

мизерная – 20 фр<анков>, за весь год. Нельзя же отказать мальчишке? А взять где? Вернее, из каких средств выплачивать все это? Да. Это у меня сейчас одна и единственная забота. Даже то, что я сейчас вдребезги простужена и сижу в нетопленной, сырой комнате – в счет не идет. Себя не жалею.

26 октября 1939. Четверг

Никогда я еще не видела во Франции (да, пожалуй, и в России), чтобы в октябре шел снег. К утру он стает, конечно, а жаль: весь день он шел большими хлопьями, «как на рождественской картинке», сказал Игорь. И, действительно, и снег, и домики в Розере были какие-то «рождественские», таким всегда рисуют Рождество, только на картинках это уже никак не Франция, а Германия (с такими домиками). Это первая неувязка. А потом – никогда я не видела, чтобы снег падал на розы. У нас недавно распустились новые вьющиеся розы на заборе. Сейчас все покрыто снегом. Особенно хороши поля...

1 ноября 1939. Среда

Лиля с Алькой идут на мессу. Спрашиваю, когда вернутся, чтобы приготовить к тому времени, и вдруг очень многословный и необычайно раздраженный ответ: «К 12-ти, конечно! Что же ты воображаешь, что я там целую вечность торчать буду, что ли!» (Сейчас, кстати, половина первого).

Когда я утром ее спросила, какого черта она так рано встает, ответ был тоже раздраженный, что надо же всех накормить, надо же все убрать и т.д.

Я молчу. Я недаром столько валялась по госпиталям, я знаю, как надо разговаривать с больными. Но, в конце концов, я сама больна и притом весьма неводержанна на язык, а если я когда-нибудь сорвусь и отвечу тем же тоном – этот дом станет адом.

11 ноября 1939. Суббота. Armistice

Около пяти утра завывли сирены. Проснулись все сразу. Я первым делом зажгла свет посмотреть на часы, но часов не увидела и сразу же потушила лампу: вчера вечером я в первый раз забыла закрыть ставню, спохватилась в 11 ¹/₂, когда тушила свет (до этого лежала и читала «Войну и мир»), решила, что закрывать не стоит: «Alerte'ы не будет». Но ошиблась. Сразу же выскочила, в темноте высунулась закрывать ставни. Лил мелкий дождь. Оделись все очень быстро, только Игорь долго возился с ботинками, так и не зашнуровал. Я захватила бумаги (всегда в кармане пальто), мешочек с инсулином и часы.

Спустились вниз. Вышли на улицу и дошли до конца Розере (до вокзала – И.Н.). Стоит группа мужчин. Идет дождь. Мы прошли туда и обратно, посидели в столовой. Я вышла на перрон. Где-то очень далеко или очень высоко еле слышно жужжали аэропланы. Пять раз прокричал петух, в другом конце Розере ему откликнулся другой. Проехал поезд – неприятно промелькнули между домами завешенные окна... В общем, конечно, состояние не из приятных, но я порадовалась, что нет Генриха (он уехал в прошлую пятницу в лагерь в Бретань). Сидели в темноте. Игорь спокойно грыз морковь и торговался, что утром не пойдет в лицей. Алик, как всегда, пытался приставать с какими-то глупыми вопросами. Дети были спокойны. Взрослые – тоже. Лиля курила и разговаривала с соседями. Я слушала картавых петухов и старалась схватить жужжание авионов. Думала: сейчас все наши сидят в подвале (хоть дождя нет!) и, конечно, беспокоятся о нас. Проскользнула мысль об Ирине Насоновой, которая на днях родила в Париже сына... И какой прекрасной музыкой прозвучали сирены в терцию на одной ноте. Зажгли электричество. Было начало седьмого...

Дети разделись и легли. Я было легла одетой, накрывшись генриховским пальто, но начала мерзнуть и разделась. Лиля не ложилась совсем. К семи, когда Лиля пришла меня будить, я не спала. Лиля сказала, что идет очень сильный дождь и стоит ли пускать детей в школу? Игорь проснулся и забормотал: «Нет, конечно, не надо, вот хорошо!» – и заснул. Я секунду подумала и потушила свет. И спали мы до 9^{1/2}.

Потом Лиля, вернувшись с базара, со слов каких-то встречаемых лицеистов сказала, что после обеда занятий не будет, а утром была какая-то *cérémonie** (по случаю *armistice*, что ли?). И Игорь вспомнил, что что-то должно было быть. Но что там было и были ли занятия – выяснится в понедельник.

Через полтора часа Юрий будет здесь. Пойду его встречать, несмотря на дождь. Хочу побыть с ним хоть и под дождем – вдвоем.

21 ноября 1939. Вторник

В *sauf-conduit* мне отказали. Нашли мои причины неосновательными. Я, не дождавшись никакой помощи в этом отношении из Парижа, начала хлопотать здесь, указав как повод к поездке *naturalisation d'enfant et pour viser mon défit de Paris***, так как здесь я не могу быть прописана. Чиновник

* Церемония (фр.).

** Натурализация ребенка и осмотр моего несчастного Парижа (фр.).

был очень доброжелателен ко мне, и в субботу я была уверена, что мое дело в шляпе, а остановка только за формальностями. А сегодня – отказ. Мотивировка такая, что натурализовать ребенка я могу и в Шартре, а *acte de naissance et acte de mariage** мне вышлют по почте, а выписываться в Париже мне нет никакой надобности. Я очень загрустила, а чиновник мне потихоньку и говорит:

– *Mais vous vous pensez allez très bien, comme ça, sans rien?*

– *Je risque.*

– *Mais non. Vous risquez de rien***, – и стал меня подбадривать и очень успокоил, – *mais je vous rien dis****.

Забыла кошелку, вернулась, а он мне опять делает знак – «поезжайте, мол». Совсем меня подбодрил, так что я решила ехать в субботу в 5–35, а уж, если просплю, в 9–41.

Авось не влипну.

24 ноября 1939. Пятница

Итак, решено – я завтра еду. Еду вопреки всему (Юрий в субботу и в ночь с воскресенья на понедельник работает), но больше ждать я не могу, я уже потом не решусь; м<ожет> б<ыть>, если все сойдет благополучно, и очень просто ободрюсь, в другой раз поеду так, чтобы выжать максимум удовольствий, а сейчас я больше не могу.

Была ночью алерта, но мы уже так к ним привыкли...

16 апреля 1940. Вторник

Шартр.

Игорь приехал из лица.

– Мама! А у меня три новости: 1) Гийом отдал мне *dix sous*****, которые он давно у меня взял (я думал, что мне никогда их не отдаст), 2) Месье Удар обменял мне марки; и все такие, которых у меня нет, а 3) Сегодня мы пойдем посмотреть скелет.

В этом теперь вся моя жизнь. Никогда Игорь не был мне так близок, так нужен, так необходим. Когда в Париже мне говорили: «Зачем тебе торопиться в Шартр? Поживи еще здесь, отдохни, окрепни», – я отвечала: «А кто Игорю скрипку будет

* Свидетельство о рождении и свидетельство о бракосочетании (фр.).

** – Но вы думаете обойтись вот так, без всего?

– Я рискую.

– Вовсе нет, вы ничем не рискуете (фр.).

*** Но я вам ничего не говорил (фр.).

**** Десять су (фр.).

носить?» Да, кто будет таскать ему в лицей на урок скрипку? Кто будет следить за ним, когда он играет дома? Месье Маро сказал мне, что когда меня не было, он стал хуже заниматься. Не могла же Лиля за всем усмотреть.

В Париж я ездила часто, каждый месяц, на автокаре. На Рождество с Игорем. Потом – на годовщину свадьбы, на 3 дня. Потом на Юрино рождение (20 февр<аля>). Лилия уговорила меня поехать в субботу и вернуться в четверг. В среду я хотела пойти в госпиталь. В день моего отъезда все было занесено снегом. Вся эта зима была очень холодная и снежная, но таких сугробов, какие намело в ту ночь, я не видела с России. Ехала я без предупреждения. Дорога чудная – поля в снегу, в лесу сугробы, автобус еле пробирается. Париж тоже необычного вида (хотя в этом году уже дважды видела его в сугробах – даже потеряла в снегу туфлю, в темноте на Porte de St. Cloud).

Дома сразу же:

– Что случилось?

– Ничего. Просто приехала.

Хорошо провела вечер субботы, воскресенье, понедельник днем, а к вечеру стало плохо. Задыхаюсь. Делала анализ на ацетоны: ++++. На другой день еще хуже. Лежу. Сердце колотится так, что хочется держать его руками. Дышу с трудом. Была Наталья Ивановна. Впрыснула камфару. Говорит – нужно в госпиталь. Я ни за что. «А как же Игорь? А кто ему скрипку носить будет?» В среду – совсем плохо. Полудремотное, полюбморочное состояние. Опять Нат<алья> Ив<ановна>, говорит: «Надо в госпиталь». Я уж настолько ослабела, что не было сил протестовать. Завернули меня в одеяло, сунули в такси и отвезли в зало Бруарцель. Сразу стало лучше... Так плохо мне еще никогда не было. Очень много со мной возились. Делали пикюры каждый час. Анализы ужасные (расплата за зиму!), все – ненормальные. Но что больше всего всех поражало – это 15 (нрзб два слова – И.Н.) в крови. (Потом Яновский мне объяснил, что это очень мало.)

Одним словом, отходили. В пятницу делали вливание sérum*. Все это помогло. Я отошла. И тут только поняла, как недалеко я была от смерти.

Когда я уже стала поправляться – начали мне давать есть. Приходят Мамочка с Папой-Колей, страшно расстроенные. (Мамочка накануне была у доктора.)

* Физиологический раствор (фр.).

– Знаешь, Овен сказал, что нужно делать операцию и очень срочно. Опухоль громадная, не то на печени, не то на кишечнике.

Дальше и не говорили. Рак?

– У меня есть письмо к Кресону в Божон. Он там сделает радио, если надо. И вообще, что он скажет.

Я приняла решение.

– Я выйду из госпиталя и в Шартр не поеду до Пасхи. Пусть там Лиля делает, что хочет, а я это время пробуду дома.

Через несколько дней я вышла (пролежав две недели). Самочувствие ужасное. Помню, как еле доползла домой, одна, наши поехали к Нат<алье> Ив<ановне>. Дома грязь невероятная, теснота, темнота, в спальне окна синей краской вымазаны, как в мертвецкой, на полу груды старых газет и вырезок. И первый раз в жизни по-серьезному пожалела, что не умерла. С большой неохотой заставила себя съесть кусок белого хлеба – надо же начинать, все равно. Так, не долечившись, не отдохнув, не откормившись, не окрепнув, вернулась я опять к картошке.

С Мамочкой обошлось все хорошо. Делали несколько снимков, и Кресон уверил, что никакой опухоли нет, а м<ожет> б<ыть>, только камень в желчном пузыре. Во всяком случае, операции не надо, и мы, как страусы, спрятали голову под крылья...

На Пасху приехал Игорь. Один. Целое событие! А потом мы с ним вместе и уехали. У меня было ощущение, что я еду на верную смерть. Взяли с собой всякие реактивы: да что толку-то? В какой-то мере предчувствие меня не обмануло: я решила быть *bien raisonnable** во избежании катастрофы, а катастрофа разразилась через несколько дней! – опять ++++ ацетонов. Я сразу же приняла госпитальные меры: каждый час пикюр, а из еды – только молоко. Только после 5-го укола ацетоны начали спадать. А слабость – почти до обморока. Мне страшно стало, что делать? Уехать в Париж – нечего и думать. А ацетоны не пропадают. Сделала я в тот день 11 пикюров, а больше – боюсь. И вообще, что же? Добиться нуля, а потом – за картошку? На второй день ацетоны поднимаются. Я плюнула, собрала последние силы: «или жить, или умереть», и потащила со скрипкой в город. Еле дошла, откровенно говоря, думала, что близко к «умереть». На обратном пути еще раз плюнула, и очень. Почувствовала себя легче. Инстинкт

* Здравомыслящая (фр.).

подсказал... Дома выпила кофе с хлебом, наелась, через час сделала анализ (только на ацетоны, конечно) – 0. И с тех пор – ни разу. Хлеба ем много, даже прикупаю, поздоровела и окрепла. Но за это когда-нибудь придется расплачиваться.

Дотянуть бы еще хоть три месяца,
Из последних бы сил, как-нибудь...

Об этом сейчас все заботы. А так, по скорости, мне опять не избежать госпиталя, а м<ожет> б<ыть>, и навсегда. Но до конца занятий я должна дотянуть во всяком случае.

18 апреля 1940. Четверг

Сегодня на поле в Grands Prés было состязание между футбольной командой Сен-Жана*, куда входят несколько мальчишек из Розере, в том числе Игорь, и такой же командой из Монвиллера**, пригорода. И та победила Сен-Жанцев со счетом 0:1. Игорь вернулся мрачный и расстроенный.

А вот – эхо войны: от соседа-железнодорожника узнали, что вчера прошло в Париж 50 поездов, с воинскими частями главным образом.

На вокзале в Шартре Генрих обратился к какому-то служащему с просьбой передать жене, что он едет, а куда неизвестно. Тот через кого-то передал. Каково было Генриху проезжать мимо Розере! Писем от него давно уже не было. Лиля сразу постарела.

29 апреля 1940. Понедельник

Вести тревожные. Планы на лето строить теперь довольно трудно, потому что на днях появилось в Journal official*** извещение о медицинском освидетельствовании лиц, к которым принадлежит и Юрий. Неужели скоро?

А от самого Юрия никаких вестей, даже мандата нет.

11 мая 1940. Суббота

Этот день напоминает первые дни войны: также по несколько раз в день бегают друг к другу слушать радио, покупают «Paris Soir», в городе оживление и волнение, в Розере «tout le monde pleine»****, как сказал Игорь. Вообще, новости теперь

* Saint-Jean – пригород Шартра (фр.).

** Mainvilliers – пригород Шартра (фр.).

*** Официальная газета (фр.).

**** Полный набор событий (фр.).

приносит он. И так же, как в сентябре, воют сирены. Только не совсем так: за вчерашний день во Франции убито и ранено больше 100 человек гражданского населения. «Premiers»*, как пишут газеты. Были бомбардированы различные места, не только Нанси, Лилль, Реймс, но и самый центр Франции, деп<артамент> Шер, и Клермон-Феран, где есть жертвы и разрушения.

Сегодня у нас было две алерты. До Парижа не допустили (немецкие бомбардировщики – И.Н.). Там, как всегда, жертвы DCA**.

А у меня какое-то злобное и слегка агрессивное настроение: пусть будет еще алерта, пусть бросают бомбы, пусть хоть и убьют! А Шартр сейчас – место не совсем безопасное: защищен он, вероятно, не Бог весть как, а аэродром громадный и очень важный, а тут еще и англичане устраивают свою воздушную базу. Английские авионы уже летят сегодня.

15 мая 1940. Среда

Эти дни у нас было по несколько алерт. В воскресенье было три подряд. В это время были бомбардированы Орлеан и Шатоден. Об Орлеане пишут, что там много жертв, о Шатодене – ни слова. Но здесь упорно говорят, что там разрушен аэродром, и такое количество жертв, что многие врачи из Шартра отправлены туда. Говорят, что он два дня пылал. Многое из этого, вероятно, и верно. А вот уже факт несомненный: в понедельник, часов в 6 вечера на соседней улице был пойман немецкий парашютист. Я возвращалась с прогулки и еще застала толпу. Парашют нашли в St. Près. Говорят, что вчера второй парашютист спустился на колокольню собора.

В понедельник, в десятом часу вечера около Розере у семафора остановился поезд с ранеными. Все Розере стояло на мосту. Один голос переговаривался с нами оттуда. В других вагонах было гробовое молчание и завешенные окна. На Игоря этот поезд произвел потрясающее впечатление. После 5-ти дней войны Голландия заключила сепаратный мир.

Волнение страшное.

Вчера у нас не было ни одной алерты. Кажется, вся Франция отдыхала. Авионы летают каждый день, целый день и часто по ночам, что, конечно, не способствует хорошему сну. Тем более, что сирены по ночам мы почти не слышим.

Я думаю все-таки, что Шартр не избежит участи Шатодена.

* Первые (фр.).

** Défense contre avions – противовоздушная оборона (фр.).

18 мая 1940. Суббота

Это напоминает мне мое детство — Туапсе, только не подводы и возки с полудохлой лошадежкой, а автомобили, иногда и шикарные, иногда совсем захудалые, нагруженные, как только можно, всяким скарбом. Из Бельгии. Бегут непрерывной вереницей. В городе на каждом перекрестке даже ажаньы стоят, т.к. они швыряют во всех направлениях. Пол-лицей реквизирувано, и сегодня 7-е и 8-е классы занимались где-то в Grand-Lucée*. Все пансионеры распушены по домам. Непрерывно проходят поезда с бельгийскими солдатами (куда и зачем?) и, говорят, с ранеными. Здесь же, на путях, под Розере их кормят и отправляют дальше. На мосту стоят два автомобиля, три дамы и господин окликают меня:

— Здесь нет бомбардировок?

— Не было, — говорю.

И посыпались вопросы. Большой ли это город? Где можно поесть? Есть ли отель? Как проехать? Часто ли бывают алерты? И, наконец, нет ли поблизости авиационного поля?..

— Hélas**, — они прямо застонали.

19 мая 1940. Воскресенье

В городе творится что-то невообразимое. Автомобили бегут непрерывно, и это такой ужасный вид, что я иду по улице и ревя реву.

Маленький грузовичок, видимо, с фермы. Торчит детская коляска и детские головы. Хорошая машина. На крыше тюфяк. Внутри человек десять. Узлы. Двое спящих детей. Грузовики с прицепкой. В прицепке — узлы, а из узлов торчит голова старухи в платочке. Мотоциклетка. Впереди муж, сзади жена (между ними свернуты одеяло и узлы), на коленях у нее девочка лет 3–4, она обнимает ее и узлы. Узлы, тюфяки, дети, велосипеды. Сегодня появились и велосипедисты, тоже с одеялами и узлами. Ужас.

И пусть Игорь все это видит, пусть знает, что война — не романтика. Я до гражданской войны этого не знала. А наши дети должны это знать, как это и не жестоко — только в этом случае им, м<ожет> б<ыть>, и удастся поставить войну вне закона.

7 часов вечера.

* Большой (центральный) лицей (фр.).

** Увы (фр.).

Только что я дописала последнюю строчку, входит Лиля:
– Ты слышишь?

Я сидела с закрытым окном и ровно ничего не слышала.
Выли сирены.

Взяла паспорт, инсулин. Прибежал Игорь, сошли вниз.

– Что же? Идем гулять?

– А к черту! У меня живот болит. Никто уже больше не ходит (в поля – И.Н.), даже Перрены (первая алерта была в 8 утра). Когда, говорят, ДСА зацепит, тогда...

В этот момент она и запалила. Заперли дом и побежали. Палит – кто – не разберешь. Оглядываюсь, а около авиации, ближе к нам громадный столб черного дыма. И по другую сторону ангаров несколько дымков.

ДСА: «Боевое крещение». Оказывается, сброшено 8 бомб.

30 мая 1940. Четверг. Париж

С тех пор, как Париж был объявлен военной зоной, начались мои мученья: что мне делать? Первый раз в жизни я не могла принять никакого решения. Писали, что французы еще имеют право передвижения без *sauf-conduit* до 1-го (за иностранцами, конечно, строгий надзор, и почему-то они считаются больше всего «пятой колонной»). С другой стороны, ехать в Париж на лето глядя, да еще в самое, м<ожет> б<ыть>, пекло... У нас алерты почти каждый день, и ДСА палит почем зря. А часто и по несколько алерт в день. Но что дальше? Ведь буду совсем отрезана... Загадала так (в пятницу): если сегодня будет алерта – завтра еду.

После лица и музыки повела Игоря стричься. Только куафер* постриг ему затылок – сирена. Так и помчались с полубстриженной головой, со скрипкой, нотами, книгами и велосипедом – в собор, в крипту. Там очень хорошо, народу только полно, но спокойно. Потом опять побежали в парикмахерскую – достригаться. После ужина я сказала Лиле о своем намерении ехать, и она со мной согласилась. Игорь сначала обрадовался, а потом – заплакал. Это был последний момент колебания.

– Ну, хочешь – останемся?

– Нет, мама, поедem. Будем все вместе.

Утром он еще поехал в лицей. Мы с Лилей пошли в город. Зашли узнать, нет ли изменения в расписании автобусов. Говорят – утром один ушел, но еще не вернулся, а когда пойдет,

* Le coiffeur – парикмахер (фр.).

неизвестно, т.е. только один и бегаёт, остальные все реквизированы. Были в лицее, видели директора, простились с ним. Как-то грустно. Так и не удалось Игорешке закончить здесь год.

Игорь нервничает, не может есть. Собираемся. Уложили чемодан. Лиля убеждает взять второй, я боюсь. Она достаёт базарное *filet** и накладывает что-то туда. Потом мы сходим вниз и Игорь продолжает сборы. Рассовал куда-то всех своих солдат, все письма, даже все нитки... В комнате разгром. Очень грустно и очень тревожно. Хотя бы скорее вечер, что-то выяснится, по крайней мере.

В третьем часу вышли. Лиля волочит чемодан. Автобуса нет, ничего не известно. Сидим в кафе. Вдруг приходит автобус. Я чуть не запела от радости – первая удача! Через полчаса мы тронулись. Сейчас мне страшно вспоминать об этом, вернее, о моей беспечности.

Сели на первую скамейку. Игорь тянул вглубь, но я побоялась, как будем вылезать с нашими тюками, и остались здесь. Едем – все хорошо. Подъезжаем к *Maintenon*, вдруг дорога загорожена. Останавливаемся. Входит офицер с винтовкой. «*Vos papiers*»**. Две дамы слезают. Сначала смотрит бумаги у них, визу и *sauf-conduit*. Потом обращается ко мне: «*Vos papiers!*» Я стараюсь оставаться спокойной и тоже что-то бормочу – и начинаю медленно разворачивать пальто, которое лежит у меня на коленях. Тот обращается к сидящим дальше и очень внимательно проверяет документы у всех остальных. Я не оглядываюсь и не вижу, какие у остальных бумаги. Потом он проверяет у другой половины автобуса, продвигаясь в проходе боком, спиной ко мне. Подходит ко мне вплотную, смотрит бумаги у сидящих на первой скамье и вдруг – не поворачиваясь, подходит к двери и делает знак шоферу и выходит. Уже мы тронулись, а я еще все не верила в чудо. Потом так же медленно положила в карман свои *Carte d'identité* и тут только решилась взглянуть на Игоря... Он молодцом выдержал экзамен.

И вот – мы дома.

Париж производит впечатление такого мирного, очень спокойного города. Шартр превратился в табор, а здесь беженцев нет. Шартр – военный лагерь, а здесь не видно ни одного военного, а есть поезда – туда и обратно – с ранеными, с беженцами, с солдатами. И до сих пор ни одной смерти. Правда, в воскресенье, рано утром, летали немецкие аэропланы, и

* Сумка, кошелка (фр.).

** Ваши документы (фр.).

ДСА палило здорово и близко, но в Шартре эта пальба бывала последнее время очень часто.

6 июня 1940. Четверг

В понедельник, 3-го, после обеда, мы с Игорем пошли по делам его продовольственной карточки: на бульваре Монпарнасс нас застала алерта. Сидели в подвале дома, где Closerie des Lilas*, очень глубоко и хорошо – электричество и стулья. Народу много, но все спокойны. Доносилась стрельба очень глухо, и жужжание аэропланов. Просидели час и пошли дальше. На улицах – как ни в чем не бывало, как будто и не было алерты. В Люксембурге встретила Юрия – он сидел в траншее Observatoire. Потом ходили в Народный университет записываться на курсы сестер милосердия. Видели народ, все говорили о пальбе, и только Папа-Коля после алерты куда-то ушел и вернулся часов в 6. Тут только мы узнали о бомбардировке. Он видел Ситроен и разрушенные дома в Отей.

Вечером я обошла все эти места. Ситроен дымился. Дома эти, конечно, все ужасны. Но только на другой день из газет узнали, что было брошено больше 1000 бомб. И только вчера – подробности: что в banlieue** около 100 домов разрушено, и что число жертв доходит до 900.

Во вторник я водила Игоря по всем трагическим местам и поймала себя на том, что эти развалины производят на меня меньшее впечатление, чем беженские обозы в Шартре.

Самое страшное – не это. Страшно то, что Париж может быть оставлен, и Юрий, как военнообязанный, должен будет уехать. Вот этого-то я боюсь больше всего.

Вчера ходила получать Игорю маску и не получила: «Il n'est pas français»***. Меня это так обидело и обозлило (главным образом – обидело), что я редела всю дорогу и весь день дома. Пошли в мэрию к greffe****, – как дело с натурализацией. Тот, как ворона, руками машет: «Вас известят, вы не волнуйтесь».

Как же не волноваться, когда у ребенка до сих пор маски нет.

– А! Я ничего поделать не могу. Вас известят.

Сволочи!

А по всему Парижу слышна одна только фраза:

* «Сиреневый уголок» (название кафе) (фр.).

** Пригород (фр.).

*** Он не француз (фр.).

**** Секретарь (фр.).

– La morale seul peut sauver la France*.

А в общем, конечно, спокойнее, чем в Шартре.

Сегодня получила письмо от Лили: «С твоим отъездом алерты не прекращаются». Во вторник их бомбардировали довольно серьезно. Бомбы разрывались недалеко от Розере. Алерты по несколько часов.

Ни минуты не жалею, что вернулась в Париж.

29 июня 1940. Суббота

А я, я готова без счета платить
За зыбкое счастье не бывшего рая,
За ветошь почти нелюбимого дома –
Любимым пораженьем, позором, разгромом.

Это мое первое стихотворение за время войны. Ну, и плачу.

30 июня 1940. Воскресенье

Они (представители оккупационных властей – И.Н.) пришли в пятницу, 14-го утром. Всю последнюю неделю было довольно-таки неприятно. Пальба не прекращалась ни днем, ни ночью. Сирен не давали. Палила и DCA, да и артиллерийская стрельба, фронт был близко. Взрывали на Сене мосты и склады с нефтью. Два дня в Париже стоял черный туман и все ходили, как в саже. Несколько дней над Парижем на западе стоял столб черного дыма и по ночам полыхало зарево. Ночами почти не спали. Из дому почти не выходили. Наши курсы сестер милосердия закончились после второй лекции. Тощали запасы продовольствия, у меня осталось два кило макарон и чечевицы, но нет самого главного: картошки, молока, яиц, сала. Избавились мы от трех опасностей почти чудом: 1) Юрий мог бы уйти, в чем я его даже и убеждала, но он сказал, что никуда не уйдет, пока не будет специального распоряжения об этой категории иностранцев, и оказался прав. Все ходили друг к другу и спрашивали: как быть? Так все и остались. 2) Тысячи орудий были направлены на Париж, и немцы заключили между собой пари – во сколько часов Париж будет снесен с земли. Он был объявлен «ville ouverte»** только в четверг. И кому Париж обязан своим спасением, народу до сих пор толком неизвестно, не то коменданту Парижа – эльзасцу, не то американскому послу Буллиту. Правительство собиралось пожертвовать

* Нравственный долг каждого – спасти Францию (фр.).

** Открытый город (фр.).

Парижем, чтобы задержать немцев на несколько часов (Зачем? Петэн потом признался, что после поражения на Сомме вопрос о перемирии был уже решен). 3) не знаю насколько верно, но слышала из разных разнообразных источников, что был отдан приказ Манделя – в ночь на субботу арестовать всех «белых» русских от 17 до 55 лет. Всего этого мы избежали.

Но самое ужасное – беженцы. Сначала автомобили, потом велосипеды, но главное – пешеходы. Всех возрастов. Нагруженные, дети, старики, клетки с канарейками. Это был какой-то психоз. Надо уходить, даже «пешком». Я поймала себя на том, что и сама готова пойти. Ужас какой-то. Приказа об эвакуации не было, но положение было такое, что «уйти» считалось чуть ли не гражданским долгом.

13 июля 1940. Суббота

Завтра будет месяц, как пришли немцы, а сколько уже изменилось и в быту, и в психологии. Боже мой! Ведь действительно произошло крушение, ведь Франция не только перестала быть «великой державой», она фактически перестала быть и республикой. Обрушилось все, не только старая Франция (которую я все-таки очень люблю), но и весь старый мир.

Первое время мне было ужасно жаль Францию, потом – нет. Никого не жалко. И – всех. Ну, пусть отдадут колонии, пусть половина Франции отойдет к Германии, не все ли равно? Чем скорее сотрутся всякие национальные границы, тем лучше. Жалко людей. Беженцев, которые погибали на дорогах, матерей, которые прятали в чемоданах трупы своих детей. Солдат, погибших в этой бессмысленной и преступной бойне. Солдат, «пропавших без вести» (как один из сыновей Петра Петровича Грекова: четыре сына на фронте, пятый должен был идти осенью). Лильку, которую увезли неизвестно куда. Вот этого простить нельзя. А все остальное – национальное унижение и прочее – какая ерунда! Год назад я еще серьезно принимала понятие «честь», а теперь... А теперь вижу всю относительность таких понятий.

Первое время мне было очень тяжело. «Как они смели войти в мой город!» Такова была первая реакция. Когда я впервые увидела на авеню Мэн проходящие войска – мне было почти физически больно. И когда Юрий, весь первый день пропатавшись по городу, вернулся стопроцентным германофилом, мне было противно. Как противно и сейчас, хотя я сама гляжу на этих немецких мальчиков в военной форме без всякой ненависти.

Они вошли в Париж очень скромно и сразу же подкупили всех своей корректностью. Сами французы говорили: «Ну, если бы мы пришли в Берлин, мы бы не так себя вели!» И правда: как представляли себе немцев? — какие-то варвары, которые все ломают на пути, стреляют из пулеметов в толпу, насилюют женщин и рубят ноги детям. Факт! Ведь от этого-то и бежали эти обезумевшие толпы. Да еще от бомбардировок. Париж был объявлен «ville ouverte» только накануне сдачи.

Первые дни все время летали авионы — в очень большом количестве и очень низко. Не иначе, как продемонстрировать свою мощь. Теперь — почти перестали: не то эссанса* стало жалко, не то, как говорят, много их англичане побили в Бурже. Живем больше слухами. Упорно говорят, что завтра будут бомбить Париж. (Накануне бомбардировки Шартра Игорь в 12 вернулся из лицея и сказал: «Dimanche Chartre sera bombardée»** и на мой вопрос: «Откуда у тебя такие сведения», сказал: «Об этом все знают».) Немцы напоминают, что надо затемнять окна и пр<очее>. Появляются надписи «Abri»***. Во вторник прочищали глотку сирены. Мы уже от этого отвыкли. А ведь война еще не кончилась. Когда по ночам слышен шум авионов, я успокоительно говорю: «Это свои». (А с кем мы?)

Первые дни я чувствовала себя француженкой, даже «plus royaliste que le roi»****, а теперь — иностранкой и иностранкой всегда и везде. Я бы хотела, чтобы Игорь всегда и везде чувствовал себя дома. Пусть для него не будет существовать понятие «Родины».

Изменился быт. Прежде всего — внешний вид Парижа: совершенно пустые улицы (я тут только заметила, какая в Париже ширина улицы), закрыты магазины, а около открытых — громадные хвосты, толпами. Первую газету я купила буквально с боем. Очереди — всюду. Недавно я простояла полтора часа и купила два яйца. Молока я не видела ровно месяц. От постоянного черного кофе начинаются сердцебиения. Однажды все утро простояла (в 2-х очередях) за картошкой — не получила. Теперь уже картошки вдоволь, есть и масло, не везде, правда; даже в четверг я получила 4 яйца — не больше, чем в 20 минут.

С каким восторгом слышали мы после больших перерывов первые свистки паровоза на Монпарнасском вокзале! Жизнь восстанавливается. Но отсутствие продуктов и волнение

* L'essence — горючее, бензин (фр.).

** В воскресенье будут бомбить Шартр (фр.).

*** Укрытие (фр.).

**** Большой роялист, чем сам король (фр.).

довело меня до страшной, невероятной усталости. Вчера я уже слегла. т° 38.3. Сегодня утром колоссальное количество ацетонов. Все свободны, никто ничего не знает, почти никто не работает. Юрий был без работы около 3-х недель. Maison Choque по предписанию префектуры был открыт, но Юрию от работы конфузливо отказали, «есть, мол, и французы». А когда вернулся один из патриотов (сам себя мобилизовав), он за ним (за Юрием – И.Н.) прислал. Первую неделю Юрий получил немного – 175 фр<анков>, теперь обещают – 300, это уже лучше, чем во время войны. Правда, жизнь, благодаря тому, что ничего нет, обходится очень дорого. С первых же дней немцы запретили выходить на улицу с 9-ти часов вечера до 5-ти часов утра. И перевели часы на час вперед. Это было очень неприятно, так как еще в 11 совсем светло. Потом прибавили час, а потом еще час, это уже терпимо.

Но вот самое существенное изменение в нашем быту – конец русской эмиграции. Той самой несчастной эмиграции, от которой я так открещивалась, которую я так ругала, но которая была единственным родным бытом, единственной «родной». Когда не стало русской газеты, всяких литературных и прочих собраний, когда куда-то исчезли, разбрелись все друзья, с которыми хоть изредка можно было перекинуться словом на русском языке, – ощутилась пустота. А когда рассеются последние (а это несомненно, так как скоро нам здесь житья не будет), в сущности, с Францией меня уже ничего связывать не будет, кроме, увы, инсулина. Я даже готова на новую эмиграцию, мне только Игоря жалко. Хотя, м<ожет> б<ыть>, это и сделает его космополитом.

Больше всего я боюсь возвращения в Россию.

24 сентября 1940. Вторник

Вчера мне удалось достать в «Монопри» кусочек мыла Munsavon, так что я с удовольствием умылась... Последнюю неделю умывалась лессивом*.

Сегодня – первый день карточек. Получила 150 гр масла (уже больше недели мы его не видели!) и полкоробки камамбера. Даже веселее стало. М<ожет> б<ыть>, так оно лучше будет.

Вчера простояла в очереди 2 1/2 часа, макароны давали à volonté**, купила 2 1/2 кило.

Картошки опять нет, хвосты стоят человек на 300. «Вот наша маленькая жизнь».

* Lessive – щёлок, моющее средство (фр.).

** Сколько угодно (фр.).

Но, чтобы полнее восстановить эту «маленькую жизнь», надо вернуться на 2 месяца назад, к Лиле. Когда Юрий, во время своей короткой безработицы, ездил в Шартр — он застал все Розере опустошенным. Все уехали. У Лили в столовой окна были открыты, он влез туда, переночевал, взял кое-какие вещи и уехал. Я найду Лилины письма с описанием ее мытарств и бедствий. Ей, бедной, много пришлось пережить.

Когда она вернулась, я ездила в Шартр за велосипедом (Юрий смастерил Игорю, и каждое воскресенье мы куда-нибудь уезжали за город, Игорь был в восторге от этих прогулок). Потом получила от Лили письмо, самое короткое, самое трагическое из всех, полученных когда-либо, — письмо, что Генрих убит.

Последнее письмо от него было от 14 июля, т.е. когда война была уже проиграна. 15-го в ту местность, где он был, пришли немцы. А через несколько дней в лесу нашли труп солдата, уже начинавший разлагаться. Собрались хоронить тут же, в лесу. Одна молодая девушка, эльзаска, упростила обыскать его карманы. Нашли какие-то подмокшие бумаги. Это оказался его университетский диплом («Вот, на что пригодился его диплом», — плачет Лилия), несколько фотографий Алика и еще что-то. По этим бумагам она узнала только его имя и то, что он живет в Шартре. Почта оттуда не ходила. Она дождалась какой-то okazji и отправила письмо: «Madame Racovsky Henryk (avocat Chartre)*». Через несколько дней в субботу утром я поехала в Шартр. Юрий приехал вечером.

Лилия в черном и какая-то маленькая, худенькая, чуть ли не меньше Алика. Плачет, говорит, что ничего ей больше не надо, ничего не хочется, что ей легче было бы потерять Алика, что будто она его им подменила, — в ужасном состоянии. Юрий немножко развеселил ее сплетнями и анекдотами, смеялась. А живем и думаем мы с ней теперь совершенно по-разному.

В прошлую пятницу опять собралась в Шартр, позвала с собой Марьяну Грекову. Решила взять Игоря и ехать поездом и заодно забрать вещи. Игорь-то уехал, а мы с Марьяной отъехали километров 6, ужасный ветер в лицо, промокли до последней нитки и вернулись. Юрий выехал в субботу, доехал только до Рамбуи, заночевал там, в пятницу приехал в Шартр, забрал кровать и тюфяки, а Игорь остался там.

Надо сейчас написать Лиле, чтобы вернула его не позже субботы. 1 октября — начало занятий.

* Жене Генриха Раковского (адвокат Шартра) (фр.).

КОММЕНТАРИИ

ТЕТРАДЬ IX

1926

С. 9. *Письма не было* – И.Кнорринг ждет ответного письма от Кости Аристова.

С. 9. *Знакомые Папы-Коли по Монтаржи, когда он ездил читать лекцию* – Н.Н.Кнорринг читал в Монтаржи лекции из цикла: «Русская история XIX–XX вв.». Лекции были устроены Комитетом помощи русским ученым и писателям и Русским Народным Университетом, а также Кружком самообразования в Монтаржи, активным членом которого был Ю.Софиев. В отчетной статье, посланной в «Последние Новости» (это был его первый репортаж из Монтаржи), он писал: «Нар<одный> Унив<ерситет> и местный кружок приобретают себе постоянных друзей. Не приходится и говорить о громадном воспитательном и культурно-просветительном значении этого ценного начинания. [...] А нам, русским людям, поставленным в эмиграции в тяжелые условия борьбы за существование, условия, часто лишающие нас привычных культурных условий, хочется горячо поблагодарить тех, кто пошел нам на помощь в удовлетворении наших духовных нужд» (ПН, 28 декабря 1925).

С. 14. *Перевыборы правления* – На собрании Союза 10 октября 1926 г. в новое правление избраны А.Ладинский, С.Луцкий и Е.Майер.

С. 15. *«Не километры разделяют нас»* – Из цикла «Стихи об одном» (I–IX), обращены к «К.А.» (Константину Аристову). Опубликовано: *Кнорринг И.* Стихи о себе, с. 29.

Не километры разделяют нас,
Не темные парижские предместья.
Страшнее блеск полузакрытых глаз,
И то, что никогда не будем вместе.

Ты на меня ни капли не похож.
Ты весь другой, и жизнь твоя другая.
Ты что-то думаешь, чего-то ждешь.
Тоскуешь, может быть, – а я не знаю.

Какой же силой в сердце удержать
То нежное, что ускользает мимо?
Я не могу тебя поцеловать.
И даже не могу назвать любимым.

Севр, 1926

С. 15. *Была на «Князе Игоре» в концертном исполнении с оркестром и хором* – 15 ноября в зале Гаво состоялся спектакль «Русской оперы К.Д.Агренева-Славянского» с участием певцов Нины Кошиц и Льва Сибирякова. Сбор пошел в кассу взаимопомощи Союза русских писателей и журналистов во Франции.

С. 17. *Поеду в Трокадеро покупать билеты на «Садко»* – 5 ноября 1926 г. в помещении Трокадеро труппа Русской оперы под руководством К.Д.Агренева-Славянского ставила оперу Римского-Корсакова «Садко» (в исполнении Н.Кошиц, А.Тихоновой, Е.Германовой, В.Брамина, Г.Поземковского и др.). Оркестром дирижировал К.Д.Агреньев-Славянский.

С. 17. *На вечере памяти Винавера* – Речь идет о собрании, устроенном 25 ноября 1926 г. Союзом русских адвокатов за границей (адвокат М.М.Винавер скончался 10 октября 1926 г.).

С. 18. *Там раньше был книжный магазин «Le Source»* – Адрес магазина 106, rue de la Tour.

С. 18. *На столе у меня письмо от Тоси* – Речь идет о Тосе Дубнер.

С. 19. *На вечере молодых поэтов* – 6 ноября 1926 г., кроме выступления «молодых поэтов», Л.И.Шестов выступал с докладом «Лебединые песни» – о творчестве Гейне и Ибсена.

С. 19. *В «Новом Доме» помещена статья, ругающая молодых поэтов* – Хотя Зинаида Гиппиус задавала тон всего журнала, речь идет, видимо, о ее программной статье: Антон Крайний <З.Гиппиус> «Прописи» («Новый дом», Париж, 1926, №1, с. 17–20).

С. 20. *Статья, ругающая нашего великого писателя Ремизова и нашу великую поэтессу М.Цветаеву* – Речь идет о статье Вл.Злобина «Версты» (рецензия) (Новый дом, 1926, №1, с. 35–37). Сохранился автограф Ю.К.Терапиано на обложке первого номера журнала, сделанный много лет спустя: «[...] А статья о “Верстах”, подписанная Злобиным, написана Зинаидой Гиппиус. Эта статья вызвала большой скандал и навсегда – ссору Мережковских с М.Цветаевой. Ю.Терапиано. 19-Х.1975» (факсимиле автографа опубликовано: Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека, с. 348).

С. 20. *Читал Гессен два часа* – С.И.Гессен читал курс «Проблемы правового социализма» (по понедельникам).

С. 21. *Шла в Шавиль пешком* – Шавиль (Chaville) – западный пригород Парижа, где жила семья Фаусек, владельцев кукольной мастерской.

С. 22. *На лекцию Гессена в РДО* – 10 ноября 1926 г. в РДО Гессеном была прочитана лекция «Утопизм и реализм в политике».

С. 22. *Канун праздника* – Речь идет о национальном празднике «Armistice 1918» (буквально: «перемирие») – 11 ноября, праздник окончания первой мировой войны.

С. 22. *Подкрепление из Монтаржи довольно сильное* – Речь идет о Ю.Софиеве и А.Войцеховском.

С. 24. *Доклад Кагана [...] Сложил свои полномочия* – Речь идет о Д.Е.Кагане, председателе Общества студентов Франко-русского института.

С. 24. *По поводу издания записок* – Идея издания «Записок» – лекций, прочитанных во Франко-русском институте социальных и политических наук, – не была осуществлена. (Институт был основан в конце 1925 г. профессором Эмилем Оманом и П.Н.Милюковым по инициативе Русской академической группы в Париже.)

С. 25. *«А ты прости мою жадность...»* – Строки из стихотворения Ю.Софиева «Дождик – пускай он молчит...» (1926 г.). Опубликовано: Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном», с. 405–406.

С. 25. *«Как хорошо теперь в Версальском парке...»* – Строки из неопубликованного стихотворения И.Кнорринг.

С. 27. *Читал Марков политическую экономию* – Точнее, А.П.Марков читал курс «Хозяйственный строй советской России».

С. 29. *В первом отделении читал Зайцев* – На вечере 4 декабря 1926 г. Б.К.Зайцев читал свой рассказ «Авдотья-смерть».

С. 29. *«Не километры»* – См. комментарий к стр. 15 (к 15 октября. 1926).

С. 29. *«Переполнено сердце мое»* – Опубликовано: Кнорринг И. Стихи о себе, с. 30.

Переполнено сердце мое
Песней звонкой, неудержимой.
Мы не будем больше вдвоем
Веселей, нежней и любимей.

Буду письма твои беречь,
Буду в сердце накапливать жалость.
Это все, что теперь осталось
От коротких осенних встреч.

Будут мгlistые зимние дни,
В окнах – дождик, ленивый, частый.
Как мне радость мою сохранить?
Я ведь знаю, что буду несчастна.

Вот теперь – тебе нечего ждать.
Будет каждый вечер, как вечер.
Вот теперь я тебе отвечу
На вопрос – к кому ревновать.

Звонким камнем лечу в неизбежность,
Яркий свет на моем пути.
– Ну, а ты не сердись и прости,
Что я не умела быть нежной.

1926

С. 29. *Зайцев, знакомит с женой и племянницей* – Т.е. с В.А.Зайцевой и О.А.Куфтиной.

С. 29. *Читал стихи Кутузова* – Дружба Ю.Софиева и И.Голенища-Кутузова началась в Дубровнике (Югославия), затем они вместе учились в Белградском университете и были членами литературного кружка «Гамаюн» (Белград).

С. 35. *Его-то не убьешь, не превратишь в воспоминание!..* – И.Кнорринг имеет в виду строки Анны Ахматовой из стихотворения «Как белый камень в глубине колодца...» (книга «Белая стая», 1917):

Я ведаю, что Боги превращали
Людей – в предметы, не убив сознание,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминание.

1927

С. 37. *В «Медведь» обедать* – В русском ресторане «Lours» (1, place Duplex) традиционно выступали русские артисты.

С. 37. *Вечер в Союзе. Читал Осоргин* – М.Осоргин читал отрывки из своего романа «Сивцев Вражек».

С. 39. *Таль читал путано и слишком умно* – Л.С.Таль читал во Франко-русском институте курс лекций по судебному праву.

С. 45. *«Ты принес мне стихи о Версале»* – Стихотворение И.Кнорринг (1926 г.). Опубликовано: Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном», с. 120–121.

Ты принес мне стихи о Версале,
О Версале под сеткой дождя:
Вечерели свинцовые дали,
Старый парк оголел, обнищал.

Это правда, промокли до нитки,
Все бродили под мелким дождем.
Уже заперли в парке калитки
И пошли мы окружным путем.

Мне сутулила плечи усталость,
Но мерещился прежний, другой.
И сама я себе показалась
Нехорошей, жестокой, дурной.

Разве сердце не грызла тревога,
Разве боль не томила острó
За бокалом горячего грога
В небольшом опустевшем бистро?

Ты читал мне стихи о цыганах,
Как цыганка варила ежа...
Помню, было и смутно, и странно,
Билось сердце и голос дрожал.

Мы друг другу так мало сказали,
Но понятен был каждый намек...
Ты принес мне стихи о Версале –
Бледно-синий блокнотный листок.

Вот поэтому долго не спится,
Что-то помнится, бьется, звенит...
Этой первой версальской страницей
Начались мои новые дни...

1926

Стихи были написаны И.Кнорринг в ответ на подаренные ей стихи Ю.Софиева «Версаль» (опубликованы: ПН, 1931, 19 ноября, №3893, с. 3).

С. 45. «Стихи» – Опубликовано: Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном», с. 417–418.

Стихи

Юрию

Они отрадней, чем слова молитв.
Их повторять ведь то же, что молиться.
Я вижу, как туман встает с земли.
Я опускаю тихие ресницы.

И за стихом я повторяю стих,
Звучащий нежным, самым нежным пеньем.
И, как Евангелье, страницы их
Целую с трепетным благоговеньем.

И в синий холод вечеров глухих,
Когда устанем мы от слов и вздохов,
Мы будем медленно читать стихи,
Ведь каждый, как умеет, славит Бога.

Я буду слушать тихий голос твой,
Перебирать любимые страницы.
Я буду тихо-тихо над тобой
Склонять густые, длинные ресницы.

27.XII.1926

С. 45. «Было света и солнца немало» – Опубликовано: Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном», с. 431. Посвящено Б.К.Зайцеву (поводом к написанию стало его замечание о том, что Ирина за год повзрослела).

Б.К.Зайцеву

Было света и солнца немало.
Было много потерь, – и вот,
Говорят, что я взрослою стала
За последний, тяжелый год.

Что же? Время меняет лица,
Да оно и не мудрено.
Невозможное реже снится,
Дождь слышнее стучит в окно.

Жизнь проходит смешно и нелепо.
Хорошо. А каждый вопрос
Разлетается легким пеплом
Чуть дурманных папирос.

Я не стала больной и усталой,
И о прошлом помню без зла:
Я и лучше стихи писала,
И сама я лучше была.

Жизнь короткая – вспомнить нечего.
День дождливый за мгlistым днем.
А уж где-то в душе намечен
Еле видный, тихий надлом.

31.12.1926

С. 45. «Помню все» – Опубликовано: Софиев Ю. Парус, с. 49.

Помню все – бережно складывал
На самое дно души –
Запах крови, полей и ладана,
Все, что думал, видел, вершил.

Ничего не забыл, не растратил –
Дотащил к чужим берегам.
Столько было рукопожатий,
Поклонялся стольким богам.

Эй, прохожий, может быть, нужно?
Хочешь, весь этот хлам отдам?
Только б стать опять неуклюжим
И тоскующим по лесам.

В блеске, в гуде парижских улиц
Двадцативосьмилетний старик,
Бледный, худой – сутулюсь
В вечно поднятый воротник...

Париж, 1928

С. 45. «Тачанка катится» – Из цикла «Молодость» (I–VI), посвященного друзьям по оружию. Опубликовано: *Софиев Ю.* Годы и камни, с. 10.

Н.Станюковичу

Тачанка катится. Ночлег уж недалек.
Подводчик веселей кнутом захлопал.
Налево был недавно городок,
Дремал в пыли и звался Перекопом.

Направо море – свежей синью вздуто.
Изрытый, в ржавой проволоке, вал.
На стыке с морем огибаем круто
Глубокий ров. Взгляд на скелет упал –

Полузасыпанный, ненужный никому.
А желтый череп на дороге пыльной.
Попридержи-ка! Череп я возьму
В сентиментальное свидетельство о были.

Здесь карабин в затылок разрядили.
Присыпали землей. Копать? Тут нужен лом!
Сойдет и так! Толково закурили –
И некто смех взорвал забористым словом.

И череп бережно я прячу в свой мешок.
И укоризненно копну волос колышет
Подводчик. За бугром сады и крыши.
Блаженный час! Ночлег уж недалек.

1927

С. 49. *Еще одно дело срывается, не доведенное до конца* – Ирина не окончила Франко-русский институт: предметом ее интереса была не экономика жизни и не ее политика, а *поэтика*. В ее

лекционных тетрадах записи профессоров соседствуют со стихами; в частности, со строками, адресованными сокурснику и будущему мужу Ю.Софиеву:

Отдам тебе все дни мои глухие,
И каждый взгляд, и каждый звонкий стих.
И все воспоминанья о России,
И все воспоминанья о других.

<28 ноября 1926>

(Из архива Софиевых-Кноррингов).

С. 52. *Были у художественников. Шел «Вишневый сад»* – Пражская группа МХТ (с 1926 г. гастролирующая как самостоятельная труппа) называла себя «Группа художественников». 8 февраля 1927 г. в театре Folies Dramatiques (40, rue de Bondy) была представлена пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад».

С. 52. *В Сорбонну на чествование Короленко* – 9 февраля 1927 г. в Сорбонне Комитетом помощи русским писателям и ученым был устроен вечер памяти В.Г.Короленко (по случаю 5-летия со дня смерти писателя). Приглашены были для выступления П.Н.Милюков, В.А.Мякотин и А.Б.Петрищев. Произведения В.Г.Короленко читали Е.Н.Рощина-Инсарова и артисты Пражской группы МХТ.

С. 53. *Пошла в театр. Ставили «На дне»* – 10 февраля 1927 г. Пражская группа МХТ ставила пьесу Горького «На дне».

С. 53. *Прения по докладу Милюкова о евразийстве* – С докладом «О Евразийстве» П.Н.Милюков выступил на собрании РДО 12 февраля 1927 г. Для участия в прениях были приглашены: Б.П.Вышеславцев, Л.П.Карсавин, К.Б.Родзевич, Г.Д.Гурвич, М.В.Вишняк и князь Ю.А.Ширинский-Шихматов.

С. 56. *Экзамена всего четыре: Гурвич, Гронский, Миркин-Гецевич и Шацкий* – П.П.Гронский читал курс «Русское административное право», Б.С.Миркин-Гецевич «Советское государственное право». См. также комментарий к т. 1, стр. 544 (к 1 июня 1926).

С. 60. *Вот совпадение! Это Фаусек* – Речь идет о мастерской Фаусеков. Н.Н.Кнорринг вспоминал: «Ответственная работа, например, шитье платьев, была ей (Ирине – И.Н.) совершенно не под силу, нужно было искать работу в какой-либо мастерской. К счастью, такая нашлась, где работала ее мать – мастерская кукол под названием “Фавор”. Ее содержала очень милая семья наших знакомых (Фаусеков). Работа в этой мастерской в прекрасных условиях, рядом с мамочкой, конечно, Ирину устраивала» (*Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери*, с. 73). Таково мнение отца Ирины.

С. 61. *А тут еще эта тюрьма Sainte...* – Речь идет о тюрьме Sainte-Pélagie.

С. 65. *Отвести в группу Эсмена* – Речь идет об учебнике: *Эсмен А. Основные начала государственного права* (Перевод с фр. Н.Кончевская), М.: Солдатенков, 1899. Книга имела несколько изданий.

С. 69. В *«Посл<едних> Нов<остях>»*, наконец, расписание экзаменов – Объявление об экзаменах Франко-русского института: «Конституционное право – 6 и 12 апреля, Советское государственное право – 8 и 14 апреля, Философия права – 11 апреля. Экзамены происходят в помещении Института в 7 час<ов> вечера» (ПН, 1927, 6 апреля, №2205, с. 3).

ТЕТРАДЬ X

С. 75. *Гурвич, Эйзенман, Гронский, Милюков* – Перечислены члены экзаменационной комиссии.

С. 76. *У меня сахарная болезнь и, очевидно, уже давно* – Сахарный диабет (сахарная болезнь) – заболевание со сложным нервно-эндокринным патогенезом, основное место в котором занимает недостаточная продукция инсулина поджелудочной железой, сопровождающееся нарушением многих видов обмена, главным образом, углеводного.

Н.Н.Кнорринг писал: «Вдруг мы заметили, что Ирина начала заметно худеть [...] Катастрофическое падение веса и неутолимая жажда очень нас обеспокоили и заставили сделать анализ. До сих пор помню озабоченный вид аптекаря, который на мой вопрос сказал: “Очень, очень больна!”, указав на огромный процент сахара. Я ничего не знал о сахарной болезни, и поначалу мы думали, что усиленное питание и принятые меры лечения скоро поставят Ирину на ноги [...] Скоро мы узнали, что эта болезнь неизлечимая» (*Кнорринг Н.Н.* Книга о моей дочери, с. 59-60).

Симптомы болезни И.Кнорринг дала в восьми строках («Желания», 1927):

Я двух желаний не могу изжить,
Как это ни обидно и ни странно:
Стакан наполнить прямо из-под крана
И крупными глотками воду пить.
Пить тяжело и жадно. А потом
Сорвать с себя замызганное платье
И, крепко вытянувшись на кровати,
Заснуть глубоким и тяжелым сном.

Цит. по книге: *Кнорринг И.* После всего: Стихи 1920–1942 гг., с. 46–47.

С. 76. *L'hôpital de la Pitié – в Париже, далеко отсюда* – Госпиталь «Питье», где впоследствии лечилась И.Кнорринг, находится в XIII округе, занимая огромную территорию между бульварами Hôpital и Vincent Auriol. Вскоре после того, как стало понятно, что болезнь Ирины требует постоянного медицинского вмешательства, семья Кноррингов переехала в Париж, в центральную его часть.

С. 83. *На выставке картин [...] Anna Duchesne* – Вернисаж выставки Анны Дюшен состоялся 1 июня 1927 г. в галерее Aubier (51, rue de Seine).

С. 86. «*Воля к жизни*» – Опубликовано: *Кнорринг Н.Н.* Книга о моей дочери, с. 65–66.

Воля к жизни

В низких тучах, нависших уныло,
В нежных думах веселой любви,
В нарастаньи потерянной силы
Мне слышалось слово: живи!

И как крик у развернутой бездны,
Как раскаты звериной грозы,
Как бодрящий напев Марсельезы –
Этот бешеный к жизни призыв.

Я теперь поняла: не недели, –
Месяцá потерялись в бреду...
И еще поняла, что дойду
К настоящей, единственной цели.

Что, как прежде, горят маяки
Необманным и радостным светом,
И за ночью последней тоски
Есть звериная радость рассвета.

7 июня 1927

С. 87. *Были на «культуре» [...] От всех 6-ти речей [...] – «День русской культуры»* (мероприятия которого растягивались, фактически, на неделю) состоялся в Сорбонне под председательством профессора Омана 9 июня 1927 г. С речами выступили: М.В.Бернацкий (произнес вступительное слово), П.Н.Милюков «О русской культуре», А.В.Карташев «Церковь и русская культура», В.К.Агафонов «Точные науки в русской культуре», К.В.Мочульский «О Пушкине».

С. 87. *Поехала на Daru* – Т.е. в Собор Святого Александра Невского (12, rue Daru).

С. 88. *«День русской культуры» в Trocadéro* – 12 июня в Трокадеро состоялся концерт с участием русских артистов – квартета Н.Н.Кедрова, хора К.Д.Агренева-Славянского и др.

С. 88. *Во вступительном слове было «20 расстрелянных»* – В московских газетах было опубликовано сообщение: «В виду открытого перехода белогвардейцев и монархистов, действующих из-за границы по инструкции и на деньги иностранной охраны, к террористической борьбе коллегия ОГПУ в заседании своем от 9 июня приговорила к расстрелу след<ующих> 20 человек [...]» («Расстрел 20-ти» // ПН, 1927, 11 июня, №2271, с. 1). Среди расстрелянных – дворяне, бывшие офицеры Добровольческой армии, возвратившиеся из эмиграции, поверив в обещанную амнистию.

С. 90. *Заходить за Наташей Кедровой* – Речь идет о Н.К.Кедровой, актрисе «Интимного театра Д.Н.Кировой» (о театре см. книгу: *Кирова Д. Мой путь служения Театру*). Первые спектакли Д.Н.Кирова организовывала в Медоне (в 1927–1928 гг.). Юрий Софиев, в это время живший в Медоне и почитавший как театральное искусство, так и его служителей, был дружен с семьей Кедровых.

С. 90. *Увязались мамыши* – Речь идет о Евгении Дмитриевне Кедровой и Марии Владимировне Кнорринг.

С. 90. *Мое стихотворение «Пилигримы»* – ПН, 1927, 23 июня, №2283, с. 3.

Пилигримы

Мы долго шли, два пилигрима, –
Из мутной глубины веков,
Среди полей необозримых
И многошумных городов.

Мы исходили все дороги,
Пропели громко все псалмы
С единственной тоской о Боге,
Которого искали мы.

Мы шли размеренной походкой,
Не поднимая головы,
И были дни, как наши чётки,
Однообразны и мертвы.

Мы голубых цветов не рвали
В тумане утренних полей.
Мы ничего не замечали
На этой солнечной земле.

В веках, нерадостно и строго,
День ото дня, из часа в час
Мы громко прославляли Бога,
Непостижимого для нас.

И долго шли мы, пилигримы,
В пыли разорванных одежд.
И ничего не сберегли мы, –
Ни слёз, ни веры, ни надежд.

И раз, почти у края гроба,
Почти переступив черту,
Мы вдруг почувствовали оба
Усталость, боль и нищету.

Тогда в тумане ночи душной
Нам обозначился вдали
Пустой, уже давно ненужный,
Неверный Иерусалим.

С. 91. «Облокотясь на подоконник» – Опубликовано: Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном», с. 445–446. Стихи, обнаруженные в записной книжке И.Кнорринг за 1927 г., абсолютно не характерны для нее, их сопровождает приписка автора внизу страницы: «Земля кончит жизнь самоубийством».

Облокотясь на подоконник,
Сквозь сине-дымчатый туман
Смотрю, как идолопоклонник,
На вьющийся аэроплан.

И вслед стальной бесстрашной птице
Покорно тянется рука.
И хочется в слезах молиться
Ей, канувшей за облака.

А в безвоздушном океане,
В такой же предвечерний час
В большие трубы марсиане
Спокойно наблюдают нас.

И видят светлые планеты
И недоступные миры
Случайной, выдуманной кем-то,
Нечеловеческой игры.

И вот, седым векам на смену
Из голубых, далеких стран
Веселый Линдберг с Чемберленом
Перелетели океан.

И уж, быть может, страшно близок
Блаженный и прекрасный час,
Когда раздастся дерзкий вызов
Кому-то, бросившему нас.

Когда могучей силой чисел
Под громким лозунгом: «Вперед»,
Желанья дерзкие превысив,
Земля ускорит свой полет, –

И – как тяжелый, темный слиток –
Чертя условную черту,
Сорвется со своей орбиты
В бесформенную пустоту.

<1927>

С. 100. *Была в украинской церкви* – 10 июля 1927 г. Украинское Евангельское объединение устраивало день памяти Яна Гуса, служба проходила в церкви по адресу 17, rue de l'Avre.

С. 100. *В лесу встретили Виктора с Леной* – Речь идет о В.Мамченко и Е.Майер.

С. 109. *Неприветливо встретил меня Париж* – После того, как Арендаревы (с которыми на паях снимали квартиру Кнорринги) уехали в провинцию, встал вопрос о поиске нового жилья с учетом предстоящей свадьбы Ирины и Юрия и болезни Ирины. Был снят номер в парижском отеле на rue Monsieur le Prince, где разместились втроем Кнорринги. Вскоре рядом освободилась еще одна, совсем маленькая комната, в которую переехал Юрий (завсегдатаями у него были В.Мамченко и А.Войцеховский).

С. 110. *Казнь Сакко и Ванцетти* – Американские рабочие, выходцы из Италии, Н.Сакко и Б.Ванцетти, были обвинены в убийстве кассира обувной фабрики и в присвоении 16-ти тысяч долларов, предназначенных для выплаты зарплаты рабочим. Это убийство спровоцировало новую волну рабочих стачек в США. Процесс длился семь лет (1921–1927 гг.), были сфабрикованы доказательства их виновности и, несмотря на резонанс во всем мире и на создание Комитета по защите, они были казнены 22 августа 1927 г. Процесс Сакко и Ванцетти был оценен левыми силами как «судебное линчевание», как расправа над лидерами рабочего движения США.

С. 110. *Послание Патриаршего Синода* – В январе 1927 г. «карловчане» созвали Собор епископов и приняли акт – запретить митрополиту Евлогию священнослужение и прервать молитвенное общение с ним. Митрополит Евлогий писал: «Этим актом “карловчане” углубили наше разобщение до крайнего предела. [...]»

Они хотели своим запрещением сокрушить меня, рассчитывая на смутность церковного сознания, на неустойчивость моей паствы, на старую дореволюционную привычку видеть в Синоде высшую церковную инстанцию и считать его постановления для себя обязательными. Но расчет оказался неверный. Моя паства каким-то безошибочным чутьем правды разобралась в сложном церковном положении и встретила единодушно и сочувственно мое «Обращение к духовенству и приходам». В нем я разъяснял незаконность постановления Карловацкого Синода об отстранении меня от моей епархии, вверенной мне волею Патриарха Тихона [...]; заявлял, что я вынужден прервать официальные сношения с Архиерейским Синодом, потому что определения его противны канонам Православной Церкви: согласно патриаршим Указам (от 26 марта / 8 апреля 1921 г., от 22 апреля / 5 мая 1922 г.), я не являюсь подчиненным Архиерейскому Синоду и не подлежу их суду» («Путь моей жизни», с. 563–564).

С. 115. *Получу из Студенческого союза 100 фр<анков>* – Речь идет о «Союзе русских студентов во Франции», отделения которого занимались распределением финансовых средств, поступающих от «Комитета помощи больным и нуждающимся русским студентам». Комитет работал под патронажем графа В.Н.Коковцова (председателя Русского объединенного эмигрантского комитета во Франции) и под руководством врачей В.А.Яковцева и М.Н.Аитовой. Комитет занимался распределением поступающих в него средств. Сбором же средств занимался «Дамский Комитет помощи студентам», под эгидой которого РМОЗ устраивало благотворительные концерты. Руководила Дамским комитетом В.Ф.Смирнова, его представителями в «Федоровском комитете» были Е.М.Таубе и Т.С.Конюс. Добавим, что помощь русской учащейся молодежи оказывал также французский «Комитет помощи русским» (руководитель Monseigneur Chaptal).

С. 116. *Как ни раскидывай, а не раньше Нового года, да и то не верю* – Речь идет о свадьбе Ирины и Юрия.

С. 122. *Мы сойдемся в решительной схватке, / Чтоб потом разойтись навсегда* – Строки И.Кнорринг.

1928

С. 125. *Свадьба будет, наверно, четырнадцатого* – Венчание Ирины и Юрия состоялось 14-го января в Храме Святого Александра Невского. Брак был зарегистрирован согласно французскому закону – по месту жительства жениха: в мэрии 6-го аррондисмана, находящейся на площади Сен-Сюльпис (78, rue Bonaparte, pl. St. Sulpice).

С. 128. *Недалеко от наших, на rue des Canettes* – Софиевы переехали по адресу: 17, rue des Canettes.

С. 129. *Орлов перенесли на чердак* – Речь идет о коллекции Ю.Софиева. «Животных, зверей, птиц я любил с самых ранних лет и эта любовь [...] не могла победить во мне [...] с самых детских лет проявлявшейся охотничьей страсти», – вспоминает поэт Ю.Софиев, мало известный как художник-орнитолог и -энтомолог. В качестве самообразования он занимался биологическими науками и сбором энтомологических коллекций.

С. 130. *Ходила в русский Красный Крест за помощью* – РОКК, распущенный в СССР в 1918 г., возобновил свою деятельность в эмиграции в 1920 г. Начальником Главного управления РОКК был граф П.Н.Игнатъев. В рамках РОКК в Париже действовали: Комитет помощи туберкулезным больным, Комитет помощи больным и выздоравливающим, Комитет попечения о сестрах милосердия, Комитет русских мастерских «Увруары» (от L'ouvrière – работница), основанный княгиней В.К.Мещерской. Последний базировался по адресу 81, rue de la Faisanderie, 16e; позднее: 1-bis, bd Flandrin, 16e.

С. 130. *В амбулаторию русского Красного Креста* – Франко-русская амбулатория (амбулатория РОКК) была открыта в Париже в 1921 г., заведующая – врач О.В.Толли-Костедоа. В амбулатории работали русские врачи и медсестры.

С. 131. *В субботу справляли «Татьяну» [...] в ресторане «Волга»* – Русский ресторан «Волга», в котором справляли «Татьянин день», находился по адресу 10, rue Cordelières.

С. 133. *«Где я буду в тот матовый вечер? [...]»* – Строки из стихотворения «Я пуглива, как тень на пороге» (опубликовано: ПН, 1928, 12 апреля, №2577, с. 3).

Я пуглива, как тень на пороге
Осторожно раскрытых дверей.
Я прожгла напряженной тревогой
Много ярких и солнечных дней.

Оплету себя вдумчивой грустью,
Буду долго и страшно больна.
Полюблю эту горечь предчувствий
И тревожные ночи без сна.

И когда-нибудь, странно сутулясь,
В час, когда умирают дома,
Я уйду по расщелинам улиц
В лиловатый вечерний туман.

Где я буду в тот матовый вечер?
Кто мне скажет, что я умерла?
Кто затеплит высокие свечи
И завесит мои зеркала?

Так исполнится чье-то проклятье,
И не день – и не месяц – не год –
Будет мир сочетанием пятен
И зияньем зловещих пустот.

<6 февраля 1928>

С. 133. *Пойти в Институт на Милюкова* – П.Н.Милюков читал во Франко-русском институте цикл лекций «Политическая история России» (по вторникам).

С. 133. *Юрий горит идеей создания какой-то «Свободной трибуны»* – Речь идет об институтском семинаре. В 1930-е гг. Ю.Софиев станет активным участником клуба «Свободная идеологическая трибуна», созданного в рамках РДО и являющегося логическим продолжением семинара.

С. 135. *Вторник – на Милюкова* – См. комментарий к стр.133 (к 7 февраля 1928).

С. 135. *Четверг – на семинар Эльяшевича* – Речь идет о «Семинаре русского права профессора В.Б.Эльяшевича» на Русском юридическом факультете Сорбонны. Занятия проходили в Институте Славяноведения: 9, rue Michelet.

С. 135. *Пятница – [...] на Эльяшевича* – В.Б.Эльяшевич читал во Франко-русском институте цикл лекций «Гражданское право».

С. 136. *В одном месте Алданов говорит [...] Шталь любил по Карамзину* – Речь идет о романе М.Алданова «Чертов мост» и его герое – Штале. Роман был опубликован в «Современных Записках» (1924–1925, №№ 19, 21, 23, 25), затем вышел отдельной книгой (Берлин: «Слово», 1925).

С. 137. *На собрании «Дней» видела Керенского.* – Собрания, организованные редакцией журнала «Дни», выходившего в Париже в 1928–1933 гг. под редакцией А.Ф.Керенского.

С. 137. *Стихов «рыжий диабетик» не печатает* – Речь может идти об одном из трех сотрудников редакции «Последних Новостей» – о Милюкове, Демидове и Волкове, в компетенцию которых входил данный вопрос. Учитывая резкое охлаждение отношений между Кноррингами и Н.К.Волковым, так Ирина в отчаянии могла назвать лишь его.

С. 139. *В Люксембурге посидим* – Так называют Люксембургский сад в Париже.

С. 139. *На лекцию Нар<одного> Университета о Киве [...] прекрасен был концерт* – Речь идет о «Беседах по русской культуре»,

организованных Русским народным университетом. 11 марта беседа была посвящена Киеву. С докладом выступил профессор Д.М.Одинец. В концертном отделении прозвучали арии в исполнении оперных артистов – Л.А.Корниловой-Гаршиной, Л.М.Леонович и Г.Ф.Леонова, аккомпанировал на рояле И.И.Пирогов.

С. 141. *Сегодня Б.А. пойдет к Федорову просить для меня стипендию* – Речь идет о визите отца Ю.Софиева к руководителю «Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей» – М.М.Федорову («Федоровский комитет» – называли его). В архиве Комитета находится досье «студентки Франко-русского института социальных и политических наук Ирины Софиевой» (Ириной *Кнорринг* она осталась только в литературе). В прошении на имя М.М.Федорова (от 5 апреля 1928 г.) сказано: «Находясь в очень тяжелом материальном положении вследствие продолжительной и серьезной болезни (диабет), не позволяющей мне зарабатывать, прошу предоставить мне студенческую стипендию, чтобы помочь мне окончить курс» (БФРЗ, ф. 13, оп. 2, ед. хр. №3769, л. 1).

С. 144. *Все боюсь, что денег не получу* – Речь идет о финансовой поддержке от «Комитета помощи больным и нуждающимся русским студентам». См. комментарий к стр. 115 (к 17 сентября 1927).

С. 144. *Ходили [...] к той даме* – Не удалось выяснить, о ком идет речь.

С. 145. *Пошла на диспут Бердяева с Милюковым о религии. [...] «Безбожник» был один – папаша* – Речь идет о заседании Русской религиозно-философской академии, парижское отделение которой было основано Н.А.Бердяевым в 1924 г. Тема заседания: «Христианство и свободомыслие». П.Н.Милюков был в числе приглашенных. Помимо него, были приглашены Б.П.Вышеславцев, В.В.Зеньковский, В.Н.Ильин, Г.П.Федотов, Г.В.Флоровский и Н.Н.Кнорринг. «Папашей» И.Кнорринг называет П.Н.Милюкова, убежденного атеиста. Н.Н.Кнорринг, бывший глубоко верующим человеком, друживший с П.Н.Милюковым, порицал его за то, что тот «не нуждался в Боге» («О тебе», с. 115). П.Н.Милюков, в свою очередь, как ученый-историк считал, что история человечества разворачивается по своим законам, независимо от каких-либо религий.

С. 146. *«Я накопила приметы»* – Опубликовано: *Кнорринг И.* Стихи о себе, с. 34–35.

«И неуслышанный лепет: / «Счастье, безумье – прости!» – В окончательном варианте: *«И неуслышанный лепет: / «Было. Не будет. Прости».*

С. 147. *Выступала в «Очаге любителей русской культуры»* – Речь идет о литературно-музыкальном «вторнике» Очага друзей русской культуры (1927–1928) – русского общественного клуба, базирующегося по адресу: 35, rue Vital.

С. 148. *Собрание «Зеленой Лампы»* – Литературно-философский кружок «Зеленая лампа» (1927–1939 гг.) был организован З.Гиппиус и Д.Мережковским.

С. 149. *Получила от Федорова отказ в стипендии* – В письме М.М.Федорова к И.Н.Софиевой от 10 апреля 1928 г. говорится: «К сожалению, исполнить Вашей просьбы о назначении Вам стипендии я не могу, т.к. сейчас, к концу учебного года, у нас свободных средств нет. Все имевшиеся в нашем распоряжении деньги уже распределены, и принимать новых стипендиатов Центральный Комитет не может. Искренне преданный» (БФРЗ, ф. 13, оп. 2, ед. хр. №3769, л. 2).

С. 150. *Делал доклад о чем-то Мережковский* – Речь идет о собрании «Зеленой лампы», состоявшемся 22 апреля. Доклад Д.С.Мережковского назывался «Который же из вас? (Иудаизм и христианство)».

С. 150. *Собрание «Дней». Доклад Бердяева* – 23 апреля состоялся доклад Н.А.Бердяева на тему: «Классический марксизм и русский ленинизм».

С. 150. *Пришел Некрасов и часа два развивал свою теорию* – Речь идет о выступлении Н.П.Некрасова на собрании РДО.

С. 150. *Юрины стихи «Монтаржи»* – ПН, 1928, 26 апреля, №2591, с. 3.

Монтаржи

В вечерний час в глубинах вод
Дрожат горящие зигзаги.
Как острие старинной шпаги
Собор вонзился в небосвод.
Часы – совы упорным взором –
Следят, отсчитывая такт,
Без возмущенья и укора
Дней проходящих мерный шаг.
И внемя смутному набату,
Плывущему из людной мглы,
Века, века по циферблату
Кружат две медные стрелы.
Где сгорбленных строений ряд
Склонил к воде свои глазницы.
И словно огненные птицы,
Их отражения дрожат, –

Как мельница. Старинный мост,
Изъеденный веками камень.
Медведица свой звездный хвост
Полощет здесь среди сверканий.
И тишина, и тихий всплеск
Воды, бегущей по каналу.
Дно зыбкими кусками звезд
Здесь небо щедро закидало.
К воде домами оттенен
Ряд искалеченных платанов,
Здесь в сумерки иных времен
Скользила страшная сутана.
Присевшие к земле дома,
С заржавленным кольцом ворот.
Как эта мгла была нема,
Когда испуг сменил заботы.
О, город камня и воды,
Соленою крапленый кровью,
Хранишь ты бережно следы
Упорного средневековья.

С. 150. *РДО, где будут выборы в правление* – Председателем РДО в 1924–1930 гг. был Г.М.Арнольди. «На заседании всегда присутствовал П.Н.Милюков, – вспоминает Ю.Софиев, – хотя он формально и не был членом правления; однако, фактически Милюков был одним из руководителей (если не главным) этого общества» (Софиев Ю. Разрозненные страницы, с. 76).

С. 151. *Провалился на экзамене у Вишняка* – М.В.Вишняк читал во Франко-русском институте курс лекций «Проблемы современной демократии».

С. 151. *На «Евгении Онегине» в Trocadéro* – Речь идет о концертном исполнении оперы «Евгений Онегин» П.И.Чайковского. Участвовали: оркестр Colonne (дирижировал Ю.Н.Померанцев), певцы А.С.Тихонова, М.А.Гонич, Б.П.Попов, Г.А.Лапшин, К.Е.Кайданов, А.К.Антонович, Н.В.Лаврецкий, А.М.Соколов. Сбор пошел в пользу русских учащихся.

С. 151. *Слова в «Красной Газете»* – Речь идет о статье Гайна Адовца о русской эмигрантской поэзии («Красная Газета», Ленинград, 1928, 21 мая).

С. 151. «*На шестом этаже*» – ПН, 1928, 16 февраля, №2521, с. 3.

На шестом этаже

Мысли тонут в матовом тумане,
День за днем проходит, как в бреду.

Нет конца беспомощным скитаньям,
Никуда, должно быть, не приду.

День за днем, неделя за неделей...
За окошком – очертанья крыш,
Улицы, как темные ущелья,
Старый, заколдованный Париж.

По ночам – разгул, свистки и крики,
Сердце замирает и дрожит.
Тянется по лестнице безликой,
Медленно считая этажи.

И глотая запыленный воздух,
С напряженной мыслью о тебе,
Я гадаю здесь по мутным звездам
О своей изломанной судьбе.

Днем туман, внимательный и серый.
Жизнь ясна, безвинна и проста.
На стене – премудрая химера
И изображение Христа.

А на башне старого собора,
Мощной болью вздрагивает медь.
Кажется, что скоро, – слишком скоро, –
Я смогу покорно умереть.

С. 151. *Переехали на rue Monsieur le Prince* – Молодожены вернулись в отель, где жили родители Ирины.

С. 152. *На «Дне русской культуры»* – В программе праздника выступление оперных певцов Нины Кошиц и Г.Ф.Леонова, учениц балетной студии О.О.Преображенской, Е.Н.Рощиной-Исаровой, квартета Н.Н.Кедрова и оркестра Colonne под управлением Н.Н.Черепнина.

С. 152. *Получила из Комитета помощи студентам еще 200 фр<анков>* – См. комментарий к стр. 115 (к 17 сентября 1927).

С. 152. *Приехала Московская труппа Вахтангова* – Открытие гастролей Московского драматического театра им. Вахтангова в театре Odéon состоялось 12 июня 1928 г. В программе гастролей: «Принцесса Турандот» К.Гюцци, «Виринея» Л.Сейфуллиной и В.Правдухина, «Чудо святого Антония» М.Метерлинка и «Карета со святыми дарами» П.Мериме.

С. 153. *«И надо мной – клеймом стыда»* – Из стихотворения «Все это было, было, было» (Кнорринг И. Стихи о себе, с. 6).

С. 155. *Юрий [...] достал в РДО Сеньобоса* – Речь идет о книге: Сеньобос III. Политическая история современной Европы: 1814–

1896 (СПб., 1898), взятой в библиотеке-читальне РДО. Добавим, что Ю.Софиев, живя в Монтаржи, был председателем местного отделения РДО, а в Париже ему поручили реорганизацию библиотеки-читальни РДО, расположенной по адресу: 18, rue de Varenne.

С. 158. *Мои стихи «В вечер синий и благословенный»* – ПН, 1928, 2 августа, №2689, с. 3 (опечатки, допущенные в данной публикации, исправлены).

В вечер синий и благословенный
В городской звенящей тишине
На мосту, над почерневшей Сеной –
Генрих вспоминает обо мне.

Зданья в мглу безлунную зарыты,
Свет скользнул с шестого этажа,
Поднял конь железные копыта,
Тяжело и крупно задрожал...

А в кафе под звонкий лязг бокалов,
В глубине, у крайнего стола,
Облик мой – веселый и усталый –
Сонно вспоминают зеркала.

И никто не видел, как смущенно,
В опустевшей тихой темноте,
Там, на лестнице неосвещенной,
Притаилась плачущая тень.

С. 158. *Ездила вчера к рыжему* – См. комментарий к стр. 137 (к 6 марта 1928).

С. 160. *То, что было в пятницу, было в первый раз в жизни* – Это была «кома». Н.Н.Кнорринг вспоминал: «Некоторые осложнения этой болезни очень пугали. Ложная кома появлялась в результате несоответствующей дозы инсулина. Ирина теряла сознание [...] Несмотря на то что эти приступы повторялись довольно часто, – к ним невозможно было привыкнуть [...] Нельзя забыть, когда ночью нас с женой будили торопливые шаги босых ножек Игоря, который вбегал к нам в комнату с жуткими словами: “Бабушка, маме плохо!” Картина была обычная: Ирина лежала в полубессознательном состоянии, тяжело дышала, иногда стонала. И трудно было решить, какая это кома – настоящая или ложная? [...] Обычно через полчаса-час она начинала приходить в себя, а иногда приходилось вызывать карету скорой помощи или самим везти ее в госпиталь» (*Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери*, с. 60).

С. 166. *Загорелся [...] идеей возрождения Союза и издания альманаха* – Ю.Софиев на собрании 22 октября 1928 г. был избран председателем *Союза* (в правление также вошли Ю.Мандельштам, Н.Станюкович, В.Мамченко, Е.Майер и Б.Очередин). На собрании 8 марта 1928 г. «принято решение об издании альманаха произведений членов *Союза*». За два года работы Ю.Софиева было выпущено три поэтических сборника (всего вышло пять сборников).

С. 167. *«Кочевье» [...] паника у них была совершенно напрасна* – Многие из членов *Союза*, не покидая его, вошли в состав литературного объединения «Кочевье», созданного в 1928 г. М.Слоным (редактором журнала «Воля России»). Среди них: Г.Газданов, В.Андреев, А.Булкин, Б.Божнев, Б.Поплавский, М.Струве, Н.Городецкая, Б.Сосинский. Позднее сохраняют за собой членство в *Союзе* и молодые литераторы, вошедшие в созданный в 1930 г. В.Ходасевичем «Перекресток»: Ю.Терапиано, Ю.Мандельштам, И.Голенищев-Кутузов, Г.Раевский, В.Смоленский, Е.Шах и др. Такое поведение, объясняемое желанием быть опубликованным, привело, в конечном итоге, к развалу *Союза*, создаваемого когда-то молодыми литераторами с целью быть услышанными.

С. 168. *Стихотворение М.Струве «Свадьба»* – ПН, 1928, 30 октября, №2778, с. 3.

С. 168. *Ховину в «Звонарь»* – Литературно-художественный и юмористический журнал «Звонарь», редактор В.Р.Ховин, выходил в Париже в 1928 г. (вышло четыре номера).

С. 168. *Госпиталь в Villejuif* – Франко-русский хирургический госпиталь в Вильжуиф (под Парижем, департамент Val-de-Marne) был основан графиней Е.В.Шуваловой и доктором Ф.Е.Кресоном в 1921 г. на 30 больных (с 1936 г. действовал под эгидой РОКК). Среди ведущих специалистов хирург А.О.Маршак. В 1930 г. был открыт «Фонд им. А.О.Маршака» для бесплатного содержания неизлечимых больных в госпитале.

С. 169. *Говорить с интернами* – Интерном называли молодого врача, проходящего после защиты диплома практику в клинике или больнице.

1929

С. 173. *Станюкович привез «Возрождение», [...] заметка Гулливера о его книге* – Речь идет о рецензии В.Ходасевича (псевд. Гулливер) на книгу: Станюкович Н. Из пепла: Стихи. Париж: 1929 (Возрождение, 1929, 24 января, №1332, с. 3). В.Ходасевич называл стихи «искренними и трогательными», «красноречиво» говорящими «о молодом авторе, шофере такси, среди трудной работы

успевающим помнить о России и о своем военном прошлом». Между тем, советовал уделять больше внимания форме, поясняя, что «стихи – не дневник, не письмо к близкому человеку. Стихи – искусство, которое требует иногда поступиться “хорошими чувствами” ради законов самой вещи. Нельзя, чтобы стихотворение напоминало черновик, в котором много возможностей, но ничего еще не сделано» (это замечание, отчасти, можно отнести и к поэзии И.Кнорринг).

С. 174. *Сегодня «Кочевье»* – 31 января в Таверне «Дюмениль» состоялся первый «Вечер устных рецензий», организованный «Кочевьем». Предметом разбора были книги И.Эренбурга, В.Инбер, А.Мариенгофа.

С. 178. *Самая старая по времени диабетчица* – Врачи, современники И.Кнорринг, считали, что срок жизни, отведенный больным диабетом, – 13 лет с начала заболевания.

С. 180. *О чествовании Милюкова* – Речь идет о торжествах по случаю 70-летия П.Н.Милюкова. Был создан специальный «Комитет по чествованию П.Н.Милюкова». Торжественное заседание состоялось 3 марта в Институте Океанографии (195, rue St. Jacques), где были сделаны доклады с оценкой деятельности П.Н.Милюкова – как историка, учителя, политического и общественного деятеля. 4 марта в отеле «Лютеция» состоялся банкет с участием французских профессоров – Поля Буайе, Гастона Жеза, Луи Эйзенмана. Студенты чествовали П.Н.Милюкова во Франко-русском институте. Добавим несколько слов о другом юбилее П.Н.Милюкова, состоявшемся десять лет спустя (запись Н.Н.Кнорринга): «28 января 1939 г. Павлу Николаевичу Милюкову исполнилось 80 лет. Среди друзей и почитателей юбиляра возникла мысль ознаменовать “достойным образом это событие”. Был организован специальный Комитет под председательством А.И.Коновалова. Через некоторое время в зале РМОЗ было устроено заседание членов Комитета для обсуждения этого вопроса. Была высказана мысль ознаменовать это событие изданием каких-либо исторических работ Милюкова. Помнится, было выражено два предложения: одно – издать лекции по новой русской истории, читанные П.Н.Милюковым во Франко-Русском Институте, составляющие в оригинале 18 томов в клеенчатом переплете, второе – издать его дневники и вообще материалы какого-либо мемуарного характера по выбору самого Павла Николаевича. Через несколько дней после этого заседания я был приглашен А.И.Коноваловым в контору “Последних новостей”, где А.И. сообщил мне решение издать дневники Милюкова, и что для подготовки всего материала к печати выбор Павла Николаевича остановился на мне как, по его словам, переданным мне Коноваловым, на “наиболее подходящем для этой работы и приемлемом для него кандидате”.

Это лестное для меня предложение мною было принято, причем всю оплату моего труда издательство “Последних Новостей” брало на себя. Я незамедлительно приступил к работе» (Архив Русского Зарубежья Дома-музея Марины Цветаевой, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 61, л. 1).

С. 181. *Спросила о Сборнике* – О первом сборнике *Союза*. См. комментарий к стр. 197 (к 14 мая 1929).

С. 183. *Три стихотворения в «Новостях»* – ПН, 1929, 2 апреля, №2932, с. 3.

Стихотворения

I

Я не знаю, кто был застрельщик
В этой пьяной, безумной игре?
Чей холодный, темный и вещий
Силуэт на мутной заре?

Кто сказал слова о свободе?
Кто сменил свой убогий наряд?
Кто зажег в покорном народе
Непокорный и жадный взгляд?

И кому – в бездне ночи черной –
Черным призраком четко предстал
Нерушимый, нерукотворный
Окровавленный пьедестал.

1929

II

Будут ночи, сквозь плотные шторы
Бросать матовый свет фонари.
Будут ночи, стихи, разговоры,
Разговоры со мной до зари.

Станет солнце роднее и ближе,
Станет жизнь напряженья полна.
Над душой – над судьбой – над Парижем –
Настоящая будет весна.

Будет все прощено и забыто,
Даже дни этой цепкой тоски.
По исшарканным уличным плитам
Веселей застучат каблуки.

И в надежде святой и лучистой,
Побеждая смертельный испуг,
Упадут безнадежные кисти
Непривычно заломленных рук.

1929

III

Руки крестом на груди.
Полузакрыты глаза.
Что там еще впереди?
Солнце? Безбурность? Гроза?

Снится лазоревый сон,
Снится, что я не одна.
В матовой пене времен –
Сон, тишина и весна.

Больше не будет утрат,
Все для тебя сберегу.
Перекривится с утра
Тонкая линия губ.

Не уходи, подожди.
Знаешь, что будет потом? –
И неспроста на груди
Слабые руки крестом.

1928

С. 183. *Получила гонорар из «Перезвонов»* – В «Перезвонах» (1929, № 42, с. 1343) было напечатано стихотворение И.Кнорринг «Папоротник, тонкие березки...»:

Папоротник, тонкие березки,
Тихий свет, вечерний тихий свет.
И колес автомобильный след
На пустом и мгlistом перекрестке.

Ни стихов, ни боли, ни мучений.
Жизнь таинственно упрощена.
За спиной – лесная тишина,
Нежные, взволнованные тени.

Только позже, на лесной опушке
Тихо дрогнула в руке рука,
– Я не думала, что жизнь хрупка,
Как фарфоровая безделушка.

С. 183. *Харбин [...] Журналишка только уж больно паршивый и занимается предпочтительно перепечатками* – Речь идет о литературно-художественном журнале «Рубеж» (1927–1945, редактор М.Рокотов), с парижским корреспондентом которого, В.Н.Унковским, И.Кнорринг была знакома.

С. 188. *Вновь учрежденный кружок «Парнас» [...] Инициатива Терапиано* – И.Кнорринг желаемое выдает за действительное: кружок учрежден не был. Ю.К.Терапиано пишет: «В фешене-

бельном кафе “Клозри де лиля” (La Closerie des Lilas, угол 20, avenue Observatoire и 171, boulevard du Montparnasse – И.Н.) собирались последние “парнасцы” (участники школы Леконта де Лиля) под предводительством Жана Мореаса. Бывая в Париже перед войной, Гумилев, в честь Леконта де Лиля, устроил там свою штаб-квартиру. [...] Я занимался в то время французскими поэтами 19-го века, в особенности – “парнасцами” [...] Был период, когда по примеру Гумилева мы (с Ю.Мандельштамом – И.Н.) собирались образовать русскую парнасскую группу, но вскоре [...] началось разочарование в этих поэтах, много сделавших в свое время для поднятия поэтического уровня, но слишком внешних, лишенных метафизики. В начале тех же 30-х годов стало оформляться то течение, которое потом условно было названо “парижской нотой”» (Терапиано Ю. Встречи, с. 78–79, 100).

С. 189. *Утром теперь мне помогает [...] Жермэн* – Жермэн Жульен, умершей в сентябре 1932 г., И.Кнорринг посвятила стихи «Памяти Жермэн», ставшие памятником всем ушедшим сестрам по болезни (опубликовано: *Кнорринг И.* После всего, с. 47):

Памяти Жермэн

Был день, как день. За ширмой белой
Стоял встревоженный покой.
Там коченеющее тело
Накрыли плотной простыней.

И все. И кончились тревоги
Чужой неласковой земли.
И утром медленные дроги
В туман сентябрьский поползли.

Ну что ж? И счастье станет прахом.
И не во сне и не в бреду –
Я без волненья и без страха
Покорно очереди жду.

Но только – разве было нужно
Томиться, биться и терпеть,
Чтоб так неслышно, так послушно
За белой ширмой умереть?

20 февраля 1933

С. 192. *После рождения Игоря* – Игорь Софиев родился 19 апреля 1929 года, в пятницу, в 6 ¹/₂ часов вечера.

С. 195. *Заверну как-нибудь в американское одеяло* – Речь идет о вещевой помощи русским эмигрантам от ARC.

С. 197. *Получает массу подарков* – «Подарки» поступали как от частных лиц, так и от благотворительных учреждений. Игорь Софиев писал: «Первые 2–3 года я провел в кроватке, в которой до меня произрастал наследник русского престола Владимир Кириллович. Это была довольно просторная кроватка-манеж с бронзовыми боковинами, с блестящими набалдашниками...» («Тебе»: Жизнеописание и творчество И.Ю.Софиева, с. 121).

С. 197. *Вышел сборник Союза* – В первый сборник *Союза* («Сборник стихов. Париж. 1929. Выпуск 1. Союз молодых поэтов и писателей в Париже») были включены стихи В.Андреева, В.Гансон, А.Гингера, В.Дряхлова, Е.Калабиной, И.Кнорринг, Д.Кобякова, В.Мамченко, Ю.Мандельштама, Б.Очередина, Б.Поплавского, А.Присмановой, В.Смоленского, Ю.Софиева и Н.Станюковича. И.Кнорринг представлена стихами: «Все, что кануло в прошлом году...», «Я брошу всё: стихи, слова и строки...», «Я не знаю, что я люблю...», «И разве жизнь моя еще жива?...» и «Я плачу над пестрою маской...»

С. 197. *С Игрушкой что-то неладное* – Игрушка, Капелька – прозвища маленького Игоря Софиева.

С. 199. *После ругательной статьи Ходасевича в «Возрождении»* – Статья В.Ф.Ходасевича «Летучие листки» (Возрождение, 1929, №1458, 30 мая). Здесь и далее речь идет о рецензиях на вышедший первый Сборник *Союза*. 1 июня в *Союзе* состоялся «Вечер устных рецензий»; свои мнения о сборнике высказали: Г.В.Адамович, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, Г.А.Раевский, Н.Г.Рейзини, Ю.К.Терапиано.

С. 199. *Статья о Сборнике в «Новостях»* – Мочульского – Статья К.В.Мочульского «Молодые поэты» (ПН, 1929, №3004, 13 июня).

С. 203. *Юрий начал мыть стекла* – Позднее В.Н.Унковский писал: «Жутко слушать Юрия Софиева, который уже несколько раз чудом спасался от смерти. Он моет стекла около десяти лет, и все не удается переменить профессию. Его жена, поэтесса Ирина Кнорринг, больна диабетом, имеет ребенка и совершенно потому нетрудоспособна. [...] Софиеву приходится выбиваться из сил. Зимой, в стужу, он висит где-нибудь на головокружительной высоте. Дует ледяной ветер, пальцы замерзают, дыхание захватывает» (Рубеж, 1933, №31, с. 5).

С. 203. *После обеда работает еще* – Речь идет о предыдущем месте работы Ю.Софиева, в конторе братьев Варен – «Varène Frères», предприятие, торговавшее фарфором и фаянсом.

С. 204. *Были союзные деньги (присылали на сборник)* – Первый сборник *Союза* был издан на средства его участников. Тираж

хранился у Ю.Бек-Софиева по адресу: 13, rue Monsieur le Prince (См. «Якорь», 2005, с. 262).

С. 204. *«И третий сон: опять прозрачный вечер...»* – Строки из стихотворения Ю.Софиева.

С. 204. *Глетчер* – Ледяная река (ледник), спускающаяся по долине или по склону горы.

С. 205. *Храмы и каменщики надоели* – И.Кнорринг имеет в виду интерес Ю.Софиева к масонству. См. комментарий к стр. 235 (к 29 апреля 1931).

С. 206. С *«Совр<еменными> Зап<исками>»* тоже беда. [...] *Я была у Бунакова* [...] *Получено письмо от Цетлина* – И.И.Бунаков (Фондаминский) – соредaktor журнала «Современные Записки» (Париж, 1920–1940), М.О.Цетлин – редактор отдела поэзии этого журнала.

С. 206. *Чикагский «Рассвет»* – «Рассвет» (Н.-Й., 1924–1926; Чикаго, 1926–1940), еженедельная газета.

С. 207. *Достаточно мне было раскрыть сегодня газету* [...] *подпись: Илья Голенищев-Кутузов* – Стихи И.Голенищева-Кутузова опубликованы: ПН, 1929, 3 октября, №3116, с. 3.

С. 212. *Жаль, что я не была на том собрании* – Речь идет об отчетно-перевыборном собрании *Союза*, на котором Ю.Софиев был избран председателем.

С. 213. *«Никакой ты итальянец»* – Стихи обращены к Ю.К.Терапиано, названному «Тер-Апьянцем».

С. 213. *Доклад о сборнике на том вечере* – Речь идет о «Вечере устных рецензий» на второй сборник *Союза*, вышедший накануне. На вечере, состоявшемся 22 декабря, с критикой выступили Г.Адамович, Г.Иванов, Н.Оцуп, Б.Поплавский, Г.Раевский, Н.Рейзини, М.Слоним, Ю.Терапиано и Ю.Фельзен. Рецензию на сборник написали Г.Адамович («Молодые поэты» // ПН, 1930, 9 января №3214, с. 3), а также В.Ходасевич, высказавший пожелание, чтобы «вместо бесплодного скучания молодежь наша занялась изучением языка и его стиля» («Скучающие поэты» // Возрождение, 1930, 30 января). Во 2-й сборник *Союза* вошли стихи В.Гансон, А.Гингера, И.Голенищева-Кутузова, А.Дуракова, Е.Калабиной, И.Кнорринг, Д.Кобякова, В.Мамченко, Ю.Мандельштама, Д.Монашева, А.Присмановой, Ю.Рогалья-Левицкого, В.Смоленского, Ю.Софиева, Н.Станюковича, Е.Таубер, К.Халафова, Т.Штильман. И.Кнорринг представлена стихами: «Всегда все то же, что и прежде...» и «Награда».

С. 217. *Был вечер Союза* – Речь идет о вечере *Союза* 8 февраля. Ю.Мандельштам читал рассказ «Неудача», И.Голенищев-Кутузов – отрывки из драмы «Марко Королевич». Стихи читали И.Голенищев-Кутузов, А.Дураков (приехавший из Югославии), И.Кнорринг, Ю.Роголя-Левицкий, В.Смоленский, Ю.Софиев, Н.Станюкович, Е.Таубер, К.Халафов и Т.Штильман.

С. 218. *Меня, может быть, выберут в секретари* – На собрании *Союза* 22 марта 1930 г. И.Кнорринг была выбрана секретарем *Союза* и относилась к этой работе крайне серьезно. На этом же собрании в *Союз* были приняты Л.Ганский, Л.Кельберин и Л.Червинская.

С. 218. «Творчество», написанное с посвящением Юрию Софиеву и Юрию Терапиано – Опубликовано: *Кнорринг И.* Стихи о себе, с. 43. Двум Юриям посвящены также стихи «Вы строите большие храмы...» (там же, с. 39).

С. 218. *Ничего-то я не записала* – Из событий, не отмеченных в Дневнике И.Кнорринг, стоит выделить одно, не обошедшее стороной семью Кноррингов: 10-летие газеты «Последние Новости», сотрудниками которой были Николай Николаевич и Ирина. В день рождения газеты (27 апреля 1920 г. вышел первый номер газеты под редакцией М.Л.Гольдштейна) в отеле «Лютеция» состоялся банкет под председательством П.Н.Милюкова, с участием сотрудников и друзей газеты. К 10-летию газеты был издан юбилейный сборник со статьями, фотографиями и биографиями как сотрудников газеты, так и участников издательского процесса.

С. 219. *Недавно вышел сборник* – Речь идет о третьем сборнике стихов *Союза*. В нем представлены поэты: Л.Ганский, В.Гансон, И.Голенищев-Кутузов, В.Дряхлов, А.Дураков, Л.Кельберин, И.Кнорринг, Д.Кобяков, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, А.Присманова, В.Смоленский, Ю.Софиев, Н.Станюкович, Е.Таубер, К.Халафов, Л.Червинская, Т.Штильман. 24 мая в *Союзе* состоялся «Вечер устных рецензий», посвященный выходу сборника.

С. 220. *Юрия приглашают в «Числа»* – Сборник «Числа» выходил в Париже в 1930–1934, редакторы И.В. де Манциарли (№№1–4) и Н.А.Оцуп (№№1–10).

С. 220. *Объявили войну «Перекрестку»* – «Война» не была развязана, т.к. в «Перекресток» вошли друзья Ю.Софиева по Белградскому университету (И.Голенищев-Кутузов, А.Дураков, Е.Таубер, К.Халафов); кроме того, членов *Союза* объединял, главным образом, территориальный признак (проживание в Париже).

С. 221. По поводу издания юбилейного Сборника – Сборника по случаю 5-летия Союза (Сборника №4).

С. 221. В Сорбонне «День русской культуры» – Торжественное собрание по случаю «Дня русской культуры», организованное в Сорбонне, на этот раз было посвящено Санкт-Петербургу. В программе: слово председательствующего – профессора Омана, речи В.А.Маклакова и профессора Н.К.Кульмана; артистическая программа.

С. 221. Я не могла быть на собрании – 14 июня не было собраний – ни Союза, ни «Перекрестка».

С. 222. «Перекресток» устраивает вечер сегодня – На вечере «Перекрестка» 20 июня доклад о молодых поэтах сделал С.К.Маковский; свои стихи прочли И.Голенищев-Кутузов, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, В.Смоленский, Ю.Терапиано, Е.Шах.

С. 222. До неприличия восторженная статья Берберовой – Статья Н.Н.Берберовой «Перекресток» подписана псевдонимом *Ивелич* (ПН, 1930, 19 июня, №3375, с. 3), посвящена анализу стихов молодых поэтов, входящих в группу «Перекресток» (В.Смоленского, И.Голенищева-Кутузова, Т.Штильман, Е.Шаха, Ю.Терапиано), по случаю выхода в июне 1930 г. первого сборника группы.

С. 222. Скверная «Саламандра» – Название печки медленно сгорания.

С. 224. Адамович пишет [...] по поводу «Перекрестка» – В статье «Литературная неделя: “Перекресток”» (ИР, 1930, №30 (271), 19 июля, с. 22) Г.Адамович писал: «Молодые парижские поэты – довольно деятельны. Они устраивают вечера, – нередко интересные, – выпускают сборники. Десять поэтов (из Парижа: П.Бобринский, Д.Кнут, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, В.Смоленский, Ю.Терапиано; из Белграда: И.Голенищев-Кутузов, А.Дураков, Е.Таубер, К.Халафов – *И.Н.*) издали сборник “Перекресток”. Объединение их в этом сборнике не случайно. Они все немножко друг на друга похожи, все друг другу подражают. Из них надо выделить Терапиано, Смоленского, некоторых других. Стихи недурны. Но большей частью это не столько поэзия, сколько “красивые вещицы”, безделушки из “Галери Лафайет”. Подозрительна гладкость, подозрительна гармония в этих стихах. Слишком дешево все это далось нашим молодым авторам. Если их желания ограничиваются тем, чтобы стать средне-культурными и средне-приятными стихотворцами – они к цели близки. Но они жестоко ошибаются, если думают, что таков же путь и такова же цель поэта».

С. 224. Безделушки из «Галери Лафайет» – В парижском магазине Galeries La Fayette (40, boulevard Haussmann) витрины

оформлены движущимися механическими игрушками, куклами, машинками, представляющими феерии, сценки из сказок или эффектные бытовые картинки.

С. 225. *Цветы от Наташи из Канн* – Речь идет о Наташе Кольнер.

С. 225. *Борис Александрович. Арендовал со знакомым ферму* – Речь идет о приятеле-однополчанине Б.А.Бек-Софиева – Иннокентии Пипко (Кеше).

С. 226. *Пишу статейки в «Рассвет» [...] Напечатана только одна, о «Перекрестке» [...] Отослала о 4-м Сборнике* – Речь идет о рецензиях И.Кнорринг в рубрике «Молодая поэзия за рубежом», написанных под псевдонимом «И.Бек»: «“Перекресток”. Париж. 1930» (Рассвет, 1930, 13 сентября, №216, с. 3) и «4-ый сборник стихов Союза Молодых Поэтов» (Рассвет, 1930, 8 декабря, №288, с. 5). Добавим, что в Сборниках Союза №4 и №5 И.Кнорринг не участвовала.

С. 226. *Вышел 4-й сборник* – В четвертом сборнике Союза представлены поэты: Л.Ганский, В.Гансон, В.Дряхлов, А.Дураков, Л.Кельберин, С.Красавина, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, В.Смоленский, Ю.Софиев, Н.Станюкович, Е.Таубер, К.Халафов, Л.Червинская, Т.Штильман. Добавим, что в 1931 г. вышел последний, пятый сборник Союза. В нем представлены стихи А.Берлин, Н.Бухарского, Н.Васильчиковой, Л.Ганского, А.Гингера, В.Дряхлова, Б.Заковича, С.Красавиной, В.Мамченко, Ю.Мандельштама, О.Мими-Вноровской, И.Никонова, А.Присмановой, В.Рубинштейна, В.Смоленского, Е.Таубер; проза Б.Очередина, Т.Штильман и В.Яновского; раздел «Библиография».

С. 227. *Заявление в Союз* – Заявление о выходе из Союза. Добавим, что 4 и 6 декабря состоялись общие собрания Союза, посвященные «сегодняшнему моменту» и выборам. В состав нового правления вошли В.Смоленский (председатель), Т.Штильман (секретарь) и В.Дряхлов (казначей); в ревизионную комиссию – В.Яновский, Ю.Мандельштам и Д.Монашев.

С. 228. *Вырезка из газеты «Последние Новости»* – Текст объявления, помещенного в разделе «Хроника»: «Из Союза молодых поэтов и писателей вышли Юрий Софиев, Ирина Кнорринг, Н.Станюкович, Л.Кельберин и Л.Червинская» (ПН, 1930, 18 декабря, №3557, с. 4).

С. 231. *При Станюковиче и его кузене* – Речь идет о Н.В.Станюковиче и Е.Ф.Станюковиче.

С. 231. *У Заковских (Краевича)* – Видимо, речь идет о том, что Заковские снимали квартиру у Краевичей или были с ними в родстве.

С. 233. Два моих стихотворения сданы в набор – «Два стихотворения» опубликованы: ПН, 1931, 19 февраля, №3620, с. 3.

Два стихотворения

I

Печального безумья не зови.
 Уйдем опять к закрытым плотно шторам,
 К забытым и ненужным разговорам
 О вечности, о славе, о любви.

Пусть за стеной шумит огромный город, –
 У нас спокойно, тихо и тепло,
 И прядь волос спускается на лоб
 От ровного и гладкого пробора.

Уйдем назад от этих страшных лет,
 От жалких слез и слов обидно колких,
 Уйдем назад – к забытой книжной полке,
 Где вечны – Пушкин, Лермонтов и Фет.

Смирить в душе ненужную тревогу,
 Свою судьбу доверчиво простить,
 И ни о чем друг друга не просить,
 И ни о чем не жаловаться Богу.

II

И вовсе не высокая печаль,
 И не отчаянье сдвинуло брови...
 Весь вечер пили, долго пили чай,
 И долго спорили о Гумилеве.

Бросали столько безотчетных слов,
 – Мы спорили с азартом и без толку.
 Потом искала белый том стихов,
 Повсюду – на столе, в шкафу, на полках.

И не нашла. И спорили опять.
 Стихи читали. Мыкались без дела.
 И почему-то не ложились спать,
 Хоть спать с утра мучительно хотелось.

День изо дня – и до каких же пор?
 Все так обычно, все совсем не ново.
 И этот чай, и этот нудный спор
 О Блоке и таланте Гумилева.

1930

С. 233. *«И вовсе не высокая печаль...», напечатанное в сентяб-
ре* – Опубликовано: ПН, 1930, 11 сентября, №3459, с. 3. Текст
стихотворения см. предыдущий комментарий.

С. 233. *Мую статью о втором «Перекрестке»* – См. коммен-
тарий к стр. 226 (к 20 ноября 1930).

С. 234. *Издаю сборник* – Речь идет о первом поэтическом сбор-
нике И.Кнорринг «Стихи о себе» (Париж: Типография «Паскаль»,
1931).

С. 234. *Расшевелился и Папа-Коля* – Н.Н.Кнорринг писал, что
к 1931 г. у Ирины «образовалась определенная манера, сложи-
лась своя поэтическая физиономия, которую знали читатели», и
выпуск сборника «был бы проявлением ее поэтической зрелос-
ти». Он вспоминает: «Нужно было прежде всего устроить мате-
риальную сторону этого дела. [...] Юрий сделал копилку из ка-
кой-то коробки, в дырочку которой можно было бросать деньги.
Копилка имела успех. Обычно туда опускалась мелочь, но попа-
дали и крупные бумажки. Через несколько месяцев ее вскрыли,
и в ней оказалось несколько сот франков. Торжественно отнесли
эти деньги в издательство “Москва”, магазин которого (фирма
Н.Карбасникова и Бреннера) находился недалеко от нашего оте-
ля (адрес магазина, конторы и склада издательства 9, rue
Dupuytren – И.Н.). Копилка, которую тоже захватили с собой,
произвела большое впечатление на Бреннера, заведовавшего ма-
газином, он и оказался издателем книги Ирины. Он предложил
очень выгодные условия: внести 800 франков, а остальные в дол-
госрочный кредит – по мере распродажи. Книга в 4 печ<атных>
листа в 300 экземпляров, причем 50 нумерованных на люксовой
бумаге. Цена – 5 фр<анков> и 25 фр<анков>. Начались дни ве-
селые, возбужденные, с подбором текста и т. д. Очень удачную
обложку сделал художник Гладкой (этот тип обложки остался и
для других книг Ирины). Бумагу пришлось купить нам самим,
причем нумерованные экземпляры были напечатаны на меловой
бумаге. 12 марта 1931 г. рукопись была сдана в печать, и через
месяц первые 15 экземпляров были у автора». Н.Н.Кнорринг
делает важное заключение: «С выходом книги у Ирины как буд-
то кончилась [...] ее литературная суета» (Кнорринг Н.Н. Книга о
моей дочери, с. 87).

С. 234. *Карбасников [...] разорился, ничего не издает* – Речь
идет о товариществе «Н.П.Карбасников», возглавляемом сыном
основателя издательства Н.Н.Карбасниковым.

С. 235. *Ладинский прислал-таки мне свою книжку* – Речь идет
о книге: Ладинский А. Черное и голубое: Стихи (Париж, Современ-
ные записки, 1931).

С. 235. *Юрий вступает в масонскую ложу* – Ю.Софиев был членом ложи «Юпитер», он вспоминал: «В маленьком и тесном эмигрантском кругу, да еще в его “левом” секторе – все мы постоянно сталкивались. По понедельникам М.Осоргин, член ложи “Северная звезда”, кроме “братьев”, приглашал и “литературную молодежь”. Там бывали А.Ладинский, В.Андреев, Б.Закович и др. [...] Беседы велись на “душеспасительные масонские” темы, которые очень скоро всем надоедали, уступая место [...] литературным событиям. [...] Татьяна Алексеевна приготавливала чай, бутерброды и удалялась в свою комнату» (из воспоминаний Ю.Софиева. Архив Софиевых-Кноррингов).

С. 235. *Будет его посвящение в 1-й градус* – Градусы отражают степень «прогресса человеческой души». «Объятый тьмой, слепой, входит он (человек – И.Н.) в храм; добирается до места учения и, шаг за шагом, проторяет дорогу к свету; затем воскрешается из мертвых и [...] вступает в великое сообщество мастеров каменщиков, которые являют собой выражение на Земле божественной общности, наличествующей в Ложке Всевышнего» (Фостер Бейли. «Дух масонства», 1999).

С. 235. *В четверг рецензия Адамовича* – Г.В.Адамович в обзоре «Литературные заметки» писал (ПН, 1931, 30 апреля, №3690, с. 3):

«У Ирины Кнорринг бесспорно есть поэтическое дарование, видна у нее и хорошая литературная выучка. Она еще не вполне избавилась от влияния Ахматовой, – особенно в приемах, манере и интонации стихов о любви, – но это общая судьба всех молодых поэтесс последних пятнадцати лет: они объясняются со своими возлюбленными на языке “Четок” и “Подорожника”. Самое приятное в стихах Кнорринг – их простота (в особенности замечная, если читать ее сборник непосредственно после книги Бакуниной). Никакой поэмы в этих стихах, никакой «ходульности». Автор нигде не повышает голоса и не обманывает читателя, выдавая словесную шумиху за внутренний пафос. Пафоса у Ирины Кнорринг нет, она это знает и, по литературной честности своей, старательно это подчеркивает. Ее книга называется “Стихи о себе”. Без всякой иронии и без желания сказать что-либо, для талантливой поэтессы обидное, их можно было бы назвать “стихами ни о чем”. В этих изящных, стройных, чуть-чуть анемичных строфах еще нет жизни: есть только предчувствие ее. Но такое душевное состояние многим знакомо; поэтому стихи Кнорринг и выражают нечто реальное, и, будучи «ни о чем», они не бессодержательны, – отнюдь нет. “Пишу стихи о пустоте и скуке”, – признается Ирина Кнорринг. А в другом стихотворении мечтает о недоступном ей восторге, которым “захлебнулась бы грудь”.

Так, чтоб в душе, где было пусто,
Хотя бы раз, на зло всему,
Рванулись бешеные чувства,
Не подчиненные уму.

На книжке этой есть печать эмиграции, или, вернее, – так называемых “эмигрантских будней”. Это и не удивительно. Человек живет не вне времени и пространства. Если и прежде были люди, которые тосковали от невозможности понять, зачем они утром встают, едят, ходят по улицам, разговаривают, думают, влюбляются, скучают, ложатся вечером спать, – и так изо дня в день, – то здесь, в теперешних наших условиях, число их не могло не увеличиться. Они вправе найти свою поэзию».

С. 235. *Рецензия в «Новой газете»* – «Новая газета», 1931, №5 («Новая газета» – двухнедельник литературы и искусства, издатель М.Л.Слоним, Париж, 1931, №№1–5).

С. 236. *Посвящение «Двум Юриям»* – См. комментарий к стр. 218 (к 19 марта 1930).

С. 238. *Пошли искать Юрия в Coupole* – La Coupole («Башня») – известное кафе Монпарнаса (102, boulevard du Montparnasse).

1932

С. 241. *«Когда, скользя, обхватит шею....»* – Из стихотворения «Я знаю, как печальны звезды...» (Кнорринг И. Окна на Север, с. 16).

С. 242. *Два раза была [...] у Ходасевича* – Т.е. на собрании «Перекрестка».

С. 243. *Из Bougelé все казалось иначе* – В Бужле (местечко в 50-ти км от Парижа) И.Кнорринг с сыном провела несколько летних месяцев 1932 г. Их пригласил И.Н.Голенишев-Кутузов, приехавший в Париж с женой и сыном Лариком (с целью защитить докторскую диссертацию в Сорбонне) и снявший домик на лето. Игорь Софиев, которому было тогда три с половиной года, помнит: «Помню, как мы с матерью ходили гулять по лугам, усыянным разноцветными полевыми цветами, и играли с ней в мяч... Недалеко от нашей деревушки находилось поместье Блиновых. [...] О судьбе самого Блинова я ничего не знаю, а жену его, уже глубокую старушку, тоже эсерку, я хорошо помню. Она жила в Париже в небольшой квартире неподалеку от нас... Мы с матерью, живя в Бужле, довольно часто навещали Ольгу Александровну (старшую дочь Блиновых – И.Н.) [...] Помню: собралась там русская компания, пили чай с вареньем, и мать попросили прочитать стихи. Под ее чтение я как всегда заревел – интонация ее

голоса наводила на меня какую-то нежную, неотвратимую грусть. Меня с полуироничными улыбками стали утешать, и кто-то принялся усиленно кормить вареньем» («Тебе»: Жизнеописание и творчество И.Ю.Софиева, с. 64–65).

С. 243. *С ней* (с Е.А.Кутузовой – И.Н.) *связана у меня целая эпоха* – Е.А.Голенищевой-Кутузовой посвящен цикл стихов «Ветер» (*Кнорринг И.* Окна на Север, с. 20–21), передающий через вечно тревожное состояние поэтессы штрихи жизни в Бужле:

...Навеки – вот эти обои,
Тарелки на круглом столе,
И небо – такое седое –
Над ширью несжатых полей.
За садом – мычанье коровы,
И в дымчатых тучах закат.
А крики мальчишек в столовой –
Из мира иного звучат.
Растерянность в каждом ответе,
Удушливый дым папирос.
Да ветер, озлобленный ветер,
Как с цепи сорвавшийся пес.

1932

С. 243. *Только Ларика терпеть не могу* – И.Софиев вспоминал: «Наше пребывание в Бужле кончилось, можно сказать, трагически. Ларик, совершенно не помню за что, ударил меня лопаткой по носу. Вид у меня после побоища был, по-видимому, впечатляющий: все лицо в крови, и орал я, конечно, как ошпаренный. Мать страшно перепугалась, решила, что у меня перебит нос [...] и буквально на руках тащила меня (транспорта, по-видимому, никакого в округе не было) 6 километров пешком до какого-то ближайшего городка в местную больницу. Как оказалось, ничего страшного не произошло, но шрам на носу остался у меня на всю жизнь. Но, несмотря на столь “трагический” финал, наш маленький дом, поместье Блиновых, пшеничные поля, коровы, плетущиеся по грунтовой дороге, и колокольный звон по вечерам оставили в моей памяти неизгладимое впечатление какой-то радости, теплоты и полноты жизни» («Тебе»: Жизнеописание и творчество И.Ю.Софиева, с. 66).

С. 244. *Вчера Юрий ходил в ложу «Гамаюн» повидать [...] Матвеева, с которым они налаживают издательство* – Возможно, это не была истинная причина визита. Известно, что в масонские ложы в предвоенное время были внедрены члены Союза возвращения на Родину. В 1932 г. много «молодежи» вошло в ложу «Северная Звезда». Масонами «стали» будущие репатрианты А.П.Ладинский, В.Б.Сосинский, С.Я.Эфрон.

С. 244. *С Матвеевым [...] мы будем издавать журнал типа «Звена»* – Идея не была реализована.

С. 245. *От вчерашнего собрания осталась какая-то горечь* – Речь идет о годовом отчетно-перевыборном собрании Объединения писателей и поэтов. В 1931 г. Ю.Софиев вошел в состав Объединения писателей и поэтов и был в правлении, а потом и председателем.

ТЕТРАДЬ XII

1933

С. 248. *Иван Болдырев, автор «Мальчиков и девочек»* – Повести «Мальчики и девочки» (опубликована: «Воля России», 1928, №№7, 10–11), рассказывающей о жизни советской школы в 1918–1919 гг., было посвящено собрание «Кочевья» 15 января 1930 г. В 1929–1930 гг. Иван Болдырев не раз участвовал в собраниях объединения, но это был единственный вечер, посвященный его творчеству. О писателе слово произнес Гайто Газданов.

С. 248. *«В столовой нашей желтые обои»* – Стихотворение Ю.Софиева опубликовано: «Современные Записки», 1933, книга 52, с. 192.

С. 249. *Herouville* – Местечко Эрувиль, где в имении Б.А.Подгорного не раз проводили лето Софиевы-Кнорринги, находится в департаменте Val d'Oise, чуть севернее Pontoise.

С. 251. *Ехать в деревню в самом разгаре сезона* – Речь идет о русских балетном и оперном сезонах, проходивших в Théâtre du Châtelet (Театре Шатле). 8–30 июня проходили гастролы Русского балета Монте-Карло (дирекция Рене Блюма и В. де Базиля); 7 июне–1 июля – спектакли Русской оперы, нового предприятия, образованного в январе 1933 г. под руководством М.Э.Кашука. В репертуаре оперы: «Борис Годунов» М.П.Мусоргского, «Князь Игорь» А.П.Бородина, «Пиковая дама» П.И.Чайковского и «Царская невеста» Н.А.Римского-Корсакова. Хочется отметить также июньские гастролы Пражской группы МХТ (в Théâtre Moncey) и труппы «Балет 1933», созданной Б.Кохно и Г.Баланчиным (в Théâtre des Champs-Élysées).

С. 252. *Пришли Тверетиновы* – Юрия Софиева и Александра Тверетинова связывала многолетняя работа в Союзе возвращения на родину. Ю.Софиев писал: «Французская полиция собиралась арестовать его, обвиняя в советской пропаганде. Он исчез. Осталась жить в Париже, скрываясь, Сара Тверетинова [...] и в 1946 г. приходила к нам в «Советский Патриот» в форме старшего лейтенанта медицинской службы Советской армии» (Софиев Ю. Разрозненные страницы, с. 77).

С. 252. *Совсем билибинские тона* – Художник И.Я.Билибин создал особый, «билибинский» стиль, в основе которого – стилизация элементов народного декоративно-прикладного и древнерусского искусства. В рисунки вплетены мотивы сказок, былин; тона рисунков – густые и насыщенные, но мягкие и теплые – находят-ся в полной гармонии с их содержанием. Ю.Софиев, приятельствующий с художником, вспоминает, что тот называл себя «попи-ком», бескорыстным «священнослужителем искусства». Он так-же помнит одну из многочисленных книжек с иллюстрациями Билибина (возможно, из детской библиотеки своего сына Игоря): *Roche-Mazon J. Contes de la Couleuvre*. Париж: 1932 (на фр. яз.) – «Сказки ужихи» («Разрозненные страницы», с. 122; в этой пуб-ликации допущена ошибка: книга названа «Сказки избы»).

С. 254. *Народу понаехало много, кроме обычных* – «Обычны-ми», завсегдатаями Эрувиля, были (кроме семьи самого Подгор-ного) члены Союза возвращения на родину: Тверетинов, Левин, Кобяков, Ружин (архив Софиевых-Кноррингов). Добавим, что не-обходимость пребывания в усадьбе Подгорного, одном из очагов Союза, для Ирины была тягостна. Ее муж всё теснее сходил-ся с членами Союза, особенно в 1936–1938 гг., во время формиро-вания Интернациональных бригад для отправки в Испанию, куда Ю.Софиев страстно хотел ехать. Он писал: «Когда Ира случайно нашла записку уехавшего Эйснера к Левину, секретарю Союза воз-вращения на Родину, где он пишет, что “тов<арист> Софиев впол-не наш, но в настоящее время он не может ехать в Испанию, т.к. у него очень серьезно больна жена, а он единственный источник ма-териального существования, но если он сможет, то обязательно ус-тройте его отъезд”, – Ира пришла в ярость» (из воспоминаний Ю.Софиева, архив Софиевых-Кноррингов). Заметим, что Ю.Софи-ев называет *секретарем* Союза возвращения на родину Левина. Согласно другим источникам (Шенталинский, Кудрова) в годы формирования Интербригад в Испанию эту должность занимал Е.В.Ларин (псевд. Климов). Именно в усадьбе Подгорного И.Кнор-ринг в 1933 г. написала характерные для нее стихи, полные непо-нимания действительности и отчуждения от нее:

Однажды, случайно, от скуки
(Я ей безнадежно больна)
Прочла я попавшийся в руки
Какой-то советский журнал.

И странные мысли такие
Взметнулись над сонной душой...
– Россия! Чужая Россия!
Когда ж она стала чужой?

Эрувиль, 1933

(Цит. по: «Простор», 1962, №6, июнь, с. 44).

С. 255. *Про «Сатира» [...] «Парижские ночи»* – Речь идет о вышедших в Париже книгах Довида Кнута: поэме «Сатир» (Париж: Монастырь муз, 1929) и сборнике стихов «Парижские ночи» (Париж: Родник, 1932).

С. 256. *«Зачем меня девочкой глупой...»* – См. комментарий к вступ. статье (т. 1, стр. 555).

С. 256. *Некто Валериан Николаевич [...], его жена, типичная московская купчиха [...], дочка Татьяна* – Речь идет, судя по всему, о Валериане Эдуардовиче Гревсе, его дочери Татьяне и его третьей жене – Елене Исаакиевне (урожд. Достоваловой). О последней читаем: «Была типа кустодиевских красавиц, [...] с очень маленькими и изящными ногами и руками, со светло-пепельными волосами, причесанными на гладкий пробор, с прекрасным нежным цветом лица и серо-голубыми глазами... Походка, говор, манера сидеть за столом и есть с видимым удовольствием вкусные вещи и [...] особенно пить хорошее вино, нечто наглое в будто скромном ее облике давали ей особенную “земную” привлекательность. Она или покоряла навеки мужчин, причем сразу же, в первый момент, [...] или же, наоборот, могла вызвать самые неприязненные к себе чувства, и тоже бесповоротно» (*Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Глава «В.Э.Гревс, его жены и дети», http://lit.lib.ru/k/kriwoshein_n_i/nk-6.shtml).

С. 257. *Вдова из Ниццы* – Не удалось выяснить, о ком идет речь.

С. 258. *Прибавьте к этому туберкулезного больного* – Речь идет об отце Юрия – Б.А.Бек-Софиеве.

1934

С. 261. *Подводить итог целому году* – Данной записи предшествует год молчания. Желание продолжить дневниковые записи продиктовано, вероятно, «встряской» Ирины, связанной с тем, что осенью 1934 г. она готовила стихи и автобиографию к антологии русской зарубежной поэзии. В двух номерах газеты «Последние новости» было опубликовано заявление ко всем лицам, печатавшим в зарубежье свои стихи и выпускавшим их отдельными книжками, с просьбой прислать свои стихи не позднее 15 октября одному из составителей будущей антологии – М.Л.Кантору. Какое название дать антологии? Самое лучшее «После России» – считает Г.Адамович, добавляя: «Если бы не Цветаева» (М.Цветаева выпустила книгу стихов «После России»: 1922–1925 – Париж, 1928). Подробнее см. «Якорь», 2005, с. 259–260. Антология получила название «Якорь», восходящее к строке Е.Баратынского «Якорь – надежды символ» («Пироскаф», 1844):

...Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С. 261. *Врусскую воскресную четверговую школу на <бульвар> Montparnasse, 10* – Речь идет о воскресно-четверговой школе РСХД. В том же помещении находилась движенческая Введенская церковь. Председателем РСХД был Ф.Т.Пьянов, казначеем – М.Е.Миллер, за работу в провинции отвечала Е.Ю.Скобцова (мать Мария).

С. 262. *25 апреля умер Борис Александрович* – Б.А.Бек-Софиев, много лет страдавший туберкулезом, умер в госпитале Бруссе под Парижем, похоронен в Тье (кладбище Thiais находится к юго-востоку от Парижа, в департаменте Val-de-Marne).

С. 263. *Были [...] несколько Юриных сослуживцев по армии* – Сослуживцы Ю.Софиева – они же сослуживцы его покойного отца по конной артиллерии (среди них А.Войцеховский, И.Пипко).

С. 264. *В колонию Земгора в Эленкур* – Детская летняя колония Земгора размещалась в местечке Elincourt-Sainte-Marguerite (департамент Val d'Oise, близ Монморанси, к северо-западу от Парижа), в помещении русского приюта под названием «Голодная Пятница». Колония была одним из 65-ти учреждений, находящихся на содержании Земгора (единовременно около 6000 русских детей содержал Земгор). Средства в пользу летних колоний (лагерей) жертвовались частными лицами, собирались в ходе благотворительных мероприятий – концертов, ярмарок, традиционного весеннего бала с участием популярных артистов и писателей. Помощь оказывали местные муниципальные власти.

С. 266. *Убийство в Марселе короля Александра* – План убийства короля Югославии Александра I, истинного друга России, защищавшего интересы российских эмигрантов, и министра иностранных дел Франции Луи Барту имел название «Тевтонский меч»; он был разработан верхушками фашистских стран – Германии и Италии – и осуществлен 9 октября хорватскими националистами.

С. 266. *На диспуте о писательском съезде* – 7 октября Союз русских писателей и журналистов организовал диспут, посвященный Первому съезду советских писателей в Москве (17 августа – 1 сентября). Вступительное слово сказал председатель Союза Б.К.Зайцев, с докладом выступил о. Константин (К.И.Зайцев); в диспуте участвовали В.В.Вейдле, М.Л.Слоним, В.Ф.Ходасевич и другие.

С. 266. *Познакомилась я с ним [...] в Наполи* – Кафе Napoli.

С. 267. *Юрий считает идеалом свою мать* – Мать Ю.Софиева – Л.Н.Бек-Софиева.

С. 268. *На каком-то большом вечере Объединения* – 3 ноября состоялся первый в сезоне вечер Объединения писателей и поэтов, «посвященный стихам 1934 г.». Приглашены поэты: Г.Адамович, К.Бальмонт, Л.Ганский, З.Гиппиус, В.Злобин, Г.Иванов, Д.Кнут, А.Ладинский, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, Д.Мережковский, И.Одоевцева, Н.Оцуп, Б.Поплавский, Г.Раевский, В.Смоленский, Ю.Софиев, П.Ставров, Ю.Терапиано, В.Ходасевич, М.Цветаева, Л.Червинская. И.Кнорринг не была указана в числе анонсируемых участников.

С. 268. *Вчера была на докладе Эренбурга* – Речь идет о докладе И.Эренбурга, участника Первого съезда советских писателей в Москве.

С. 269. *Царевококшайск и статья Адамовича* – Речь идет о статье Г.В.Адамовича «Поэты здесь и там» (ПН, 1934, №4963, 25 октября, с. 2).

С. 269. *В «Пассях»* – В парижском районе Passy проживали писатели И.С.Шмелев, Б.К.Зайцев, И.А.Бунин.

С. 269. *В «Волю России» он (М.Л.Слоним – И.Н.) меня так и не пустил* – М.Л.Слоним был одним из редакторов еженедельника (позднее: ежемесячника политики и культуры) «Воля России» (Прага, 1920–1932).

С. 270. *Позвал меня в Доминик пить водку* – В ресторане Dominique (19, rue Bréa, 6e), хозяином которого был театральный критик Л.А.Аронсон (псевдоним Доминик), посетителям подавали «по русскому обычаю» рюмку водки с соленым огурчиком.

С. 272. *Четверговой доклад Адамовича* – 8 ноября Г.В.Адамович выступил с докладом «Литература в 1934 году».

С. 273. *Вчерашний доклад Слонима* – 29 ноября состоялся доклад М.Л.Слонима «Советская литература и эмиграция». Его тезисы: Споры о советской литературе. Что писали критики эмиграции за последние десять лет. Эволюция или сдача позиций. Основные черты советской литературы. Возможна ли плановая литература. Пути эмигрантских писателей. После доклада – прения.

С. 274. *Она (Елена Ивановна – И.Н.) доклад читала в РДО* – 28 ноября Е.И.Унбегаун прочла в РДО доклад на тему: «Советские писатели и политика компартии».

С. 274. *«Воображаемый роман»* – О «воображаемом романе» написано стихотворение, посвященное М.Л.Слониму и названное «Измена» (*Кнорринг И.* После всего: Стихи 1920–1942 гг., с. 97).

С. 277. *Пропустил Тургеневскую елку* – Речь идет о детской «елке» в Тургеневской библиотеке, состоявшейся 25 декабря 1934 г. На протяжении многих лет Библиотека была культурным очагом «русского Парижа». Работавший там Н.Н.Кнорринг читал в стенах Библиотеки лекции по истории и с ранних лет водил на «елки» внука. Анонс, написанный им однажды, рассказывает о том, как проходили «елки»: «3-го января на rue Blanche (Зал Общества гражданских инженеров, 19, rue Blanche, 9e – *И.Н.*), как многие годы перед этим, будет зажжена елка Тургеневской Библиотеки. У входа в знакомый зал малыши озабоченно вытаскивают билетик и, бережно зажав его в кулачок, поднимутся наверх и там получают подарки. Спустившись в зал и заняв первые ряды кресел, увидят, как раздвинется занавес и появится “Рождественский Дед”... Их старый друг, Саша Черный, написал для этого случая специальную пьесу. Затем замелькают краски разноцветных костюмов в балете учениц артистки Императорских театров г-жи Нестеровской. Потом раскроется чудесный чемодан “Бродячего Петрушки”, и будут приветствовать публику и знатные иностранцы, и пекарь с трубочистом, и рязанская баба Акулина Ивановна... Но это еще не всё. После спектакля в зале составятся стулья и, под звуки маленького оркестра, будут танцы и игры возле елки. Кроме того, сколько интересных вещей можно будет выиграть в лотерею!.. У Тургеневской Библиотеки много друзей, и она надеется, что кто-кто, а уж дети – Тургеневскую елку не забудут» (*Кнорринг Н.Н.* Елка Тургеневской библиотеки // Последние Новости. Париж, 1930, 3 декабря, №3569).

С. 277. *Пропустил... сцену у Тани* – Вероятно, речь идет о традиционной елке в доме Унбегаунов. Игорь Софиев дружил с *Таней* Унбегаун, вместе с ней посещал воскресно-четверговую школу РСХД.

1935

С. 279. *Поехали на Петель* – Речь идет о Трехсвятительском подворье Московского патриархата (адрес подворья: 5, rue Pétel), основанном в 1931 г. епископом Вениамином (Федченковым).

С. 279. *Старый священник, с крестом на георгиевской ленте* – Речь идет о настоятеле Трехсвятительского подворья о. Афанасии (Нечаеве).

С. 280. *Игорь начал брать уроки музыки на скрипке* – На скрипке играл дед Игоря – Н.Н.Кнорринг. С ранних лет приобщая внука к музыкальной культуре, он брал Игоря на выступления парижского

струнного квартета, организованного П.Н.Милюковым, в котором играл вторую скрипку, и на другие свои выступления, а также водил в Русскую консерваторию в Париже.

С. 281. *Дудки! Не пойду!* – В Дневнике наклеено объявление из газеты «Последние Новости» о том, что 9 марта Объединение писателей и поэтов устраивает «Собеседование о критике».

С.282. *От всего этого осталось впечатление чего-то хорошего* – В Дневнике наклеено объявление о защите диссертации Б.Г.Унбегауном. Защита состоялась в Сорбонне 30 марта. Темы: «Русский язык XVI века» и «Возникновение литературного языка у сербов». Жюри в составе профессоров Л.Эйзенмана, Ж.Легра, П.Буайе, А.Мазона и Р.Вайяна признало Б.Г.Унбегауна достойным степени доктора с почетным отзывом «Mention très honorable» – «Достоин наивысшей оценки».

С. 282. *Ел<ена> Ив<ановна> [...] скоро ушла с Таней* – Речь идет о Е.И. и Татьяне Унбегаун.

С. 283. *Шли «Господа Головлевы»* – Фильм по мотивам романа М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». В советском прокате шел под названием «Иудушка Головлев» (1933), режиссер А.Ивановский. Г.Адамович, ведущий еженедельные обзоры парижского синематографа, в рецензии на фильм отмечал, что Андре Жид – автор французского текста – стремился облегчить для зрителя «щедринский стиль» (Адамович Г. «Господа Головлевы» // ПН, 1935, 5 апреля, №5125, с. 4). Добавим, что фильм шел только в двух кинотеатрах – «Бонапарт» и «Агрикультур». И.Кнорринг и Б.Унбегаун, судя по всему, смотрели фильм в кинотеатре «Бонапарт» (76, rue Bonaparte).

С. 284. *Игоря – в Красный Крест к Гуфнагелю* – Речь идет о второй Русской амбулатории РОКК, открытой в 1934 г. по адресу: 6-bis, rue Auguste-Vitu. Среди специалистов был доктор Л.Гуфнагель. Заведующая О.В.Толли-Костедоа.

С. 284. *Получив подобный пневматик* – Речь идет о приглашении на очередной «четверг» к Унбегаунам.

С. 285. *Папе-Коле [...] на банкет РДО* – Речь идет о банкете, сопровождавшем совместное заседание РДО и республиканско-демократической группы «Партии народной свободы», состоявшееся 14 мая. Говоря о деятельности Н.Н.Кнорринга в РДО, добавим, что 12 мая он председательствовал на годовичном отчетно-выборном собрании РДО, а 17 июля делал в РДО доклад на тему: «Педагогика и политика».

С. 285. *Желание его (Б.Г.Унбегауна – И.Н.) увидеть [...] Бегала в Институт* – Речь идет о Славянском институте (Institut

d'Etudes Slaves, 9, rue Michelet), в котором Б.Г. Унбегаун заведовал библиотекой.

С. 287. *Начала работать в библиотеке Народного университета* – В 1935 г. Русский народный университет и его библиотека находились по адресу: place du Palais Bourbon.

С. 288. *«Сижу за решеткой в темнице сырой»* – Начальная строка из стихотворение «Узник», написано А.С.Пушкиным в 1820 г., во время его кишиневской ссылки.

С. 288. *«Скажи мне, ветка Палестины...»* – Строка из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Ветка Палестины».

С. 293. *Встретились в «Доме»* – Популярное в Париже кафе Le Dôme (108, boulevard du Montparnasse).

С. 295. *Были на итальянской выставке* – Выставка итальянского искусства «От Леонардо да Винчи до XVIII века» проходила в Petit-Palais, открытие состоялось в мае 1935 г.

С. 296. *Игорь уехал в колонию* – Как и прошлым летом, Игорь отдыхал в летней детской колонии Земгора в Эленкуре.

С. 296. *Подвез нас Зеелер* – Поездка В.Ф.Зеелера в Эленкур, в Детскую колонию Земгора, связана с его профессиональной и общественной деятельностью – он был членом Совета Земгора; и, возможно, – с подготовкой к ежегодному, традиционному вечеру-концерту, который устраивала Детская колония совместно с приходом Храма Св. Николая Чудотворца в Булонь-Биянкуре.

С. 297. *Пошли в редакцию «Посл<едних> Нов<остей>», благо не очень далеко* – В 1935 г. адрес редакции: 51, rue de Turbigo.

С. 298. *«Зачем я прихожу в ваш темный дом?»* – Опубликовано: Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг., с. 96.

С. 305. *Из колонии он вернулся весь в нарывах* – Речь идет о летней колонии Земгора в Эленкуре. Здесь и далее И.Кнорринг возвращается к событиям лета 1935 г., поясняющим необходимость отправки Игоря на полгода в санаторий (малокровие).

С. 305. *Доктор определил его в Hendaye* – Андай, куда на полгода был отправлен Игорь, местечко на берегу Атлантического океана, на юго-западе Франции, на границе с Испанией, в департаменте Западные Пиренеи. В Андае находится санаторий Французского Национального Красного Креста.

С. 305. *Фамилии у нас с Юрием по-разному пишутся* – В Carte d'identité записаны: Юрий – Sofieff, Ирина – Sophieff (позднее все члены семьи были записаны Sophieff).

С. 313. *У Наташи я была несколько раз. Если бы не так далеко [...] Девчонка у нее прелестная* – Речь идет о Наташе Кольнер (Габар), жившей в западном парижском пригороде, и ее дочери Арише (Ариадне Габар).

1936

С. 315. *Бал писателей и журналистов в Лютеции* – Речь идет о традиционном ежегодном бале Союза русских писателей и журналистов, прошедшем в залах отеля «Лютеция» 12 января 1936 г. Бал имел своей главной целью сбор средств в пользу неимущих членов Союза. С этой целью устраивалась богатая концертная программа, проводилась лотерея, для которой русские художники жертвовали свои картины, а писатели – книги с автографами.

С. 315. *Я чувствую себя во вражеском стане* – Эта фраза, сказанная И. Кнорринг в связи с визитом членов *Союза возвращения на Родину* Тверетиновых, ставит под сомнение утверждение Ю. Софиева: «Дружили и наши жены» (Софиев Ю. Разрозненные страницы, с. 77) и подтверждает ряд других несовпадений во взглядах супругов Софиевых на советскую пропаганду. По поводу «пропаганды» находим интересный штрих (так сказать, «Поэму иной дороги») в рукописной автобиографии Ю. Софиева, написанной им в преддверии возвращения в СССР (год не указан, около 1947 г.): «С 1936 г. по настоящее время состою членом франц<узского> спортивного общества «Друзья природы» (Les Amis de la Nature), созданного фр<анцузской> коммунистической партией, т.к. активно занимаюсь велосипедным туризмом и каждый год, во время месячного отпуска, совершаю путешествие на велосипеде по Франции (1500–2000 км) и, таким образом, имею возможность вести беседы с фр<анцузскими> товарищами о моей сов<етской> родине» (архив Софиевых-Кноррингов).

С. 316. *Искренне рада за Бориса* – В Дневнике наклеено объявление о диспуте с участием Б.Г. Унбегауна.

С. 316. *На вечере Сирина и Ходасевича* – На литературном вечере 8 февраля В.Ф. Ходасевич читал свою новую повесть «Жизнь Василия Травникова» (впервые: «Возрождение» 1936, №№ 3907, 3914, 3921; 13, 20, 27 февраля), а Сирин (В.В. Набоков) – новые рассказы.

С. 317. *На докладе Деникина* – Речь идет о торжественном заседании под председательством генерала В.К. Витковского, устроенном 23 февраля по случаю 18-ой годовщины первых походов. Участники и организаторы торжества: Союз Добровольцев, Союз участников I Кубанского похода, Объединение участников Дроздовского похода и Объединение участников первого Степного похода. С речами выступили генералы А.И. Деникин и Н.Д. Неводовский, а также В.Ф. Зеелер.

С. 328. *Провен* – город Provins находится в департаменте Seine et Marne, к юго-востоку от Парижа.

С. 328. *К Подгорному* – Т.е. в Эрувиль (Herouville).

С. 329. *Митинг Народного Фронта* – «Народный Фронт» (коалиция левых партий) – политические организации, созданные в 1940–х годах в различных странах; выступали против фашизма и войны, в защиту экономических интересов своих граждан. Во Франции правительство «Народного Фронта» было у власти в 1936–1938 гг.

С. 331. *В театре на «Красной Шапочке»* – Речь идет о популярной комической опере Ф.А.Буальдье «Le chaperon rouge» (поставлена в 1818 г.) в театре Опера-Комик.

С. 336. *Из собрания «Круга»* – Литературное общество «Круг» (Париж, 1935–1939), основано И.И.Фондаминским. В обществе, основу которого составляли молодые литераторы, проходили беседы на литературные и религиозно-философские темы. В 1936–1938 гг. было выпущено три альманаха «Круг».

С. 336. *Союз выпускает его* (Ю.Софиева – И.Н.) *книжку* – Речь идет о поэтическом сборнике: *Софиев Ю.* Годы и камни. Париж: Изд. Объединения поэтов и писателей, 1936. Книга вышла с посвящением «Жене моей Ирине Бек-Софиевой Кнорринг».

С. 336. *На той неделе будет вечер стихов* – Вечер был устроен 11 декабря Объединением писателей и поэтов. Сбор с вечера пошел в пользу поэтессы Аллы Головиной, больной туберкулезом. «Недавно был в пользу ее большой вечер поэтов», – писала М.Цветаева (письмо к Ю.П.Иваску от 18 декабря 1936. Соб. соч., т. 7, с. 404). Для участия были приглашены Г.Адамович, Н.Берберова, И.Бунин, В.Злобин, Г.Иванов, Л.Кельберин, И.Кнорринг, Д.Кнут, А.Ладинский, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, И.Одоевцева, С.Прегель, В.Смоленский, Ю.Софиев, П.Ставров, Ю.Терапиано, В.Ходасевич, М.Цветаева, Л.Червинская, А.Штейгер.

С. 337. *В Notre-Dame, конечно, не пошли* – Русские эмигранты, будучи православными, нередко встречают и католическое Рождество (в ночь с 24 на 25 декабря), чему способствует как праздничное убранство городов и соборов, так и сами службы – трогательные и впечатляющие (с немymi и живыми картинами на евангельские темы).

1937

С. 339. *Буц* – Кличка пса.

С. 342. *Возвращался он* (Ю.Софиев – И.Н.) *от Фондаминского* – Т.е. с собрания «Круга».

С. 343. *«И тот, кто с песней по жизни шагает...»* – Песня из кинофильма «Веселые ребята» (композитор И. Дунаевский, слова В. Лебедева-Кумача, режиссер фильма Г. В. Александров, 1934), поет Л. Утесов. Показ советских фильмов проходил в помещении Союза возвращения на родину (12, rue de Buci).

С. 344. *«Здравствуй, племя / Младое, незнакомое»* – Строки из стихотворения А. С. Пушкина «...Вновь я посетил» (1835).

С. 345. *На пушкинском концерте* – Речь идет о концерте, проходившем в рамках выставки «Пушкин и его эпоха», развернутой к 100-летию со дня смерти поэта в Grande Galerie Pleyel (организатор С. М. Лифарь). Концерт был организован Русским народным университетом и Тургеневской библиотекой 15 апреля в зале Salle Pleyel. Вступительное слово сказал М. Л. Гофман. В программе – произведения А. С. Пушкина: ария Татьяны из оперы «Евгений Онегин» (Е. Карницкая), поэма «Медный всадник» (М. Крыжановская), ария Руслана из оперы «Руслан и Людмила» (А. Каншин), «Танец Витязя» (С. Лифарь) и др.

ТЕТРАДЬ XIII

С. 347. *Вечер Ладинского* – Вечер А. Ладинского состоялся 23 апреля в помещении Русской консерватории в Париже (26, avenue de Tokyo). А. Ладинский читал главу из нового романа «Голубь над Понтом», очерк «Разговор о Палестине», стихи из цикла «Путешествие на Восток», «Поэму о дубе».

С. 351. *У нее (Ляли Воробьевой – И. Н.) был роман со своим родным дядей* – Это не родной дядя, а муж тетки со стороны отца.

С. 351. *Резала и плакала* – И. Кнорринг имеет в виду свою работу: вырезание из кожи частей для пеналов. В мастерскую по обработке кожи ее устроил В. Б. Подгорный.

С. 351. *Значительной «эпохой» была для меня rue Michelet* – Речь идет о дружбе с семьей Унбегаунов, которые жили на этой улице.

С. 352. *В пятницу <Игорь> уехал* – Игорь был отправлен на два месяца в Швейцарию, где дети неимущих родителей жили в пансионе или в семье. Это была инициатива С. М. Зерновой, принятая в рамках Земгора (со стороны швейцарского Земгора инициативу поддержала С. М. Лопухина). «Дело это настолько развилось, что если в 1935 г. было отправлено 50 детей, в 1936 г. – 130, в 1937 г. – 380, в 1938 г. – 600» (Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия, с. 65). Добавим, что в 1935 г., в разгар экономического кризиса, С. М. Зерновой был создан «Центр помощи русским в эмиграции», главной задачей которого был поиск рабочих мест.

С. 352. Слово «Страсбург» мне везде лезет в глаза – В Страсбург уехал Б.Г.Унбегаун со своей семьей.

С. 353. Опять ушел к Гальским – Речь идет о супругах Жедринских: Мариамне (урожд. Гальской), в которую когда-то был юношески влюблен Ю.Софиев, ее муже, художнике В.И.Жедринском и ее брате В.Л.Гальском.

С. 353. Отправить его (Игоря – И.Н.) к Лиле – Лиля Раковская (Герст) жила с семьей в Розере (под Шартром).

С. 354. Мамочка уехала к Нине в Копенгаген – см. Указатель имен. Кнорринг Н.Б.

С. 354. Дорогой я вела путевой дневник – Путевые записи И.Кнорринг вела в отдельных тонких тетрадах (в Дневник не включены).

С. 355. Каждую субботу хожу в библиотеку. Получать буду гроши – Речь идет о работе И.Кнорринг в библиотеке РДО.

С. 356. Папа-Коля [...] был занят – Занятость Н.Н.Кнорринга связана с тем, что осенью 1937 г. Тургеневская библиотека, членом Административного совета которой он был, переехала в новое – муниципальное – помещение (13, rue de la Bucherie). Торжественное открытие библиотеки состоялось 14 ноября 1937 г., председателем Административного Совета библиотеки в тот период был Д.М.Одинец.

1938

С. 359. Наклейки говорят сами за себя. Корректировать нет охоты [...] Книжку решила не издавать – Речь идет о подготовке второй книги стихов И.Кнорринг. Кроме финансовых трудностей, пессимистическое настроение Ирины может быть объяснено прошедшим накануне, 30 января, ежегодным большим вечером поэтов. Хотя среди приглашенных поэтов значится И.Кнорринг, нет сведений о том, что она принимала в нем участие. Приглашены были: Г.Адамович, Н.Берберова, Р.Блох, А.Браславский, И.Бунин, Л.Ганский, А.Гингер, З.Гиппиус, А.Головина, М.Горлин, В.Дряхлов, Г.Евангулов, Б.Закович, В.Злобин, Г.Иванов, Л.Кельберин, И.Кнорринг, Д.Кнут, А.Ладинский, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, Д.Мережковский, Д.Монашев, И.Одоевцева, С.Прегель, А.Присманова, Г.Раевский, В.Смоленский, Ю.Софиев, П.Ставров, М.Струве, Ю.Терапиано, Н.Туроверов, В.Ходасевич, М.Цветаева, Л.Червинская, А.Штейгер, Т.Штильман.

С. 359. В Opéra-Comique, слушала «Кармен» – Премьера оперы «Кармен» (музыка Ж.Бизе, по новелле П.Мериме) состоялась в театре Opéra-Comique 3 марта 1875 г. (адрес театра: place Boieldieu).

С. 359. *Знакомилась с Карашкой* – Речь идет о Клавдии Пассек.

С. 360. *Фильм «Подруги»* – Режиссер Л.Ариштам, сценарий Р.Васильевой и Л.Ариштама, композитор Д.Шостакович (выпуск 1935 г.).

С. 360. *Был, как всегда, генерал* – Речь идет о П.Н.Милюкове, учителе и старшем друге Н.Н.Кнорринга. После смерти жены, Анны Сергеевны (умерла 12 февраля 1935 г.), Милюков нередко посещал «сотоварища по науке и музыке». Именно такой автограф он оставил на своем портрете, подаренном Н.Н.Кноррингу.

С. 360. *В театр Montparnasse на «Мадам Капет»* – В основу спектакля легла пьеса Л.Фейхтвангера «Вдова Капет» (адрес театра: 31, rue de la Gaité).

С. 360. *Смотрели «Les grandes illusions»* – Речь идет о фильме «La grande illusion» («Великая иллюзия», 1937), режиссер Жан Ренуар. Фильм, рассказывающий о французских летчиках и английских офицерах, вместе бежавших из немецкого плена в годы первой мировой войны, был объявлен в фашистской Германии «кинематографическим врагом №1» и запрещен к показу.

С. 360. *Юрий подобрал ее (К.Пассек – И.Н.) Бунину* – Ю.Софиев вспоминает: «Как-то приехали из Ревеля и поселились у нашей соседки (Н.Примака – И.Н.) две девушки. Одна из них, Клавдия Пассек, красивая, весьма расторопная, общительная, к тому же оказалась околелитературной девицей, хорошо знавшей по журналам, газетам и книгам русских поэтов и писателей-парижан и жаждавшей познакомиться с ними лично. И, конечно, мечтала она познакомиться с И.А.Буниным! [...] Бунин сидел в “Доме”, в обычной нашей литературной компании. Я представил ему Клавдию. “Пассек? [...] Ну, давай ее сюда”. Раздвинули столы и протиснули Клаву к Бунину. Он усадил ее рядом с собой. Клава была счастлива! Через несколько дней, далеко за полночь, по нашей пустынной улице к дому подошла говорящая по-русски компания. Не зажигая света, я выглянул в окно. На улице стояли Бунин, под руку с Клавой Пассек, поэты В.Смоленский и Л.Кельберин. Клава крикнула свою подругу: “Женя, вставай, одевайся и спускайся скорей вниз! Мы с Иваном Алексеевичем пришли за тобой. Пойдем на Монпарнас, в “Доминик”» (Софиев Ю. Разрозненные страницы, с. 115–116).

С. 360. *Сегодня Юрий читает в Assemblée* – Музыкально-артистическое объединение «Ассамблея» было образовано в Париже в 1937 г. Возглавили его писатель И.Д.Сургучев и князь П.А.Оболенский; отделениями руководили: вокальным – Нина Лежен, инструментальным – Аспазия Нотара, театральным – София Де-минитру (она же была хозяйкой вечеров «Ассамблеи»). Почетным

председателем объединения был избран директор вокального отдела Гранд-Опера, композитор Роже Пено.

С. 363. *Позорного «Мюнхенского мира»* – Соглашение, заключенное 29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене между главами правительств нацистской Германии (Гитлером), фашистской Италии (Муссолини), Великобритании (Чемберленом) и Франции (Даладье), санкционирующее начало захвата Чехословакии фашистской Германией. Вошло в историю как «мюнхенский сговор». В сентябре 1938 произошел захват Судетской области Чехии, в марте-мае 1939 страна была оккупирована гитлеровскими войсками.

С. 363. *Интересно только то, что касается Эльзаса* – В Эльзасе (восточной области Франции) находится Страсбург, где жил Б.Г. Унбегаун со своей семьей.

С. 364. *Просматривала тетрадку, которую давно уже не трогала* – И.Кнорринг, в числе других поэтов, получила приглашение на большой вечер поэтов (как оказалось, последний предвоенный). Он состоялся 18 декабря 1938 г. в Объединении русских писателей и поэтов. Вступительное слово произнес Г.В.Адамович. Приглашены были: Р.Блох, А.Браславский, Н.Бухарский, А.Гингер, А.Головина, М.Горлин, В.Дряхлов, Г.Евангулов, Б.Закович, В.Злобин, Г.Иванов, Л.Кельберин, И.Кнорринг, Д.Кнут, Г.Кузнецова, А.Ладинский, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, Д.Монашев, И.Одоевцева, С.Прегель, А.Присманова, Г.Раевский, Ю.Рогалья-Левицкий, В.Смоленский, Ю.Софиев, П.Ставров, Н.Станюкович, М.Струве, Ю.Терапиано, Н.Туроверов, В.Ходасевич, Л.Червинская, Г.Шемет и Т.Штильман.

1939

С. 367. *Юрий прочитал это имя и замрачнел* – Речь идет об имени Бориса Унбегауна: в Дневнике И.Кнорринг было наклеено объявление о лекции Унбегауна. В 1924–1937 гг. Б.Г.Унбегаун читал лекции на историко-филологическом факультете в Сорбонне. После получения кафедры в Страсбурге (в 1937 г.) он регулярно приезжал с лекциями в Париж.

С. 367. *Это Игорю вместо bon point за хорошо выученный урок по музыке* – В машинописной копии Дневника есть пометка Н.Н.Кнорринга: «Наклеены билеты на концерт».

С. 368. *Отдадут завтра Джибути, послезавтра – Тунис, а через неделю Корсику и Савойю* – Джибути (берег Сомали) и Тунис – французские протектораты, Корсика и Савойя – области Франции.

С. 369. *Хорошо Гальскому* – Речь может идти о брате Мариамны Гальской – Владимире Львовиче Гальском. Однако, он и родители Мариамны проживали в Белграде, и сведения о том, что они переехали во Францию, отсутствуют.

С. 369. *Записалась в Народный университет на курсы* – Речь идет о курсах по гражданской обороне. Лекции читали полковник Н.П.Иванов (о воздушной обороне) и доктор В.Н.Лихницкий (об удушающих газах и их действии на организм).

С. 370. *Только что ушел генерал* – См. комментарий к стр. 360 (к 19 февраля 1938).

С. 370. *Записала Игоря в Швейцарию с середины июля. Если, конечно...* – Так и случилось: И.Кнорринг вернули сына через 1,5 месяца: началась война. Последняя партия детей, отправленная в Швейцарию (600 человек), была возвращена по этой причине во Францию; однако, многих родителей уже не было в Париже, и детей разместили в Вильмуассоне в старческом приюте княгини В.К.Мещерской, положив начало Русскому детскому дому (через 15 лет переехавшему в Монжерон).

С. 370. *Станюкович [...]* привез свою вторую книжку стихов – Речь идет о книге: *Станюкович Н.* Свидетельство: Вторая книга стихов. Париж: Дом книги, 1938.

С. 373. *Привез корректуру моей книжки* – Речь идет о книге: *Кнорринг И.* Окна на север: Вторая книга стихов. Париж: Дом книги, 1939. Добавим факт, никак не отраженный в Дневнике поэтессы: в 1936 г. в Париже под редакцией Г.В.Адамовича и М.Л.Кантора была выпущена Антология русской зарубежной поэзии «Якорь», где были помещены три стихотворения И.Кнорринг: «Не те слова, не те, что прежде...», «Мы мало прожили на свете» и «Мы расстанемся тихо и просто».

С. 381. *Он уехал в лагерь в Бретань* – Поездка связана с общественно-политической деятельностью Генриха Раковского.

1940

С. 384. *У меня есть письмо к Кресону в Божон. Он там сделает радио* – Речь идет о знаменитом госпитале Божон (находится в Клиши, северо-западном пригороде Парижа), специализирующемся на разработке и применении новейших методов диагностики заболеваний внутренних органов. «Радио» – ультразвуковая диагностика. Профессор Ф.Е.Кресон – врач-диагност, практиковал в этом госпитале.

С. 386. *Были бомбардированы [...]* не только Нанси, Лилль, Реймс, но и самый центр Франции, деп<артамент> Шер и Клермон-Феран – И.Кнорринг перечисляет города, находящиеся в различных департаментах Франции: Nancy (департамент Meurthe-et-Moselle), Lille (Nord), Reims (Marne), Clermont-Ferrand (департамент Puy-de-Dôme). Cher – название департамента.

С. 386. *Аэродром громадный и очень важный [...] Англичане устраивают свою воздушную базу* – Со времен первой мировой войны в La Roseraie находились ангары аэропланов французской авиации. В годы второй мировой войны это был плацдарм для авиации французских и союзных войск (в 1940 г. и после освобождения Шартра в августе 1944 г.); в годы войны – авиабаза фашистской Германии.

С. 386. *Был бомбардирован Орлеан и Шатоден* – Речь идет о городах Франции – Orléans и Chateaudun (46 км к северо-западу от Орлеана, там находился военный аэродром).

С. 390. *Сидели в подвале дома, где Closerie des Lilas* – Речь идет о помещении, в котором находится известное кафе La Closerie des Lilas (угол 171, boulevard du Montparnasse и 20, avenue Observatoire), излюбленное место парижской богемы (там любил подолгу засиживаться и писал Эрнест Хемингуэй).

С. 390. *В Люксембурге встретила Юрия – он сидел в траншее Observatoire* – Речь идет о траншеях, вырытых в парковой зоне Парижской обсерватории, занимающей целый квартал близ Люксембургского сада и avenue Observatoire.

С. 390. *Папа-Коля [...] видел [...] разрушенные дома в Отей* – В районе Отей (Auteuil) жили друзья Кноррингов – семья Кольнер. Кроме того, в Отей, западной окраине Парижа, и дальше, в Булонь-Биянкуре, находились крупные промышленные предприятия, где работало много русских. В помещении по адресу 6, boulevard d'Auteuil располагалась Русская гимназия, дирекция Интерната для девочек имени великого князя Павла Александровича и Русский коммерческий институт.

С. 391. *Это мое первое стихотворение за время войны* – Париж был оккупирован фашистскими войсками 14 июня 1940 г. А уже 18 июня генерал Шарль Де Голль выступил по лондонскому радио (на него все годы войны были настроены приемники жителей Франции) с призывом продолжать сопротивление врагу. Осенью 1941 г. де Голлем был создан Французский национальный комитет, координирующий Сопротивление во Франции и связь с союзниками.

С. 392. *Приказ Манделя [...] арестовать всех «белых» русских от 17 до 55 лет* – По приказу Л.-Ж.Манделя, действительно, были произведены множественные аресты. Среди арестованных – члены Союза возвращения на родину. Большинство русских культурных и общественных организаций были распущены или запрещены. Управляющим делами русской эмиграции на оккупированной территории Франции был назначен Ю.С.Жеребков, для контроля за культурной жизнью создано Объединение русских деятелей литературы и искусства.

Аннотированный указатель имен

В указатель *включены* имена, отчества или прозвища реальных лиц, дополнительных сведений о которых установить не удалось. В указатель *не включены* литературные герои, случайные прозвища, имена персонажей детских игр, в которых перевоплощалась Ирина и ее подруги. Имена, записанные автором Дневника латиницей, вынесены дополнительно во фр. часть Указателя. На известных деятелей науки и культуры, развернутые справки о которых можно получить в тематических справочниках и энциклопедиях, даны *краткие* справки. *Развернутые* справки даны на малоизвестных людей, связанных с судьбой Ирины Кнорринг. Особый акцент сделан на фрагментах биографий персонажей, тем или иным образом переплетенных с творческой биографией героини Дневника. Справка на И.Н.Кнорринг также дана (без ссылок на страницы). В справках на персонажей даны *годы* жизни. В энциклопедическом формате *data vitae* даны лишь в тех случаях, когда они вводятся в научный оборот впервые, в особых случаях (например, кончина братьев в один год) и при исправлении ошибочных сведений. Информацию об ошибках, обнаруженных в справочном аппарате, мы просим направлять по адресу: irinanev@mail.ru.

А.Г. см. Войцеховский А.Г.

А.П. см. Ладинский А.П.

Абаза Александр Алексеевич (1887–1943, Бордо), стар. лейт. Уч. ВВ и ВСЮР. Зам. морского агента в Лондоне. В эмигр. с 1922 в Бордо I – 555

Абрамов Николай Николаевич (?–1920, Туапсе), знакомый Кноррингов по Туапсе, беж. из Петрограда I – 119, 134, 135, 137

Абрамович Валентина Александровна, корр. И.Кнорринг из Ростова I – 466, 479

Абрамович, поэт, приятель Н.Пашковской из Харькова I – 394

Август (63 до н.э. – 14 н.э.), римский император I – 54

Августа Георгиевна, преп. И.Кнорринг по классу рояля (Харьков) I – 93

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881, Севастополь – 1925, Прага), писатель, драм., артист, театр. критик, режиссер. Первая публ. в 1903 в харьк. газета «Южный край». С 1908 в СПб. сек., затем ред. журнала «Стрекоза» («Сатирикон»). В 1918 уезжает из Петрограда через Москву в Киев, затем в Севастополь. В 1920 его пьесы ставил севастоп. театр «Ренессанс». Режиссер собств. моноспектаклей и пьес в севастоп. театре «Гнездо перелетных птиц». В составе театра гастролировал по городам Крыма. В конце 1920 с театром эваку. в

- Стамбул, затем в Софии, Белграде. С 1922 в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище I – 564
- Аврамов Петр Матвеевич** (1891, ст. Старо-Григорьевская Донской обл. – 1963, Шартр, Франция), есаул ВВД, писатель, ред. Окончил Донскую дух. семинарию, Новочеркасское воен. училище. Уч. ВВ и ВСЮР (Степного похода). В эмигр. с 1920 в Югославии, с 1920 во Франции. Член РДО, студент Фр.-рус. института. Сотр. издания «За Родину», «Родимый край», «Казачий истор. сборник» II – 22, 38
- Аврамовы, семья П.М. Аврамова** I – 551
- Агапов Борис**, кораб. гард. Воспитанник Морского к.к. в Севастополе. В ноябре 1920 эваку. с ним в Бизерту. В 1922 окончил Морской к.к. (II рота, «Севастопольская»). Нач. V роты к.к. В марте 1923 выехал в Париж (старший в группе отъезжающих). Получив студ. стип, учился в Белградском университете I – 319
- Агафонов Валериан Константинович** (1863, СПб. – 1955, Ницца), почвовед, геолог, общ.-полит. деят., писатель. В 1918–1920 находился в Крыму, сотр. с Таврич. университетом в Симферополе. В эмигр. в Париже, проф. Сорбонны. Друг В.И.Вернадского II – 405
- Агния Михайловна**, харьк. знакомая И.Кнорринг I – 96
- Агренов-Славянский Кирилл Дмитриевич** (1882–1943, Буэнос-Айрес), комп., дирижер. В эмигр. с 1922 в Аргентине, с 1926 во Франции. Орг. Русской оперы в Париже. Сын комп. Д.А.Агренова-Славянского (1836–1908) II – 397, 406
- Адамович Георгий Викторович** (1892, Москва – 1972, Ницца), поэт, лит. критик I – 24, 25, 29, 31, 382, 500, 501, 514, 525, 534–538, 540, 556, 577, 589, 598, 599, 602; II – 91, 174, 199, 207, 220, 224, 235, 241, 268, 269, 271–274, 330, 336, 357, 422, 423, 425, 429–430, 434, 436, 438, 441, 443, 445, 446
- Адлер Бруно Федорович (Фридрихович)** (1874–1942, СССР), этнограф, востоковед, журн., доктор филологии, проф. Казанского университета. В 1922 эмигр. в Германию. В 1923–1924 ред. журнала «Беседа» (Берлин). В 1924 вернулся в СССР, раб. в Гос. Тимирязевском НИИ, затем в Ярославском пед. институте. Репрес. I – 604
- Адмирал (Тунис) см. Герасимов А.М.**
- Адовец Гайно**, сов. публ. II – 414
- Аитова (урожд. Бернштейн) Маргарита Николаевна** (1876, Одесса – 1969, Париж), врач. В эмигр. во Франции. Соорг. Комитета помощи больным и нужд. русским студентам II – 409
- Аксаков Сергей Сергеевич** (?–1987, Буэнос-Айрес, Аргентина), мичман. Служил в

- Морском училище во Владивостоке. В октябре 1920 был на судне «Якут» в Севастополь. Раб. воспит. в Морском к.к. Эвак. с ним в Бизерту. В 1921–1922 вахтенный нач. на учеб. судне «Моряк». К 1924 переехал во Францию. Член Кают-компании морских офицеров в Париже. После 1945 в Аргентине I – 435, 439, 440, 442, 444, 449, 450
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель I – 289
- Аксенова Таня, харьк. знакомая И.Кнорринг I – 59
- Алданов (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886, Киев–1957, Ницца), прозаик, драм., публ. В эмигр. в Париже, с 1940 в США. В 1942 осн. (вместе с М.О. и М.С.Цетлин) «Новый журнал» I – 24, 31, 427, 556, 604; II – 136, 411; «Смерть Екатерины II» I – 427; «Чертов мост» II – 136, 411
- Александр Александрович см. Жук А.А.
- Александр Васильевич см. Донников А.В.
- Александр I (1777–1825), Рос. император (с 1801) I – 270, 272, 571
- Александр I (1888–1934), король Югославии с 1921, проводил политику поддержки русских эмигр. Убит 9 октября 1934 II – 266, 435
- Александр II (1818–1881), Рос. император (с 1855). 19 февраля 1861 подписал Манифест, отменяющий крепостное право. Убит членами орг. «Народная воля» I – 272
- Александр III (1845–1894), Рос. император (с 1881) II – 139
- Александра Михайловна см. Завалишина А.М.
- Александров (наст. фам. Мормоненко) Григорий Васильевич (1903–1983), сов. кинорежиссер II – 442
- Александров Николай Николаевич (1886–1970, Джорданвилль, США), кап. I ранга, педагог, физик, математик. Окончил Морской к.к. и Морскую академию. В 1919–1920 инспектор классов Морского к.к. в Севастополе. Эвак. с флотом в Бизерту. В Корпусе раб. преп. и инспектором классов, служил ктиторм. С июня 1922 во Франции в Лионе. С 1926 в США, преп. физики. Член Общества б. русских морских офицеров в Америке. Декан Св. Троицкой дух. семинарии I – 16, 227, 231, 235, 269–271, 287, 303, 570–572
- Александрова (в первом браке Гран) Елена Григорьевна (?–1941, Хантингтон), жена Н.Н.Александрова. В 1920 эмигр. с мужем и двумя дочерьми от первого брака (Таней и Надей) в Бизерту. В июне 1922 выехала в Лион (Франция), затем переехала с мужем в Америку I – 217, 221, 223, 240, 261, 270–272, 570
- Александровы, семья Н.Н.Александрова I – 271, 298
- Александрович Александр Дмитриевич (наст. ф.и.о. Покровский Александр Дорми-

- донтович)(1879, Н.Новгород – 1959, Париж), опер. артист, мемуарист I – 605
- Алексей Николаевич** (1904 – ночь 16/17 июля 1918), цесаревич, сын Императора Николая II I – 332;
- см. также Романовы, семья Имп. Николая II
- Алексинский Иван Павлович** (1871–1945, Касабланка, Марокко), врач, хирург, проф., депутат I Гос. Думы. В 1920 эвак. из Крыма. Жил во Франции. Член Гл. управления РОКК, рук. Общества русских врачей им. Мечникова во Франции. В конце 1930-х годов переехал в Марокко, рук. Правосл. общиной II – 225
- Ален**, преп. англ. языка в харьк. гимназии I – 104
- Алмазов Всеволод Александрович** (1888, Симбирская губ. – 1964, Ла Пере, Франция), адвокат международ. права, пор. военно-морского судеб. ведомства. В 1920 эвак. в Бизерту. С 1923 член Комиссии по делам русских граждан в Сев. Африке. После роспуска Эскадры остался в Бизерте, раб. в адвок. конторе. В 1942, после оккупации Туниса фаш. войсками, выехал во Францию I – 477, 484, 485, 493
- Алька** см. Раковский А.Г.
- Андре**, мадам см. Дюбуа Андре
- Андреев Вадим Леонидович** (25 дек. 1902 / 7 янв. 1903– 1976, Женева), поэт, прозаик. Сын писателя Л.Н.Андреева I – 536, 587; II – 19, 24, 148, 230, 417, 422, 429
- Андреев Леонид Николаевич** (1871–1919), писатель I – 298
- Андрей** см. Сиднев А., Войцеховский А.
- Аниль (Anile)**, медсестра II – 327
- Аничков Евгений Васильевич** (1866–1937, Белград), лит. критик, педагог. В эмигр. в Сербии, проф. Белградского университета, сотр. Русского науч. института в Белграде II – 242
- Анна Брониславовна** см. Улазовская А.Б.
- Анненков Юрий Павлович** (1889, Петропавловск-Камчатский – 1974, Париж), художник, критик, режиссер. С 1925 в эмигр. в Париже I – 591
- Анохин А.К.**, скаут. деят., орг. первого в России отряда герль-скаутов (в Киеве) I – 557
- Антипов Николай Александрович** (1889, Харьков – после мая 1945), химик, публ., ред. Уч. Белого движ. В эмигр. с 1920 в Тунисе, пред. филиала Союза русских студентов в Сев. Африке. С 1922 в Чехии, учился на Русском юр. фак. в Праге. Соред. (вместе с С.Я.Эфроном, А.А.Воеводиным и А.К.Рудиным) журнала «Своими путями». В 1945 арестован, депорт. СССР. Погиб в заключении I – 17, 548, 605
- Антон Матвеевич** см. Гутковский А.М.
- Антоний (Храповицкий Алексей Павлович)** (1863–1936, Белград), митрополит Киевский и Галицкий, глава Русской Зарубеж. церкви I – 572

Антонин Петрович см. Ладинский А.П.

Антонина Ивановна см. Столярова А.И.

Антонович (урожд. Черпак) (Каленская-Юшкевич) Антонина Кондратьевна (1890, Киев – 1976, Кормей-ан-Паризи, под Парижем), опер. певица I – 605; II – 414

Аптекман Давид Израильевич (?–1939), сотр. журнала «Перезвоны» в Париже I – 534

Аранович, артист моск. студии. В эмигр. в Париже. Приятель И.Кнорринг I – 525

Арендарев Павел Иванович, сосед Кноррингов по квартире в Севре (Франция) II – 37, 108, 408

Арендарева Татьяна Андреевна, жена П.И.Арендарева II – 37, 103, 108, 408

Аренс Лев Евгеньевич (1890, с. Мартышкино Петергоф. уезда СПб. губ. – 1967), офицер, поэт, канд. биол. наук. Уч. ВВ. В 1920 в Крыму орг. (вместе с поэтом Т.В.Чурилиным и худ. Б.И.Корвин-Каменской) «Содружество молодых бюджетян». Сотр. Таврич., затем Ленинградского университетов. В 1935 репрес., осужден на 5 лет (раб. на с/х опытной станции Беломоро-Балт. комбината). После освобождения раб. в Ленинграде, затем в Тебердинском заповеднике. Позднее жил в Комарово (под Ленинградом), помогал Анне Ахматовой I – 190

Аристов Дмитрий Иванович (1879, Лебедянь Тамбов. губ. –

1957, Кёльн, Германия), певец, хорм. В эмигр. с 1920 в Константинополе, с 1922 в Париже. Рук. хором Русской оперы в Париже (орг. А.Церетели), служил регентом в разных храмах Парижа. Брат К.И.Аристова I – 554

Аристов Константин Иванович (1898, Новочеркасск – 1984, Франция), доктор права, певец. В 1916 окончил Донскую дух. семинарию. Учился в Моск. университете на юр. фак. В 1916 мобилизован в Русскую армию, уч. ВВ. В 1920 эвак. в Бизерту. Служил матросом на корабле Эскадры, раб. на ремонте водопровода. В 1922 приехал во Францию, раб. на заводе. Пред. студ. комитета Фр.-рус. института в Париже. Член правл. ОРСИУКС, член РДО. Защитил докторат в Сорбонне. Член Объединения русских адвокатов в Париже. Пел в хоре Русской оперы в Париже. Шафер на свадьбе И.Кнорринг и Ю.Софиева I – 323, 547–554; II – 9–22, 24–30, 35, 36, 38, 51, 55, 61, 75, 84, 99, 128, 244, 396

Аристотель (384–322 до н. э.), др.-греч. философ I – 219

Арнольди Георгий Михайлович (1887, Владикавказ – 1944, Франция), офицер-артиллерист, доктор права. В эмигр. во Франции. Сотр. «ПН», пред. РДО II – 149, 414

Ариштам Лео Оскарович (1905–1979), сов. кинорежиссер, сценарист II – 444

Аронсон Лев Адольфович (псевд. Доминик) (1893,

- Украина – 1984, Париж), журн., театр. критик, предприн. В эмигр. с 1927 в Париже II – 436
- Асланов Николай Петрович (1877–1949, СССР), драм. артист, режиссер, театр. деят. В эмигр. во Франции. В 1935 вернулся в СССР I – 591
- Ася, дочь «панического инженера» см. Пиневи́ч Ася
- Аттис (псевд. Морис де Аттис, наст. имя Морис Жобер де Бек), художник-илл., гравер, график. Автор серии гравюр «Русские легенды» (1922). Сотр. фр. издат. «Ашетт». Уч. «Осенних салонов» II – 241
- Афанасий о. (Нечаев Анатолий Иванович) (1886–1943, Париж), архимандрит. В эмигр. с 1923 в Финляндии, с 1926 во Франции. Наст. Трехсвят. подворья в Париже II – 279, 315, 437
- Ахматова Анна (наст. ф.и.о. Горенко Анна Александровна) (1889–1966), поэт I – 25, 31, 37, 38, 363, 382, 402, 425, 467, 478, 483, 527, 535, 537, 556, 557, 576, 577, 579, 588, 599; II – 31, 36, 45, 51, 199, 339, 399, 429
- Ашаров (Ашеро́в), артист, ме-лодекламатор I – 167
- Б.А. см. Бек-Софи́ев Б.А.
- Б.Г. см. Унбегау́н Б.Г.
- Баден-Пауэ́ль Роберт Стефенсон Смит (1857–1941), ген.-майор Британской армии, создатель системы скаутского воспитания I – 557
- Бадья́н Яков И., член ВКПб. В эмигр. с 1926 в Париже II – 15
- Бази́ли Николай Александрович (1883, Париж – 1963, Калифорния), дипломат. Второй сек. Рос. посольства в Париже. В годы ВВ вице-дир. канцелярии МИД, позднее канцелярии при Верховном главноком. ген. Врангеле I – 568
- Бази́ль де (наст. ф.и.о. Воскресенский Василий Григорьевич) (1888, Каунас–1951, Париж), полк., импресарио. Георг. кавалер. В эмигр. в Париже II – 432
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), англ. поэт I – 275
- Бакст Андрей Львович (1907, Москва – 1972, Париж), художник театра и кино II – 314, 316
- Бакунина (в замуж. Новоселова) Екатерина Васильевна (1889, Царское Село – 1976, Англия), поэтесса, прозаик, критик, юрист. В эмигр. с 1923 во Франции. Член Союза писат. и журн. в Париже. Автор книги «Стихи» (1931) и романов «Тело» (1933) и «Любовь к шестерым» (1935) II – 429
- Баланчин (наст. фам. Баланчивадзе) Гео́ргий Мелитонович (1904, СПб. – 1983, Н.-Й.), артист балета, хореограф. В эмигр. с 1924 в Германии, затем в Париже II – 432
- Бальмонт Константи́н Дми́триевич (1867, д. Гумница Шуйского уезда Владимирской губ. – 1942, Нуази-ле-Гран, Франция), поэт I – 26–27, 43, 296, 331, 338, 339, 364, 382, 428, 436, 556, 557, 572, 574, 580; II – 60, 436

Баранов Николай Васильевич (1901, Мелитополь Таврич. губ. – ок. 1970), знакомый Кноррингов. В 1918 окончил Мелитопольское реал. училище. Учился в Морском к.к. в Севастополе (выбыл после 1-го курса), служил во флоте. В 1920 эмигр. в Бизерту. В 1922 окончил Морской к.к. и выехал во Францию. Окончил Сорбонну (географ. и геологич. фак.). Член правл. ССП в Ницце. В 1960-х годах читал лекции в алмаатинском университете. (Бывал ли в Алма-Ате наездами или вернулся в СССР – неясно. «Всякий раз думается: кто он? Хлестаков или провокатор?» – из неопубл. записок Ю.Б.Софиева) I – 498; II – 340

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844), поэт II – 434

Барту Луи (1862–1934), премьер-министр Франции. Сторонник фр.-сов. сотрудничества. Убит в Марселе (вместе с королем Александром I) II – 435

Бё (Beau), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 161, 178, 179, 181

Безансен (Besançon), лечащий врач И.Кнорринг II – 171

Бейли Фостер, теософ II – 429

Бек, ген. в правительстве Гитлера II – 370

Бек-Софиев Борис Александрович (до крещения Оскар) (4 июля 1874 – 25 апреля 1934, Тье, под Парижем), полк. артиллерии, отец Юрия

Софиева. Окончил Псковский к.к. и Александровское арт. училище в Москве. Уч. Рус.-яп. войны и ВВ. Георг. кавалер. Инвалид войны. Жена: Лидия Николаевна (урожд. Родионова). Дети: Лев, Юрий, Максимилиан. Служил в Польше, ген.-губернатор г. Друзденики. В г. Беле (Польша) познакомился с А.И.Деникиным, дружба с ним продолж. в эмигр. В 1918 на Дону вступил в Добр. армию вместе с сыном Юрием. В 1920 эвак. в Галлиполи (Турция). С 1921 вместе с Юрием жил в Сербии, затем во Франции (Оверн, Монтаржи, Медон). Раб. на заводе. Позднее арендовал ферму на юге Франции. Наездами жил в семье Ю.Софиева I – 19; II – 47, 61, 88, 94, 120, 126, 128, 129, 139, 141, 149, 158, 169, 210, 225, 242, 244, 245, 252, 257, 262, 412, 426, 434, 435

Бек-Софиев Лев Оскарович (1902–1982, Париж), доктор энтомологии, общ. деят., ред., публ., брат Ю.Софиева. Раб. в Никитском ботаническом саду (близ Ялты). В 1943–1944 вместе с матерью переехал в Мюнден (Германия), надеясь на воссоединение с отцом и братом в Зап. Европе. Любовь к бабочкам стала основой его знакомства с В.В.Набоковым и дружбы с его сестрой, Л.В.Сикорской. Орг. перезахоронения праха И.Кнорринг с кладбища Иври на Русское кладбище в С.-Женевьев де Буа (состоялось 7 декабря 1965). Член Общества люб. русской воен. старины.

- Ред. «Военно-истор. вестника» I – 37
- Бек-Софиев Максимилиан Оскарович (1906–1945), брат Ю.Софиева. Репрес., погиб на Колыме. На символической могиле на Русском кладбище в С.-Женевьев де Буа в 1965 братом Львом сделана надпись: «Бек-Софиев Максимилиан Оскарович. 5.I.1906. Замучен насмерть в колымских концлагерях 5.XI.1937–2.I.1945» I – 37
- Бек-Софиев Ю.Б. см. Софиев Ю.Б.
- Бек-Софиева (урожд. Родионова) Лидия Николаевна (20 июня 1876–23 июля 1956), мать Юрия Софиева. В эмигр. жила в Германии с сыном Львом II – 267, 436
- Белвайс (Бельвайс), кораб. гард. В 1920 эмигр. в Бизерту в составе Морского к.к. (IV рота, вып. 1924) I – 371
- Белевцева Наталья Павловна, стар. науч. сотр. Дома РЗ имени А.И.Солженицына, архивист, публ. Автор книги «Библиотека Музея-усадьбы “Мураново”» (2011) II – 7
- Беленинова Елена Витальевна (Лейпциг, Германия), пер., преп. нем. яз., экскурсовод II – 8
- Белоусов Евсей Яковлевич (28 декабря 1881 / 9 января 1882, Харьков – 1945, Н.-Й.), виолончелист. В эмигр. во Франции I – 531
- Белоцветов Сергей Александрович, ред. журнала «Перезвоны». В эмигр. в Риге I – 594
- Белый Александр Алексеевич (1900, Ростов-на-Дону–?), кораб. гард. В 1918 окончил в Ростове реал. училище. Учился в Донском университете на физ.-мат. фак. В 1919 поступил в Севастополе в Морской к.к. В его составе эвак. в Бизерту (вып. 1921). К 1923 переехал во Францию, раб. на ткацкой фабрике в Рубо. Учился во Фр.-рус. институте I – 548; II – 15, 20, 70, 71
- Белый Андрей (наст. ф.и.о. Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934), поэт, прозаик, теоретик символизма I – 404, 525, 579, 604
- Бельмас (урожд. Бобровникова) Ксения Александровна (1889–1981, Дурбан, ЮАР), опер. певица. В эмигр. с 1921 в Германии, затем во Франции. В 1950-е переехала в ЮАР I – 502
- Белявский Николай Алексеевич (1905, СПб.–?), кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. Учился в Морском к.к. (вып. 1923) I – 374
- Беляев Дмитрий Анатольевич, зав. Отделом РЗ Дома-музея Марины Цветаевой в Москве II – 7
- Беляев Н.М., литератор. В эмигр. во Франции, уч. лит. кружка в Ницце I – 587
- Беляев, художник, парижский знакомый И.Кнорринг I – 525
- Бем Альфред Людвигович (1886–1945), лит. критик, историк, педагог. В эмигр. в Праге. Приват-доцент Карлова университета. Рук.

- пражского «Скита поэтов». Инициатор «Дней русской культуры». В 1945 арестован НКГБ, депорт. в СССР. Погиб в заключении I – 29, 576, 590
- Бенуа Пьер (1886–1962), фр. писатель, романист I – 338, 574
- Берберова Нина Николаевна (псевд. Ивелич) (1901, СПб. – 1993, Филадельфия), писатель, поэт, пер., мемуарист I – 24, 39, 540, 548, 604, 606; II – 222, 244, 425, 441, 443
- Берг Владимир Владимирович (старший) (1879–1963, Эквадор), барон, кап. II ранга, педагог, мемуарист. В 1900 окончил Морской к.к. Уч. ВСЮР и Русской армии. Зав. зданиями к.к., в 1919–1920 ком. роты в Морском к.к. в Севастополе. В составе к.к. на линкоре «Генерал Алексеев» эвак. в 1920 в Бизерту. Преп. морское дело, ком. роты. В ноябре 1923 выехал с семьей в Париж, служил на заводе Рено. Член Кают-компании морских офицеров в Париже. После ВМВ жил в Эквадоре. Автор книги «Последние гардемарины» (Париж, 1931) I – 13, 14, 270, 271, 573, 574
- Берг Владимир Владимирович (младший) (1903/1904–?), доктор мед. Окончил Фельдшер. школу в Севастополе. Раб. в лазарете Морского к.к., в его составе эвак. в Бизерту. Переехал во Францию. Окончил мед. фак. Сорбонны. Сын В.В.Берга, младший брат С.В.Берга II – 169, 170
- Берг Сергей Владимирович (ок. 1909–?), кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту с родителями. Учился в Морском к.к. (X рота). Сын В.В.Берга. В 1923 выехал в Париж I – 308, 578
- Берги, семья кап. В.В.Берга. Жена, Зинаида Берг, и сыновья, Владимир и Сергей. Семья выехала в Париж в октябре 1923. После отъезда Бергов в их квартирке (барачного типа) в Сфаяте жили Кнорринги I – 383, 384, 577–578
- Бердяев Николай Александрович (1874, Киев–1948, Клармар, под Парижем), философ, публ. II – 145, 150, 412, 413
- Беренс Михаил Андреевич (1879, Кутаиси – 1943, Мегрин, Тунис), контр-адм., главноком. Русской эскадрой в Бизерте. В 1898 окончил Морской к.к. Уч. обороны Порт-Артура. Георг. кавалер. В 1919–1920 в Белых войсках Вост. фронта, главноком. морскими силами на Дальнем Востоке. 28 августа 1920 на пассажир. транспорте «Константин» эвак. с членами экипажа в Крым. В сентябре 1920 комендант Крепости в Керчи. В ноябре 1920 с Русской эскадрой отплыл в Бизерту на крейсере «Беспокойный» (ком. IV группы судов). После отбытия вице-адм. М.А.Кедрова в Париж (в ноябре 1920) рук. содержанием кораблей и беженцев, а также орг. роспуск Эскадры 20 октября / 6 ноября 1924. Остался в Тунисе, раб. топографом в с/х управлении. Член Комитета по сооруж. Храма-

- памятника Русской эскадре в Бизерте (Церкви Св. Александра Невского) I – 15, 270, 345, 369, 461, 570
- Берлин Анна Эмильевна (Ася)** (1898–1935, Париж), поэтесса. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. в сб. Союза; в журналах «Звено», «Воля России», «Числа» II – 148, 274, 426
- Бернацкий Михаил Владимирович** (1876, Киев–1943, Париж), проф., экономист. Окончил Киевский университет. Преп. в СПб. политех. институте. В эмигр. с 1920. Рук. Финансовым комитетом в Париже, преп. во Фр.-рус. институте. Автор науч. трудов II – 405
- Берт Василий Васильевич** (?–1936, Париж), влад. помещения в Париже (79, rue Denfert-Rochereau, 14e), в 1925–1930 арендованного Союзом молодых писат. и поэтов в Париже II – 20, 221
- Бессонова Анна Алексеевна** (1986 г.р.), пер. с фр. языка I – 40
- Бетховен Людвиг ван** (1770–1827), нем. комп. I – 32
- Бизе Жорж** (1838–1875), фр. комп. II – 443;
«Кармен» II – 359, 443
- Бийу Франсуа** (1903–1978), депутат Фр. парламента, член Политбюро ФКП. В 1939 арестован и осужден на 5 лет каторжных работ II – 363
- Билибин Иван Яковлевич** (1876–1942, Ленинград), график, илл., театр. художник, юрист. В 1920 эмигр. в Египет. С 1925 во Франции. Оформлял спектакли Русской оперы в Париже. В 1938 вернулся в СССР, жил в Ленинграде. Проф. Академии художеств. Погиб во время блокады II – 252, 433
- Бирамов Хаджимед** (прав. Байрамов Хаджи-Амед) (?–2 июня 1923, Бизерта, Тунис), вестовой адм. А.М.Герасимова I – 368, 576
- Биршерт Антоний**, учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. в Бизерту. За провинность исключен из к.к., переведен на миноносец I – 349, 353, 363, 369
- Блинов Александр**, эсер. В эмигр. с 1905 с женой и двумя дочерьми II – 430
- Блинов Николай**, студент Фр.-рус. института в Париже II – 75
- Блинова Елизавета Александровна**, скрипачка, литератор, театр. деят. Младшая дочь О. и А. Блиновых. В эмигр. в Париже с 1906. Играла в Оркестре Колонн. Давала уроки игры на скрипке Игорю Софиеву II – 280, 286, 307, 314, 317, 333, 347, 348, 363
- Блинова Олимпиада Васильевна** (?–1935, Париж), жена эсера А.Блинова. Эмигр. с мужем и двумя дочерьми после революции 1905 II – 286, 430
- Блинова Ольга Александровна**, старшая дочь О. и А. Блиновых. В эмигр. в Париже с 1906 II – 348, 430
- Блинова**, внучка О.В.Блиновой см. Жоржетта

Блиновы, семья эсера Александра Блинова. В эмигр. с 1905. Имела поместье в Бужле (Франция) II – 430, 431

Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт I – 25, 298, 338, 358, 366, 427, 430, 440, 446, 458, 498, 503, 574, 575, 583, 588, 589, 595; II – 20, 31, 42, 66, 339, 427; «Куликово поле» II – 77; «Соловьиный сад» II – 77, 130

Блох Раиса Ноевна (в браке Горлина) (1899, СПб. – 1943, Германия), поэт, пер., историк. В эмигр. с 1922 в Берлине, с 1933 в Париже. Жена поэта М.Г. Горлина. Погибла в фаш. концлагере II – 443, 445

Блюм Рене, фр. импресарио, балетм. II – 432

Бобринский Петр Андреевич (1893 СПб. – 1962, Нейи-сюр-Сен, Франция), поэт, публ., масон. деят. Учился в Петербургском политех институте. Мобилизован на фронт ВВ. Уч. Белого движ. В эмигр. в 1920 в Константинополе, затем в Париже. Публ. в эмигр. прессе, выпустил сб. стихов. Уч. «Перекрестка». Член лож «Сев. Сияние», «Гамаюн» II – 244, 425

Богданов Василий Иванович (1838–1886), морской врач, поэт, из семьи свящ. Окончил мед. фак. Моск. университета. Служил врачом на Балт., затем на Черномор. флоте. Сотр. газеты «Искра», автор «Дубинушки» I – 161

Богданов Иван Дмитриевич (1891, ст. Хорол Полтавской

губ. – 1969, Йер, Франция), мичман. Учился в Имп. лесном институте. Окончил Морское инж. училище в Кронштадте (спец. по мех. части). В 1920 прибыл с женой, Натальей Михайловной, в распоряжение Морского к.к. в Севастополе, раб. воспит. Пом. нач. базы отряда судов в Керчи. В 1920 эваку. в составе Русской эскадры в Бизерту. Раб. в Морском к.к. (ком. III отделения, зав. хоз. к.к.). В 1923 переехал во Францию, член Кают-компании морских офицеров в Париже и Военно-морского союза. Пред. Объединения гард., кадет и охот. флота. Служил в Военно-морских силах Франции. Раб. таксистом. В 1954 переехал в Марокко. На склоне лет вернулся во Францию I – 133, 358

Богдановский Павел Александрович (Неон, Нёня), кораб. гард. В 1919 поступил в Морской к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с ним в Бизерту (вып. 1924). Выехал во Францию. Окончил Электротех. институт в Нанси (спец. по мех.) I – 443, 448–452, 455, 477, 479, 480, 501, 503

Боголюбова, преп. харьк. гимназии I – 90

Богомоллов Александр Ефремович (1900–1969), сов. дипломат. В 1944–1950 чрезвычай. и полномоч. посол СССР во Франции I – 37

Божнев Борис Васильевич (1898, Ревель–1969, Марсель), поэт, художник. В эмигр. с 1919 в Париже II – 417

- Божон Николая (1708–1786), придворный банкир, осн. «Госпиталя Божон» в Париже II – 384, 446
- Болдырев Иван (наст. ф.и.о. Шкотт Иван Андреевич) (1903, Москва–1933, Париж), писатель, художник-график. Учился на физ.-мат. фак. Моск. университета. В 1923 репрес. (за «антибольшев. пропаганду» сослан в Сибирь, в Нарымский край). Бежал в Польшу, затем во Францию. В 1929–1930 уч. в Париже в собраниях «Кочевья». Зарабатывал на жизнь уроками математики, раб. ночным сторожем. С 1930 раб. на металлург. заводе в Коломбеле (Нормандия). Автор рассказов и повести «Мальчики и девочки». Ученик и друг А.М.Ремизова. Покончил с собой, приняв большую дозу снотворного II – 248, 432
- Бологовской (Бологовский) Владимир Иванович (1870–1950, Тунис), коллеж. сов., доктор мед. Окончил военномед. академию. Служил в Балт. флотском экипаже. Во ВСЮР и Русской армии служил на Черномор. флоте. В 1920 эваку. в Бизерту. Гл. врач Русской эскадры. После ее роспуска служил в Тунисе. Награжден фр. медалью и тунисским орденом I – 476
- Бондалетов Федор, член команды Русской эскадры в Бизерте I – 280, 288, 291, 292, 295, 296, 571
- Бондарев, отец Вали Бондаревой I – 65
- Бондарева Валя, подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 44, 64, 65, 66, 74, 89, 560
- Бонне Жорж, министр ин. дел Франции в 1930-е годы II – 368
- Борис Александрович см. Бек-Софиев Б.А.
- Борис Афанасьевич см. Подгорный Б.А.
- Борис Генрихович см. Унбегаун Б.Г.
- Борисов Леонид Николаевич (1952 г.р.), инж. I – 40
- Борисова Екатерина Юрьевна, архивист, сотр. ГАРФа II – 7
- Борисова Надежда Геннадьевна (1956 г.р.), инж., педагог I – 40
- Борисова Наталья, литератор. В эмигр. в Праге, уч. в работе объединения «Скит». К 1925 в Париже, член Союза молодых поэтов и писат. в Париже I – 504, 512, 524, 536–539; II – 89, 123
- Боричевская, преп. симфероп. гимназии I – 212
- Бородин Александр Порфирьевич (1833–1887), комп. II – 432 «Князь Игорь» II – 14, 15, 251, 397, 432
- Борщ Федор Дмитриевич, студент Фр.-рус. института в Париже II – 136
- Бошкович, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. и выехал во Францию I – 447, 461
- Браминов Василий Иванович (1888–?), певец. В эмигр. во Франции II – 397
- Браславский (псевд. А.Булкин) Александр Яковлевич

- (1891—не ранее 1972), поэт. В эмигр. во Франции. Уч. лит. групп «Через», «Кочевье», член-учред. Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. в изданиях «Числа», «Воля России», «Совр. записки». Автор книг «Стихотворения» (Париж, 1926), «Стихотворения II» (Париж, 1929) «Стихотворения III» (Париж, 1937). Уч. ВМВ, доброволец I — 537; II — 91, 417, 443, 445
- Браун Федор (Фридрих) Александрович** (1862—1942), филолог-германист, проф., доктор философии. В 1922—1932 раб. в Германии, проф. Лейпцигского университета. В 1923—1924 соред. журнала «Беседа» (Берлин) I — 604
- Бредов Федор Эмильевич** (1884, Ивангород — 1959, Сан-Франциско), ген.-м. Ген. штаба. Окончил Первый к.к., Павловское воен. училище. Уч. ВВ и Белого движ. Нач. штаба Дроздовской стрелковой дивизии, затем XI арм. корпуса. В 1920 эваку. с армией в Галлиполи, затем в Болгарии. Во время ВМВ служил в Русском корпусе I — 170, 564
- Брей Ф.В.**, автор учеб. по англ. яз. I — 573
- Бреннер Евгений Александрович** (1895—1954, Париж), издат. деят. В эмигр. с 1917 в Берлине, с 1926 во Франции. Член правл. «Товарищества Н.П.Карбасникова», влад. книжного магазина «Москва» в Париже. В 1934—1953 жил в Рабате (Марокко) II — 428
- Брискорн Борис Васильевич** (1892—1957, Сеиф, Алжир), лейт. Гвардейского экипажа. Окончил Морской к.к. Уч. ВСЮР и Русской армии. В 1919—1920 раб. воспит. в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. в его составе в Бизерту, ком. роты. В 1922 перевелся из к.к. на Эскадру, служил на линкоре «Генерал Алексеев». В 1928—1937 жил в Бужи (Алжир) I — 265, 345, 347, 375
- Брискорн Лидия Николаевна**, член Дам. комитета Морского к.к. в Бизерте. К 1925 переехала во Францию, раб. в мастерской Моравских I — 320, 382, 534
- Броня, прислуга Г.Н.Раковско-го (Симферополь)** I — 195
- Брусилов Алексей Алексеевич** (1853—1926), ген. от кавалерии. Уч. ВВ. Служил в РККА, позднее перешел в Добр. армию I — 149
- Буайе (Boyer) Поль**, проф. Сорбонны, славист, фр. общ. деят. II — 418, 438
- Буальдьё (Boëldieu) Франсуа-Адриан** (1775—1834), фр. комп., автор комич. опер, проф. консерватории II — 441
- Булатов Георгий**, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к. Служил в Русской эскадре на линкоре «Генерал Алексеев» I — 481
- Булаховский Леонид Арсеньевич** (1888, Харьков—1961, Киев), языковед, приват-доцент Харьк. университета, акад. АН УССР I — 91

Булгаков Валентин Федорович (1886, Кузнецк Томской обл. – 1966, Ясная Поляна Тульской обл.), писатель, мемуарист, деят. культ. В 1923 выслан из СССР, жил в Праге. Вернулся в СССР в 1948 I – 604

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940), писатель I – 12, 575

Булен (Boulain), лечащий врач И.Кнорринг II – 357, 358

Буллит Уильям (1891–1967), амер. дипломат, журн., посол США во Франции в 1936–1940 II – 391

Булон Элен (Boulogne Hélène), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 178, 182–185, 187–191, 194

Бунаков (Бунаков-Фондаминский) Илья Исидорович (1880, Москва – 1942, Освенцим, Польша), один из лидеров партии эсеров, в 1918 член Союза возрождения России. В эмигр. во Франции с 1919. Осн. журнала «Совр. записки», соорг. журнала «Новый град» (вместе с Ф.Степуном и Г.Федотовым). Сотр. журналов «Грядущая Россия» и «Русские записки». Орг. религ.-филос. объединения «Круг». Погиб в фаш. концлагере II – 206, 342, 359, 423, 441

Бунин Иван Алексеевич (1870, Воронеж – 1953, Париж), писатель, поэт. Лауреат Нобелевской премии (1933) I – 24, 540, 603, 604; II – 360, 436, 441, 443, 444

Бураков Г.Ф., проф. Осн. частного реал. училища в Харькове.

С 1922 ректор Харьк. политех. института I – 11, 91

Бураничи, соседи Кноррингов во Сфаяту. И.Кнорринг дружила с сыном Бураничей, Аликом, учеником Морского к.к. (Х рота) I – 336

Бухарский Николай, поэт. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже II – 426, 445

Бялик Хаим Нахман (1873–1934), евр. поэт II – 288

Вава (Тунис) см. Васильева Вера

Вава (Харьков) см. Кузнецова Вера

Вавилина Анна Павлова, крестьянка Чистопольского уезда Казанской губ., прабабка И.Кнорринг I – 9

Вавиличева (урожд. Шишова) Полина Константиновна (1932 г.р.), уроженка с. Елшанка. Сотр. Елшанской школы. Мать Г.Е.Маколиной II – 7

Вайян (Vaillant) Роже, фр. писатель, проф. Сорбонны, слаvist II – 438

Валериан Николаевич см. Гревс В.Н. (Э.)

Валерий (Харьков) см. Гливенко В.И.

Вальх Мила, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 44

Валя (Симферополь), девочка-соседка I – 154

Валя (Харьков) см. Бондарева Валя

Ванда, член Союза возвр. на родину. Знакомая Софиевых по Эрувилю (Франция) II – 332

- Ванцетти Бартоломео (1888–1927), итал. раб., лидер раб. движ. США II – 110, 408
- Варен (Varène) Клод и Аим, братья, влад. торгового предприятия, работодатели Ю.Софиева II – 422
- Варя (Харьков) см. Евтушенко
Варя
- Васильева (урожд. Лукина) Раиса Родионовна (1902, СПб. – 1938), автор сценария сов. фильма «Подруги», биографич. повести о девушке с раб. окраины Петрограда. Репрес., в 1928–1934 находилась в ссылке. Реабил. в 1957 II – 444
- Васильева Вера (Вава), «красавица Сфаята», артистка-люб. В 1920 эмигр. с родителями в Бизерту I – 234, 238, 239, 241, 243, 331
- Васильчикова Надежда, поэтесса. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже I – 592; II – 426
- Вася см. Доманский В., Черниченко В.
- Вахромеев Иван Александрович (1898 – 31 дек. 1943/1 янв. 1944), фотограф, влад. фотографом в Париже, выпускал фотооткрытки. Орг. фотокружка при РСХД II – 22
- Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922), режиссер, актер II – 152, 415
- Вего (Vegau), медсестра II – 192
- Вейдле Владимир Васильевич (1895, СПб. – 1979, Париж), искусствовед, историк церкви, лит. критик. В эмигр. с 1924 в Париже II – 435
- Вениамин о. (Федченков) (1880–1961), епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии. В 1920 вел пасторскую службу в частях Добр. армии. В эмигр. первый инспектор и преп. Правосл. Богосл. института в Париже. Свящ. Морского к.к. в Севастополе. В 1931 осн. Трехсвят. подворье в Париже (Моск. патриархат) I – 215; II – 437
- Венявский Генрик (1835–1880), польский скрипач, комп. I – 475
- Вера (Туапсе), одноклас. И.Кнорринг по гимназии I – 111
- Вера (Тунис) см. Остолопова
Вера
- Вера (Харьков) см. Кузнецова
Вера
- Вера Дмитриевна см. Енько-Даровская В.Д.
- Вера Павловна см. Иванова В.П.
- Вера Федоровна см. Гофман В.Ф.
- Вериго, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. Окончил Морской к.к. I – 487
- Верлен Поль (1844–1896), фр. поэт I – 540, 603
- Версинжеторикс (Верцингеториг, Vercingetorix) (82–46 до н.э.), полководец, освободитель Галлии, дипломат I – 248, 568
- Ветлугин А. (наст. ф.и.о. Рындзюн Владимир Ильич) (1897, Ростов-на-Дону – 1953, США), литератор, журн., киносценарист. В эмигр. с 1920 в Константинополе, в 1921 во Франции, в 1922 в Берлине. С октября 1922 в США. Сек.

- С.Есенина в поездке по Америке. Автор сб. стихов I – 309, 573
- Вийон Франсуа, фр. поэт I – 603
- Виктор (Франция) см. Мамченко Виктор
- Вильде Борис Владимирович (псевд. Борис Дикой) (1908, СПб. – 1942, Мон-Валерьен, Франция), поэт, журн., ученый-этнограф. С 1917 жил в Эстонии, с 1930 во Франции. Член Объединения писат. и поэтов во Франции. Уч. собраний «Круга», сотр. журнала «Числа». С 1936 раб. в Отделе сев. культур Музея человека в Париже. В 1939 мобилизован во фр. армию. Попал в фаш. плен, бежал. В июле 1940 орг. одной из первых антифаш. групп, в декабре 1940 начал издавать газету «Resistance» («Соппротивление»). Расстрелян 23 февраля 1942 I – 35
- Вильде Наташа, парижская знакомая И.Кнорринг II – 161
- Вилькен Виктор Викторович (1909, Либава – 8 июня 1999, Фритцлар, Германия), инж.-строит. Стар. сын Эльзы Эрнстовны Вилькен (урожд. Шённ; 1888, Либава – 1982, Монхейм, Германия) и кап. I ранга Виктора Викторовича Вилькена (1883, Ревель – 1956, Фритцлар, Германия), члена больничной кассы при Комиссии по делам русских граждан в Сев. Африке. В 1920 эмигр. с родителями в Бизерту. Учился в Морском к.к. В 1924 выехал с родителями во Францию, окончил Строит. институт. К 1935 семья переехала в Германию I – 437
- Вилькен Эрнст Викторович (Эрлик) (1911, Либава – 1 дек. 1999, Фритцлар, Германия), младший сын Э.Э. и В.В.Вилькен. В 1920 эмигр. с родителями в Бизерту. Учился в Морском к.к. В 1924 выехал с родителями во Францию, окончил курсы бухгалтеров I – 409, 437
- Винавер Максим Моисеевич (1862, Варшава – 1926, Ментон-сен-Бернар, Франция), адвокат, евр. общ. деят., публ. В эмигр. с 1919. Сотр. «ПН», уч. «Еврейской трибуны», РДО. Автор книг «Недавнее: Воспом. и характеристики» (Париж, 1926), «Наше правительство» (Париж, 1928) I – 577; II – 17, 397
- Винокуровы Татьяна и Валерий, уроженцы с. Елшанка, педагоги колледжа в Самаре II – 7
- Вирен фон Роберт Эдуардович (1891–1953, Бонн, Германия), стар. лейт. флота, публ. Ком. канонер. лодки «Грозный». Уч. Белого движ. В эмигр. с 1920 в Тунисе. К 1925 переехал во Францию, с 1935 в Ревеле I – 575
- Витковский Владимир Константинович (1885, Псков – 1978, С.-Франциско, США), ген. Уч. ВВ и Добр. армии. В эмигр. с 1920 в Галлиполи, с 1926 во Франции II – 440
- Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883, Москва – 1976, Н.-Й.), публ., эсер,

- юрист. В эмигр. с апреля 1919 в Афинах (Греция), с лета 1919 в Париже. Сек. ред. журнала «Совр. записки». Член Союза русских писат. и журн. в Париже. Преп. на юр. фак. Славянского института при Сорбонне. С 1940 в США II – 61, 131, 151, 403, 414
- Владимир Иванович см. Бологовской В.И.**
- Владимир Кириллович (1917–1992, Майами, шт. Флорида, США), вел. кн., сын вел. кн. Кирилла Владимировича. В 1937 окончил Русскую гимназию в Париже. Учился на эконо. фак. Кембриджского университета. Согласно Манифесту от 31 октября 1938 Глава Русс. Императ. Дома. Почет. пред. и покр. Союза преображенцев, Объединения лейб-гвардии Семеновского полка, Союза измайловцев, Объединения лейб-егерей, Союза лейб-гвардии царско-сельских стрелков. Уч. в благотв. акциях в пользу немущих соотеч. Со встречи вел. кн. и Св. Патриарха Алексия в Иоанно-Рыльском монастыре в СПб. в ноябре 1991 началось общение глав РПЦ и Русс. Императ. Дома II – 422**
- Владимир Николаевич см. Пашковский В.Н.**
- Владимир Степанович см. Примак В.С.**
- Владимир Федорович см. Каврайский В.Ф.**
- Владимирский, педагог, сотр. Харьк. учеб. округа. В 1920 беж. в Крыму I – 144, 147, 157, 160, 167, 171, 177, 203**
- Власенко Надежда Андреевна (?– 1936, Рига, Латвия), детский врач, доктор мед. В эмигр. в Париже. Лечащий врач Игоря Софиева II – 197, 199, 201, 209, 210, 223, 232**
- Водопьянова Зоя Константиновна (1945 г.р.), стар. науч. сотр. РГАЛИ, архивист, публ. II – 7**
- Боеводин Александр Александрович (1888–1944), историк, писатель, художник. Уч. Белого движ. В эмигр. с 1920 в Тунисе. С 1922 в Чехии, учился на Русском юр. фак. в Праге. Соред. (вместе с Н.А.Антиповым, С.Я.Эфроном и А.К.Рудиным) журнала «Своими путями». Сек. ОРЭСО, зав. канцелярией Русского своб. университета, сек. Союза русских писат. и журн. в Чехословакии. В 1944 арестован гестапо, погиб в концлагере I – 605**
- Войцеховская, беж. из Харькова, одноклас. И.Кнорринг по симфероп. гимназии I – 202**
- Войцеховский Андрей Георгиевич (ок. 1900–1977, Канн-ла-Бокка, Франция), подпор. артиллерии, юрист. В 1920 окончил Сергиевское арт. училище, эвак. в Галлиполи (Турция). С 1921 в Белграде. Учился на юр. фак. Белградского университета, жил в одной комнате с Ю.Софиевым, и далее их пути во Франции шли параллельно: земляные работы в горах Оверна, каучуковый завод в Монтаржи, переезд в Медон осенью 1926 (снимал комнату на паях**

- с Ю.Софиевым). Учился во Фр.-рус. институте. Шафер на свадьбе И.Кнорринг и Ю.Софиева II – 9, 16, 20–23, 26, 28–31, 33, 36, 37, 39, 40, 44, 47–53, 55, 56, 58, 59, 61, 65, 68–71, 74, 80, 97, 99, 100, 102, 108, 109, 114, 120, 123, 125, 128, 139, 144, 149, 151, 158, 169, 174, 189, 199, 201, 214, 236–238, 284, 294, 398, 408, 435
- Волков Николай Константинович** (1875, Вологда – 1950, Париж), агроном, общ. деят. Окончил Моск. с/х институт. Член Партии народ. свободы. Депутат III и IV Гос. Думы. Уч. Белого движ. Представ. А.И.Деникина в Сибири. Эмигр. в 1920 через Японию в Париж. Член Сибирского землячества в Париже. Дир. издательства «ПН» в Париже I – 362, 495, 523, 587; II – 137, 411
- Волков Сергей Владимирович** (1955 г.р.), доктор истор. наук, проф. Правосл. Св. Тихоновского гуман. университета, автор книг по истории Белого движ. II – 8
- Волков, член команды Русской эскадры в Бизерте** I – 308
- Волковы, семья Н.К.Волкова** I – 495, 509
- Волконский Сергей Михайлович** (1860–1937, шт. Вирджиния, США), театр. деят., писатель. С 1921 в эмигр. в Париже. Театр. критик «ПН», читал лекции по истории русской культуры. Автор книг: «Худ. отклики» (СПб., 1912), «Разговоры» (СПб., 1912), «Мои воспом.» (Мюнхен, 1923), «Быт и бытие» (Берлин, 1924) I – 600
- Володя (Тунис) см. Головченко В.А.**
- Володя (Эрувиль, Париж) см. Подгорный В.Б.**
- Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович** (1877–1932), поэт, художник, критик, общ. деят., пер. I – 457, 580
- Волхонская Анна Андреевна см. Дюшен А.А.**
- Волхонские, семья А.А.Волхонской** I – 293, 330
- Волхонский Иван Александрович** (1889–1962, Париж), стар. лейт., инж.-мех. В эмигр. с 1920 в Бизерте. Раб. в Морском к.к., преп. механику двигателей. С 1922 во Франции. Муж худ. Анны Дюшен I – 293
- Воробьев Александр Аполлонович** (1881, СПб. – 1965, Анжер, Франция), кап. II ранга, педагог. Ком. сводной роты Морского к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в Бизерту. Библиограф. и преп. физич. географии в Морском к.к. Раб. в Корпусе до его закрытия в мае 1925. К 1938 переехал во Францию. Дети: Ольга (1906 г.р.) и Владимир (1907 г.р.) I – 258, 259, 448, 569; II – 442
- Воробьева (в браке Городниченко) Ольга Александровна (Ляля)** (1906, СПб. – 1965, Анжер, Франция), дочь А.А.Воробьева, подруга И.Кнорринг. В 1920 эвак. в Бизерту с родителями. Училась в

школе Монастыря Сионской Божьей Матери. В 1927 вышла замуж за Л.М.Городниченко. Дочь: Ольга (1933 г.р.). В 1940-х брак распался. После войны переехала в Париж
I – 227, 233, 238, 245, 247, 249–254, 256, 258, 261, 277, 300, 327, 341, 364, 365, 369, 370, 372, 379, 380, 382, 390, 436, 437, 438, 569, 576, 580;
II – 121, 182, 351, 442

Воробьева Ольга Владимировна (1885, СПб. – 1974, Ним, Франция), жена А.А.Воробьева. В 1920 эмигр. в Бизерту
I – 436–438, 448, 580; II – 121

Воробьевы, семья А.А.Воробьева
I – 227, 233, 277, 341, 408, 410, 566; II – 121

Ворожейкин Сергей Николаевич (1867–1939, Бизерта, Тунис), вице-адм. Служил на Балт. флоте. Уч. ВВ. Кавалер орденов Св. Станислав, Св. Анны, Св. Владимира. С 1916 до эвакуации из Крыма дир. Морского к.к. в Севастополе. В Бизерте раб. на линкоре «Генерал Алексеев», зав. библ. и пред. Рук. Комиссии по обществу на корабле. В 1922–1924 пред. Правл. заемного капитала. После роспуска Эскадры раб. бухгалтером. Автор воспом. Пред. Комитета по сооруж. Храма-памятника Русской эскадре в Бизерте. Сын: Ворожейкин Сергей Сергеевич (1894–1982, Бизерта), кап. I ранга, пред. Комиссии по постройке зданий Морского к.к. в Севастополе
I – 16, 313

Востоков Владимир Игнатьевич (1868, Моск. губ. – 1957,

Сан-Франциско), протопресвитер., публ., издатель. Член Учред. собрания от Н.Новгорода. С 1919 служил на Юге России. Духовник и проповедник армии ген. Врангеля. Эвак. с ней в Галлиполи, затем служил в Сербии. В 1944 наст. церквей в лагерях русских военнопленных в Австрии и Германии. С 1951 в США, наст. Церкви Св. Тихона Задонского
I – 203, 204

Вострикова Ольга, подруга И.Кнорринг. В 1920 эвак. с родителями в Бизерту. Училась в школе Монастыря Сионской Божьей Матери
I – 247, 253, 258

Врангель Петр Николаевич (1878–1928, Брюссель), барон, ген. от инфантерии. С 22 марта 1920 рук. ВСЮР. Курировал строительство гл. здания Морского к.к. в Севастополе (открыто в 1919). В эмигр. с 1920. В 1924 основал РОВС
I – 13, 14, 118, 147, 156, 163, 172, 173, 182, 195, 218, 230, 231, 236, 260, 275, 280, 285, 287, 292, 313, 563;
II – 150

Врубель Михаил Александрович (1856–1910), живописец, иконописец, илл., декоратор
I – 70, 559

Всеволод см. Новиков Всеволод
Высоцкий Александр Николаевич (1888, Москва–?), физик, педагог. В 1907 окончил гимназию в Туле, в 1912 Моск. университет (естест. фак.). Мобилизован на фронт ВВ. В 1920 эмигр. в Бизерту. Раб. на радиостанции в Кебиро, преп.

- в Морском к.к. курс физики и космографии (астрономии). Получив стип. Комитета помощи русским астрономам в США, уехал для учебы и работы в университете Вирджинии I – 367, 381
- Вышеславцев Борис Петрович (1877, Москва – 1954, Женева), юрист, филос., проф., публ. В 1922 выслан из России. В эмигр. в Париже. Выступал с докладами в Религ.-филос. академии, ОРСИУСК, РДО, Евразийском семинаре и др. Преп. во Фр.-рус. институте I – 544–546, 604; II – 119, 403, 412
- Вышневская Ольга Львовна, первая жена И.Ю.Софиева I – 37, 557
- Вышневский Алексей Игоревич (1951 г.р.), сын И.Ю.Софиева и О.Л.Вышневской I – 37, 557
- Г.Н. см. Кузнецова Г.Н.
- Габар (в браке Кирианенко) Ариадна Евгеньевна (Ариша) (1935, Париж – 2006, Отей-ле-Руа под Парижем), дочь Н.И. и Е.П. Габар. Член НОРС, певица, хорм. Сотр. Центра атомной энергии II – 313, 440
- Габар (урожд. Кольнер) Наталья Ивановна (1909, СПб. –?), филолог, историк, подруга И.Кнорринг. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1920–1923 жила в Сфаяте, училась в школе Монастыря Сионской Божьей Матери. В 1923 выехала с родителями во Францию. В 1927 окончила Lycee Victor Durny в Париже (реком. письмо ей написал Н.Н.Кнорринг), получила диплом бакалавра по спец. «латинский язык и философия». Муж: Евгений Петрович Габар (1907, СПб. – 1974, Франция). Дочь: Ариадна (1935 г.р.). Перед ВМВ раб. в Лиге Наций в Женеве. В годы фаш. оккупации жила в Париже I – 239–241, 243–245, 247–249, 253–255, 258, 261, 262, 277, 300–302, 308, 315, 317, 320, 327, 328, 337, 340, 341, 353, 369, 370, 372, 375, 383, 413, 480, 495, 509, 519, 521, 522, 527, 532, 538, 567, 569, 576, 593; II – 40–42, 52, 83, 96–98, 100, 101, 105, 136, 199, 201, 212, 214, 225, 279, 313, 317, 328, 335, 426, 440
- Гаген-Торн Аня (ок. 1906–?), одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии. В 1920 беж. с родителями на Юге России I – 137
- Газданов Гайто (Георгий Иванович) (1903, СПб. – 1971, Мюнхен), писатель. В эмигр. с 1920 в Германии, с 1923 во Франции. В 1950–1970-е жил наездами в Мюнхене II – 148, 274, 417, 432
- Галанина, влад. мастерской вышивки по коже в Париже I – 505
- Гальская М.Л. см. Жедринская М.Л.
- Гальский (Гальской) Владимир Львович (1908, Орловская губ. – 1961, Касабланка, Марокко), поэт, архитектор. Уч. Белого движ. В 1920 эвак. с армией Врангеля. С 1921 жил с родителями и сестрой в Сербии. Учился в Белградском университете. Уч. в работе

- лит. кружков «Гамаюн» и «Одиннадцать». Публ. в изданиях «Русские записки», «Возрождение», «Грани». Наездами жил в Париже. Брат М.Л.Гальской II – 353, 369, 443, 445
- Гамсун Кнут (наст. фам. Педерсен) (1859–1952), норвеж. писатель I – 334; II – 136
- Ганский (Гатинский) Леонид Иосифович (1905 (1907), Лодзь – 1970, Франция), поэт. В эмигр. с 1926 во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. стихи в сб. Союза; в журналах «Числа», «Совр. записки», «Встречи»; в антологиях «Якорь», «Журнал Содружества» II – 424, 426, 436, 443
- Гансон (урожд. Объянинова, псевд. Иегансон, В.Иог) Валентина Яковлевна, поэтесса. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. стихи в сб. Союза I – 503, 504, 506; II – 19, 422–424, 426
- Гарбодей Тамара, подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 102, 117
- Гарбузова Раиса Борисовна (1906, Тбилиси – 1997, Де Калб, шт. Иллинойс, США), виолончелистка, преп. консерватории. В эмигр. с 1925 в Берлине, Париже, затем в США, проф. муз. колледжа Хартфордского университета (шт. Коннектикут) I – 531
- Гарин-Михайловский (псевд. Гарин Н.; наст. фам. Михайловский) Николай Георгиевич (1852–1906), писатель, «сосед» Кноррингов (влад. имения Гундоровка в Самарской губернии) I – 407, 413, 579
- Гаттенбергер Николай Федорович (1891–1967, Тунис), кап. II ранга. В 1912 окончил Морской к.к. Служил на Черномор. флоте. Кавалер ордена Св. Анны. В эмигр. с 1920 в Бизерте. Сотр. журнала «Военная Быль» I – 253
- Гейне Генрих (1797–1856), нем. поэт II – 397
- Генрих см. Раковский Г.Н.
- Генрих IV (1551–1589), фр. король II – 34, 53, 416
- Георг VI (1895–1952), англ. король II – 373
- Георгий о. см. Спасский Г.А.
- Герасимов Александр Михайлович (1861–1931, Тунис), вице-адм. Уч. Рус.-яп. войны. Нач. Военно-морского управления в Севастополе. Представ. ген. Врангеля в Батуми. В 1920 эваку. в Бизерту. Нач. Морского к.к. в 1920–1925. Почет. член Военно-морского Союза. Член Комитета по сооруж. Храма-памятника Русской эскадре в Бизерте I – 20, 232, 241, 242, 244, 267–272, 292, 303, 305, 329–331, 336, 339, 342, 345, 370, 372, 374, 410, 416, 417, 447, 449, 456, 477, 489, 490, 570, 574
- Герасимов Владимир Александрович (1892, Ревель Эстландской губ. – 1964, Тунис), пор., морской летчик, художник, педагог. Сын А.М.Герасимова. В 1909 окончил Тенишевское

- училище в СПб. В 1909–1914 учился в Петроград. технол. институте на мех. фак. Уч. ВСЮР и Русской армии. Инструктор авиашколы. В 1920 эваку. в Бизерту. Преп. в Морском к.к. рисование и черчение I – 574, 580
- Герасимова Глафира Яковлевна (1865–1923, Тунис), орг. Дам. комитета Морского к.к. в Бизерте и мастерской по пошиву одежды для кадет и преп. к.к., рук. худ.-лит. кружка к.к. Жена адм. А.М.Герасимова I – 241, 311, 354, 364, 567, 569, 576, 587
- Гераскина Наталья Никитишна, подруга И.Кнорринг в Славянске (Харьк. губ.), дочь Надежды Яковлевны и Никиты Кондратьевича Гераскиных, сослуживцев Н.Н.Кнорринга I – 100, 560
- Германова Е.П., опер. певица I – 605; II – 397
- Герст Лиля см. Раковская Лиля
- Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель I – 280, 285
- Гессен Сергей Иосифович (1887, Усть-Сысольск Вологодской губ. – 1950, Лодзь, Польша), правовед, публ., лит. критик, педагог. В эмигр. с декабря 1921. Преп. в Русском науч. институте в Берлине, с 1923 в Высшем пед. институте в Праге. Позднее жил в Варшаве. Приезжал с лекциями в Париж II – 20, 21, 22, 397
- Гийе (Guillet), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 152, 158
- Гийом, приятель Игоря Софиева II – 382
- Гингер Александр Самсонович (1897, СПб. – 1965, Париж), поэт. В эмигр. с 1919. Уч. лит. объединений «Палата поэтов», «Гатарапак», «Через». Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже, Союза русских писат. и журн. в Париже. Автор сб. «Свора верных» (1922), «Преданность» (1925), «Жалоба и торжество» (1939), «Весть» (1957), «Сердце: Стихи 1917–1964» (1965). Член ССП. Жена: А.С.Присманова. Дети: Василий и Сергей I – 534, 544; II – 38, 148, 422, 423, 426, 443, 445
- Гинсбург Б.О., студент Фр.-рус. института в Париже, член РДО II – 70
- Гиппиус Зинаида Николаевна (псевд. Антон Крайний) (1869, Белёв Тульской губ. – 1945, Париж), поэт, прозаик, мемуарист, лит. критик. В эмигр. в Париже. Вместе с мужем, Д.С.Мережковским, соучред. лит. «Воскресений» и Лит.-филос. общества «Зеленая лампа» I – 24, 540, 588, 602; II – 150, 397, 413, 436, 443
- Гитлер (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889–1945), лидер фаш. нац.-соц. партии Германии, воен. преступник II – 363, 370, 371, 445
- Гладкой Сергей (С.И.), художник-илл., декоратор. Автор обложки книги И.Кнорринг «Стихи о себе» (1931) II – 428
- Глафира Яковлевна см. Герасимова Г.Я.

Глебочка см. Кнорринг Г.Н.

Гливенко (Гливенки), семья, харьк. друзья и соседи Кноррингов I – 98, 106, 108, 158, 182, 189, 242, 299, 314, 346, 516

Гливенко Валерий Иванович, сын И.И.Гливенко I – 197, 314, 565

Гливенко Иван Иванович, проф., просв. Дир. Вознесенской гимназии в Харькове I – 102, 108, 197, 299, 329, 565

Гливенко Лидия Ивановна, жена И.И.Гливенко, педагог I – 105, 197, 565

Гливенко Нина Ивановна, сестра Т.И.Гливенко I – 64, 74, 89, 197, 314

Гливенко Татьяна Ивановна (Таня), подруга И.Кнорринг, одноклас. по харьк. гимназии, адресат ее стихов I – 43, 47, 50–52, 59–61, 66, 69, 71, 72, 74, 75, 77, 83, 84, 88, 89, 91, 92, 98, 99, 102–105, 108, 110, 112, 115–117, 119, 120, 124, 138, 144, 148, 149, 156, 161, 166, 169, 173, 182, 193, 197, 201, 206, 208–211, 214, 235, 237, 238, 243, 266, 276, 294, 299, 310, 321, 324, 326, 328–330, 332, 333, 339, 357, 387, 558, 560, 564–566, 570, 585, 592

Глинка Михаил Иванович (1804–1857), комп. I – 605

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель I – 556, 561; II – 339; «Мертвые души» I – 117, 367, 561

Годунов Борис Федорович (1552–1605), шурин царя

Федора I Иоанновича. В 1587–1598 правил Россией. В 1598 избран Земским собором на царство I – 370

Годяцкий, кадет. В 1920 эваку. с родителями в Бизерту. Учился в Морском к.к. (V рота) I – 471, 489

Голеницкая Евгения Карловна см. Розентретер Е.К.

Голеницкий, стат. сов., второй муж Е.К.Розентреттер I – 555

Голенищева-Кутузова Елена Александровна, жена И.Н.Голенищева-Кутузова (брак распался) II – 215, 221, 240, 243, 249, 430, 431

Голенищев-Кутузов Илларион Ильич (Ларик) (1926–?), сын Е.А. и И.Н. Голенищевых-Кутузовых II – 202, 243, 430, 431

Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904, с. Наталино Саратовской губ.–1969, Москва), поэт, проф. филологии, эссеист, пер., лит. критик. В эмигр. с 1920 в Дубровнике (Югославия), учился в Белградском университете на философ. фак. Член лит. кружка «Гамаюн». В 1929–1934 жил в Париже. Защитил доктор. диссер. в Сорбонне. Автор книги стихов «Память» (1935). Публ. в изданиях «Возрождение», «Россия и славянство», «Русские записки», «Совр. записки», «Числа», «Перекресток». Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Вернулся в Югославию, преп. в Белградском университете историю фр. языка и литературы. В

- годы ВМВ сидел в фаш. концлагере. После освобождения воевал в Югосл. народ. армии. В 1947 принял сов. гражд. Репрес. на территории Югославии, 5 лет провел в заключении. После освобождения жил в Венгрии, с 1955 в Москве. Раб. в ИМЛИ. Автор очерков, заметок и эссе. Писал на рус., фр., сербскохорв. и др. языках (владел 16-ю языками) II – 29, 43, 95, 201–203, 206, 207, 211, 213, 215–218, 221, 235, 237, 238, 240, 399, 417, 423–425, 430
- Голль (Gaulle) Шарль де (1890–1970), генерал. В 1940 осн. в Лондоне движ. «Свободная Франция». В 1959–1969 президент Фр. республики II – 447
- Головина Алла Сергеевна (урожд. баронесса Штейгер, во втором браке де Пелиши) (1909, с. Николаевка Черкасского уезда Киевской губ. – 1987, Брюссель), поэт, прозаик II – 441, 443, 445
- Головченко Владимир Александрович (1906, Керчь –?), кораб. гард., инж.-химик. Учился в Одесской гимназии №2, в Керченском реал. училище. Уч. ВСЮР и Русской армии. Служил во флоте. В 1920 эмигр. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. и выехал во Францию. Раб. на заводах в Париже (завод Рено), Туркуане, Безоне. В 1930 поступил в университет Нанси на хим. фак. I – 450, 457, 463, 466
- Голубков, отец Наташи Голубковой II – 208, 254
- Голубкова Наталья (?–1937), знакомая Софиевых по Эрувиллю (Франция) II – 254, 343
- Голубкова, мать Наташи Голубковой II – 208
- Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868, Киев –1932, Париж), прис. пов., ред., общ. деят. В эмигр. с 1918. Пред. Русского общ. комитета, член правл. Союза русских писат. и журн. в Париже. В 1920 ред. «ПН». Покончил жизнь самоубийством II – 424
- Гонич (Гонич-Гида) Марианна Александровна (1900–1993, Гавана), опер. певица I – 605; II – 414
- Гончаров Иван Александрович (1812–1891), писатель I – 306 «Обломов» I – 372, 405
- Гончаров Л.В., ред., издатель журнала «Эос» (Болгария) I – 580
- Гораций (65 до н.э.–8 н.э.), рим. поэт I – 436
- Горгулов Павел Тимофеевич (1895, ст. Лабинская Кубанской обл. – 1932), фельдшер, автор стихов и прозы. Уч. ВВ и ВВД. В эмигр. с 1920 в Праге, затем в Париже. Четырежды был женат, жил на наследство одной из жен, а также зарабатывал на нелегальных абортах. 6 мая 1932 совершил убийство президента Фр. республики Поля Думера (по одной версии Горгулов был лишь орудием в руках ОГПУ; по второй – под именем Горгулова в эмигр. жил другой человек) II – 243
- Горлин Александр Николаевич (1878–1939), пер. I – 574

Горлин Михаил Генрихович (1909, СПб. – 1943, Силезия), поэт, пер., славист. В эмигр. с 1922 в Берлине, с 1933 в Париже. Жена: Р.Н.Блох. Погиб в фаш. концлагере II – 443, 445

Горностаева Анна (Нюра), одноклас. И.Кнорринг по харьк. и симфероп. гимназиям I – 212, 213

Городецкая Надежда Даниловна (1901–1985, Витни, Англия), писатель, журн. В эмигр. с 1919 в Париже. С 1934 в Англии. Доктор философии (с 1944), проф. Ливерпульского университета (1956–1968) II – 148, 417

Городниченко (урожд. Акимова) Александра Михайловна (1888, Тифлис – 1947, Редееф, Тунис), жена М.К.Городниченко II – 121, 351

Городниченко Леонид Михайлович (Лёня) (1904, Двинск–1989, Ним, Франция), кораб. гард. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к. В 1928 женился на О.А.Воробьевой. Раб. в Тунисе землемером-топографом. В 1950-х переехал во Францию, раб. таксистом I – 364, 365; II – 121, 351

Городниченко Михаил Клементьевич (1881, Двинск – 1950, Редееф, Бизерта), полк., инж.-мех. Уч. Рус.-яп. войны, Белого движ. В 1920 эваку. с семьей в Бизерту. После выпуска Русской эскадры раб. на руднике в Редееф (Тунис). Отец Захария (ок. 1902–1932), Михаила, Леонида и

Александра (1906–1962) I – 383; II – 351

Городниченко Михаил Михайлович (Миля) (?–15 сентября 1945, Индокитай), кораб. гард. Служил на крейсере «Генерал Корнилов». В 1920 эваку. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к. С 1937ержант V полка Ин. легиона. Пал смертью храбрых II – 351

Городниченко, семья М.К.Городниченко II – 121

Горпенко-Мягкова Ирина Яковлевна, педагог-психолог, журн., лит. критик. Вдова Б.С.Мягкова, хран. и публ. его архива. Рук. Науч.-метод. отдела Культ. центра «Булгаковский дом» II – 7

Горький Максим (наст. ф.и.о. Пешков Алексей Максимович) (1868–1936), писатель, общ. деят. I – 9, 296, 298, 405, 604; II – 403

Гофман Вера Федоровна, влад. швейной мастерской в Париже. В 1920 эмигр. с семьей в Сев. Африку. В 1923 приехала в Париж. Жена М.М.Гофмана I – 495, 497, 499, 501, 502, 503, 506–508, 510, 514, 518, 545, 548; II – 17, 149, 168

Гофман Виктор Федорович (1905, Симферополь–1980, Франция), кораб. гард., инж., литератор. В 1920 эваку. в Бизерту в составе Морского к.к., окончил его в 1924. Переехал во Францию, раб. инж.-электриком. Автор рассказов. Рук. отделения Военно-морского союза в Нанси. Занимался худ. фотографией I – 419, 423

Гофман Зинаида Михайловна (1905, Одесса-?), юрист, студ. деят. В 1920 эмигр. с родителями в Сев. Африку. В 1923 приехала в Париж. В 1923-1925 раб. на фабрике и училась во Фр.-рус. институте. Затем окончила юр. фак. Сорбонны. Дочь В.Ф. и М.М. Гофманов II - 149, 204

Гофман Модест Людвигович (1887, СПб. - 1959, Париж), проф., искусствовед, пушкинист, литератор. В эмигр. с 1924 в Париже, занимался пушкинским собранием А.Ф.Онегина (наст. фам. Отто). Читал лекции по истории литературы во Фр.-рус. институте и в Сорбонне I - 535; II - 442

Гофманы, семья инж.-нефтяника Михаила Марковича Гофмана (?-1930, Бордо). В 1920 эмигр. с женой и дочерью в Сев. Африку, в 1923 приехал с семьей в Париж. Читал лекции в Союзе русских инженеров и в Союзе русских рабочих II - 149

Гоцци Карло (1720-1806), итал. драм. II - 415;
«Принцесса Турандот» II - 152, 415

Грабарь Наталья см. Габар Наталья

Грабой (Гробой) Соня (Сара) см. Кнут София

Грабой (Гробой), сестра Софии Кнут II - 359

Гран Надя, младшая дочь Е.Г.-Александровой от первого брака. С 1920 в эмигр. в Бизерте, с 1922 в Лионе (Франция).

Подруга И.Кнорринг по Сфаяту I - 238, 263-265, 271, 570

Гран Таня, «красавица Бизерты», артистка-люб. Старшая дочь Е.Г.Александровой от первого брака. В эмигр. с 1920 в Бизерте, затем в Лионе (Франция) I - 271, 570

Гревс (урожд. Достовалова) Елена Исааковна (1893, Омск - 1957, Буйнос-Айрес, Аргентина), третья жена В.Н.(Э.)Гревса, мать Т.В.Гревс II - 256, 434

Гревс Валериан Николаевич (прав. Эдуардович) (1876, СПб. - 1939, Н.-Й.), адв., общ. деят. В эмигр. с 1917 в Сиаме (Тайланд), с 1920 в США. В Париже бывал наездами II - 256, 257, 260, 434

Гревс Татьяна Валериановна (ок. 1903, СПб. - 1963, Омск), поэт, масон. деят. В эмигр. с 1917 в Сиаме (Тайланд), с 1920 в США. В 1929 приехала во Францию. Член Союза русских писат. и журн. в Париже. Член ССП. В 1948 выслана в СССР. В 1950 репрес., сослана в Казахстан. Реабил. в 1956. Жила в Омске II - 256, 260, 434

Греков Петр Петрович (1879-1954, Франция), инж. В эмигр. во Франции. Отец четырех сыновей, мобилизованных во Фр. армию в годы ВМВ II - 392

Грекова Марьяна Петровна, дочь П.П.Грекова II - 395

Грибков, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. Окончил Морской к.к. К 1925 переехал в Париж I - 460; II - 17

- Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), писатель, дипломат
«Горе от ума» I – 318, 319, 425; II – 339
- Григорьева Ольга Николаевна (1957 г.р.), поэт, журн. Лауреат Цветаевской премии
II – 8
- Гриневиц К.Э. (1891–?), проф., ученый-археолог, автор трудов по античности. Дир. керченского Музея древностей
I – 562
- Гронский Павел Павлович (1883, Тверская губ. – 1937, Нуази-ле-Гран, Франция), юрист, проф. Зам. министра внутр. дел в правительстве ген. Деникина. В эмигр. с 1920 в Париже. Член Русской акад. группы. Публ. в изданиях «ПН» (член редколлегии), «Совр. записки». Пред. Общества друзей русской книги. Преп. во Фр.-рус. институте II – 56, 75, 403, 404
- Гулливвер (псевд.) см. Ходасевич В.Ф.
- Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт, критик, осн. «Цеха поэтов» I – 388, 393, 457, 458, 500, 580, 589, 603; II – 114, 339, 421, 427
- Гуннар см. Шмидт Гуннар
- Гурвич Георгий Давидович (1894, Новороссийск – 1965, Париж), правовед, проф., публ. В эмигр. с 1920 в Берлине, Праге, затем в Париже. Автор монографий. В годы войны жил в США I – 544, 545, 604; II – 28, 44, 53, 56, 58, 68–71, 74, 75, 131, 180, 403, 404
- Гурвич г-жа, жена Г.Д.Гурвича
I – 545; II – 28
- Гус Ян (1371–1415), чешский реформатор, нац. герой II – 408
- Гутовская Ядвига Матвеевна (Ядя), жена А.М.Гутовского
I – 145, 164, 170, 178, 179, 188, 562
- Гутовский Антон Матвеевич (Тося), знакомый Кноррингов по Харькову. В 1920 жил с женой в Симферополе I – 145, 146, 158, 164, 170, 178, 179, 181, 562
- Гуфнагель Л. (?–1961, Франция), доктор мед., спец. по кожным и венерич. болезням. В эмигр. во Франции. Член Общества русских врачей им. Мечникова. Раб. во Фр.-рус. госпитале в Вильжюиф (под Парижем) II – 284, 285, 438
- Д.М. см. Давидов Д.М.
- Давидов Дмитрий Михайлович, педагог. Приятель Н.Н.Кнорринга по Моск. университету. В 1920 с женой беж. в Крыму. В Туапсе Давидовы жили с Кноррингами в одной комнате в Греческом училище, отведенном для беж. I – 114, 115, 117, 122, 123, 131, 132, 138, 139, 561, 562
- Давидов Николай Михайлович, брат Д.М.Давидова I – 118, 122, 123, 131, 132, 138
- Давидова Софья Степановна, жена Д.М.Давидова I – 114, 117, 122, 123, 130, 132, 136, 138, 561, 562
- Дайси А.В., англ. юрист, автор книги «Основы гос. права Англии» II – 71

Даладьё Эдуард (1884–1970), лидер фр. партии радикалов II – 368, 445

Далоплю Рене (Daloplu René), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 184, 185, 189, 190

Даманские см. Доманские

Данилевский Григорий Петрович (1829–1890), писатель I – 178

Данилов Николай Васильевич (1899, ст. Усть-Лабинская Кубанской обл.–1925), кораб. гард. В 1919 окончил Брюховецкое реал. училище. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1922 окончил корпус (II рота, «Севастопольская»), пел в смеш. хоре Сфаята. В 1923 выехал во Францию. Учился в Электротех. институте в Нанси. Умер от туберкулеза I – 302, 307, 308, 327; II – 96

Данилов Юрий Никифорович (1866–1937, Булонь-сюр-Сен, под Парижем), воен. деят., ген. от инфантерии, историк, мемуарист. В феврале 1918 возглавлял группу сов. воен. консультантов на переговорах в Брест-Литовске, где выступал против заключения мира. Порвав с большевиками, в 1920 вошел в правительство ген. Врангеля. В 1920 эмигр. в Константинополь, затем в Париж. Автор трудов по истории ВВ. Публ. в журнале «Совр. записки» и др. Во Фр.-рус. институте читал лекции по вопросам обороны в совр. государстве I – 543

Данилова-младшая, дочь Даниловой I – 220, 221

Данилова-старшая. В 1920 эвак. с дочерью в Бизерту на пассажир. транспорте «Константин» I – 220

Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882), англ. ученый, создатель теории эволюции органич. мира I – 380

Дарло (Darlot), одноклас. Игоря Софиева II – 367

Датнова Галина Николаевна, науч. сотр. Отдела РЗ Дома-музея Марины Цветаевой II – 7

Деверньи (Deverneuilly), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 181

Девьер (Девьер) Сергей Сергеевич, граф (?–1962, Париж), подпор. Уч. Добр. армии. В эмигр. с 1920 в Бизерте, с 1924 в Париже I – 390, 391, 396, 399, 400, 403, 407, 409–413, 416, 425–428, 430, 449, 464, 465, 470, 478, 509, 528; II – 81

Девьер Кира Васильевна, жена С.С.Девьера I – 446, 509

Девьеры, К.В. и С.С. Девьеры I – 497, 498, 505

Девятов, харьк. знакомый М.В.Кнорринг I – 104

Дедушка, дед см. Куфтин А.Н.

Дези, преп. англ. языка в харьк. гимназии I – 85

Дейч Евгения Кузьминична (1919 г.р.), филолог, лит. критик, публ., деят. культ. II – 7

Делевский (наст. фам. Юделевский) Яков Лазаревич (1868–1957, Н.-Й.), ученый-геолог,

публ., общ. деят. В эмигр. в Париже, с 1941 в США
II – 239

Дельбари Мария Любимовна (1876–1961, Париж), врач, общ. деят. В эмигр. во Франции. Пред. Общества «Быстрая помощь», дир. Русского старч. дома в Ганьи (под Парижем) I – 21; II – 76, 104, 106, 241

Де́ма см. Шмаиринов Д.А.

Дембовский Иван Владиславович, коллеж. сов., педагог. Уч. ВСЮР и Русской армии. Преп. математику в Морском к.к. в Севастополе, эвак. с ним в Бизерту и раб. в нем до момента роспуска в мае 1925. В 1923–1925 инспектор классов I – 264, 327, 367, 404, 412, 415, 418, 424, 428, 430, 432–434, 442, 443, 447–449, 456

Демидов Игорь Платонович (1873–1946, Париж), общ.-полит. деят., публ. Депутат IV Гос. Думы, комиссар Врем. правительства на Юго-Зап. фронте, зам. министра земледелия. В годы ВВ орг. санитар. поезд (возглавила его Е.Ю.Демидова). После октяб. переворота рук. Киевского отделения Нац. центра. В эмигр. с 1920 в Париже. Зам. ред. «ПН» I – 480, 495, 522, 525, 531, 535, 571, 586, 587; II – 38, 83, 90, 218, 411

Демидова (урожд. Новосильцева) Екатерина Юрьевна (1884, Саров – 1931, Франция), общ. деят., предприн., жена И.П.Демидова. В годы ВВ была в Дам. попечит. комитете, рук. санитар. поездом.

В эмигр. жила с мужем в Париже, зав. швейной мастерской модного платья I – 495, 497

Деминитру (Деменитру) София Осиповна (1888–1958, Париж), артистка, конферансье, театр. деят. Орг. муз.-лит. вечеров «Ассамблея» II – 444

Деникин Антон Иванович (1872, Лович, близ Варшавы–1947, Анн-Арбор, шт. Мичиган, США), ген.-м., мемуарист. Окончил Ловичское реал. училище, в 1890 поступил в Киевское пехотное юнкерское училище. В чине подпор. служил в г. Беле (Польша), где познакомился с Б.А.Бек-Софиевым, дружба с ним продолжилась в эмигр. В 1895–1899 учился в Николаевской акад. Ген. штаба. Служил в штабах Варшавского воен. округа. Уч. Рус.-яп. войны. С марта 1914 в штабе Киевского воен. округа. ВВ окончил в звании главноком. Зап. и Юго-Зап. фронтами. После октябрьского переворота арестован, бежал из тюрьмы на Дон, уч. в создании Добр. армии. Возглавил ее в апреле 1918, после гибели Корнилова. С января 1919 главноком. ВСЮР. 6 января 1920 указом А.В.Колчака объявлен Верховным Правителем Рос. государства. В апреле 1920 передал полномочия П.Н.Врангелю. В эмигр. с 1920 в Англии, Бельгии, Венгрии, Франции, с 1945 в США. Автор книг по рос. воен. истории. Дочь: Марина (1919 г.р., в браке

Кьяпп) I – 96–98, 117–119, 125, 126, 128, 137, 147, 155, 156, 162, 195, 204, 221, 275, 283, 287, 292, 566; II – 263, 317, 440

Деникина (урожд. Чиж) Ксения Васильевна (1892, Беле, Польша – 1973, Париж), жена ген. А.И.Деникина, публ. I – 566; II – 263

Денц Анри Фернан, ген., воен. комендант Парижа. 14 июня 1940 объявил его «открытым городом» II – 391

Деревицкие, семья А.Н.Деревицкого I – 202

Деревицкий Алексей Николаевич (1859–1943), проф., историк, филолог, краевед, попечитель Казанского и Новороссийского учеб. округов, член Гос. совета. Приват-доцент Харьк. университета. Декан фил. фак. Таврич. университета с момента его основания в 1918. В 1931 после «проработок» покинул его. Летом 1920 в его симфероп. квартире жила семья Н.Н.Кнорринга I – 202, 564

Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт I – 535, 603

Держинская Ксения Георгиевна (1889, Киев – 1951, Москва), опер. певица, солистка Большого театра. В 1926 гастролировала в Париже I – 605

Десан (Dessagnes) П., автор учеб. по фр. языку I – 585

Джером Джером Клапка (1859–1927), англ. писатель, драм. I – 159

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), нарком.

внутр. дел, с 1917 пред. ВЧК, в 1922 пред. ГПУ I – 13

Дик см. Крюковской Дик

Диккенс Чарлз (1812–1870), англ. писатель I – 171, 562, 564;

«Оливер Твист» I – 130;

«Сверчок на печи» I – 187, 564

Дима см. Матвеев Вадим (В.П.)

Дитрих (Дитерихс), сын Ф.Р.Дитриха. В 1920 эмигр. в Бизерту. В 1922 выехал в Европу I – 269

Дитрих (Дитерихс) (старший) Федор Рудьмирович, подпор., инж. Уч. Русской армии и ВСЮР. В 1920 эвак. в Бизерту на линкоре «Генерал Алексеев». Служил в Морском к.к. I – 269

Дмитренко, одноклас. И.Кнорринг по симфероп. гимназии I – 199

Дмитриев Владимир Иванович (1879–1965, Париж), кап. I ранга, военно-морской атташе во Франции. В 1899 окончил Морской к.к. в СПб., затем Морскую академию. Уч. Добр. армии. Сотр. О.К. В эмигр. во Франции. Занимался поддержкой Морского к.к. в Бизерте, а после ликвидации Русской эскадры – нуждами моряков и их семей. Пред. Всезарубеж. объединения морских организаций в Париже, член Комитета старшин Кают-компаний морских офицеров во Франции, почет. член Общества б. русских морских офицеров в Америке I – 18, 501, 556, 587; II – 18

Дмитрий Митрофанович см.
Тихомиров Д.М.

Дмитрий Михайлович см. Да-
видов Д.М.

Добровольский Алексей Бори-
сович (1904, Харьков-?), ко-
раб. гард. В эмигр. с 1920 в
Тунисе. В 1923 окончил Мор-
ской к.к. в Бизерте. В авгу-
сте 1924 приехал во Францию
I – 374, 433, 440

Довнар-Запольский Митрофан
Викторович (1867–1934), ис-
торик, проф. В годы Гражд.
войны беж. в Крыму I – 562

Долгоруков Петр Дмитриевич
(1866–1945, СССР), историк,
полит., общ. деят. В эмигр. с
1920 в Турции, с 1922 в Че-
хии. Сотр. Русского загранич.
истор. архива в Праге. В
1940–1943 пред. Комитета по
празднованию «Дня русской
культуры» в Чехословакии.
В 1945 арестован, депорт. в
СССР. Погиб в заключении
I – 575

Долинов (наст. фам. Котляр)
Анатолий Иванович (1869–
1945, Севр, под Парижем),
артист Александринского те-
атра, режиссер, проф. Драм.
театр. курсов в СПб. В эмигр.
с 1922 в Берлине, Праге. В
1923 приехал в Париж, где
основал театр «Золотой пету-
шок». В 1925 открыл театр-
кабаре «Маскотт». Автор
книги «За 50 лет на сцене»
I – 465, 515, 582

Доманская, жена Василия До-
манского II – 315

Доманская, сестра В.М. Доман-
ского I – 430

Доманский Владимир Матвее-
вич (Володя), кораб. гард. В
1920 эваку. в Бизерту. Окон-
чил Морской к.к. Младший
брат Василия Доманского. В
1925 приехал в Париж I – 472,
487, 492, 494, 582; II – 17

Доманский Василий Матвее-
вич (?–1983, Франция), кораб.
гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В
1924 окончил Морской к.к.
(V рота) и выехал во Фран-
цию. Адресат стихов И.Кнор-
ринг I – 349, 371, 391, 394–
422, 425, 428–433, 435, 436,
438–446, 448, 449, 451–459,
460, 463, 466–468, 470, 471,
477, 478, 480, 483, 486, 494,
495, 528, 529, 552, 580, 582;
II – 17, 276, 315

Домнич Константин Констан-
тинович, филолог, педагог.
Окончил Таврич. дух. семи-
нарию. Учился в Юрьевском
(юр. фак.) и в Новороссийс-
ком (истор.-фил. фак.) уни-
верситетах. В 1908–1910
преп. в Херсонской мужской
гимназии, в 1911–1920 в
Екатеринослав. учительском
институте. Два года был орг.
Учительской семинарии в
Сумском уезде Харьк. губ. В
1920 эваку. из Крыма в Бизер-
ту. Преп. русский язык и ли-
тературу в Морском к.к. Ре-
цензент стихов И.Кнорринг.
В начале 1923 выехал в Евро-
пу, жил в Праге. Автор тру-
дов по литературе и педагоги-
ке I – 30, 243, 300, 303,
305–308, 318, 322, 325, 326,
333, 339, 350, 351, 354, 363,
367, 438, 444

Донников Александр Василье-
вич, педагог, раб. в Харьк.

- учеб. округе. В 1920 на положении беж. в Крыму. В 1921 в эмигр. в Сербии, затем в Польше, в Германии. Вернулся в СССР, где осталась его семья I – 153, 157, 160, 163, 168, 171, 176, 179, 187, 188, 190, 203, 234, 257, 295, 319, 324, 325, 340
- Донникова, сестра А.В.Донникова I – 171
- Донниковы, семья А.В.Донникова: жена Вера, дочери Нина и Тамара I – 235
- Дорман Елена Генриховна (1955 г.р.), архивист, публ. Сотр. Дома РЗимени А.И.Солженицына II – 7
- Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922), журн., театр. критик, драм. I – 566;
«Иванов Павел» I – 228, 566
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель I – 360;
«Бедные люди» I – 304
- Дрейер фон В.Н. см. Фон-Дрейер В.Н.
- Дряхлов Валериан Федорович (1898 – не ранее 1972), поэт, пер., уроженец Поволжья. В эмигр. в Париже, зарабатывал в качестве мойщика окон. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. стихи в сб. Союза; в изданиях «Числа», «Возрождение», «Журнале Содружества»; в альманахе «Орион». Автор сб. стихов и переводов «Проблески» (1972) II – 45, 188, 248, 422, 424, 426, 443, 445
- Дубнер Тося, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 51, 74, 75, 105; II – 397
- Дубнер, семья в Харькове I – 88
- Дубровский Георгий (Жорж) (1885 (1892?), Тифлис–1974, США), опер. певец I – 605
- Дунаев, мичман. В 1920 эвак. в Бизерту. Служил воспит. в Морском к.к. I – 241
- Дунаевские см. Дунаевский Б.И., Дунаевский И.О.
- Дунаевский Борис Осипович, стар. брат И.О.Дунаевского. В Харькове учился в гимназии, директором которой был Н.Н.Кнорринг. Играл на рояле в организованном директором гимназич. оркестре. Часто репетиции проходили в квартире Н.Н.Кнорринга (скрипач и дирижер) I – 207, 565
- Дунаевский Исаак Осипович (1900, с. Лохвицы Полтавской губ. – 1955), сов. комп., дирижер. В 1910–1924 проживал в Харькове с родителями, братьями Борисом, Михаилом, Семеном и Зиновием и сестрой Зинаидой. Учился в гимназии, директором которой был Н.Н.Кнорринг. Играл на скрипке в орг. им оркестре. Автор музыки к сов. фильмам «Веселые ребята» (1934), «Три товарища» (1935), «Вратарь», «Дети капитана Гранта» и «Цирк» (1936), «Волга-Волга» (1938), «Весна» (1947) и др. Автор оперетт I – 207, 314, 565; II – 343, 442
- Дураков Алексей Петрович (1899, с. Дураково Пензенской губ. – 1944, под Прогаром, Югославия), кораб. гард., поэт, филолог, пер. В 1917

окончил Симбирский к.к. Учился в Морском к.к. во Владивостоке. В 1920 на крейсере «Орел» прибыл в Крым, затем эваку. в Бизерту. В 1923 приезжает в Дубровник (Югославию, где знакомится с Ю.Софиевым. Учится в Белградском университете (философ. фак.), член лит. кружка «Гамаюн». Преп. гимназии в Скопле. В Париже бывал наездами, выступал на вечерах Союза молодых поэтов и писат. Публ. стихи в сб. Союза, а также в «Журнале Содружества», «Перекрестке» и др. Член Союза русских писат. и журн. в Югославии. В годы ВМВ вместе с женой уч. в югосл. Сопротивлении, был на принудит. работах в Германии, воевал в партиз. отряде. Погиб смертью храбрых. Посмертно награжден Орденом Отеч. войны II – 423–426

Дуров Борис Андреевич (1879, СПб. – 1977, С.-Женевьев де-Буа), полк. Ген. штаба, педагог, админ. Уч. В работе Врем. Правительства. В эмигр. с 1919. В 1931–1961 дир. Русской гимназии в Париже I – 573

Дюбуа Андре (Dubois André), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 169, 170

Дюги Л., проф., правовед II – 69

Дюма (отец) Александр (1802–1870), фр. писатель I – 210, 304

Дюра (Durat), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 178, 181, 182, 184, 237

Дюран Клод (Duran Claude), знакомый И.Софиева по Андаю (Пиренеи) II – 321

Дюшен (Duchesne) Андре, отец Анны Дюшен I – 293; II – 405

Дюшен (в браке Волхонская) Анна Андреевна (1891, СПб. – 1964, Ментона, Франция), княгиня, иконописец, живописец, график. С 1920 в эмигр. в Бизерте, раб. в иконописной мастерской, пела в смеш. хоре Сфаята, помогала в швейной мастерской. Выполнила икону «Светлая Обитель странников бездомных». С 1922 жила во Франции. Уч. Осеннего салона, Салона независимых, выставок СССР. В 1927 сост. персональная выставка I – 281, 293; II – 83

Дядя О.А.Воробьевой (муж сестры А.А.Воробьева, фамилию не удалось установить). В эмигр. в Бизерте, служил в Русской эскадре I – 254, 308; II – 351, 442

Евангулов Георгий Сергеевич (1894, Грузия – 1967, Гамбург, Германия), писатель. В эмигр. с 1921 в Париже II – 443, 445

Евгений Иванович см. Столяров Е.И.

Евгения (Женя), подруга Клавдии Пассек II – 444

Евгения Антоновна, «корпусная дама», знакомая Кноррингов по Бизерте I – 306, 307

Евдокия Ивановна см. Фаусек Е.И.

Евлогий, митрополит (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946, Париж), доктор

- богословия, церк. и общ. деят. В эмигр. с 1920 в Сербии, затем Германии. В 1921–1946 управляющий правосл. приходами в Зап. Европе. Член-учред. и ректор Св. Сергиевского Правосл. Богосл. института в Париже I – 572, 586; II – 408–409
- Евтушенко Варя, подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 102
- Егор (Эрувиль) см. Подгорный Е.Б.
- Егоров Александр Ильич (1883–1939), сов. ген., главноком. Юго-Зап. фронтом. Маршал СССР. Репрес., расстрелян 23 февраля 1939. Реабил. в 1956 I – 181, 564
- Егорова Лиза, дочь генерала А.И.Егорова I – 181, 182, 564
- Екатерина Дмитриевна см. Кутневич Е.Д.
- Екатерина II (1729–1796), Рос. императрица с 1762 г. I – 8
- Елена Александровна см. Голенищева-Кутузова Е.А.
- Елена Григорьевна см. Александрова Е.Г.
- Елена Евгеньевна см. Майер Е.Е.
- Елена Ивановна см. Унбегаун Е.И.
- Елена Максимилиановна см. Подгорная Е.М.
- Елена Николаевна см. Хомиченко Е.Н.
- Елизавета Александровна см. Блинова Е.А.
- Елизавета Владимировна см. Мореходова Е.В.
- Елизавета Павловна см. Хворостанская Е.П.
- Елизавета Петровна (1709–1761/62), Рос. императрица (с 1741), дочь Петра I I – 561
- Елизавета Сергеевна см. Насонова Е.С.
- Елкин Павел Васильевич (Пава), кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. и выехал во Францию I – 401, 415, 420, 430, 431, 433, 435, 436, 455
- Ельяшевич В.Б. см. Эльяшевич В.Б.
- Емельянов, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту, окончил Морской к.к. I – 448
- Енько-Даровская Вера Дмитриевна, пианистка, парижская знакомая Кноррингов II – 308, 317
- Есенин Сергей Александрович (1895–1924), поэт I – 523, 530, 533, 594, 600; II – 49
- Эфрон С. см. Эфрон С.А.
- Жакобсон, бельг. виолончелист. На его вилле в Севре (по адресу: rue du Point du Jour) семья Кнорринг по приезду во Францию снимала две комнаты I – 587
- Жаннет, знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 122, 344
- Жедринская (урожд. Гальская) Мариамна Львовна (?–после 1974), жена В.И.Жедринского. В эмигр. в Сербии. Посещала лит. кружок «Одиннадцать». Адресат стихов Ю.Софиева. Наездами жила с семьей в Париже. Дети: Арсений, Николай, Мария II – 29, 144, 353, 443, 445

Жедринский Владимир Иванович (1899, Орел – 1974, Париж), театр. художник, декоратор, карикатурист, режиссер. В эмигр. в Сербии. Раб. худ. оформителем в Гос. театре в Белграде. Затем уехал в Марокко. После ВМВ гл. декоратор Муницип. театра в Ницце. Муж М.Л.Гальской II – 144, 145, 353, 443

Жез Гастон, фр. общ. деят., проф. I – 600; II – 418

Женевьев Коллет, знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 344

Женя (Франция) см. Столяров Е.И.

Женя (Тунис) см. Наумов Е., Завалишин Е.

Жеребков Юрий Сергеевич (1908, Новочеркасск Донской обл. – после 1980), артист балета, полит. деят. В эмигр. в Югославии, Германии, с 1940 во Франции. Сотр. с окупац. фаш властями. Был приговорен парижским судом к пожизн. принудит. работам II – 447

Жермэн см. Жульен Жермэн

Жид Андре (1869–1951), фр. писатель. Лауреат Нобелевской премии (1947) II – 438

Жижейкин Кирилл (1906–1924, Тунис), кадет. В 1920 эмигр. в составе Морского к.к. в Бизерту I – 443, 444

Жиен, адм., префект Бизерты I – 16, 489, 490

Жиляев Увар (Уар) Дмитриевич, историк, экономист, проф. В эмигр. в Чехии. Член Русской акад. группы в Праге.

В 1922 представ. Русской учеб. коллегии в Тунисе I – 570

Жолнеркевич Мила, одноклас. И.Кнорринг по симфероп. гимназии. Беж. из Екатеринослава, дочь офицера Добр. армии I – 199–204, 211–214

Жоржетта (Georgetta), внучка О.В.Блиновой II – 286, 317, 348

Жорж Санд (наст. имя Аврора Дюпен) (1804–1876), писательница I – 31

Жук (урожд. Орлова) Мария Андреевна (1896, Туркестан – 1992, Париж), певица, артистка муз. драмы. Окончила в СПб. Институт Св. Терезии Петербургской. В 1920 эмигр. с семьей в Бизерту, в 1925 переехала в Париж. В 1927 окончила Русскую консерваторию. В 1930-е годы пела в Русской опере К.Д.Агренева-Славянского I – 287, 379, 382, 495; II – 10, 81, 83, 92

Жук Александр Александрович (15 марта 1895–12 февр. 1960, Париж), стар. лейт. Уч. Русской армии и ВСЮР. Зав. хоз. частью Морского к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с ним в Бизерту. К 1925 переехал с семьей в Париж. Муж М.А.Жук I – 242, 381, 494, 501

Жук, сын М.А. и А.А.Жук I – 239

Жук, мать М.А.Жук см. Орлова, мать М.А.Жук

Жуки, семья М.А.Жук, соседи Кноррингов в Сфаяте (Тунис)

- и позднее в Севре (Франция)
I – 350, 493
- Жукова (урожд. Чиждова) Татьяна Сергеевна** (1956 г.р.), уроженка с. Елшанка, экономист, предприн. II – 7
- Жуковская Татьяна Никитична** (1943 г.р.), геолог, публ., деят. культ. Внучка А.К.Герцык. Хран. и публ. архива Герцыков-Жуковских II – 7
- Жуковский Василий Андреевич** (1783–1852), поэт, пер.
I – 316, 558
- Жульен Жермэн (Juillaume Germaine)** (?–1932), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 184, 185, 189, 421
- Забнин (Зябнин) Иван Абросимович (отец Иоасаф)** (1869–?), свящ. Махрищского монастыря при Св. Троицкой Сергиевой Лавре (Владимирская губ.). После революции и закрытии монастыря странствовал, крестил детей. В 1937 репрес., приговорен к 5-ти годам ссылки в Казахстан. Реабил. в 1959 I – 564
- Забнин (Зябнин) Сергей Иванович**, историк, археолог, краевед. Член Крымского горного клуба (орг. в Крыму в 1890). Автор монографий об урочищах Крыма, о его флоре и фауне. В 1920 в его доме в Симферополе жила семья Кнорринг I – 151, 166, 169, 179, 180, 562–563, 564
- Забнин (Зябнин) Федор Иванович**, брат С.И.Забнина. Проживал во Владимире. В 1920 находился в Крыму на положении беж., жил с дочерью Соней у брата в Симферополе
I – 169, 564
- Забнина (Зябнина) Надежда Михайловна**, жена С.И.Забнина I – 151, 166, 169, 181, 562–563
- Забнина (Зябнина) Софья Федоровна (Соня)**, беж. из Владимира, племянница С.И.Забнина I – 151, 169, 178
- Завалишин Александр Евгеньевич** (1867, СПб. – 1936, Тунис), ген.-м. флота. В 1887 окончил Морской к.к. и Николаевскую морскую акад. Служил в ВСЮР и Русской армии. В 1901–1917 преп. математику в Морском к.к. С 1919 преп. и зав. хоз. частью к.к. В 1920 эваку. с семьей в Бизерту. Служил в к.к., с августа 1922 нач. строевой части к.к. После ликвидации Русской эскадры раб. сторожем в местном фр. лицее. Отец Марии, Людмилы, Николая и Евгения. Именем А.Е.Завалишина назван мыс в Японском море I – 20, 336, 344, 345, 347, 374, 409, 417, 418, 424, 443, 447, 449, 454, 466, 574, 580
- Завалишин Евгений Александрович (Женя)** (1907, СПб. – 1943, Тунис), кораб. гард. В эмигр. в Бизерте. В 1925 окончил Морской к.к. I – 323, 447, 580
- Завалишин Николай Александрович (Коля)** (1905, СПб. – 1943, Тунис), кораб. гард. В эмигр. в Бизерте. В 1924 окончил Морской к.к. I – 281–283, 371, 413, 415, 420–424, 428, 451, 453, 454, 465, 466, 488

Завалишина (в браке Степанова) Людмила Александровна (Мила) (1903, СПб. —?), дочь А.Е.Завалишина. В эмигр. в Бизерте. Пела в смеш. хоре Сфаята I — 234, 281, 307, 326, 331, 364–366, 422, 437, 451, 580

Завалишина (в браке Червоненко) Мария Александровна (Маруся) (1901, СПб. —?), дочь А.Е.Завалишина. В эмигр. в Бизерте. Служила гувернанткой во фр. семье I — 284, 301, 302, 341, 387, 416, 437, 451, 571, 580

Завалишина (урожд. Георгиевская) Александра Михайловна (?–1977, Сен-Рафаель, Франция), жена А.Е.Завалишина. В эмигр. в Бизерте. Член Дам. комитета Морского к.к. Пела в смеш. хоре Сфаята (альт) I — 239, 281, 305–307, 317, 331, 334, 372, 391, 465, 493

Завалишины, семья А.Е.Завалишина I — 233, 240, 277, 284, 305, 307, 341, 388, 416, 425, 436, 440, 441, 566, 580

Зайцев Борис Константинович (1881, Орел–1972, Париж), писатель, мемуарист. В эмигр. с 1922 в Берлине, с 1924 в Париже. Член правл. Союза русских писат. и журн. в Париже, член Ассоциации Тургеневской библиот., член Комитета по созданию Русского лит. архива в Париже. В 1925–1926 ред. лит. отдела журнала «Перезвоны» (Рига) I — 25, 26, 343, 497, 498, 519, 522, 523, 532, 534, 575, 588, 590, 592; II — 29, 398, 399, 401, 435, 436

Зайцев Кирилл Иоаннович см. Константин о.

Зайцева (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова) Вера Алексеевна (1878–1965), жена Б.К.Зайцева. Уч. в работе Биянкурского правосл. кружка. Член Ассоциации Тургеневской библиот., член правл. Моск. землячества II — 29, 399

Закович Борис Григорьевич (1907, Москва–1995, Франция), поэт. Член лит. объединения «Кочевье». Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. стихи в сб. Союза, в «Числах», «Журнале Содружества»; альманахе «Круг»; в антологиях «Якорь», «Эстафета», «На Западе». В 1944–1945 рук. изданием газеты «Русский патриот». Ред. сб. «Встреча» (1945). Автор сб. «Дождь идет над Сеной» (Париж, 1984) II — 228, 341, 426, 429, 443, 445

Закович (1934–1937), дочка Б.Г.Заковича II — 341

Заковская Нина Рудольфовна (1914–?), дочь Р.И.Заковского II — 231, 426

Заковский Рудольф Ильич, парижский знакомый Софиевых II — 231, 426

Зальцгебер Николай Сергеевич, кораб. гард. В эмигр. с 1920 в Бизерте. В 1925 окончил Морской к.к. Младший брат С.С.Зальцгебера I — 486

Зальцгебер Сергей Сергеевич (?–1935, Алжир), кораб. гард. В эмигр. с 1920 в Бизерте. В 1923 окончил Морской

- к.к. Служил в Русской эскадре на линкоре «Генерал Алексеев» I – 417
- Замятин Евгений Иванович** (1884–1937, Париж), инж.-судостроит., писатель, публ., сценарист. Вып. СПб. Политех. института. В эмигр. с 1931, с 1932 в Париже. Автор романов «Мы» (1927), «Бич Божий» (1938) II – 284, 343
- Замятина** (урожд. Усова) **Людмила Николаевна** (1883–1965, Париж), жена Е.И.Замятина. Сост. книги его статей и воспом. «Лица» (Н.-Й., 1955) II – 284
- Запольская** (урожд. Васильева) **Серафима Ивановна**, зубной врач. Раб. в Русской армии и ВСЮР. В 1920 эваку. с Русской эскадрой в Бизерту. Раб. в лазарете русского лагеря в Руми, входила в бригаду врачей, объезжающих русские лагеря Сев. Туниса. Жена Д.В.Запольского. Сын: Георгий (Беба), кадет X роты, приятель И.Кнорринг I – 295, 571
- Запольские**, семья стар. лейт. **Дмитрия Вадимовича Запольского**, воспит. Морского к.к. В 1920 эваку. в Бизерту I – 368, 576
- Запорожец** **Галя**, одноклас. **И.Кнорринг** по харьк. гимназии I – 65
- Запорожец** (наст. фам. Кононов) **Капитон Денисович** (1882, Москва –1940, Париж), опер. певец. В эмигр. во Франции I – 605
- Захаржевская** **Вера**, мать **В.П.Захаржевского**, проживала в Харькове I – 299
- Захаржевский** **Владимир Павлович**, уроженец Харькова, вып. Морского к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с ним в Бизерту, кадет V роты. Сын офицера, расстрелянного в Крыму в 1920 I – 299, 324
- Зацепин** **Александр**, поэт, кораб. гард. В 1918 окончил гард. классы Морского к.к. В 1920 находился в Крыму I – 190
- Звенигородский** **Александр**, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к. К 1930 переехал в Алжир, к 1973 в Каире (Египет) I – 428, 435, 444, 446, 479
- Зданевич** **Илья Михайлович** (1894–1975), художник, поэт, издатель. С 1921 в эмигр. в Париже I – 600
- Зеелер** **Владимир Феофилович** (1874–1954, Париж), адвокат, земский деят., благотв. Окончил Харьк. университет, раб. адвокатом в Ростове-на-Дону. Член кадет. партии. В 1917 назначен градонач., свергнут и арестован большевиками. В эмигр. в Париже. Ген. сен. Союза русских писат. и журн. в Париже, член правл. Объединения русских адвокатов и Общества «Быстрая помощь», соучред. газеты «Русская мысль» II – 306, 439, 440
- Зеленая** **Вера Евгеньевна** (1883–1954, Кормей-ан-Паризи, Франция), певица, пианистка, хорм. В 1920 эмигр. в Бизерту. Преп. пение в школе на линкоре «Георгий Победоносец», рук. смеш. хором

Сфаята. После ликвидации Эскадры переехала во Францию. В 1937 уч. в Пушкинских торжествах. Зарабатывала выпечкой и продажей русского печенья. Последние годы провела в Русском старч. доме I – 313, 486

Земит Анна, уч. собраниями Союза молодых поэтов и писат. в Париже II – 242

Зеньковский Василий Васильевич (1881, Проскуров Подольской губ. – 1962, Париж), философ, протопресв., педагог, деят. РСХД. Проф. Киевского университета Св. Владимира. В эмигр. с 1920. В 1920–1923 в Югославии, проф. Белградского университета. В 1923–1926 дир. Русского пед. института в Праге. С 1926 в Париже, проф. Св. Сергиевского Правосл. Богосл. института. Ред. изданий «Вопросы религ. воспитания и образования», «Бюллетень религ.-пед. кабинета» I – 575; II – 412

Зернов Владимир Михайлович (1904, Москва–1990, Швейцария), врач, доктор мед., общ. деят. В эмигр. с 1921 в Константинополе, затем в Белграде. Семья Зерновых орг. при Белградском университете религ.-филос. кружок «Ковчег». К 1929 приехал в Париж. Член правл. Общества русских врачей им. Мечникова. Сотр. Пастеровского института, выступал с лекциями в РСХД, член Союза врачей при РСХД II – 361

Зернова Софья Михайловна (1899, Москва–1972, Париж),

общ. деят. В эмигр. в Белграде. В 1925, окончив филос. фак. Белградского университета, приехала во Францию. Училась в Сорбонне на фил. фак. Деят. РСХД. В 1932–1934 зав. Бюро по трудоустройству при РОВС. В 1935 осн. Центр помощи русским в эмигр. Соорг. (вместно с Земгором в Швейцарии) отбых русских неимущих детей. В 1937 член Комитета для координации действий благотв. и гуман. организаций. В 1940 орг. Русский детский дом в Монжероне. Сек. Международ. орг. помощи беженцам (ИРО) II – 353, 442

Зимборский Анатолий (?–1937, Тунис), кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. Окончил Морской к.к. I – 353, 356, 409, 437; II – 350, 351

Злобин Владимир Ананьевич (1894, Петербург – 1967, Париж), поэт, писатель, мемуарист. Сек. З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского. В 1920 эмигр. с ними в Польшу, затем в Париж. Публ. в изданиях «Возрождение», «Новый журнал», «Опыты», «Грани», «Русская мысль». Автор сб. стихов «После ее смерти» (Париж, 1951) и книги о З.Н.Гиппиус «Тяжелая душа» (Вашингтон, 1970) I – 24; II – 397, 436, 441, 443, 445

Золотарев Н.Я., деят. культ. В эмигр. во Франции I – 591

Зубков Иван Трофимович (?–1920, Туапсе), педагог. В 1920 бежал с женой с Дона на юг

- России. Раб. братом милосердия в тифозном бараке в Туапсе I – 130, 131, 137
- Зубкова Полина Андреевна, жена И.Т.Зубкова, беж. с Дона. В 1920 раб. сестрой милосердия в тифозном бараке в Туапсе I – 130, 134
- Зубович Леонид Витальевич (?– после 1973, Франция), кораб. гард. Служил на крейсере «Генерал Корнилов». В 1920 эвак. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к., переехал во Францию I – 345
- Зубовский Владимир Петрович (1898, СПб.–?), кораб. гард. Учился в Петроградском университете, выбыл с первого курса по мобилизации. В 1919 зачислен юнкером в Сергиевское арт. училище. В 1920 переведен в Морской к.к., в его составе эмигр. в Бизерту. Раб. санитаром. В 1922 выехал во Францию, получив студ. стип. Учился в Сорбонне на естест. фак. I – 243
- И.И. см. Игорь Иванович
- Ибсен Генрик (1828–1906), норв. драм. II – 397
- Иван Иванович (Харьков) см. Гливенко Иван Иванович
- Иван Трофимович (Туапсе) см. Зубков И.Т.
- Иванов Георгий Владимирович (1894–1958, Йер, Франция), поэт, прозаик, мемуарист. В эмигр. с 1922 I – 24, 500, 589; II – 134, 423, 436, 441, 443, 445
- Иванов Леонид (1921–?), сын В.П.Ивановой I – 238, 239
- Иванов Николай Петрович (1877, Архангельск – 1964, Ганьи, под Парижем), полк., инж.-химик, прот., церк. деят. Во ВСЮР служил в Донской артиллерии. В эмигр. с 1920 в Константинополе. С 1923 в Париже, раб. на заводе. Член Союза русских дип. инженеров, Военно-морского истор. кружка и др. Читал лекции на Высших воен. курсах ген. Н.Н.Головина в Париже II – 446
- Иванов, кораб. гард. В 1924 окончил Морской к.к. в Бизерте и выехал в Европу I – 455
- Иванова Алла Николаевна (1967 г.р.), программист, предприн. (Самара) II – 8
- Иванова Вера Павловна. В 1920 эвак. с мужем в Бизерту. Попутчики Кноррингов по транспорту «Константин» I – 218, 219, 224, 228
- Иванова Галина (1918 г.р.) и Лёля, дочери Ивановых из Ростова-на-Дону I – 346
- Ивановский Александр Викторович (1881–1959), сов. режиссер II – 438
- Ивановы, знакомые Кноррингов из Ростова-на-Дону I – 346
- Иваск Юрий (Георгий) Павлович (1907, Москва–1986, Амхерст, США), доктор фил. наук, критик. Жил в Эстонии, с 1949 в США I – 598; II – 441
- Ивелич (псевд.) см. Берберова Н.Н.
- Игнатов Александр Митрофанович, вып. Морского к.к. в Бизерте I – 310

Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945, Канада), гос., общ. деят. В 1915–1916 министр народ. просв. В эмигр. с 1919. В 1927–1932 в Париже. Раб. в Гл. управлении РОКК II – 410

Игорь Иванович, преп. географии в харьк. гимназии I – 44, 74, 156

Иегансон Валентина см. Гансон Валентина

Илларион Иванович, преп. географии в харьк. гимназии I – 87, 156

Ильин Владимир Николаевич (1890, Киев. губ. – 1974, Париж), философ, богослов, общ. деят. В эмигр. с 1919, с 1925 в Париже II – 412

Ильин П.И., артист, рук. театр. студии в Харькове. В 1920 гастролировал в Симферополе I – 167

Илюша, Илья (Тунис) см. Маджугинский И.Н.

Илья (Париж) см. Голенищев-Кутузов И.Н.

Импшенецкий Александр Захарьевич (1887, Смоленск–?), ботаник, педагог. Уч. ВСЮР и РА. В 1920 в Севастополе дир. курсов для рабочих, служил в Морском к.к. В ноябре 1920 эваку. в Бизерту. Преп. в Корпусе ботанику, биологию и зоологию. Вел лит. кружок. К марту 1923 переехал во Францию, окончил университет в Безансоне I – 330, 347

Инбер Вера Михайловна (1890–1972), сов. поэтесса II – 418

Иннокентий Херсонесский (в миру: Борисов Иван Алексе-

евич) (1800, Елец Орловской губ. – 1857), святитель, архиепископ Херсонесский и Таврический. Прославлен РПЦ в 1998 I – 587

Иоанн о. (Байздренко Иван Андреевич), диакон. В 1921 в Бизерте окормлял русскую колонию I – 302

Ирина (Ируся) см. Насонова И.С.

Ирина (Харьков) см. Садовская Ирина

Ирликов прав. Ирманов

Ирманов Владимир Георгиевич (Володька) (1919–?), младший сын Л.А. и Г.С. Ирмановых. В 1920 эваку. с матерью и старшим братом в Бизерте. В октябре 1923 выехал с ними во Францию I – 258, 383, 569

Ирманов Мостам Георгиевич (Мостик), кораб. гард., старший сын Л.А. и Г.С. Ирмановых. В 1920 эваку. с матерью и младшим братом в Бизерту. Учился в Морском к.к. (Х рота). В октябре 1923 семья выехала во Францию I – 258, 292, 383, 415, 436, 569

Ирманова (урожд. Снаксарева) Лидия Антоновна, вдова морского офицера Георгия Сергеевича Ирманова (1886–дек. 1918/января 1919), сестра О.А.Кольнер. В 1920 эваку. с двумя сыновьями в Бизерту. В октябре 1923 выехала с детьми во Францию I – 258, 372, 374, 378, 379, 383, 430, 495, 521, 569; II – 96

Ирмановы, семья Л.А.Ирмановой I – 383

Исаев Николай Александрович (1891, Одесса – 1977, Иври,

- Франция), художник, живописец, сценограф. В эмигр. в 1919 в Югославии, с 1925 во Франции II – 107
- Йованович Мирослав (1962 г.р., Белград), историк, проф. Белградского университета, автор монографий I – 572
- Йося см. Таутер Иосиф
- К.Р. (псевд.) см. Константин Константинович, вел. кн.
- Каврайская (Коврайская) Антонина Владимировна (Тоня, Тося), дочь В.В.Каврайского I – 48, 557; II – 18, 19
- Каврайская (Коврайская) Мария Владимировна (1890–1942), жена В.В.Каврайского I – 48, 557
- Каврайская (Коврайская) Ольга Владимировна (Ляля), дочь В.В.Каврайского I – 48, 557
- Каврайский (Коврайский) Владимир Владимирович (1884–1954), геодезист, картограф, проф. СПб. университета. Окончил гимназию в Симбирске. Учился в Моск. университете. После его закрытия в 1905 преп. в ремесл. училище в Саратове. Закачивал университет в Харькове, жил в доме Кноррингов. Будучи виолончелистом, составлял дуэт с Н.Н.Кноррингом (скрипач). Влад. усадьбы в Жеребятниково (Симбирская губ.). После революции выехал в Петроград. В 1928 был в командировке в Париже, где встречался с Кноррингами. После возвр. в СССР репрес. I – 299, 318, 321; II – 168
- Каврайский (Коврайский) Владимир Федорович, уроженец с. Жеребятниково Симбирской губ. Сек. Дворянского собрания Симбирска. Отец В.В.Каврайского I – 48, 557
- Каган (псевд. Евсеев) Давид Евсеевич (1891–1959, Париж), студ. деят., адвокат, актер. В эмигр. в Париже, играл в театре Питовых II – 24, 51, 398
- Казим (Кезим) Ира, певица. Выступала в Париже с русским и эстрадным репертуаром, играла в театре «Золотой Петушок». Значится в списке агентов III Интернационала I – 466
- Кайданов Константин Евгеньевич (1883, Таганрог – 1951, Париж), опер. певец I – 605; II – 414
- Калабина (в браке Петровская) Елена Николаевна (1906, СПб. – 2004, Версаль, под Парижем), поэтесса, певица, библиотеч. педагог. Эмигр. в Финляндию. С 1927 в Париже. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. стихи в сб. Союза. Училась вокалу в Русской консерватории в Париже. Раб. в Нац. Библиот. в Париже, преп. русский яз. в Нац. центре науч. исследований. Автор учеб. «Русская грамматика» (Париж, 1971) I – 592; II – 422, 423
- Каледский Александр Федорович, полк. В эмигр. с 1920 в Бизерте. Рук. столовой частью Морского к.к. I – 570
- Калинович Борис Александрович (1894–1982, Роудоне, Канада), лейт. С 1919 воспит.

- Морского к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с ним в Бизерту. В июне 1921 зам. коменданта форта Джебель-Кебир. С 1922 на учеб. судне «Моряк». С 1931 в Алжире, затем во Франции. Воспит. Русского к.к. им. Императора Николая II в память цесаревича Алексея в Версале. После 1945 в Канаде, пред. морской организации в Монреале I – 287, 310, 330, 347, 360
- Калинович Инна Федоровна**, член Дам. комитета Морского к.к. в Бизерте, певица. Жена Б.А.Калиновича (брак был раторгнут). В начале 1960-х выехала из Туниса во Францию I – 287, 310, 317, 327, 344
- Калюжный Роман (Р.А.)**, кораб. гард. Вып. Хабаровского к.к., учился в Морском к.к. во Владивостоке. Прибыл в Севастополь в январе 1920 на «Якуте». В ноябре 1920 эваку. с Морским к.к. в Бизерту. В 1922 окончил его (I рота, «Владивостокская»). Позднее жил в Чехословакии I – 269
- Каменев (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович** (1883–1936), полит. деят. Один из лидеров ВКПб. В 1918–1926 пред. Моссовета. Зам. пред. СНК. Нарком внешней и внутр. торговли СССР. Репрес., расстрелян. Реабил. в 1988 I – 183, 186, 298
- Каменев Сергей Валентинович**, беж. из Харькова. Весной 1920 находился в Крыму I – 160, 167, 168, 171, 173, 176, 177, 179, 203, 237
- Каменский Анатолий Анатольевич** (1885–ок. 1950), граф, воен. инж., певец, хорм. Сын писателя, графа Анатолия Павловича Каменского (1876, Новочеркасск – 1941, Ухтижемлаг, Коми АССР). В эмигр. в Париже. Окончил три фак. Гренобльского университета. Уч. благотв. вечеров и концертов. Рук. хором дружины НОРС. В 1947 с женой, Луизой Пети, и пятью детьми вернулся в СССР. Семья была репрес. II – 201
- Каминская (урожд. Асс) Лидия Абрамовна** (1877–1970, Париж), доктор мед., гениколог, общ. деят. Член Общества русских врачей им. Мечникова, член правл. Общества «Быстрая помощь», член Комитета помощи больным и нужд. студентам. Лечащий врач И.Кнорринг II – 150, 160, 162–164, 175, 176, 189, 250
- Каннабих (Канабих) Владимир Иванович** (1886, Витебск–1952, Париж), юрист, общ. деят. В годы ВВ был особо уполномоч. РОКК. В эмигр. во Франции с 1921. В Париже раб. шофером такси. Сек. Объедин. союза русских шоферов. Уч. в работе Русского народ. университета I – 532
- Кант Иммануил** (1724–1804), нем. философ, осн. нем. классич. философии II – 65–67
- Кантор Михаил Львович** (1884, Либава – 1970, Париж), адвокат, критик, ред., поэт. В эмигр. в Берлине, рук. издат. «Библиофил». С 1923 в Париже. Соред. (с 1926 ред.) журнала «Звено». Сост. (вместе в

- Г.В.Адамовичем) антологии «Якорь» (1936). Член Союза русских писат. и журн. в Париже, член правл. Объединения рус.-евр. интеллигенции II – 434, 446
- Каншин Алексей Михайлович, опер. певец, антрепренер. В эмигр. с 1922 в Италии, затем во Франции. Погиб в фаш. концлагере II – 442
- Каплевская Елена Ивановна см. Унбегаун Е.И.
- Капрановы Николай Ананьевич и Надежда Ивановна, влад. кукол. мастерской в Париже II – 16, 17, 25, 31, 39, 195
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель II – 136, 411
- Караша см. Пассек Клавдия
- Карбасников Николай Николаевич (1885–1983, Париж), юрист, издат., сын Н.П.Карбасникова, раб. в издат. своего отца. С 1924 в Париже. Возродил «Товарищество Н.П.Карбасникова». Зарабатывал настройкой роялей и букинистикой II – 234, 235, 428
- Карл IV (1316–1378), герм. король I – 298
- Карницкая Елена (Е.А.) (1899–после 1953), опер. певица. В эмигр. во Франции II – 442
- Карпов Сергей Николаевич (1896–?), студент-эмигр. В 1917 окончил Киевское коммерч. училище. В эмигр. во Франции. Раб. на металлург. заводе в Кане (деп. Кальвадос). К 1926 переехал в Париж, учился во Фр.-рус. институте, член старостата. Шафер на свадьбе И.Кнорринг и Ю.Софиева I – 545–548, 550–554; II – 10, 15, 16, 20, 27, 128, 135
- Каррье (Carret), врач II – 215
- Карсавин Лев Платонович (1882, СПб. – 1952, Коми АССР), историк, философ. Арестован в 1949. Погиб в заключении II – 403
- Карташев Антон Владимирович (1875, Кыштым Екатеринбургского уезда Пермской губ. – 1960, Ментона, Франция), проф., прот. В Париже с 1920. Преп. в Сорбонне на истор.-фил. фак. Пред. Русской акад. группы во Франции. Член Союза русских писат. и журн. в Париже. Соорг. Русского Правосл. Богосл. института в Париже I – 18, 519, 590, 592; II – 405
- Карцевский Сергей Иосифович (1885, Тобольск–1955, Женева), филолог, педагог, публ. В эмигр. в Париже, Праге. Приват-доцент Русской гимназии Земгора в Праге. Инициатор создания Русской акад. группы в Париже. Проф. Страсбургского и Женевского университетов I – 324, 411, 438, 445, 489, 573, 579
- Карягин Алексей Алексеевич (1897–1987), кораб. гард. Учился в Морском училище во Владивостоке. Прибыл в Севастополь в январе 1920 на «Якуте». В ноябре 1920 эвак. с Морским к.к. в Бизерту. Вып. 1922 (I рота, «Владивостокская») I – 315

Касауров, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. Вып. Морского к.к. Служил в Русской эскадре I – 481

Касуленко, знакомый И.Кнорринг. В 1924 в эмигр. в Бизерте I – 465

Каськов Николай Андреевич (?–1974), кораб. гард. В 1920 эмигр. в Бизерту, окончил Морской к.к. (вып. 1924). Переехал во Францию, жил в Марселе I – 452

Катерина Владимировна, возлюбленная Е.И.Столярова I – 511

Катя (прозв.), мичман. В эмигр. в Бизерте. В 1922 отчислен из Русской эскадры за нарушение дисциплины I – 265

Кашук Михаил Эммануилович (1877/1878–1952, Ирсинг, Франция), деят. куль., импресарио Ф.Шаляпина и др. В эмигр. с 1921, с 1933 в Париже. Орг. спектаклей «Русской оперы» II – 251, 432

Кедров Михаил Александрович (1878, Епифань Тульской губ. – 1945, Париж), контр-адм. Осенью 1920 главноком. Черномор. флотом, рук. его эвакуацией в Бизерту. По прибытии его в Бизерту, отбыл в Париж для решения вопроса о дальнейшей судьбе Русской эскадры. Пред. Военно-морского союза, зам. пред. РОВСа. Проф. РВТИ в Париже, член Комитета старшин Кают-компаний морских офицеров во Франции I – 13, 15, 217, 218, 223, 225, 313

Кедров Николай Николаевич (1871, СПб. – 1940, Париж), певец, комп. С 1923 в эмигр. во Франции. Орг. вокального «Квартета Кедровых». Брат К.Н.Кедрова I – 604; II – 406, 415

Кедрова (в браке Леруа) Ольга Константиновна (1912, СПб. – 1978, Франция), танцовщица, певица, педагог. Средняя дочь певца К.Н.Кедрова. В 1920 эмигр. в Германию, в 1923 переехала в Париж. Раб. в труппах Русской оперы К.Д.Агренева-Славянского, Русской оперетты. Пела в ансамбле «Славянская симфония», выступала в мюзикхолле «А.В.С.» II – 97

Кедрова (в браке Малинина) Наталья Константиновна (1907, СПб. – 1987, Медон, под Парижем), драм. актриса, певица, регент. Старшая дочь певца К.Н.Кедрова. Училась в Петербургской консерватории по классу рояля. В Симферополе окончила пять классов гимназии. В эмигр. с 1920. К 1924 переехала в Париж. Окончила Русскую консерваторию по классу рояля. Играла в Интимном театре Д.Н.Кировой, в труппе «Бродячие комедианты», в Театре Михаила Чехова, в Пражской группе МХТ, в Русском театре миниатюр. Рук. хором Русского театра (дирекция Л.Лопато). Пела в церк. хоре, раб. регентом. Жена инж.-химика К.А.Малинина II – 90, 97, 406

Кедрова (урожд. Успенская) Евгения Дмитриевна (1886–

1967, Франция), сестра милосердия, общ. деят., жена К.Н.Кедрова. Член правл. Союза сестер милосердия им. Ю.Вревской. Уч. в работе РОКК II – 90, 406

Кедровы, семья Константина Николаевича Кедрова (1877–1932, Медон, под Парижем), певца, уч. «Квартета Кедровых». В годы Гражд. войны К.Н.Кедров с женой, Е.Д.Кедровой, и дочерьми, Натальей, Ольгой и Татьяной (вскоре умерла от холеры), жил в Крыму. Летом и осенью 1920 семья жила в Коктебеле в доме М.А.Волошина. В конце 1920 эмигр. в Германию, к 1923 во Францию II – 90, 97, 98, 406

Келлер Александр Павлович (1898, Одесса–?), студ. общ. деят. В 1916 окончил Одесскую гимназию. Учился в Новорос. университете на физ.-мат. фак в секции астрономии. Уч. Добр. армии. Эмигр. в 1920 в Тунис. К 1923 переехал во Францию, жил в Туркуане (деп. Норд). Автор монографии о геологической миссии в Сахаре, уч. которой являлся I – 570

Кельберин Лазарь Израилевич (1907–1975, Париж), поэт, лит. критик, пианист. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Уч. собраний «Круга». Публ. в изданиях «Русские записки», «Совр. записки», «Сполохи», «Числа»; в сб. «Круг» и «Лит. смотр». Автор книги стихов «Идол» (1929). Раб. таксистом. В 1930 вступил в брак с

Л.Червинской (брак распался). Вторая жена: Наталья Владимировна (урожд. княжна Оболенская). Дети: Екатерина (1946 г.р.) и Елизавета (1951 г.р.) Приятель Ю.Софиева II – 221, 226, 227, 234, 238, 239, 245, 424, 426, 441, 443–445

Кельберины см. Червинская Л.Д. и Кельберин Л.И.

Кепха Ч., подруга И.Кнорринг по харьков. гимназии I – 74

Керелис, фр. полит. деят. II – 368

Керенский Александр Федорович (1881–1970, Н.-Й.), полит. деят., публ., адвокат. Министр юстиции, пред. Врем. правительства. В 1918 выехал в Лондон, затем в Берлин, затем в Париже. Осн. и ред. изданий «Голос России», «Дни», «Новая Россия». Выступал с докладами и лекциями. Автор монографии об истории Врем. правительства (в 3-х тт., англ. яз., 1961). С 1940 в США, преп. в Нью-Йоркском и Стэнфордском университетах I – 272; II – 137, 141, 149, 411

Кеша см. Пипко И.П.

Кин, комиссар, орг. красного террора в Харькове. Имел репутацию садиста, фигурирует в книге «Ужасы чрезвычайек. Большевицкий застенки в Харькове и Царицыне» (Ростов-на-Дону, 1919) I – 92

Кирилл Владимирович (1876–1938), вел. кн., контр-адм., общ. деят., двоюродный брат Императора Николая II. Вып. Морского к.к. и Морской академии. Уч. Рус.-яп.

войны и ВВ. В 1917 выехал с семьей в Финляндию, позднее жил в Швейцарии, Франции. В 1924 переехал в Кобург (Германия). Манифестом от 31 августа / 13 сентября 1924 принял на себя права и обязанности Главы Русского Императ. Дома. Член правл. Рос. общ. комитета. Член Какют-компаний морских офицеров во Франции. Уч. в благотв. акциях в пользу нужд. соотеч. Автор книги «Моя жизнь на службе России» (СПб., 1996) I – 480, 586

Кирилл Петрович (Кирилл) (Эрувиль) см. Яценко К.П.

Кирова Дина (Евдокия) Никитична (в первом браке Виддер, во втором Касаткина-Ростовская, в третьем Тиран) (1886, Осташков Тверской губ. – 1982), артистка, режиссер. В эмигр. с 1920 в Сербии, с 1923 во Франции. Вместе с Федором Николаевичем Касаткиным-Ростовским (1875–1940) основала «Интимный театр Д.Н.Кировой». С 1940 раб. в Русском приюте в Вильмуассоне. С 1946 жила в Русском старч. доме в С.-Женевьев де Буа I – 560; II – 406

Кирхнер Отто Францевич (1848–1901), предприн. Оsn. издат. «Отто Кирхнер и К°» в Берлине I – 575

Киселев Андрей Петрович (1852–1940), педагог, автор учеб. по математике для средней школы I – 374

Киселев Сергей Владимирович, уч. Добр. армии, соратник

Ю.Софиева. В эмигр. в Польше II – 237, 238

Киташевский (1910–?), кадет. В 1920 эвак. с родителями в Бизерту. Учился в Морском к.к. (V рота). Сын Николая Николаевича Киташевского, штурмана буксира «Голланд» I – 471

Китицын Михаил Александрович (прозв. «Кит», «папаша Китицын») (1885, Чернигов – 1960, Флорида, США), кап. I ранга, педагог, инж. В 1909 окончил офиц. класс подводного плавания Морского к.к. В годы ВВ служил на Черномор. флоте. Георг. кавалер. Затем в Сибирской флотилии, в Белых войсках Вост. фронта. В 1919 нач. Морского училища во Владивостоке. В 1920 ушел с гард. на крейсере «Якут» через Дубровник в Крым. В ноябре 1920 эвак. в Бизерту. В Морском к.к. служил зав. обучением, нач. строевой части, комендантом крепости. Публ. в «Морском сборнике» (Бизерта). В августе 1922 после выпуска «своей» роты (I рота, «Владивостокская») выехал во Францию, затем в США. Раб. инженером. Оsn. Общество русских морских офицеров в Америке I – 16, 235, 241–244, 267–270, 285, 286, 291, 292, 311–313, 375, 566, 574

Клепинин Дмитрий Андреевич (1904, Пятигорск – 1944, Германия), свящ., деят. РСХД. В 1920 эвак. в Константинополь, раб. матросом на торговом судне. С 1921 в Сербии, затем в Париже. В

1929 окончил Правосл. Богосл. институт Св. Сергия в Париже. Служил в Введенском храме при РСХД, рук. его хором, раб. в лагерях РСХД. Зарабатывал мытьем окон, натирал полы. В 1937 женился на Т.Ф.Баймаковой. Дети: Елена (1938 г.р.) и Павел (1942 г.р.) В 1937 рукоположен в дьяконы, в 1939 назначен наст. Покровской церкви при Объединении «Правосл. дело». В годы фаш. оккупации Парижа спас от гибели много евреев (выдавал им свидетельства о крещении). Арестован в 1943, погиб в фаш. концлагере Дора (подземный завод Бухенвальда) I – 35

Кнорринг (в браке Софиева, псевд. Ирина Бек) Ирина Николаевна (21 апреля / 3 мая 1906, с. Елшанка Самарской губ. – 23 января 1943, Париж), поэт, мемуарист. С 1907 жила в Харькове. В 1919–1920 беж. с родителями по Югу России (Ростов, Туапсе, Керчь, Симферополь, Севастополь). 29 ноября / 12 декабря 1920 покинула с родителями Россию. В эмигр. в Тунисе. Вып. Морского к.к. в Бизерте (февр. 1925). С мая 1925 жила во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже (в 1930 сек. Союза). Стихи опублик. в изданиях «Звено», «Новый журнал», «Перезвоны», «ПН», «Рассвет», «Рубеж», «Русские записки», «Своими путями», «Совр. записки», «Эос», «Грани», «Прожектор», «Горн», «Россия и Славянство», «Новое

Русское Слово»; в сб. Союза молодых поэтов и писат. в Париже; в антологиях «Якорь», «Муза Диаспоры», «На Западе». Автор книг «Стихи о себе» (Париж, 1931), «Окна на север» (Париж, 1939), «После всего»: Третья книга стихов (Париж, 1949), «Новые стихи» (Алма-Ата, 1967), «После всего: Стихи 1920–1942» (Алма-Ата, 1993), «Повесть из собственной жизни: Дневник» (2009, 2013), «О чём поют воды Салгира: Беженский дневник. Стихи о России» (2012). Зарабатывала на жизнь выпиванием и изготовлением одежды для кукол. Муж: Ю.Б.Софиев. Сын: И.Ю.Софиев

Справка дана без указания страниц

Кнорринг (в первом браке Базилева, во втором Мышецкая) Галү Борисовна (18 марта 1901, с. Елшанка – 5 июня 1988, Москва), дочь Нины и Бориса Кноррингов, кузина И.Кнорринг. Окончила гимназию в Уфе. В 1918 вышла замуж за агронома Михаила Алексеевича Базилева (?–1920). Сын: Алексей (1919–1990). В 1920 овдовела, переехала в Иркутск. Раб. машинисткой, делопроизводителем, чертежницей. Вышла замуж за офицера РККА, кн. Дмитрия Александровича Мышецкого (1894–1971). Дочь: Галү (1924 г.р.). Жила с семьей по месту службы мужа: в Сибири, в Пушкине (под Ленинградом), с 1941 в

Москве. В 1940 добровольно ушла санитаркой на Русско-финскую войну. В годы ВОВ в эвакуации в Сибири. После ВОВ рук. театр. кружком. В 1963 совершила поездку в Елшанку I – 10, 207

Кнорринг (в браке Шмидт) Нина Борисовна (7 июня 1905–весна 1997, Копенгаген), пер., мемуарист, экскурсовод. Кузина И.Кнорринг. В 1914–1918 училась в женской гимназии (с 1917 школа) в Самаре. Осенью 1918 бежала с матерью и братом Олегом из усадьбы в Елшанке на Восток. Жила в Омске, с 1922 в Иркутске. В 1925 вышла замуж за Гуннара Шмидта, инж.-связиста из Дании. В 1932, после окончания контракта мужа, получила Датское гражд. В 1934 выехала в Копенгаген. Брак распался в 1939. Второй (гражд.) муж: художник и пер. Арвид Мёллёр. Занималась переводами, худ. переплетом книг. В годы ВМВ укрывалась в своей квартире евр. семью. Автор книги «Ближе к сердцу: мой русский дом» (Копенгаген: 1988, датский яз.; «Простор», 2010, №10–12, русский яз.) I – 10, 59, 65, 207, 470, 516, 592; II – 16–17, 218, 225, 237, 238, 326, 327, 354, 360, 443

Кнорринг (урожд. Шмаринова) Наталья Алексеевна (21 февраля 1909, Казань–2 августа 1999, Москва), художник-илл., дочь Е.В. и А.Я. Шмариновых, кузина И.Кнорринг. Жена О.Б.Кнорринга.

Сын: Сергей I – 11, 69, 71, 73, 558, 559

Кнорринг (урожд. Щепетильникова) Мария Владимировна (6 ноября 1881, Феодосия – 25 апреля 1954, Нуази-ле-Гран, Франция), педагог, общ. деят., мать И.Кнорринг. Окончила Ксенинскую гимназию в Казани. В 1903–1904 училась в Москве на Пед. курсах Д.И.Тихомирова, в 1909–1916 на Высших женских курсах Общества трудящихся женщин при истор.-фил. фак. Харьк. университета. В 1920 эмигр. с семьей в Бизерту. Член Дам. комитета Морского к.к. Служила писарем в хоз. части к.к. и делопроизводителем канцелярии, раб. в пошивочной мастерской к.к. В 1925 выехала с семьей в Париж. Раб. в кукол. мастерских, вязала, вышивала I – 8–10, 14, 16, 18, 21, 22, 25, 30, 32, 37, 43, 50, 59, 74, 84, 86–88, 93, 99, 101, 102, 104–106, 109, 110, 112–118, 121–124, 127–132, 134–141, 145, 148–152, 154, 158, 159, 160, 163–166, 172, 174, 176–181, 183, 186, 187, 190, 191, 195, 196, 200, 202, 207, 209, 216, 217, 223, 226–228, 231, 233, 235, 238, 239, 243, 245–247, 249–252, 254, 256–260, 262, 264–266, 268, 281, 285, 287, 289, 295–299, 302, 305–310, 315–318, 323, 329, 331, 333, 335, 340, 346, 348, 350, 352, 354, 358, 361, 364, 365, 371, 375, 377–380, 386–388, 394, 396, 399, 405–410, 412, 413, 415–417, 422, 426, 428–430, 435, 436, 442, 445, 447, 448, 450, 451, 453–456, 459–461,

464–482, 484–490, 494, 495, 497–501, 503, 507–509, 511, 513, 515, 517, 518, 521, 528, 533, 544, 546, 549, 551–553, 555, 558, 562, 563, 565, 566, 569, 598; II – 10, 12, 13, 14, 15, 21, 22, 27, 28, 31, 32, 37, 39, 41, 44, 46–48, 52–54, 57, 60, 63, 65–67, 81, 82, 90, 93, 96, 98–104, 106, 107, 109, 110, 112, 114, 116, 119, 124–125, 127, 128, 131, 144, 145, 149, 151, 160, 161, 163, 165, 168–171, 173–175, 177–179, 181–184, 187, 188, 190–192, 194, 196–198, 200, 202, 203, 208, 210, 211, 221–223, 225, 226, 230, 234, 248, 250–252, 254, 257, 258, 263–265, 267, 271, 277, 279, 280, 306, 314, 326, 333, 345, 346–348, 354–357, 359, 368, 371, 374, 383, 384, 406, 415, 416, 443

Кнорринг (урожд. Щепетильникова) **Нина Владимировна** («тетя Нина») (27 января 1878, Феодосия – 7 февраля 1966, пос. Тучково Моск. обл.), педагог, сестра М.В.Щепетильниковой. Окончила Ксенинскую гимназию и Высшие женские курсы в Казани. В 1896/1897 вышла замуж за Б.Н.Кнорринга. Мать Игоря, Гали, Нины и Олега Кноррингов. В годы работы мужа в Министерстве с/х живет с детьми в Москве, с 1908 в Елшанке. В августе 1918 бежала с младшими детьми в Омск. Преп. ин. языки, шила туфли на веревочной подошве, пела в хоре. В 1922 переехала в Иркутск, раб. машинисткой. С 1934 живет в Пушкине (под Ленинградом), преп. в школе ин. языки. В годы ВОВ в

эваку. в Сибири. После ВОВ преп. в пос. Тучково (Моск. обл.) I – 9–11, 91, 362, 470, 485, 555, 560, 563, 576

Кнорринг Анастасия Яковлевна, жена Е.Ф.Кнорринга I – 8

Кнорринг Борис Николаевич (6 мая 1875, с. Елшанка Самарской губ. – ок. 1940, Актюбинск), юрист, ветеринар. Брат Н.Н.Кнорринга. Окончил Симбирскую гимназию и Ветеринарный институт в Казани. Служил врачом в Самарском уезде. В 1896/1897 женился на Н.В.Щепетильниковой. Заочно окончил юр. фак. Казанского университета. В начале 1900-х, получив место в Русском обществе акклиматизации животных и растений, переехал с семьей в Москву. Затем был направлен в Семиречье в заповедник барона Фальц-Фейна «Аскания-Нова» в Херсонской губ. Брак распался в 1908, и семья вернулась в Елшанку. В 1920 служил ветеринаром в кавалерийских частях адм. А.В.Колчака, позднее в тех же частях РККА. В 1933/34 репрес., сослан в Казахстан на три года. Вскоре после освобождения арестован повторно, осужден на «десять лет без права переписки». Отбывал заключение в районе Актюбинска. Дата смерти не установлена. Реабил. в 1957 I – 10, 11

Кнорринг Глеб Николаевич (Глебочка) (лето 1909 – 13 октября 1910, Харьков), брат И.Кнорринг. Умер в младенчестве I – 10, 163, 236, 331

Кнорринг Егор (Георгий) Федорович (1802, д. Адрианополь Псковской губ. – ок. 1878), дед Н.Н.Кнорринга. Служил в IX Егерском полку. В 1825 вышел в отставку в чине поручика. Влад. усадьбы в с. Елшанка (Николаевка) Симбирской губ. (ныне Самарской обл.). Муж Анастасии Яковлевны Кнорринг. Отец Елизаветы, Петра и Николая I – 8

Кнорринг Елизавета Егоровна (16 октября 1833, Елшанка–?), дочь А.Я. и Е.Ф.Кноррингов, сестра Н.Е.Кнорринга I – 8

Кнорринг Игорь Борисович (23 февраля 1899, с. Елшанка Самарской губ. – 29 марта 1938, Иркутск), сын Нины и Бориса Кноррингов, кузен И.Кнорринг. В 1912–1913 учился в гимназии в Харькове (жил в семье Н.Н.Кнорринга). Позднее жил с отцом в заповеднике «Аскания-Нова», где окончил гимназию. В 1919 служил в армии А.В.Колчака, в 1920 был призван в РККА. В 1925 окончил с/х институт в Москве (б. Петровско-Разумовскую академию), направлен пчеловодом в Уссурийский край. В 1937 репрес. Расстрелян. Реабил. в 1957 I – 10, 11, 22, 91, 153, 188, 207, 210, 470, 563

Кнорринг Николай Егорович (18 апреля 1840, Елшанка–1914), дворянин, тит. сов. Влад. усадьбы в с. Николаевка (Елшанка) Самарской губ. Сын А.Я. и Е.Ф.Кноррингов. Вып. Симбирской гимназии. Труд. деят. начал писарем в Самарской палате Окружного

суда и закончил коллеж. сов. Сергиевских Минеральных вод. Уч. в проведении крестьянской реформы 1861-го года. В 1861–1893 депутат от дворян Самарского уезда. После жениться вышел в отставку по Судеб. ведомству, но продолжал депут. работу в Земстве. В 1870–1891 избирался мировым посредником. В 1891 награжден Орденом Св. Владимира IV степени. Жена: Елизавета Андреевна Кнорринг (1859–1882), умерла в молодом возрасте. Дети: Елизавета, Борис и Николай I – 8, 516, 592

Кнорринг Николай Николаевич (11 августа 1880, с. Елшанка Самарской губ. – 22 сентября 1967, Алма-Ата), педагог, историк, писатель, деят. культ., отец И.Кнорринг. В 1891 поступил в гимназию в Самаре, затем перешел в Симбирскую гимназию, окончил ее в 1902. В 1907 окончил истор.-фил. фак. Моск. университета. Преп. в Харьк. гимназии, с 1911 дир. гимназии. Учред. Проф. союза учителей в Харькове, пред. Пед. отдела Истор.-фил. общества при Харьк. университете. Осн. и ред. харьк. журнала «Наука и школа». В ноябре 1919 выехал с семьей в Ростов (сопровождал эваку. архив Харьк. учеб. округа), затем на Кавказ и в Крым. Сотр. ОСВАГ (сек. газеты «Земля»). Летом 1920 читал лекции в Обществе филос., истор. и соц. наук при Таврич. университете (Симферополь). В ноябре

1920 преп. историю в Морской к.к. (Севастополь). В его составе 29 ноября / 12 декабря 1920 эваку. с семьей в Бизерту. В 1921–1925 читал курс истории в Морском к.к., а также лекции по истории культуры для широкой аудитории Русской эскадры. В 1922–1947 сотр. «ПН» (муз. и лит. критик). В мае 1925 переехал с семьей в Париж. Член админ. совета Тургеневской библиот., член правл. Русского лит. архива (при Библиот.). Пред. Книжной комиссии по возрождению библиот. Читал лекции в Русском народ. университете. Уч. камерных концертов (скрипач), член струнного квартета П.Н.Милюкова. Член Союза русских писат. и журн. в Париже. Публ. в изданиях «Звено», «Былое», «На чужой стороне», «Встречи». В 1947 дир. школы при ССП в Париже. В 1949–1954 жил с женой в Русском старч. доме в Нуази-ле-Гран. В конце 1955 вернулся в СССР, последовав за внуком и зятем. Жил в Алма-Ате, занимался лит. наследием дочери. Основные труды: «Сфаят: Очерки из жизни Морского корпуса в Африке» (Париж, 1935), «Генерал М.Д.Скобелев: Истор. этюд» (в 2-х тт., Париж, 1939–1940), «Книга о моей дочери» (1993, Алма-Ата) I – 8–13, 16, 18, 19, 21, 25, 29, 30, 34, 37–39, 48, 50, 59, 65, 70, 85, 86, 92, 99–102, 107, 109, 110, 112–115, 117, 118, 120, 122–124, 126, 129, 130, 132, 134–136, 138–141, 144, 146, 148,

149, 151, 152, 157–161, 165, 172, 174, 176, 178–182, 186–188, 190–192, 197, 200, 202, 207–209, 212, 216, 223, 228, 230–232, 234, 235, 239, 244, 246, 254, 257–260, 262–266, 270–272, 277, 280, 282, 285, 287–289, 292, 296, 304–308, 311, 313, 314, 317, 318, 320, 322, 324, 326, 329, 330, 333–335, 339, 340, 345, 350, 356, 361, 363, 369, 370, 371, 374, 380–382, 387, 392–394, 399, 407, 409–411, 416–418, 425, 427, 429, 430, 433, 435, 438, 441, 442, 445, 449–452, 455, 460, 461, 463–465, 467–469, 471–475, 477–479, 483, 484, 487–490, 493, 495, 497, 498, 500–504, 507–516, 518, 521, 523, 525, 528–531, 535, 552, 553, 555, 556, 558–571, 574, 577, 579–581, 587–592; II – 9–11, 14, 18, 21, 27, 28, 32, 37, 47, 52, 53, 60, 65–67, 79, 81–83, 99–104, 106–108, 110, 112, 124, 126–129, 131, 139, 140, 143, 148, 158, 160, 163, 169, 171, 174, 177, 185, 190–192, 198, 200, 202, 216, 217, 223–227, 230, 233, 234, 252, 260, 263, 265, 267, 279, 285, 309, 311, 317, 326, 346, 347, 348, 354, 356, 374, 379, 383, 390, 396, 404, 405, 412, 415, 416, 418, 424, 428, 437, 438, 443–445, 447

Кнорринг Олег Борисович (13 ноября 1906 – 22 марта 1968, Москва), журн., сын Нины и Бориса Кноррингов, кузен И.Кнорринг. Учился в гимназии в Уфе, затем в школе в Иркутске. В Моск. университете не был принят из-за происхождения. Раб. киномехаником в Иркутске, окончив

курсы кинооператоров в Москве. Раб. фотокорр. в газетах «Наши достижения» (Горький), «Совхозная газета», «Соц. земледелие», «ВДНХ», «Моск. комсомолец». В 1941 от газеты «Красная Звезда» послан на фронт ВОВ. В качестве военкора дошел до Берлина. В 1945–1968 раб. корр. и фотокорр. в журнале «Огонек». Муж Н.А.Шмариновой (брак распался). Сын: Сергей I – 10, 207

Кнорринг Петр Егорович (29 июня 1836, Елшанка–?), сын А.Я. и Е.Ф.Кноррингов, брат Н.Е.Кнорринга I – 8

Кнорринг Свен Фредрик Харальд (1952 г.р., Упсала, Швеция), генеалог, геральдик, публ., ред. Член правления Шведского общества рода Кнорринг. Автор трудов об истории рода, его гербах и печатях. Соред. (вместе с К.Г.Расмуссоном) книги «Род Кноррингов» (Хельсинки, 2000, швед. и нем. яз.) II – 8

Кнорринг Фрэнк Людвиг (1943 г.р., Хельсинки), генеалог, геральдик. Член Финского общества рода Кнорринг. Хран. и публ. семейного архива II – 8

Кнорринг Я.Н. прав. Кнорринг Н.Е.

Кнорринги «по двойному родству», семья Н.В. и Б.Н.Кнорринг I – 362, 363

Кнут (урожд. Грабой, в браке Фиксман) София (? , Кишинев – 1964, Париж), первая жена Довида Кнута, мать Даниеля Фиксмана. Получила

от мужа второе, библейское имя *Сара* (как и его вторая жена). Была дружна с четой Софиевых I – 503, 506; II – 244, 359

Кнут Довид (наст. ф.и.о. Фиксман Давид Миронович) (1900, Оргеев, близ Кишинева Бессарабс. обл. – 1955, Тель-Авив), инж.-химик, поэт, журн., мемуарист. В эмигр. с 1920. В 1924 окончил университет в Каннах (Франция). Уч. лит. объединений «Палата поэтов», «Гатарапак», «Через», Союза молодых поэтов и писателей, «Перекресток». Соред. журнала «Новый дом». Публ. в русских зарубеж. изданиях. Автор книг «Моих тысячелетий» (1925), «Вторая книга стихов» (1928), «Сатир» (1929), «Парижские ночи» (1932), «Насущная любовь» (Париж, 1938), «Избранные стихи» (1949). Ред. антинацистской газеты «Affirmation». С 1949 в Израиле. Автор книги о фр. Сопротивлении. Первая жена: София Грабой; вторая: Ариадна Скрябина I – 39, 523, 540, 544, 548, 587, 590, 604, 606; II – 172, 244, 255, 256, 425, 434, 436, 441, 443, 445

Кобяков Дмитрий Юрьевич (Митя, Митяша) (1902, Москва – 1977, Барнаул), поэт, филолог, журн. С 1920 в эмигр. в Белграде, с 1921 в Париже. Раб. электротехником. Член Союза молодых поэтов и писат. Осн. издат. «Птицелов». В нем вышли его книги «Керамика: Тринадцать вещей двадцать четвертого года»

(1925), «Вешняк: Ритмический цикл» (1926), «Горечь: Книга третья» (1927), «Чаша» (1936). Соорг. (вместе с А.Шемом) журнала «Ухват». Член ССП и ФКП. Ред. газеты «Честный слон» и журнала «Новая земля». С 1947 в Вост. Берлине. В 1958 вернулся с женой Ниной и сыном Алексеем в СССР, жил в Барнауле. Сотр. газет «Алтайская правда», «Молодежь Алтая». Был дружен с Ю.Софиевым I – 503, 513, 514, 587, 591, 603; II – 139, 312, 333, 334, 340, 422–424, 433

Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978, Париж), историк, доктор филологии, библиограф. С 1920 в эмигр. во Франции. Преп. Правосл. Богосл. института и фр. лицей. Ген. сек. Союза русских педагогов. Осн. Парижского науч. института. Член комиссии по сбору материалов для «Золотой книги» РЗ. Пред. Русской акад. группы в Париже. Пред. Общества охранения русских культ. ценностей. Автор книг по истории РЗ II – 442

Коваленко Михаил Степанович (1888, Таганрог – 1954, Стамфорт, США), мичман, педагог, инж.-технолог. Уч. ВСЮР и Русской армии. Георг. кавалер. В 1920 эвак. с Русской эскадрой в Бизерту. Преп. в Морском к.к. математику и астрономию. В январе 1922 выехал во Францию, раб. на фабрике, учился в Сорбонне. В 1923 получил студ. стип. в университете США I – 308, 342, 428

Коварский Илья Николаевич (1880, Двинск – 1962, Н.-Й.), доктор мед., общ. деят., издат. Влад. книжного магазина в Париже. В эмигр. с 1919 во Франции, с 1940 в США I – 495

Кок (Тунис), см. Соколов Ф.Ф.

Коковцов Владимир Николаевич (1853, Новгород. губ. – 1943, Париж), гос., полит., общ. деят. С 1911 пред. Сов. министров. В эмигр. с 1918 II – 409

Коллет см. Женевиьев Коллет

Коллонтай (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952), сов. парт. деят., дипломат I – 298

Колчак Александр Васильевич (1874, СПб. – 1920, Иркутск), вице-адм., полярный исследователь. Вып. Морского к.к. (1894). В 1900 уч. экспедиции бар. Толля в Ледовитый океан (орг. Рос. акад. наук). В 1912 повторно едет туда, орг. экспедицию для розыска бар. Толля. В 1904 уч. в обороне Порт-Артура. Георг. кавалер. Во время ВВ рук. вооруж. силами Рижского залива и Черномор. флотом. Автор трудов по гидрологии и минному делу. Рук. частями Добр. армии Вост. фронта. С ноября 1919 в Омске, воен. и морской министр, затем Верхов. Правитель Директории. Расстрелян 7 февраля 1920 по приказу пред. СНК Ленина I – 97, 98, 105, 106, 110, 113, 118–122, 124, 137, 155–157, 159, 160, 173, 186, 187, 195, 205, 217, 223,

- 285, 287, 311, 321, 343, 555, 556, 561, 562, 563
- Кольнер (урожд. Снаксарева) Ольга Антоновна** (?–1973, Женева), общ. деят. В 1920 эвак. с семьей в Бизерту. Член Дам. Комитета Морского к.к. В 1923 переехала с семьей во Францию. Жена И.В.Кольнера, сестра Л.А.Ирмановой I – 242, 290, 335, 521, 567; II – 21, 96
- Кольнер Иван Васильевич** (1883–1955, Париж), кап. I ранга, педагог. Уч. ВСЮР и Русской армии. В 1919–1920 раб. в Морском к.к. в Севастополе ком. роты. В 1920 эвак. с к.к. в Бизерту. Ком. I роты, в 1922 (после отъезда Н.Н.Александрова) инспектор классов. В октябре 1923 выехал с семьей во Францию. Раб. на заводе, после травмы лишился правой руки и служил в бюро. Член Комитета старшин Кают-компаний морских офицеров во Франции I – 345, 350, 365, 367, 368, 374, 381, 569
- Кольнер Наташа** см. Габар Н.И.
- Кольнеры, семья И.В.Кольнера** I – 340, 369, 374, 379, 383, 391, 413; II – 447
- Коля (Тунис) см. Лисневский Н., Овчаров Н.**
- Комендант Парижа (в 1940) см. Денц Анри Фернан**
- Кондорунис, кораб. гард.** В 1919 поступил в Морской к.к. В 1920 эвак. с ним в Бизерту (вып. 1924) I – 427
- Коновалов Александр Иванович** (1875, Москва – 1949, Париж), промышл., гос. общ. деят. Член IV Гос. думы. С 1918 в эмигр. II – 418
- Константин о. (Зайцев Кирилл Иоаннович)** (1887, СПб. – 1975, США), архим., юрист, экономист, общ. деят. В эмигр. с 1920 в Праге, в Париже. В 1945 принял священство. С 1948 в США II – 435
- Константин Константинович** см. Домнич К.К.
- Константин Константинович** (псевд. К.Р.) (1858–1915), вел. кн., поэт, драм., пер., президент Имп. академии наук. Автор книг «Стихотворения» (в 3 тт., 1913–1915), «Критические отзывы» (1915), «Царь Иудейский» (1916). Служил в Рос. Имп. флоте. Шеф Измайловского полка I – 487
- Константинов Константин Борисович** (1902, Одесса – 1947, Н.-Й.), комп., пианист, дирижер. В эмигр. во Франции, позднее в США I – 591
- Кончевская Н., пер.** II – 404
- Конюс (урожд. Рахманинова) Татьяна Сергеевна** (1907–1961, Швейцария), педагог, общ. деят., младшая дочь С.В.Рахманинова. В эмигр. с 1918 в Н.-Й. В Париже с 1930. Член Дам. комитета помощи студ., член правл. РМОЗ, вице-пред. Комитета Центра помощи (патронировала Детский дом в Монжероне) II – 409
- Кораблев Георгий Борисович (Жорж)** (1902, Севастополь – 1956, Париж), кораб. гард. Уч. ВСЮР и Русской армии. В ноябре 1920 эвак. в Бизерту.

- Окончил Морской к.к. (вып. 1922, III рота). Служил нач. V роты Морского к.к. В начале 1923 выехал в Париж для продолжения обучения
I – 291
- Кораблева Маргарита Михайловна (1884, Тифлис – 1960, Париж), сестра милосердия, общ. деят. Жена Б.А.Кораблева. В эмигр. с 1920 в Бизерте. Служила врачом в Русской эскадре. После ее роспуска раб. в г. Тунисе. К 1933 переехала во Францию, вице-пред. Союза сестер милосердия им. Ю.Вревской. Мать Нины и Георгия Кораблевых
I – 290, 313
- Кораблева Нина Борисовна (1907, Батум, Кавказ – ?), подруга И.Кнорринг. В ноябре 1920 эвак. в Бизерту с родителями. В 1925 окончила в Бизерте школу Монастыря Сионской Божьей Матери. Служила кассиршей. В 1928 приехала в Париж, окончила курсы сестер милосердия и школу стоматологов I – 245, 247–249, 252, 253, 256, 261, 277, 287, 290, 291, 300, 311–313, 375, 485; II – 151
- Кораблевы, семья дейст. стат. сов., врача Русской эскадры Бориса Александровича Кораблева (1875–1926) I – 277, 290
- Корвин-Каменская Бронислава Иосифовна (?–1945), художница, вторая жена поэта Т.В.Чурилина. В 1920 в Крыму (вместе с мужем и поэтом Л.Е.Аренсом) орг. «Содружество молодых бюджетян»
I – 190, 565
- Корнилов Константин, кораб. гард. В 1920 эмигр. в Бизерту в составе Морского к.к. (вып. 1924) I – 147, 355
- Корнилова (Корнилова-Гаршина, урожд. Ефремова) Лариса Александровна (?–1965, Сан-Ремо, Италия), певица. В эмигр. во Франции. С 1921 в Париже. Раб. в театре «Балаганчик», в Русской опере К.Д.Агренева-Славянского, уч. в благотв. концертах
II – 412
- Короленко Владимир Галлактионович (1853–1921), писатель, публ. II – 52, 403
- Косолапенко Петр Ефимович (1902–?), кораб. гард. В 1919 окончил Севастоп. реал. училище, поступил в Морской к.к. В 1920 эвак. с ним в Бизерту (вып. 1923). В августе 1924 приехал в Париж. С 1925 в Бельгии, учился в университете г. Гента I – 339, 377, 386, 388, 389, 391–393, 395–398, 400, 402, 403, 410, 411, 426, 432, 436, 439, 440, 447, 477
- Костедоа Ольга Владимировна см. Толли-Костедоа О.В.
- Костя (Сфаят, Париж) см. Аристов К.И.
- Котенко Марина Анатольевна, гл. хран. фондов Дома РЗ имени А.И.Солженицына II – 7
- Котов, член. команды Русской эскадры в Бизерте I – 487
- Кохно Борис Евгеньевич (1904, Москва–1990, Париж), деят. балета, писат., сценарист. В эмигр. с 1921 в Париже. Сек. С.П.Дягилева II – 432

Кошиц (наст. фам. Порай-Кошиц) Нина Павловна (1892, Киев – 1965, Санта-Анна, шт. Калифорния), опер. певица, педагог. В эмигр. во Франции с 1921. В 1928 переехала в США, в 1941 в Голливуд, где вместе с мужем, певцом Г.Ф.Леоновым, открыла студию пения. Снималась в звуковых фильмах II – 397, 415

Краевич Борис Константинович (1886–1947, Париж), инж.-химик, земский деят., предприн. В эмигр. во Франции. Вместе с женой, Натальей Сергеевной (урожд. Платоновой; 1890–1965) открыл в Париже ателье женской одежды. Сын: Алексей (1913–1975, деп. Ньевр, Франция) II – 231, 426

Краевич Константин Дмитриевич (1833–1892), педагог, физик, проф. Автор книг «Основания физики» (1863, для женских гимназий) и «Учебник физики» (1866) I – 436

Краков (прозв. Кракушончик), преп. словесности в харьк. гимназии I – 103, 104

Краковский С., кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. Вып. Морского к.к. I – 457

Красавина Софья, поэтесса. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже, публ. стихи в сб. Союза II – 426

Краснов Петр Николаевич (1869–1947, Москва), ген.-лейт., атаман ВВД, публ. В эмигр. с 1920 в Германии. С

1921 во Франции, член Высшего монарх. совета. Публ. в русской зарубеж. периодике. Соред. журнала «Русская правда». Автор мемуаров, романов. В годы ВМВ член Совета Русской армии ген. Власова. Депорт. в СССР, расстрелян I – 275; II – 149

Краснопольский Николай Александрович (1885–1948, под Парижем), кап. II ранга. В эмигр. в Тунисе с 1920, ком. подлодки «Добыча». В 1925 переехал во Францию I – 575

Краузе (урожд. Калитина) Наталья Петровна (1895 – 16 ноября 1929, Париж), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 136

Крезе Л., корр. «ПН» I – 570

Крейчман (урожд. Кузнецова, в первом браке Желенина) Евгения Осиповна (?–1969). В 1920 эмигр. в Бизерту. Раб. в Contrôle civil. Первый муж: морской офицер Борис Иванович Желенин (1893 г.р.) расстрелян в Севастополе зимой 1917/1918. Сын: Алексей (1918 г.р.). Второй муж: лейт. Дмитрий Болеславович Крейчман (1891–1973, Нейи, Франция), публ. в «Морском сборнике» I – 332

Кресон (Крессон) Фортунат Евстафьевич (?–1945, Франция), врач, хирург, диагност. В эмигр. во Франции. Соорг. и вед. спец. Фр.-рус. госпиталя в Вильжюиф (под Парижем). Пред. Общества русских врачей, участников Великой войны. Гл. врач Русской амбулатории РОКК,

- открытой в 1934 (6-bis, rue Auguste-Vitu) II – 384, 417, 446
- Криволай Павел Гаврилович** (1900, Херсон–1969, Гаага), кораб. гард., инж.-геолог. В 1918 окончил реал. училище в Херсоне. Поступил в Политех. институт, со второго курса ушел в Добр. армию, служил во флоте. В 1920 эвак. в Бизерту. Окончил Корпус эксперном в 1921. В 1922 выехал во Францию. Получив студ. стип., окончил Сорбонну (естеств. фак., отделение физ. географии). В 1949 после смерти М.М.Федорова входил в Комитет по сбору средств на установление памятника на его надгробии I – 320
- Кривошеина Нина Алексеевна** (урожд. Мещерская, в первом браке Левицкая) (1895, СПб. – 1981, Париж), мемуарист. В эмигр. с 1917, с 1919 в Париже. В 1947 выслана в СССР, жила в Ульяновске. В 1974 с мужем вернулась во Францию II – 434
- Кровопусков Константин Романович** (1881–1958), экономист, общ. деят. В эмигр. с 1919, с 1921 в Париже. Член правл. Земгора, Общества «Быстрая помощь», член Пушкинского комитета и др. С 1954 дир. Русского старч. дома в Ганьи (под Парижем) II – 297
- Круглик (Круглик-Ощевская)** (урожд. Брунс) Тамара Андреевна (1894–1983, Шелль, Франция), жена Е.Г.Круглик-Ощевского, артистка-люб. В 1920 эвак. с мужем и детьми в Бизерту. Позднее переехала во Францию. Жила в Русском старч. доме РОКК в Шель (под Парижем) I – 274, 390, 456
- Круглик (Круглик-Ощевская)** Ксения Евгеньевна (1923 г.р., Бизерта), певица, дочь Т.А. и Е.Г.Круглик-Ощевских. Жила во Франции I – 390
- Круглик (Круглик-Ощевский)** Евгений Георгиевич (1887–1956, Париж), стар. лейт. Уч. ВСЮР и Русской армии. К 1919 переведен во флот из артиллерии. В 1920 эвак. с Русской эскадрой в Бизерту. Служил в Морском к.к., ком. роты, рук. духового оркестра. После роспуска Эскадры раб. в Судане, пред. Военно-морского союза. Затем переехал во Францию I – 347, 363, 443; II – 108
- Круглик (Круглик-Ощевский)**, кораб. гард. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в Бизерту. Один из двух братьев, сыновей Е.Г.Круглик-Ощевского I – 433, 439
- Круглик (Круглик-Ощевские)**, семья Е.Г.Круглика II – 81
- Крыжановская Мария Алексеевна** (1891–1979, Шелль, под Парижем), драм. артистка. Играла в Пражской группе МХТ. В эмигр. с 1919 II – 442
- Крыкбаев Марат Сатышевич** (1950 г.р.), оператор, сотр. Алматинского телевидения I – 40
- Крюковской Дик**, кадет, младший брат С.Крюковского. Учился в Морском к.к. в

- Севастополе. В 1920 эвак. в его составе в Бизерту. За провинность в июне 1923 был исключен из к.к. и переведен на миноносец «без права выезда на берег» I – 369, 514, 516, 544, 576, 592
- Крюковской Мима (Сергей), кораб. гард., поэт. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в его составе в Бизерту. После роспуска Эскадры остался в Тунисе, раб. пом. топографа I – 322, 323, 337, 340, 346–349, 364, 365, 367, 368, 371, 390, 393, 397, 401, 414, 420–424, 431–433, 448–450, 452–454, 463, 466, 467, 469, 470, 481, 486–488, 490–493, 495, 497, 505, 527
- Крючков Леонид Саввич (1905–1968), кораб. гард. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. с ним в Бизерту (вып. 1924). Выехал во Францию I – 368, 393, 394, 400, 430, 453, 494
- Ксения (Харьков) см. Пугачева Ксения
- Кудашев Али, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту в составе Морского к.к. I – 320, 323, 492
- Кудрова Ирма Викторовна, писатель. Лауреат Цветаевской премии II – 433
- Кузнецова (в браке Петрова) Галина Николаевна (1900, Киев – 1976, Мюнхен, Германия), поэтесса, прозаик. В эмигр. с 1920, с 1924 в Париже. Публ. стихи и рассказы в изданиях «ПН», «Совр. записки», «Благонамеренный», «Звено», «Перезвоны», «Сегодня», «Новый журнал», «Мосты». В 1927–1942 подолгу жила в Грассе (юг Франции) в семье Буниных. С 1949 раб. корректором в издат. доме ООН в США (с 1959 в Женеве). Последние годы жила в Мюнхене. Автор книги «Грасский Дневник» (Вашингтон, 1967) I – 26, 102, 506, 522–524, 534, 535, 537, 538, 540, 541, 591, 603; II – 445
- Кузнецова (урожд. Щепетильникова) Надежда Владимировна (ок. 1876, Феодосия – ?), дочь Е.К. и В.А.Щепетильниковых, тетка И.Кнорринг. В 1900-е годы проживала в Москве, за участие в революции 1905 выслана с мужем, Владимиром Кузнецовым, в Уфу. Мать троих дочерей. В ее семье жили в гимназические годы Галi и Олег Кнорринги I – 9, 555
- Кузнецова Вера (Вава), подруга И.Кнорринг по Харькову I – 98, 119, 146, 182, 354, 564, 575
- Кулишер Александр Михайлович (псевд. Юниус) (1890–1942, Франция), правовед, публ., проф. В эмигр. в Париже. Сотр. «ПН». Публ. в изданиях «Звено», «Совр. записки», «Числа». Преп. во Фр.-рус. институте. Член Русской акад. группы в Париже. Сек. Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Погиб в фаш. концлагере Дранси (под Парижем) I – 498, 500, 512; II – 56, 70, 71
- Култашева, влад. мастерской вышивки на ткани в Париже II – 150, 152, 155–157

Кульман Николай Карлович (1871–1940, Париж), филолог, лит. критик, общ. деят. I – 590; II – 425

Кулябко (Кулябко-Корецкий) Николай Александрович (1906, СПб. – 1982, Булонь, Франция), кораб. гард., инж.-геолог. В 1920 эмигр. в Бизерту. Окончил Морской к.к. (вып. 1924), переехал во Францию. В 1931 окончил Институт геологии в г. Нанси. Занимался геологоразвед. работами во фр. колониях в Африке, рук. золотым прииском. В годы ВМВ мобилизован во фр. армию. Затем снова раб. в Африке, открыл месторождение бриллиантов в регионе Карно I – 424

Кун прав. Кин

Купер (наст. фам. Купершток) Эмиль Альбертович (1877, Херсон – 1960, Н.-Й.), скрипач, дирижер, комп., педагог I – 605

Куприн Александр Иванович (1870–1938), писатель «Крейцера соната» II – 65

Кускова Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, в первом браке Ювеналиева, в третьем Прокопович) (1869–1958, Женева), социолог, публ., мемуарист II – 268

Кутепов Александр Павлович (1882–1930), ген. от инфантерии. Нач. корпуса Добр. армии ген. А.И. Деникина, главноком. Первой армией ген. П.Н. Врангеля. В 1920 эвак. в Галлиполи (Турция), пом. Главноком. Русской армией. С 1921 в Болгарии, с

1924 во Франции. В 1928–1930 пред. РОВСа. 26 января 1930 похищен в Париже агентами ОГПУ (по одной из версий: умер от сердечного приступа по пути к Новороссийску) I – 119, 287

Кутневич (Кутцевич) Екатерина Дмитриевна, знакомая Кноррингов по Харьков. В 1920 жила с мужем в Симферополе. Занималась с Ириной, готовя ее к экзаменам за IV класс гимназии I – 188, 193, 196, 199

Кутневичи (Кутцевичи), семья Е.Д.Кутневич I – 183

Кутузов И.Н. см. Голенищев-Кутузов И.Н.

Кутузова Е.А. см. Голенищева-Кутузова Е.А.

Куфтин Алексей Никанорович («дедушка Куфтин») (1874, Елабуга Вятской губ. – 1924, Бизерта), полк. Уч. ВСЮР и Русской армии. Дети: Борис (1892–1953), Евгений и Алексей (1894–1976). В 1920 эвак. в Бизерту вместе с семьей сына Евгения. Работал библиотечником в Морском к.к. I – 269, 289, 306, 307, 309, 403, 407, 416, 434, 579

Куфтин Евгений Алексеевич (1893–1972, Прага), мичман, инж.-геометр. Сын А.Н.Куфтина. Окончил Морской к.к. (вып. 1915). Уч. ВСЮР и Русской армии. В 1919–1920 раб. в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. с семьей в Бизерту, преп. физику. Первая жена: А.Н.Куфтина (брак распался). Дочь: Татьяна. В марте 1922 выехал в Чехию.

- По окончании ВТУЗ был направлен в Ужгород. В конце 1920-х женился на О.А.Куфтиной. Дочь: Наталья. Весной 1939 семья переехала в Прагу. В годы ВМВ был партизанским связным I – 269; II – 29
- Куфтина (в браке Лаштовичкова) Наталия Евгеньевна (1930 г.р.), пер., мемуарист. Дочь О.А. и Е.А. Куфтиных. В 1954 окончила пед. фак. Карлова университета. Раб. в Министерства хим. пром. Чехословакии. Муж: Юрий Лаштовичка, реставратор скульптуры. Дети: Мария и Михаил I – 40
- Куфтина (урожд. Лишина) Анна Николаевна (?–1944, Рига), первая жена Е.А.Куфтина. В 1920 эмигр. с семьей в Бизерту. Летом 1921 выехала с дочерью Татьяной в Ригу I – 321
- Куфтина (урожд. Полиевктова, в первом браке Евреинова, псевд. Полуэктова-Куфтина) Ольга Александровна (1896–1983, Прага), драм. актриса, режиссер. Дочь Татьяны Алексеевны Полиевктовой (урожд. Орешниковой; 1875–1961), племянница В.А.Зайцевой. В эмигр. в Чехии. Играла в Пражской группе МХТ. В 1933–1937 в Ужгороде занималась режиссерской работой. Первый муж: Дмитрий Алексеевич Евреинов. Сын: Рафаил (1916, Петроград – 1990, Бруквиль, Канада). Второй муж: Е.А.Куфтин. Дочь: Наталия II – 29, 399
- Куфтина Татьяна Евгеньевна (1917–2001, Париж), дочь О.А. и Е.А.Куфтиных (внучка А.Н.Куфтина). С 1920 с родителями в эмигр. в Тунисе. Летом 1921 выехала с матерью в Ригу. Муж (русский офицер), погиб в годы ВМВ. Дочь: Ксения (1941 г.р.) I – 269, 570
- Куфтины, семья А.Н.Куфтина. В 1920 эвак. в Бизерту. Попутчики Кноррингов по транспорту «Кронштадт» I – 229
- Л.А. см. Чистовский Л.А.
- Лаврецкий (наст. фам. Страхович) Николай Васильевич (1886, СПб. – 1976, Курбевуа, под Парижем), стар. лейт. флота, певец. В эмигр. во Франции II – 414
- Лаврухина Наталья Васильевна, дочь В.Т.Лаврухина I – 273
- Лаврухины, семья донского казака, войскового старшины Василия Тимофеевича Лаврухина. В 1920 в эмигр. в Бизерте. Соседи Кноррингов по Сфаяту I – 273
- Лагерлёф Сельма (1858–1940), швед. писательница I – 93, 94
- Ладинская, гражд. жена А.П.Ладинского II – 272
- Ладинский Антонин Петрович (1896, Псковская губ. – 1961, Москва), поэт, прозаик, журн. В 1915 окончил Псковскую гимназию. В 1915–1916 учился в Петроградском университете на юр. фак. Уч. ВВ и Белого движ. В эмигр. с 1920 в Египте (эвак. после ранения). Служил в Международ. суде в Александрии. В 1925 соорг. Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Член-учред. Союза русских

- писат. и журн. в Париже, сотр. ред. «ПН». С 1944 член ССП, сотр. ред. газеты «Сов. патриот». В 1946 получил сов. гражд., в сентябре 1950 выслан из Франции. Жил в Дрездене, в марте 1955 вернулся в СССР. Член Союза писат. СССР I – 519, 520, 523–525, 527–529, 532–538, 540, 542–544, 548, 552, 592, 604; II – 9, 14, 16, 19, 20, 34, 44, 45, 55, 91, 135, 147, 148, 167, 206, 224, 230, 235, 244, 269, 270, 272, 273, 339, 347, 396, 428, 429, 431, 436, 441–443, 445
- Лазарев Егор Егорович (1855–1937), общ.-полит. деят., публ. мемуарист. В 1919 эмигр. из Владивостока через США в Прагу. В 1919–1920 издат. журнала «Воля России». Сотр. пражского Земгора, член Союза русских писат. и журн. в Праге I – 605
- Лазарь см. Кельберин Л.И.
- Лакур (Lacour), madame (?–1929), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 209, 216
- Лакур Маргарет (Lacourt Mergueritte), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 185, 209
- Ландгаммер (Лангаммер) Георгий. Уч. ВСЮР и Русской армии. В 1920 эвак. в Бизерту. Охот. Морского к.к., служил на миноносце «Дерзкий». В июне 1923 выбыл из команды к.к. К 1935 приехал в Париж I – 308
- Лапшин Георгий Александрович (1885, Москва–1950, Париж), певец, сценограф, живописец. С 1924 в Париже II – 414
- Ларин Евгений (Е.В.) (псевд. Климов, Левин), сек. Союза возвр. на Родину. В 1937 раб. в павильоне СССР на Международ. выставке в Париже. В конце 1937 вернулся вместе с женой (урожд. Киямовой) в СССР. В 1941 расстрелян I – 606; II – 433
- Лафон (Lafon), преп. фр. языка в Морском к.к. в Сфаяте (Тунис) I – 300, 308
- Лафонтен Жан де (1621–1695), фр. писатель I – 571, 578
- Лебедев Владимир Иванович (1884, Грузия – 1956, Н.-Й.), общ.-полит. деят., журн., эсер. В эмигр. с 1908, служил в Ин. легионе, в апреле 1917 вернулся в Россию. Рук. морским министерством Врем. Правительства. Уч. Белого движ. В 1919 вновь эмигр., жил в Париже. С 1921 в Праге, соред. журнала «Воля России». Затем в Белграде, орг. и дир. журнала «Руски архив» (на сербо-хорв. яз.), член правл. Земгора в Белграде. С 1936 в США, член ред. газеты «Новое русское слово» I – 605
- Лебедев И.М., знакомый Кноррингов по Харькову I – 96, 97
- Лебедев-Кумач Василий Иванович (1898–1949), сов. поэт II – 442
- Лев Александрович см. Чистовский Л.А.
- Лев, Лева (Париж) см. Шлиомович Лев
- Левин см. Ларин Е.В
- Левинсон Андрей Яковлевич (1887, СПб. – 1933, Париж),

- искусствовед, критик, историк балета, пер., приват-доцент Петроградского университета. С 1921 в Париже. Сotr. изданий «Жар-птица», «Русская мысль», «ПН», «Совр. записки». Читал лекции по искусству в Русском народ. университете I – 382, 517, 519, 524, 532, 574, 592
- Левицкая (Левитская) Елена Валерьевна (Лёля) (1910, Киев – 1978, Франция), одно-клас. И.Кнорринг по харьк. гимназии. В эмигр. с 1920 в Константинополе (Турция). В Русской школе при Посольстве сдала экстерном экзамены за младшие классы. В 1923 переехала с родителями в Чехию. В 1928 окончила Русский лицей в Моравской Тщегова, где преп. и ее отец, В.М.Левицкий. Позднее переехала во Францию I – 104, 313
- Легар Ференц (Франц) (1870–1948), венг. комп. I – 564
«Граф Люксембург» I – 184, 564
- Легра (Legras) Жюль, проф. Сорбонны, славист II – 438
- Лежен (урожд. Вебер) Нина Федоровна (1881–1961, Йер, Франция), певица, артистка Мариинского театра, педагог. В эмигр. в Париже II – 444
- Лекок (Лесоке), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 188
- Леонт де Лиль (1818–1894), фр. поэт, лидер лит. группы «Парнас» II – 421
- Лёля (Харьков) см. Хворостанская Елена (Лёля)
- Леммлейн Василий Васильевич (1894–1974, Париж), мичман. В эмигр. с 1920 в Бизерте. Адъютант Русской эскадры. В 1925 переехал во Францию. Позднее жил в Лионе, снова в Париже. Раб. таксистом. Пред. Совета старшин Морского собрания I – 20, 273, 330, 346, 354, 452, 467
- Леммлейн Мария Васильевна, жена В.В.Леммлейна I – 421, 451–456, 461, 486, 487
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), сов. гос. деят., публ. В ночь с 24 октября / 6 ноября на 25 октября / 7 ноября 1917 рук. вооруж. восстанием в Петрограде, свергнувшим Врем. правительство. В 1917–1922 на посту пред. СНК возглавлял строительство сов. государства. Проводил политику геноцида I – 170, 229, 295, 296, 298, 402, 562, 573
- Леночка (Харьков) см. Плохотниченко Елена
- Леньков, кораб. гард. В эвакуации с 1920 в Бизерте. Окончил Морской к.к. (вып. 1924) и выехал во Францию I – 356, 371, 457, 463
- Лёня (Тунис) см. Городниченко Л.М.
- Леонардо да Винчи (1452–1519), итал. живописец, скульптор, архитектор, ученый, инж. II – 439
- Леонов Г.Ф., опер. артист. В эмигр. в Париже. Пел в составе Русской оперы К.Д.Агренева-Славянского, солировал в Оркестре Падлу. В 1928

- переехал в США. С 1941 в Голливуде, где вместе с женой, Н.П.Кошиц, открыл студию пения II – 412, 415
- Леонтович Л.М. (?–1942, Франция), опер. артистка. В эмигр. во Франции II – 412
- Леонтовская, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 64
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт I – 165, 557, 562, 563; II – 288, 427
«Ветка Палестины» I – 47, 557; II – 288, 439
«Герой нашего времени» I – 371
«Демон» I – 165, 563
«И скучно, и грустно...» I – 128
- Леруа Ольга Константиновна см. Кедрова О.К.
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель I – 482, 556, 587
- Лесков (Leskoff), знакомый И.Софиева по Андаю (Пиренеи) II – 321
- Либкнехт Карл (1871–1919), деят. междунаро. раб. движ. I – 88, 560
- Лида (Симферополь) см. Фихтер Лида
- Лидия Антоновна см. Ирманова Л.А.
- Лидия Давыдовна см. Червинская Л.Д.
- Лидия Ивановна (Харьков) см. Гливенко Л.И.
- Лиза (Жеребятниково), няня Каврайских I – 48
- Лиза (Симферополь) см. Егорова Е.А.
- Лилли Вильгельмовна, преп. нем. языка в харьк. гимназии I – 90
- Лиля (Франция) см. Раковская Лиля
- Лиля-Ханум (Симферополь) см. Якуб Лиля-Ханум
- Линдберг Чарльз (1902–1974), амер. летчик. В 1927 совершил первый беспосадочный полет через Атлант. океан (из США во Францию) II – 91
- Липеровский Лев Николаевич (1887, Москва – 1963, Париж), врач, прот., из семьи свящ. Учился на мед. фак. Моск. университета. Земский и воен. врач. В 1920 эвак. в Сибирь с женой и дочерью (погибли в изгнании). Принял сан диакона. Жил в Париже. Ген. сек. РСХД. Ред. журнал «Хроника жизни Русской Правосл. Церкви в Зап. Европе». В 1959 приезжал в Москву, награжден Патриархом Всея Руси Алексием Патриаршим Крестом. Автор работ «Сорок лет спустя» (1960), «Чудеса и притчи Христовы» (1962) II – 262, 263
- Липковская (в первом браке Маршнер, во втором Ришар) Лидия Яковлевна (1884, с. Бабино Хотинского уезда Бессарабской губ. – 1955, Бейрут, Ливан), опер. певица, педагог. Раб. в опер. труппах Бухареста, Кишинева, Одессы и др. В 1930-х годах жила в Париже, артистка Русской оперы князя Церетели и де Базилля, Опера-Комик. В 1953 уехала в Бейрут II – 87
- Лисаневич, кораб. гард. В эмигр. в Бизерте. Преп. в Морском к.к. I – 272

Лисневская, мать Н.Н.Лисневского I – 368

Лисневский Николай (старший), морской офицер, кап. I ранга. Отец Н.Н.Лисневского. Расстрелян большевиками I – 368

Лисневский Николай Николаевич, кораб. гард., художник. В 1920 эмигр. в Бизерту в составе Морского к.к. (вып. IV роты, фельдфебель VI роты). Окончил корпус в 1923. Адресат стихов И.Кнорринг I – 340, 341, 343, 344, 346, 348, 349, 352–357, 359–363, 365–369, 371–375, 380–383, 385–388, 390, 398, 406, 417, 478, 575, 577

Лифарь Сергей Михайлович (1905, Киев – 1986, Лозанна, Швейцария), танцовщик, хореограф, художник, писатель, деят. культ. В эмигр. с 1923 в Париже, с 1981 в Лозанне. Награжден Орденом Почет. легиона (1982) и Орденом искусств и словесности (1983) II – 442

Лихницкий Виталий Николаевич (1883–1945, Ницца, Франция), доктор мед., антропософ. В эмигр. во Франции II – 446

Лишин Григорий Андреевич (псевд. Нивлянский) (1854–1888), поэт, комп., аккомп., автор романсов и мелодекламаций, муз. критик I – 557

Лишина Вера Генриховна, парижская знакомая Кноррингов I – 509, 530

Лобыцын Владимир Викторович (1938–2005), офицер

флота, воен. историк, архивист, писатель, общ. деят. I – 587

Лозинский Григорий Леонидович (1889, СПб. – 1942, Париж), лит. критик, историк, перев. В эмигр. во Франции, сотр. «ПН», «Звена». Ген. сек. Центр. Пушкинского комитета в Париже I – 482

Локк Джон (1632–1704), англ. философ II – 75

Лондон Джек (наст. имя Джон Гриффит) (1876–1916), амер. писатель I – 458

Лопатин Герман Александрович (1845, Н.Новгород – 1918, Петроград), рев.-народник, литератор. В эмигр. с 1870-х, жил в Париже. Учред. Русской библиотечной читальни, деньги на которую пожертвовал И.С.Тургенев (Тургеневской библиотечной) I – 556

Лопухина (урожд. Осоргина) Софья Михайловна (1890, Калуж. обл. – 1977, Исси-ле-Мулино, под Парижем), общ. деят. В эмигр. с 1931. Сотр. Центра помощи русским беженцам II – 442

Лоридон (Loridon), кап., губернатор г. Туниса I – 250, 252

Лоридон, m-me, жена кап. Лоридона I – 244

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939, Нейи-сюр-Сен, Франция), ген.-лейт. Ген. штаба, мемуарист. В марте 1920 представ. Главноком. при союзном командовании в Константинополе. В эмигр. во Франции. Автор книги «Воспоминания генерала

- А.С.Лукомского», в 2-х тт. (Берлин, 1922) I – 227, 230
- Луна (прозвище), преп. в школе Монастыря Сионской Божьей Матери в Бизерте I – 262
- Луцек Михаил, охот. Морского к.к. в Бизерте. В сентябре 1923 выбыл из команды к.к., перейдя на частную службу I – 308
- Луцкий Семен (Шмиель) Абрамович (1891, Одесса – 1977, Париж), поэт, инж.-электротех. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Член админ. совета Тургеневской библиот. в Париже I – 512, 521, 522, 533, 539, 540, 604; II – 19, 396
- Люба см. Ретивова Люба
- Любомирский, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. Окончил Морской к.к. (вып. 1924) и выехал во Францию I – 415, 436, 440, 454, 461
- Люксембург Роза (1871–1919), деят. международ. раб. движ. I – 88, 560
- Люц (Лютц) Е.Е. см. Майер Е.Е.
- Ляббе (Labbe), проф. мед., акушер, гинеколог. Врач И.Кнорринг I – 22; II – 94, 95, 122, 137–138, 163–165, 169–171, 174, 176, 177, 179, 181, 185, 189, 215
- Ляля (Тунис) см. Воробьева О.А.
- М.В. см. Кнорринг М.В.
- Маджугинский Илья Николаевич (ок. 1913–?), кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. Вып. Морского к.к. Младший сын Н.С.Маджугинского I – 276, 324, 340, 352, 353, 417, 437, 501
- Маджугинский Тимофей Николаевич (Тима), кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. Вып. Морского к.к. Старший сын Н.С.Маджугинского I – 348, 349, 371, 394, 409, 410, 413, 415, 417, 425, 436, 437, 441, 456
- Маджугинский Николай Степанович, судейский деят. Пред. Севастоп. коллегии мировых судей. В 1920 эваку. в Бизерту. Отец Ильи и Тимы Маджугинских I – 276, 349
- Мазон (Mazon) Андре (1881–1967), проф. Сорбонны, сла-вист II – 438
- Май (Мей), братья, студенты Фр.-рус. института в Париже, друзья И.Кнорринг I – 605
- Майданович Лев Александрович (25 дек. 1899/6 янв. 1900, Николаев Херсонской губ. – 1984, Загорск Моск. обл), мичман, художник по металлу. Служил в Белых войсках Вост. Фронта. В 1918 раб. в Морском училище во Владивостоке. В октябре 1920 прибыл на судне «Якут» в Севастополь. Эваку. в Бизерту. В 1921–1922 ревизор на учеб. судне «Моряк». Служил в Морском к.к. В 1923 воспит. IV роты. После роспуска Эскадры переехал во Францию. В 1930–1955 жил в Париже. На жизнь зарабатывал в качестве маляра. Изготавливал оловянных солдатиков и истор. диорамы, выступал с докладами в Кружке ревнит. военно-морских знаний. В 1955 вернулся в СССР, жил в Алма-Ате, раб. скульптором в отделении

палеонтологии Института зоологии АН Казахской ССР. В 1960 переехал в Загорск (Сергиев Посад), создавал макеты русских храмов I – 347, 374

Майер (в браке Люц, Лютц) Елена Евгеньевна (1901, Екатеринбург–1969, Медон, Франция), поэт, врач. В 1920 окончила Севастоп. женскую гимназию В.И.Дриттенпрейс с золотой медалью. В эмигр. в Бизерте с 1920 с мужем, Г.Х.Люцем. Брак был расторгнут. Весной 1923 выехала во Францию с гражд. мужем, поэтом В.А.Мамченко, которого опекала до конца своих дней. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Зарабатывала на жизнь инкрустацией дам. сумочек. Окончила школу сестер милосердия и мед. фак. Сорбонны. Рук. Амбулаторией Nouvelle Etoile (59, rue Jeanne d'Ark) в Париже, раб. в Сен-Реми, в Монмарианси (гл. врач Клиники для детей-инвалидов). Член Союза возвр. на Родину. Уч. Сопротивления, награждена Ordre de la Santé publique (Орденом общ. здравоохранения) I – 503, 513, 524, 525, 539; II – 19, 20, 29, 45, 85, 88–90, 100, 101, 120, 123, 142, 154, 158, 225, 228–230, 372, 396, 408, 417

Майков Василий Иванович (1728–1778), поэт II – 288

Май-Маевский Владимир Зиновьевич (1867–1920), ген.-м. Уч. ВВ, в Добр. армии с 1918. Ком. III пехот. дивизии. В июне 1919, после занятия

Добр. армией Харькова, главноком. занятых им губерний. 27 ноября 1919 освобожден ген. Деникиным от должности «за разложение тыла и кутежи» I – 98, 105

Маклаков Василий Алексеевич (1869, Москва – 1957, Париж), адвокат, общ.-полит. деят., юрист, публ. Депутат II, III и IV Гос. думы от партии кадетов. В октябре 1917 выехал в Париж в качестве посла, в сов. Россию не вернулся. Пред. Русского эмигр. комитета при Лиге наций, глава Офиса по делам русских беженцев. Сотр. Земгора, Моск. землячества и др. I – 573, 590, 605; II – 425

Маковский Сергей Константинович (1877, СПб. – 1962, Париж), поэт, критик, издатель, мемуарист. Сын живописца К.Е.Маковского. В эмигр. в Праге, с 1926 в Париже. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже и Союза русских писат. и журн. в Париже. Рук. отделом литературы и искусства газеты «Возрождение». После ВМВ пред. редколлегии издат. «Рифма» II – 220, 425

Маколина (урожд. Вавиличева) Галина Егоровна (1957 г.р.), уроженка с. Елшанка Самарской обл., дир. Елшанской школы II – 7

Максименко Олег Владимирович, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту с родителями и братом. Окончил Морской к.к. (вып. 1923). Мать: Анна Петровна (урожд. Базова). Отец:

- инж.-мех., ген.-м. Владимир Григорьевич Максименко (1873–1932, Париж), сотр. штаба Русской эскадры. Старший брат: Игорь (1900 г.р.), кораб. гард. I – 371
- Максимович Софья Андреевна, жена проф. С.М.Максимовича I – 106, 118, 155, 561, 571
- Максимович Степан Михайлович, проф., врач, биохимик. Окончил Казанский университет. Шафер на свадьбе М.В. и Н.Н. Кноррингов. В 1919–1920 жил в Ростове, преп. в Ростовском (б. Варшавском) университете. Дал приют Кноррингам в период их беж. в конце 1919 I – 106, 118, 155, 561
- Макухин Евгений Александрович, мичман. Служил в Белых войсках Вост. фронта. В 1918 в Морском училище во Владивостоке. В октябре 1920 прибыл на судне «Якут» в Севастополь. Эвак. в Бизерту. Служил в Морском к.к. до его ликвидации, ком. роты. К 1928 переехал в Бужи (Алжир), к 1951 в Марокко I – 348, 448, 451, 487, 488
- Малашенко Николай, кораб. гард. В 1920 эвак. с семьей в Бизерту. Окончил Морской к.к. (VI рота, вып. 1925) I – 328, 341, 353
- Малинина Наталья Константиновна см. Кедрова Н.К.
- Малянтович Всеволод Николаевич (1885, СПб. – 1949, Париж), адвокат, художник, журн. В 1909 окончил юр. фак. Моск. университета. Эмигр. в Турцию, жил в Стамбуле, занимался живописью. К 1927 переехал во Францию. Член Инициат. группы Русского худ. цеха, уч. Осеннего салона. Член Союза писат. и журн. в Париже. В 1946 принял сов. гражд., член ССП II – 120
- Мамонтов Константин Константинович (1869–1920), ген.-лейт. Уч. Рус.-яп. войны, ВВ и ВСЮР. В 1917 ком. бригадой VI Донской казачьей дивизии. В 1918 сформировал на Дону партизанский отряд, в 1919 ком. IV Донского отдельного корпуса, с которым совершал рейды в тыл РККА I – 119
- Мамченко Виктор Андреевич (1901, Николаев Херсонской губ. – 1982, Шелль, Франция), поэт. В эмигр. с 1920 в Тунисе. В 1923 вместе со своей гражд. женой Е.Люц выехал в Париж. Член.-учред. Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Уч. лит. собраний «Зеленая лампа», «Числа» и др. Друг И.Кнорринг и Ю.Софиева. Сотр. журналов «Числа», «Встречи», «Звено», «Совр. записки», «Русские записки», «Якорь» и др. Автор книг: «Тяжелые птицы» (1936), «Звезды в аду» (1946), «В потоке света» (1949), «Земля и лира» (1951), «Певчий час» (1957). Зарабатывал в качестве раб.-строителя. В годы болезни (был парализован, последние десять лет был лишен и речи) жил в Медоне на содержании и при опекунов Е.Е.Люц.

- После ее смерти в 1969 опеку взяла на себя Ионова (урожд. Галл). Последние годы провел в Русском старч. доме РОКК в Шелль I – 25, 513, 533, 539; II – 44, 49, 54, 58, 65, 80, 83, 84, 88–90, 95, 97, 98, 100, 101, 109, 117–123, 127, 132, 142, 150, 153–154, 157, 158, 166, 168, 172–174, 212, 221, 229, 230, 242–245, 248, 253, 270, 271, 288, 312, 357, 408, 417, 422–424, 426, 436, 441, 443, 445
- Мандель (наст. имя Луи Жорж Ротшильд) (1885–1944), фр. полит. деят.** II – 392, 447
- Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт. Репрес., погиб в пересыльном лагере во Владивостоке** I – 31, 36, 535, 556, 603
- Мандельштам Юрий Владимирович (1908, Москва – 1943, концлагерь в Яворжно, Польша), поэт, критик. В эмигр. с 1920. В 1925 окончил в Париже Русскую гимназию, в 1929 фил. фак. Сорбонны. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Член объединений «Перекресток», «Круг». Сотр. изданий «Возрождение», «Встречи», «Числа» и др. Автор сб. стихов «Остров» (Париж, 1930) и «Верность», (Париж, 1932), «Третий час» (Берлин, 1935). Погиб в фаш. концлагере** I – 36; II – 167, 172, 189, 204, 224, 226, 229, 245, 248, 266, 268–270, 274, 288, 417, 421–426, 436, 441, 443, 445
- Манухин Иван Иванович (1882, Кашин Тверской губ. – 1958, Париж), врач, иммунолог. В эмигр. с 1921. Раб. в Институте Пастера в Париже. Автор воспом. Лечащий врач И.Кнорринг** I – 543, 545, 586; II – 10, 17, 18, 27, 76
- Манциарли Ирма Владимировна де (?–1950, Париж), теософ, журн. В эмигр. в Индии, позднее в Париже. В 1930–1932 соред. журнала «Числа». В начале 1940-х переехала в США, издавала журнал «Третий час». После ВМВ вернулась в Париж** II – 424
- Марадудина М.С., актриса, первая в России женщина-конферансье, выступала с короткими рассказами. В 1920 находилась в Крыму, выступала в театрах Севастополя: «Ренесанс» и «Гнездо перелетных птиц» под рук. А.Т.Аверченко, сопровождала его моноспектакли. В составе последнего эвак. в Стамбул (Турция)** I – 167, 563
- Мариамна см. Гальская Мариамна**
- Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962), поэт, писатель** II – 418
- Марина, знакомая И.Кнорринг по госпиталю** II – 81
- Мария Андреевна см. Жук М.А.**
- Мария Антуанетта (1755–1793), королева Франии, супруга короля Франции Людовика XVI** I – 497
- Мария Васильевна см. Леммлейн М.В.**
- Мария Владимировна см. Каврайская М.В., Кнорринг М.В.**

Мария Павловна (младшая) (1890, СПб. – 1958, Констанц, Бавария, Германия), вел. кн., благотв., мемуарист. Внучка Александра II (дочь вел. кн. Павла Александровича Романова от его первого брака с греч. принцессой Александрой), кузина Николая II. Супруга шведского Кронпринца Вильгельма (с 1913 разведена). Во втором браке жена князя С.М.Путятина. В годы ВВ сестра милоседия. В эмигр. в Великобритании, Франции, США, Аргентине, Германии. Хозяйка модного дома «Китмир» в Париже. Пред. Комиссии попечения о Морском к.к. в Бизерте, пред. Комитета попечения о сестрах милосердия РОКК и др. I – 485

Мария Сергеевна, преп. русского яз. в харьк. гимназии I – 73, 74

Мария Федоровна (урожд. принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмара, дочь датского короля Христиана IX и Луизы Гессенской) (1847–1928), Рос. императрица, супруга Имп. Александра III I – 567

Мария, монахиня (Пиленко Елизавета Юрьевна, в первом браке Кузьмина-Караваева, во втором Скобцова) (1891, Рига – 1945, Германия), литератор, общ. деят. В эмигр. с 1920 в Константинополе, затем в Белграде, с 1923 в Париже. Деят. РСХД. В 1932 приняла монашество. Соучред. и пред. Объединения «Правосл. дело». Уч. Сопротивления. Погибла в фаш. концлагере Равенсбрюк. Прославлена

Русской Зарубеж. церковью I – 35; II – 435

Марков Александр Прокофьевич (1885, Донская губ. – 1973, Москва), экономист, магистр права, публ. Спец. по городскому хозяйству. Читал лекции в Харьк. коммерч. институте. Выслан из России в 1922. В эмигр. в Париже. Преп. эконо. географию в Русском коммерч. институте и полит. экономию во Фр.-рус. институте. Орг. Эконом. семинара в Париже. Член ССП. Уч. Сопротивления. В 1947 вернулся в СССР. Репрес., осужден на 25 лет лишения свободы. Освобожден в 1955 II – 27, 53, 398

Марков Николай Македонович (1873–1951, Гренобль, Франция), коллеж. сов., воен. врач. Во ВСЮР и Русской армии. С октября 1919 старший врач Морского к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с семьей в Бизерту. Старший врач воен. госпиталя Русской эскадры. После ее ликвидации переехал во Францию, жил в Лионе. Отец Шурёнки и Колюни Марковых I – 326, 464

Марков Николай Николаевич (Колюня) (1916–1988, Канны), кораб. гард., инж.-электрик, лейт. В 1920 эваку. с родителями в Бизерту. Учился в Морском к.к. (X рота, вып. 1925). В годы ВОВ воевал в рядах фр. армии. В 1946 получил диплом инж. Сын А.П. и Н.М.Марковых I – 239

Марков Сергей Леонидович (1878–1918), ген.-лейт. Ген-

- штаба. Уч. Рус.-яп. войны и ВВ, Георг. кавалер. В 1917 вместе с А.И.Деникиным поддержал корниловский мятеж, был арестован, бежал на Дон в Добр. армию. Ком. офицерского полка, бригады, дивизии. Убит в бою I – 298
- Маркова Александра Николаевна (Шурёнка), дочь А.П. и Н.М.Марковых. Подруга И.Кнорринг по Сфаяту. Училась в Морском к.к. (X рота, вып. 1925) I – 244, 261, 291, 363, 464, 465, 486, 576
- Маркова Анна Петровна (?– 1924, Бизерта, Тунис), жена Н.М.Маркова, мать Шуренки и Колюни Марковых I – 463, 464
- Марковская М.П., эмигр. В 1926 в Париже I – 525
- Маро, преп. фр. лицея в Шартре (Франция) II – 383
- Марон де Мирей, студент Фр.-рус. института в Париже II – 70, 71
- Марсель (Marcelle), мед. сестра госпиталя «Питье» в Париже II – 77, 79, 92–95, 102, 160, 163, 164, 176, 183, 185, 194, 344
- Маруся (Тунис) см. Завалишина М.А.
- Маршак Аким Осипович (1885, Киев – 1938, Ницца, Франция), врач, хирург. В годы ВВ служил на фр. фронте. В эмигр. в Париже. Осн. и пред. Общества русских врачей им. Мечникова. Гл. врач Амбулатории им. В.И.Темкина в Париже. Кавалер Ордена Почет. легиона II – 168, 201, 417
- Масловы, влад. вышивальной мастерской в Париже I – 503, 505, 509, 530
- Матвеев Александр Петрович (1885, СПб. – 1963, Лондон), публ., мемуарист, масон. В эмигр. в Париже. Член ложи «Юпитер», «Гамаюн» (с 1932), гость ложи «Сев. сияние». Сотр. изданий «Илл. Россия» и «Русская мысль». После 1945 в Лондоне II – 244, 431, 432
- Матвеев Вадим Петрович (Дима) (1904, Радом – 1951, Брюссель), кораб. гард., инж. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с ним в Бизерту (вып. 1923). В августе 1924 выехал в Европу. Окончил Высшую индустриальную школу в Шарлеруа (Бельгия). В Бизерте занимался с И.Кнорринг космографией I – 236, 239, 371, 374, 415, 418, 419, 440, 481, 510, 579; II – 97
- Матвеев Михаил Хрисанфович (Петрович) (Мика) (1904, Воронеж – 1979, Монпелье, Франция), кораб. гард., агроном. После окончания реал. училища в г. Николаеве поступил в Морской к.к. в СПб., в 1919 перевелся в открывшийся Морской к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. с ним в Бизерту (вып. 1923). Получив студ. стип., переехал во Францию. Окончил Высшую с/х школу в Гриньоне (под Парижем). Раб. в Тунисе, во Франции, Африке, Италии. Спец. по селекции с/х культур. Жертвовал средства на

сооруж. Храма-памятника
Русской эскадре в Бизерте
I – 472

Матвеев Петр Александрович,
стат. сов., преп. русского
языка и литературы. Раб. в
Морском к.к. в Севастополе.
В 1920 эваку. с ним в Бизерту,
служил в Корпусе до его лик-
видации. Затем переехал в
Париж I – 345, 368, 394, 438,
476, 478, 480, 481, 486, 492,
495

Махин Иван, пом. повара в
Морском к.к. в Бизерте
I – 336

Махно (наст. фам. Михненко)
Нестор Иванович (1889, с. Гу-
ляй-Поле Александровского
уезда Екатеринослав. губ. –
1934, Париж), рук. повстан-
ческого движ. на юге Украины
в 1918–1921. В эмигр. в Пари-
же. Автор воспом. I – 149, 163,
169

Машуков Николай Николае-
вич (1889–1968, Париж),
контр-адм. Вып. Морского
к.к. и Михайловской арт.
академии. Уч. Русской ар-
мии и ВСЮР. С октября 1920
нач. штаба Черномор. флота.
Награжден орденом Св. Ни-
колая Чудотворца. Эваку. с
флотом в Бизерту. В 1921 пе-
реехал во Францию, продол-
жал заботиться о к.к. (заку-
пал и пересылал учебники,
приборы, гимнастич. снаря-
ды). Проф. РВТИ. Пред. суда
чести Союза русских дип. ин-
женеров. Уч. в работе Воен-
но-морского союза, сотр.
журнала «Военная быль». Автор воспом. I – 16, 218, 235

Маяковский Владимир Влади-
мирович (1893–1930), сов.
поэт II – 53

Медведев Василий Васильевич,
судеб. деят. В 1920 беж. в Кры-
му. В эмигр. в Сербии I – 95,
171, 234

Медведев, кадет. Учился в Мор-
ском к.к. в Севастополе. В
1920 эваку. в Бизерту. В 1923
был исключен из к.к. и пере-
веден на миноносец «без пра-
ва выезда на берег» I – 369,
576

Медведева Вера Александров-
на, преп. истории, классная
наставница в харьк. гимна-
зии I – 104, 561

Мейерер Георгий Александров-
вич (1897–1945, шт. Нью-
Йорк), мичман, инж.-авиа-
тор, литератор. В 1917
окончил Морской к.к. Служил
в Белых войсках Вост. фронта.
В 1918 соорг. Белой Волжской
флотилии в Самаре. В 1920
воспит. гард. роты Морского
к.к. в Севастополе. В 1920
эваку. в Бизерту, ком. роты.
Публ. в «Морском сборнике».
С 1922 во Франции, затем в
США (раб. в авиац. корпорации
И.И.Сикорского). Член Общества
б. русских морских офицеров
в Америке I – 271, 286

Мелкова Марина Юрьевна
(1962 г.р.), инж., сотр. Дома
музея Марины Цветаевой I – 40

Мережковский Дмитрий Сер-
геевич (1865, СПб. – 1941, Па-
риж), писатель, философ,
публ. Вместе с женой, З.Н.Гиппиус,
соучред. лит. «Воскресений» и Лит.-филос.

- общества «Зеленая лампа» I – 24, 586, 605; II – 150, 237, 397, 413, 436, 443
- Мериме Проспер (1803–1870), фр. писатель II – 415, 443
- Меркулов Николай Денисович, богатый домовладелец Владивостока. При поддержке япон. правительства орг. 26 мая 1921 (вместе с братом, С.Д.Меркуловым) переворот во Владивостоке и стал во главе правительства I – 268, 569
- Меркулов Сергей Денисович, богатый домовладелец Владивостока, брат Н.Д.Меркулова, уч. переворота 26 мая 1921 I – 569
- Метерлинк Морис (1862–1949) бельг. драм., поэт II – 415; «Чудо святого Антония» II – 152, 415
- Механиков Сергей Владимирович, стар. науч. сотр. КИЖа, публ., лит. критик, краевед II – 7
- Мещерская (урожд. Струве) Вера Кирилловна (1876–1949, Сент-Женевьев де Буа), княгиня, б. фрейлина Импер. двора, общ. деят., благотв. В эмигр. во Франции. Пред. Комитета русских мастерских «Увруары» и Комитета помощи русским детям при РОКК. Орг. Старческого приюта в Вильмуассоне (с 1940 там располагался детский приют). В 1927 осн. Русский старч. дом в С.-Женевьев де Буа II – 410, 446
- Мика см. Матвеев М.Х.
- Мила (Симферополь) см. Жолнеркевич Мила
- Мила (Тунис) см. Завалишина Л.А.
- Мила (Харьков) см. Павленко Мила
- Миллер (в браке Чекан) Мария Евгеньевна (1897–1982, Париж), педагог, дочь ген.-лейт. Е.К.Миллера. В эмигр. в Париже. Деят. РСХД II – 435
- Милославский П., корр. «ПН» I – 570
- Мильеран (Millerand) Александр (1859–1943), фр. гос. деят., юрист, социалист. В 1920–1924 президент Франции I – 277, 278, 280, 570
- Милюков Павел Николаевич (1859, Москва – 1943, Экс-ле-Бен, Франция), полит. деят., историк, публ. В 1882 окончил истор.-фил. фак. Моск. университета. В 1892 защитил магистр. диссер. на тему «Гос. хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». С 1886 года приват-доцент Моск. университета. С 1907 пред. Конституц.-демокр. партии (партия кадетов). Депутат III и IV Гос. Думы. В 1906–1917 соред. газеты «Речь». В 1917 министр ин. дел Врем. правительства. В эмигр. с 1918 в Англии, с 1920 в Париже. В 1921–1940 ред. «ПН», в 1939 ред. «Русских записок», соред. «Звена». Орг. и лидер РДО. В 1921–1940 пред. Союза писат. и журн. в Париже. В 1925 соорг. (вместе с проф. Э.Оманом) Фр.-рус. института. Скрипач, орг. парижского струнного квартета, в котором играл Н.Н.Кнорринг I – 11, 280, 416,

- 531, 535, 547, 553, 558, 577, 587, 590, 591, 600, 605, 606; II – 18, 44, 49, 53, 56, 69–71, 75, 131, 133, 135, 145, 180, 360, 370, 398, 403–405, 411, 412, 414, 418, 424, 438, 444
- Милюкова (урожд. Смирнова) Анна Сергеевна** (1861, Сергиев Посад – 1935, Париж), просв., общ. деят., первая жена П.Н.Милюкова. В эмигр. с 1920. Член Комитета помощи писат. и ученым в Париже, член Общества «Быстрая помощь». Осн. Русскую секцию Международ. федерации университетских женщин. Сотр. РДО «ПН». Выступала с лекциями II – 444
- Мима см. Крюковской Мима**
- Мими-Вноровская Ольга**, литератор. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже I – 592; II – 426
- Минаев Ростислав Владимирович (Слава)** (1904–1965, Париж), кораб. гард. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1924 окончил корпус. После 1925 переехал во Францию I – 430, 431, 433, 442, 445, 486
- Минеев Петр Дмитриевич (?–1930, Монреаль, Канада)**, мичман. В 1918 окончил гард. курсы, служил в Северо-Зап. армии. В 1920 эвак. в Бизерту. Служил в Русской эскадре. В 1923 выехал во Францию I – 342
- Минцлов Сергей Рудольфович** (1870, Рязань – 1933, Рига), писатель, библиограф. В эмигр. с 1918 в Финляндии, Сербии, с 1925 в Латвии. В 1928 основал издат. «Восток». Публ. в изданиях «ПН», «Сегодня», «Совр. записки», «Сполохи». Автор более 30-ти книг (романы, сб. рассказов и очерков, воспом.) I – 480, 482, 586
- Миня см. Городниченко М.М.**
- Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (псевд. Мирский)** (1892–1955, Париж), юрист, журн., лит. критик, проф. права. В эмигр. с 1920 в Париже, преп. во Фр.-рус. институте. Сотр. изданий «ПН», «Бич», «Лукоморье», «Новый Сатирикон», «Русские записки». Член правл. Русской акад. группы, член бюро Общества друзей русской книги. Автор трудов по юриспруденции II – 56, 403
- Мирмилоштейн, одноклас. И.Кнорринг** по харьк. гимназии I – 104
- Мирошников, кораб. гард. В** эмигр. с 1920 в Бизерте, окончил Морской к.к. После выпуска Эскадры остался в Тунисе. Раб. топографом в с/х управлении I – 420
- Митяша (Митя) см. Кобяков Д.Ю.**
- Михаил Александрович** (1878–1918, Пермь), вел. кн., ген.-инспектор кавалерии, член Гос. совета, младший брат Имп. Николая II. Убит в ночь с 12 на 13 июня 1918 I – 204, 565
- Михаил Павлович см. Самарин М.П.**
- Михаловский Константин Павлович (о. Константин)** (1869,

Гродненская губ. – 1942, Тунис, Боржель), прот. Служил на кораблях Черномор. флота. В 1920 эваку. в Бизерту. Осн. и наст. Церкви Св. Воскресения в г. Тунисе, жил с семьей в помещении при церкви. Окормлял русские колонии Сев. Туниса. Преп. в Морском к.к. «Историю церкви». Жена: Екатерина Николаевна (урожд. Сцепуро) (1872–1958). Дети: Константин (1892–1978), Любовь (1893–1979), Екатерина (1895–1997), Николай (1896–?), Александр (1899–1975), Таисия (1907–?) I – 408, 409, 491

Могилевский Александр Яковлевич (1885–1956, Париж), скрипач, проф. консерватории. С 1922 преп. в Русской консерватории в Париже I – 501, 531

Могиланский Николай Михайлович (1871, Чернигов – 1933, Прага), проф. антропологии, политолог. Вып. СПб. университета. Стажировался в Берлине, в Париже. Раб. в Русском музее. В эмигр. с 1920. С 1921 преп. в Сорбонне, с 1923 в Русском народ. университете и Русском пед. институте им. Яна Каменского в Праге. Автор книг «Основы антропологии», «Украина во время мировой войны» и др. I – 18, 555

Монастырев Нестор Александрович (1887–1957, Табарка, Тунис), кап. II ранга, ред., литератор. В 1909, не окончив Моск. университет, поступил юнкером во флот. В

1912, сдав экзамены по программе Морского к.к., произведен в мичманы. В 1914 окончил офиц. класс подводного Морского училища в Либаве. В годы ВВ служил на Черномор. флоте. В 1920 эваку. в Бизерту, ком. подлодки «Утка». Служил в Русской эскадре. В 1922–1923 нач. дивизиона подлодок. В 1921–1923 ред. «Морского сборника». После ликвидации Эскадры переезжает в Табарку (место работы его жены, врача Людмилы Сергеевны Монастыревой). Автор работ по истории флота. За лит. заслуги удостоен Пальмовой ветви Фр. академии I – 34, 481, 586–587

Монашев Диомед (Диамид, Дима) Акимович, штабс-кап., поэт, фотограф. Уч. ВВ и Белого движ. Служил в Северо-Зап. армии. В эмигр. с декабря 1919 в Берлине, к 1925 во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. В 1946 член ССП I – 504, 513, 519–521, 524, 527, 533, 540, 543, 548–550, 552, 591, 604; II – 14, 19, 20, 37, 45, 228, 423, 426, 443, 445

Монтескье Шарль-Луи (1689–1755), фр. просв., правовед, философ II – 72

Моравские, влад. парижской мастерской по вышивке одежды (на rue Amsterdam) I – 532, 534; II – 16, 18

Мордвинов Константин Владимирович (1875–1948, Боржель, Тунис), кап. I ранга, публ. Окончил в 1895 Морской к.к., служил на Черномор.

- флоте. Ком. транспорта-маштерской «Кронштадт», в 1920 привел его в Бизерту (в 1921 транспорт был отбуксирован в Марсель фр. властями). Основал благотв. «Однофранковое общество» (собирал с друзей и знакомых по 1 франку в пользу бедных). Жил и раб. на ферме в Утике с женой и семьями двух дочерей, Ирины и Милицы. После роспуска Эскадры работал библиотечн. в г. Тунисе. Публ. в «Морском сборнике» I – 566, 568
- Мордвинова (урожд. Спицкая) Раиса Александровна (1880, СПб. – 1951, Тунис), «дама с эскадры», дочь адм. А.М.Спицкого, жена К.В.Мордвинова I – 489
- Мореас Жан (1856–1910), фр. поэт II – 421
- Мореходова Елизавета Владимировна, педагог. В эмигр. в Париже. Вместе с мужем, Леонидом Кондратьевичем Мореходовым (?–1962, Медон), состояла в Союзе возвращенцев на родину и в ССП. Преп. русский язык в школе при ССП II – 165, 269
- Морозов А., литератор, драм. I – 563;
«Превосходительный тесть» I – 167, 563
- Морозовы, семья кап. Василия Исидоровича (Сидоровича) Морозова (1888–1936, Тунис). В 1920 эвакуирован в Бизерту с женой Анной Ивановной (урожд. Малышевой) (?–1964) и сыном Евгением (?–1995). Супруги жили и работали на ферме в Утике, позднее в г. Тунисе.
- Г.Д.Морозов служил в Русской эскадре. После ВОВ жена с сыном переехали во Францию I – 433
- Мостик (Тунис) см. Ирманов М.Г.
- Моська (прозв.) см. Медведева В.А.
- Мотя, соседка Кноррингов в Симферополе I – 176, 181
- Мохов Анатолий, уч. Добр. армии, знакомый И.Кнорринг по Харьковку I – 97, 346
- Мочульский Константин Васильевич (1892, Одесса – 1948, Шамбо, Франция), лит. критик. В эмигр. в 1920, с 1922 в Париже. Сотр. изданий «Благонамеренный», «Звено», «ПН», «Совр. записки», «Числа» и др. Преп. Правосл. Богосл. института в Париже. Автор трудов I – 534, 602; II – 199, 405, 422
- Муретов Николай Владимирович (1895, г. Козлов Тамбовской губ. – ?), инж., общ. деят. В 1915 окончил Сердобское реал. училище в Саратовской губ. В эмигр. с 1919 в Германии, в 1921 учился в Технич. школе на горном фак. в Берлине. Осенью 1922 приехал во Францию, служил на земляных работах, учился во Фр.-рус. институте в Париже (староста группы). Уч. РДО, семинаров публ. права II – 22, 24, 37, 53, 56, 58, 62, 99
- Мурка (прозв.), одноклас. И.Кнорринг в харьк. гимназии I – 85
- Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), комп. II – 432;
«Борис Годунов» II – 251, 432

Муссолини Бенито (1883–1945), осн. фаш. партии Италии, в 1922–1943 фаш. диктатор страны II – 445

Мухин Павел Павлович (Пава) (?– 1977, Франция), кораб. гард. В эмигр. с 1920 в Бизерте. После окончания Морского к.к. выехал во Францию, жил в Ницце. Соучред. Кружка ревнит. русского прошлого в Ницце I – 430

Мышецкая Г.Д. см. Петрова Г.Д.

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937, Прага), общ.-полит. деят., историк, публ., ред. В 1922 выслан из Сов. России. Жил в Берлине. С 1924 в Праге, пред. пражской группы Народ.-соц. партии, сотр. пражского Земгора, член Союза русских писат. и журн. в Праге. Ред. сб. «На чужой стороне», соред. журнала «Голос минувшего на чужой стороне». Преп. в Русском своб. университете в Праге. Проф. истор.-фил. фак. Софийского университета II – 403

Н.М. см. Давидов Н.М.

Н.Н. см. Кнорринг Н.Н.

Набоков Владимир Владимирович (псевд. Сирин) (1899, СПб. – 1977, Монтрё, Швейцария), писатель, поэт, пер., энтомолог. Был дружен с ученым-энтомологом Л.О.Бек-Софиевым II – 316, 440

Набоков Владимир Дмитриевич (1869, СПб. – 1922, Берлин), юрист, общ.-полит. деят., журн. Соучред. кадет. партии. В эмигр. с 1919 в

Лондоне, с 1920 в Париже. Проф. Рус института в Париже, сотр. изданий «Руль», «ПН», «Общее дело», «Еврейская трибуна». Убит террористом, стрелявшим в П.Н.Милюкова (прикрыл его собой). Отец В.В.Набокова I – 555

Надежда Ивановна см. Капранова Н.И.

Надежда Михайловна см. Забнина Н.М.

Надсон Семен Яковлевич (1862–1887), поэт I – 537

Надя (Тунис) см. Гран Надя

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), полководец, император Франции в 1804–1815 I – 505

Нарежный Василий Трофимович (1780–1825), писатель I – 391, 578

Насонов (1939 г.р.), сын Ирины Насоновой II – 381

Насонов Кирилл Сергеевич (Кира) (ок. 1915–1998, Франция), сын С.А.Насонова. В 1920 эвак. с родителями в Бизерту. Учился в Морском к.к. (X рота, вып. 1925). В 1925 выехал с отцом в Париж I – 218, 273, 302

Насонов Сергей Александрович (1887–1951, Париж), штабс-кап., военно-морской инж., педагог, публ., хорм. В 1920 эвак. в Бизерту, служил в Морском к.к. инспектором классов. И.о. наст. Храма Святителя Павла Исповедника (корпусной церкви) в Бизерте, регент. Выехал во Францию в 1925. Сотр. журнала «Посев». Рук. хора.

- Жена:** Елизавета Сергеевна.
Дети: Кирилл и Ирина I – 20, 308, 374, 409, 434, 447, 480
- Насонова Елизавета Сергеевна**, певица, пианистка, регент, жена С.А.Насонова. До революции была насельницей Обнинского монастыря. В 1920 эмигр. с семьей в Тунис (Бизерту). Зав. швейной мастерской Морского к.к. Член дам. Комитета. Рук. смеш. хором Сфаята I – 218, 227, 246, 264, 272, 273, 285, 302, 308, 354, 355, 379, 420, 446, 447, 456, 461, 472, 475, 476, 478, 480, 482, 486, 488
- Насонова Ирина Сергеевна** (Ируся) (1911–?), дочь Е.С. и С.А.Насоновых. Училась в Морском к.к. (Х рота, вып. 1925). В 1925 выехала с родителями в Париж I – 218, 219, 227, 229, 244, 261, 273, 285, 289, 302, 306, 337, 359, 363, 372, 394, 420, 471, 576; II – 381
- Насоновы, семья С.А.Насонова** I – 239, 265, 269, 272, 273, 302, 336, 346, 360, 366, 372, 394, 397, 417, 426, 433, 449, 454, 470, 480, 483
- Настя (Тунис), прислуга семьи Кольнер** I – 413
- Наталья Ивановна см. Нелидова Н.И.**
- Наташа (Киев, Пуца-Водица) см. Кнорринг Н.А.**
- Наташа (Тунис, Франция) см. Габар Н.И.**
- Наташа (Харьков, Ростов) см. Пашковская Н.В.**
- Наумов Евгений, кораб. гард.** В 1920 эвак. в Бизерту с родителями. В 1925 окончил Морской к.к. I – 239, 323, 349, 363, 372
- Неандер Борис Николаевич** (1893–1931, Москва), юрист, студ. деят., журн. Рук. ОРЭСО, пред. Нац. студ. объединения. В эмигр. в Праге, с 1925 в Париже. Сотр. газеты «Отечество». В 1930 вернулся в СССР, раб. в газете «Вечерняя Москва» I – 506
- Небели, домовладельцы в Харькове** I – 92
- Невзоров Алексей Юрьевич** (1980 г.р.), канд. архитектуры, член правл. Союза архитекторов России I – 40
- Невзоров Павел Юрьевич** (1983 г.р.), инж., фотохудожник, педагог I – 40
- Невоводский Николай Дмитриевич** (1878–1939, под Парижем), ген., общ. деят. Уч. ВВ и Добр. армии. В эмигр. в 1920 в Галлиполи, с 1924 во Франции II – 440
- Недачин Василий Павлович** (1866–1936, Париж), действ. стат. сов., педагог, историк, админ. В эмигр. с 1918 во Франции I – 573
- Неклюдова Мария Алексеевна** (?–1949, Белград), дир. Харьк. женского института Императрицы Марии Федоровны. После революции Институт эвак., в марте 1920 открыт в г. Новый Бичей (Югославия) I – 567
- Некрасов Николай Алексеевич** (1821 – 27 декабря 1877 / 8 января 1878), поэт «Кому на Руси жить хорошо» I – 367

Некрасов Николай Порфирьевич (1895, Смоленск – 1959, Париж), певец, коллекц., меценат, общ. деят. В эмигр. с 1923 в Париже, раб. маляром. Выступил с лекциями в РДО, Фр.-рус. институте, Семинаре по изучению русской религ. и филос. мысли под рук. Н.А.Бердяева и др. С 1938 устраивал концерты памяти Ф.И.Шаляпина. В 1952 осн. Рус.-фр. объединение певцов и муз. «Сущее искусство» II – 71, 150, 166, 413

Нелидова Ирина Николаевна (Ирочка) (1921–1992, Париж), подруга детства Игоря Софиева. Дочь Н.И. и Н.Д.Нелидовых II – 231

Нелидова Наталья Ивановна, врач. В эмигр. в Париже. Жена Николая Дмитриевича Нелидова (1892–1960), дирижера, музыканта, офицера русской и фр. армий. Лечащий врач семьи Кнорринг II – 241, 245, 383, 384

Нельсон Рудольф (1878–1960), нем. комп., продюсер I – 564; «Король веселится» I – 184, 564

Нёня (Тунис) см. Богдановский Нёня

Непокойчицкий Павел Павлович (1897 – после 1972, Франция), мичман, уч. ВСЮР. Эвак. в Бизерту в составе Русской эскадры. Служил на канонер. лодке «Грозный». В 1923 (вместе с мичманом П.М.Рукшей), конвоируя лодку для продажи, затопил ее, открыв кингстоны. Был арестован, отправлен в Марсель. После освобождения

жил в Югославии, затем вернулся во Францию, жил в Аньере (под Парижем) I – 345, 575

Нестеровская (в браке Чистякова) Лидия Рафаиловна (1882, СПб.–1945, Биарриц, Франция), балерина, педагог. В эмигр. в Париже II – 437

Нечаев Вячеслав Петрович, дир. Центр. науч. библиот. Союза театр. деят. в Москве I – 40

Никита (Эрувиль) см. Подгорный Н.Б.

Никитины, семья пор. по адмиралтейству Николая Дмитриевича Никитина (1897, Киев – 1946, Тунис). В 1920 эвак. в Бизерту. Попутчики Кноррингов по транспорту «Кронштадт». Н.Д.Никитин раб. на строительстве гос. объектов в Тунисе I – 229

Николаев Борис, в 1920 эвак. в Бизерту. В 1925 окончил Морской к.к. (V рота) I – 471

Николаев Вадим (Дима), учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в Бизерту. Позднее переехал в Париж I – 363, 369, 470, 576

Николай II (1868–ночь 16/17 июля 1918), Рос. император. Под давлением Врем. Правительства отрекся от власти 2 / 15 марта 1917. По приказу пред. СНК Ленина расстрелян вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 I – 204, 264–265, 557, 569, 573 см. также Романовы, семья Импер. Николая II

Николай Ананьевич см. Капранов Н.А.

Николай Иванович см. Обоим-
маков Н.И.

Николай Михайлович см. Да-
видов Н.М.

Николай Николаевич (Бизер-
та) см. Александров Н.Н.

Николай Николаевич (1856–
1929, Антиб, Франция), вел.
кн., ген. от кавалерии, внук
Николая I. В 1905–1908
пред. Совета гос. обороны, в
1914–1915 Верховный глав-
ноком. русскими войсками, в
1915–1917 главноком. Кав-
казской армией. В эмигр. с
1919 в Италии, с 1922 во
Франции. В 1923 основал
Фонд спасения родины. С
1924 глава РОВСа, почет.
пред. СРВИ и др. воен. орга-
низаций I – 275, 480, 586

Николай Чудотворец (ок. 260–
ок. 343), архиепископ города
Миры Ликийские (Малая
Азия), святитель, чудотворец
I – 285, 569, 571; II – 241, 439

Никольский А.М. (?–1920, Ту-
апсе), беж. из Харькова, зна-
комый Кноррингов I – 136,
137

Николя Владимир Владимиро-
вич (1881–1923, Бизерта, Ту-
нис), контр-адм. Кавалер Ор-
денов Св. Станислава и
Св. Анны. Нач. штаба Черно-
мор. флота. Эвак. в составе
Русской эскадры в Бизерту,
пред. Комиссии по делам рус-
ских граждан в Сев. Африке.
Жена: Ольга Александровна
(?–1922, Бизерта) I – 313

Никонов Илья, поэт. В эмигр.
во Франции. Член Союза мо-
лодых поэтов и писат. в Па-
риже II – 426

Никоновна, крестьянка с. Ел-
шанка Самарской губ., няня
кузенов Нины и Олега Кнор-
рингов I – 29

Нина (Нюся) (кузина И.Кнор-
ринг) см. Кнорринг Н.Б.

Нина (Симферополь), «дочь
Моти» I – 181, 182

Нина (Тунис) см. Кораблева Н.Б.

Нина Ивановна см. Примак Н.И.

Нина Павловна см. Хворостан-
ская Н.П.

Нина Федоровна см. Яценко Н.Ф.

Новгородцев Павел Иванович
(1866, Бахмут – 1924, Пра-
га), общ.-полит. деят., право-
вед, философ. В эмигр. с 1920
в Чехии. Осн. и первый декан
Русского юр. фак. в Праге.
Пред. Русской акад. группы.
Автор трудов II – 56

Новиков Всеволод Александро-
вич (1903, ст. Ильская Ку-
банской губ. – 1954, Тунис),
кораб. гард., музыкант. В
1920 эвак. в Бизерту. В 1923
окончил Морской к.к. В 1925
женился на А.И.Полетаевой.
Получив студ. стип., выехал
во Францию, окончил Выс-
шую с/х школу в Гриньоне.
Во время ВМВ мобилизован.
После войны вернулся в Ту-
нис. Жертвовал средства на
сооруж. Храма-памятника
Русской эскадре в Бизерте
I – 346, 353–355, 366, 372, 374,
380, 383, 385, 391, 469, 475,
476, 480, 486, 487, 489, 491

Новикова Нина Вячеславовна,
стар. науч. сотр. РГИА (СПб.),
герольдмейстер, член Рос. ге-
неалог. общества II – 7

Новожилов Денис Олегович, инж., спец. по вычисл. технике I – 40

Носолевич Софья Марковна, парижская знакомая И.Кнорринг I – 525

Нотара Аспазия Васильевна (?–1969, Копенгаген, Дания), пианистка, педагог. В эмигр. в Париже. В 1937 член правл. Муз.-драм. объединения «Ассамблея». В 1946 работала аккомп. в Укр. театре П.Шмалия (Париж) II – 444

Ньютон Исаак (1643–1727), англ. матем., физик, астроном, осн. классич. механики I – 418

Нюра (Тунис) см. Полетаева А.И.

Нюра (Харьков, Симферополь) см. Горностаева Анна

Нюся см. Кнорринг Н.Б.

О.В. (Тунис) см. Воробьева О.В.

Обоймаков Николай Иванович (1899, Ростов-на-Дону–?). В эмигр. в Париже. Студент Фр.-рус. института. Жил на пособие для безработных, летом выезжал на сезонные работы, одновременно писал доктор. диссертацию в Сорбонне (не защитил). Шафер на свадьбе И.Кнорринг и Ю.Софиева. В 1946 член ССП. В 1950-х вернулся в СССР, жил в Ростове-на-Дону II – 16, 22, 24, 66–70, 72–75, 128, 135, 136, 140, 280

Оболенский Петр Александрович (1889, СПб. – 1969, Москва), пианист, хорм., музыковед, деят. культ. В эмигр. в Париже. Вернулся в СССР II – 444

Овен Седрик Леонардович (1888–1958, Париж), доктор мед., хирург, общ. деят. Преп. в Юрьевском университете. В эмигр. во Франции. Раб. в поликлинике РОКК в Париже, гл. врач Фр.-рус. госпиталя в Вильжюиф (под Парижем). Член правл. Общества русских врачей им. Мечникова. В годы ВОВ сидел в фаш. концлагере II – 383, 384

Овчаров Николай Федорович (Коля) (1907, ст. Каменская Донской обл.–?), кораб. гард., врач. В 1919 поступил в Морской к.к. В 1920 эваку. с ним в Бизерту (вып. 1924). Приехал во Францию, раб. на заводе Рено. В 1930 поступил в Университет Нанси на мед. фак. I – 346–348, 364, 365, 400, 402, 417, 420–428, 430–432, 440, 453, 454, 580

Оглоблинская (в браке Парфенова) Татьяна Константиновна (Таточка) (1903–1979, Париж), «красавица Сфаята», артистка-люб. В 1920 эваку. в Бизерту с родителями: ген.-лейт. корпуса гидрографов, проф. компасного дела, преп. Морского к.к. Константином Николаевичем Оглоблинским (1863–1933, Ментона, Франция) и его женой Софьей Николаевной. После роспуска Эскадры выехала во Францию. Жена гард. Д.Д.Парфенова, сестра Н.К.Оглоблинского. В Париже открыла «мастерскую нарядов» I – 278

Оглоблинский Николай Константинович, кораб. гард. В 1920 эваку. с родителями и сестрой в Бизерту. Брат

- Т.К.Оглоблинской. В 1925 окончил Морской к.к. (VI рота) I – 239, 323, 328, 489
- Одинец Дмитрий Михайлович (1882–1950, Казань), историк, литератор. В эмигр. в Париже, сотр. изданий «ПН», «Совр. записки». Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже и Союза русских писат. и журн. в Париже. Читал лекции во Фр.-рус. институте. Пред. админ. совета Тургеневской библиот. в Париже. В 1945–1947 ред. газеты «Сов. патриот». Вернулся в СССР, жил в Казани, преп. в университете II – 412, 443
- Одоевцева Ирина Владимировна (наст. ф.и.о. Гейнике Ираида Густавовна) (1895, Рига – 1990, Ленинград), поэт, мемуарист. В эмигр. с 1922. В 1987 вернулась в СССР I – 24; II – 436, 441, 443, 445
- Океанский Вячеслав Петрович, доктор фил. наук, культуролог, проф. Шуйского гос. пед. университета, рук. Центра кризисологич. исследований при ШГПУ II – 7
- Окрашевский Николай Адамович (1895–1982, Булонь, Франция), мичман. В 1920 эвак. в Бизерту, жена и сын остались в Батуме. Служил в Русской эскадре на миноносце «Гневный». После роспуска Эскадры выехал во Францию. Член Военно-морского истор. кружка в Париже. Зав. музеем-архивом Морского собрания I – 234
- Оленников (Олейников), педагог, сотр. Харьк. учеб. округа. В 1920 беж. в Крыму I – 144, 145, 157, 160, 203
- Олехнович Георгий Викторович (1905, Варшава, Польша–?), кораб. гард., инж.-химик. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. К 1925 приехал во Францию. Учился в Хим. институте в Безансоне I – 371
- Ольга Антоновна см. Кольнер О.А.
- Ольга Владимировна см. Воробьева О.В.
- Оля (Тунис) см. Вострикова Ольга
- Оман (Aumant) Эмиль, проф. Сорбонны, историк литературы, общ. деят. В 1925 соучред. Фр.-рус. института (вместе с П.Н.Милюковым и Русской акад. группой в Париже) I – 590; II – 398, 425
- Орлов, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к. I – 374
- Орлова, мать М.А.Жук, жила в Севастополе I – 287
- Осоргин (наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878, Пермь–1942, Шабри, Франция), писатель, журн., лит. критик, масон. деят. I – 533, 594; II – 37, 399, 429
- Осоргина (урожд. Бакунина) Татьяна Алексеевна (1904–1995), библиограф, историк. Третья жена М.А.Осоргина. Автор книги «Вольные каменщики». Сост. (вместе с Т.Л.Гладковой) сводного указателя статей, опубл. в эмигр. журналах и сб. до 1980 II – 429

Остелецкий Николай Павлович (1906–1988, Париж), мичман, воен. летчик. В 1920 эвак. в Бизерту. Сын контр-адм. Павла Павловича Остелецкого (1880–1946, Париж). В 1924 окончил Морской к.к. и выехал во Францию. Уч. ВМВ (управлял англ. бомбардировщиком). После войны раб. на «Дженерал Моторс». Хран. музея Военно-истор. кружка им. А.В.Колчака. Пред. Морского собрания в Париже. Прообраз гл. героя романа Вацлава Михальского «Весна в Карфагене» I – 436, 440, 442

Остолопов Алексей Алексеевич (1883–1937, Париж), кап. Пранга, педагог. В 1908 окончил Морской к.к. Уч. I Кубанского («Ледяного») похода. Служил в Каспийской флотилии. В 1920 эвак. в Бизерту, ком. миноносца «Капитан Сакен». В Бизерте ком. роты Морского к.к. К 1928 переехал в Париж. Член Военно-морского истор. кружка им. адм. А.В.Колчака I – 329

Остолопова (в браке Мухина) Вера Алексеевна (?–1984, Франция), дочь А.А.Остолопова. Одноклас. И.Кнорринг по Морскому к.к. в Бизерте I – 308, 325, 327

Островский Александр Николаевич (1823–1886), писатель, драм. I – 9; «Гроза» I – 435, 438

Оцуп Николай Авдеевич (1894, Царское Село – 1958, Париж), поэт, прозаик, критик, мемуарист I – 537; II – 29, 57, 422–424, 436

Очередин Борис Иннокентьевич (?–после 1958, Париж), литератор, общ. деят. В эмигр. во Франции. Сек. Союза молодых поэтов и писат. в Париже, член РСХД. Автор рассказов и повести II – 29, 61, 90, 417, 422, 426

П.Е. см. Косолапенко П.Е.

Пава см. Елкин Пава

Павел Александрович (1860, Царское Село – 1919, Петроград), вел. кн., ген. от кавалерии, младший сын Имп. Александра II. Благов., меценат. Вторым (morgan.) браком женат на кн. О.В.Палей II – 447

Павел Исповедник (?–350), архиепископ Константинопольский, Св. мученик. В день его памяти, 6 ноября (ст.ст.) отмечали День Морского к.к. Его имя носила домовая церковь к.к. в Сфаяте (Тунис) I – 336, 462, 567, 574, 581

Павел Иванович см. Арендарев П.А.

Павел Николаевич см. Милюков П.Н.

Павленко Мила, подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 44, 63

Павлик (Тунис) см. Щуров П.А.

Павлов Александр Николаевич (1891–1969, Барселона, Испания), стар. лейт., публ., общ. деят. В 1911 окончил Морской к.к. в СПб. В годы ВВ и ВСЮР служил на Черномор. флоте. В октябре 1920 стар. офицер на линкоре «Генерал Алексеев». Эвак. в Бизерту,

- служил в Русской эскадре. Издавал газету «Монарх. листок». Делегат Монарх. съезда в Рейхенгалле. С 1921 в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в Рос. флоте в Берлине. В 1926 делегат Рос. Зарубеж. съезда (от Союза нац. молодежи). В 1930-е годы издавал газету «Единый Фронт». С 1940 в Испании, преп. в школе. Автор книг «Конец русского погрома» (Берлин, 1928), «На флоте» (Берлин, 1929), «Оси без колес: Европа, Россия, Япония, С.А.С.Ш.» (Париж, 1938), «Русско-испанский разговорник», «24 урока русского языка» I – 305, 573
- Пайдасси (Пайдыш) Иван Иванович (1884–1936, Курбеуа, под Парижем), кап. II ранга, инж.-мех., певец. В 1909 окончил Морское инженерное училище. Уч. ВВ и ВСЮР. В 1920 эваку. в Бизерту. Служил в Эскадре. Вместе с женой, певицей Надеждой Петровной Пайдасси, уч. в люб. концертах I – 313
- Палей Марк Ильич (1896, Одесса-?), общ. деят. В 1916–1918 учился в Одесском Политех. институте на мех. фак. В эмигр. в 1921 в Польше, с 1923 в Париже. Раб. в мастерской. Вып. Фр.-рус. института в Париже. Пред. Объединения б. студентов Института I – 545, 552
- Панический инженер (прозв.) см. Пиневич
- Панкратович Семен Александрович (1906, Севастополь – 1973, Венсенн, Франция), кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1925 окончил Морской к.к. и выехал в Париж I – 356, 366, 368, 478
- Панова (Барбана) Марина Анатольевна, историк, доктор наук, автор трудов по истории русской эмигр. в Тунисе I – 40, 575, 576
- Пантюхов (1882–1973), офицер, основ. скаутского движ. в России I – 557
- Папа-Коля (П.К.) см. Кнорринг Н.Н.
- Парен (Parain) Брис (1897–1971), фр. писатель, философ, деят. культ. В Париже рук. отделом в издат. «Gallimard», член редколлегии журнала «Nouvelle Revue Française» II – 22, 143
- Парен (урожд. Челпанова) Наталья Георгиевна (1897, Киев – 1958, Со, под Парижем), художник, график, скульптор, педагог. До революции жила в Москве, окончила Строгановское училище. В 1926 вышла замуж за Б.Парена, переехала в Париж. Занималась оформлением детских книг II – 24, 26, 37
- Парфенов Дмитрий Дмитриевич (1900–1969, Париж), мичман, церк. деят., мемуарист. Служил в Белых войсках Вост. фронта. В 1918 раб. в Морском училище во Владивостоке. В октябре 1920 прибыл на судне «Якут» в Севастополь. Воспит. в Морском к.к. Эваку. с ним в Бизерту. Служил в к.к. (ком. роты) до его ликвидации. В мае 1925 переехал во Францию.

- Женат на Т.К.Оглоблинской. Автор книг «Жизнь чинов Отряда судов особого назначения в Югославии» (Бизерта, 1922) и «Колыбель Флота» (Париж, 1931) I – 308
- Пассек Клавдия (Караша), гостя Парижа из Эстонии, поклонница и знакомая И.А.Булнина II – 359, 360, 444
- Пашковская Наталья Владимировна, подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 83, 89, 92, 93, 98, 99, 106, 108, 113, 121, 155, 240, 349, 362, 388, 394, 427, 464, 466, 473, 480, 505, 515, 516, 540, 544, 546, 560, 561, 578, 592, 593; II – 19, 23, 197
- Пашковские Серафима Павловна и Владимир Николаевич, родители Н.Пашковской I – 515, 592
- Пено Роже, фр. комп. II – 445
- Перикл (ок. 490–429 до н.э.), греч. военач., мысл. I – 219
- Перрены, соседи Раковских по Розере (Франция) II – 388
- Перро Шарль (1628–1703), фр. поэт, критик, автор «Сказок матушки Гусыни» «Золушка» I – 85; II – 38; «Красная шапочка» II – 38, 331, 441; «Мальчик с пальчик» II – 38
- Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), укр. нац. деят. В 1917–1918 сек. Фронтowego комитета Центр. рады. В 1919 глава Директории Укр. народ. республики. В эмигр. с 1920. Убит в Париже 25 мая 1926 I – 163, 169, 182
- Петр Александрович см. Матвеев П.А.
- Петр Ефимович см. Косолапенко П.Е.
- Петр I, Великий (1672–1725), русский царь (с 1689), первый Российский император (с 1721) I – 310, 573, 574
- Петрашевич Александр (Шура), кораб. гард. В эмигр. в Бизерте с 1920. После окончания Морского к.к. (вып. 1923) выехал в Бонн (Германия). К 1938 в Марокко I – 443, 456, 460–463, 467, 470
- Петрищев Афанасий Борисович (1872, Брянск–1951, Версаль, под Парижем), педагог, публ., писатель, общ. деят. Выслан из Петрограда в 1922 с группой профессоров. В Париже с 1925. Сотр. ред. «ПН» II – 403
- Петров Александр, кораб. гард. Учился в Морском училище во Владивостоке. В январе 1920 прибыл в в Севастополь на транспорте «Якут», в ноябре 1920 эвак. в Бизерту. В 1922 окончил Морской к.к. (I рота, «Владивостокская»). В 1924 получил студ. стип. и выехал в Чехию I – 573
- Петров Дмитрий Михайлович, юрист. Муж Г.Н.Кузнецовой (брак распался). В эмигр. в Париже, раб. таксистом I – 540, 603
- Петрова (урожд. Мышецкая) Галі́ Дмитриевна (1924 г.р.), дочь Г.Б.Кнорринг и Д.А.Мышецкого, вдова ученого-культуролога Михаила Константиновича Петрова (1923–

- 1987). Хран. и публ. семейного архива. Дети: Татьяна (1949 г.р.), Андрей (1952 г.р.) I – 40
- Петрова, член Союза возвр. на родину. Знакомая Софиевых по Эрувилю (Франция) II – 332
- Петрушева Лидия Ивановна, зав. архивом коллекций документов по истории Белого движ. и эмигр. в ГАРФе II – 7
- Петэн Анри-Филипп (1856–1951), фр. маршал. В годы ВВ ком. фр. армии. Глава коллабр. правительства Виши в годы ВМВ. В 1945 приговорен к смертной казни (заменена пожизн. заключ.) II – 392
- Петя (Париж) см. Шемахин Петр
- Петя (Харьков), служ. церкви I – 156
- Пиевский см. Пиневиц
- Пиленко Александр Александрович (1873–1920), проф. Международ. права, журн. В эмигр. в Париже, проф. Института русского права и экономики (при юр. фак. Сорбонны) I – 591
- Пилкин Владимир Константинович (1869, СПб. – 1950, Ницца), контр-адм., воен. историк, общ. деят. I – 556, 568
- Пиневиц Ася (ок. 1913–?), дочь Пиневица I – 128, 129, 133
- Пиневиц, жена Пиневица I – 133
- Пиневиц, инж., беж. из Харькова. В 1920 находился с семьей на Юге России. Из-за своих настроений и речей имел прозв. «панический инженер», «центрострах» I – 124, 128, 163, 164, 191, 562, 563
- Пипко Иннокентий Павлович (Кеша) (1894–1972, Париж), полк. Кавказского конно-горного артдивизиона. Окончил Омский к.к. и Михайловское артил. училище. Уч. ВВ и Белого движ. В 1920 эваку. в Галлиполи, с 1921 в Сербии, с 1925 во Франции. Член Объединения Импер. конницы и конной артиллерии. Однополчанин и друг Б.А.Бек-Софиева, вместе с ним арендовал ферму на юге Франции. Оказывал финанс. помощь семье Ю.Софиева II – 225, 237, 263, 426, 435
- Пирогов Иван Иванович (Жан) (1885–1956, Медон, под Парижем), пианист, продюсер. В эмигр. во Франции II – 412
- Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881), писатель I – 556
- Плато (Платто) фон Николай Леонидович (?–1924, Тунис), кораб. гард., музыкант. В 1920 эваку. в Бизерту в составе Морского к.к., окончил его в 1924 (IV рота). Партнер И.Кнорринг по теннису I – 446, 463, 464, 477, 479
- Платон (в миру Рождественский Порфирий Федорович) (1866, Грайворонский уезд Курской губ. – 1934, США), митрополит. С 1923 управляющий Русской правосл. церковью в Америке, Канаде и на Аляске I – 204
- Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, акад.,

автор трудов по истории России, среди них «Очерки по истории Смуты» I – 370, 576

Плохотниченко Леночка (Лёля), подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 74, 75, 102, 117, 174, 189

Поволоцкий (наст. фам. Бендерский) Яков Евгеньевич (Ефимович) (1881, Одесса–1945, Париж), издат., меценат, масон. В эмигр. в Париже. К 1910 влад. книжного магазина и издат. Член Общества друзей русской книги, член Одесского землячества. Соучред. ложи «Сев. Звезда». Член Совета Объедин. издательств I – 532, 600

Погорельский Игорь Антонович (1906, Николаев–?), кораб. гард. В 1919 поступил в Морской к.к. в Севастополе, в 1920 эваку. с ним в Бизерту (вып. 1924) I – 427

Подгорная Елена Максимилиановна, жена Б.А.Подгорного II – 250, 347, 350

Подгорный Борис Афанасьевич (ок. 1878–1937, Эрувиль, Франция), моск. адвокат, прис. пов. После революции 1905 защищал приговоренных к смертной казни. В годы ВВ раб. в Земгоре. В 1920 эмигр. в Турцию. В 1921 член дирекции приюта для детей-сирот, вывезенных из Константинополя в Мэри-сюр-Уаз (Франция). Позднее жил в Сербии. В 1930-е переехал во Францию. Приобрел имение в Эрувиле, где открыл русский пансион, ставший местом встречи членов

Союза возвр. на родину. Жена: Е.М.Подгорная. Дети: Владимир, Егор, Никита II – 249, 250, 253, 255, 256, 258, 259, 328, 339, 343, 347, 350, 432, 433, 441

Подгорный Владимир Борисович, младший сын Е.М. и Б.А.Подгорных. В эмигр. во Франции. Совлад. парижской мастерской по обработке кожи. Уч. фр. Сопротивления, связист II – 254, 343, 348, 350, 433, 442

Подгорный Егор Борисович, средний сын Е.М. и Б.А.Подгорных. В годы ВМВ в рядах армии ген. де Голля уч. в освобождении Франции II – 250, 253, 254, 258, 259, 332, 347, 350

Подгорный Никита Борисович, экономист. Старший сын Е.М. и Б.А.Подгорных. Вернулся в СССР, жил в Алма-Ате II – 250, 254, 257, 433

Подлесная, учред. женской гимназии в Севастополе I – 20

Поземковский Георгий Михайлович (1892, СПб. – 1958, под Парижем), певец. В эмигр. во Франции II – 397

Покровская Е.Н., учред. частной гимназией в Харькове. Гимназия сестер Е. и О.Покровских располагалась в знаменитом «Доме с химерами» (Чернышевская, 79). Авторы проекта В.Н.Покровский (их брат) и П.В.Величко. В «Гимназии Покровской» («Гимназии Покровской и Ильешевой») училась И.Кнорринг I – 11, 20, 64, 102

Полетаев Иоанникий Михайлович (1858, Саратов – 1942, Тунис), прот. Служил на кораблях Черномор. флота. В 1920 в составе Русской эскадры эвак. в Бизерту с сыном Николаем (1908–1955) и дочерью Нюрой. Жена с другими детьми осталась в сов. России. Служил в церкви Св. Павла Исповедника («в пещерном каземате на горе Кебир»). После роспуска Эскадры оборудовал церковь в Бизерте (по адресу: рю Анжу), перенеся церк. оснащение с корабел. церкви крейсера «Георгий Победоносец». Первый наст. Церкви Св. Александра Невского (Храма-памятника Русской эскадре в Бизерте, открыт в 1938) I – 385, 475

Полетаева (в браке Новикова) Анна Иоанникиевна (Нюра) (1905, Саратов – 1992, Авиньон), дочь о. Иоанникия. Эвак. в 1920 с отцом в Бизерту. Пела в смеш. хоре Сфаята. Раб. гувернанткой во фр. семьях в Бизерте. В 1925 вышла замуж за В.А.Новикова. Сын: Сергей. Перед ВМВ семья выехала во Францию I – 475, 476, 478, 480, 485, 487, 491

Поляков Александр Абрамович (1879–1971, Н.-Й.), юрист, журн. В эмигр. с 1920, в Париже с 1922. Сек., позднее зам. ред. «ПН». С 1942 живет в США, сотр. газеты «Новое русское слово» I – 531; II – 233

Помаскин (Помазкин) Иннокентий Иванович (1888–1952, Париж), стар. лейт. Уч. ВСЮР и Русской армии. В 1919–1920 раб. воспитат. в

Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в его составе в Бизерту. Зав. хоз. частью и воспит. к.к. Позднее переехал в Париж. Член Союза ревнит. памяти Имп. Николая II I – 236, 242, 265

Померанцев Юрий Николаевич (1878, Москва – 1933, Ницца), комп., пианист, дирижер. В эмигр. с 1919, с 1927 в Париже II – 414

Попич Сергей Петрович (1879–1974, С.-Женевьев де Буа), филолог, деят. культ. В эмигр. с 1918 в Норвегии, в Дании, с 1919 во Франции I – 573

Поплавский Борис Юлианович (1903–1935, Иври, Франция), поэт, прозаик, критик I – 29, 588; II – 173, 206, 207, 245, 417, 422, 423, 436

Поплавский Валентин Юлианович, офицер, уч. Белого движ. Младший брат Б.Ю.Поплавского. В эмигр. в Париже, учился в Сорбонне, раб. шофером такси II – 299

Попов Борис Павлович (1888 – ?), певец, баритон. Выступал в Большом театре в Москве. В эмигр. в Париже, артист «Опера-Комик», «Русской оперы». После 1945 переехал в США II – 87, 414

Попов Василий Федорович (1894, Курск – 1953, Тунис), студент-эмигр., фермер. В 1912 году окончил гимназию. В 1912–1917 учился в Киевском коммерч. институте. Уч. ВВ и Белого движ. Служил матросом на линкоре «Генерал Алексеев». В 1920

- эвак. в Бизерту. Жил и раб. в Утике, рук. молочной фермой I – 433
- Попов Владимир (В.А.), нач. I моск. отряда скаутов, ред. журнала «Вокруг света» I – 557
- Попов, эмигр. В 1922 в Бизерте, служил в Русской эскадре I – 290, 310, 433
- Попов, студент Фр.-рус. института в Париже, староста группы II – 56
- Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965), историк, библиограф, журн., мемуарист. С 1923 в Праге, соорг. Русского истор. архива и зав. его библ. В мае 1945 арестован НКГБ, депорт. в СССР (10 лет провел в заключении). В начале 1960-х вернулся в Прагу I – 460, 581
- Потапьев Владимир Алексеевич (1882–1961, Тунис), кап. I ранга, ком. крейсера «Генерал Корнилов». В эмигр. в Бизерте. Публ. статьи в «Морских записках» I – 566
- Потемкин Петр Петрович (1886, Орел–1926, Париж), драм., сатирик, шахматист. В эмигр. с 1920, с 1924 в Париже I – 591
- Потопчина Евгения Владимировна (1882–1962, Анъер, под Парижем), певица, артистка оперетты, театр. деят., мемуарист, благотв. В эмигр. с 1920 в Берлине, позднее в Париже. Рук. Воскресной школой прихода Храма Христа Спасителя в Анъере I – 171, 564
- Похлебина Надежда, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 88
- Правдухин Валерий Павлович (1892–1939), эсер, писатель, драм., критик. Муж Л.Н.Сейфуллиной. Репрес., расстрелян 15 июля 1939 II – 415; «Виринея» II – 152, 415
- Пра (Prat), знакомая И.Кнорринг по госпиталю II – 178, 208–209
- Прахов Адриан Викторович (1846–1916), историк искусства, археолог I – 559
- Прегель (в браке Равницкая) Софья Юльевна (1897, Одесса–1972, Париж), поэт, публ., ред., издатель, меценат, мемуарист. В эмигр. с 1921 в Германии, с 1932 в Париже. Член Объединения русских писат. и поэтов. В 1942–1947 жила в Н.-Й. II – 253, 272, 330, 441, 443, 445
- Преображенская Ольга Иосифовна (Осиповна) (1871, СПб. – 1962, Париж), балерина, хореограф, педагог I – 605; II – 415
- Префект Бизерты см. Жиен
- Примак (урожд. Дурново) Нина Ивановна (1908–1997, Париж), драм. артистка. Жена В.С.Примака. Соседи и друзья семьи Кнорринг II – 262, 337, 348, 359, 360, 367, 444
- Примак Владимир Степанович (1893–1961, Париж), пор. конной артиллерии, деят. культ. Уч. ВВ и ВСЮР. В эмигр. с женой и сыном жил

- в Париже. Член Общества люб. русской воен. старины
II – 262, 337, 348, 359, 366, 367
- Присманова (наст. фам. При-
сман, в браке Гингер) Анна
Семеновна (1892, Либава –
1960, Париж), поэт. Жена
А.С.Гингера. В эмигр. с 1922.
Член Союза молодых поэтов
и писат. в Париже. Публ. сти-
хи в журналах «Эпопея»,
«Воля России», «Русские за-
писки». Автор сб. «Тень и
тело» (1946), «Близнецы»
(1946), «Соль» (1949), «Вера»
(1960) II – 38, 422–424, 426,
443, 445
- Прокофьев Сергей Сергеевич
(1891–1953), комп., пианист,
дирижер. В 1918–1933 жил
за рубежом (в основном, в
Париже) I – 535
- Прокофьева Нина Павловна,
член Комитета помощи при
РОКК II – 198
- Пугачев Емельян Иванович
(ок. 1740–1775), донской ка-
зак, хорунжий. Уч. Семилет-
ней (1756–1763) и Русско-ту-
рецкой (1768–1774) войн.
Предв. крестьян. восстания
(1773–1775) I – 76
- Пугачева Ксения (Ксенья), под-
руга И.Кнорринг по харьк.
гимназии I – 102, 103, 105,
120, 146, 182, 189, 564
- Пузыревский Михаил Михай-
лович, знакомый семьи
Кнорринг по Харькову I – 95
- Пуни Иван Альбертович (1894-
1956), художник-илл., гра-
фик I – 580
- Пушкин Александр Сергеевич
(1799–1837), поэт I – 27, 104,
115, 117, 320, 366, 546, 558,
559, 561–563, 566, 580, 590,
605; II – 288, 345, 405, 427,
439, 442;
«Вновь я посетил» II – 344,
442;
«Евгений Онегин» I – 351,
352, 367, 566; II – 151, 414,
442;
«Кавказский пленник»
I – 139, 562;
«Капитанская дочка» I – 76,
559, 580;
«Медный всадник» II – 442;
«Путешествие в Арзрум»
I – 117, 563;
«Русалка» I – 558;
«Руслан и Людмила» I – 546,
605; II – 442;
«Скупой рыцарь» I – 563;
II – 339;
«Узник» II – 288, 439;
«Цыгане» I – 104
- Пьянов Федор Тимофеевич
(1889–1969, Нуази-ле-Гран,
под Парижем), общ., религ.
деят. В эмигр. в Париже. Со-
орг. (вместе с матерью Мари-
ей) Объединения «Правосл.
дело». Сек. РСХД. Дир. Рус-
ского старч. дома в Нуази-ле-
Гран II – 435
- Равич-Щерба, преп. Морского
к.к. в Бизерте I – 263, 410
- Раевский (наст. фам. Оцуп) Ге-
оргий Авдеевич (29 дек. 1897
/ 10 янв. 1898, Царское село –
1963, Штутгарт, Германия),
поэт, прозаик, критик. Млад-
ший брат Н.А.Оцуа. В эмигр.
с 1920-х. Сотр. изданий «Пе-
рекресток», «Совр. записки»,
«Числа» и др. Автор книг
II – 214, 417, 422, 423, 425,
436, 443, 445

Раевский, уч. Белого движ. В эмигр. в США. Товарищ по оружию Ю.Софиева II – 58

Раковская (урожд. Герст) Лиля, студ. деят. В эмигр. во Франции. В 1925–1926 училась во Фр.-рус. институте в Париже. Жена Генриха Раковского. В доме Раковских в Розере (под Шартром) И.Кнорринг с сыном жила в первый год ВМВ I – 35, 545–549, 552; II – 10, 15, 16, 20, 22, 23, 53, 55, 62, 66, 72, 75, 100, 120, 123–125, 127, 128, 133, 142–144, 149, 152, 174, 216, 217, 219, 226, 293, 317, 335, 353, 357, 360, 364, 365, 371, 373–381, 383–385, 388, 389, 391, 395, 443

Раковские, княгиня и княжна (Симферополь) I – 190

Раковский Алексей Генрихович (Алик) (1930 г.р.), сын Лили и Генриха Раковских II – 372, 373, 377–381, 395

Раковский Генрих Конрадович (?–1940), адвокат, член ФКП. Муж Лили Раковской I – 35; II – 372, 373, 376–378, 381, 385, 395, 446

Раковский Григорий Николаевич (1889–1975), журн., воен. корр., мемуарист. В 1920 ушел в отставку, жил в Крыму. В эмигр. в Константинополе, с 1923 в Праге. Пред. пражского Земгора. Автор книг по истории ВВ, борьбе Донской и Добр. армий и сдаче Крыма I – 190, 564

Рафаэль, семья Павла (Поля) Рафаэля, дирижера, рук. оркестра. Дети: Татьяна, Павел, Илья I – 510, 591

Рахманов Арнольд (Александр Ильич) (?–1970, Франция), пианист. В 1912–1922 дирижер Большого театра. В 1921 выехал с братом, опер. певцом Чаровым, в Италию на гастрологи. Дириж. в концертах Анны Павловой, аккомп. Ф.Шаляпина, А.Дункан и др. Рук. муз. частью Балета Ирины и Ляли Гржебиных I – 531

Резников Даниил Георгиевич (1904, Москва–1970, Кашан, под Парижем), поэт, издатель. В эмигр. с 1920. В 1923 окончил Русскую гимназию в Шумене. К 1925 переехал во Францию. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже I – 534

Рейзини Николай (наст. ф.и.о. Рейзин Наум Георгиевич) (1902 – ок. 1979), журн., пер., предприн. В эмигр. в Париже. Служил в издат. «Ашетт». Уч. в издании «Чисел». В годы ВМВ выслан из Франции, жил в США II – 241, 422, 423

Реймерс Николай Александрович (1894–1963, Париж), мичман, морской летчик, доктор философии, публ. Вып. Коммерч. училища в Одессе, учился в СПб. политех. институте. Мобилизован в армию, окончил Севастоп. авиашколу, Школу высшего пилотажа. Служил в Черномор. воздушной дивизии. В 1920 эвак. в Бизерту. Служил в Русской эскадре, преп. в Морском к.к. В 1923 получил студ. стип. и выехал во Францию. Окончил фил. фак. Сорбонны, защитил доктор.

- диссертацию. Пять лет служил в Ин. легионе в Африке, раб. топографом в Тунисе
I – 339, 342
- Рембо Артюр (1854 – 1891), фр. поэт I – 603
- Ремизов Алексей Михайлович (1877, Москва – 1957, Париж), писатель, художник I – 29, 556; II – 20, 216, 237, 397
- Рене, мадам см. Далоплю Рене
- Ренуар Жан (Renoir Jean) (1894–1979), фр. кинорежиссер II – 444
- Ретивова Люба, одноклассница И.Кнорринг по харьк. гимназии. В годы Гражд. войны беж. с родителями в Крыму I – 74, 145–147, 181, 214
- Решетников (прав. Решетняк) Павел Григорьевич (ок. 1865 – 30 дек. 1930/12 янв. 1931, Белград), преп., сотр. Харьк. учеб. округа. В 1920 беж. в Крыму. В эмигр. в Сербии. Преп. в народ. школе в Белграде I – 164, 234
- Ривлин (Рива), одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии. В 1920 беж. с родителями в Крыму. В эмигр. в Париже I – 85
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), комп. I – 605; II – 397, 432; «Сказание о невидимом граде Китеже» I – 547, 605; «Садко» II – 17, 19, 397; «Царская невеста» II – 397, 432
- Робеспьер Максимилиан (1758–1794), один из лидеров Великой фр. революции I – 497
- Рогалья-Левицкий (Рогаль-Левицкий) Юрий Сергеевич (1895–1959, Париж), поэт, публ. В эмигр. с 1918 в Швейцарии, затем во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Автор книг «Стихотворения» (Москва, 1918), «Стихи» (Париж, 1937). Публ. в журнале «Возрождение», в антологии «Эстафета» II – 423, 424, 445
- Родзевич Константин Болеславович (1895, СПб. – 1988, Монморанси, под Парижем), мичман, общ.-полит. деят., художник. В эмигр. в Праге, с 1926 во Франции. Известен как герой «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» М.И.Цветаевой II – 403
- Рождественский, харьк. знакомый Кноррингов. В 1920 находился в Крыму I – 133
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919), писатель, философ, историк II – 91
- Розентретер (в браке Третьякова) Ольга Карловна (1863, с. Змиево Чистопольского уезда Казанской губ. – 20 апреля 1909, Феодосия), тетка сестер Щепетильниковых. Окончила Казанскую Ксенинскую женскую гимназию и пед. класс ее. Преп. в Альметьевском училище Чистопольского уезда, затем в Феодосии I – 9, 555
- Розентретер (в первом браке Щепетильникова, во втором Голеницкая) Евгения Карловна (ок. 1855, село Змиево Чистопольского уезда Казанской губ. – 1908, Симферополь),

- журн., бабушка И.Кнорринг. Окончила Казанскую Ксенинскую женскую гимназию и пед. класс ее. Преп. в Феодосийской гимназии, где познакомилась с В.А.Щепетильниковым и вышла за него замуж. Дети: Надежда, Нина, Мария, Елена, Вера. После смерти мужа в 1887 переехала с дочерьми в Н.Новгород. Наездами жила в Казани, где дочери учились в гимназии. Зарабатывала журналисткой. В 1896–1897 в газете «Нижегородский листок» сотр. с А.Пешковым (М.Горьким). Выйдя вновь замуж (за стат. сов. Голеницкого), переехала в Феодосию I – 9, 10, 154, 172, 174, 205, 555, 563
- Розентрер (Розинтрер)**
Карл Федорович, чистопольский купец, усыновивший Евгению и Ольгу Викулиных. В доме его сына, действ. стат. сов. Аркадия Карловича Розинтрера в Омске в 1920-х жила семья «тёти Нины» (тетки И.Кнорринг, Н.В.Кнорринг) I – 9
- Рокотов (наст. фам. Бибинов)**
Михаил Сергеевич (1895–1985, США), полк., журн., ред. Вып. II Моск. Имп. Николая I к.к. и Михайловского арт. училища. Уч. ВСЮР и Белого движ. в Сибири (в составе армии Каппеля). В эмигр. в Харбине. Публ. в газетах «Рупор», «Заря», «Новости жизни». В 1927–1945 ред. журнала «Рубеж». После ВМВ уехал в США II – 420
- Роман, сын Юлии Ивановны (Харьков)** I – 108
- Романов К.И.**, студент, сосед Кноррингов в Харькове I – 174
- Романовы, семья Имп. Николая II:** Императрица Александра Федоровна (урожд. Принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадская; 1892 г.р.), великие княжны Татьяна (1897 г.р.), Ольга (1895 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.) и цесаревич Алексей (1904 г.р.). В ночь с 16 на 17 июля 1918 расстреляны по приказу пред. СНК Ленина. В 2000 канонизированы Русской Правосл. Церковью I – 304, 572, 573
- Рош-Мазон (Roche-Mazon)**
Жан, фр. писатель, сказочник II – 433
- Рощина-Инсарова (урожд. Пашенная, в браке графиня Игнатьева)** Екатерина Николаевна (1883–1970, Париж), актриса. В эмигр. с 1919, с 1925 в Париже II – 403, 415
- Рубинштейн Виктор**, поэт. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже II – 426
- Ружин Кирилл Саввович**, деят. ФКП, член Союза возвр. на родину, уч. Сопrotивления. В 1946 вернулся с семьей в СССР, жил в Кишиневе II – 315, 433
- Рузвельт Франклин Делано** (1882–1945), 32-й президент США (в 1933–1945) II – 369
- Русская (Русская) Е.**, поэтесса. В эмигр. во Франции. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже I – 592

- Рукша Петр Михайлович (1898–1928, Клермон-Ферран, Франция), мичман, уч. ВСЮР. Эвак. в Бизерту в составе Русской эскадры. Служил на канонер. лодках «Страж», «Грозный». В 1923 (вместе с мичманом П.П.Непокойчицким), конвоируя лодку «Грозный» для продажи, затопил ее, открыв кингстоны. Был арестован, отправлен в Марсель. После освобождения жил в Югославии, затем во Франции I – 345, 575
- Руссиан Владимир Леонидович (? – окт. 1983, Белград), кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. Окончил Морской к.к. В 1925 выехал во Францию, позднее жил в Сербии I – 472, 486, 487, 490, 492
- Руссо Жан-Жак (1712–1778), фр. писатель, философ I – 571; II – 71, 72
- Рыжак Надежда Васильевна, зав. Отделом РЗ РГБ II – 7
- Рымша П.М. см. Рукша П.М.
- С.И. см. Забнин С.И.
- С.С. см. Давидова С.С.
- Саводник Владимир Федорович (1874–1940), лит. критик, автор учеб. по истории русской литературы I – 289, 299, 300, 304, 306, 350, 367, 435, 436, 438, 442, 571, 580
- Садовень Елена Александровна (1892/1894–1978), опер. певица I – 605
- Садовская Ирина, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 74, 75, 77
- Саенко Степан Афанасьевич (1886–1973), комендант харьк. ЧК. Имел репутацию садиста, фигурирует в книге А.И.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Раб. в органах исполкома, горкома, юстиции. В 1948 за «заслуги» награжден орденом Ленина, «персональный пенсионер союзного значения» I – 92, 96, 97, 100, 130, 158
- Сакко Николо (1891–1927), итал. раб., лидер раб. движ. США II – 110, 408
- Салтыков (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (1826–1889), прозаик, публ., ред. II – 438; «Господа Головлевы» II – 283, 438
- Самарин Михаил Павлович, педагог, коллега Н.Н.Кнорринга по харьк. гимназии. В 1919–1920 беж. с женой на Юге России, жил в Ростове I – 43, 314, 332, 364
- Самарины, супруги I – 118, 121, 364
- Самойлов, пор. В 1920 эвак. с женой в Бизерту I – 221
- Самойлов, сын Самойлова (1920 г.р.), умер в младенчестве I – 226
- Самойлова, жена Самойлова. В 1920 эвак. с мужем в Бизерту. Попутчица Кноррингов по транспорту «Константин» I – 218, 221, 226
- Санжаровец Владимир Филиппович, публ., стар. науч. сотр. КИЖа, рук. Иниц. группы по увековечиванию имен и событий керченской истории II – 7

Сара см. Кнут Сара, Тверетинова Сара

Сарра (Сара) Моисеевна, соседка Кноррингов по Харькову I – 51, 52

Саськова Татьяна Викторовна, доктор фил. наук, проф. МГТУ им. М.А.Шолохова I – 40

Сахарова (урожд. Летуновская) Тамара Сергеевна (1956 г.р.), уроженка с. Елшанка, педагог, краевед. Преп. Мировую худ. культуру и ведет лит. кружок в моск. школе II – 7

Сватиков Сергей Григорьевич (1880, Ростов-на-Дону – 1942, Франция), историк, проф. Донского университета, общ.-полит. деят. В эмигр. во Франции. Сотр. Русского загранич. архива в Праге. Сотр. Тургеневской библиот. в Париже. Читал лекции в Сорбонне II – 143

Светозарский Георгий Валерианович, кораб. гард. Служил в Белых войсках Вост. фронта. В 1919 гард. III роты Морского к.к. во Владивостоке. В январе 1920 эваку. на крейсере «Орел» в Севастополь, зачислен в Морской к.к. В ноябре 1920 выехал с ним в Бизерту. В 1922 окончил Морской к.к. (II рота, «Севастопольская») и выехал во Францию, получив студ. стип. Имел тех. спец., жил в Пон-де-Шери I – 302

Свидерский И.М. см. Сидерский И.М.

Свиридова Татьяна Ивановна, дир. Сергиевского истор.-краевед. музея II – 7

Свиштунова Людмила Николаевна, краевед, преп. литературы в Елшанской школе Самарской обл. II – 7

Святополк-Мирский (псевд. Мирский) Дмитрий Петрович (1890, Харьков – 1939, Магадан), лит. критик, публ., общ.-полит. деят. Уч. ВВ и ВСЮР. В эмигр. с 1921 в Лондоне. В 1932 вернулся в СССР, репресс., погиб в лагере. Реабил. в 1965 I – 604

Северянин Игорь (наст. ф.и.о. Лотарев Игорь Васильевич) (1887–1941), поэт. С 1918 жил в Эстонии I – 343, 575

Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954), преп., актриса, писат. Жена В.П.Правдухина. В 1922 вместе с мужем орг. Союз поэтов, писат. и журн. Оренбурга II – 415; «Виринея» II – 152, 415

Селиванов (Селеванов) Алексей Алексеевич, свящ. В 1920 проживал в Симферополе (по адресу: ул. Губернская, д. 17) I – 171

Селивановы (Селевановы), дочери А.А.Селиванова I – 180

Семенов, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. I – 457

Семенчук Петр Петрович (1904, Ялта – ?), кораб. гард. Учился в Морском к.к. в Севастополе. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1924 окончил корпус. К 1928 приехал в Париж, раб. на заводе Рено I – 392, 452–454

Сеньобос Шарль (1854–1942), фр. историк, преп. Сорбонны, автор трудов II – 155, 415

Серафим Саровский (в миру Мошин Прохор Исидорович; 1754 (1759?)–1833), иеромонах. Осн. и покр. Дивеевской женской обители. Прославлен РПЦ в 1903 I – 171

Серафима Алексеевна, «корпусная дама», знакомая Кноррингов по Бизерте I – 448

Серафима Павловна см. Пашковская С.П.

Сервантес Мигель де (1547–1616), исп. писатель «Дон Кихот» I – 359

Сергей Александрович см. Насонов С.А.

Сергей Иванович см. Забнин С.И.

Сергей Николаевич см. Карпов С.Н.

Сергей Сергеевич см. Девьер С.С.

Сергий Радонежский (в миру: Варфоломей), игумен, подвижник, правосл. святой I – 304

Сердюк, кораб. гард. В эмигр. с 1920 в Бизерте, окончил Морской к.к. I – 420

Сережа (Тунис) см. Шмельц Сережа

Сибиряков Лев Михайлович (1870–1938), опер. певец, бас. В эмигр. в Париже, в Брюсселе. Пел в Русской опере К.Д.Агренева-Славянского, преп. в Русской консерватории I – 167; II – 397

Сигалов Володя, сын Сигаловых I – 216

Сигаловы, влад. квартиры в Севастополе, где жили Кнорринги в 1920 I – 213

Сидерский (Свидерский) Исаак (И.М.), поэт, пер., режиссер. В эмигр. в Париже. В 1923–1925 раб. в театре «Одеон» I – 512, 520, 521, 538, 540, 590

Сиднев Андрей (? – 1943, Леваллуа-Перре, под Парижем), кораб. гард. В 1924 окончил Морской к.к. в Бизерте и выехал в Париж I – 431, 433, 438, 439, 441, 442, 444, 447, 449–452, 454–456, 458, 461, 483, 501, 580

Синельников Николай Николаевич (1855–1939), режиссер, актер, антрепренер, театр. деят. Осн. и рук. «Театра Синельникова» в Харькове. С 1933 реж. Русского театра в Харькове. Преп. в Харьк. теат. училище I – 560

Синицын Борис Леонтьевич, парижский знакомый семьи Кнорринг II – 289, 293

Синиченко, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. I – 447

Сирин (псевд.) см. Набоков В.В.

Сиска, преп. в школе Монастыря Сионской Божьей Матери в Бизерте I – 246, 248, 249, 252, 254, 256, 262, 568

Скилиотти Ляля, гимназистка (Харьков) I – 77

Скотт В.В., автор учеб. по англ. яз. I – 573

Скотт Вальтер (1771–1832), англ. писатель I – 131, 578

Скрипников, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. В 1930 в Алжире I – 459

Слащев (Слащев-Крымский) Яков Александрович (29 дек. 1885 / 10 янв. 1886 – 11 янв. 1929), ген.-лейт., автор трудов по истории Гражд. войны в России. В 1911 окончил Академию Ген штаба. Полк. лейб-гвардии Финляндского полка. За героизм в ВВ награжден боевыми орденами, Георг. оружием. Имел ранение и контузию. С декабря 1917 в Добр. армии. Зимой 1919–1920 рук. обороной Крыма. Жестоко подавлял выступления трудящихся в Екатеринославе, Николаеве и др. Как герой обороны Крыма, приказом ген. Врангеля от 18.08.1920 получил право именоваться «Слащев-Крымский». В августе 1920 отстранен ген. Врангелем от командования Корпусом. После эвакуации в Турцию белогвардейских войск выступал в печати против Врангеля, по приказу которого был судим и разжалован в рядовые. Автор книги «Белый Крым». По просьбе солдат и офицеров, решивших возвратиться на родину, увел в Сов. Россию пароход с 3,5 тыс. солдат и офицеров с оружием и амуницией. Осенью 1921 амнистирован. Преп. тактику на курсах комсостава «Выстрел» в Москве. В 1924 опубликована книга «Крым в 1920 г.». Был убит в помещении школы. Послужил прообразом ген. Хлудова в пьесе М.Булгакова «Бег» I – 187, 188, 235, 263, 567, 575

Слоним Марк Львович (1894–1976, юг Франции), общ.-полит. деят., лит. критик.

Эмигр. в 1919 через Японию в Европу. Жил в Италии, в Германии. С 1922 в Праге, член комитета пражского Земгора, соред. журнала «Воля России». Орг. и рук. лит. кружка «Кочевье». С 1932 в Париже, с 1941 в США. Преп. русскую литературу в амер. университетах I – 24, 605; II – 266, 268, 269, 272–274, 276, 278, 279, 294, 343, 417, 423, 430, 435–437

Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882, Москва – 1944, Рига), опер. певец, артист Мариинского театра. В эмигр. во Франции, уч. в спектаклях русской оперы и оперетты. Пел в Гранд-Опера. С 1940 переехал в Ригу. Гастролировал по Европе, в 1929 был в СССР I – 502, 591

Смирнова, «дама с эскадры» (Бизерта) I – 354

Смирнова (урожд. Нелидова) Вера Федоровна (1890, Москва – 1927, Париж), общ. деят. В эмигр. с 1918 в Париже. Пред. Дам. комитета Общества помощи студентам II – 409

Смоленский Владимир Алексеевич (1901, Луганск Екатеринослав. губ. – 1961, Париж), поэт, критик. В 1919 окончил Новочеркасскую мужскую гимназию. Учился в Ростовском университете на юр. фак. Уч. ВСЮР. В 1920 эмигр. в Бизерту. К декабрю 1922 приехал во Францию, жил в Кане (деп. Кальвадос), раб. на металлург. заводе. К 1927 переехал в Париж. Член Союза молодых

- поэтов и писат. в Париже, член группы «Перекресток». Публ. в изданиях «Возрождение», «Совр. записки», «Числа» и др. Автор сб. стихов «Закат» (1931), «Наедине» (1938), «Собрание стихотворений» (1957) II – 212, 228, 417, 422–426, 436, 441, 443–445
- Собинов Леонид Витальевич (1872, Ярославль – 1934, Рига), опер. певец I – 171
- Соколов А.М., певец II – 414
- Соколов Федор Федорович, унтер-офицер, регент. В эмигр. в Бизерте (Тунис). В сентябре 1923 выехал в Европу I – 264, 266, 274, 319, 377, 383, 569, 577
- Сократ (ок. 470–399 до н.э.), др.-греч. философ, осн. диалектики I – 219
- Солдатенков Козьма Терентьевич (1818–1901), предприн., влад. худ. галереи в Москве, издат. II – 404
- Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), писат., мысл., общ. и полит. деят. II – 7
- Соллогуб Владимир Владимирович (1885–?), кап. II ранга. В 1920 эвак. в Бизерту. Офицер для связи с фр. военно-морскими властями в Бизерте. В 1920 занимался расквартировкой беж. В 1922 сек. Русского труд. кооператива в г. Тунисе. После роспуска Эскадры семья переехала во Францию I – 253, 568
- Соллогуб Мария Александровна, член Дам. комитета Морского к.к. в Бизерте. Жена кап. II ранга В.В.Соллогуба. В Бизерте раб. в Contrôle civil I – 253, 568
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, богослов, публ., поэт, лит. критик II – 135
- Соловьева Варвара Николаевна (1899–?, Н.-Й.), жена лейт. флота, бар. Николая Николаевича Соловьева (1893–1960, Н.-Й.), адъют. Морского к.к. В 1920 эмигр. с мужем в Бизерту. Занималась с И.Кнорринг фр. языком. В 1922 супруги выехали в Америку I – 263
- Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), поэт, прозаик I – 409, 579
- Солодков Николай Петрович (1892, СПб. – 1964, Зигбург, Германия), стар. лейт., педагог, литератор, пианист. Уч. ВСЮР и Русской армии. С 1919 воспит. гард. роты Морского к.к. в Севастополе. В 1920 эвак. в Бизерту, служил в Русской эскадре. Уч. в люб. спектаклях в качестве аккомп. Позднее жил в Данциге, затем в Германии. Автор «Морских рассказов» (Париж, 1968). Сotr. журнала «Часовой» I – 219, 220
- Солодков, сын Е.Л. и Н.П.Солодковых. С его сестрой Ниной (училась в Морском к.к., X рота) дружила И.Кнорринг I – 239
- Солодкова Евгения Леонидовна (? – 1972, Зигбург, Германия), жена Н.П.Солодкова I – 220
- Соня (Симферополь) см. Забнина С.Ф.

Соня (Харьков), знакомая
И.Кнорринг I – 43

Сосинский Владимир Брониславович (наст. ф.и.о. Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат) (1900, Луганск Екатеринослав. губ. – 1987, Москва), писатель. Уч. ВСЮР. В 1920 эмигр. в Турцию, раб. на угольных шахтах. Учился в Константинополе в Русском лицее. В 1923 окончил гимназию ВСГ в Шумене (Болгария), учился в Софийском университете на истор.-фил. фак. С 1924 жил в Париже. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Раб. во франко-славянской типографии, в издат. отделе Торгпредства СССР в Париже. В годы ВМВ служил во фр. армии, уч. Сопротивления. Награжден Военным крестом. Публ. в русских зарубеж. журналах; в сов. газетах «Русский патриот» и «Сов. патриот». В 1947 раб. в аппарате ООН в США. В 1960 вернулся в СССР I – 537; II – 19, 20, 24, 417, 431

Сотников, приятель Игоря Софиева II – 370

Софиев (Бек-Софиев) Юрий Борисович (7/20 февраля 1899, г.Беле, Седлец. губ., Польша – 22 мая 1975, Алма-Ата), поэт, художник. Учился в Хабаровском к.к., Нижегородском к.к. В годы ВВ окончил Константинов. воен. училище в Петрограде. В чине пор. конногвард. дивизиона служил в Добр. армии ген. Деникина. В 1920 эвак. в Галлиполи (Турция). С 1921 жил

в Белграде вместе с отцом. Учился на истор.-фил. фак. Белград. университета. Член религ.-филос. кружка «Ковчег» и лит.-худ. кружков русской молодежи при университете «Гамаюн» и «Одиннадцатый». Заключив годичный контракт на работы в горах Оверна, уезжает с отцом во Францию. Затем раб. в Монтаржи на каучук. заводе. Орг. Кружок просвещения при Русском народ. университете. Осенью 1926 приехал в Париж, жил в Медоне, учился во Фр.-рус. институте. 19 сентября 1926 знакомится с И.Кнорринг. 20 января 1928 состоялось их венчание. Зарабатывал на жизнь семьи в качестве мойщика окон. Член РДО, Союза молодых поэтов и писат. в Париже (в 1929–1932 пред. Союза), Союза русских писат. и журн. в Париже, Союза возвр. на родину, Общества «Друзья природы» (при ФКП). Публ. в изданиях «ПН», «Совр. записки», «Русские записки», «Числа», «Звено», «Круг», «Русский сборник»; в антологиях «Якорь», «На Западе», «Эстафета». Уч. Сопротивления. В 1943 депорт. в Германию, раб. на хим. заводе в Одербурге, в 1944 в Лесном институте в Мюндене. В 1945 приехал во Францию, вступил в ССП. В 1955 вернулся в СССР, жил в Алма-Ате (Казахстан), раб. в Институте зоологии АН СССР художником-орнитологом. Сын: И.Ю.Софиев I – 16, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 28, 34–

38, 556, 570; II – 9, 20–67, 69, 72–74, 76, 78–95, 97–137, 139–161, 163–175, 177, 179–189, 191, 193, 194, 196–208, 210–224, 226–239, 242–246, 248–249, 252, 254–255, 257, 258, 261–268, 270–271, 274–305, 307–310, 312–318, 326–343, 345–348, 352–379, 383, 385, 390–392, 394–396, 398–403, 408–417, 422–424, 426, 428–433, 435, 436, 439, 440, 441, 443–445

Софиев Игорь Юрьевич (19 апреля 1929, Париж–4 февраля 2005, Алматы), пер., мемуарист. Сын И.Кнорринг и Ю.Софиева. В Париже раб. на заводе. В 1955 вернулся в СССР с женой, О.Л.Вышневецкой, и сыном Алексеем. Жил в Алма-Ате. Еще трижды был женат. Дети: Сергей и Ярослав. Раб. в Отделе палеонтологии Института зоологии Акад. Наук Казахской ССР, позднее в посольстве Франции в Алматы. Член правл. Общества Alliance Française Almaty. Пер. совр. фр. писат. Вместе с женой, Н.М.Черновой-Софиевой, занимался публ. семейного архива I – 22, 27, 32–35, 37, 38, 556, 557; II – 192–205, 207, 209–219, 221–226, 228, 231–234, 240–245, 248, 250–254, 256–258, 261–268, 272, 275, 277–282, 284–286, 290, 292–293, 296–297, 304–314, 316–331, 333–335, 337, 339–341, 343–348, 352–358, 360–367, 369–390, 393–395, 416, 421, 422, 430, 431, 433, 437–439, 442, 443, 445

Софиева И.Н. см. Кнорринг И.Н.

Софик, греческая семья в Туапсе I – 123

Софокл (ок. 496–406 до н.э.), др.-греч. поэт, драм. I – 219

Софья Марковна см. Носолевич С.М.

Софья Михайловна см. Зернова С.М.

Софья Степановна см. Давидова С.С.

Спасский Георгий (Жорж) Георгиевич (?–после 1937, Тунис), сын о. Г.А.Спасского. В эмигр. с 1920 в Бизерте II – 351

Спасский Георгий Александрович (о. Георгий) (1877, Гродненская губ. – 1934, Париж), митрофор. прот., канд. богословия. Окончил Литовскую дух. семинарию и Моск. дух. академию. В 1903 женился на Юлии Константиновне Зенькович (1884, Слоним, Гродненской губ. – 1957). Служил в Вильнюсе, в Севастополе. С 1917 свящ. Черномор. флота. Законоучитель Морского к.к. В 1920 вместе с женой и сыном эвак. в Бизерту. Глава Морского духовенства Русской эскадры. Наст. церкви Св. Павла Исповедника в Бизерте. В 1923 переведен во Францию. Служил в русском приходе г. Монтаржи (его жена раб. в Монтаржи на каучук. заводе). Будучи переведен в Париж, служил в Св. Александро-Невском соборе. Соорг. Св. Сергиевского Правосл. Богосл. института в Париже, читал там лекции. В 1928 в Соборе Св. Александра Невского совершил обряд

- венчания Ю.Софиева и И.Кнорринг. После смерти мужа Ю.К.Спасская учреди-
ла Русский старч. дом в Сев-
ре, носящий имя Г.Спасского
I – 21, 22, 226, 227, 264, 265,
270, 275, 285, 298, 302, 313,
315, 330, 331, 334, 359, 567,
571; II – 128–129, 200, 201
- Ставров (наст. фам. Ставропу-
ло) Перикл Ставрович (1895,
Одесса – 1955, Брюнуа, под
Парижем), поэт, прозаик,
пер. В эмигр. с 1920 в Греции,
с 1926 в Париже II – 436, 441,
443, 445
- Сталин (наст. фам. Джугашви-
ли) Иосиф Виссарионович
(1878–1953), сов. гос. деят. В
1922–1953 ген. сек. ЦК КПСС.
Продолжал политику гено-
цида II – 266, 365
- Сталинский Евсей Александро-
вич (1880–1953, Н.-Й.),
публ., прозаик, лит. критик.
С 1908 в эмигр. в Париже,
корр. журнала «Русское бо-
гатство». В 1917–1918 в Рос-
сии. Вновь эмигр. в 1919.
Жил в Праге, Париже. Уч. в
работе соц. изданий. Соред.
журнала «Воля России». С
начале 1940-х в США I – 605
- Станкевич Алексей Алексее-
вич (1901–1983, Париж), ко-
раб. гард. Уч. ВСЮР, охотник
флота. В 1920 эвак. в Бизер-
ту. В 1923 окончил Морской
к.к. Выехал во Францию
I – 315, 380, 400, 420
- Станюкович Николай Влади-
мирович (1898, Харьков –
1977, Севран, под Парижем),
поэт, журн., пер., лит. кри-
тик. Учился на юр. фак.
- Петроградского, затем Киев-
ского университетов (не окон-
чил). Уч. ВСЮР. В эмигр. с
1920 в Галлиполи (Турция),
затем во Франции. Член
Младоросской партии, Со-
юза конституц. монархис-
тов. Раб. таксистом, шофе-
ром на предприятиях. Публ.
в русской зарубеж. периоди-
ке. Член Союза молодых по-
этов и писат. в Париже I – 28;
II – 54, 141, 165–167, 170, 173,
189, 200, 201, 208, 211–223,
227, 228, 231, 235, 370, 402,
417, 422–424, 426, 445, 446
- Станюкович, кузен Н.В.Станю-
ковича II – 231, 426
- Старикова, влад. мастерской
худ. вышивки в Париже
II – 56, 152
- Старова Лидия, студентка Фр.-
рус. института в Париже I – 605
- Стась, горнист Морского к.к. в
Бизерте I – 491
- Степанов, кадет. В 1920 эвак. с
родителями в Бизерту. В
1925 окончил Морской к.к.
(VI рота) I – 341
- Степанов Владимир Сергеевич
(1901–1971, Ницца), кораб.
гард., педагог. В 1919 под-
пор. корпуса кораб. офице-
ров. В 1920 эвак. в Бизерту.
В 1921 окончил Морской к.к.
экстерном, служил в к.к. (в
1923 ком. роты) I – 391
- Столяров Евгений Иванович
(Женя), артист, музыкант.
Знакомый Н.Н.Кнорринга по
Харькову. В эмигр. во Фран-
ции (в Довилле, позднее в Па-
риже). Играл в «Новом рус-
ском театре в Париже», раб.

- таксистом I – 445, 460, 463, 466, 510, 511, 581; II – 18, 21
- Столярова Антонина Ивановна, знакомая Кноррингов по Харькову, мать Е.И.Столярова. В эмигр. жила в семье сына в Довиле (Франция) I – 86, 88, 445, 460, 463, 470, 510, 511, 553, 581; II – 18, 21, 27, 31, 44
- Столярова Жустин (Жу; Justine, Jou), жена Е.И.Столярова I – 510, 511
- Столярова Наталья Ивановна (1912, Генуя, Италия – 1984, Москва), перев., мемуарист. Дочь эсерки Н.Климовой и революционера-эмигранта И.Столярова, родилась во Франции, воспитывалась в пансионе. В 1931 познакомилась с поэтом Б.Ю.Поплавским, его друг и муза, прототип героини его романа «Домой с небес». В 1934 приехала в СССР. В 1937 репрес. 19 лет провела в лагере Долинка в Казахстане. В 1956 приехала в Москву, была сек. И.Г.Эренбурга. Реабил. в 1957. Помощник и друг А.И.Солженицына (см. «Бодался теленок с дубом», раздел «Невидимки») I – 37
- Стравинский Игорь Федорович (1882–1971, Н.-Й.), комп., дирижер. С 1913 жил за границей (во Франции и в Швейцарии) I – 535
- Страховский Леонид Иванович (псевд. Леонид Чацкий) (1898, Оренбург – 1963, Торонто), поэт, историк, проф. Уч. Белого движ. В эмигр. с 1920 в Бельгии, где окончил Лувенский университет и в 1928 защитил диссертацию.
- Член лит. клуба «Единорог» (Брюссель). Автор сб. стихов «Ладья» (1922), «Мистерия в восьми рассказах» (1926). В 1930–1940 в США, преп. в университетах Мериленда и Гарварда. С 1948 в Торонто (Канада), осн. журнала «Современник». Автор трудов по истории I – 506, 591
- Стрекаловский Николай, кораб. гард. Учился в Морском училище во Владивостоке. Прибыл в Севастополь в январе 1920 на «Якуте». Зачислен в Морской к.к. В ноябре 1920 эваку. с ним в Бизерту. В 1922 окончил его (I рота, «Владивостокская») I – 344, 345
- Струве Глеб Петрович (1898–1985), доктор филологии, историк литературы, издат. В эмигр. в Англии, во Франции, с 1947 в США I – 598
- Струве Михаил Александрович (1890, Самара – 1949, Париж), поэт, прозаик. В эмигр. с 1920 в Париже. Член кружка «Гатарапак», группы «Через», Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. в русской зарубеж. периодике. Уч. Сопротивления I – 512; II – 148, 168, 417, 443, 445
- Сургучев Илья Дмитриевич (1881, Ставрополь – 1956, Париж), драм., литератор, журн. В эмигр. с 1920 в Константинополе, в Чехии, с лета 1921 в Париже. Член Земгора. Сотр. журнала «Грани» II – 444
- Сухово-Кобылин Александр Васильевич (1817–1903), драм. I – 564; «Свадьба Кречинского» I – 170, 564

Сухомлин Василий Васильевич (1885, СПб. – 1963, Москва), общ.-полит. деят., журн., эсер. В эмигр. с 1907. В 1917 вернулся в Россию. Вновь эмигр. в 1918, жил в Финляндии, затем в Париже и Праге. Соредактор журнала «Воля России», сотр. соц. изданий, уч. в работе ком. партий и коминтерна. В 1947 принял сов. подданство, в 1951 выслан из Франции. В 1954 вернулся в СССР I – 605

Сушко Владимир Петрович, кораб. гард. В Белых войсках Вост. фронта. В 1919 гард. III роты Морского к.к. во Владивостоке. Эвак. 31 января 1920 на крейсере «Орел» в Севастополь, зачислен в Морской к.к. Эвак. с ним в Бизерту. В 1922 окончил Морской к.к. (II рота, «Севастопольская») I – 390, 391, 394, 416, 417

Тагатов Николай, кораб. гард. В 1920 эмигр. в Бизерту в составе Морского к.к. (IV рота, вып. 1924) I – 354, 355, 371, 374, 375, 444

Таль Лев (Луи) Семенович (1867–1933, Франция), юрист, проф. Моск. коммерч. института. В эмигр. в Париже. Читал лекции во Фр.-рус. институте II – 39, 399

Тамара (Харьков) см. Гарбодей Тамара

Тамара Андреевна см. Круглик-Ощевская Т.А.

Таня (Симферополь) см. Титова Таня

Таня (Харьков) см. Гливенко Т.И.

Татьяна (Эрувиль) см. Гревс Т.В.

Татьяна Алексеевна см. Осоргина Т.А.

Татьяна Андреевна см. Арендарева Т.А.

Таубе Елена Матвеевна (1885–1939, Франция), общ. деят. В эмигр. в Германии, с 1928 в Париже. Член Дам. комитета помощи студентам II – 409

Таубер (в браке Старова) Екатерина Леонидовна (1903, Харьков – 1987, Канны, Франция), прозаик. В 1920 эмигр. с родителями в Белград, где в 1922 окончила Русскую гимназии, в 1928 фр. отделение Белград. университета. Преп. русский яз. и литер. в сербской школе. Уч. в работе парижской Группы «Перекресток» (Белград. филиал). В 1930 уч. в собрании Союза молодых поэтов и писат. в Париже. В 1934 переехала во Францию. Публ. в русской зарубеж. периодике. После ВМВ преп. в Каннском лицее I – 592; II – 235, 237, 238, 253, 337, 423–426

Тausон, кораб. гард., музыкант. В 1920 эвак. в Бизерту. Учился в Морском к.к. (IV рота, вып. 1924) I – 323, 446, 475, 487

Таутер Иосиф, кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту, в 1924 окончил Морской к.к. и выехал во Францию I – 394, 400, 402, 409, 420, 428, 457, 463; II – 96

Твердый Леонид Доримедонтович (1872–1968, Париж), ген.-лейт. Военно-морского

судеб. ведомства. Окончил юр. фак. Моск. университета. В 1919–1920 в Севастополе служил в Военно-морском судеб. управления (при штабе ген. Деникине). В 1920 эваку. с семьей в Бизерту. Пред. Комиссии по делам русских граждан в Сев. Африке. После роспуска Русской эскадры переехал в Париж I – 16

Тверетин (Твиритин) Александр Александрович (1897–1942, СССР), в эмиграции в Париже. Член Союза возвр. на родину, в 1937–1938 сек. Союза. В 1939 выслан из Франции. Вернулся в СССР. Репрес., осужден. Погиб в заключении. Реабил. в 1958 I – 34, 606; II – 252, 254–257, 263, 269, 315, 316, 364, 432, 433, 440

Тверетина (Твиритина) Сара, уроженка Кишинева. Жена А.А.Тверетина. Врач. В эмигр. во Франции. Член Союза возвр. на родину. Вместе с мужем приняла сов. гражд. Лейт. мед. службы Сов. армии II – 252, 254–257, 263, 269, 315, 316, 364, 432, 440

Терапиано (наст. фам. Торопьяно) Юрий Константинович (1892, Керчь – 1980, Ганьи, Франция), юрист, поэт, критик, мемуарист, пер., историк религии. В 1911 окончил Александровскую гимназию в Керчи, в 1916 юр. фак. Университета Св. Владимира в Киеве. Призван в армию, по окончании школы прапорщ. в Киеве направлен служить в

Москву, затем на Юго-Зап. фронт ВВ. В 1919 вступил в Добр. армию. В эмигр. с 1920 в Турции, с 1922 в Медоне (под Парижем). Жена: И.Н.Новосёлова. В 1925 соорг. и пред. Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Соред. журн. «Новый дом» (1926–1927) и «Новый корабль» (1927–1928). В 1928 соучред. лит. объединения «Перекресток». Член Союза русских писат. и журн. в Париже. Лит. критик газеты «Русская мысль» (1955–1978). Сост. антологии «Муза диаспоры» (1960). Автор сб. стихов «Лучший звук» (Мюнхен, 1926), «Бессонница» (Берлин, 1935), «На ветру» (Париж, 1938), «Странствие земное» (Париж, 1951), «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963), «Паруса» (Вашингтон, 1965); книг прозы «Встречи» (1953), «Маздеизм. Современ. последователи Зороастра» (1968), «Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974» (1987); сб. «Мой путь в Йерусалим: Стихи. Очерки о поэтах» (2011). Зарабатывал на жизнь в качестве упаковщика на фармацевт. фабрике. Адресат стихов И.Кнорринг I – 24, 498, 499, 500, 504, 506, 512–514, 519, 520, 527, 530, 533, 539, 540, 544, 548, 587, 588, 590–593, 600, 603, 606; II – 9, 14, 24, 159, 168, 172, 188, 204, 207, 209, 212–214, 216, 218, 219, 221, 232, 233, 235–238, 240, 242, 244, 245, 247, 248, 271, 272, 397, 417, 420–425, 430, 436, 441, 443, 445

Терапиано (урожд. Новосёлова) Ирина Николаевна (1890, Москва – 1973, Ганьи, Франция), жена Ю.К.Терапиано. В 1920 в составе арм. лазарета эвак. на Кипр. Позднее переехала в Медон к мужу. Уч. в работе ложи «Аврора», занималась йогой. Зарабатывала на жизнь в качестве дом. работницы. С 1955 жила с мужем в Русском старч. доме в Ганьи I – 513

Тетя Лёля см. Шмаринова Е.В.

Тетя Лида см. Ирманова Л.А.

Тетя Нина см. Кнорринг Н.В.

Тигран (Тигрик), знакомый И.Кнорринг по Харькову I – 43

Тима см. Маджугинский Т.Н.

Тина Д., подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 51, 74, 75

Титова Таня, одноклас. И.Кнорринг по симфероп. гимназии I – 199, 200, 201, 202, 565

Тихменев Александр Иванович (1879–1959, Тунис), контр-адм. Кавалер Орденов Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира. Уч. ВВ. С октября 1920 нач. Военно-морского управления. Эвак. с Русской эскадрой в Бизерту. Нач. базы, затем нач. штаба Эскадры. С октября 1923 член Комиссии по делам русских граждан в Сев. Африке. Пред. Объединения русских моряков в Тунисе. Жена: Ольга Порфирьевна (?–1970, Париж). Дочь: Кира I – 270, 313, 461, 570

Тихомиров Дмитрий Митрофанович (1887–?), врач морского ведомства. В 1920 эвак. с

семьей в Бизерту. Служил в Русской эскадре, младший врач Морского к.к. в Бизерте. Позднее жил в Югославии, преп. в Белградском университете I – 252, 255, 302

Тихомиров Леонид Дмитриевич (Лелька) (ок. 1916 г.р.), врач. В 1920 эвак. с родителями в Бизерту, позднее переехал в США. Сын В.П. и Д.М. Тихомировых I – 243, 273

Тихомиров Николай Константинович, артист, режиссер. В эмигр. в Париже I – 533

Тихомирова Вера Петровна (?–1979, Сиэтл, США), общ. деят. В 1920 эвак. с семьей в Бизерту. Член Дам. комитета Морского к.к. Жена морского врача Д.М.Тихомирова I – 242, 266, 567

Тихомировы, семья Д.М.Тихомирова I – 273, 302

Тихон (Белавин Василий Иванович) (1865–1925), патриарх. В 1898–1907 глава Северо-Амер. епархии. В 1917 на Всерос. Поместном соборе избран Патриархом. С 1922 находился под арестом в Донском монастыре. Прославлен РПЦ в 1989 I – 298, 571, 572; II – 409

Тихонова (Тихонова-Полякова) Антонина Семеновна (1890–1966, Париж), певица. В эмигр. во Франции с 1924 II – 397, 414

Ткачева Нина, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 97

Толли-Костедоа (урожд. Толли) Ольга Владимировна (1892–

- 1968, Медон, под Парижем), сестра милосердия, просв., общ. деят. Уч. ВВ и ВСЮР. В 1920 эваку. в Константинополь. С 1921 во Франции. Вице-пред. РОКК, орг. и зав. Фр.-рус. амбулатории и Русской амбулатории в Париже, сек. Комитета помощи больным и выздоравливающим II – 410, 438
- Толстая (Сухотина-Толстая) Татьяна Львовна** (1864, Ясная Поляна Тульского уезда – 1950, Рим), графиня, художница, мемуарист. Дочь Л.Н.Толстого. В эмигр. в Париже. Осн. Русской худ. академии. Выступала с докладами о своем отце, делала публ. II – 132
- Толстой Алексей Константинович** (1817–1875), граф, писатель I – 533, 602
- Толстой Алексей Николаевич** (1883–1945), граф, сов. писатель. В 1919–1923 в эмигр. в Париже I – 298, 300, 341
 «Сон Попова» I – 341
 «Хождение по мукам» I – 298
- Толстой Лев Николаевич** (1828–1910), граф, писатель I – 194, 285, 360, 571; II – 132
 «Война и мир» I – 194; II – 171, 380
 «Воскресение» I – 285
 «Крейцера соната» II – 65
- Толя (Бизерта) см. Зимборский Анатолий**
- Томашевская, сестра И.М.Томашевского, жила во Франции** I – 391, 578
- Томашевский Иосиф Марьянович, кораб. гард. Служил в Белых войсках Вост. фронта.**
- В 1919 гард. III роты Морского к.к. во Владивостоке. В январе 1920 эваку. на крейсере «Орел» в Севастополь, зачислен в Морской к.к. в Севастополе. В ноябре 1920 эваку. с ним в Бизерту, в 1922 окончил его (II рота, «Севастопольская») I – 374, 391**
- Томсон Александр Иванович** (1860–1935), филолог II – 56
- Тося (Тоня) см. Каврайская Т., Дубнер Т.**
- Третьякова О.К. см. Розентрер О.К.**
- Трещенков Георгий Николаевич** (1906, Кременчук – ?), кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1924 окончил Морской к.к. и приехал во Францию. Учился в университете в Страсбурге I – 414
- Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давидович** (1879–1940, Мексика), полит. деят., один из лидеров ЦК РСДРП (б). В 1927 исключен из партии. В эмигр. с 1929 в Турции, Франции, Норвегии, Мексике. Убит агентами НКВД I – 117, 149, 298, 402
- Трубецкой Сергей Николаевич** (1862–1905), религ. философ, историк античности и раннего христианства, проф. Моск. университета. Автор трудов I – 459, 581
- Туган-Барановский Михаил Михайлович** (1902, Киев–?), литератор, техник. Сын проф. М.И.Туган-Барановского. В 1920 эваку. с родителями из Одессы. В 1921 переехал в Югославию. В 1923 окончил Русско-сербскую

- гимназию в Белграде. Учился в Праге в Карловом университете на юр. фак. К 1925 переехал в Париж, учился в Высшей школе политех. наук. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже I – 503, 504
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель I – 90, 298, 299, 556, 560, 580;
«Дворянское гнездо» I – 90, 435, 560;
«Накануне» I – 299
- Туринцев Александр Александрович (1896–1984, Париж), поэт, лит. критик. В эмигр. в Праге, с 1926 в Париже. В 1949 принял сан, наст. Трехсвят. подворья в Париже I – 540, 541
- Туроверов Николай Николаевич (1899, ст. Старо-Черкасская Донской обл. – 1972, Париж), поэт, казач. деят. Уч. ВВ и Добр. армии в составе ВВД. В эмигр. с 1920 в Болгарии, Сербии, затем в Париже II – 443, 445
- Тыртов, кораб. гард., сын кап. I ранга Дмитрия Дмитриевича Тыртова (1880, Казань – 1936, Париж), ком. Нарвской речной флотилии. В эмигр. с 1920 с родителями в Бизерте. Окончил Морской к.к I – 478, 483, 486, 487
- Тыртова Кира Дмитриевна (1907–?), дочь Д.Д.Тыртова. В 1920 эвак. с родителями в Бизерту. Училась в школе Монастыря Сионской Божьей Матери в Бизерте. В 1922 выехала в Париж I – 313, 332, 495, 509
- Тьерри А., фр. писатель I – 439
- Тэффи (наст. фам. Лохвицкая, в браке Бучинская) Надежда Александровна (1872–1952, Париж), поэт, прозаик, фельетонист I – 24, 25, 167, 497, 498, 514, 591
- Тюрина Вера Геннадьевна, филолог I – 38, 40
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, пер., дипломат I – 32, 184, 564
- Уайльд Оскар (1854–1900), англ. писатель, драм. I – 159
- Удар, преп. лицея в Шартре II – 382
- Улагай Сергей Георгиевич (1875–1944, Марсель), ген.-лейт. Кубанского казачьего войска I – 142
- Улазовская Анна Брониславовна, член Дам. комитета Морского к.к. в Бизерте, артистка-люб. Жена стар. лейт. Черномор. флота Николая Николаевича Улазовского (1893–1975, Ницца). В 1920 с мужем эвак. в Бизерту в составе Русской эскадры, в 1930-е супруги выехали во Францию I – 426, 454, 478
- Унбегаун (Каплевская) Елена Ивановна (1902–1992). Жена Б.Г.Унбегауна. Уч. в работе РДО II – 231, 263, 266, 268–272, 274, 275, 277, 278, 282, 284, 287–291, 293, 294, 296, 310–312, 316, 317, 330, 334, 347, 353–355, 365, 436, 437, 438, 442, 443, 445
- Унбегаун Борис Генрихович (1898, Москва – 1973, Н.-Й.), проф. филологии и славистики. Окончил Константиновское арт. училище. Уч. ВВ и

Белого движ. В эмигр. в Югославии, окончил истор.-фил. фак. Люблянского университета. Приехав в Париж, окончил Школу вост. языков и Сорбонну. Зав. библиот. Славянского института. В 1935 защитил докторат. В 1937 получил кафедру в Страсбург. университете. В годы ВМВ сидел в фаш. концлагере. После войны раб. в Страсбурге, в Брюсселе, в Оксфорде II – 263, 268, 275, 278, 282–303, 310–314, 316, 317, 333, 335, 338, 343, 347, 351, 353, 354, 362, 365–367, 437–440, 442–445

Унбегаун Татьяна Борисовна (Таня), дочь Б.Г. и Е.И. Унбегаунов II – 277, 282, 311, 437, 438, 445

Унковский Владимир Николаевич (1888, Харьков – 1964, Шелль, пригород Парижа), доктор мед., журн., писатель. В 1917 раб. врачом санитар. поезда. В эмигр. в Африке, затем в Париже. Публ. в изданиях «Звено», «Числа», «Дни», «Илл. Россия», «ПН» (Париж); «Руль» (Берлин), «Рубеж» (Харбин). Автор романов II – 420, 422

Уразова Мунира Мухамеджановна (1956 г.р.), ред., деят. культ. В 1992–2008 сек. Русского общ. фонда помощи заключенным, осн. А.И.Солженицыным. Нач. издат. отдела моск. Дома-музея Марины Цветаевой I – 40

Урины, влад. кукол. мастерской в Париже I – 542, 544; II – 60

Усольцев Ф.А., лечащий врач Врубеля I – 559

Успенский Георгий Петрович (1902 – ок. 1960, Боржель, Тунис), кораб. гард. Служил в Белых войсках Вост. фронта. Учился в Морском к.к. во Владивостоке. В 1920 был в Севастополь на посыльном судне «Якут». Эвак. в Бизерту. В 1922 окончил Морской к.к. (I рота, «Владивостокская») I – 240

Утесов Леонид (наст. ф.и.о. Вейсбейн Лазарь Осипович) (1895–1982), артист эстрады и кино, рук. джаз-оркестра II – 442

Фаусек (Фауссек) Евдокия Ивановна (?–1933, Шавиль, под Парижем), влад. кукол. мастерской «Фавор» II – 60, 63, 108, 161, 403; «Фавор» II – 157, 159, 168, 403

Фаусек (Фауссек) Мария Вячеславовна, дочь Е.И. Фаусек II – 59–60, 108, 403

Федоров Михаил Михайлович (1859, Витебск–1949, Париж), правовед, финансист, общ. деят. Член Гос. Думы от кадет. партии, ред. Торгово-промышл. газеты. В годы ВВ возглавлял областной комитет ВСГ и Земгор, член Военно-промышл. комитета. В 1918 пред. Нац. центра. В эмигр. с 1920 во Франции. Член Русского комитета объедин. организаций, Русского нац. союза, Фр.-рус. комитета, Рос. торгово-промышл. и финанс. союза. Соред. еженедельника «Борьба за Россию». Осн. и пред. Центр. комитета по обеспечению высшего образования

- русскому юношеству за границей (Федоровского комитета) I – 18, 19, 586; II – 141, 149, 412, 413
- Федотов Георгий Петрович** (псевд. Е. Богданов) (1886–1951, США), философ, историк, публ. В эмигр. с 1925 в Париже. Преп. Св. Сергиевского Правосл. Богосл. института, деят. РСХД, член-учред. Объединения «Правосл. дело». С 1941 в США. Проф. Св. Владимирской дух. семинарии. Член-учред. Лиги борьбы за народ. свободу II – 263, 367, 370, 412
- Федотова (в браке Рожанковская) Нина Георгиевна**, дочь Е.Н. и Г.П. Федотовых. Адресат стихов Ю. Софиева. Жена худ. Ф.С. Рожанковского. Дочь: Татьяна II – 263, 367, 370
- Федотова (урожд. Нечаева) Елена Николаевна** (1885, СПб. – 1966, Франция), деят. просв., литератор. Жена Г.П. Федотова. В годы ВВ раб. сестрой милосердия на Зап. фронте. В эмигр. в Париже, в 1941–1951 в США. После смерти мужа вернулась во Францию. Хран. и публ. его архива. Сост. книг Г.П. Федотова «Христианин в революции», «Святые древней Руси» и др. Последние годы провела в старч. доме при Вифанской обители в Розе-ан-Бри. Трагически погибла (выбросилась из окна) II – 263, 367, 370
- Федюхин Алексей Анатольевич**, зав. архивом период. изданий РЗ в ГАРФе II – 7
- Федя (Тунис) см. Бондалетов Федор**
- Федяевский Иван Константинович** (1876–1939, Верден, Франция), кап. I ранга, публ. Уч. ВСЮР. С ноября 1920 ком. линкора «Генерал Алексеев». В 1920 эваку. в Бизерту. Служил в Русской эскадре. Летом 1922 вышел в отставку и уехал во Францию. Публ. в газете «Монарх. листок» I – 305, 313
- Фейхтвангер Лион** (1884–1958), нем. писатель II – 444; «Вдова Капет» II – 360, 444
- Фельзен Юрий** (наст. ф.и.о. Фрейденштейн Николай Бернгардович) (1894–1943, Польша), писатель, критик. В эмигр. с 1918. С 1924 в Париже. Сек. ред. журнала «Числа». Пред. Объединения писат. и поэтов. Уч. объединения «Круг». Публ. в журналах «Встречи», «Звено», «Совр. записки». Автор романов. В 1942 был арестован, погиб в фаш. концлагере Аушвиц II – 271, 272, 423
- Фемистокл** (ок. 525–ок. 460 до н.э.), греч. полководец, мысл. I – 219
- Фет** (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт II – 427
- Фиксман (семья Довида Кнута) см. Кнут**
- Филоненко В.О.**, преп. словесности в симфероп. гимназии I – 212, 214
- Филонов Н.**, кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту, окончил Морской к.к. К 1931 выехал во Францию I – 371

- Фильдинг (Филдинг) Генри** (1707–1754), англ. писатель I – 578
- Фихтер Лида**, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии. В 1920 жила с родителями в Симферополе I – 157, 158, 178, 183
- Фишер**, педагог. Преп. в Морском к.к. в Бизерте I – 404
- Флорианский Георгий Элефтерьевич (Елевферьевич)** (1898 – 1968, Прага), инж., журн., лит. критик. В эмигр. в Чехии I – 548
- Флоровский Георгий Васильевич** (1893, Херсон. губ. – 1979, Принстон, США), прот., богослов, историк церкви. В эмигр. с 1920 II – 412
- Фон-Дрейер Владимир Николаевич** (1876–1967, Монте-Карло, Монако), писатель, уч. ВСЮР I – 292, 571
- Фонвизин Денис Иванович** (1744/1745–1792), писатель, драм. I – 487
- Фондаминский И.И. см. Бунаков-Фондаминский И.И.**
- Фохт Всеволод Борисович** (1895–1941, Иерусалим, Израиль), поэт, журн. Уч. ВВ в составе команды конных разведчиков. После ВВ остался во Франции. В 1926 соорг. (вместе с Н.Берберовой, Д.Кнутом и Ю.Терапиано) журнала «Новый дом». Сотр. изданий «Илл. Россия», «Россия», «Россия и славянство». Уч. в работе «Кочевья». В 1932 уехал в Дамаск. Принял католичество I – 548, 606; II – 91
- Фраерман Георгий Владимирович** (1904, Москва – ?), кораб. гард. В 1920 эваку. в Бизерту. В 1923 году окончил Морской к.к. К 1930 живет в Париже I – 420
- Франсей (Françeu)**, мед. сестра госпиталя «Питье» в Париже II – 178, 181, 182, 191, 194, 196
- Фроловна см. Шипова Дарья Фроловна**
- Фуке де ла Мотт Фридрих** (1777–1843), нем. писатель «Ундина» I – 558
- Хаджи-Мед см. Бирамов Хаджи-Мед**
- Хайтович**, эмигр. В 1925 в Париже. Училась во Фр.-рус. институте I – 512
- Халафов Константин Константинович** (1902, Москва–1969), поэт, пианист, орнитолог. Уч. ВСЮР. В эмигр. с 1920. Окончил Белградский университет. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже, группы «Перекресток». Публ. в альманахах «Мосты», «Содружество», «Якорь»; в журналах «Возрождение», «Грани». С 1944 в Германии, с 1949 в Австралии II – 423–426
- Хворостанская Галина Михайловна**, сестра Лёли Хворостанской I – 74, 189, 332
- Хворостанская Елена Михайловна (Лёля)**, подруга И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 43, 50, 51, 66, 69, 74, 75, 77, 89, 92, 95, 96, 98, 117, 137, 146, 174, 208, 276, 294, 332, 343, 346, 351, 354, 355, 357, 404, 407, 479, 497, 505, 514, 523, 544, 553, 558, 570, 575; II – 16, 53, 146, 166

Хворостанская Елизавета Павловна, сестра Н.П.Хворостанской I – 332

Хворостанская Нина Павловна, мать Лели и Гали Хворостанских I – 96, 332

Хворостанские, семья М.А.Хворостанского, харьк. друзья Кноррингов I – 96, 340, 574

Хворостанский Михаил Андреевич, отец Лели Хворостанской I – 96

Хемницер Иван Иванович (1745–1784), поэт, баснописец I – 355

Хирьяков Александр Модестович (1863, Пермская губ. – 1940, Варшава), писатель, поэт, автор рассказов, легенд, сказок. В эмигр. в Польше. Пред. Союза русских писат. и журн. в Польше. Публ. в изданиях «Зарница», «Слово», «Борьба за Россию», «Руль», «Молва» и др. Последователь Л.Н.Толстого, в Париже выступал с лекциями о писателе I – 538

Ховин Виктор Романович (1891–1944, Польша), поэт, критик, издатель. В эмигр. в Париже. В 1944 был арестован, погиб в фаш. концлагере Аушвиц II – 168, 417

Ходасевич Владислав Фелицианович (псевд. Гулливер) (1886–1939, Бийанкур, под Парижем), поэт, лит. критик, пер. I – 24, 28, 504, 509, 540, 590, 604; II – 39, 57, 113, 170, 173, 199, 242, 273, 316, 339, 417, 422, 423, 435, 436, 440, 441, 443, 445

Хомайко Ольга Александровна, преп. гимназии в Симферополе I – 212

Хомиченко (Хомиченко-Рейхард, урожд. Попова) Елена Николаевна, зубной врач. Раб. по Морскому ведомству. В 1920 эвак. с Русской эскадрой в Бизерту. После ликвидации Эскадры переехала в г. Бизерту, где имела частную практику и свой зубной кабинет. С 1934 член тунисского отделения Союза сестер милосердия I – 295, 493, 571

Художилев Леонид Константинович, химик, педагог. В эмигр. в Чехии. Член Русской акад. группы в Праге. В 1922 представ. Русской учеб. коллегии в Тунисе I – 570

Хемингуэй Эрнест (1899–1961), амер. писатель II – 447

Царская Семья см. Романовы, семья Имп. Николая II

Цвейг Стефан (1881–1942), австр. писатель II – 110

Цветаева (в браке Эфрон) Марина Ивановна (1892, Москва – 1941, Елабуга Казанской обл.), поэт, прозаик, критик. В 1922 выехала с дочерью Ариадной в Чехию к мужу, уч. Добр. армии, С.Я.Эфрону. В 1922–1925 жила с семьей в Праге и ее предместьях, в 1925–1939 в предместьях Парижа. Публ. в журналах «Своими путями», «Версты», «Благонамеренный», «Воля России», «Совр. записки» и др. Автор поэм, пьес, эссе, дневн. прозы, критич. статей, эпист. наследия. В июне 1939 вернулась в СССР

- с сыном Георгием. Трагически погибла 31 августа 1941
I – 24, 25, 28, 31, 382, 474, 495, 523, 525–527, 534, 535, 538, 539, 540, 541, 556, 598, 599, 602, 603, 604; II – 7, 20, 235, 397, 419, 434, 436, 441, 443
- Цветковы, кораб. гард., братья Сергей, Михаил и Николай Ивановичи. В ноябре 1922 окончили Морской к.к. в Бизерте I – 330, 574
- Цезарь Гай Юлий Август Германник (Калигула) (102 (100?)–44 до н.э.), римский император, полководец I – 568
- Церебеж Юра, кадет. В 1920 эвак. в Бизерту в составе Морского к.к. В 1922 был исключен из к.к. I – 285
- Цетлин Михаил Осипович (псевд. Амари) (1882, Москва – 1945, Н.-Й.), поэт, лит. критик, издатель. В эмигр. в Париже, с 1940 в США. В 1942 осн. (вместе с М.С.Цетлиной и М.А.Алдановым) «Новый журнал» I – 24, 26; II – 122, 200, 206, 423
- Цетлины, семья М.О.Цетлина II – 215
- Цирер Карл Михаэль (1843–1922), австр. комп., дирижер I – 564
«Шалунья» I – 171, 564
- Чаадаев (1794–1856), мысл., публ. I – 605
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), комп. I – 102, 502, 518, 530, 531, 561, 572, 600; II – 432
«Евгений Онегин» II – 151, 414;
«Пиковая дама» II – 251, 432
- Чахотин Сергей Степанович (1883–1973, Москва), биолог, проф., общ.-полит. деят., литератор. Уч. ВВ и ВСЮР. В 1918–1919 рук. ОСВАГа. С 1919 эмигр. в Хорватию, с 1920 в Берлине. Уч. группы «Смена вех», соред. газеты «Накануне». Сотр. сов. торгпредства в Берлине. В 1932 один из лидеров движ. «Железный фронт против Гитлера». С 1933 во Франции. Читал лекции в Русском народ. университете. Уч. Сопротивления. Член ССП. В 1958 вернулся в СССР, жил в Ленинграде, раб. в Институте биофизики АН СССР I – 563
- Чемберлен Остин (1863–1937), англ. полит. деят., министр финансов Англии II – 91, 445
- Червинская Лидия Давидовна (1907–1988, Монморанси, под Парижем), поэт, писатель, лит. критик. С 1920 в эмигр. в Константинополе, с 1922 в Париже, член Союза молодых поэтов и писателей, уч. объединения «Круг». Жена Л.И.Кельберина. Посвятила ему сб. стихов «Приближения» (1934). Брак распался. После ВМВ переехала в Мюнхен, раб. на радиостанции «Свобода» II – 220, 221, 224, 228, 238, 248–249, 424, 426, 436, 441, 443, 445
- Черепнин Александр Николаевич (1899–1977, Париж), пианист, комп., муз. критик, проф. консерватории. Сын. Н.Н.Черепнина. С 1921 в эмигр. во Франции, с 1949 в США I – 535, 603, 604

Черепнин Николай Николаевич (1873, СПб. – 1945, Исси-ле-Мулино, под Парижем), комп., дирижер, педагог, ме-муарист. В эмигр. с 1920 во Франции II – 415

Чернецов Николай (прав. Ни-канор) Григорьевич (1805–1879), художник, имел зва-ние живописца Его Имп. Величества. В 1833–1836 со-стоял на службе у графа М.С.Воронцова (ген.-губ. Но-вороссии). Брат художника Григория Григорьевича Чер-нецова (1802–1865). В Керчи в 1920-х сохранялся дом ху-дожника Чернецова, принад-лежащий его наследникам (по адресу: Керчь, Почтовый переулок, д. 6) I – 145, 147

Чернитенко (Чернетенко) Васи-лий, уроженец Симферополя, кораб. гард. В 1924 окончил Морской к.к. в Бизерте. Слу-жил в Русской эскадре I – 415, 421, 422, 425, 427, 431–433, 438, 439, 441, 445–452, 454–456, 458–460, 463, 465, 466, 580

Чернова-Софиева Надежда Ми-хайловна (1947 г.р., Барна-ул), поэт, писат., журн. Вдо-ва И.Ю.Софиева. Окончила фак. журн. Казахского гос. университета им. С.М.Киро-ва. С 1976 живет в Алматы. Рук. отделом поэзии журнала «Простор». Автор 16-ти книг стихов и прозы, член Союза рос. писат. и Союза писат. Ка-захстана, лауреат ордена «Курмет». Хран. и публ. се-мейного архива I – 38; II – 7, 398–401, 407

Чернова Линаина Павловна (1927–2007), шеф-повар. Рук. треста столовых г. Байканура (Казахстан). Мать Н.М.Софи-евой-Черновой I – 40

Черный Саша (наст. ф.и.о. Гликберг Александр Михай-лович) (1880, Одесса – 1932, Ла Фавьер, Франция), поэт-сатирик, детский писатель, пер. Уч. ВВ. С 1918 жил в Вильно, затем в Берлине, с 1924 в Париже I – 23; II – 167–168, 437

Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель, драм. I – 30–31, 275, 316, 318, 319, 341, 506, 559, 590; II – 403; «Вишневый сад» I – 319; II – 52, 403 «Юбилей» I – 341

Чехович Александр Борисович (1902, Александрия Херсон-ской губ. – ?), кораб. гард. В 1920 окончил симфероп. гим-назию. Эвак. в Бизерту, окон-чил Морской к.к. В 1923 при-ехал в Париж, поступил в Сорбонну на естест. фак. I – 462

Чистовский Лев Смарагдович (Александрович) (1902, Псков – 1969, Сеневер, деп. Ло), художник. В эмигр. в Париже. В 1941 был аресто-ван, отправлен в лагерь Ком-пъень. Уч. групповых выста-вок: «Весеннего салона», «Салона независимых» и др. I – 530, 532–536, 600

Чурилин Тихон Васильевич (1885, Лебедянь Тамбов. губ. – 1946, Москва), поэт, перев., теоретик литературы. Учился по мед., фил., коммерч. спе-циальностям. Первая публ. в

- журнале «Нива» (1908). Автор книг стихов: «Весна после смерти» (1915), «Стихи Тихона Чурилина» (1940), «Жар-Птица» (не вышла). В 1920 в Крыму орг. (вместе с женой, Б.И.Корвин-Каменской, и поэтом Л.Е.Аренсом) «Содружество молодых будетлян». После смерти жены не смог выйти из депрессии (умер от нервного истощения) I – 190, 565
- Чурилина см. Корвин-Каменская Б.
- Шалыгин А.Г., автор учеб. «Теория словесности и хрестоматия» (1908) и «Доп. курс теории словесности» (1910) I – 367
- Шаляпин Федор Иванович (1873, Казань – 1938, Париж), опер. певец, бас. В эмигр. с 1922 II – 251
- Шаповалов Алексей Владимирович, харьк. приятель И.Кнорринг, сын В.В.Шаповалова I – 208, 565
- Шаповалов Владимир Владимирович, свящ., преп. Покровской гимназии в Харькове. В его квартире (по адресу ул. Тюремная, д. 28) жили Кнорринги с весны 1911 до 1915 I – 208, 565, 566
- Шаповалова Лика и Елена, подруги И.Кнорринг, дочери В.В.Шаповалова I – 208, 565
- Шаптал (Chaptal) Эммануэль (1861, Россия–1943, Франция), монсеньор, архиепископ (по происхождению русский по матери). В качестве сек. Фр. посольства раб. в Петрограде, Стокгольме, Константинополе, Мюнхене. В 1897 принял свящ. католич. сан. С 1922 епископ Парижской епархии. Рук. католич. организации помощи русским «Комитет Шапталя» II – 409
- Шарапов Валентин Иванович, сотр. редакции «ПН» (Париж). В эмигр. во Франции. В 1926 жил в Биянкуре (под Парижем) II – 297
- Шах Евгений Владимирович (1905–?), поэт. В эмигр. в Париже. Уч. группы «Перекресток». Публ. в изданиях «Звено», «Совр. записки», «Якор», «Перекресток». Автор книг «Семя на камне» (1927), «Городская весна» (1930) II – 417, 425
- Шаховской Дмитрий Алексеевич (архиепископ Иоанн Сан-Францисский и Западно-Американский) (псевд. Странник) (1902, Москва – 1989, Калифорния, США), поэт, богослов, религ. писатель, мемуарист. В эмигр. с 1920, окончил Лувенский университет (Бельгия). Член Клуба русских литераторов «Единорог». Автор книг «Стихи» (1923), «Песни без слов» (1924), «Предметы» (1925). В 1925–1926 ред. журнала «Благонамеренный». Учился в Правосл. Богосл. институте в Париже. В сентябре 1926 принял постриг. Служил в Белой Церкви (Сербия), Германии, Франции, с 1946 в США. Декан Св. Владимирской дух. академии, сотр. радиостанции «Голос Америки». Член Ген. комитета Всемир. совета церквей I – 534, 541, 578, 602

Шацкий Борис Евгеньевич (1889, Казань – 1941, Сантьяго, Чили), экономист, юрист, педагог, публ. В эмигр. с 1920 в Париже. Сотр. «ПН». Преп. во Фр.-рус. институте. С 1933 в Чили I – 544, 604; II – 30, 51, 56, 58, 69–72, 403

Шашкова Любовь Константиновна (1951 г.р.), поэт, журн. (Алматы) I – 40

Шварц Володя, харьк. при-
ятель И.Кнорринг I – 51, 559

Швачка Маня, одноклас. И.Кнор-
ринг по симфероп. гимназии
I – 203

Швитченко Алексей Иванович (1899, Киев – ?), офицер, инж.-электрик. Учился на инж.-строит. фак. Киевского политех. института, призван в армию. Уч. ВВ и Белого движ. Служил офицером на Черномор. флоте. В 1920 эвак. с ней в Бизерту, раб. электриком, служил на под-
лодке «Утка». В 1923 выехал во Францию, получив студ. стип. I – 184

Шевильи И. де, фр. писатель,
пер. I – 574

Шевченко Галина Васильевна (1939 г.р.), архитектор, пер.
II – 8

Шекспир Уильям (1564–1616),
англ. поэт, драм.
«Гамлет» I – 360, 370

Шем Александр (наст. ф.и.о. Ше-
метов Александр Павлович) (1898, Ростов-на-Дону – 1981, деп. Ардеш, Франция), лите-
ратор, художник-карикату-
рист, издатель. В 1920 эвак. в
Бизерту. В 1924 переехал во

Францию. В 1926 вместе с
Д.Кобяковым издавал жур-
нал «Ухват» I – 603

Шемахин Петр, студент Фр.-
рус. института в Париже
I – 542, 545, 547–550, 552;
II – 14, 20, 22, 24, 37, 39, 55

Шемет (Шеметилло) Георгий
Феофилович (1908–1988, Ка-
зань), поэт. В эмигр. в Польше
в Чехии, с середины 1920-х в
Париже. Уч. в работе ассоциа-
ции «Ассамблея», студ. драм.
студии «Фигляр» II – 445

Шенталинский Виталий Алек-
сандрович (1939 г.р.), писа-
тель II – 433

Шестаков Семен Алексеевич,
стар. науч. сотр. КИКЗа II – 7

Шестакова Нина Дмитриевна,
дир. Науч. библи. КИКЗа I – 40

Шестов (наст. фам. Шварцман)
Лев Исаакович (1866, Киев–
1938, Париж), философ,
публ. В эмигр. с 1920 в Пари-
же, читал лекции во Фр.-рус.
институте, Религ.-филос. ака-
демии и др. Проф. Института
славяноведения при Сорбон-
не. Член Русской акад. груп-
пы. Уч. в издании журнала
«Версты». Публ. в журналах
«Окно», «Русские записки»,
«Совр. записки», «Числа» и
др. I – 506, 519, 527, 530,
532, 534, 535, 538, 590, 592;
II – 397

Шингарев Юрий (Георгий) Ни-
колаевич, член команды Рус-
ской эскадры в Бизерте. Слу-
жил матросом на линкоре
«Генерал Алексеев». Позднее
переехал во Францию, раб. на
заводе I – 275, 276, 282, 290,

291, 294–296, 304, 308, 310, 316, 339, 430, 571

Ширинская (урожд. Манштейн) Анастасия Александровна (1912–2009, Бизерта, Тунис), педагог, мемуарист, общ. деят. Дочь ком. эсминца «Жаркий» Александра Сергеевича Манштейна (1888–1964, Бизерта). В 1920 эваку. с родителями в Бизерту, где прожила всю жизнь, раб. учительницей в школе. Вела работу по сохранению памяти Русской эскадры. Автор книги «Бизерта: Последняя стоянка» (Москва, 1999). Указом Президента РФ награждена Орденом Дружбы (2003) и Орденом Св. Екатерины (2007) I – 14, 576

Ширинский-Шихматов Юрий Алексеевич (1890, СПб. – 1942, Польша), шт.-кап., воен. летчик, общ.-полит. деят., публ. В 1941 был арестован, погиб в фаш. концлагере Аушвиц II – 403

Шишков Александр Семенович (1754–1841), адм., писатель, гос. деят. С 1813 президент Рос. акад. наук, в 1824–1828 министр народ. просв. Рук. собраний «Беседы люб. русского слова» I – 366, 370, 576

Шишова Дарья Фроловна, крестьянка с. Елшанка, няня И.Кнорринг в 1906–1912 I – 29

Шкуро (Шкура) Александр Григорьевич (1886, Кубан. обл. – 1947, Москва), ген.-лейт., мемуарист. Один из лидеров ВСЮР. В эмигр. в

Югославии, затем во Франции. В годы ВМВ формировал казачьи отряды, воевал на стороне фаш. Германии. Выдан по условиям Ялтинского соглашения, расстрелян I – 105, 119, 142, 157

Шлецер Борис Федорович (1884–1969, Париж), муз. критик, пер., публ. С 1920 в эмигр. в Париже. Сотр. изданий «Совр. записки», «Илл. Россия» и фр. журналов. Автор работ о творчестве Скрябина I – 439, 603

Шлиомович (Шлеомович) Лев Сергеевич, студент Фр.-рус. института в Париже, евр. общ. деят. I – 545, 547, 548, 550, 553; II – 15, 28, 63, 65, 66, 68, 70, 71, 104, 105

Шмаринов Алексей Яковлевич (дядя Алеша), агроном. Муж Елены Владимировны (урожд. Щепетильниковой), отец Дёмы и Наташи, дядя И.Кнорринг. Учился в Институте гражд. инженеров в СПб. В 1902 за участие в студ. беспорядках отчислен из института. Позднее окончил Моск. с/х институт. После участия (вместе с женой) в моск. вооруж. восстании 1905 года выслан с семьей в Казань. К 1910 переехал в Уфу. С 1915 в Киеве, раб. в Земгоре. Летом 1918 работал и жил в пустующем имении Пуще-Водице (под Киевом), куда приезжала погостить семья Н.Н.Кнорринга I – 11, 70, 558

Шмаринов Дементий Алексеевич (Дёма) (29 апреля 1907, Казань–1999, Москва), художник-илл., график. Сын

- Е.В. и А.Я. Шмариновых, кузен И.Кнорринг. Детские годы провел в Уфе, на реке Белой. С 1915 жил в Киеве. В 1919–1922 учился в киевской студии Н.А.Прахова, в 1923–1928 в Моск. школестудии К.П.Чемко. Пред. Моск. отд. Союза художников СССР, лауреат Ленинской премии. Автор книги «Автобиография: годы жизни и работы» (М., 1989) I – 11, 69–71, 73, 429, 459, 470, 472, 516, 558, 559, 592
- Шмаринова (урожд. Щепетильникова) Елена Владимировна (тетя Лёля) (24 июля 1884, Феодосия – 1 августа 1962, Москва), педагог. Дочь Е.К. и В.А.Щепетильниковых, тетка И.Кнорринг. Слушат. Высших женских курсов. Жена А.Я.Шмаринова. Дети: Дёма и Наташа I – 9, 11, 73, 174, 555, 558, 559, 564
- Шмаринова Н.А. см. Кнорринг Н.А.
- Шмелев Иван Сергеевич (1873, Москва–1950, Бюсси-эн-От, Франция), писатель, публ. В эмигр. с 1922 I – 24, 538, 539, 603; II – 436
- Шмельц Сергей Владимирович (1906, Симферополь–?), агроном. В 1919 поступил в Морской к.к. в Симферополе. Эвак. с ним в Бизерту (вып. 1924). В октябре 1924 приехал в Париж. Учился в Университете г. Нанси на естест. фак. I – 346–349, 364–366, 371, 373, 397, 401, 415, 424, 432, 433, 443, 448–452, 455, 458, 463, 494, 501, 544
- Шмельц, мать С.В.Шмельца I – 368
- Шмидеберг, харьк. знакомый Н.Н.Кнорринга I – 101
- Шмидт Гуннар Расмусович (Томми) (1901–1945), инж.-связист, сотр. Большого сев. телеграф. общества (Дания). В 1924–1935 раб. по контракту в Иркутске. В 1925 женился на Н.Б.Кнорринг. В 1935 переехал в Копенгаген (через год после отъезда жены). Брак распался в 1939. Погиб в годы ВМВ II – 218, 326, 327
- Шмидт Нина Борисовна см. Кнорринг Н.Б.
- Шовен (Chauvin), дир. парфюмер. фабрики «Убиган» (Париж) I – 501, 502
- Шок (Choque), влад. компании «Maison Choque», работодатель Ю.Софиева II – 299, 342, 394
- Шопен Фридерик (1810–1849), польск. комп. I – 31, 163, 556, 572
- Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), комп. II – 444
- Штейгер Анатолий Сергеевич (1907–1944, Швейцария), поэт, прозаик. В эмигр. с 1920 в Константинополе, затем в Чехии и во Франции, с 1939 в Швейцарии. Публ. в русской заруб. периодике. Автор четырех сб. В годы ВМВ составлял антифаш. листовки II – 441, 443
- Штильман (урожд. Мандельштам, во втором браке Гатинская) Татьяна Владимировна, литератор. Проживала в

- Москве. В 1920 эмигр. с родителями и братом, поэтом Ю.В.Мандельштамом. Член Союза молодых поэтов и писат. в Париже. Публ. стихи и прозу в сб. Союза, в журналах «Перекресток», «Новоселье», «Журнал Содружества»; в антологии «Якорь». Автор сб. стихов «Пламень» (Париж, 1975) I – 592; II – 221, 423–426, 443, 445
- Шувалова (урожд. княжна Бяратинская) Елизавета Владимировна (1855–1938, Париж), графиня, меценат. В эмигр. во Франции. Оsn. Рус.-фр. госпиталя в Вильжюиф II – 417
- Шульгин Дмитрий Васильевич (1905, Киев – после 1975), кораб. гард. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1925 окончил Морской к.к., служил фельдфебелем в IV роте. В 1925 выехал на юг Франции. В 1926 учился в парижской Alliance Française. Окончил Сен-Сирскую школу. Сын Екатерины Григорьевны Шульгиной и члена IV Гос. Думы Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) I – 475, 486, 487, 489, 490, 492
- Шумский (наст. фам. Соломонов) Константин Маркович (1877–1938, Париж), полк. Ген. штаба, воен. историк, писатель, журн. В эмигр. во Франции I – 582
- Шурёнка (Тунис) см. Маркова А.Н.
- Шурукина, одноклас. И.Кнорринг по харьк. гимназии I – 88
- Щепетильников Владимир Александрович (1852, Н.Новгород – 1887, Феодосия), коллеж. сов., родом из купеч. семьи Н.Новгорода. Преп. Феодосийской мужской гимназии. Первый муж Е.К.Розентрертер. Отец Надежды, Нины, Марии, Елены, Веры. Дед И.Кнорринг I – 9, 555
- Щепетильникова Вера Владимировна (1885, Феодосия–?), младшая дочь Е.К. и В.А.Щепетильниковых I – 9, 555
- Щепетильникова Евгения Карловна см. Розентрертер Е.К.
- Щепетильникова Елена Владимировна см. Шмаринова Е.В.
- Щепетильникова Мария Владимировна см. Кнорринг М.В.
- Щепетильникова Надежда Владимировна см. Кузнецова Н.В.
- Щепетильникова Нина Владимировна см. Кнорринг Н.В.
- Щуров Павел Алексеевич (архимандрит Иов) (1903, Таганрог – 1933, Чехословакия), кораб. гард., священ. В 1920 эвак. в Бизерту. В 1923 окончил Морской к.к. В 1925–1928 учился в Правосл. Богосл. институте в Париже. Затем поступил в Агрономич. институт в Гриньоне (Франция), желая освоить с/х труд, но из-за болезни (острое малокровие) бросил учебу. Принял священство, жил в монастыре Св. Иова Почаевского в Прикарпатской Руси (Чехия) I – 354, 355, 360, 367, 372, 380, 420, 465; II – 40
- Эйзенман Луи, проф. Сорбонны, славист, фр. общ. деят. II – 69–71, 75, 404, 418, 438

Эйсельманс, фр. адм. I – 582

Эйснер Алексей Владимирович (1905–1984, Москва), поэт, критик, мемуарист. В эмигр. с 1920 в Югославии, Чехии, Франции. Член пражской группы «Скит», кружка «Кочевье». Автор поэмы «Кочевье» (1928). Публ. в изданиях «Воля России», «Совр. записки». К 1933 член Союза возвр. на родину. Воевал в Испании в Интербригаде. В 1940 вернулся в СССР. Репрес., приговорен к 15 годам ссылки. Реабил. в 1956, жил в Казахстане, позднее в Москве II – 315, 316, 364, 433

Экк Александр Арнольдович (1876, Полоцк – 1953, Брюссель), проф., историк, писатель, общ. деят. В эмигр. с 1921. Рук. кафедрой истории России в Генте (Бельгия), с 1930 в Брюссельском университете. Оказывал содействие русским студентам. В годы ВМВ сражался в рядах фр. армии I – 477, 480, 481, 586

Элен см. Булон Элен

Элеонора, экономка Г.Н.Раковского (Симферополь) I – 190, 195

Ельяшевич (Ельяшевич) Василий Борисович (1875–1956, Париж), историк, правовед, благотв. Преп. гражд. право во Фр.-рус. институте в Париже II – 129, 131, 132, 135, 411

Энери (урожд. Горяинова, в первом браке Вороновская) Ирина (И.А.) (1897–1980, Париж), пианистка, педагог. В эмигр. во Франции I – 501

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), сов. журн., писатель, поэт, общ. деят.

II – 265, 266, 268–269, 418, 436

Эсмен Адемар (1848–1913), фр. правовед, социолог II – 65, 404

Эфрон Семен Абрамович (?–1933, Берлин), влад. издат. «Якорь» в СПб. В эмигр. с 1919 в Германии. В 1924 осн. «Издательство С.Ефрон» I – 574

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941, Москва), кап. Русской армии, литератор, ред. Уч. ВВ и ВСЮР. В январе 1912 женился на М.И.Цветаевой. Дети: Ариадна (1912–1975), Ирина (1917–1920), Георгий (1925–1944). В эмигр. с 1920 в Галлиполи (Турция). С 1921 в Праге, окончил филос. фак. Карлова университета. Соред. журналов «Версты» (вместе с Д.П.Святополк-Мирским и П.П.Сувчинским) и «Своими путями» (вместе с Н.А.Антиповым, А.А.Воеводиным и А.К.Рудиним). С 1931 член Союза возвр. на родину. В конце 1937 приехал в СССР (под фам. Андреев). Репрес. Расстрелян 16 октября 1941. Реабил. в 1956 I – 24, 34; II – 315, 431

Ю.Б. см. Софиев Ю.Б.

Ю.К. см. Терапиано Ю.К.

Юденич Николай Николаевич (1862–1933, Франция), ген. от инфантерии. Один из орг. Белого движ., рук. Северо-Зап. армии. В эмигр. с 1920 во Франции, жил в Сен-Лоран-

- Юдо-Вар (близ Ниццы) I – 119, 568
- Юлин Сергей Александрович (1894, Екатеринослав – 1949, Париж), певец. Уч. ВВ и ВСЮР. В эмигр. в Тунисе с 1920. В 1922 приехал в Париж. Учился во Фр.-рус. институте, в Сорбонне. Пел в Митрополичьем хоре. Раб. на заводе I – 552; II – 30
- Юлия Ивановна, преп. И. Кнорринг по классу рояля в Харькове I – 44, 108
- Юниус (псевд.) см. Кулишер А.М.
- Юра (Эрувиль), приятель Егора Подгорного II – 253
- Юра (Тунис) см. Шингарев Юрий
- Юрий Константинович см. Терапиано Ю.К.
- Яблоновский (наст. фам. Потресов) Сергей Викторович (1870, Харьков – 1953, Булонь, Франция), писатель, журн., критик, общ. деят. I – 604
- Ядвига Матвеевна см. Гутовская Я.М.
- Ядов (наст. фам. Давидов) Яков Петрович (1884, Киев – 1940, Москва), фельетонист, пародист, автор песен I – 167, 175; «Там хорошо, где нас нет» I – 175
- Яковлев, кораб. гард. В 1920 эмигр. в Бизерту в составе Морского к.к. (вып. 1924) I – 449
- Яковлева Александра (Сандра) Евгеньевна (1889, СПб. – 1979, Париж), опер. артистка, педагог I – 605
- Яковцев (Яковцов) Василий Леонидович (1868, Харьков – 1933, Париж), врач-гинеколог, общ. деят. В эмигр. во Франции. Пред. Общества русских врачей им. Мечникова. Соорг. (вместе с М.Н.Аитовой) Комитета помощи больным и нужд. русским студентам II – 409
- Якуб (Кубик), глава семьи в Симферополе I – 190
- Якуб Лиля-Ханум, жена Якуба I – 190
- Якушев Сергей Александрович (1880–?), кап. II ранга, педагог. Уч. ВСЮР и Русской армии. В 1920 эваку. с флотом в Бизерту. Служил в Морском к.к. (ком. роты) I – 374
- Якушевы, семья С.А.Якушева I – 273
- Яновский Василий Семенович (1906–1989, Н.-Й.), доктор мед., писатель, мемуарист, публ. В эмигр. с 1922 в Польше, с 1926 в Париже. Член Союза молодых поэтов и писателей, объединения «Круг», пред. Объединения писат. и поэтов. Сотр. журналов «Числа», «Русские записки», «Совр. записки», «Илл. Россия». В 1937 окончил мед. фак. Сорбонны. С 1942 в США. Автор повестей и книги воспом. «Поля Елисейские» II – 172, 245, 269, 372, 383, 426
- Яценко Кирилл Петрович, сын Н.Ф. и П.К. Яценко. В эмигр. во Франции. Член Союза возвр. на родину II – 250, 253, 254, 259, 260, 329

Яценко Нина Федоровна, жена
П.К.Яценко (брак распался)
II – 329, 331–333, 350

Яценко Петр Капитонович,
полк. Уч. ВВ и Добр. армии
(Кубанский поход). В эмигр.
во Франции. Член Союза
возвр. на родину II – 257, 350

André, madame см. Дюбуа Андре
Anile, madame см. Аниль
Beau, madame см. Бё
Besançon, monsieur см. Безансен
Boulain, monsieur см. Булен
Boulogne Hélène см. Булон Элен
Carret, monsieur см. Каррье
Chaptal, monsieur см. Шапталь
Chauvin, monsieur см. Шовен
Choque, monsieur см. Шок
Daloplure René, madame см.
Далоплю Рене
Darlot см. Дарло
Dessagnes P. см. Десан П.
Deverneuilly, madame см. Де-
верньи
Dubois André см. Дюбуа Андре
Duchesne Anna см. Дюшен А.А.
Duran Claude см. Дюран Клод
Durat, madame см. Дюра
François, mademoiselle см.
Франсей
Georgetta, mademoiselle см.
Жоржетта
Guillet, madame см. Гийе

Яцковский Казимир, кораб.
гард. В 1924 окончил Морс-
кой к.к. в Бизерте. Приехал
во Францию. Получил стип.
Эмиля Омана, учился в Сор-
бонне по спец. экономиста
I – 443

Hélène, madame см. Булон Элен
Jou, Justine, madame см. Сто-
лярова Жустин (Жу)
Juillaume Germaine см. Жульен
Жермэн
Labbe, monsieur см. Ляббе
Lacoure, madame см. Лакур
Lacourt Mergueritte см. Лакур
Маргарет
Lafon, monsieur см. Лафон
Lecoque, madame см. Лекок
Leskoff см. Лесков
Loridon, madame см. Лоридон,
мадам
Loridon, monsieur см. Лоридон,
месье
Marcelle, mademoiselle см. Мар-
сель
Prat, madame см. Пра
René, madame см. Далоплю
Рене
Renoir Jean см. Ренуар Жан
Roche-Mazon Jeanne см. Рош-
Мазон Жан
Varene см. Варен
Vegau, madame см. Вего

Библиография и условные обозначения источников

1. «Доброволицы»: Всероссийская мемуарная библиотека. Серия «Наше наследие». – М.: Русский путь, 2001.
2. «Звёзды в аду»: Письма В.А.Мамченко к Н.Н.Кноррингу и Ю.Б.Софиеву / Публ. Н.М.Черновой // Нива, Астана, 2008, №3, с. 152–186.
3. «Мы жили тогда на планете другой»: Антология поэзии русского зарубежья (1920–1990). В 4-х кн. / Сост. Е.В.Витковского; Биогр. справки и коммент. Г.И.Мосешвили. – М.: Моск. раб., 1995–1997.
4. «Ноябрь, 1920: Хроника основных событий в Крыму» / Подг. текста и публ. В.В. Лаврова // Крымский архив, Симферополь, 2001, №7, с. 6–12.
5. «Последние Новости» (1920–1930): Юбилейный сборник газеты. – Париж, 1930.
6. «Путь моей жизни»: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского). – М., 1994, с. 376.
7. «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. статья Л.Н.Белошевской; Сост., биографии Л.Н.Белошевской, В.П.Нечаева. – М.: Русский путь, 2006.
8. «Тебе»: Жизнеописание и творчество И.Ю.Софиева / Сост. Н.М.Чернова. – Алматы, 2005.
Обозначение: «Тебе»: Жизнеописание и творчество И.Ю.Софиева.
9. «Якорь»: Антология зарубежной поэзии / Сост.: Г.В.Адамович, М.Л.Кантор. – Петрополис, 1936.
10. «Якорь»: Антология русской зарубежной поэзии. Составители Г.В.Адамович, М.Л.Кантор // Под ред. Олега Коростелева, Луиджи Магаратто, Андрея Устинова. – СПб., Алетейя, 2005.
Обозначение: «Якорь», 2005.
11. Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Díl. I–II. 1919–1939 / Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. 1919–1939. В 2-х тт. / Под общей редакцией Л.Белошевской. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000–2001.

12. Абраменко Л.М. Последняя обитель: Крым, 1920–1921 годы. – Киев, 2005.

13. Абызов Юрий. А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2006.

14. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Кн. 1. «Звено» (1923–1926) / Вступ. ст., сост. и прим. О.А.Коростелева. – СПб.: Алетейя, 1998.

Обозначение: Адамович Г.В. Литературные беседы, кн. 1.

15. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Кн. 2. «Звено» (1926–1928) / Вступ. ст., сост. и прим. О.А.Коростелева. – СПб.: Алетейя, 1998.

Обозначение: Адамович Г.В. Литературные беседы, кн. 2.

16. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 «Последние новости» (1928–1931) / Вступ. ст., сост. и прим. О.А.Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2002.

Обозначение: Адамович Г.В. Литературные заметки, кн. 1.

17. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 2. «Последние Новости» (1932–1933) / Вступ. ст., сост. и прим. О.А.Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2007.

Обозначение: Адамович Г.В. Литературные заметки, кн. 2.

18. Архив Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (Дом Русского Зарубежья им. А.И.Солженицына, фонд 13, опись 2).

19. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В.Витковского; Коммент. В.П.Кочетова, Г.И.Мосешвили. – М.: Согласие, 1996.

20. Берг фон В. Последние гардемарины // Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–25 гг. / Сост. и предисл. С.Власова. – М.: 1998.

21. Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923: Указатель статей. Биографии авторов / Сост. В.В.Лобыцын. – М.: 2000.

22. Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. А.Н.Бакулев. – М.: БСЭ, 1959, т. 9.

23. Ванечкова Галина. Европа после первой мировой войны // Ванечкова Галина. Летопись бытия и быта: Марина Цветаева в Чехии (1922–1925). – Прага: 2006.

24. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004.

25. Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004.
26. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004.
27. Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. – М.: 2001.
28. Галиченко Анна, Абраменко Леонид. «Под сенью Ай-Петри». – Феодосия, Москва, Издат. дом «Коктебель», 2006.
29. Георгий Эфрон. Дневники. В 2-х тт. Т.1. 1940–1941 гг, Т.2. 1941–1943 гг. / Издание подготовили Е.Б.Коркина и В.К.Лоская. – М.: Вагриус, 2004.
30. Голенищев-Кутузов И.Н. «От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет» / Сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В.Голенищевой-Кутузовой; Пер. с сербско-хорватского И.М.Лемана, И.В.Голенищевой-Кутузовой. – М.: Русский путь, 2005.
31. Гринкевич Н. Алмаатинские находки // Гринкевич Н. Строки, имена, судьбы... – Алма-Ата: «Онер», 1988, с. 147–160.
32. Долгоруков П.Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом, Прага, 1923, №1, с. 63–82.
33. Евреинов А.Б. Между двумя эмиграциями. – Торонто, СПб.: Сударыня, 2005.
34. Инов Игорь. Литературно-театральная, концертная деятельность беженцев-россиян в Чехословакии (20-40-е годы 20-го века). В 2-х тт. – Прага, Народна книговна, 2003.
35. Йованович Мирослав. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский Путь, 2005.
Обозначение: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах.
36. Кирова Дина. Мой путь служения Театру / Вступ. ст., примеч., прилож. В.Кошкарян. – Париж, Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2006.
Обозначение: Кирова Дина. Мой путь служения Театру.
37. Кнорринг И. Стихи о себе. Париж: Тип. «Паскаль», 1931.
Обозначение: Кнорринг И. Стихи о себе.
38. Кнорринг И. Окна на север: Вторая книга стихов. Париж: Дом книги, 1939.
Обозначение: Кнорринг И. Окна на север.

39. Кнорринг И. После всего: Третья книга стихов (посмертная) / Предисл. Н.Кнорринга; Обложка работы Ю.Софиева. Париж: 1949.

Обозначение: Кнорринг И. После всего.

40. Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. / Пред. сост., подгот. текста к печати и примеч. А.Л.Жовтиса. – Алма-Ата: Вариант, 1993.

Обозначение: Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг.

41. Кнорринг И. Новые стихи / Предис. А.Л.Жовтиса. – Алма-Ата: «Жазушы», 1967.

Обозначение: Кнорринг И. Новые стихи.

42. Кнорринг И. «Очертания смутного Крыма...»: Стихи / Публ. В.Тюриной // Крымский альбом. 2003 / Изд. и ред. Д.Лосев. – М., Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2004, с. 122–129.

Обозначение: Кнорринг И. «Очертания смутного Крыма».

43. Кнорринг И.Н. О чём поют воды Салгира: Беженский дневник. Стихи о России / Сост., вступ. ст. И.М.Невзоровой. – М.: Кругъ, 2012.

44. Кнорринг Н.Б. Ближе к сердцу: мой русский дом [воспоминания] / Публ. И.М.Невзоровой // Простор, Алматы, 2010, №10, с. 139–157; №11, с. 154–181; №12, с. 142–162.

(<http://prostor.ucoz.ru/publ/57-1-0-1912>, <http://prostor.ucoz.ru/publ/57-1-0-1931>, <http://prostor.ucoz.ru/publ/57-1-0-1950>).

45. Кнорринг Н.Н. Сфаят: Очерки из жизни Морского корпуса в Африке // Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–25 гг. / Сост. и предисл. С.Власова. – М.: 1998.

Обозначение: Кнорринг Н.Н. Сфаят.

46. Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери: Воспоминания. – Алматы: 2003.

Обозначение: Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери.

47. Ковалевский П.Е. Дневники: 1918–1922. Т. 1. – СПб.: Европейский дом, 2001.

48. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж: 1971.

49. Крезе Л., Милославский П. Русские студенты в Тунисской области // Последние Новости, №731, 6 сентября 1922, с. 2.

50. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни: Всероссийская мемуарная библиотека. Серия «Наше наследие». – М.: Русский путь, 1999.
51. Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1–2 / Сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А.Коростелев, Н.Г.Мельников. – М.: ООО «Изд-во Олимп», ООО «Изд-во АСТ», 2002.
52. Кудрова И.В. Путь комет. 2-е изд., исправ. и дополн. В 3-х т. – СПб.: Изд-во «Крига», Изд-во Сергея Ходова, 2007.
Обозначение: Кудрова И.В. Путь комет.
53. Куфтина-Лаштовичкова Н. «Пельмени и брамборак»: Эмигрантские судьбы. – Русское слово, Прага, 2007, №№2–6.
54. Лейкинд О. Л., Махров К.В., Северюхин Д. Я. Художники русской эмиграции. 1917–1941: Биографический словарь. – СПб.: Изд-во «Нотабене», 1999.
55. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). <Т.1.> Писатели русского зарубежья. / Гл. ред. А.Н.Николукин; Редкол.: Н. А. Богомолов и др. – М.: РОССПЭН, 1997.
56. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). <Т.2.> Периодика и литературные центры / Гл. ред. А.Н.Николукин; Редкол.: Н. А. Богомолов и др. – М.: ИНИОН, 1997, М.: РОССПЭН, 2000.
57. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета / Публ. В.В.Лаврова // Крымский архив, Симферополь, 2000, №6, с. 7.
58. Мартиролог военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Ред. В.В.Лобыцын. – М., Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2001.
59. Менчинская Н.Ю. Крымские «аргонавты» XX века: Воспоминания, документальные свидетельства, портреты героев. – М.: Критерион, Дом-музей Марины Цветаевой, 2003.
Обозначение: Менчинская Н.Ю.
60. Милютин Тамира. Люди моей жизни. – Тарту: 1997.
61. Миляновский (Торопыно) Владислав. «Быть на земле поэтом – горький дар»: Биографическая повесть. – Керчь: 2001.
62. Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В.Келдыш. – М.: Сов. энциклопедия, 1991.
63. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: 1870–1906. Беседы с памятью. – М.: Вагриус, 2007.

64. Невзорова И.М. «Хочу послужить России...»: По материалам архива Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей // «В рассеянии суще...»: Первые культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15–16 февраля 2005 г.) Сб. докл. / Отв. ред. Белякова И.Ю. – М.: Дом-музей М.Цветаевой, 2006, с. 83–102.
65. Невзорова И.М. Таврида в изгнании: студенты и преподаватели Таврического университета после эвакуации из Крыма // «Серебряный век в Крыму»: взгляд из XXI столетия. – Москва. – Симферополь. – Судак: 2006, с. 30–54.
66. Невзорова И.М. «Поэт и поэтесса»: М.Цветаева и И.Кнорринг // XVII и XVIII Цветаевские чтения в Болшеве. Сб. докл. – Королёв: Музей Цветаевой в Болшеве, 2007, с. 151–163.
(<http://www.geokorolev.ru/download/museum-cvetaeva-chtenia-2-6-nevzorova.pdf>).
67. Невзорова И.М. Периодическая печать как источник информации при составлении хроники жизни русской эмиграции // Журналистика национальных меньшинств в Европе: вчера, сегодня, завтра. – Таллин: 2007, с. 164–190.
68. Невзорова И.М. Роза Иерихона: поэт и символ (М.Цветаева, И.Бунин, И.Кнорринг) // Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века. – Елабуга: 2008, с. 161–167.
69. Невзорова И.М. «Погиб мой идеал...»: Адмирал А.В.Колчак в дневниковых записях Ирины Кнорринг // Звезда Прииртышья. – Павлодар, 2009, 10 февраля, №16 (17815), с. 5.
70. Невзорова И.М. Африка в судьбе Ирины Кнорринг // Азия и Африка сегодня. – М.: 2009, №12, с. 67–71.
(<http://www.asiaafrica.ru/index/12-09/Nevzorova.pdf>)
71. Невзорова И.М. Дневник Ирины Кнорринг // Русская эмиграция во Франции: проект «Русская эмиграция на культурных перекрестках XX века» (приложение к «Новому журналу», 2008, №253; на рус., англ. и фр. языках). – Н.И.: 2009, с. 28–32, 79–83, 123–128.
72. Невзорова И.М. Переписка Н.П.Смирнова и Ю.Б.Софиева // Писатель Н.П.Смирнов: время и место (Материалы Третьих Всероссийских Смирновских чтений). – Плётс: ИД «Референт», 2009, с. 90–97.
73. Невзорова И.М. Творческий путь Ирины Кнорринг: опыт становления русского поэта в изгнании // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11, №4 (30), 2009, с. 242–247. (Тематический выпуск. «Филология и искусствоведение». I (3) 2009)

(http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia//2009/2009_4_242_247.pdf)

74. Невзорова И.М. Ирина Кнорринг: сны о России // Ковчег: литер.-худ. журнал. Вып. XXVI. – Ростов-на-Дону: 2010, №1, с. 186–195. (http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_36_343.html)

75. Невзорова И.М. Елшанка: мост из прошлого в будущее // Сергиевская трибуна, 2010, 9 июня, с. 3.

76. Невзорова И.М. «Не будем проклинать изгнание...» [рец. на книгу: Марина Панова. Русские в Тунисе: Судьба эмигрантов «первой волны» – М.: РГГУ, 2008] // Азия и Африка сегодня. 2010, №7, с. 78–79.

77. Невзорова И.М. Творческое наследие Кноррингов, Софиевых и М.К.Петрова // Бесконечная равнина: Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры. Сб. трудов. / Науч. ред. В.П.Океанский. – Иваново, Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2010, с. 118–146.

78. Невзорова И.М. Материал к творческим биографиям П.Н.Милюкова, К.Д.Бальмонта, Н.Н.Кнорринга // Toronto Slavic Quarterly, 2011, №35, с. 89–111. (http://www.utoronto.ca/tsq/35/tsq35_nevzorova.pdf).

79. Невзорова И.М. Автографы К.Д.Бальмонта в архивах П.Н.Милюкова и Н.Н.Кнорринга // Солнечная пряжа: Научно-популяр. и лит.-худ. альманах Вып. 5. – Иваново, Шуя: Изд-во О.В.Епишевой, 2011, с. 163–170.

80. Невзорова И.М. 1920-й год в Крыму: По материалам ОСВАГа и дневнику И.Кнорринг // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. – М., Симферополь: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011, с. 157–164.

81. Невзорова И.М. Н.Н.Кнорринг [справка] // Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / Гл. ред. Ю.В.Мухачев, ред.-сост. М.Ю.Сорокина. Под общ. ред. Г.А.Месяца и Е.П. Челышева. М.: Парад, 2011, с. 336–337 (Серия: «Энциклопедия российской эмиграции»).

82. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. В 6-ти тт. / РГБ. Сост. В.Н. Чуваков. Под ред. Е.В.Макаревич. – М.: Изд-во «Пашков дом», 1999–2006.

83. Панова Марина. Русские в Тунисе: Судьба эмигрантов «первой волны». – М.: РГГУ, 2008.

84. Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 – М.: Русский путь, 2005.
Обозначение: Пилкин В.К.
85. Письма Н.И.Столяровой к Анне Ахматовой // Вопросы литературы, 2002, № 2, с. 285–290.
86. Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. – М.: Русский путь, 2006.
87. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь. В 3-х т. / Под общ. ред. Л.Мнухина, М.Авриль, В.Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
88. Русская Общественная Библиотека им. И.С.Тургенева: Сотрудники. – Друзья. – Почитатели. Сб. статей / Сост. Т.Осоргина и Т.Гладкова. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1987.
89. Русский Париж / Коллектив авторов. Сост., предисл., коммент. Т.П.Буслаковой – М.: Изд-во МГУ, 1998.
90. Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1975: Франция. В 8 тт. / Под общ. ред. Л.А.Мнухина в сотрудничестве с Т.Л.Гладковой, Т.И.Дубровиной, В.К.Лосской, И.М.Невзоровой, А.И.Серковым, Н.А.Струве. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь. 1994–2002.
91. Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. – СПб., 1999.
92. Словарь поэтов русского зарубежья / Под общей ред. В.Крейда. – СПб.: Из-во Рус. Христ. Гуман. Инс-та, 1999.
93. Софиев Ю. Разрозненные страницы: Воспоминания бывшего эмигранта // Простор, Алма-Ата, 1994, №7, с. 36–126.
Обозначение: Софиев Ю. Разрозненные страницы.
94. Софиев Юрий. Годы и камни. – Париж: Изд. Объединения поэтов и писателей, 1936.
Обозначение: Софиев Ю. Годы и камни.
95. Софиев Ю. Парус: Стихи / Сост. И.Софиев, Н.Чернова. – Алматы: 2003.
Обозначение: Софиев Ю. Парус.
96. Стихи Ирины Кнорринг // Простор, Алма-Ата, 1962, № 6, с. 43–45.
97. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. – Париж: Имка-Пресс, М.: Русский путь, 1996.

98. Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М.Г.Вандалковской, Н.А.Струве; Подгот. текста, коммент., указатели А.Н.Шаханова. – Париж: Имка-Пресс, М.: Русский путь, 2004.
99. Т.Г.Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г.Масарика. По материалам международной научной конференции / Отв. ред. М.Г.Вандалковская. – М.: Русский путь, 2005.
100. Тарасенков А.К., Турчинский Л.М. Русские поэты XX века. 1900–1955: Электронное издание справочника А.К.Тарасенкова (1966), испр. и доп. Л.М.Турчинским.
(http://www.ruthenia.ru/sovlit/p_aut001.html)
101. Терапиано Ю.К. «Мой путь в Йерусалим»: Стихи. Очерки о поэтах / Сост., вступ. ст. И.М.Невзоровой. – М., Симферополь: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. (Серия «Лики Киммерии»).
102. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974 / Сост. Ренэ Герра и А.Глезер. Послесл. Ренэ Герра. – Париж; Н.-Й.: Альбатрос; Третья волна, 1987.
Обозначение: Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека.
103. Терапиано Юрий. Встречи: 1926–1971 / Сост., автор вступ. статьи и комм. Т.Г.Юрченко – М.: Intrada, 2002.
Обозначение: Терапиано Ю. Встречи.
104. Тюрина В. «Чрез врата изгнания»: Крым в судьбе и творчестве Ирины Кнорринг // Крымский альбом. 2003 / Изд. и ред. Д.Лосев. – М., Феодосия: Издат. дом «Коктебель», 2004, с. 108 – 121.
Обозначение: Тюрина В.Г. «Чрез врата изгнания».
105. Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / Сост., предисл. и коммент. Т.А.Угримовой. – М.: Изд-во «РА», 2004.
Обозначение: Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту.
106. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 2-х тт. / Под ред. Милицы Грин. – М.: Посев, 2005, т. 2.
107. Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. – Симферополь: 2003.

108. Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Ответ. ред. Т.Ф.Павлова. – М.: РОССПЭН, 1999.

109. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста, коммент. А.Саакянц и Л.Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
Обозначение: Цветаева М. Собр. соч.

110. Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном»: Фантазии о любви Ирины Кнорринг и Юрия Софиева // Чернова Н.М. Небесный дом. – Алматы, 2006, с. 393–354.
Обозначение: Чернова Н.М. «Поговорим о несказанном».

111. Чернова Н.М. Птица, залетевшая к ангелам: Документальный роман. – Алматы, 2011.

112. Шенталинский В. Донос на Сократа. – М.: «Формика-С», 2001.

113. Ширинская А.А. Бизерта: Последняя стоянка. – М: Военное издательство, 1999.

114. Шмаринов Д.А. Автобиография: годы жизни и работы. – М.: 1989.

Список сокращений и условных обозначений

«Алексеев» (в тексте Дневника) – броненосец «Генерал Алексеев»

«Новости» (в тексте Дневника) – «Последние Новости» (газета)

адм. – адмирал

админ. – административный (-ая)

акад. – академия, академик, академический (-ая)

аккомп. – аккомпаниатор, аккомпанировать

амер. – американский (-ая)

англ. – английский (-ая)

арм. – армейский

б. – бывший (-ая)

балт. – балтийский (-ая)

беж. – беженец, беженствовать, беженский (-ая)

библ. – библиотека, библиотекарь

биол. – биология, биологический

благотв. – благотворитель (-ница), благотворительный (-ая)

богосл. – богословский (-ая)

Боле – кафе La Volée

БФРЗ – Библиотека-фонд

«Русское Зарубежье» (ныне – Дом Русского Зарубежья им. А.И.Солженицына)

ВВ – Великая Война (Первая мировая война)

ВВД – Всевеликое Войско Донское

вел. кн. – великий князь (великая княгиня)

влад. – владелец

ВМВ – Вторая мировая война

ВОВ – Великая Отечественная Война

воен. – военный (-ая)

возвр. – возвращение

воспом. – воспоминания

воспит. – воспитатель

вост. – восточный (-ая, -ые)

врем. – временный (-ая)

ВСГ – Всероссийский Союз Городов

ВСЮР – Вооруженные Силы Юга России

вып. – выпуск, выпускник, выпускающий

гард. – гардемарин

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации

ген. – генерал

ген. – генеральный (-ая)

ген.-м. – генерал-майор

Георг. – Георгиевский (-ое)

главноком. – главнокомандующий

гос. – государственный (-ая)

гражд. – гражданство, гражданский (-ая, -ое)

греч. – греческий

гуман. – гуманитарный (-ая)

дам. – дамский (комитет)

движ. – движение

дейст. – действительный

деп. – департамент

депорт. – депортировать

деят. – деятель (-ница)

дип. – дипломированный

дир. – директор

дириж. – дирижировать

Добр. армия – Добровольческая армия

драм. – драматург, драматический (-ая)

дух. – духовный (-ая)

евр. – еврейский (-ая)

естест. – естественный (-ая)

журн. – журналист

зав. – заведующий (-ая)

загран. — заграничный (-ая)
 зам. — заместитель
 зап. — западный (-ая)
 зарубеж. — зарубежный (-ая)
 Земгор — Земско-городской комитет помощи рос. гражданам за границей
 издат. — издательство
 имп. — императорский (-ая)
 ин. — иностранный (-ая)
 инж. — инженер, инженерный (-ая)
 илл. — иллюстратор, иллюстрированная
 истор. — исторический (-ая)
 кадет. — кадетский (-ая)
 канд. — кандидат
 канонер. — канонерская (лодка)
 КИКЗ — Керченский историко-культурный заповедник
 к.к. — кадетский корпус
 кап. — капитан
 классич. — классическое (-ая)
 коллеж. сов. — коллежский советник
 ком. — командир, командовать
 коммерч. — коммерческий (-ая)
 комп. — композитор
 корр. — корреспондент
 кораб. гард. — корабельный гардемарин
 кукол. — кукольная (мастерская)
 культ. — культура
 лейт. — лейтенант
 линкор — линейный корабль
 лит. — литературный (-ая)
 люб. — любитель (-ница)
 матем. — математика
 мед. — медицина, медицинский
 металлург. — металлургический (-ая)
 метод. — методический (-ая)
 мех. — механик, механический (-ая)
 МИД — Министерство иностранных дел

митрофор. — митрофорный
 монарх. — монархический (-ая)
 морган. — морганатический (брак)
 моск. — московский (-ая)
 муз. — музыкальный (-ая)
 мысл. — мыслитель
 н. ст. — новый стиль
 народ. — народный (-ая)
 наст. — настоятель
 наст. фам. (ф.и.о.) — настоящая фамилия (ф.и.о.)
 науч. — научный (-ая)
 нац. — национальный (-ая)
 нач. — начальник
 нем. — немецкий (-ая)
 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности (1943–1954)
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НОРС — Национальная Организация Русских Скаутов
 нужд. — нуждающийся
 общ. — общественный (-ая)
 объедин. — объединенный (-ая)
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
 одноклас. — одноклассник
 опер. — оперный (-ая)
 орг. — организатор, организовывать
 ОРСИУСК — Общество русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры
 ОРЭСО — Объединение русских эмигрантских студенческих организаций
 ОСВАГ — Осведомительно-агитационное отделение департамента иностранных дел Особого совещания Добровольческой армии
 осн. — основал, основатель
 охот. — охотник

пед. — педагогический (-ая)
пер. — переводчик
период. — периодический (-ая)
«ПН» — «Последние Новости»
(газета)
подпор. — подпоручик
покр. — покровитель (-ница)
полит. — политический (-ая)
политех. — политехнический
полковник
пом. — помощник
пор. — поручик
почет. — почетный (-ая)
поэтич. — поэтический (-ая)
прав. — правильно
правл. — правление
правосл. — православный (-ая)
пред. — председатель (-ствующий)
предприн. — предприниматель
представ. — представитель
преп. — преподавать, препода-
ватель
прис. пов. — присяжный пове-
ренный
прозв. — прозвище
промышл. — промышленный (-ая)
просв. — просветитель
прот. — протоиерей
проф. — профессор
псевд. — псевдоним
публ. — публицист, публика-
тор, публиковаться
раб. — работать, работник, ра-
бочий (-ая)
РВТИ — Русский высший тех-
нический институт
РГАЛИ — Российский Государ-
ственный Архив Литературы и
Искусства
РГБ — Российская Государ-
ственная Библиотека
РДО — Республиканско-Демок-
ратическое Объединение
реабил. — реабилитирован
реал. — реальное
ревнит. — ревнитель

ред. — редактор, редактировать
религ. — религиозный (-ая)
репрес. — репрессирован (-а)
РЗ — Русское Зарубежье
РККА — Рабоче-крестьянская
красная армия
РКП(б) — Российская Комму-
нистическая партия (больше-
виков)
РМОЗ — Российское музыкаль-
ное общество за границей
РОВС — Русский Общевоинс-
кий Союз
РОКК — Российское общество
Красного Креста
рос. — российский (-ая)
РПЦ — Русская Православная
Церковь
РСХД — Русское Студенческое
Христианское Движение
рук. — руководитель
Рус.-яп. война — Русско-япон-
ская война
санитар. — санитарный
сб. — сборник
св. — святой (-ая)
своб. — свободный (-ая)
свящ. — священник
сев. — северная
севастоп. — севастопольский (-ая)
сек. — секретарь
симфероп. — симферопольский
(-ая)
смеш. — смешанный
СНК — Совет народных комис-
саров
сов. — советский (-ая)
совр. — современный (-ая)
сored. — соредактор
соучред. — соучредитель
сост. — составитель
сотр. — сотрудник (-ница)
соц. — социалистический (-ая)
СПб. — Санкт-Петербург
спец. — специальность, специ-
алист

СРВИ – Союз русских военных инвалидов (во Франции)
ССП – Союз Советских Патриотов
ст. – станица
ст. ст. – старый стиль
стар. – старший (-ая)
старч. – старческий
стат. сов. – статский советник
стип. – стипендия
стр. – станица
строит. – строительный
студ. – студенческий (-ая)
судеб. – судебный
тавр. – таврический (-ая)
театр. – театральный (-ая)
тех. – техническая (-ий)
технол. – технологический (-ая)
тит. сов. – титулярный советник
Трехсвят. – Трехсвятительское
укр. – украинский (-ая)
уч. – участник (-ца)
учеб. – учебник, учебный (-ая)
учред. – учредитель, учредительное
фак. – факультет
фаш. – фашистский (-ая)
физ.-мат. – физико-математический
фил. – филологический

филос. – философский (-ая)
ФКП – Французская коммунистическая партия
фр. – французский (-ая)
Фр.-рус. институт – Франко-русский институт социальных и политических наук
харьк. – харьковский (-ая)
хим. – химический
хоз. – хозяйство, хозяйственный
хорм. – хормейстер
хран. – хранитель (-ца)
худ. – художественный (-ая)
церк. – церковный (-ая)
ЦК – Центральный Комитет
черномор. – черноморский (-ая)
эвак. – эвакуация, эвакуироваться
эконом. – экономический (-ая)
эмигр. – эмиграция, эмигрантский (-ая)
югосл. – югославский (-ая)
юр. – юридический
ARC (American Red Cross) (англ.) – Американский Красный Крест
DCA (défense contre avions) (фр.) – Противовоздушная оборона

Содержание

Невзорова И.М. Предисловие ко второму тому 7

Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни: **Дневник**

ТЕТРАДЬ IX

16 сентября 1926 – 7 апреля 1927..... 9

ТЕТРАДЬ X

8 апреля 1927 – 12 сентября 1928 73

ТЕТРАДЬ XI

17 сентября 1928 – 3 декабря 1932 163

ТЕТРАДЬ XII

19 марта 1933 – 5 мая 1937 247

ТЕТРАДЬ XIII

7 мая 1937 – 24 сентября 1940 350

Комментарии 396

Аннотированный указатель имен 448

Библиография и условные обозначения

источников 569

Список сокращений и условных обозначений 579

Серия «Символы времени»

Кнорринг Ирина Николаевна

ПОВЕСТЬ ИЗ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дневник. Том 2

На обложке: картина Константина Коровина
«Париж. Кафе де ля Пэ»

На титуле: рисунок Алексея Невзорова

Редактор И. Парина
Компьютерная верстка Л. Митич

Подписано в печать 13.02.2013. Формат 84х108/32
Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС»
Печ.л. 18,5. Тираж 500 экз. Заказ № 908.

9 785778 404342

Издательство «Аграф»
e-mail: post@agrafbooks.ru
т./ф. (495) 926-25-48
т. (495) 926-25-46
т. (495) 926-25-47

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Всеволод Задерацкий Золотое жите

Всеволод Задерацкий (1891–1953) – выдающийся российский музыкант, проживший трудную, полную испытаний жизнь. Все пережил он – и взлеты судьбы (в молодости был музыкальным наставником цесаревича Алексея), и глубокие падения (многолетнее заключение в ГУЛАГе и ссылку), но не утратил творческий порыв и веру в свет. Музыкальное творчество Задерацкого уже нашло свой путь к сердцам слушателей.

В этой книге Задерацкий предстает как блестящий писатель, чей изящный и икрящийся слог следует достижениям Серебряного века. Собственно говоря, он и есть один из последних певцов той, навсегда ушедшей России. Его герои не только живые люди, из плоти и крови, но и духовно ощутимые сгустки философской мысли.

Проза Задерацкого – новое открытие блестящего имени в русской литературе.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Валерия Троицкая Телеграмма Берия

Валерия Троицкая (1917–2010) – выдающийся российский геофизик, ученый с мировым именем, человек редкого обаяния и нестигаемой воли. В книгу включены ее дневники и письма, а также мемуарные новеллы и повести. Повесть «Телеграмма Берия» – правдивый рассказ о реальных событиях в жизни студентки Ленинградского университета: она ценой невероятных усилий смогла вырвать из заключения своего безвинно арестованного отца. Не менее впечатляющи рассказы Троицкой о разных этапах ее блестящей научной карьеры. В книгу вошли также воспоминания друзей и коллег Троицкой из разных стран мира.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Светлана Оболенская Дети Большого Террора

Автор книги – Светлана Валериановна Оболенская – историк по образованию, дочь видного партийного и государственного деятеля Валериана Валериановича Оболенского (Осинского), репрессированного в 1937 году и расстрелянного в 1938-ом.

В книге два раздела – Воспоминания. Рассказы и эссе, – но все тексты по сути тесно связаны между собой. Это горестная история сначала девочки, потом девушки и наконец зрелой женщины, оставшейся в детстве без родителей (мать Светланы Оболенской тоже арестовали, но она осталась жива и через много лет вышла на волю). В детстве у Светланы Оболенской комфортная и сверхблагополучная жизнь в Кремле, а после ареста родителей детский дом, скитания, невозможность поступить в аспирантуру, работа в глуши, отчуждение от матери, без которой она выросла. В общем, это одна из множества подобных историй, знаменовавших Сталинскую эпоху. Но написана она литературно одаренным человеком и читается на одном дыхании, с сердечным трепетом.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Лев Ельницкий Три круга воспоминаний Лагерный дневник

Лев Андреевич Ельницкий (1907 – 1979) – историк античности; в 1930-е годы он работал в Историческом музее. В 1941 году Ельницкий вместе с другими сотрудниками музея ушел на фронт в составе московского народного ополчения и вскоре попал в плен. После возвращения он был арестован и пробыл в лагере шесть лет.

Его воспоминания много лет пролежали в домашнем архиве и только сейчас выходят в свет. Они состоят из трех томов. В первом рассказывается о войне и пребывании в немецком плену. Второй том посвящен аресту и заключению в советском лагере. И третий расскажет о судьбе Ельницкого в науке.

Эта книга написана предельно искренно и проникновенно, она не оставит равнодушным ни одного читателя.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Илья Басс

Жизнь и время Гертруды Стайн

Это первая биография «великой и ужасной» Гертруды Стайн (1874–1946) на русском языке. Знаменитая американская писательница, прожившая большую часть жизни во Франции, стояла у истоков модернизма в литературе и явилась крестной матерью многих художников и писателей первой половины XX века. Ее собственные книги с трудом находили путь к читательским сердцам, но постепенно стали неотъемлемой частью мировой литературы.

Книга Ильи Басса основана на тщательно изученных документах и свидетельствах современников.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

**Бернгард Рубен
Казакевич**

Эммануил Казакевич (1913–1962) вошел в историю русской литературы как автор правдивых свидетельств о Великой Отечественной войне – повестей «Звезда», «Двое в степи», романа «Весна на Одере». Ему было дано познать славу и признание, он дважды удостоивался Сталинской премии. Как выглядят его жизнь и творчество сегодня, когда система координат изменилась? Видный российский литератор Б. Рубен нашел точную, объективную, непредвзятую интонацию и сумел раскрыть трагический конфликт между талантом Казакевича и системой советских ценностей. Перед нами биография Казакевича, написанная с сердечным сочувствием и документалистской проникательностью, биография, способная увлечь сегодняшнего, критически мыслящего читателя.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Александр Колмогоров

Мне доставшееся.

Семейные хроники Надежды Лухмановой

В книге правнука ныне забытой русской писательницы Н.А. Лухмановой (1841–1907) и праправнука главного сибирского кожевенника Ф.С. Колмогорова (1824–1893) представлена увлекательная история семейных хроник, уходящих корнями в XI–XVI века.

Рассказы о бурной, почти авантюрной жизни «неистой Надежды», приведшей ее на русско-японскую войну, о судьбах ее незаконнорожденных детей, а затем и внуков, среди которых немало людей известных и чрезвычайно интересных, их дневники, письма, стихи, воспоминания – все это читается на одном дыхании. На страницах книги читатель найдет и малоизвестные факты биографии музы Н. Гумилева – Татьяны Адамович, а также ее брата – поэта Георгия Адамовича.

Впервые представлены не публиковавшиеся ранее материалы из центральных и региональных архивов, музеев, семейного архива автора и других источников.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Паскуале Ферро

Неаполитанская мафия. Рассказ щенка

Автор книги – популярный актер театра и кино, сценарист, писатель. Участвовал в знаменитом фильме «Красная луна» (2001 г.). Литературную известность ему принесла книга «Запахи моих воспоминаний», выходявшая и в русском переводе.

В повести «Неаполитанская мафия. Рассказ щенка» Паскуале Ферро в оригинальной и забавной форме – рассказ ведется от лица щенка, попавшего в семью «босса» мафии, – живописует повседневную жизнь неаполитанской мафии (каморры) со всеми ее ужасами, кровавыми разборками, местью, предательством и... любовью.

